

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

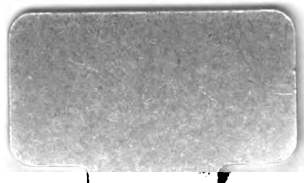
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

p 51a v 23 5.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

4340-13
ЯНВАРЬ.

1884.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. РУФИНА КАЗДОЕВА. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть первая. (Гл. I—VII). . . Е. Ардова.
2. КАВКАЗСКІЕ ГОРЦЫ. (Изъ лѣтнихъ экскурсій) . . . . . Я. В. Абрамова.
3. БЕЗСОНЫЯ НОЧИ. Стихотвореніе . . . Омуревскаго.
4. ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА. Романъ Эмиля Золя. Переводъ. . . . . А. Москвина.
5. ТРИ МѢСЯЦА ВЪ БРЕТАНИ. . . . . Н. С. Русанова.
6. БАВІЙ БУНТЪ. Драматическія картины въ пяти дѣйствіяхъ . . . . . А. И. Эргеля.
7. ПОЭТУ. Стихотвореніе . . . . . Л. Пальмина.
8. ВОЖДЬ. Разказъ. . . . . Генриха Сенкевича.
9. ПРОРОЧЕСТВО. Стихотвореніе. . . . . П. Ф. Якубовича.

(См. на оборотѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. И. С. ТУРГЕНЕВЪ. (Литературная характеристика). . . . . К. М. Григорьева.

11. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ . . . . . Л. М.

Борьба съ нищетою въ англійской публицистикѣ: „Горькій крикъ отверженнаго Лондона“ (The Bitter Cry of out cast London, by reverend Andrew Mearns) и е-о отголоски въ консервативныхъ и радикальныхъ журналахъ.—Радикальная программа и министръ Чемберленъ о жилищныхъ ремесленниковъ и крестьянъ (Fortnightly Review, ноябрь и декабрь).—Французскія картинки англійскихъ нравовъ: «John Bull et son île» О'Релля; «Les Va-nu-pieds de Londres» (лондонская голытьба), Эктора Франса.

12. НОВЫЯ КНИГИ:

М. Алббовъ. Повѣсти. Спб. 1884.—Сочиненія И. Лажечникова. Томъ первый. Посмертное полное изданіе. Спб. 1884.—О подготовкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей. Четыре публичныя лекціи Н. Дебольскаго. С.-Петербургъ 1883.—С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи. 1388—1569 г. Спб. 1883.—Демидовъ Сантъ-Донатъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883.—С. А. Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ. Москва. 1884.—Исторія XIX вѣка. До 18 Брюмера. Мишле. Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. К. Цебриковой. Спб. 1883.

13. ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ . . . . . Н. Ш.

Отчего у насъ такіе печальные „итоги“. Что такое образованіе и для чего оно нужно? Когда мы были образованье—теперь или 25 лѣтъ назадъ? Отчего могло случиться, что „шестидесятники“, двадцать пять лѣтъ стоящіе у дѣла и двадцать-пять лѣтъ воспитывавшіеся для новыхъ условій, оказались ниже осъ ободительныхъ идей шестидесятыхъ годовъ? Чѣмъ наше полубразованіе отразилось на практикѣ? Что нужно и въ чемъ искать поправку.

14. ТУМАННЫЯ СТОРОНЫ АНГЛІЙСКОЙ ПОЛИТИКИ. (Политическая и социальная хроника). . . . . Жикѣ.

15. ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ОБЫКНОВЕННАГО ЧИТАТЕЛЯ» . . . . . Николая Грота.

16. ОТВѢТЪ Г. ГРОТУ. . . . . Обыкновен. Читателя.

17. О СЛУЧАЙНОСТИ ВЪ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ . . . . . Н. Карѣева.

18. ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Письмо первое . . . . . Заѣзжаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала «Дѣло».—Объ изданіяхъ редакціи «Дѣла». Объ изданіяхъ Вл. Михневича.—О книгѣ Эргеля.—Объ изданіи въ 1884 году журналовъ: 1) Кронштадтскій Вѣстникъ; 2) Медицинскій Вѣстникъ; 3) Дѣтское Чтеніе.—Объ изданіяхъ И. И. Билибина.—Объ изданіяхъ романовъ К. М. Станюковича.

Новымъ подписчикамъ журнала „Дѣло“ прилагаются первыя главы романа Э. Золя „Чѣмъ жизнь красна“.

Объ изданіи въ 1884 году журнала

„ДѢЛО“

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1884 году, какъ и въ прошедшіе семнадцать лѣтъ, «Дѣло» будетъ издаваться по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Беллетристика, оригинальная и переводная; 2) Статьи соціально-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и библиографія; 4) Обзорѣніе русской и иностранной журналистики; 5) Внутреннее обзорѣніе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Картинки общественной жизни).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ (Одессевецъ), М. Н. Альбовъ, Н. Ф. Анненскій, К. С. Баранцевичъ, А. П. Барыкова, Н. Ф. Бажинъ, П. И. Вейнбергъ, Ж. Гальфранкъ, С. Н. Горскій, В. А. Гольцевъ, И. Н. Денисовъ, Ж. Жика, Б. П. Ленскій, В. В. Лесевичъ, Л. И. Мечниковъ, Д. Д. Минаевъ, П. Минскій, Д. Л. Михаловскій, А. Л. Москвинъ, С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, В. П. Острогорскій, Откровенный Писатель, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, С. А. Приклонскій, М. А. Протопоповъ, И. Н. Потапенко, Н. С. Русановъ, Д. И. Сибирякъ, К. М. Станюковичъ, И. Н. Харламовъ, Н. В. Шелгуновъ, И. В. Шпажинскій, М. К. Цебрикова, А. И. Эртель, П. Ф. Якубовичъ и др.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, К. М. Станюковичъ и Н. В. Шелгуновъ.

Съ 1 Января 1884 года право изданія журн. „Дѣло“ перешло къ нижеподписавшемуся.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки.	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	16 » — »	9 »
» пересылкою иногороднымъ	17 » — »	10 »
» пересылкою за-границу.	19 » — »	11 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала „Дѣло“, Надеждинская, д. № 39; въ Москвѣ, при нижномъ магазинѣ, Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Боха.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Спб., Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Для лицъ, подписывающихся въ Главной Конторѣ, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносятся 7 руб., къ 1-му Апрѣля 5 р. и къ 1-му Юня 5 руб.

Подписывающимся на полгода разсрочка не допускается.

Гг. учителямъ, учительницамъ и учащимся разсрочка допускается на особыхъ основаніяхъ, по соглашенію съ редакціей.

Издатель **К. М. Станюковичъ.**
Редакторъ **В. П. Острогорскій.**

ДЪЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левидева, Невскій просп., д. № 8.

1884.

Δ
Pslaw 236.4/ (1884, no. 1)
✓

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 19 Января 1884 г.

РУФИНА КАЗДОЕВА.

Романъ въ 5-ти частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Въ октябрѣ 186* года, въ домѣ извѣстнаго московскаго почетнаго гражданина Данилы Капитоныча Карпачева, произошла неприятность. Младшая дочь его, Маня, отправилась съ утра за покупками на Кузнецкій мостъ и домой не вернулась. Кучеръ, отвозившій ее въ магазинъ, возвратился одинъ и объявилъ, что барышня приказала ему себя не дожидаться. Каролина Федоровна, супруга Данилы Капитоныча, приняла эту вѣсть съ неудовольствіемъ. Она считала неприличнымъ для молодой дѣвицы ходить по улицамъ безъ провожатаго.

Прошелъ часъ, другой, прошли три, четыре часа,—Маня не возвращалась. Каролина Федоровна сидѣла какъ на иголкахъ, въ пышно убранной гостиной, и уже въ десятый разъ распускала невѣрно связанный рядъ тамбурной салфетки, когда въ передней раздался громкій звонокъ. Звонокъ изобличалъ хозяйскую руку. Какъ объяснить она супругу отсутствіе Мани? Что скажетъ ему? Какъ заговорить его? У нея мурашки пробѣжали по спинѣ при мысли о предстоящемъ объясненіи.

Въ залѣ послышались твердые, неторопливые шаги. Каролина Федоровна задвигалась на диванѣ; въ ея свѣтлыхъ на выкатѣ глазахъ блеснули слезы. Она безшумно высморкалась и, судорожно обхвативъ костлявыми бѣлыми пальцами крючокъ, склонилась надъ салфеткой.

Данило Капитонычъ вошелъ въ гостиную. Это былъ чело-
вѣкъ роста ниже средняго, узкоплечій, сутуловатый, съ не-
большою головою, покрытой темными жесткими волосами, за-
чесанными гладко на вискахъ; сжатая, узкія губы и холод-
ный взглядъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ придавали общее выра-
женіе суровости его длинному клинообразному лицу. Почти
на цѣлыя полголовы превышала его ростомъ ширококостая,
поджарая Каролина Федоровна, которая, однако, несмотря на
гренадерское сложеніе, на большія нѣмецкія руки и ноги,
какъ огня боялась своего маленькаго, щедущаго супруга, и
голосъ ея, всегда плаксивый, переходилъ въ его присутствіи
въ какое-то слезное пришепелыванье.

Данило Капитонычъ мелькомъ оглядѣлъ гостиную.

— Вы однѣ? спросилъ онъ отрывисто.

Каролина Федоровна робко подняла голову.

— Одна, душенька, промолвила она едва слышно.

— Гдѣ Аркадій?

— Онъ прислалъ сказать, что дома обѣдать не будетъ.

Данило Капитонычъ, заложивъ руки за спину, прошелся
взадъ и впередъ по комнатѣ.

— А Маня въ своей комнатѣ? спросилъ онъ на ходу.

Каролина Федоровна замерла на мѣстѣ. Она два раза
открыла ротъ, вдыхая въ себя воздухъ, какъ рыба, выброшен-
ная на песокъ. Данило Капитонычъ остановился.

— Ну! произнесъ онъ, хмурия брови.

Каролина Федоровна снова потянула въ себя воздухъ.

— Ея... н... нѣтъ дома, проговорила она, наконецъ, за-
икаясь.

— Что вы ежитесь? точно васъ бить собираются! крик-
нулъ онъ нетерпѣливо.

Каролина Федоровна вздрогнула; на салфетку капнула
слеза. Данило Капитонычъ съ досадою глядѣлъ на нее.

— Она тоже не будетъ дома обѣдать?

— Н... не знаю.

— Какъ не знаете? Кто-же знаетъ? У кого она?

— Она уѣхала съ утра на Кузнецкій мостъ...

— Ну!

— Прислала назадъ кучера... Сказала вернется

— Дальше.

— И... до сихъ поръ... нѣтъ...

Данило Капитонычъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе.

— Ахъ, я не виновата, душенька! вскрикнула, зарыдавъ, Каролина Федоровна. — Самъ знаешь, съ ней не легко справиться... Характеромъ она въ тебя... Гдѣ-же мнѣ?... Всѣ вы мнѣ на шею сѣли... А я за всѣхъ отвѣчай...

Каролина Федоровна замолкла и, всхлипывая, закрыла лицо руками. Данило Капитонычъ отвелъ сумрачный взглядъ отъ нея, подошелъ къ камину и дернулъ за сонетку.

— Перестаньте-же ревѣть, промолвилъ онъ, не глядя на жену. — Человѣкъ идетъ.

Каролина Федоровна послушно отерла лицо платкомъ, задержала всхлипыванье и снова взялась за салфетку. Вошелъ лакей.

— Кто ѣздилъ сегодня съ барышней?

— Тить, возразилъ лакей, вытянувшись въ струнку.

— Позвать его.

Явился щеголеватый молодой кучеръ въ плисовой моддевкѣ.

— Ты ѣздилъ съ барышней? спросилъ его Данило Капитонычъ.

— Такъ точно-съ.

— Куда?

— На Кузнецкій мостъ, въ нотный магазинъ.

— Онѣ вели тебѣ что сказать, когда отпускали тебя?

— Никакъ нѣтъ-съ... Сказали только, не дожидайся, моль...

Ступай домой.

Данило Капитонычъ пытливо глядѣлъ на кучера. Тить, въ почтительной позѣ, стоялъ у дверей, ожидая дальнѣйшихъ разспросовъ.

— Онѣ были... началъ было Данило Капитонычъ.

Онъ хотѣлъ спросить: «Онѣ были однѣ?», но только кашлянулъ и прибавилъ:

— Ступай!

Тить вышелъ.

— Постой, крикнулъ ему Данило Капитонычъ. — Лошади отложены?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вели Осипу подавать.

Минуты черезъ двѣ Данило Капитонычъ снова сѣлъ въ

парную щегольскую пролетку и летѣлъ на Кузнецкій мостъ, въ музыкальный магазинъ.

Старшій прикащикъ поспѣшно подошелъ къ нему.

— Нда! гмъ! началъ Данило Капитонычъ.—Я заѣхалъ по порученію дочери. Она проситъ васъ прислать ей новѣйшіе романсы на выборъ. Впрочемъ, кажется она сама заѣзжала сюда утромъ.

— Нѣтъ-съ, ихъ не было.

— Вы тамъ спросите другихъ прикащиковъ. Можетъ, они видѣли.

Прикащикъ вернулся съ отвѣтомъ, что никто не видалъ М-ше Карпачеву. Ни одинъ мускулъ на суровомъ лицѣ Данилы Капитоныча не дрогнулъ.

— А! произнесъ онъ.—Значитъ, она раздумала. Въ такомъ случаѣ, пришлите романсовъ и другія музыкальныя новинки. Она сама выберетъ.

Небрежно кивнувъ головой, онъ вышелъ изъ магазина. На лѣстницѣ онъ остановился и провелъ рукою по лицу.

— Музыкальный магазинъ былъ только предлогомъ, чтобы отвести глаза кучеру, подумалъ онъ.—Она сюда даже и не входила.

— Въ Столешниковы номера, крикнулъ онъ кучеру, усаживаясь въ пролетку.

— Господинъ Сигицынъ дома? спросилъ онъ швейцара, войдя въ подъѣздъ номеровъ.

— Господинъ Сигицынъ выѣхали отъ насъ сегодня въ Петербургъ.

Данило Капитонычъ помолчалъ.

— Одинъ? спросилъ онъ съ усиліемъ.

Швейцаръ подозрительно взглянулъ на него.

— Одни, подтвердилъ онъ.

— Къ нему никто не приходилъ?

— Ихъ все утро дома не было. Они вернулись давеча домой, положили вещи въ карету и уѣхали.

Данило Капитонычъ вздохнулъ свободнѣе, сунулъ рублевую бумажку въ руку швейцара и направился къ выходу. Ассигнація разомъ удвоила услужливость швейцара. Онъ со всѣхъ ногъ кинулся отпирать дверь и, подобострастно наклонивъ голову, доложилъ:

— Господинъ Сигицынъ прїѣзжали за вещами не одни-съ. Карпачевъ остановился.

— Да-съ, продолжалъ швейцарь. — Въ каретѣ сидѣла барыня или барышня; ужъ не знаю какъ назвать.

— А! произнесъ машинально Карпачевъ. — Молодая?

— Молодая-съ. Изъ себя такія бѣлокуренькія. Онѣ не выходили изъ кареты, сидѣли тамъ и ждали господина Сигицына.

Данило Капитонычъ снова помолчалъ.

— Прямо на желѣзную дорогу поѣхали?

— Надо быть, что на вокзалъ. Времени оставалось немного.

Данило Капитонычъ вышелъ на подъѣздъ и сѣлъ въ пролетку.

— Куда прикажете? спросилъ кучеръ.

— Домой, приказалъ онъ отрывисто.

Каролина Федоровна, услыхавъ стукъ подъѣхавшаго экипажа, наскоро намочила припухшіе отъ слезъ глаза, пригладила безъ того уже волосокъ къ волоску гладко припомаженные волосы, оправила чепецъ съ лиловыми лентами и суетливо прошла въ столовую.

Снѣжнобѣлая безъ малѣйшей складочки скатерть покрывала столъ. Тяжеловѣсное серебро, хрусталь, дорогая фарфоровая посуда освѣщались богатой висячей серебряной лампой. Во всемъ замѣчались симметричность, чопорность; каждая вещь точно приросла къ мѣсту. Столъ былъ накрытъ на три прибора. Каролина Федоровна хотѣла было велѣть убрать третій приборъ, но не рѣшилась это сдѣлать самовольно. Она оглядѣла закуску, сдунула съ буфета пылинку и, взглянувъ на часы, приказала подавать кушать.

Данило Капитонычъ вошелъ и сѣлъ на свое мѣсто. Каролина Федоровна робко, украдкой слѣдила за нимъ. Лицо его потемнѣло и казалось сумрачнѣе обыкновеннаго, но, несмотря на многолѣтнюю жизнь сообща, не умѣла она понимать выраженія крѣпко сжатыхъ губъ и движенія темныхъ нахмуренныхъ бровей. Для нея, лицо это, за рѣдкими минутами исключенья, всегда сохраняло выраженіе суровости и сдержаннаго раздраженія.

Данило Капитонычъ молча опорожнилъ тарелку съ супомъ,

налиль себѣ вина и, въ ожиданіи второй перемены блюдъ, медленно разламываль хлѣбъ. Взоръ его остановился на третьемъ пустомъ приборѣ. Онъ жестомъ подозваль къ себѣ лакея.

— Убери, приказаль онъ, указывая на приборъ.

Каролина Федоровна вздрогнула и со страхомъ посмотрѣла на мужа, но онъ, снова, не подымая глазъ, медленно разламываль хлѣбъ. Послѣ жаркаго, Данило Капитонычъ всталъ, отказался отъ пирожного и кофе, и отправился въ кабинетъ. Онъ замкнуль дверь на ключъ. Каролина Федоровна приказала горничной сторожить прибытіе Мани, и сама, для той-же цѣли, помѣстилась у окна въ гостиной. Не зная какъ себѣ объяснить столь продолжительное отсутствіе дочери, она не теряла надежды, что Маня къ ночи вернется домой.

Карпачевъ, между тѣмъ, сидѣль передъ большимъ столомъ, заваленномъ письмами и бумагами. Онъ положилъ передъ собой листъ почтовой бумаги и обмакнуль перо въ чернила, но перо высохло въ его рукѣ, не начертавъ ни одной строки.

Данило Капитонычъ былъ сынъ богатаго купца, торговца чаями. О прошломъ богатствѣ онъ зналъ, впрочемъ, только по рассказамъ. Ему не исполнилось еще десяти лѣтъ, когда отцовскія лавки опечатали, дома продали, а самого отца засадили въ яму за долги. Года два просидѣль тамъ прогорѣвшій купецъ, а на третій, когда родственники, пріютившіе у себя его жену и малолѣтнихъ дѣтей, начинали было рассчитывать, что кредиторамъ надоѣсть вносить кормовыя деньги, припадокъ бѣлой горячки избавилъ ихъ отъ дальнѣйшихъ заботъ о заключенномъ.

Данилу отдали въ училище, а по окончаніи ученья помѣстили прикащикомъ въ торговый домъ братьевъ Фирсъ. Коммерческая смѣтливость Карпачева, его распорядительность и трудолюбіе обратили на него вниманіе хозяевъ. Онъ не замедилъ попасть въ старшіе прикащики. Братья Фирсъ вели торговлю металлическими издѣліями. Данилѣ Капитонычу пришлось по ихъ дѣламъ побывать въ Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Путешествія эти воспитали его и замѣнили отсутствіе книжнаго образованія. Соблюдая выгоду хозяевъ, онъ не забываль и своей, и мало-помалу не только сколотилъ себѣ капитадецъ, но и сдѣлался дотогу необходимъ торговому дому Фирсъ и комп., что всту-

пилъ въ него компаньономъ и окончательно обезпечилъ себя, женившись на дочери одного изъ братьевъ-хозяевъ, Каролинѣ Федоровнѣ Фирсѣ.

Съ тѣхъ поръ, благосостояніе его все увеличивалось. Тернистый, многотрудный путь, пройденный имъ въ юности, закалилъ его характеръ; воля его стала закономъ для домашнихъ. Каролину Федоровну, съ перваго-же дня брака, забралъ онъ въ руки. Она ходила у него по стрункѣ, по стрункѣ-же зашагали дѣти. Ихъ было четверо: сынъ и три дочери. Данило Капитонычъ понималъ цѣну образованія. Онъ съ горечью сознавалъ въ себѣ недостатокъ первоначальныхъ знаній, и рѣшилъ, что дѣти его ни въ какомъ случаѣ не прослынутъ неучами. Сыну онъ далъ университетское образованіе, дочери воспитывались въ модныхъ пансіонахъ. Денегъ на воспитаніе онъ не щадилъ, но этимъ, по вѣдшему, и ограничивалась его забота о дѣтяхъ. Всегда суровый, молчаливый, онъ внушалъ семьѣ почти панической страхъ. Съ дѣтьми онъ обращался строго, однако, двое изъ нихъ пользовались его особеннымъ расположеніемъ: сынъ Аркадій и младшая дочь Маня. Двухъ старшихъ дочерей онъ рано выдалъ замужъ. Онъ ихъ не любилъ, во-первыхъ, потому, что онѣ были дурнушками, а во-вторыхъ потому, что были слезливы, какъ маменька. «Все это Фирсовята, нѣмчура... Карпачевского ничего въ нихъ нѣтъ», говаривалъ онъ. Маня-же выдалась чуть-ли не красавицей, и характеромъ — страстнымъ, упорнымъ — пошла въ отца. Она одна, съ малыхъ лѣтъ, осмѣливалась противорѣчить ему, что не мѣшало ей быть его любимицей, и на ея бѣлокурой головкѣ, да на единственномъ сынѣ строилъ онъ свои самые честолюбивые замыслы. И вотъ, есгодняшній день разрушилъ завѣтные планы и надежды.

Данило Капитонычъ долго просидѣлъ передъ письменнымъ столомъ. Не разъ и не два пробили на каминѣ бронзовые часы, изображающіе Ренсіогово Микель-Анджело; стрѣлка давно уже перешла за полночь, а Данило Капитонычъ все не двигался.

Матовый свѣтъ большой лампы ровно падалъ на хмурое лицо. Оно казалось застывшимъ въ гнѣвномъ выраженіи. Онъ не двигался, но мысли вихремъ проносились въ головѣ и каждая изъ нихъ вливала каплю желчи и отрывала частичку той

затаенной, но горячей любви, которую Данило Капитонычъ чувствовалъ къ дочери. Глухой гулъ церковныхъ колоколовъ, возвѣщавшихъ заутреню, вывелъ его изъ оцѣпененія. Онъ подошелъ къ окну и раздвинулъ тяжелую занавѣсъ. Слабый свѣтъ занимающагося дня бѣлѣлъ за окномъ. Данило Капитонычъ нѣсколько минутъ постоялъ на мѣстѣ. Лицо его осунулось, пожелтѣло какъ лимонъ, глаза ввалились. Отходя отъ окна, онъ случайно взглянулъ на большой фотографическій портретъ Мани, висѣвшій среди прочихъ семейныхъ портретовъ надъ диваномъ. Съ минуту онъ злобно смотрѣлъ на красивое лицо дочери, затѣмъ потянулся къ стѣнѣ и снялъ портретъ съ гвоздя. Ёдкая усмѣшка искривила сухія сжатыя губы. «Отдать его развѣ слезоточивой маменькѣ», прошепталъ онъ сквозь зубы;— «будетъ надъ чѣмъ нюнуть!» Не спѣша, словно сдерживая всякій порывъ гнѣва, взялъ онъ портретъ подъ мышку, загасилъ лампу и вышелъ изъ кабинета.

— Какъ-то вы теперь вывернетесь, Марья Даниловна! подумалъ онъ, направляясь по темной анфиладѣ комнатъ къ общей супружеской спальнѣ.

Каролина Федоровна не спала. Ужъ не первый платокъ смочила она слезами, и не разъ, спустившись съ высокой постели, на цыпочкахъ подходила она то къ тому, то къ другому окну. Опухшими отъ слезъ глазами всматривалась она въ темноту и тревожно прислушивалась къ отдаленному стуку экипажей. Постоявъ на мѣстѣ, она, съ новымъ усиленнымъ всхлипываньемъ, опять укладывалась въ постель. Лишь только раздались тяжелые шаги Данилы Капитоныча, Каролина Федоровна притворилась спящей. Онъ терпѣть не могъ, когда она по ночамъ бодрствовала. Сквозь полузакрытыя вѣки она видѣла, что, войдя, онъ поставилъ у печки какой-то темный предметъ, но, при скудномъ свѣтѣ слабо мерцающей лампы, не могла различить, какой именно. Данило Капитонычъ раздѣлся и, не соблюдая излишней предосторожности, грузно улегся возлѣ долговязой супруги. Каролина Федоровна не шевельнулась. Затаивъ дыханіе, лежала она, спиной къ мужу, безъ малѣйшаго движенія. Данило Капитонычъ тоже не двигался. Такъ пролежали они не мало времени. Утомленная слезами и бессонной ночью, Каролина Федоровна заснула первая. Когда она проснулась, солнце ярко свѣтило сквозь

полуотдернутый штофный занавѣсъ. Данилы Капитоныча уже не было въ комнатѣ. Слипшіеся глаза ея, блуждая по предметамъ, остановились на портретѣ Мани. Онъ стоялъ на полу у печки, лицомъ повернутый къ матери. Каролина Федоровна слабо вскрикнула, приподнялась на постелѣ, и снова зарылась въ подушки.

— Такъ!.. такъ! безсвязно шептала она, рыдая, — не хочеть ее знать... *Seine Tochter verstossen!*.. ¹⁾

Глава II.

— А, а, бѣглець! *Vous vous êtes fait attendre!*.. ²⁾ Я знаю одну милую барышню, которая очень недовольна вашимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, *monsieur le papillon!*.. ³⁾ Можеть она не одна недовольна! Я не хочу раскрывать сердечныя тайны дѣвиць, но... *Enfin vous me comprenez!* ⁴⁾

Такими словами, сопровождая ихъ объятіями, привѣтствовалъ генераль Сигицынъ, или рара Сигицынъ, какъ привыкли его называть очень любившія его молодыя дамы, сына своего, Николая, прибывшаго въ тотъ день изъ Москвы.

Генераль только-что вернулся изъ департамента къ обѣду домой. Николай ожидалъ его, и, послѣ первыхъ привѣтствій, они рука объ руку вошли въ столовую.

— Я очень радъ, что ты пріѣхалъ, ужасно радъ, сказалъ генераль. — Представь, я заказалъ Марфѣ обѣдъ очень, очень тонкій. Ты знаешь, когда наша Марфа захочеть, то состряпаетъ обѣдъ на славу... Пригласилъ фонъ-Марка и еще одного господина... Ты его не знаешь... Я тебя съ нимъ познакомлю... Очень милый человекъ; *un charmant homme!*.. *Et voila ce nigaud de von-Mark tombe malade,* ⁵⁾ а тотъ по настоятельной надобности долженъ былъ уѣхать въ свое имѣнье, гдѣ-то около Новгорода, и мнѣ чуть было не пришлось одному наслаждаться

¹⁾ Оттолкнулъ свою дочь.

²⁾ Вы заставили себя ждать!

³⁾ Господишь мотылекъ!

⁴⁾ Однимъ словомъ, вы меня понимаете!

⁵⁾ Прелестный человекъ!.. И вотъ, этотъ глупецъ фонъ-Маркъ заболѣлъ.

salmis aux perdreaux... ¹⁾), знаешь... по рецепту нашего Martineau въ Парижѣ. Пальчики оближешь, mon cher... Вотъ увидишь... Vous allez goûter... ²⁾ Ужасно радъ, что ты пріѣхалъ... Рекомендую тебѣ эту колбаску... Vous m'en direz des nouvelles!.. ³⁾

Генераль, опрокинувъ рюмку водки, отвѣдалъ разной закуски и разложилъ на колѣняхъ туго накрахмаленную салфетку. За супомъ онъ говорилъ мало, но послѣ второго блюда снова оживился.

— Разсказывай, отчего ты такъ долго засидѣлся въ Бѣлокаменной? заговорилъ онъ.— Неужто все въ архивахъ рылся.

— Да, большею частью, неохотно возразилъ Николай.

— Чудакъ ты, братецъ! А, впрочемъ, это твое дѣло. Я не вмѣшиваюсь... Ну, у Каздоевыхъ, разумѣется, по тебѣ сучали, то-есть, я такъ предполагаю. Ты вечеромъ, конечно, будешь у нихъ

— Если успѣю.

— Если успѣю! передразнилъ генераль.— Какая нынче молодежь! Положимъ, я очень радъ, что ты раздѣляешь со мной трапезу; главное, радъ, что мой salmis найдетъ еще одного достойнаго цѣнителя. Кстати, отчего его не подаютъ?

Генераль позвонилъ.

— Но, признаюсь, если-бы я былъ влюбленъ и два мѣсяца не видалъ своего предмета...

— Съ чего ты взялъ, что я влюбленъ, нетерпѣливо перебилъ его Николай.

— Та, та, та!... à d'autres, monsieur!.. ⁴⁾ Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Я не допытываюсь, но ...je sais ce que je sais! ⁵⁾ Твой вкусъ я раздѣляю. Милая дѣвушка, очень милая. Немного серьезна, но это въ духѣ времени, да и лучше, mon cher. Жена не должна намъ напоминать разныхъ Michonnettes и Fifines... А propos ⁶⁾, во французскомъ театрѣ новая фигурантка; играетъ плохо; absence de talent ⁷⁾, но пре-

¹⁾ Сальми изъ куропатокъ.

²⁾ ...Вы отвѣдаете.

³⁾ ...Останетесь довольны!..

⁴⁾ ...Разсказывайте, сударь.

⁵⁾ ...Я знаю, что знаю.

⁶⁾ ...Кстати.

⁷⁾ Отсутствие таланта.

пикантная, пре-пи-кантная. Je ne vous dis que ça! ¹⁾ Тебѣ надо на нее взглянуть... А, а, несутъ! Подайте, подайте-ка его сюда!.. Нѣтъ, ты мнѣ скажи, положи руку на сердце, развѣ этотъ ароматъ не вызываетъ въ тебѣ цѣлой картины нанихъ *diners de garçon* ²⁾ въ Парижѣ?

При первомъ кускѣ, положенномъ въ ротъ, сіяющая улыбка озарила лицо генерала.

— Эта Марфа совершенный геній въ своемъ родѣ, произнесъ онъ съ восторгомъ.—Позови-ка ее, братецъ, сюда, приказаль онъ лакею.

Явилась Марфа, полная, дебелая женщина, очень опрятная и степенная.

— Ну, Марфа Никитична, угостила, мать моя. Въ ножки готовъ поклониться.

— Кушайте на здоровье, ваше превосходительство, произнесла польщенная похвалой Марфа.

— Я-то буду кушать, а ты, вотъ, выпей за мое здоровье.

Генераль налилъ полстакана краснаго вина.

— Итакъ много вамъ благодарны, начала было Марфа.

— Пей, пей, сказалъ генераль, подавая ей одной рукой стаканъ и не выпуская изъ другой ножку куропатки.

— За ваше здоровье, ваше превосходительство, произнесла Марфа, почтительно принимая стаканъ изъ генеральскихъ рукъ.

Генераль кивнулъ головой и, обхвативъ бѣлыми выхоленными пальцами косточку, вкусно ее обсасывалъ, причемъ лицо его выражало такое неподдѣльное удовольствіе, что и лакей, и Марфа, и сынъ не могли безъ улыбки смотрѣть на его почти дѣтскую радость.

— Мнѣ надо съ тобой потолковать, папа, проговорилъ Николай, когда они послѣ обѣда вошли въ кабинетъ, гдѣ ихъ ожидалъ кофе.

— О чемъ? что-нибудь серьезное! съ испугомъ спросилъ генераль, мечтавшій покейфовать, покуривая тонкую сигару на мягкомъ креслѣ передъ каминомъ.

— Да, довольно серьезное.

¹⁾ Этими все сказано.

²⁾ Холостыхъ обѣдовъ.

— Сейчасъ послѣ обѣда? *Ayez pitié, mon cher!* ¹⁾. Это вредно для пищеваренія. Какой ты плохой собесѣдникъ, Никъ!

— Я-бы тебя не обременялъ разговоромъ, если-бы то, что я имѣю сообщить тебѣ, не было для меня дѣломъ крайне важнымъ.

Генераль поморщился.

— Если объясненье, которое ты считаешь необходимымъ мнѣ дать... Точно нельзя отложить до завтра... или хоть до вечера! брюзгливо перебилъ себя генераль.—Если это объясненье длинное, то дай мнѣ по крайней мѣрѣ отдохнуть.

— Оно заключается въ двухъ словахъ: я женюсь.

— На Руфи Каздовой? Знаю. Къ чему такая торжественность? *C'est une affaire bâclée* ²⁾.

— Нѣтъ, не на Каздовой. Не понимаю, отчего ты это когда-нибудь считалъ *une affaire bâclée*? Вы тамъ, съ Настасьей Петровной, рѣшили и успокоились, а у насъ съ Руфиной Михайловной не было даже и намека на какой-бы то ни было брачный договоръ. Я ее очень люблю, уважаю, но...

— Не на Каздовой? прервалъ его съ гнѣвомъ генераль.— Такъ на комъ-же ты женишься, позволь тебя спросить, послѣ того, какъ ты компрометировалъ прелестную дѣвушку изъ благороднѣйшаго семейства?...

— Что ты такое говоришь? Какимъ образомъ я компрометировалъ? съ досадой спросилъ Николай.

— Васъ всегда видѣли вмѣстѣ. Ты ежедневно бывалъ у нихъ...

— Я не одинъ бывалъ у нихъ ежедневно.

— *Enfin* ³⁾, прервалъ опять генераль, возвышая голосъ.— Всѣ рѣшили, что Руфи выходить за тебя замужъ. Меня даже на дняхъ поздравляли фонъ-Маркъ и... и другіе. Я, наконецъ, не позволю. Я полюбилъ Руфи, какъ дочь... Я не потерплю, чтобы про нее прошла дурная слава! *Je ne le souffrirai pas!* ⁴⁾.

— Перестань, отецъ! Изъ-за чего ты горячишься? На Руфину Михайловну не можетъ пасть и тѣни нареканья. Всѣ

¹⁾ Пощадите, мой милый!

²⁾ Это дѣло рѣшенное.

³⁾ Наконецъ.

⁴⁾ Я этого не потерплю.

ужасы, которые ты высказываешь—только плод твоего воображения... Позволь, дай мнѣ договорить. Можетъ быть, еслибы я не встрѣтилъ той, на которой теперь женюсь...

Генераль фыркнулъ. Николай остановился и подождалъ, что онъ скажетъ, но генераль, крѣпко стиснувъ зубы, молчалъ и только постукивалъ ногтями по ручкѣ кресла.

— Можетъ быть, еслибы я не встрѣтилъ моей невѣсты, продолжалъ Николай, — то твоя мечта сбѣлалась-бы и моею...

— Кто она? Чья она дочь? не слушая, спросилъ отрывисто генераль.

— Отець ея почетный гражданинъ, очень честный, благородный...

Генераль подскочилъ на креслѣ.

— То-есть, просто на просто купецъ!.. Удружили, нечего сказать!.. А позвольте васъ спросить, съ изысканной вѣжливостью заговорилъ генераль, между тѣмъ какъ розовое лицо его и лысина. бѣлая, гладкая, какъ слоновою костью, внезапно заалѣлись и жилы вздулись на лбу и шеѣ, — онъ чѣмъ торгуетъ, вашъ будущій beau père, мыломъ или дегтемъ?

— Ни тѣмъ, ни другимъ, отвѣчалъ Николай, послѣшно наливая въ стаканъ воды изъ хрустальной кружки, стоявшей на мраморномъ столикѣ у окна. Это было очень встати. Генераль залпомъ выпилъ воду и, тяжело дыша, но нѣсколько освѣженный, откинулся на спинку кресла. Онъ ничего на свѣтѣ такъ не боялся, какъ удара, и лишь только эта страшная мысль освѣняла его, онъ моментально успокоивался, и отъ несобуданнаго гнѣва переходилъ въ совершенно апатичное состояніе. Николай смочилъ водою носовой платокъ, и приложилъ его къ разгоряченной головѣ отца.

— Зарѣзалъ ты меня, совсѣмъ зарѣзалъ... безъ ножа зарѣзалъ, простоналъ генераль.

Николай, пользуясь затишьемъ послѣ налетѣвшаго шквала, пододвинулъ стулъ къ креслу отца, взявъ его за руку и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ты помиришься со мной, когда ее увидишь...

— Des phrases de roman! *) перебилъ его усталымъ голосомъ генераль.—Я тоже думалъ, когда бывалъ влюбленъ, что

*) Фразы, годныя для романовъ!

лучше «ее» нѣтъ на свѣтѣ. А потомъ, un beau jour ¹⁾ оказывалось, что у нея носъ краснѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и ногти широкіе, плоскіе etc., etc... Отъ твоей купеческой дочки навѣрное нестерпимо несеть бергамотовымъ масломъ, а ты этого теперь не слышишь!

Генераль произнесъ послѣднія слова такимъ печальнымъ, соболѣзующимъ тономъ, что Николай не могъ удержаться отъ смѣха.

— Тебѣ смѣшно, а мнѣ не до смѣха! Зарѣзалъ ты меня, зарѣзалъ! повторилъ онъ едва внятно.

Не желая еще болѣе разстраивать отца, Николай не продолжалъ непріятнаго разговора.

— Тятенька и маменька твоей нареченной, разумѣется, не помнятъ себя отъ радости, началъ снова генераль.

— Напротивъ, отецъ Марьи Даниловны отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на мое предложеніе, и даже запретилъ мнѣ являться къ нему въ домъ.

Генераль широко раскрылъ глаза.

— Я тебѣ не буду передавать всего, что онъ говорилъ. Только увѣряю тебя, что онъ далеко не считаетъ меня блистательной партіей для своей дочери.

— *C'est fort, ça!* ²⁾ вскрикнулъ генераль съ негодованіемъ.

— Марья Даниловна рѣшила уйти изъ дома своихъ родителей. Она теперь здѣсь и...

— Часъ отъ часу не легче! Увезъ купеческую дочку! почти со слезами проговорилъ генераль.—Ну, что ты будешь съ нею дѣлать!... Уйди! уйди! не говори больше! Дай вздохнуть!...

Генераль дѣйствительно былъ такъ разстроены, что Николай счелъ за нужное отложить дальнѣйшій разговоръ и, пославъ къ отцу его довѣреннаго камердинера Филиппа, удалился въ свою комнату.

— Ты слышалъ, Филиппъ? горестно сказалъ генераль, принимая отъ камердинера стаканъ зельтерской воды.

— О чемъ изволите говорить, ваше превосходительство? почтительно спросилъ Филиппъ, отступая, съ подносомъ въ рукахъ, на два шага отъ генерала.

¹⁾ Въ одинъ прекрасный день.

²⁾ Однако!

— Нашъ Николай Андреевичъ въ Москвѣ невѣсту нашель. Филиппъ вопросительно взглянулъ на барина.

— Имѣю честь поздравить ваше превосходительство, замѣтилъ онъ, съ достоинствомъ наклоняя голову.

— Не съ чѣмъ поздравлять, Филиппъ. Невѣста намъ не по вкусу.

Генераль вздохнулъ.

— Купеческая дочка, Филиппъ, прибавилъ онъ виноватымъ голосомъ.

На благообразномъ лицѣ Филиппа, обрамленномъ прекрасно расчесанными темными баками, мелькнуло выраженіе неодобренья. Генераль сбоку смотрѣлъ на своего камердинера и, уловивъ это выраженіе, снова вздохнулъ.

— Можеть, онѣ богаты? ввернулъ, какъ предположеніе, Филиппъ.

— Да, Николай Андреичъ говоритъ, что отецъ очень богатъ.

Филиппъ помолчалъ.

— Не въ деньгахъ счастье, промолвилъ онъ сентенціозно, — но богатство никогда не мѣшаетъ, ваше превосходительство.

— Такъ-то такъ. Да нѣтъ, что, Филиппъ, я недоволенъ, тѣмъ-же скорбнымъ голосомъ произнесъ генераль, хотя слова Филиппа значительно смягчили эту скорбь.

— Если онѣ притомъ дѣвица образованная...

— О да, очень, очень образованная! и красавица, Филиппъ, красавица!

Филиппъ почтительно-одобрительно усмѣхнулся. Генераль повеселѣлъ.

— Что-жь, можеть все къ лучшему! покорно замѣтилъ онъ.

— Все къ лучшему, ваше превосходительство, подтвердилъ Филиппъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

Генераль выпилъ второй стаканъ воды. На сердцѣ у него отлегло.

— Ваше превосходительство изволили забыть: сегодня вторникъ, заговорилъ Филиппъ послѣ непродолжительнаго молчанья.

— Да? такъ что-жь?

— Во французскій театръ не изволите ѣхать?

— Ахъ да, да... Слѣдовало-бы... Только не до того мнѣ, Филиппъ! Что-то не здоровится!

Генераль еще разъ вздохнулъ.

— Или развѣ съѣздить? продолжалъ онъ, подумавъ.— Можеть, это меня разсѣветъ. Завтра у меня комитеть. Куда я буду годень? Который часъ?

— Безъ четверти восемь.

— Еще не поздно. Такъ съѣздить, Филиппъ? уже совсѣмъ повеселѣвшимъ голосомъ спросилъ генераль.

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше превосходительство.

— Я поѣду. Давай мнѣ скорѣй одѣваться.

Генераль перешелъ въ спальню, и черезъ четверть часа вышелъ въ мундирѣ, опрысканный *ess-bouquet*, свѣжій, розовый. На его полномъ, мягко-округленномъ лицѣ не осталось и тѣни заботы.

— Папа уѣхалъ? спросилъ Николай, входя въ кабинетъ, гдѣ Филиппъ гасилъ лампу.

— Такъ точно. Уѣхали во французскій театръ.

Николай пожалъ плечами.

— Подайте мнѣ, пожалуйста, пальто. Я тоже уйду.

Филиппъ, съ тайной радостью проводивъ господъ, всталъ передъ генеральскимъ туалетнымъ зеркаломъ и долго, терпѣливо разглаживалъ свои по-истинѣ великолѣпныя баки; затѣмъ, надушивъ ихъ *ess-bouquet*, нѣсколько капель котораго онъ удѣлилъ себѣ изъ генеральскаго флакона, и, опустивъ въ карманъ конфектную коробку съ наклеенною на ней фольговой бабочкой, отправился къ хорошенькой горничной молодой вдовушки, жившей надъ генеральской квартирой, объявивъ предварительно Марфѣ, что генераль посылаетъ его съ письмомъ.

— Съ письмомъ? Знаемъ мы куда ты съ письмомъ ходишь, проворчала Марфа, укоризненно покачавъ ему вслѣдъ головой.

Впрочемъ, она не протестовала. Она была женщина характера несообщительнаго и одиночествомъ не тяготилась.

Глава III.

До тринадцати лѣтъ Николай воспитывался дома подъ исключительнымъ надзоромъ нервной, до самозабвенія любя-

цей матери. Зинаида Львовна Сигицына принадлежала къ категоріи тѣхъ мягкихъ, кроткихъ, безхарактерныхъ женщинъ, вся духовная жизнь которыхъ вращается исключительно въ области чувства. Прямо съ институтской скамьи она вышла замужъ и четырнадцать лѣтъ оплакивала сдѣланную ею ошибку. Открытаго разлада между супругами не было. Сигицынъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Вполнѣ довольный собою и женой, онъ и не подозрѣвалъ, что для Зинаиды Львовны вся ея брачная жизнь представляла одну длинную цѣпь разочарованій. Слабый организмъ молодой женщины не вынесъ тяжелой борьбы между своими порывами къ счастью и душевной полнотѣ и тѣмъ, что она считала своимъ долгомъ. Распатанные нервы подточили ея силы. Природная чувствительность, уже и прежде перешедшая въ сантиментальность, развилась до болѣзненности, и эту-то чувствительность она старалась воспитать въ Николаѣ. Нервно-лимфатическій темпераментъ мальчика легко поддавался ея влиянію, но ей не удалось довести начатое дѣло до конца. Болѣзнь унесла ее въ могилу.

Сигицынъ, исполняя волю покойной жены, помѣстилъ сына въ закрытое великосвѣтское учебное заведеніе. Николай росъ чахлымъ, несообщительнымъ ребенкомъ. Попавъ въ среду товарищей, онъ очутился въ чуждой и антипатичной ему обстановкѣ. Рѣзвость мальчиковъ, ихъ школьническія, часто грубыя шалости оскорбляли въ немъ привитое ему женскимъ воспитаніемъ чувство приличія, а усвоенная при жизни матери и тщательно ею поддерживавшаяся привычка разбирать каждое свое помышленіе, слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, дѣлала его нерѣшительнымъ и робкимъ. Робость эта, въ соединеніи съ физической слабостью, вызывала безчисленныя насмѣшки товарищей. Его прозвали «дѣвчонкой»; прозвище это осталось за нимъ надолго.

Съ годами, преслѣдованья и насмѣшки прекратились. Его полюбили. Однако, даже и впоследствии, когда прошелъ періодъ отстаиванья своихъ правъ крѣпостью кулаковъ, товарищи не могли отрѣшиться, въ обращеніи съ нимъ, отъ нѣкотораго оттѣнка покровительства. Отсюда ихъ бережное отношеніе къ нему и почти инстинктивная готовность щадить его беспомощность.

По выходѣ изъ разсадника наукъ, гдѣ въ продолженіи
„Дѣло“ № 1, 1884 г., I.

нѣсколькихъ лѣтъ его голову обременяли множествомъ самыхъ разнообразныхъ, но отрывочныхъ знаній, онъ отправился за-границу для пополненія значительныхъ пробѣловъ своего образованія. За границей онъ оставался недолго. Ему скоро надоѣло безцѣльное слушанье лекцій въ нѣмецкихъ университетахъ. Слово «безцѣльно» вообще всюду назойливо преслѣдовало его. Онъ вернулся въ Петербургъ и записался вольнослушателемъ на историко-филологическій факультетъ. Когда наступило время готовиться къ кандидатскому экзамену, онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ему надо было порыться въ архивахъ для задуманной диссертациі.

Однажды, вскорѣ по пріѣздѣ туда, зашелъ онъ за нужной справкой къ одному знакомому профессору и неожиданно попалъ на именины хозяина дома. Подъ страхомъ нанести имениннику горькую обиду, онъ, волей неволей, принужденъ былъ остаться къ ужину. Хозяева, впрочемъ, имѣли хорошую привычку никого не стѣснять. Николая познакомили съ нѣкоторыми гостями и затѣмъ предоставили самому себѣ. Старшіе члены общества засѣли за карты; младшіе устроили танцы. Николай не примкнулъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Онъ просидѣлъ пол. ечера въ кабинетѣ хозяина, а когда у него въ достаточной мѣрѣ разболѣлась голова отъ папирознаго дыма, перешелъ въ маленькую сосѣднюю комнату, служившую библиотекой. Тамъ никого не было. Въ углу между окномъ и книжнымъ шкафомъ стояло большое кресло. Николай удобно расположился на немъ и, утомленный духотой, головною болью, а отчасти и скукой, позволилъ себѣ задремать. Сквозь сонъ ему показалось, что кто-то къ нему наклоняется, и онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе чьей-то свѣжей руки къ его горячему лбу. Онъ пошевельнулся; руку тотчасъ-жѣ отдернули. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы проснуться и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла небольшого роста худенькая дѣвушка лѣтъ 19-ти, въ черномъ шелковомъ платьѣ. Свѣтлые волосы, слегка подхваченные сзади голубой лентой, свободными кольцами падали ей на плечи, удачно обрамляя лицо, хотя и неправильное по чертамъ, но оригинальное, вслѣдствіе контраста широкихъ, почти черныхъ бровей съ бѣлыми, какъ пухъ легкими волосами, пышно вздымавшимися надъ низкимъ лбомъ. Николай съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Я васъ разбудила? промолвила она смущенно низкимъ гортаннымъ голосомъ. — Вы такъ блѣдны. Я думала, вы больны... Теперь я вижу, вы просто спали... Продолжайте ваше занятіе; я уйду, со смѣхомъ прибавила она, дѣйствительно дѣлая движеніе, чтобы уйти, но Николай остановилъ ее.

— Мнѣ очень совѣстно, проговорилъ онъ, — я право не знаю, какъ это случилось...

— Что вы заснули? перебила она его. — Вѣроятно, не отъ веселья!

— Но и не совсѣмъ отъ скуки. Я думаю, духота...

— Не совсѣмъ, повторила она, не слушая дальнѣйшаго объясненія, — но немножко и отъ скуки. Не стѣсняйтесь. Я вѣдь не хозяйка дома и не родственница ей.

— Вы такъ настаиваете на своемъ мнѣніи, что я начинаю предполагать, не пришли-ли вы сюда съ намѣреніемъ...

— Поспать, съ живостью подхватила дѣвушка. — Ошибаетесь. Я достаточно высыпаюсь дома.

— Отъ скуки?

— Именно. И вы-бы спали, еслибы вамъ каждый вечеръ читали «Gartenlaube».

— «Gartenlaube»? повторилъ съ недоумѣніемъ Николай.

— Есть такой нѣмецкій журналъ.

— Знаю; только не понимаю, зачѣмъ вамъ его читаютъ каждый вечеръ.

— Ну, положимъ, не каждый вечеръ. Это я только для краснаго словца сказала. Иной разъ читаютъ нѣмецкіе переводные романы. Мама считаетъ это полезнымъ въ воспитательномъ отношеніи, прибавила она, отвѣчая на его вопросительный взглядъ.

— А вы, какъ водится, считаете это бесполезнымъ.

— По меньшей мѣрѣ бесполезнымъ. Оно могло-бы служить наркотическимъ средствомъ, но я и безъ того сплю больше, чѣмъ дозволяется медициной.

Николай недовѣрчиво поглядѣлъ на нее. Ея подвижное лицо и нервныя порывистыя движенія отстраняли всякую мысль о чрезмѣрной сонливости. Она не такъ объяснила себѣ его взглядъ.

— Вы теперь спрашиваете себя, промолвила она съ короткимъ смѣхомъ, — какъ-бы вамъ вѣжливымъ образомъ уда-

литься отъ меня. Я зашла сюда, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли чего-нибудь интереснаго между книгами Сергѣя Матвѣича (такъ звали хозяина дома). Вы можете опять заснуть. Я не буду шумѣть. Предупреждаю только, что скоро подадутъ ужинъ.

— Вы меня положительно преслѣдуете за мой сонъ, ска- залъ смѣясь Николай.—Позвольте, я вамъ посвѣчу, пока вы будете разсматривать книги.

Онъ взялъ со стола свѣчу и пошелъ за дѣвушкой. Они медленно подвигались вдоль шкафовъ.

— Въ сущности, я могу обойтись и безъ вашей помощи, проговорила она черезъ минуту.

— Я вамъ мѣшаю?

— Да, я думаю, что вы устаете держать свѣчу, и спѣшу.

Николай безпрекословно передалъ ей подсвѣчникъ, а самъ отошелъ отъ нея. Сквозь раскрытую дверь онъ могъ видѣть танцующія пары. Онъ старался смотрѣть на нихъ, чтобы не стѣснятъ своей собесѣдницы, но глаза его невольно оста- навливались на ней. Онъ долженъ былъ признаться, что не видалъ болѣе оригинальнаго лица и болѣе красивыхъ по цвѣту и пушистости волосъ. Въ заостренномъ носѣ и подбородкѣ этого узкаго блѣднаго лица, въ сжатыхъ, нѣсколько надмен- ныхъ и тоже блѣдныхъ губахъ было, однако, что-то такое, что не могло всѣмъ нравиться, но сухость выраженія нижней части лица смягчалась темными продолговатыми глазами. Они смотрѣли очень мягко, хотя, быть можетъ, мягкости этой не мало способствовали длинныя, густыя, загнутыя вверхъ рѣсницы.

Дѣвушка обошла всѣ шкафы, поставила свѣчу обратно на столъ и направилась къ двери.

— Вы уже уходите? невольно спросилъ Николай.

— Еще-бы. Слышите, играютъ вальсъ. Я иду танцевать.

— А я думалъ, вы отъ танцевъ сюда ушли.

— Нисколько. Я не люблю кадрили, а главное, кадрили- ныхъ разговоровъ, но вальсировать я всегда готова.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ пригласить.

— Вы хорошо танцуете?

— Судите сами.

Николай танцевалъ недурно, и прежде любилъ танцевать,

но въ послѣдніе годы и танцы, и всякія возбуждающія увеселенія утомляли его. Испытываемое имъ теперь удовольствіе кружиться, подъ звуки кисленькаго рояля, съ своей то-венькой маленькой дамой имѣло всю прелесть новизны. Дама его вальсировала неподобно и съ такимъ увлеченіемъ носилась по крашеному полу довольно просторнаго зала профессорской квартиры, что увлеченіемъ своимъ заразила своего кавалера. Онъ все быстрѣе кружилъ ее, и все сильнѣе, и все прятнѣе кружилась у него голова. Онъ не зналъ, отъ вальсали, или оттого, что слишкомъ часто глядѣлъ въ ея полузакрытые глаза, сосредоточенно-страстное, полупьяное выраженіе которыхъ такъ рѣзко отличалось отъ почти дѣтски очерченныхъ щекъ и не вполне сложившихся еще плечъ и бюста. Они не замѣчали, что всѣ танцующія пары остановились, не слыхали нетерпѣливаго приказанія таперу продолжать, когда тотъ было хотѣлъ перестать играть, и все кружились, и кружились. Взрывъ аплодисментовъ привелъ ихъ въ себя. Николай посадилъ свою даму на первый кѣмъ-то поспѣшно поставленный стулъ, и только теперь, по одобрительнымъ возгласамъ и восклицаніямъ, они поняли, что давали публикѣ нѣкоторымъ образомъ даровое представленіе.

— Bravo! неподобно! Марья Даниловна, вы еще никогда такъ чудесно не танцовали. У меня даже всѣ жилки расходились. Не откажите пройти со старикомъ.

И толстый, тяжеловѣсный профессоръ, при громкомъ поощрительномъ смѣхѣ молодежи, пустился вальсировать.

— Вижу, недостаетъ во мнѣ необходимаго жара, промолвилъ онъ, подводя свою даму послѣ втораго тура къ ея стулу и отирая платкомъ потъ съ лица. — Уступаю мѣсто достойнѣйшему.

Молодую дѣвушку приглашали на расхватъ. Она никому не отказывала.

— Представьте меня моей дамѣ, пожалуйста, обратился Николай къ профессору.

— Какъ! вы еще незнакомы! съ изумленіемъ вскрикнулъ профессоръ. — А еще какъ уповательно вмѣстѣ танцовали! Извольте, извольте! Съ большимъ удовольствіемъ! Очень милая дѣвушка и преспособная. Лучшая моя ученица. Да-съ, я тутъ барышнямъ курсъ зоологіи читаю... Знаете, женскій вопросъ

и все такое... Нельзя-съ безъ того! Читаю; отчего не почитать! Пусть ихъ слушаютъ!.. Очень умная дѣвочка... Только бѣсенокъ, ухъ, какой бѣсенокъ. Родителямъ трудненько съ ней справиться... Она дочь купца Карпачева. Страшно богатый человѣкъ и кремень-человѣкъ... Дочка пребогатѣйшая невѣста...

Такъ какъ Николай давно уже твердо рѣшилъ не жениться, то послѣднее обстоятельство не произвело на него никакого впечатлѣнія, но черезъ шесть недѣль онъ писалъ уже, между прочимъ, одному изъ своихъ близкихъ товарищей, Владимиру Метцелю:

...«Что касается диссертациі, то къ ней, ужъ если надо говорить всю правду, я еще не приступалъ. Вообще, я долженъ тебѣ сказать, что планы мои значительно измѣнились, и всего удивительнѣе то, милый другъ, что я впервые измѣняю своей программѣ безъ угрызений совѣсти. Я не подозрѣвалъ въ себѣ столько жизненности и бодрости, а еще часто, въ минуты хандры, причислялъ себя, мысленно, къ числу неудачниковъ! Но нѣтъ, братъ, шалишь! Мы еще отвоюемъ себѣ мѣстечко на бѣломъ свѣтѣ. А знаешь-ли ты, что у насъ на Руси вырабатывается удивительный типъ женщины, и гдѣ-же? въ купеческихъ семьяхъ, въ московскихъ купеческихъ семьяхъ! Понимаешь-ли ты всю оригинальность этого явленія! Я встрѣтилъ здѣсь одну дѣвушку, дочь купца-милліонера, правда облеченнаго въ нѣмецкое платье (но отецъ его ходилъ въ долгополомъ кафтанѣ и едва умѣлъ читать и писать!), и у этого купца и супруги его, кислосладкой нѣмки, Богъ знаетъ какимъ чудомъ проявилась дочка, въ сравненіи съ которой всѣ наши барышни—безцвѣтныя, безкровныя созданья!.. Впрочемъ, объ этомъ когданибудь послѣ... Теперь спѣшу!.. Только, право-же, и въ Россіи можно жить полной жизнью. Главное, надо умѣть отдаться, и не мудрствовать лукаво... Однако, прощай...»

Спустя недѣли двѣ послѣ этого посланія, Метцель, въ отвѣтъ на свою письменную просьбу разъяснить «аллегорію о купеческой дочкѣ», получилъ слѣдующія лаконическія строки:

«Я женюсь. Разсчитываю въ концѣ недѣли пріѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ моей невѣстой. Нельзя-ли ей временно помѣститься у кузины твоей, Натальи Ивановны Горошанской? Позаботься объ этомъ. Буду телеграфировать.

Твой Николай».

ГЛАВА IV.

— Пожалуйста поскорѣй! проворчалъ съ досадой Григорій Михайловичъ Горошанскій, вторично перечитывая записку редактора дѣтскаго журнала «Незабудка».

«Посылаю Вамъ, любезнѣйшій Григорій Семеновичъ», — гласила записка — «двѣ повѣсти г-жи Д. Къ нимъ требуется иллюстрація. Пробѣгите ихъ и составьте по вашему усмотрѣнію что нибудь хорошенькое. Только пожалуйста поскорѣе. Не задержите книжку.»

— Поскорѣй! точно у меня только и дѣла, что составлять рисунки для этой дреб-дени.

Горошанскій нетерпѣливо сдернулъ оберточную бумагу съ присланнаго свертка. Двѣ тоненькія, мелко написанныя тетрадки выпали на столъ.

«Исторія одной картофелины».

Крупныя губы Горошанскаго сложились въ неопредѣленную гримасу.

— Должно быть, описаніе какъ ее сажаютъ, пробормоталъ онъ про себя. — Очень интересно!.. А это что?.. «Похожденіе гѣсной земляники».

Горошанскій, все съ той-же гримасой неодобрительно покачивая головой, перевернулъ нѣсколько страницъ.

— Такъ, такъ! земляника рассказываетъ червячку, какъ она растетъ, съ какого мѣсяца и до котораго. — Богатая пища для воображенья! Какого чорта имъ тутъ нарисовать!

— Гриня! крикнулъ изъ сосѣдней комнаты молодой женскій голосъ.

— Что тебѣ? разсѣянно отозвался Григорій Семеновичъ.

— Иди сюда.

— Нарисую ему картофельный кустъ и мальчика, жадно пожирающаго землянику, продолжалъ разсуждать самъ съ собою Григорій Семеновичъ.

— Гриня, да иди-же! позвалъ снова женскій голосъ.

— Не могу, не могу, занятъ! крикнулъ въ свою очередь Горошанскій.

Водворилось молчаніе, прерываемое доносившимися изъ сосѣдней комнаты всплескиваніемъ воды и радостными дѣтскими взвизгиваньями. Черезъ нѣсколько минутъ дверь рас-

пахнулась, пропуская маленькую черноволосую, черноглазую женщину въ сѣрой шерстяной блузѣ съ засученными рукавами. Ея милостивое лицо горѣло румянцемъ; волосы, слегка растрепанные на лбу, выбились изъ сѣтки. •

— Ну, что это, Гриня, тебя не дозовешься! заговорила она, торопливо обтирая на ходу носовымъ платкомъ мыло, застрянувшее въ ямочкахъ полненькихъ локотковъ.—Я Сеньку купала; не могла-же его бросить.

— Не мѣшай, Наташа, не мѣшай, процѣдилъ сквозь зубы Горошанскій, перебирая на столѣ деревянные квадратики различной величины, приготовленные для рисованья иллюстрацій.

— Вотъ еще, не мѣшай! Мнѣ надо.

— Что тебѣ надо?

— Денегъ надо. Сегодня...

— Такъ, такъ, денегъ! перебилъ ее Горошанскій, вскакивая вдругъ со стула и размахивая тетрадкой съ походе-ніемъ лѣсной земляники.—Вотъ, вотъ для чего мнѣ надо рисовать всякую дичь, размѣниваться на гроши, дѣлаться жалкимъ поденщикомъ, журнальнымъ рисовальщикомъ! Не нарисуй я вотъ эту картофелину, завтра ѣсть нечего будетъ. О, проклятое ремесло!

Тетрадка полетѣла черезъ всю комнату и шлепнулась на полъ. Наташа съ легкимъ крикомъ отскочила въ сторону.

— Ахъ, Господи! Гриня, проговорила она съ удивленіемъ.—Что съ тобой?

— Что со мной, что со мной? проворчалъ Горошанскій, искоса взглянувъ на жену, какъ-бы желая убѣдиться, что тетрадь не задѣла ее.

— Надоѣла мнѣ эта канитель, вотъ что!

Онъ съ шумомъ придвинулъ къ столу стулъ и грузно опустился на него. Наташа съ жалобнымъ недоумѣніемъ посмотрѣла на него, подошла, перегнулась черезъ его плечо и заглянула ему въ глаза.

— Гриня, ты съ ума сошелъ? спросила она, запустивъ маленькую руку въ его густые, всклокоченные волосы. Горошанскій нетерпѣливо повелъ плечами. Лукавая усмѣшка показала теперь на пухленькихъ губахъ Наташи; она легонько дернула его за волосы.

— Ахъ, оставь, Наташа, произнесъ мрачно Горошанскій,
— мнѣ не до шалостей!

— Да развѣ я шалю? Я хочу только знать, что съ тобой. Должень-же ты мнѣ, женѣ своей, сказать, зачѣмъ ты злишься.

Съ этими словами Наташа вскарабкалась ему на колѣни. Горошанскій, не измѣняя мрачнаго выраженія лица, отодвинулся отъ стола, чтобы дать ей сѣсть удобнѣе.

— Ну, говори, продолжала Наташа, откидывая ему со лба темныя кудри и разглаживая пальцемъ нахмуренныя брови.

Горошанскій отклонилъ голову отъ ея руки.

— Что говорить? Нечего говорить.

— Однако...

Горошанскій схватилъ записку редактора журнала «Незабудка» и сунулъ ей въ руку.

— На, читай.

Наташа пробѣжала записку и вопросительно взглянула на него.

— Что-же тутъ такого непріятнаго, замѣтила она нерѣшительно.

— А то, подхватилъ Горошанскій, всовывая ей въ руки повѣсть о молодой картофелинѣ, что съ этимъ онъ прислалъ воть эту чепуху! Полюбуйся.

Наташа неохотно перевернула нѣсколько страницъ.

— Нарисуйте, говорить, что-нибудь хорошенькое... А что вы тутъ нарисуете!.. да еще поскорѣй!.. И вотъ все время уходить на эти грошоваго произведенія, и ничего-то порядочнаго для себя не успѣешь сдѣлать! А ты еще спрашиваешь! Какъ-же ты то не понимаешь?

— Но если это тебѣ такъ непріятно—откажись. Напиши, что не намѣренъ тратить время на всякія глупости.

Горошанскій подскочилъ такъ неожиданно, что Наташа едва успѣла удержаться за его плечо.

— Ай, упаду, Гринька! вскрикнула она.

— Какъ можно такую чепуху городить, ожесточенно заговорилъ Горошанскій.—Откажись!.. Даромъ, что-ли, взялъ я эту обузу на себя! Что-же мы ѣсть будемъ?

Наташа тихонько слезла съ колѣнъ мужа. Горошанскій вскочилъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Откажись! повторилъ онъ съ озлобленіемъ, — и радъ-бы отказаться! Ужь, разумѣется, не изъ любви къ «Незабудкѣ» украшаю я ея страницы своими произведеніями! Откажусь сегодня, откажусь завтра иллюстрировать эту гиль... онъ тронулъ ногой все еще лежавшую на полу повѣсть о земляникѣ, — э, батюшка, скажеть Ѡадѣевъ, да мы тогда кого-нибудь поскладнѣе найдемъ. Намъ грансенъёрства въ нашемъ дѣлѣ не надо. Ужь вы займитесь, пожалуй, своимъ художествомъ, а мы батрака-съ возьмемъ, на работу небрезгливаго!.. А художнику что прикажете тогда дѣлать? Зубами отъ голода щелкать, да вздыхать вотъ передъ этимъ будущимъ.

Горошанскій, не переводя духа, проговорилъ свой монологъ, и, скрестивъ на груди руки и горестно потрясая головой, остановился передъ натянутымъ полотномъ, на которомъ углемъ была набросана довольно большая группа. Послѣдовало молчаніе. Наташа сѣла на стулъ, оставленный мужемъ. Она ни разу не обернулась, пока онъ шагаль по комнатѣ, и теперь, опустивъ голову, сидѣла неподвижно. Горошанскій машинально взялъ лежавшій на мольбертѣ кусокъ угля и хотѣлъ было провести имъ одну недоконченную черту, но, оглянувшись на Наташу, положилъ уголь обратно на мѣсто и снова зашагалъ по комнатѣ. Дойдя до злополучной земляники, онъ, послѣ нѣкотораго колебанья, поднялъ ее и съ виноватымъ видомъ положилъ на стулъ. Наташа не двигалась.

— Тебѣ сколько нужно, Наташа? спросилъ онъ мягко.

Наташа не отвѣчала.

— Наташа?

Пухленькія губки Наташи вздрогнули, и слезы, одна за другой, покатались по щекамъ.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? заговорила она всхлипывая, — зачѣмъ? Развѣ... я виновата... что вотъ... женился... и одни заботы... дразги... вмѣсто того, что прежде...

Наташа опустила голову на столъ и залилась слезами. Горошанскій совсѣмъ растерялся. Въ одно мгновеніе отутился онъ на колѣняхъ передъ нею и, обхвативъ большими руками маленькую фигурку жены, старался притянуть ее къ себѣ.

— Ну, Наташа, ну, лапушка, ну, не плачь! приговари-

валъ онъ, покрывая подѣлуями ея темную, горячую головку. — Экій олухъ я у тебя! Медвѣдъ сиволапый!. Наташечка, ну, родненькая, перестань!... Прибей меня лучше, разсердись, крикни: Гринька, скверный, гадкій!... Только не плачь!...

Ему удалось, наконецъ, приподнять раскраснѣвшееся, омоченное слезами лицо жены.

— Не буду, не буду больше такъ раздражаться, продолжалъ онъ, поспѣшно отирая ей слезы платкомъ, — и картофелину нарисую, и вонъ ту землянику. Онъ мотнулъ головой по направленію земляники. Еще какъ разрисую! Деньги большія запрошу, а тогда... Ну, Наташечка, засмѣйся, ну, пожалуйста...

Наташа давно уже силилась улынуться, а теперь, взглянувъ опухшими отъ слезъ глазами на несчастное лицо мужа, провела рукой ему по щекъ и прошептала:

— Не могу еще... Грина... дай вздохнуть...

— Ну, хорошо; ты подожди. Я сейчасъ воды принесу.

Горошанскій исчезъ, но черезъ минуту явился, неся въ рукахъ рукѳмойникъ и чайную чашку съ отбитой ручкой.

— Чортъ знаетъ, куда графинъ дѣлся, и стакановъ тоже нѣтъ! Ну, ничего, ты вотъ пей. Это Сенькина чашка.

Онъ налилъ чашку черезъ край, пролилъ часть воды на полъ и, не преминувъ облить также и блузу Наташи, заставилъ ее выпить всю воду.

— Ты облилъ меня, проговорила Наташа, тяжело вздохнувъ.

— Это ничего, возразилъ онъ, отирая ей блузу тѣмъ-же омоченнымъ слезами платкомъ, — ну что? легче теперь?

Наташа кивнула утвердительно головой.

— Вотъ и прекрасно! продолжалъ онъ весело, становясь снова передъ ней на колѣни. — Ну, а теперь надо нобить меня, да хорошенько... или подергай за волосы.

— Какъ? Вотъ такъ? спросила смѣясь Наташа, захвативъ въ горсть дѣлую прядь его густыхъ кудрей.

— Крѣпче, крѣпче! чтобы помнилъ какъ держать языкъ за зубами!.. Что это! Опять?..

Горошанскій съ испугомъ взглянулъ на отуманившееся снова лицо Наташи.

— Нѣтъ, Гриня, произнесла она дрожащимъ голосомъ, мнѣ все кажется, будто я виновата.

— Что за пустяки! Въ чемъ ты виновата?

— Да вотъ, что ты все долженъ рисовать для журналовъ.

— Въ чемъ-же ты-то тутъ виновата? И прежде такъ было.

— Прежде не такъ трудно приходилось, а теперь я, Сенька...

— Такъ, напротивъ, теперь легче стало. То для себя работалъ; куда какъ весело! а теперь для своихъ.

Наташа покачала головой.

— Мнѣ все кажется, мы не умѣемъ устроиться. Нѣтъ, ты постой. Дай досказать. Право, Гриня, я часто думаю, что не умѣю отстранить отъ тебя всѣ дразги. Иногда утромъ проснусь и говорю себѣ: Надо, чтобы Гриня работалъ надъ своей картиной, не буду ему мѣшать. Будемъ сидѣть тихохонько съ Сенькой у себя въ комнатѣ... Надо пока потерпѣть. Что-жъ дѣлать! Одного его нельзя оставить, еще малъ... А вотъ, когда подростеть, начну уроки давать, и тогда Гриня бросить «Не забуду», засядетъ за свою картину, и тогда... Ахъ, Гриня, какъ тогда будетъ хорошо!

Наташа обхватила руками шею мужа и пригнула его голову къ себѣ.

— Вотъ и отлично! замѣтилъ смѣясь Григорій Семеновичъ, вставая съ пола. Я думалъ, она начнетъ что-нибудь заунывное, а нѣтъ! умница! хвалю!

— Нѣтъ, нѣтъ! я совсѣмъ не то хотѣла сказать, заговорила торопливо Наташа, принимая снова серьезный видъ. — Это только предисловіе.

— Мы при немъ и останемся. Я имъ доволенъ.

— А я нѣтъ. Ты все Гриня, смѣешься.

— О чемъ-же плакать?

— Ахъ, постой. Дай говорить.

— Говори, говори, добродушно возразилъ Горошанскій.

Онъ закурилъ папиросу, повернулъ стулъ сидѣньемъ къ себѣ и сѣлъ на него верхомъ напротивъ жены.

— Я говорю, я виновата, что тебѣ приходится такъ много времени отдавать на заказную работу. Я не умѣю вести хозяйства, экономничать... и потомъ еще, Гриня! право-же я серьезно говорю. Я часто тоже думаю: Отчего, напимѣрь,

когда ты заваленъ вотъ этимъ—Наташа указала на повѣсти г-жи Д.—ты раздражаешься, что не можешь для себя работать, и ходишь самъ не свой, а когда свободенъ... Помнишь это лѣто въ деревнѣ? У тебя охота пропадаетъ... А я вотъ именно тогда и не умѣю тебя подстрекнуть.

Горошанскій, попыхивая папиросою, съ улыбкой слушалъ торопливый говоръ жены, но при послѣднихъ словахъ ея, онъ вынулъ изо рта папиросу и смущенно почесалъ голову.

— Вѣдь такъ, Гриня, я виновата? съ безпокойствомъ допрашивала Наташа.

— Нѣтъ, не ты.

— Кто-же?

Григорій Семеновичъ шевельнулъ бровями.

— Моя хохлацкая натура, произнесъ онъ съ горькой усмѣшкой;—лѣнь необъятная.

— Зачѣмъ ты на себя клепешь, Гриня! Развѣ ты не сидишь по цѣлымъ днямъ надъ этими иллюстраціями?

— Изъ подъ палки-съ, Наталья Ивановна. Притомъ, оно легче. Меньше мозгами ворочаешь.

Наташа нетерпѣливо передернула плечами.

— Какъ я не люблю, когда ты такъ говоришь.

— Чего не любить! Это правда. Ты думаешь, еслибы во мнѣ былъ истинный художникъ, то онъ не вылился-бы въ нѣсколькихъ произведеніяхъ, несмотря ни на какія «Незабудки»? А здѣсь, извольте взглянуть!

Горошанскій протянулъ руку и схватилъ повернутое къ стѣнѣ лицевой стороною полотно.

— Начатое «Свиданье» Тургенева. Дѣвочка едва очерчена и—брошено. Пейзажъ не давался. А тутъ: «Пріемъ больныхъ»—не конченъ; надошло... «Сватовство»—начато и т. д., и т. д.. А вотъ, это-съ,—онъ указалъ на мольбертъ,—«Сцена изъ Бориса Годунова»; ужъ нѣсколько недѣль задумана, а въ исполненіе не приводится, потому что трудно—лѣнь! Задумывать великое произведеніе легче и не въ примѣръ пріятнѣе.

Наташа собиралась перебить его.

— Нѣтъ, ты, пожалуйста, не разсуждай, не заговаривай. Знаю я въ чемъ суть. Не художникъ я, а диллетантъ. Художника трудности только подзадориваютъ, а диллетантъ ищетъ что полегче. Таковъ и вашъ покорный слуга.

Горошанскій говорилъ съ горячностью, съ какимъ-то злорадствомъ казня себя. При послѣднихъ словахъ онъ вскочилъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Тутъ они, батюшка, тутъ, тутъ! произнесъ въ это время старушечій голосъ за дверью.

Одна половинка двери раскрылась и въ нее просунулась большая курчавая головка двухлѣтняго ребенка. а за нею бочкомъ пролѣзъ и владѣлецъ ея, толстый мальчуганъ съ кренделемъ въ одной рукѣ и погремушкой въ другой.

— А-а! Семень Григорьевичъ, милости просимъ! весело заговорилъ Горошанскій подымая сына съ пола на руки.— Кстати изволили пожаловать Мы, было, съ мамой въ уныніе впади на счетъ порочности вашего родителя.

Сеня, въ отвѣтъ, сунулъ отцу крендель въ ротъ и разразился смѣхомъ. когда тотъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ съѣсть крендель. Минуть черезъ пять отецъ, мать и сынъ возились на полу, прятались за мольбертъ, и громкій хохотъ родителей прерывалъ радостныя взвизгиванья ребенка.

Появленіе Метцеля нарушило семейную картину. Горошанскій поднялся съ пола, гдѣ онъ, для потѣхи сына, только что ползалъ на четверенькахъ.

— Вотъ, братецъ ты мой, сказалъ онъ смѣясь,— до чего я дожилъ! Приходится лаять по-собачьему, мяукать по-кошачьему и ползать по-змѣиному ради потѣхи этого пузлана.

Онъ ущипнулъ толстую щеку Сеньки.

— Какъ это мы не слышали звонка? съ удивленіемъ спросила Наташа.

— Услышите вы чтонибудь среди вашего гама, возразилъ Метцель.— Я вашу возню еще на лѣстницѣ слышалъ.

Онъ оглядѣлъ рабочій столъ, выбралъ наименѣе запыленное мѣсто и поставилъ на него цилиндръ

— Я къ вамъ по дѣлу, кузиночка, обратился онъ къ Наташѣ.

— Ко мнѣ?

— Лично къ вамъ.

Безъ всякихъ предисловій передалъ онъ ей письмо Нюколая, а самъ сѣлъ и съ невозмутимымъ спокойствіемъ сталъ ожидать.

— Гриня, Сигидынъ женится! вскрикнула Наташа, вспыхнувъ отъ волненія.

Горошанскій сильно поморщился; полученное извѣстiе, впрочемъ, было тутъ не при чемъ; сынишка больно дернулъ его за бороду.

— Только какъ-же это!.. Я право не знаю, продолжала Наташа, съ замѣшательствомъ взглядывая на Метцеля, лицо котораго оставалось неизмѣнно безучастнымъ.—Прочти, Грина, прибавила она, протягивая письмо мужу.

— Освободи меня предварительно отъ этого бѣсенка. Онъ мнѣ всю бороду выщиплетъ.

Сенька не безъ сопротивленiя отцѣпилъ руку отъ отцовской бороды и съ крикомъ перешелъ на руки няньки. Горошанскій свернулъ изъ непрочитаннаго еще имъ письма Николая дудку и сталъ въ нее дудить ради развлечения сына, но такъ какъ Сенька потянулся за дудкой и еще пуще раскричался, когда ее ему не дали, то его вмѣстѣ съ няней выпроводили изъ комнаты. Метцель оставался все въ томъ-же положенiи на стулѣ, не выражая ни нетерпѣнiя, ни участiя ко всему происходившему. Горошанскій пробѣжалъ письмо, почесалъ въ головѣ и вопросительно взглянулъ на жену.

— Одна только комната и есть—гостиная, нерѣшительно проговорила Наташа.

— Гостиная, такъ гостиная, сказалъ Горошанскій, возвращая письмо Метцелю.

— Боюсь только, что Сенька будетъ беспокоить своимъ крикомъ, замѣтила Наташа.

— Что-жь дѣлать! Безъ этого нельзя! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Когда имъ будетъ нужно, приищутъ чтонибудь удобнѣе, отвѣтилъ Горошанскій.

Вопросъ о помѣщенiи Марьи Даниловны, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ.

Глава V.

Лакей высадилъ Варвару Ильинишну Ловагину изъ кареты у подъѣзда ея дома на Сергiевской. Швейцаръ настезъ открылъ передъ нею дверь. Варвара Ильинишна, сбросивъ ему на руки бархатную шубу, безмолвно поднялась по крытой краснымъ сукномъ лѣстницѣ. Швейцаръ подмигнулъ лакею.

— Гнѣвается? прошепталъ онъ едва слышно.

Лакей утвердительно кивнулъ головой.

— Молодой баринъ? тѣмъ-же шопотомъ спросилъ швейцаръ.

Лакей пожалъ плечами.

— Изъ дворца сердитая вышла... Никуда не заѣзжала, пояснилъ онъ.

Пока швейцаръ обмѣнивался съ лакеемъ этими немногими словами, Варвара Ильинишна вошла въ большой, свѣтлый залъ. Твердо ступая, рѣшительно шагала она по вощенному, гладкому, какъ стекло, паркету. Огромныя простѣночныя зеркала отражали во весь ростъ ея невысокую, сухощавую фигуру въ придворномъ малиновомъ бархатномъ платьѣ съ шифромъ на плечѣ и съ двухъаршиннымъ трѣномъ. Дорогая фата, спадающая съ вышитаго жемчугомъ повойника, на половину скрадывала желтоватая, немолодая плечи и руки. Варвара Ильинишна перешла залъ, прошла голубую, наполненную запахомъ гяцинтовъ гостиную, затѣмъ желтый кокетливый будуаръ въ японскомъ вкусѣ, и вошла въ спальню. Здѣсь ее ожидала горничная, извѣщенная звонкомъ швейцара о прибытіи госпожи. Варвара Ильинишна вошла вмѣстѣ съ нею въ маленькую, смежную со спальней уборную. Молча дала она снять съ себя придворный нарядъ, не разжимая губъ, замѣнила его чернымъ кашемировымъ платьемъ, накинула на сѣдые вьющіеся волосы черное кружево, машинально приняла изъ рукъ горничной янтарныя четки, и только тогда отрывисто спросила:

— Алексѣй Дмитриевичъ у себя?

— Не могу знать, возразила горничная.

— Узнай. Если дома, попроси ко мнѣ.

Горничная направилась къ двери.

— Скажи швейцару, чтобъ никого не принимали, приказала ей вслѣдъ Варвара Ильинишна.

Ловагина перешла въ спальню и сѣла въ широкое, покойное кресло. Кресло это, какъ и вся остальная мебель спальней, было обито темнозеленымъ бархатомъ. Темныя обои на стѣнахъ, темный коверъ на полу, тяжелыя бархатныя, затѣмнившія свѣтъ драпировки на окнахъ, такія-же драпировки на дверяхъ, вдвинутая въ альковъ кровать чернаго дерева придавали строгій, суровый характеръ всей комнатѣ. Ни цвѣтовъ

ни бронзы, ни бездѣлушекъ; и только у кровати одно большое распятіе изъ слоновой кости надъ маленькимъ налоемъ, крытымъ тѣмъ-же зеленымъ бархатомъ, рѣзко вырѣзалось своей бѣлизной на общемъ фонѣ.

Прямо, неподвижно сидѣла Варвара Ильинишна. Опутанныя четками, ея блѣдныя руки лежали на колѣняхъ; крупныя губы, оттѣненныя сѣдыми усиками, были крѣпко сжаты; тонкій орлиный носъ опустился къ низу; прищуренные глаза гнѣвно глядѣли передъ собой.

Торопливые, эластичные шаги приближались къ спальнѣ. Варвара Ильинишна повернула голову къ двери.

— Можно войти, ma tante? раздался молодой, веселый голосъ за портьерой.

— Войди.

Портьера раздвинулась; въ нее просунулась голова, покрытая бѣлокуроыми всклокоченными волосами; смѣющіеся голубые глаза остановились на Варварѣ Ильинишнѣ; ровные бѣлые зубы сверкнули изъ-подъ свѣжихъ, раскрытыхъ улыбкой губъ.

— Войдите, сухо проговорила Варвара Ильинишна.

— Сюда? Въ это святилище?

Варвара Ильинишна сдвинула брови. Портьера раздвинулась окончательно. Въ спальню вошелъ Алексѣй Ловагинъ, молодой человѣкъ лѣтъ 24-хъ, въ черной бархатной пулькѣ и свѣтлыхъ штанахъ; галстухъ изъ легкой свѣтлой матеріи небрежно завязанными концами спускался изъ-подъ отложнаго воротника рубашки.

— Признаюсь, не безъ священнаго трепета переступаю я всегда этотъ порогъ, произнесъ молодой человѣкъ, подходя къ Варварѣ Ильинишнѣ.

— Я попросила-бы васъ не паясничать...

— То-есть, иными словами, вы просите меня не говорить вздоръ. И вы думаете, что это такъ легко? Позвольте вашу ручку.

— Лишнее. Садись. Я должна съ тобой поговорить

Комическій ужасъ выразился на лицѣ молодого человѣка.

— Здѣсь?.. въ этомъ храмѣ! Поцадите, ma tante. Если вы уже почувствовали потребность пробрать меня, многогрѣш-

наго, то не здѣсь, не въ этихъ грозныхъ стѣнахъ. Къ грѣшникамъ надо имѣть снисхожденіе.

Барвара Ильинишна съ досадою выслушала его.

— Довольно, Alexis. Прощу тебя, сядь, настойчиво повторила она.

Алексѣй вздохнулъ и покорно сѣлъ напротивъ тетки.

— Какія у тебя сношенія съ редакціей «N...»? отрывисто спросила Ловагина.

Алексѣй подался всѣмъ корпусомъ впередъ и заглянулъ ей въ глаза.

— Вы сказали? съ неподдѣльнымъ изумленіемъ переспросилъ онъ.

— Ты слышалъ? Не заставляй меня повторять, нетерпѣливо промолвила Барвара Ильинишна.

— Дѣйствительно, я слышалъ, но я ушамъ своимъ не вѣрю. Такъ странно звучитъ подобное названіе въ этихъ стѣнахъ.

Онъ окинулъ взглядомъ стѣны, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели, что не онъ произнесъ неблагозвучное слово.

— Леша заговорила она вкрадчиво — Намъ надо разъяснить се *talentendu*¹⁾... Это недоразумѣніе, послѣшила она поправиться.

Барвара Ильинишна, пересыпая свою рѣчь галицизмами, въ принципѣ избѣгала вводить въ нее французскій языкъ. Она твердо отстаивала «главенство русскаго языка въ россійскомъ государствѣ». Это придавало ей оригинальность въ высшемъ свѣтѣ.

— Я знаю, ты меня любишь.

Она высв бодила одну руку изъ четокъ, и протянула ее племяннику. Алексѣй почтительно поцѣловалъ эту руку. Тогда она опустила четки на колѣни и, сжимая обѣими руками руку племянника, еще вкрадчивѣе продолжала:

— Ты не захочешь меня, старую женщину, лишить того почета, къ которому я привыкла! Ты не захочешь подвергнуть меня косымъ взглядамъ и нареканіямъ лицъ моего круга!

Тѣнь промелькнула въ глазахъ Алексѣя... Въ отвѣтъ на гнѣвные упреки тетки, у него всегда находился запасъ шу-

¹⁾ Это недоразумѣніе.

тогъ, но ея мягкость обезоруживала его. Однако, онъ не хотѣлъ еще сдаваться.

— Въ вашихъ словахъ, ma tante, кроется такое ужасное обвиненіе, шутливо замѣтилъ онъ,—что мнѣ, пожалуй, придется бѣжать отъ лица вашего, аки Каинъ, съ печатью проклятія на челѣ, бѣжалъ отъ лица Божьяго.

Варвара Ильинишна выпустила его руку.

— J'ai la mort dans l'âme ¹⁾, а ты шутишь! съ горечью произнесла она.

Лицо ея опять омрачилось и губы приняли суровое выраженіе. Алексѣй хотѣлъ возражать; она жестомъ остановила его.

— Довольно, съ прежней суровостью проговорила она. Мы слишкомъ долго разговариваемъ.

Она выпрямилась.

— Когда я садилась въ карету, заговорила она, сдерживая порывы голоса, — мнѣ п дали письмо. «Весьма нужное», стояло на конвертѣ. Я распечатала его въ каретѣ.

Варвара Ильинишна оглянулась на дверь будуара.

— Посмотри, есть тамъ кто-нибудь? отрывисто приказала она.

Ловагинъ всталъ, раздвинулъ портьеру и оглядѣвъ будуаръ.

— Никого нѣтъ, сказалъ онъ.

— А тамъ?

Варвара Ильинишна указала на маленькую дверь уборной.

Ловагинъ вошелъ въ уборную.

— И тамъ никого нѣтъ, сообщилъ онъ, возвращаясь.

— Хорошо, садись.

Ловагинъ повинувался.

— Меня предупреждали, заговорила снова Варвара Ильинишна, не спуская глазъ съ племянника (Алексѣю показалось, что она слегка поблѣднѣла),—что ты имѣешь сношеніе съ подозрительными личностями у меня... у меня въ домѣ! (голосъ ея дрогнулъ)... Мнѣ предложили спросить любаго изъ моихъ друзей, — что думаютъ о тебѣ въ свѣтѣ... Отвѣтъ несомнѣнный... Тебя считаютъ человѣкомъ опаснымъ... Тебя щадятъ ради меня...

Возвратившее волненіе пересилило гнѣвъ. Приподнятыя

¹⁾ У меня душа истерзалась.

плечи Варвары Ильинишны опустились, голова склонилась, въ устремленномъ на племянника взглядѣ выразился страхъ.

— Спросите любаго изъ друзей вашихъ, продолжала она повторяя выраженіе письма. — *J'ai suivi l'avis*¹⁾... Какихъ усилій мнѣ стоило войти спокойно, стоять спокойно, отвѣчать на вопросы, говорить... Кого спросить!.. Вопросъ могъ показаться страннымъ... И какъ тебѣ не грѣшно подвергать меня таковой пыткѣ! съ негодованіемъ вскрикнула она; слезы хлынули у нее изъ глазъ.

Передъ Ловагинымъ находился теперь не строгій, непреклонный судья, сидѣла не горделивая женщина, которая такъ рѣшительно, съ такимъ грознымъ лицомъ проходила въ своемъ великолѣпномъ нарядѣ черезъ пышную анфиладу комнатъ, а слабая безпомощная старуха съ выраженіемъ растерянности и страха на лицѣ. Алексѣю стало безконечно жаль тетку. Онъ нѣжно взялъ ее за руку. Варвара Ильинишна грубо оттолкнула его. Слезы нѣсколько успокоили напряженные нервы, и съ новой силой пробудилось раздраженіе противъ племянника. Онъ былъ причиной ея мученій, ея слабости. Варвара Ильинишна не любила проявлять эту слабость. Ей нравилось казаться твердой, неуязвимой. Она поспѣшно отерла слезы и снова выпрямилась.

— Я спросила Сигицына.

Алексѣй усмѣхнулся. Варвара Ильинишна строго взглянула на него.

— *Il est l'écho fidèle des on-dit*¹⁾, вотъ почему я его спросила, рѣзко проговорила она. — Онъ ничего сама не выдумываетъ. Изъ его словъ я заключила, что мнѣ писали вѣрно... Ты на дурномъ счету...

— Я васъ перебую, *ma tante*. Авторъ письма сохраняетъ, конечно, инкогнито?

— Письмо анонимное...

— Очень сожалѣю, что оно причинило вамъ столько безпокойствъ. Какъ-же вы намѣрены теперь поступить?

Вопросъ этотъ взорвалъ Варвару Ильинишну. Глаза ея загорѣлись гнѣвомъ.

¹⁾ Я послѣдовала совету.

²⁾ Онъ вѣрный отголосокъ толковъ.

— Mais il me semble, que c'est á moi de vous le demander ¹⁾! вскрикнула она, невольно сбиваясь на французскій языкъ.

— O, ma réponse est toute faite, chère tante ²⁾ Я просто избавлю васъ отъ своего присутствія.

Лицо Варвары Ильинишны передернулось судорогой; пальцы стиснули янтарныя четки, но она продолжала смотрѣть сурово на Алексѣя.

— Потрудитесь говорить яснѣе, сказала она рѣзко.

— Съ большимъ удовольствіемъ. По правдѣ сказать, я лично очень благодаренъ злополучному письму. Вы даже себѣ представить не можете, какъ оно кстати подвернулось. Оно прекращаетъ напряженныя отношенія, оно очищаетъ домъ сей отъ вреднаго элемента, оно возстановляетъ миръ и гармонию въ его стѣнахъ...

— Неужели ты не въ состояніи говорить серьезно хоть разъ въ твоей жизни, нетерпѣливо перебила его. Варвара Ильинишна.

— Помилуйте, я говорю совершенно серьезно. Меня радуетъ, что случай уничтожаетъ препятствія, нагроможденныя привязанностью съ одной стороны и чувствомъ долга, уваженія, сердечной благодарности—съ другой...

Варвара Ильинишна быстро наклонилась къ нему.

— Ты не хочешь сказать, что ты отъ меня выѣзжаешь? съ трепетомъ спросила она.

— Напротивъ; я именно это и хотѣлъ сказать. Я не только уѣзжаю, я уже уѣхалъ.

— Что! съ испугомъ вскрикнула Варвара Ильинишна, подымаясь съ кресла.

Алексѣй тоже всталъ.

— Видите-ли, тетушка, какъ намъ помогло письмо. Мы сразу приступили къ вопросу, котораго, вотъ уже нѣсколько дней, я не рѣшаюсь затронуть.

Варвара Ильинишна не отвѣчала. Алексѣй тревожно взглянулъ на нее.

— А только потому, когда вы успокоитесь... Вы увидите,

¹⁾ Мнѣ кажется, что мнѣ слѣдуетъ это у васъ спросить,

²⁾ О, мой отвѣтъ готовъ, милая тетенька.

тетушка, какое вы почувствуете облегченіе!.. Увѣряю васъ, вы его почувствуете, и даже очень скоро!.. Итакъ... Что я хотѣлъ сказать?.. Да!.. Когда вы успокоитесь, я вамъ совѣтую прибраться къ рукамъ вашихъ наблюдателей.

Если Алексѣй рассчитывалъ шуткою вывести Варвару Ильинишну изъ оцѣпенѣнія, расчетъ его оказался вѣренъ.

— Ainsi, vous avez désampré ¹⁾, съ невыразимымъ презрѣніемъ сказала она.

— Именно désampré, avec armes et bagages! ²⁾ живо подхватилъ Алексѣй. — Мой Лукьянъ совершилъ это очень ловко. Кстати, завтра онъ поступаетъ на новое мѣсто. Еще одной неприятностью для васъ меньше. Какъ видите, я все предвидѣлъ...

Алексѣй съ веселой улыбкой подчеркнулъ выразительнымъ жестомъ по воздуху послѣднія слова.

— Mon Dieu! неужели все это ложь! вскрикнула Варвара Ильинишна, всплеснувъ руками.

— Вы разумѣете письмо? Въ общемъ, конечно, ложь.

— Леша, ты гору снялъ у меня съ плечъ! Но зачѣмъ-же, злой, гадкій мальчишъ, ты не сказалъ сразу, что все это ложь! Развѣ я-бы тебѣ не повѣрила!.. съ новымъ приливомъ гнѣвности проговорила Варвара Ильинишна.

— Затѣмъ, что это не измѣняетъ сути дѣла.

— Нѣтъ, ты не уйдешь!? боязливо сказала Варвара Ильинишна, заглядывая ему въ глаза.

— Я уже уѣхалъ, тетушка.

— Ты пошутилъ; ты все шутишь.

— Я не шучу!

— Это жестоко, Леша, перестань.

— Серьезно, тетушка, я не шучу.

— Такъ-то ты мнѣ отплачиваешь за мои попеченія, съ горечью промолвила Варвара Ильинишна; гнѣвное выраженіе мелькнуло снова въ ея глазахъ.

— Увѣряю васъ, ma tante, впоследствии вы оцѣните мой поступокъ. Онъ васъ освобождаетъ отъ ненужныхъ безпокойствъ. Вы знаете сказку о курицѣ, которой подложили

¹⁾ Итакъ, вы сбывали,

²⁾ Сбывалъ, съ оружіемъ и имуществомъ.

утиное яйцо! Курица пришла въ отчаяніе, когда утенку вздумалось идти въ воду, но развѣ утенокъ виноватъ, что вода — его насущная потребность!

— Оставь глупыя сравненія! запальчиво возразила Варвара Ильинишна. — Мы одной породы. Ты сынъ моего роднаго брата. У тебя ростъ, черты лица мужской линіи Ловагиныхъ. Ты наслѣдовалъ способности и *l'esprit caustique* ¹⁾ твоего отца....

— То-есть, балагурство, хотѣлъ было сказать Алексѣй, но благоразумно промолчалъ. Варвара Ильинишна начинала выходить изъ себя.

— Мы одной породы, съ озлобленіемъ повторила она. — Но я знаю, откуда идетъ твоя демократизація! Я проклинаю тотъ часъ, когда сестрѣ Юліи Ильинишнѣ вздумалось настоять на томъ, чтобы тебя воспитывать до десяти лѣтъ въ деревнѣ! Ни я, ни пансіоны, ни то лучшее изъ лучшихъ заведеній, въ которое я тебя отдала, не могли искорнить *le germe repugnancieux* ²⁾, зароненный въ тебя деревней... И какъ я подумаю, сколько надежды, сколько трудовъ, сколько усилій потрачено даромъ!

Голосъ Варвары Ильинишны задрожалъ отъ гнѣва; въ глазахъ ея, устремленныхъ на племянника, исчезла всякая вѣжность; враждебно смотрѣли они ему въ лицо.

— Слушай, сказала она, стараясь говорить спокойно. — *On ne se moque pas ainsi de moi!* ³⁾ Я все простила, все терпѣла, потому что думала, ты образумишься, что ты поймешь, наконецъ, какъ много, какъ безконечно много я для тебя сдѣлала. Передъ тобой открывалась блестящая карьера.. Тебѣ все, все даромъ давалось: и богатство, и положеніе, и связи, а ты... *Assez...* ⁴⁾ Ты уѣзжаешь! Прекрасно. Но подумаль-ли ты, что ты тѣмъ лишаешься разомъ и моей привязанности, и наслѣдства.

— О первой глубоко сожалѣю, второе...

Алексѣй равнодушно пожалъ плечами.

— Похвальное безкорыстіе! съ ироніей замѣтила Варвара

¹⁾ Бѣдкій умъ.

²⁾ Вредное сѣмя.

³⁾ Я не позволю такъ надъ собой смѣяться.

⁴⁾ . . Довольно!..

Ильинишна.—Посмотримъ, какъ вы черезъ годъ, черезъ два заговорите! Ты, можетъ быть, рассчитываешь на Юлію Ильинишну. Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что она запуталась въ денежномъ отношеніи, какъ муха въ сѣтяхъ паука.

— Ради Бога, тетушка, прекратимъ этотъ тяжелый разговоръ. Я ни на кого не рассчитываю.

— Тѣмъ лучше.

Барвара Ильинишна стиснула рукой рѣзную спинку кресла, около котораго стояла; рѣзба впивалась глубокими рубцами въ ея нѣжную кожу; она не чувствовала боли.

— Уходи! съ усиленіемъ проговорила она, показывая свободной рукой на дверь.

Знаменитое «Sortez!» Рашели невольно промелькнуло въ головѣ Ловагина, но не вызвало въ немъ улыбки. Онъ въ смущеніи смотрѣлъ на искаженное гнѣвомъ лицо тетки.

— Уходи-же! крикнула, окончательно выходя изъ себя, Барвара Ильинишна.—Я тебя знать не хочу! помни!.. знать не хочу!.. Ни теперъ, ни послѣ, никогда! Я проклиная тотъ часъ, я проклиная тотъ день!.. я..

— Тетушка! мягко остановилъ Алексѣй.

Барвара Ильинишна стиснула зубы; рука ея еще крѣпче сжала спинку кресла. Алексѣй хотѣлъ заговорить. Барвара Ильинишна глазами указала ему на дверь. Алексѣй повиновался этому безмолвному приказанію. Въ дверяхъ онъ обернулся и обвелъ глазами комнату, будто желая запечатлѣть въ своей памяти всю обстановку. Взглядъ его, скользнувъ по бѣлому распятію, остановился на теткѣ. Тотъ-же враждебный, гнѣвный взоръ провожалъ его; съ тѣмъ-же ненавистнымъ выраженіемъ лица стояла она неподвижно на мѣстѣ.

— Какъ это все въ ней совмѣщается, подумалъ онъ.

Еще одинъ послѣдній взглядъ, и онъ вышелъ изъ комнаты, порога которой ему не суждено было болѣе переступить.

Съ озабоченнымъ, осунувшимся лицомъ, какъ человѣкъ, только что присутствовавшій при тяжелой операціи надъ близкимъ ему существомъ, Ловагинъ вошелъ въ занимаемый имъ во дворѣ дома Барвары Ильинишны флигель.

Въ небольшой свѣтлой спальнѣ, меблированной изящно, но безъ всякой роскоши, молодой краснощекай мальчикъ лѣтъ 17-ти стоялъ на колѣняхъ на полу, увязывая чемоданъ.

- Все уложено, Лукьянъ? спросилъ Ловагинъ.
- Все-съ. Владиміръ Львовичъ Метцель были здѣсь.
- А!.. зачѣмъ?
- Заходили узнать; когда вы къ нимъ переѣдете.
- Онъ ждалъ меня?

— Нѣтъ-съ, тотчасъ-же ушли. Скажи, говорятъ, Алексѣю Дмитричу, что комната и все тамъ остальное готово, и скажи, говорятъ, что я ихъ буду ждать къ обѣду.

— Прекрасно. Мы можемъ ѣхать, Лукьянъ!

Съ этими словами, Ловагинъ прошелъ въ кабинетъ, осмотрѣлъ пустые книжные шкафы, пустые ящики письменнаго стола, въ раздумьи поглядѣлъ на часы, стоявшіе на каминѣ, и внезапно, точно что-то вспомнивъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, и записалъ въ ней твердымъ, ровнымъ почеркомъ:

«Ноябрь 186*, категорическая ссора съ теткой Варварой Ильинишной. Аминь».

ГЛАВА VI.

Послѣ объясненія съ сыномъ, генераль Сигицынъ считалъ своей обязанностью, въ теченіи нѣкотораго времени, незамѣчать присутствія Николая дома. Онъ, что называется, дулся. Но прошелъ день, другой, и такое положеніе вещей начало серьезно тяготить генерала, тѣмъ болѣе, что желанье увидать свою будущую невѣстку все усиливалось. Онъ сталъ уже прискивать наименѣе роняющій его достоинство поводъ къ примиренію, когда на его имя пришло отъ Данилы Капитоныча письмо, до того рѣзкое, что генераль, едва владѣя негодованіемъ, немедленно поѣхалъ къ Настасѣ Петровнѣ Каздовой, своей неизмѣнной совѣтницѣ во всѣхъ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ.

Онъ засталъ ее одну. Она сидѣла въ гостиной на диванѣ и, по обыкновенію, раскладывала пасьянсъ.

— Нѣтъ, вы понимаете, та chère amie, сказалъ съ волненіемъ генераль послѣ того, какъ онъ передалъ Каздовой содержаніе письма Данилы Капитоныча, — какимъ непріятностямъ подвергаетъ меня Николай Андреичъ! Я еще въ жизни подобнаго рода писемъ не получалъ! Какое мнѣ дѣло до его

денегъ, до его дочки, до всей его *sainte famille!* ¹⁾ Николаю Андреичу угодно было съ нимъ породниться, но я-то тутъ при чемъ! Нѣтъ, вы мнѣ скажите, я-то тутъ при чемъ!..

— Не можете-ли вы показать мнѣ это письмо? спросила Настасья Петровна.

— Не могу. Я его скомкалъ и бросилъ въ каминъ. Если-бы вы знали, въ какихъ вѣжливыхъ выраженіяхъ этотъ торгошъ говоритъ мнѣ непростительныя грубости! «Ваше превосходительство» *par-ci* ²⁾! «Ваше превосходительство» *par-la* ³⁾! *C'est esoeugant* ⁴⁾! «Ваше превосходительство, можетъ, изволили разсчитывать»... Изволили разсчитывать!.. Пока Николаю Андреичу не угодно было навязать мнѣ въ *belle-fille* ⁵⁾ купеческую дочку, я даже фамиліи этого Карпачева не слыхалъ. Можетъ, вы отъ него что нибудь выписывали, а я и не выписывалъ, и не подозрѣвалъ о его существованіи!

Проговоривъ послѣднія слова особенно язвительно, генераль почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Настасья Петровна, внимательно слушая его, продолжала раскладывать пасьянсъ. Ея черные, глубоко впалые, нѣкогда очень красивые глаза, окруженные мелкой сѣткой морщинъ, извѣстныхъ у французовъ подъ названіемъ *pattes-d'oise* ⁶⁾, глядѣли на карты, но когда она вскидывала ихъ на генерала, то въ нихъ не трудно было замѣтить легкую насмѣшку. Сигицынъ, однако, не замѣчалъ. Онъ привыкъ повѣрять ей всѣ усложненія своей жизни. Она считалась пріятельницей его покойной жены и пользовалась его безусловнымъ довѣріемъ.

— Молодымъ людямъ трудно будетъ устроиться, промолвила она.

— Я умываю руки. Николай Андреичъ самъ выбралъ невѣсту; онъ-же долженъ подумать, какъ ему прокормить жену и будущее потомство. *Je n'y suis pour rien* ⁷⁾. Не я женюсь, а онъ.

¹⁾ Святаго семейства.

²⁾ Тутъ.

³⁾ Тамъ.

⁴⁾ Тошно.

⁵⁾ Невѣстки.

⁶⁾ Гусинныя лапки.

⁷⁾ Я тутъ не причемъ.

— Во всякомъ случаѣ, обстоятельства заставятъ теперь Nicolas поступить на службу, замѣтила она помолчавъ.

Генераль безнадежно махнулъ рукойъ.

— Je suis dégûté de toute cette histoire, parfaitement dégûté ¹⁾! произнесъ онъ уныло.

— Что-бы сказала бѣдная Зина! задумчиво проговорила она.

— Ахъ, не говорите!

Генераль, съ видомъ глубокаго огорченія, откинулъ голову на спинку кресла.

— Я скажу, какъ ce personnage de Molière ²⁾, началъ онъ скорбнымъ голосомъ; — qu'allait-il faire dans cette galère ³⁾! Кто его просилъ ѣхать въ Москву? Къ чему? Для чего? Когда подъ рукой у него было счастье, и какое счастье.

Бѣдая усмѣшка промелькнула на губахъ Настасьи Петровны.

— Я любилъ Руфи какъ дочь, я мечталъ, что...

— Мы съ вами мечтали, а молодые люди о нашихъ мечтахъ и не спрашивали, перебила его Настасья Петровна. — Nicolas, надѣюсь, будетъ счастливъ, а Руфи всегда видѣла въ немъ товарища дѣтства — не болѣе.

Генераль почувствовалъ въ этихъ словахъ, сказанныхъ, по-видимому, совершенно просто, маленькую колкость, и замолчалъ. Неожиданная помолвка Николая, впрочемъ, только чуть-чуть задѣла материнское самолюбіе Настасьи Петровны. Она не допускала, чтобы можно было предпочесть кого-нибудь ея дочери, но лично сама о бракѣ Руфи съ молодымъ Сигицынымъ никогда не помышляла. Выдавать дочь замужъ она вообще не торопилась.

— Скоро свадьба? спросила она, немного погодя.

— Не знаю и знать не желаю, возразилъ сумрачно генераль.

Настасья Петровна придвинулась къ нему и положила ему руку на обшлагъ рукава.

— Хотите знать мое настоящее мнѣніе, съ жаромъ заговорила она. — Вся эта исторія возбудила столько нелѣпныхъ слетень, что, по-моему, свадьбы ни въ какомъ случаѣ не слѣ-

¹⁾ Мнѣ опротивѣла вся эта исторія, въ конецъ опротивѣла.

²⁾ То дѣйствующее лицо у Мольера.

³⁾ Зачѣмъ онъ туда затесался!

дуетъ откладывать, и будь я на вашемъ мѣстѣ, я-бы не препятствовала.

— Я и не препятствую. Пусть дѣлаютъ какъ знаютъ. Я только прошу меня оставить въ покоѣ. Мнѣ кажется, я имѣю право объ этомъ просить? брюзгливо возразилъ генераль.

— Разумѣется. Я говорю такъ потому, что люблю Nicolas, и хотѣла-бы, чтобъ онъ и вы избавились поскорѣе отъ всей этой путаницы. Une fois le fait accompli ¹⁾, все войдетъ въ свою колею. Перемелется, мука будетъ.

Но на этотъ разъ генераль не хотѣлъ поддаться утѣшенію и только повторялъ:

— Ne m'en parlez plus. J'en suis dégoûté, dégoûté, dégoûté ²⁾.

Настасья Петровна заговорила о постороннихъ предметахъ. Разговоръ, однако, не клеился. Генераль все вздыхалъ, наконецъ поднялся и собрался ѣхать. Настасья Петровна съ обычной привѣтливостью проводила его до дверей передней.

— Кѣстати, промолвила она равнодушно, когда онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ей руку.—Я забыла вамъ сказать. Вчера я видѣла въ русской оперѣ невѣсту Nicolas. Elle est charmante ³⁾.

Генераль нахмурился.

— Что такое давали вчера? спросилъ онъ отрывисто.

— Русалку.

— А! скучная матерія! Я не любитель отечественной музыки. Не выходите, не выходите, простудитесь.

Съ этими словами генераль вышелъ въ переднюю и уѣхалъ.

Настасья Петровна вернулась въ гостиную, закурила папиросу и довольно долго сидѣла, покуривая одну папиросу за другой, въ углу на диванѣ, какъ-бы что-то обдумывая. Когда третья папироса была выкурена, она поднялась и отправилась въ комнату сына.

Арсеній Каздоевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то быстро писалъ. При появленіи матери, выраженіе неудовольствія промелькнуло на его лицѣ.

¹⁾ Разъ фактъ совершится.

²⁾ Не говорите больше объ этомъ. Все это мнѣ опротивѣло, опротивѣло, опротивѣло.

³⁾ Она прелестна.

— Я тебѣ помѣшала? робко спросила Настасья Петровна, приближаясь къ сыну.

— Нѣтъ, ничего, возразилъ Арсеній довольно сухо

Онъ прикрылъ лежавшую передъ нимъ рукопись раскрытою книгой и обернулся къ матери.

Настасья Петровна откинула ему отъ широкаго лба гладкіе черные, сухіе волосы, и любовно взглянула ему въ глаза.

— Вамъ что нибудь надо, папан? спросилъ онъ, нѣсколько смягчая сухость своего тона.

— Сигицынъ былъ сейчасъ у меня. Онъ получилъ пренеприятное письмо отъ будущаго тестя Nicolas.

Настасья Петровна присѣла на кончикъ дивана и передала содержаніе письма Карпачева. Арсеній съ сдержаннымъ раздраженіемъ посмотрѣлъ на то, что мать сѣла, и равнодушно выслушалъ ее.

— Для Николая Сигицына все это безразлично, замѣтилъ онъ неохотно.— Онъ не на деньгахъ женится.

— Разумѣется, нѣтъ. Но какъ они будутъ жить? Она, вѣроятно, привыкла къ роскоши. Купцы любятъ пускать пыль въ глаза.

— Марья Даниловна—дѣвушка съ характеромъ. Съ матеріальными лишеніями она навѣрное справится.

— Легко сказать—справится. Къ этому надо быть съ дѣтства подготовленнымъ. Вы всѣ ужасно увлекаетесь этой Марьей Даниловной, вдругъ ни съ того, ни съ сего прибавила Настасья Петровна.

Арсеній нетерпѣливо пожалъ плечами и придвинулъ къ себѣ рукопись. Настасья Петровна помолчала.

Арсеній обмакнулъ перо въ чернила и медленно отряхивалъ его надъ чернильницей.

Настасья Петровна нервно повернулась на диванѣ. Она чувствовала, что ея присутствіе ему въ тягость, однако не уходила.

— Ты не знаешь, когда будетъ свадьба? спросила она.

— Не знаю, лаконически отвѣчалъ Арсеній.

Онъ еще разъ обмакнулъ перо въ чернильницу.

— Я тебѣ мѣшаю, произнесла она обиженнымъ голосомъ.

— Мнѣ-бы надо кончить одну работу, осторожно замѣтилъ онъ.

— Настасья Петровна неохотно встала, подошла къ сыну и поцѣловала его въ лобъ.

— Я часто себя спрашиваю, что я тагор сдѣлала, что вы оба отдалились отъ меня, промолвила она съ горечьюю.

— Право, снѣге шаман, вы все это воображаете, сказалъ онъ довольно мягко, цѣлуя ей руку.

— Я воображаю что я тебѣ въ тягость, въ какое-бы время я ни вошла къ тебѣ.

Арсеній подавилъ невольный вздохъ, положилъ перо на подставку чернильницы и обернулся къ матери.

— О чемъ-же вы желаете поговорить? спросилъ онъ кротко.

— Ты занятъ. Я послѣ какъ нибудь поговорю.

Въ ея голосъ все еще звучала обида.

— Я готовъ васъ слушать хоть сейчасъ.

Онъ закурилъ папиросу и всталъ. Настасья Петровна снова сѣла на диванъ. Арсеній прислонился спиной къ книжному шкафу напротивъ нея.

Онъ былъ очень высокаго роста, широкъ въ плечахъ; его плотное сложеніе обличало силу и крѣпость, но въ движеніяхъ его проглядывала мѣшкотность и нерѣшительность; его несообразно съ туловищемъ короткія руки съ изящными, красивыми, маленькими какъ у женщины, оконечн стями, имѣли въ себѣ нѣчто слишкомъ округленное, слабое, почти безпомощно. Грустно-разсѣянное выраженіе сѣрыхъ глазъ, черезъ чуръ свѣтлыхъ по отношенію къ смуглому, почти бронз волю цвѣту лица, не гармонировало съ энергическимъ строеніемъ тѣла и смѣлой посадкой головы на округлой, мускулистой шеѣ, какъ не гармонировалъ съ ними небольшой ротъ съ мягкими, алыми, чувственными губами и мелкими, неровными, блестящими зубами. Коротко подстриженная бородка скрадывала неопредѣленное очертаніе нижней части лица, такъ не отвѣтствующей сильно развитому лбу. Въ общемъ, несмотря на эти недостатки, которые, впрочемъ, не всѣмъ бросались въ глаза, онъ имѣлъ выдающуюся наружность, и мать не безъ основанія, гордилась его красотой.

— Я боюсь, ты будешь слушать меня нетерпѣливо, промолвила Настасья Петровна, нервно перебирая кружевные концы своего чепца.

— Я буду слушать такъ терпѣливо, какъ вамъ угодно, возразилъ Арсеній.

Голосъ его. всегда тихій, глухой, звучалъ еще глуше и утомленнѣе обыкновеннаго.

— Я хотѣла пог ворить съ тобой... Ты всегда уклоняешься!.. о невѣстѣ Nicolas.

Арсеній стряхнулъ на полъ длиннымъ ногтемъ мизинца пепель съ папиросы. Выраженіе скуки промелькнуло на его лицѣ.

— Я не думаю уклоняться, отвѣтилъ онъ.—Мнѣ кажется, вамъ о ней уже много рассказывали. Теперь только и рѣчи, что о ней.

— Это-то меня и беспокоитъ. Всѣ эти разговоры могутъ очень вре но повліять на воображеніе Руфи.

— Отчего-же вре но?

— По всему, что я слышала, всѣ понятія и дѣйствія будущей М-ше Сигицыной мнѣ не нравятся. Я-ы не хотѣла, чтобы Руфи. преклоняясь передъ твоимъ приговоромъ, подпала подъ ея вліяніе. Если-бы я видѣла въ этомъ пользу для Руфи, то, разумѣется. сумѣла-бы побороть личную антипатію, прибавила Настасья Петровна не безъ гордости.—Но такъ какъ я вижу въ этой Марѣ Даниловнѣ вредный воспитательный элементъ для Руфи, то, естественно, меня ея нежданное, неожиданное появленіе въ нашемъ обществѣ беспокоитъ.

— Напрасно. Впервыхъ, Руфи такая спокойная, благо-разумная дѣвочка, что за нее опасаться нечего. Она пойдетъ прамѣшенько по разъ начертанной ею себѣ дорожкѣ.

— Ты не знаешь своей сестры, Арсеній.

— Вы думаете, я этимъ опредѣленіемъ ея натуры умаляю ее? Нисколько. Она славная дѣвочка, но у нея кровь, къ счастью для нее, течетъ медленно и воспламеняться при-мѣромъ другихъ она не станетъ.

— А ея обожаніе тебя доказываетъ развѣ холодность?

Ар еній улыбнулся.

— Экзальтація дѣвочки. Выйдетъ замужъ, и это обожаніе перейдетъ на мужа, на ребенка, смотря по обстоятельствамъ.

— Ты все говоришь дѣвочка, дѣвочка!.. Ей уже двадцать лѣтъ.

— Тѣмъ не менѣе, она еще совершенный ребенокъ.

— Пусть такъ, но мнѣ не хотѣлось-бы, чтобъ этого ребенка сбивали съ толку.

— Какъ можетъ Марья Даниловна сбить ее съ толку! Наконецъ, почему вы думаете, что онѣ, познакомившись, непременно сойдутся? Мнѣ кажется, онѣ такъ различны, что между ними ничего не можетъ быть общаго.

— Дай Богъ.

— Затѣмъ, татап, я право не могу понять вашего враждебнаго отношенія къ дѣвушкамъ, которой вы лично не знаете.

— Я достаточно о ней слышала, возразила недовольнымъ голосомъ Настасья Петровна.

Арсеній подвинулся къ столу, чтобы положить окурокъ папиросы въ пепельницу, взялъ новую папиросу, и, повертывая ее между пальцами, разсѣянно пробѣгалъ глазами недописанную страницу рукописи. Настасья Петровна хотѣла бы ло встать, но опять сѣла.

— Дай мнѣ, пожалуйста, папиросу, сказала она.

Арсеній подалъ ей раскрытую коробку.

— Я слышала, ты почти ежедневно бываешь у m-lle Карпачевой, произнесла она, стараясь говорить какъ можно проще.

Арсеній зажегъ спичку и поднесъ ее матери. Она пыливо глядѣла на него. Сердце ея застучало, когда, при ея вопросѣ, кровь прилила къ его смуглымъ щекамъ, а въ глазахъ мелькнуло недоброе выраженіе. Она боялась его вспыльчивости.

— Имѣя всегда возможность встрѣтить у нее Николая Сигицына, я бываю у нее часто, отвѣтилъ онъ, однако, сдержанно.

— Мерси, сказала она, закуривая папиросу.

Онъ бросилъ спичку въ пепельницу, и, заложивъ руки за спину, началъ медленно, тяжело ступая, шагать по кабинету. Настасья Петровна потянула въ себя дымъ. Лицо ея разгорѣлось отъ подавленнаго волненія.

— Мнѣ говорили также, будто изъ этой свадьбы ничего не будетъ, и le pauvre Nicolas останется не при чемъ... Говорять... Я, конечно, этому не вѣрю... Vous y êtes pour quelque chose ¹⁾.

¹⁾ Вы тутъ не совсѣмъ въ сторонѣ.

Она неловко размѣялась, но смѣхъ этотъ оборвался, когда Арсеній вдругъ круто обернулся къ ней и сурово спросилъ:

— Откуда вы черпаете всё эти бабы сплетни?

— Я-бы просила тебя не говорить со мной такимъ тономъ, проговорила Настасья Петровна, раздражаясь въ свою очередь.

Арсеній враждебно взглянулъ на мать.

— Отъ кого вы это слышали? спросилъ онъ мепѣ рѣзко.

— Имена здѣсь къ дѣлу не относятся. Вчера мнѣ ее показывали въ театрѣ. Я наблюдала за ней. Она, дѣйствительно, изъ такихъ, которыя любаго мужчину поведутъ на веревочкѣ.

— Вы, можетъ, уже намѣтили всѣхъ тѣхъ, кого поведутъ на этой веревочкѣ? замѣтилъ Арсеній саркастически.

Онъ снова зашагалъ взадъ и впередъ, сжимая и разжимая за спиной пальцы, что въ немъ служило признакомъ сильнаго раздраженія.

— Инстинктъ матери никогда не обманываетъ, произнесла Настасья Петровна, глотая подступавшія слезы. — Я намѣтила только одного.

— Меня?

Арсеній насмѣшливо улыбнулся.

— Эта дѣвушка тебя до добра не доведетъ, продолжала она.

— Еще не было ни одной дѣвушки или женщины, которой вы не подозрѣвали-бы въ какихъ-либо злостныхъ покушеніяхъ на мою личность.

Это была правда; можетъ быть, отъ того Настасья Петровна и вспыхнула такъ, и глаза ея наполнились слезами.

— Богъ съ тобой, Арсеній! съ усиліемъ заговорила она дрожащимъ отъ гнѣва и обиды голосомъ. — Ты-бы не долженъ такъ говорить со мной. Прежде ты былъ справедливѣе.

Она встала и ушла. Онъ не удержалъ ее, хотя и слышалъ подавленное всхлипыванье за дверью, которую она заперла за собой.

Арсеній рѣдко бывалъ такъ рѣзокъ съ матерью. Обыкновенно онъ лаской и шуткой отклонялъ ея ревнивыя подозрѣнія и сѣтованья на отчужденіе отъ нея дѣтей.

Настасья Петровна рано лишилась мужа. Ея непродол-

жительная брачная жизнь была преисполнена волненій. И она, и мужъ ея, оба горячіе, своенравные, необузданные, любили другъ друга, но любили безпокойно, тревожно, обвиняя постоянно одинъ другаго въ охлажденіи, въ измѣнѣ. Случалось имъ мѣсяць провести въ разлукѣ—нѣжнѣйшія посланія, полныя раскаянья и увѣреній въ неизмѣнной любви, сыпались съ обѣихъ сторонъ. Лишь только они были вмѣстѣ, и снова возникали бурныя сцены, ревнивыя вспышки, истерики съ ея стороны, взрывы бѣшенства съ его. Такъ они прожигали дни свои между ссоръ и перемирій. Обезпеченное состояніе дозволяло имъ безпрепятственно заниматься другъ другомъ и развитіемъ ихъ любовной драмы, и матерьяла для этой драмы хватило-бы, можетъ быть, еще надолго, если-бы внезапная смерть Каздоева не привела къ насильственной развязкѣ. Онъ умеръ отъ разрыва сердца въ минуту упоенія и счастья, всегда слѣдовавшей за налетающей и пролетающей супружеской бурей. Настасья Петровна приняла ядъ. Ее спасли. Она пробовала застрѣлиться, и опять явилась во-время помощь. Серьезная продолжительная болѣзнь прекратила естественно дальнѣйшія попытки къ самоубійству. Послѣ болѣзни, отчаяніе утратило острый характеръ. Она рѣшила, что ея личная жизнь окончена, что она останется вѣрна памяти мужа и отдастся вся воспитанію сына и дочери. Сначала она исполняла принятія ею на себя обязанности холодно, сухо, но, мало-по-малу, она привязалась къ дѣтямъ; привязанность эта росла и скоро сдѣлалась такой-же страстной, тревожной и требовательной, какъ и погибшая ея любовь.

Послѣ разговора съ сыномъ она долго не выходила изъ своей спальни; ея расхолодившіеся нервы, по обыкновенію, не скоро могли успокоиться. Раздраженіе, вызванное непривычною рѣзкостью сына, прошло. Она уже не чувствовала обиды, и готова была съ обычною порывистою нѣжностью обнять и цѣловать его, если-бы только была увѣрена, что лапки ея не будутъ ему въ данную минуту въ тягость, но волненіе ея не проходило. Напротивъ, оно какъ будто получило оправданіе, почву, послѣ предъидущаго разговора съ сыномъ. Онъ ничего не опровергалъ, онъ только сердился, и ея подозрѣнія не только не разсѣялись, но еще утвердились, и, вмѣстѣ съ

этимъ, еще болѣе утвердилась рѣшимость шагъ за шагомъ, не брезгая никакими средствами, добраться до истины.

Принимая подобнаго рода рѣшеніе, Настасья Петровна была искренно увѣрена, что ея руководить только забота о благѣ дѣтей, и въ безграничной къ нимъ любви, лишенной всякаго—какъ она думала—эгоизма, она находила оправданіе всѣмъ своимъ поступкамъ.

Глава VII.

— Когда человѣкъ начинаетъ зарываться, то одно средство—встряхнуть его порядкомъ, чтобы онъ опомнился и восчувствовалъ, разсуждалъ самъ съ собою Павелъ Ивановичъ Евлампьевъ, подымаясь по лѣстницѣ дома, гдѣ жили Каздоевы, — а если встряхиванье не подѣйствуетъ, тогда...

Что бываетъ «тогда», этого Павелъ Ивановичъ себѣ не досказалъ, такъ какъ въ ту минуту сильно дернулъ за звонокъ Каздоевыхъ. Маленькая востроносенькая горничная открыла дверь. Она неодобрительно взглянула на приземистую, короткую фигуру посѣтителя въ потертой, старой мѣховой шинели, накинутой на одно плечо, и въ надвинутой до самыхъ бровей обтерханной шапкѣ нѣмецкаго бобра, изъ подъ которой въ беспорядкѣ выбивались клочья щетинистыхъ сѣдыхъ волосъ.

Синевато-красный цвѣтъ широкаго немолодаго лица и круглаго припухлаго носа съ перваго взгляда заставляли подозрѣвать Евлампьева въ пристрастїи къ крѣпкимъ напиткамъ.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, Арсенію Михайловичу, заговорилъ онъ,—что, молъ, Павелъ Ивановичъ Евлампьевъ...

— Пожалуйте, перебила его горничная, отступая отъ порога,—они дома.

— Невозможно. Я вамъ тутъ всю музыку разстрою.

Онъ указалъ пальцемъ сначала на лощеный, безукоризненно-чистый полъ передней, а затѣмъ на свои грязью обрызганныя калоши.

— Сегодня грязьца безпримѣрная, пояснилъ онъ.— Скажите Арсенію Михайловичу, что Евлампьеву очень нужно ихъ видѣть. Пусть они выйдутъ на улицу; я подожду ихъ у во-

ротъ. Да, не забудьте имъ подать пальтецо потеплѣе, неравно простудятся.

Евламповъ прищурилъ лѣвый глазъ и лицо его приняло шутовское выраженіе. Горничная сухо глядѣла на него и молча потянула къ себѣ дверь. Очевидно, посѣтитель ея расположеніемъ не пользовался. Евламповъ замѣтилъ недоброежелательный взглядъ и снова прищурилъ глазъ.

— Какъ здоровье Настасьи Петровны, Руфины Михайловны? спросилъ онъ заботливо.

— Слава Богу, неохотно возразила горничная.

— Отлично, отлично! очень радъ! съ неестественнымъ восторгомъ вскрикнулъ Евламповъ.—Мое нижайшее имъ почтеніе.

Онъ торопливо приподнял шапку и отвѣсилъ глубокой поклонъ.

— Арсенья-то Михайловича не забудьте послать. Очень нужно.

Горничная заперла дверь, а Евламповъ спустился съ лѣстницы. Онъ натянулъ шинель на плечи, завернулся въ нее плотнѣе и, откинувъ назадъ свою большую голову, съ достоинствомъ прошелъ мимо представительнаго швейцара, полулежавшаго на ларѣ съ газетой въ рукахъ. Швейцаръ пренебрежительно посмотрѣлъ на Евлампова, спустилъ съ ларя ноги, но не всталъ, чтобъ отпереть дверь. Евламповъ замедлил шаги, мелькомъ взглянулъ на швейцара, и отрывисто произнесъ:

— Дверь!

Швейцаръ изумился, но не пошевелился. Евламповъ вдругъ круто повернулся къ нему. Темные глаза гнѣвно сверкнули изъ-подъ нависшихъ бровей. Швейцаръ нехотя всталъ и отперъ дверь. Евламповъ гордо прошелъ въ нее.

— Острастка нужна! Холопы! процѣдилъ онъ сквозь зубы, и не утерпѣлъ, чтобы не оглянуться на швейцара.

— Струсилъ! подумалъ онъ, прищуривая, по обыкновенію, лѣвый глазъ.

Швейцаръ съ сердцемъ захлопнулъ за нимъ дверь.

— Шляется тоже всякая голь по парадной лѣстницѣ, проговорилъ онъ, возвращаясь на свое мѣсто.—Только ковры пакостятъ!

— Мерзость какая! пробормоталъ Евламповъ, выходя на улицу.

Воскличаніе это относилось къ погодѣ, дѣйствительно отвратительной. Снѣгъ вмѣстѣ съ дождемъ хлесталъ въ лицо, забирался за воротникъ шубы и пронизывалъ холодомъ. Декабрьское тусклое небо безотрадно, свинцовой пеленой, повисло надъ Петербургомъ. Тротуары лоснились отъ мокроты; съ водосточныхъ трубъ ручьями стекала вода. Евламповъ укрылся отъ дождя подъ воротами. По случаю сочельника, на улицѣ, не смотря на унылую погоду, движеніе было усиленное. Кареты съ грохотомъ катились, обдавая грязью скромныхъ сѣдоковъ извозничьихъ дрожекъ, обремененныхъ разными кулками и мѣшками. Всѣ имѣли озабоченный видъ; всѣ спѣшили, торопились. Одни, чтобы укрыться отъ непогоды, другіе, чтобы покончить засвѣтло свои дѣла. А сумерки, между тѣмъ, надвигались и въ окнахъ магазиновъ уже загорались огни.

Евламповъ оставался безучастнымъ зрителемъ уличной суетни. Иныхъ онъ провожалъ глазами, мысленно дѣлая относящіяся къ нимъ замѣчанія, на другихъ не обращалъ вниманія. Одно небольшое обстоятельство неожиданно оживило его. На противоположной сторонѣ улицы по тротуару бѣжала маленькая, тощая желтая собаченка. Она бѣжала въ припрыжку на трехъ ногахъ, держа переднюю переломленную лапу на воздухѣ, и робко озиралась вокругъ. Вдругъ, изъ подъѣзда высокаго дома, опережая хозяина, выскочилъ большой красивый волкодавъ въ бронзовомъ ошейникѣ и съ лаемъ кинулся на собаченку. Та присѣла на заднія лапы и, дрожа отъ страха, на всякій случай оскалила зубы въ тщетной надеждѣ испугать непріятеля, но онъ въ одинъ мигъ схватилъ ее за загривокъ и повалилъ. Метла дворника немедленно прекратила свалку. Волкодавъ, какъ ни въ чемъ не бывало, послѣдовалъ за своимъ хозяиномъ, а несчастная перепуганная собаченка перебѣжала улицу и спряталась подъ воротами, гдѣ стоялъ Евламповъ. Онъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за маленькой сценкой, едва обратившей на себя вниманіе прохожихъ, и теперь не то съ жалостью, не то съ презрѣніемъ смотрѣлъ на дрожавшую какъ осиновый листъ собаченку.

— Что, попалась! проговорилъ онъ.— Не лѣзь на глаза сильнымъ! Ничтожество, какъ двуногое, такъ и четвероногое,

должно лѣпиться по угламъ. Эвона, что выдумала! Бѣгать по тротуару! Будто, дескать, и она имѣетъ на то право!

Собаченка жалобно поглядѣла на него и нервѣшительно завляла всклокоченнымъ, залѣпленнымъ грязью хвостомъ.

— Поди сюда!

Онъ поманилъ ее рукой. Она покорно подползла къ нему.

— Давай сюда лапу.

Онъ осторожно приподнялъ ея перешибленную лапу.

— Калѣка на всю жизнь! А еще жить хочеть! Дура!

Онъ опустилъ лапу и почесалъ ей за ухомъ. Собаченка, не спуская съ него благодарныхъ глазъ, прижалась къ его ногамъ. Онъ выпрямился, въ ворота входилъ Каздоевъ.

— Еслибы мнѣ не сказали, что меня ждетъ у воротъ Павелъ Ивановичъ Евлампьевъ, то я-бы самъ догадался, кто меня можетъ вызвать на улицу въ такую погоду... промолвилъ смѣясь Арсеній. — Отчего вы не вошли?

— Убоялся гнѣва родительницы.

— Ее, кстати, дома нѣтъ.

— Приѣдутъ, увидятъ мою гнусную фizioномію и разстроятся.

Каздоевъ, улыбаясь, покачалъ головой, но не возражалъ. Настасья Петровна, дѣйствительно, не долюбивала Евлампьева.

— Куда-же вы меня потащите? спросилъ Арсеній, когда они вышли изъ-подъ воротъ. Собаченка поплелась за ними.

— Если не побрезгаете моею укромной хижиной, то ко мнѣ.

— Но мы, конечно, возьмемъ извозчика?

— Ножки боитесь утомить. Извольте — покоряюсь.

Они взяли извозчика. Собаченка въ припрыжку заковыляла за ними. Евлампьевъ нѣсколько разъ оглянулся на нее.

— Чья это? ваша? спросилъ Арсеній.

— Нѣтъ, такъ, прилудная! Развѣ взять ее? нервѣшительно прибавилъ онъ немного погодя.

Арсеній поморщился.

— Такую грязную? Впрочемъ, какъ хотите.

Евлампьевъ оглянулся. Собаченка значительно отстала.

— Остановить? спросилъ Арсеній.

Евлампьевъ махнулъ рукой.

— Пусть пропадаетъ! Туда ей дорога.

Онъ потянулъ воротникъ на уши, и больше не огляды-

вался. Опрокинутый на углу улицы возъ и происшедшее вслѣдствие этого стѣсненіе экипажей заставили ихъ остановиться. Евлампьевъ привсталъ и обернулся назадъ. Собаченки нигдѣ не было видно.

— Туда ей дорога! повторилъ онъ, усаживаясь, насупилъ брови и, словно чѣмъ-то недовольный, всю дорогу молчалъ.

Онъ жилъ на Пескахъ и нанималъ за 15 руб. комнату у вдовы чиновницы. Комната эта, оклеенная дешевенькими свѣтлыми обоями, имѣла два окна. У одной стѣны помѣщался продавленный диванъ, обитый долинялою шерстяною матеріей и подпертый, за отсутствіемъ заднихъ ножекъ, положенными одно на другое полѣньями; у другой стояло старинное фортепьяно а на немъ—скрипка въ черномъ потертомъ ящикѣ. Два раскрытыхъ ломберныхъ стола, одинъ передъ диваномъ, другой въ простѣнкахъ между окнами, желѣзная кровать за ширмами, комодъ съ ворохомъ наваленныхъ на него книгъ, нѣсколько стульевъ и, наконецъ, пріютившаяся въ углу у фортепьяно старенькая этажерка для нотъ дополняли мебелировку комнаты. Ноты, нотная бумага и книги валялись, впрочемъ, всюду: и на полу подъ фортепьяно, и на фортепьяно, и на стульяхъ, и на столахъ. На окнахъ висѣли жиденскія кисейныя занавѣски, подвязанныя, ради красы, розовыми валенкоровыми полосками; на запыленныхъ подзорахъ дѣпились шу изъ такого-же каленкора. Евлампьевъ, нанимая комнату, настаивалъ, чтобы занавѣски и шу были убраны, но это такъ огорчило хозяйку—по ея мнѣнію, съ ихъ исчезновеніемъ квартира утратитъ всякій видъ,—что Евлампьевъ уступилъ. Благодаря его уступчивости, осталась висѣть надъ комодомъ и цѣлующая птичку размалеванная дѣвица въ голубомъ платьѣ. Въ первый-же вечеръ своего водворенія, Евлампьевъ нагромоздилъ на комодѣ книгъ, и сдѣлалъ это такъ, что одни круглые изумленные глаза дѣвицы видѣлись изъ-за фоліантовъ. Вдова, несмотря на строгое запрещеніе Евлампьева прикасаться къ чему-бы то ни было въ его комнатѣ, воспользовалась отсутствіемъ неэстетичнаго жильца и, раздвинувъ книги, высвободила дѣвицу изъ засады. Съ тѣхъ поръ завязалась маленькая тайная борьба. Днемъ, въ отсутствіе жильца, дѣвица освобождалась изъ своего книжнаго заключенія, вечеромъ она снова исчезала за рядомъ плотно сдвинутыхъ книгъ. Наконецъ, вдова, хотя и съ него-

дованіемъ, но въ свою очередь уступила, и дѣвица, за неимѣніемъ ей приличнаго помѣщенія въ комнатѣ хозяйки, осталась полускрытой отъ глазъ посѣтителей. Впрочемъ, другихъ поводовъ къ неудовольствіямъ между хозяйкой и жильцомъ не было.

Краснощекая, толстая дѣвка въ подогнутомъ у пояса сарафанѣ сняла съ Арсеня и Евлампьева промокшее верхнее платье и внесла вслѣдъ за ними въ комнату самоваръ. Евлампьевъ зажегъ двѣ стеариновыя свѣчи, поставилъ ихъ на ломберный столъ передъ диваномъ и, указывая на диванъ рукой, произнесъ:

— Честь и мѣсто!

Евлампьевъ занималъ эту квартиру недавно. Каздоевъ разъ заѣзжалъ къ нему, но не засталъ его дома. Розовые шу сразу бросились ему въ глаза.

— Вотъ вы какъ нынче! шутливо замѣтилъ онъ.

Евлампьевъ не отвѣчалъ. Съ суровымъ выраженіемъ лица заварилъ онъ чай и принялъ изъ рукъ дѣвки два стакана съ блюдечками и сахарницу.

— Теперь ступай, сказалъ онъ ей.

Дѣвка зашлепала по направленію къ двери босыми ногами.

— Поймай! крикнулъ онъ ей вслѣдъ.—Хозяйка ушла?

— Ушла.

— Хорошо, ступай!

— Мы теперь одни въ квартирѣ, пояснилъ онъ, когда дверь захлопнулась.—Хозяйка до вечера не вернется домой.

Онъ принесъ изъ-за ширмы полъ-бутылки хорошаго коньяку и поставилъ ее передъ гостемъ.

Каздоевъ съ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ. Его поражала необычная сдержанность и даже нѣкоторая торжественность въ движеніяхъ Евлампьева.

— Отогрѣвайтесь, лаконически произнесъ Павелъ Ивановичъ, подавая ему стаканъ чаю.

Арсеній зналъ, что Евлампьевъ притащилъ его къ себѣ для какой-нибудь длинной бесѣды, но онъ не торопился ее начинать. Переходъ отъ сырости къ теплотѣ, чай, сильно разведенный коньякомъ, полная тишина въ квартирѣ располагали къ лѣни. Молчанье, въ настоящую минуту, онъ предпочелъ-бы всякому разговору.

— Хотите музыки? неожиданно спросилъ его Евлампьевъ.

Арсеній обрадовался.

— Всегда, во всякое время, поспѣшно отвѣтилъ онъ.

Евламповъ прищурилъ глазъ.

— Музыка васъ еще болѣе разнѣжить, промолвилъ онъ.

Однако всталъ, подошелъ къ фортепьяно и вынулъ изъ ящика скрипку. Каздовъ прислонился головой къ спинкѣ дивана и закрылъ глаза. Евламповъ, настроивъ скрипку, взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Хотите послушать фантазію на «Лунную ночь» Шумана? Вчера я набрелъ на кое-какія комбинаціи. Выходить недурно.

Арсеній утвердительно кивнулъ головой. При первыхъ-же звукахъ онъ весь обратился въ слухъ.

Евламповъ игралъ превосходно. Нѣжно, мягко, пѣвуче звучали струны подъ его искуснымъ смычкомъ. То тихо-таинственно, какъ ручеекъ въ тиши ночной, то сладко-томительно, какъ пѣснь любви соловья, лилась чудная, полная грезъ и жгучихъ желаній мелодія. Арсеній затаилъ дыханіе; страстное, непреодолимое желаніе въ свою очередь проникало ему въ душу; слезы умиленія, восторга, счастья подступали къ глазамъ, а пѣснь росла, расширялась; все дальше, все выше, все призывнѣе неслись дивные звуки, и нервы напрягались, сердце сжималось до боли...

Внезапный рѣзкій фальшивый звукъ разсѣялъ очарованье. Арсеній открылъ глаза.

— Такъ всегда бываетъ съ грезами и мечтами, проговорилъ Евламповъ.— Не прогибвайтесь .

Онъ коротко разсмѣялся. Арсеній съ досадою посмотрѣлъ на него. Грубо проведенный по струнамъ смычокъ ударилъ его по нервамъ; неприятная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? спросилъ онъ, когда Евламповъ, положивъ скрипку въ ящикъ, подошелъ къ нему.

— Чтобы вернуть васъ къ дѣйствительности.

— Лишнее было меня отъ нея удалять, нетерпѣливо замятилъ Арсеній.

Онъ придвинулъ къ себѣ недопитый чай.

— Вы на меня не сердитесь, съ жаромъ заговорилъ Евламповъ.— Видитъ Богъ, хотѣлъ васъ побаловать музыкой, да проклятый смычокъ какъ-то замотался въ рукѣ.

— Оставимъ это, сухо перебилъ его Арсеній.—Какое же у васъ дѣло до меня, Павелъ Ивановичъ?

— Все еще гнѣвается! нехорошо! сказалъ, вздыхая, Евлампьевъ.

Онъ присѣлъ на диванъ, рядомъ съ Каздоевымъ, и положилъ ему руку на плечо.

— А что вы скажете, началъ онъ вкрадчиво,—если я приронусь вотъ этой грубой лапой—онъ указалъ на свою руку—къ струнамъ неосязательнымъ, но еще болѣе отзывчивымъ, чѣмъ струны моей скрипки.

— Что это вы ко мнѣ приступаете съ подходцами, какъ къ женщинѣ, уже шутиливо замѣтилъ Каздоевъ.

Евлампьевъ прищурилъ глазъ.

— А если солоно прійдется?

— Авось не поперхнусь...

— А если тутъ замѣшана женщина?

Арсеній поморщился, но не отвелъ глазъ отъ пытливаго взгляда Евлампьева.

— Если вы считаете себя въ правѣ брать на себя роль духовника, промолвилъ онъ серьезно,—то въ силу нашей давнишней пріязни я не откажу вамъ въ отвѣтѣ.

Евлампьевъ смутился. Онъ почесалъ голову, всталъ и пересѣлъ на стулъ.

— Чортъ возьми, пробормоталъ онъ.—Я думалъ, это легче.

Онъ сердито посмотрѣлъ на Каздоева.

— Вѣдь скажетъ-же такое словцо, что не только ругаться, а и говорить охота пропадаетъ! Ужь эти мнѣ благвоспитанные люди!

— Не любятъ, чтобы къ нимъ залѣзали въ душу и распоряжались тамъ по своему, съ чуть замѣтной усмѣшкой промолвилъ Каздоевъ.

Забавное недоумѣніе выразилось на лицѣ Евлампьева.

— Зачѣмъ залѣзать! проговорилъ онъ сконфуженно. Это вы напрасно. Я... Э, да что тутъ бобы разводить! вскрикнулъ онъ вдругъ, стукнувъ кулакомъ по столу, такъ что стаканы зазвенѣли.—Точно вы меня со вчерашняго дня знаете! Если, когда я былъ вашимъ учителемъ, а вы юнцомъ безбородымъ, не позволялъ я себѣ залѣзать вамъ въ душу,

хотя душа эта лежала передо мной, как раскрытая книга, и я могъ ее перелистывать какъ хотѣлъ... Могъ я это?

— Могли.

— А злоупотреблялъ я даннымъ мнѣ вашей привязанностью и довѣріемъ правомъ?

— Нѣтъ... потому-то меня и...

— А если нѣтъ, то на какомъ основаніи, Арсеній Михайловичъ, вы предполагаете, что я на старости лѣтъ измѣнилъ себя?

Опираясь ладонями о колѣни и перегнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, онъ, сверкающими отъ гнѣва глазами, посмотрѣлъ въ упоръ на Каздова.

— Виновать, я васъ не понялъ, Павелъ Ивановичъ, просто замѣтилъ Арсеній и протянулъ руку въ знакъ примиренія.

Евламповъ энергично встряхнулъ головой, грозныя морщины на его лбу разгладились, но руки Арсенья онъ не принялъ.

— Пойдите, еще не все ясно между нами. Я сдѣлалъ дурацкій приступъ и поплатился. По дѣломъ! Виновать я, а не вы.

Онъ выплеснулъ изъ своего стакана на блюдечко остатокъ чая и потянулъ къ себѣ бутылку съ коньякомъ.

— Гораздо проще рассказать эпизодъ изъ моей жизни, проговорилъ онъ, пристально разглядывая ярлычокъ бутылки, точно рѣшалъ про себя возникшія въ немъ сомнѣнія. — Да, гораздо проще, твердо подтвердилъ онъ. — Имѣющій уши да слышать!

Онъ поднялъ указательный палецъ лѣвой руки, подержалъ его на воздухѣ и потомъ медленно опустилъ руку. Наливъ себѣ, затѣмъ, четверть стакана чистаго коньяку, онъ почти залпомъ выпилъ его.

— Помните-ли вы вашу тетюшку, Клавдію Петровну? спросилъ онъ помолчавъ.

— Какъ не помнить. Въ ранней юности я былъ пламенно влюбленъ въ нее.

Евламповъ кивнулъ головой.

— Понятно, промолвилъ онъ. — А извѣстны-ли вамъ сплетни, которыя ходили о ней и о вашемъ покорномъ слугѣ?

Онъ зорко заглянулъ въ глаза Арсенья.

Арсеній смѣшался.

— Признаюсь, сплетни я слышала, хотя, впрочем, самого неопредѣленного свойства. Какъ вамъ извѣстно, я была почти еще мальчикомъ, когда она жила въ Петербургѣ. Послѣдніе же годы до своей смерти она пробыла за границей. Говорятъ, она была женщина замѣчательная.

Евламповъ внимательно выслушалъ его. При послѣднихъ словахъ онъ прищурилъ глаза.

— Именно замѣчательная. А знаете-ли, чѣмъ она была замѣчательна? Тѣмъ, что нашего брата въ свиней превращала. Вы смѣетесь. Современная Цирцея, думаете вы. Да-съ, Цирцея! Мнѣ на счетъ древней волшебницы и злополучной участи Улиссовыхъ сотоварищей не мало пришлось пофилософствовать наединѣ, и вывелъ я то заключеніе изъ моихъ философствованій, что мнѣ о Цирцеѣ заключаетъ въ себѣ наиглубочайшую психологію.

Онъ налилъ себѣ еще полстакана коньяку и выпилъ его, какъ и предъидущій разъ, почти залпомъ.

— Красота Клавдіи Петровны вамъ извѣстна. Она была хороша, и умна, и дерзка, и порочна, и властолюбива до сладострастія, какъ только женщина можетъ быть властолюбива. Вы слышали, я сказалъ «порочна»? Да-съ, порочна. И несмотря на то, или можетъ именно потому, Павелъ Ивановичъ Евламповъ былъ ея вѣрнымъ рабомъ, и не одинъ Павелъ Ивановичъ, но десятки подобныхъ-же дурней, какъ и онъ. Она играла нами какъ пѣшками, и каждый въ своемъ рабствѣ утѣшался надеждою, что хотя онъ и рабъ, но любимый рабъ.

Евламповъ саркастически разсмѣялся.

— Прекомическія сценки иной разъ происходили. Любо дорого посмотрѣть со стороны, и смѣялся-же я!.. и надъ собой смѣялся!... Вы думаете, не смѣялся?.. И какъ еще смѣялся!.. И вы думаете, можетъ быть, что я въ ослѣпленіи страсти не умѣлъ сдѣлать ей вѣрной оцѣнки? Ошибаетесь. Я съ перваго-же дня нашей встрѣчи зналъ, что она такое. Она не прикрывалась мантией добродѣтели; въ этомъ была ея сила. Я всегда высказывалъ ей грубо свое мнѣніе. Она хохотала. Моя грубость ее забавляла, и потому-то она наградила меня своей благосклонностью. Для нея это былъ минутный капризь... для меня—долголѣтнія кандалы! Я ихъ влачилъ съ яростью, съ бѣшенствомъ, возмущаясь и негодуя, но продол-

жалъ ихъ влечить до самой ея смерти. А когда она умерла, тогда я оглянулся на себя и...

Евламповъ придвинулъ свой стулъ къ Арсеню и, приблизивъ къ нему разгоряченное лицо, злобно прошипѣлъ:

— И пожалѣлъ своихъ кандаловъ... Ага! Вы этого не ожидали! вскрикнулъ онъ, бросая торжествующій взглядъ на Каздова. — А между тѣмъ, это такъ просто! Вникните, и вы поймете! До встрѣчи съ ней я могъ воскликнуть съ Шиллеромъ: «Auch ich bin in Arkadien gebogen!»¹⁾, а когда, послѣ ея смерти, я оглянулся на себя, тогда... Вспомните, что я вамъ сказалъ о Цирцѣ?.. Свинья въ кандалахъ, свинья на свободѣ... Что лучше, что хуже!? Не все-ли равно!

Евламповъ опять рѣзко, коротко разсмѣялся.

— А теперь, если у васъ есть свободное время, то у меня онаго нѣтъ, неожиданно закончилъ онъ, и безъ дальнѣйшихъ объясненій вскочилъ. — Я, батенька, и забылъ, что общалъ моимъ маленькимъ племянникамъ прійти помочь имъ убирать ёлку. Это народъ нетерпѣливый. Неакуратности не прощаютъ... Не говорите! Я ничего слышать не хочу! закричалъ онъ гнѣвно. — Ни исповѣди, ни изліаній мнѣ не надо! Въ душу не залѣзай, не залѣзай, не залѣзай! повторилъ онъ съ ожесточеніемъ. — Пожалуйте-съ!

Онъ загасилъ одну свѣчу, схватилъ другую и, не давая Каздову слова вымолвить, торопливо пошелъ къ двери. Арсеній, озадаченный и изумленный, но невольно смѣясь надъ нежданной развязкой, послѣдовалъ за нимъ. Евламповъ, подобно урагану, пробѣжалъ черезъ дворъ, но когда Арсеній сѣлъ у воротъ на извозчика, обернулся и подалъ Павлу Ивановичу руку, тотъ нѣсколько задержалъ ее въ своей, и, прищуривъ глазъ, скороговоркой пробормоталъ:

— Вдумайтесь въ сказку о Цирцѣ. Смыслъ наиглубочайшій.

Съ этими словами онъ выпустилъ руку Арсенья и быстро зашагалъ по тротуару.

Е. Ардовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ И я тоже былъ рожденъ въ Аркадіи.

КАВКАЗСКІЕ ГОРЦЫ.

(Изъ лѣтнихъ экскурсій.)

Медленно, очень медленно шель поѣздъ ростово-владикавказской желѣзной дороги. Путь былъ размытъ во многихъ мѣстахъ весенними разливами нашихъ степныхъ «балокъ», совершенно пересыхающихъ лѣтомъ, но за то бурно бушующихъ весною. Никакихъ работъ къ исправленію пути не принималось, такъ какъ въ то время, когда я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ,—конецъ мая,—рабочія руки здѣсь очень дороги, а желѣзнодорожники рѣшили чинить «полотно» только осенью, дешевыми руками. Теперѣ же только кое-какъ были положены шпалы и рельсы, слегка уравнено полотно, а кое-гдѣ насыпь замѣнялась какими-то клѣтками изъ шпалъ, по которымъ поѣздъ шель съ мучительною, заставлявшею страшно биться сердца пассажировъ, медленностью. Не было видно, на всемъ протяженіи пути, ни малѣйшаго признака намѣренія серьезно исправить поврежденія, и только изрѣдка попадались одинъ-два рабочихъ, напрасно пытавшихся гдѣ-нибудь въ глубинѣ балки засыпать громадные, образованныя половодьемъ пропасти.

Только что начиналось утро. Я проснулся отъ толчка сосѣда, который ѣхалъ по ростово-владикавказской дорогѣ въ первый разъ и отъ медленной ѣзды испытывалъ какую-то жуткость. Я поспѣшилъ успокоить пугливаго сосѣда, сообщивъ ему, что состояніе полотна дороги каждый годъ одинаково печально, а между тѣмъ со времени открытія дороги, въ теченіи десяти лѣтъ, было всего два-три «серьезныхъ» случая, съ десятками убитыхъ и раненыхъ. Чтобы опредѣлить, гдѣ мы находимся, я выглянулъ въ окно вагона и увидѣлъ передъ собой Татарскую гору. Тогда, чтобы окончательно успокоить своего спутника, я предложилъ ему выйти на площадку вагона и полюбоваться страннымъ феноменомъ, какимъ является Татарская гора.

Солнце еще не всходило. Заря тоже только начинала алѣть на дальнемъ востокѣ. Цариль полумракъ, при которомъ очертанія

предметовъ различались несомнѣнно ясно, словно приходилось смотрѣть сквозь синіе бочки. Въ воздухѣ еще чувствовалась ночная свѣжесть, но въ то-же время съ востока неслись теплыя воздушныя волны, которыя, ударяясь о тѣло, вызывали въ немъ чрезвычайно-пріятныя ощущенія.

Мы смотрѣли на стоящую передъ нами Татарскую гору. Странная эта гора. На совершенно ровной мѣстности вдругъ выдвигается отдѣльный, не стоящій ни въ какой связи съ какими либо горными краями, холмъ, чрезвычайно узкій и чрезвычайно высокій, высота котораго превосходитъ ширину его основанія, — и вся эта длинная земляная колонна вѣнчается громадной каменной шапкой. Бока Татарской горы покрыты жалкой степной растительностью, вершина представляетъ совершенно обнаженный камень, а у подножья расположился маленькій Султановскій аулъ. Странное впечатлѣніе производила эта выпяченная изъ земли, словно сосецъ, гора, съ разу уничтожая всѣ установившіяся понятія о постепенности перехода изъ одного рода мѣстности въ другой. Мнѣ уже неоднократно приходилось бывать въ здѣшнихъ краяхъ, и тѣмъ не менѣе я всегда смотрю на Татарскую гору съ особеннымъ чувствомъ восхищенія и неудовлетвореннаго любопытства. Спутникъ-же мой, въ первый разъ попавшій сюда, престо не могъ оторвать глазъ отъ чудной картины и страшно досадовалъ на поѣздъ, который, хотя медленно, но уносилъ насъ отъ Татарской горы.

Когда это странное явленіе природы исчезло изъ нашихъ глазъ, мы стали осматриваться по сторонамъ; степь привольная, безконечная, какъ и прежде, тянулась по обѣимъ сторонамъ рельсъ. Промелькнули два-три аула, станица — и только. Изрѣдка попадались засѣянные поля, скошенное сѣно и стада. Все говорило о малой культурности края, о малой заселенности его, хотя нѣкогда прежде этотъ край кормилъ очень и очень большое населеніе. Предаваться на эту тѣму размышленіямъ, впрочемъ, было некогда, такъ какъ на горизонтѣ показались очертанія пятигорскихъ горъ, что означало близость цѣли путешествія — станція «Минеральныя воды», а затѣмъ Пятигорска, Ессентуковъ, Кисловодска и Желѣзноводска.

Пятигорскія горы, подобно Татарской горѣ, тоже «выпячиваются» изъ земли. Но онѣ далеко не производятъ такого впечатлѣнія, потому, что ихъ обыкновенно приходится видѣть послѣ Татарской горы, и потому еще, что форма каждой изъ нихъ далеко не напоминаетъ той странной колонки, какою является Татарская гора: основанія пятигорскихъ горъ во много разъ пре-

восходить ихъ высоты. Тѣмъ не менѣе, на пятигорскія горы смотришь съ любопытствомъ и удовольствіемъ, которыя становятся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подходитъ поѣздъ и чѣмъ ярче выступаетъ растущій на ихъ бокахъ лѣсъ, отливающий какою-то особенно прелестною зеленью и прерываемый огромными камнями, которые на зеленомъ фонѣ горы образуютъ разнообразныя сѣровато-бѣлыя сочетанія. Горы эти имѣютъ такой прелестный видъ, что на нихъ сосредоточивается общее вниманіе, вплоть до той минуты, когда поѣздъ останавливается и раздается крикъ кондуктора:

— Станція Минеральныя воды! Поѣздъ стоитъ тридцать минутъ!

II.

Началась суматоха. Одни поспѣшно выносили вещи изъ вагона; другіе также поспѣшно лѣзли въ вагонъ. Толкали другъ друга, кричали, ругались. Я имѣю счастливую привычку ѣздить безъ всякаго багажа и потому, какъ только поѣздъ подошелъ къ станціи, прыгнулъ съ площадки вагона на платформу. Осматривая толпу суетившихся и бѣгавшихъ по платформѣ, въ надеждѣ встрѣтить знакомое лицо, я невольно обратилъ вниманіе на группу людей, совершенно не принимавшихъ участія въ общей суетѣ, хотя, судя потому, что у нихъ въ рукахъ и вокругъ нихъ были ихъ пожитки, они должны были отправиться съ этимъ-же поѣздомъ.

Эта были кабардинцы. Тутъ были дѣти, женщины, взрослые мужчины, старики. Дѣти были довольно оборванные. Женщины въ обычныхъ туземныхъ костюмахъ; въ шароварахъ и съ закрытыми лицами. Мужчины были одѣты въ черкески и при оружіи. Но всего болѣе выдѣлялись изъ толпы старики. Ихъ было болѣе десятка. Это были достойные представители своего племени. Высокіе, стройные, не смотря на свою старость, въ живописныхъ кавказскихъ костюмахъ, съ большими сѣдыми бородами, съ умными, выразительными лицами, они пр-изводили импонирующее впечатлѣніе и внушали невольное уваженіе къ себѣ. Ихъ лица дышали благородствомъ и сознаніемъ своего личнаго достоинства; было ясно, что эти люди умѣютъ постоять за свое личное достоинство, но въ то-же время умѣютъ уважать и въ другомъ это достоинство. Въ толпѣ своихъ болѣе молодыхъ соплеменниковъ они казались настоящими патріархами. Это были живые памятники того времени, когда кабардинецъ не подчинялся ни русскому чи-

новнику, ни своему «князю» и когда для него единственнымъ закономъ являлись его собственныя понятія о правдѣ и неправдѣ.

Группа кабардинцевъ стояла совершенно неподвижно, словно окаменѣлая. Ихъ лица были угрюмы, глаза горѣли, губы были судорожно сжаты. Видно было, что какое-то общее горе тяготѣло надъ этою толпою, но она сдерживалась и не хотѣла выказать свои страданія предъ русскими, *ягурами*, на которыхъ изъ толпы бросались далеко недружественныя взгляды.

Крайне заинтересованный представившеюся мнѣ сценою, я поѣхалъ не далеко отъ толпы кабардинцевъ и сталъ наблюдать за нею. Черезъ нѣсколько времени къ толпѣ подошелъ кондукторъ и закричалъ:

— Ну, татарва! идите занимать мѣста... вонъ въ тотъ вагонъ...

Вслѣдъ за этимъ произошло нѣчто неописуемое. Дѣти и женщины заголосили, хватаясь другъ за друга, взрослые мужчины зарыдали, старики бросились на землю, стали ее цѣловать и поливать своими слезами. Эта ужасная сцена продолжалась минуты двѣ; затѣмъ вся толпа быстро бросилась въ указанный вагонъ и скрылась въ немъ. Оттуда послышались глухія рыданія.

На меня эта непоятная сцена произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Не понимая ея значенія, но въ то-же время будучи тронутъ до слезъ этимъ бурно проявившимся выраженіемъ горя цѣлою толпою людей, я растерянно осматривался по сторонамъ, какъ-бы ища челоуѣка, который-бы могъ объяснить мнѣ, что все это значитъ. Стоявшій недалеко отъ меня крестьянинъ, повидимому, замѣтилъ мое недоумѣніе и какъ-то лѣниво произнесъ:

— Переселенцы это... въ Турцію, значитъ, ѣдутъ, — ну и прощаются съ родной землей... Знамо жалко: это хоть на кого придишь...

Мнѣ стало все ясно...

III.

Да, это были переселенцы въ Турцію. Я неоднократно слышалъ о переселеніяхъ въ Турцію кавказскихъ горцевъ; приходилось мнѣ видѣть и лицъ, собиравшихся въ это переселеніе. Но никогда еще я не видѣлъ самаго момента разставанія переселенцевъ съ родною землею и никогда такъ ясно не понималъ, какъ тяжело этимъ несчастнымъ покидать родную сторону.

Странное дѣло: въ то время какъ изъ внутреннихъ губерній масса переселенцевъ стремится на Кавказъ, не смотря на то, что непривычный климатъ губить ихъ здѣсь чуть не на половину, — коренное населеніе Кавказа бѣжитъ въ Турцію...

Переселеніе кавказскихъ горцевъ въ Турцію — явленіе далеко не новое: оно началось еще въ концѣ 50-хъ годовъ. Связь горцевъ съ Турціею была давнишняя. Это была связь политическая, религиозная, торговая. Турки имѣли крѣпости по берегу Чернаго моря, откуда горцамъ доставлялись военныя принадлежности и деньги. Значительное число горскихъ племенъ номинально подчинялось Турціи. Союзъ закрѣплялся общою борьбою съ однимъ и тѣмъ-же врагомъ — русскими. Къ этому присоединилось единство религіи и признаніе турецкаго султана религиознымъ главою всего мусульманскаго міра. Единственныя торговыя сношенія, которыя вели горцы, были съ Турціею. При турецкомъ дворѣ постоянно фигурировали черкесскіе князья, а въ гаремахъ — черкешенки. Часто тѣ и другія отлично устраивались въ Портѣ и иногда получали большую силу, приглашая къ себѣ оставшихся въ горахъ родичей; такіе временщики не находили словъ для описанія прелестей жизни въ Турціи. Среди горцевъ издавна составилось и сохранялось крайне преувеличенное представленіе о могуществѣ султана и богатствѣ Турецкой имперіи. Въ своей борьбѣ съ Россіей горцы постоянно рассчитывали на турецкую помощь и до известной степени получали ее. Когда-же послѣ Крымской войны борьба съ русскими для горцевъ сдѣлалась совершенно невозможною и имъ приходилось покориться Россіи, естественно, что среди нихъ нашлись люди, рѣшившіеся переселиться въ Турцію, жизнь въ которой представлялась имъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ, и навсегда покинуть свои горы, лишь-бы только не покоряться невѣрнымъ, гяурамъ.

Лишь только кончилась крымская война и Россія могла направить всѣ усилія на окончательное покореніе Кавказа, какъ начались переселенія кавказскихъ горцевъ въ Турцію. Сначала это движеніе началось на западной части Кавказскихъ горъ, прилегающей къ Черному морю, жители которой издавна имѣли непосредственныя торговыя и иныя сношенія съ Турціею. Шли почти исключительно богачи и члены туземной аристократіи съ своими присными. Въ такомъ видѣ переселеніе не имѣло особеннаго значенія ни для Кавказа, ни для Турціи. Но въ такомъ скромномъ видѣ переселеніе горцевъ оставалось не долго и скоро перешло въ выселеніе цѣлыхъ народностей. Выселились — джигиты, убыхи, шапсуги, натухайцы, абадзехи, абазинцы, башильбаевцы, тамовпы, кизыльбековцы, шегиреевцы, баговцы, егерукаевцы и темиргоевцы, бесленеевцы, мохосевцы, бжедухи и закубанскіе ногайцы. Всего выселилось съ 1858 по 1865 годъ, только по официальному счету, 493,194 душъ, причеиъ много горцевъ выселялось

безъ вѣдома русскаго правительства и, стало быть, въ officialный счетъ не попало.

Такіе громадныя размѣры переселенческаго движеніе горцевъ приняло, благодаря нѣкоторымъ приемамъ русской политики. Изъ officialныхъ документовъ, содержаніе которыхъ опубликовано председателемъ кавказской археографической комиссіи, г. Берже *) видно, что въ это время кавказскіе дѣятели рѣшились радикально измѣнить прежнюю систему борьбы съ горцами и поставили себѣ двѣ цѣли: съ одной стороны ослабить численный составъ горскаго населенія, всячески содѣйствуя переселенію горцевъ въ Турцію и даже прямо вызывая его, а съ другой — выселить всѣхъ остающихся горцевъ изъ горъ на плоскость, а мѣста, занятія прежде горскимъ населеніемъ, заселить казачьими станицами. Для достиженія указанныхъ цѣлей, всякій разъ, когда какое-либо горское племя Западнаго Кавказа покорялось русскому оружію, передъ нимъ категорически ставилась диллема: или переселиться къ Кубани и безусловно подчиниться русскому управленію, или выселиться въ Турцію. Прикубанскія болота, отводимыя горцамъ, могли всего менѣе прельстить ихъ; представленія о русскомъ управленіи, которому горцевъ приглашали безусловно подчиниться, слагались у нихъ на основаніи дѣйствій получившихъ историческую извѣстность кавказскихъ чиновниковъ; неудивительно поэтому, что горцы предпочитали бѣгство въ Турцію выселенію на плоскость. Къ тому-же ихъ прямо подстрекали къ переселенію въ Турцію: общали казенную помощь, допускали къ нимъ турецкихъ эмиссаровъ, приглашавшихъ переселяться, принимали и другія мѣры, какъ это мы увидимъ ниже, говоря о переселеніи чеченцевъ.

Горцы, уходя съ своихъ мѣстъ поселенія, повидали свои жилища, оставляли скоть и запасы хлѣба, а иногда и не убранныя нивы. Все это досталось поселившимся на мѣстѣ горцевъ казачамъ. Сами-же горцы, безъ всякаго имущества, скапливались частію въ Анапѣ и Новороссійскѣ, частію во многихъ мелкихъ бухтахъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, тогда еще не занятыхъ русскими. Отсюда ихъ перевозили въ Турцію турецкія кочеры, а также отчасти заарендованныя спеціально для этой цѣли русскимъ правительствомъ суда. Но такъ какъ всего этого транспортнаго флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумилліона человекъ, то массѣ горцевъ пришлось ждать своей очереди по полугоду, году и болѣе. Все это время они оставались на берегу моря, подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ

*) «Русская Старина», 1882 г., № 1, 2, 10, 12.

средствъ къ жизни. Страданія, которыя приходилось выносить въ это время горцамъ, нѣтъ возможности описать. Они буквально тысячами умирали съ голоду. Зимой къ этому присоединялся холодъ. Весь сѣверовосточный берегъ Чернаго моря былъ усыпанъ трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живыхъ, но до крайности ослабѣвшихъ и тщетно ждавшихъ, когда ихъ отправятъ въ Турцію. Очевидцы передаютъ ужасныя сцены, видѣнныя ими въ это время. Одинъ рассказываетъ о трупѣ матери, грудь которой сосетъ ребенокъ; другой—о матери-же, носившей на рукахъ двухъ замерзшихъ дѣтей и никакъ не хотѣвшей разстаться съ ними; третій— о цѣлой грудѣ человѣческихъ тѣлъ, прижавшихся другъ къ другу, въ надеждѣ сохранить внутреннюю теплоту, и въ этомъ положеніи застывшихъ, и т. д.

Помощь, оказанная переселенцамъ казною, была очень ограничена. Всего издержано по переселенію горцевъ 289,678 р. 17 в. Большая часть этой суммы пошла на уплату судовладельцамъ за провозъ переселенцевъ—и только незначительныя суммы были отпущены на пособіе переселяющимся. Но и эта помощь не всегда доходила до нуждающихся, такъ какъ и это дѣло, какъ и все, совершавшееся тогда на Кавказѣ, сдѣлалось «доходною статью» для чиновниковъ. Даже офиціальная комиссія, провѣрявшая счета по переселенію горцевъ, нашла многія представленныя ей квитанціи «сомнительными». Мѣстное-же преданіе, сохранившееся среди русскаго населенія, передаетъ ужасныя вещи. Такъ, по преданію, многія барки, нагруженныя горцами, имѣли пробурванное дно и, будучи выведены въ море, тонули вмѣстѣ съ переселенцами, а деньги, назначенныя на расходы, оставались въ карманахъ завѣдывавшихъ дѣломъ лицъ. Преданіе это, — если принять жестокость нравовъ тогдашняго кавказскаго чиновничества и такіе факты позднѣйшаго времени, какъ сапоги, съ картонными подметками у сидѣвшихъ на Шипеѣ солдатъ,—очень правдоподобно и отчасти подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что офиціально констатированы случаи затопленія барокъ съ горцами «отъ бурь».

Съ такими ужасными лишеніями добывались горцы возможности сѣсть на суда. Но и на пути бѣдствія горцевъ не уменьшались. Ихъ набивали на суда до послѣдней возможности. Тѣснота и давка съ присоединеніемъ недостатка съѣстныхъ припасовъ производили страшный моръ среди переселенцевъ. Но, наконецъ, они достигали турецкаго берега—и здѣсь ихъ ждало главное разочарованіе.

Сначала Турція принимала черкесовъ очень охотно. Большинство первыхъ переселенцевъ были люди состоятельные и нѣка-

нихъ особенныхъ заботъ о себѣ не требовали. Къ тому-же всѣ черкесы были отъ природы войны—и это было очень на руку туркамъ, видѣвшимъ въ этомъ обстоятельствѣ возможность пополнить ряды своего войска. Турецкое правительство мечтало о поселеніи черкесовъ среди христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, чтобы они были постоянными представителями турецкаго режима для этихъ народностей и постоянною грозой для нихъ. Но когда стремленіе къ переселенію охватило цѣлыя кавказскія народности и въ Турцію прибыли сотни тысячъ горцевъ, то оказалось, что у турокъ не было ни средствъ для содержанія этой массы людей, ни умѣнья болѣе или менѣе сносно устроить ихъ. Черкесы, высаживаясь на турецкій берегъ, не встрѣчали ни матеріальной помощи, ни указаній, куда идти и гдѣ поселиться. Большею частью они становились лагеремъ на томъ самъ мѣстѣ, гдѣ высаживались, и здѣсь бѣдствовали по нѣсколько лѣтъ. Въ какихъ ужасныхъ условіяхъ находились черкесы, высадившись на турецкій берегъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, которыя сообщалъ въ письмѣ отъ 10 іюня 1864 года русскій консулъ въ Трепизондѣ генералу Карцеву. Въ Батумъ пришло,—писалъ консулъ,—около 6,000 черкесовъ,—смертность 7 человѣкъ въ день; въ Трепизондѣ высадилось 247,000, изъ нихъ умерло 19,000 душъ; ко времени написанія письма оставалось въ Трепизондѣ—63,290 черкесовъ и изъ нихъ умирало 180—250 человѣкъ въ сутки; въ Самсунѣ и окрестностяхъ было 110,000 душъ, ежедневная смертность достигала 200 человѣкъ; изъ 4,650 человѣкъ, отправленныхъ изъ Трепизонда въ Константинополь и Варну, умирало въ день 40—60 человѣкъ; всего съ начала переселенія до мая 1864 года изъ прибывшихъ въ Трепизондѣ переселенцевъ умерло болѣе 30,000 человѣкъ.

Въ такихъ ужасныхъ условіяхъ очутились черкесы въ предѣлахъ турецкихъ владѣній, которыя раньше казались имъ какимъ-то обѣтованнымъ раемъ. Мало по малу, однако, переселенцы были размѣщены по разнымъ частямъ Турціи, преимущественно на Балканскомъ полуостровѣ, но въ то-же время были поставлены въ самыя ненормальныя условія: они не получили ни опредѣленныхъ участковъ для жительства, ни какихъ-либо ресурсовъ для поддержанія своего существованія. Озлившіеся отъ цѣлаго ряда бѣдствій, одичавшіе, изголодавшіеся, они волею-неволею должны были вести постоянную войну съ мѣстными жителями, сдѣлаться отчаянными разбойниками, чтобы какъ-нибудь существовать. Къ тому-же, всю накопившуюся у нихъ злобу противъ русскихъ, гауровъ, выгнавшихъ ихъ изъ родныхъ горъ, они перенесли на такихъ-же

гауровъ, соплеменныхъ русскимъ балканскихъ славянъ. Такимъ-то образомъ созданъ тотъ ужасный типъ башибузука, который причинилъ столько ужасныхъ страданій болгарскому народу и такъ памятенъ и намъ, русскимъ. Филлипопольская рѣзня и другія подобныя ей событія подготавливались именно еще въ первой половинѣ 60-хъ годовъ...

Такова одна сторона послѣдствій выселенія горцевъ въ Турцію, но не менѣе печальны эти послѣдствія и съ другой стороны. Мѣста, прежде занятыя многочисленнымъ горскимъ населеніемъ, пустуютъ до сихъ поръ. Только незначительная часть этой мѣстности занята казачьими станицами, а другая роздана разнымъ чиновникамъ и нечиновнымъ культуръ-трегерамъ. Казачье населеніе, однако, оказалось очень непригоднымъ для условій горной мѣстности и его приходилось, и отчасти приходится и теперь, содержать на казенный счетъ. Многія станицы пришлось даже упразднить, такъ какъ русскому населенію оказалось совершенно невозможнымъ жить въ мѣстахъ, занятыхъ этими станицами; такъ, въ одномъ 1868 году состоялось упраздненіе цѣлыхъ 12 станицъ Кубанской области, «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщенія и отчасти климата», какъ сказано въ официальномъ приказѣ. Земли, розданныя въ частную собственность, также остаются до сихъ поръ совершенно пустыми и некультивированными. Наконецъ, огромныя пространства, прежде занятыя горцами, не вызываютъ даже ни въ комъ желанія приобрѣтенія: такъ мало кажутся они пригодными для культуры. А между тѣмъ эти пространства были прежде заняты многочисленнымъ населеніемъ и прекрасно культивированы. Теперь-же превосходнѣйшія нивы и дуга, буквально созданныя руками человѣческими на голыхъ каменныхъ скалахъ, заросли мелкимъ колючимъ кустарникомъ и совершенно пропали для культуры. Богатѣйшіе сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли. И только одичавшій виноградъ, встрѣчающійся по склонамъ горъ, да рѣдкіе остатки черкесской архитектуры свидѣтельствуютъ о дѣятельной жизни, царившей въ этомъ краѣ, превратившемся нынѣ въ пустыню, и о чрезвычайномъ трудолюбіи аборигеновъ страны, превратившихся въ послѣдствіи въ дикихъ башибузуковъ...

Съ половины 60-хъ годовъ взглядъ кавказскихъ властей на значеніе переселенія черкесовъ радикально измѣняется: предвидя, что этимъ путемъ все Закубанье превратится въ совершенную пустыню, подобно тому, какъ это уже случилось съ Черноморскимъ округомъ, мѣстная власть стала всячески затруднять переселеніе черкесовъ въ Турцію, а въ 1867 году безусловно запретила вы-

ѣздъ горцевъ за границу. Стремленіе къ выселенію, однако, не исчезало среди черкесовъ, даже тѣхъ, которые сначала подчинились безусловно русской власти и выселились изъ горъ въ Кубанскія болота. Не останавливали ихъ и доходившія до нихъ извѣстія объ ужасномъ положеніи переселенцевъ въ Турціи. Такимъ образомъ, всякими правдами и неправдами еще въ 1873 году выѣхало въ Турцію нѣсколько сотъ черкесскихъ семействъ. Но когда въ томъ же году остававшіеся на Кавказѣ бжедухи и абадзехи просили позволенія выселиться поголовно, имъ это не только было запрещено, но наиболѣе вліятельные изъ нихъ были арестованы и сосланы. Когда-же они тѣмъ не менѣ настаивали на своемъ желаніи, противъ нихъ были двинуты войска и они силою оружія были остановлены на мѣстахъ своего поселенія. Этотъ фактъ прекратилъ переселенія горцевъ Западнаго Кавказа въ Турцію, исключая, конечно, единичныхъ случаевъ.

На Восточномъ Кавказѣ дѣло выселенія горцевъ въ Турцію было поставлено нѣсколько иначе. Частныя переселенія начались здѣсь также съ пятидесятихъ годовъ. Выселялись кабардинцы, осетины-мусульмане, чеченцы, дагестанцы. Въ Дагестанѣ была даже установлена до 1873 г. особая норма численности переселенцевъ, которымъ дозволялось выселяться легальнымъ образомъ. Именно ежегодно 150 семействамъ выдавались паспорта на путешествіе въ Мекку и Медину и затѣмъ имъ объявляли, что, по выходѣ за русскую границу, ихъ уже не впустятъ обратно. Самое большое число горцевъ Восточнаго Кавказа выселилось въ Турцію въ 1865 г. и было вызвано къ тому чисто искусственнымъ путемъ. Здѣсь руководствовались тѣмъ-же принципомъ, подъ вліяніемъ котораго было произведено изгнаніе горцевъ Западнаго Кавказа. Хотѣли ослабить чеченское племя, которое казалось наиболѣе опаснымъ изъ всѣхъ восточно-кавказскихъ народностей. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Константинополь чеченецъ, полковникъ русской службы, Муса Кундуховъ, для переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ отъ имени чеченскаго народа относительно переселенія чеченцевъ въ Турцію. Турецкое правительство изъявило согласіе отвести новымъ переселенцамъ землю въ Малой Азіи. Возвратившись во Владикавказъ, Муса Кундуховъ получилъ въ награду нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, съ обязательствомъ вызвать переселеніе 5,000 чеченскихъ семействъ. Къ этому дѣлу тѣмъ-же путемъ были привлечены еще двое вліятельныхъ чеченцевъ. Эти «агитаторы» стали подстрекать чеченцевъ къ выселенію, рисуя самыми мрачными красками ихъ будущность подъ русскою властью и расписывая прелести жизни въ Турціи. Для большаго убѣжде-

нія, Кундуховъ и его товарищи отправили прежде всѣхъ въ Турцію свои семейства. Были пущены въ ходъ и другія, болѣе рѣшительныя средства. На сколько переселеніе чеченцевъ было всецѣло дѣломъ рукъ мѣстной власти, можно видѣть изъ того, что стремленіе къ переселенію охватило именно то самое количество чеченскихъ семействъ, выселить которое рѣшено было заранѣе и тѣ самыя отрасли чеченскаго народа, которыя казались мѣстной власти самыми опасными. Всего двинулось въ переселеніе 5,008 семействъ, состоявшихъ изъ 22,491 душъ. Переселенцы нѣсколькими партіями отправились чрезъ Закавказье въ Турцію. Здѣсь съ ними повторилась та-же исторія, что и съ черкесами Западнаго Кавказа: не было приготовлено ничего для пріема переселенцевъ; они болѣли, голодали и умирали массаами; земли, отведенныя имъ, оказались никуда негоднымъ камнемъ и пескомъ, и т. д. Большинство переселенцевъ отъ этихъ бѣдствій повернуло назадъ, къ русской границѣ. Они изъявляли безусловную покорность русской власти, соглашались нести воинскую повинность, предлагали даже принять православіе, лишь-бы имъ позволили возвратиться въ родныя горы. Принципы тогдашней нашей политики на Кавказѣ предписывали, однако, совсѣмъ другое, и чеченцевъ отогнали отъ границы выстрѣлами. Кромѣ того, по требованію русскаго правительства, турки отправили противъ чеченцевъ войско, которое артиллерійскими выстрѣлами заставило ихъ отправиться на отведенныя имъ земли.

Въ слѣдующемъ 1866 году предполагалось отправить въ Турцію новыя массы чеченцевъ, но турки отказались принять ихъ, находя, что и съ прежними переселенцами слишкомъ много хлопотъ.

Положеніе чеченцевъ, переселившихся въ Турцію, оказалось крайне ужаснымъ: поселеннымъ въ совершенно безводной пустынѣ, имъ приходилось или бѣжать съ мѣстъ поселенія, или умирать. Они дѣлали и то и другое. Такъ-какъ открыто ихъ не пускали чрезъ русскую границу, то они проходили ее тайно, небольшими партіями, и затѣмъ проселочными дорогами направлялись въ Чечню. Ихъ, конечно, перехватывали по дорогѣ, иногда въ Закавказьѣ, а иногда уже во Владикавказѣ и, большею частью, высылали обратно въ Турцію. Нѣсколько сотъ человекъ этихъ бѣглецовъ, однако, получили позволеніе возвратиться въ Чечню. Эти выходцы изъ Турціи принесли съ собою, между прочимъ, сѣмена турецкаго табаку и знаніе табачной культуры: отъ нихъ-то и началось разведеніе табаку въ Чечнѣ, которое нынѣ приняло здѣсь очень значительныя размѣры.

Оставшіеся въ Турціи чеченцы оказались въ такомъ ужасномъ

положеніи, что въ 1871 г. ихъ осталось всего около 10,000 чело-
вѣкъ: остальные перемерли.

Таковъ былъ печальный финалъ этой печальной съ самаго на-
чала исторіи.

IV.

Меня всегда занималъ вопросъ о томъ, изъ какихъ побужденій
кавказскіе администраторы устраивали выселенія кавказскихъ гор-
цевъ въ Турцію? Официальный историкъ этихъ выселеній, г. Бер-
же, объясняетъ дѣло такъ, что изгнаніе горцевъ было вызвано
ихъ постоянными разбоями, что усмирить ихъ не было никакой
возможности иначе, какъ или истребивъ совершенно, или высе-
ливъ изъ горъ на плоскость или въ Турцію. Обращаясь, однако,
къ фактамъ, изъ которыхъ нѣкоторые сообщаются тѣмъ-же офи-
ціальнымъ историкомъ, мы находимъ, что не «геніальный планъ»
заселенія казаками занятыхъ горцами мѣстностей и изгнаніи по-
слѣднихъ изъ горъ является слѣдствіемъ разбоевъ горцевъ, а на
оборотъ самые разбои являлись слѣдствіемъ «геніальнаго плана».
Извѣстно, напр., что, при изъявленіи покорности чеченцами въ
1857 г., тогдашній главнокомандующій на Кавказѣ, князь Баря-
тинскій, издалъ прокламацію, въ которой сказано, что земли, за-
нятыя чеченцами въ моментъ принесенія покорности, останутся
вѣчнымъ достояніемъ чеченскаго народа. Прокламацію эту чеченцы
берегутъ и хранятъ какъ зеницу ока и къ ней всегда апелли-
руютъ. Между тѣмъ, вопреки этой прокламаціи, значительная
часть чеченской земли была отведена подъ поселеніе казачьихъ
станицъ, а также роздана кумыкскимъ князьямъ и другимъ ли-
цамъ. Все населеніе чеченскаго округа, состоявшее изъ 81,360
душъ, «стѣснилось» (выраженіе г. Берже) на пространствѣ 76
квадратныхъ миль, и на каждую семью приходилось всего 5—10
десятинъ (разсчетъ того-же г. Берже). Не говоря уже о нравствен-
ной обидѣ, которую должны были чувствовать чеченцы, оставлен-
ное имъ количество земли положительно не давало имъ возмож-
ности существовать, особенно если принять во вниманіе, что въ
то время чеченцы вели исключительно скотоводческое хозяйство.
Вотъ и объясненіе происхожденія разбоевъ. Самъ г. Берже очень
наивно проговаривается на этотъ счетъ. Именно, говоря о высе-
леніи чеченцевъ въ 1865 году, онъ сообщаетъ, что русскія власти
прежде всего рѣшились выселить «всѣхъ карабулаговъ (одно изъ
подраздѣленій чеченскаго народа), въ числѣ 1,500 семей, которые
всегда слыли за *отъявленныхъ разбойниковъ*, и которые притомъ,
будучи стѣснены поселеніемъ на ихъ земляхъ 2-го Владикавказ-

скаго казачьяго полка, почти не имѣли другихъ средствъ къ существованію, *кромя хищничества* *)). Кажется ясно...

Еще болѣе интересовалъ меня вопросъ о причинахъ современнаго переселенія кавказскихъ горцевъ въ Турцію. Ежегодно значительное число кабардинцевъ, чеченцевъ и дагестанцевъ распродаютъ все свое имущество, конечно, за безцѣнокъ, беретъ иностранные паспорта «для свиданія съ родственниками въ Турціи» или для поклоненія гробу пророка въ Меккѣ и затѣмъ безслѣдно исчезаетъ съ кавказскаго горизонта. Иногда нѣкоторые изъ этихъ лицъ снова появляются чрезъ нѣсколько лѣтъ на родинѣ. Обищавшія до послѣдней возможности и проклинаящія день, въ который имъ пришла въ голову несчастная мысль искать счастья на чужбинѣ. Это обстоятельство, однако, нисколько не вліяетъ на остальную массу горскаго населенія, которое продолжаетъ ежегодно выдѣлять изъ своей среды значительное число переселенцевъ.

Прошло уже отъ 25 до 27 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ горскіе народы Кавказа покорились русской власти. За это время успѣло уже народиться цѣлое поколѣніе, которому пришлось жить подъ русскою властью съ самой колыбели и которое, казалось-бы, должно привыкнуть къ новымъ условіямъ жизни. А между тѣмъ туземцы кавказскихъ горъ до сихъ поръ предпочитаютъ бросать родину, какъ это имъ ни тяжело, и уходить въ Турцію, какъ ни сѣверно живется имъ тамъ. И съ теченіемъ времени это движеніе не только не ослабѣваетъ, но еще усиливается, какъ это, напримѣръ, имѣло мѣсто во второй половинѣ 1883 года. Что-же означаетъ это явленіе?

Проводя три послѣднія лѣта въ Терской области, я неоднократно задавалъ вопросъ о причинахъ современнаго выселенія горцевъ членамъ администраціи, мѣстнымъ ученымъ и просто обывателямъ. Большинство изъ нихъ въ отвѣтъ говорили о дикости горцевъ, о томъ, что, по общему историческому закону, при столкновеніи двухъ народностей менѣе культурная должна неминуемо такъ или иначе погибнуть, о лѣности, нерадѣніи и тупости туземцевъ Терской области и т. п. Дѣйствительно, таково ходячее наиболѣе распространенное мнѣніе о причинахъ выселенія горцевъ. Но, присматриваясь ближе къ дѣлу, я убѣдился, что всѣ приведенныя lamentаціи, направленныя противъ горцевъ, не имѣютъ рѣшительно никакихъ основаній въ дѣйствительности.

Если сравнить то, что сдѣлано на Кавказѣ туземцами и нами, русскими, то менѣе культурною и менѣе трудолюбивою націею

*) „Русская Старина“, 1882, № 10, стр. 16.

придется признать именно русских. Я уже говорил о запустѣніи подъ русскимъ владычествомъ огромныхъ пространствъ на Западномъ Кавказѣ, которыя были покрыты прежде горскими нивами, лугами и виноградниками. Тоже явленіе приходится наблюдать и въ Терской области. Всѣ три лѣта, которыя я провелъ здѣсь, я жилъ по нѣсколько времени въ Нальчикѣ, русской слободкѣ, и въ то же время центральномъ пунктѣ Большой Кабарды, и здѣсь мнѣ пришлось въ волю насмотрѣться на то, съ какимъ безстыдствомъ русскіе истребляли продукты кабардинской культуры и многолѣтняго труда. Около самаго Нальчика находится такъ называемый «Атажукинъ садъ», отъ котораго теперь остались только жалкіе остатки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ громадныхъ садовъ, подобные которымъ можно встрѣтить только на Кавказѣ. Это былъ садъ—лѣсъ. Онъ раздѣлялся на двѣ части, изъ которыхъ одна представляла полукруглую террасу, довольно круто спускающуюся въ долину, а другая — самую долину, по которой протекаетъ рѣка Нальчикъ. Терраса была искусственно раздѣлена на нѣсколько малыхъ террасъ, которыя, представляя каждая правильный полукругъ, возвышались другъ надъ другомъ порогами. Всѣ эти террасы были превращены въ великолѣпные виноградники. Нижняя часть сада была засажена самыми разнообразными плодовыми деревьями—грушевыми, яблонями, «шишками», лычею, вишнями, черешнями, барбарисомъ, персикомъ, тутовникомъ и т. д. Были здѣсь великолѣпныя аллеи изъ липъ и акацій, была превосходная круглая лужайка, обсаженная огромными персиками и тузовыми деревьями, и т. д. Для поливки виноградниковъ и нѣкоторыхъ частей нижняго сада былъ проведенъ изъ-за нѣсколькихъ верстъ каналъ. Въ такомъ видѣ находился садъ въ кабардинскихъ рукахъ. Совсѣмъ иной видъ получилъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе получили возможность хозяйничать въ немъ. Каналъ заброшенъ. Виноградники не обрабатываются, и зеленныя лозы одичавшаго винограда сказиваются на кормъ скоту, вмѣстѣ съ травой, которою заросли террасы. Плодовые деревья—молодыя вырты и пересажены въ обывательскіе сады, а болѣе старыя—срублены на топливо. Липовыя и акацічныя аллеи истреблены самымъ безпощаднымъ образомъ, и я лично былъ свидѣтелемъ того, какъ истреблялись остатки этихъ аллей, причемъ въ этомъ расхищеніи общественнаго достоянія не церемонились принимать участіе наиболѣе интеллигентныя члены мѣстнаго русскаго населенія. Одинъ изъ этихъ «интеллигентовъ», вырубившій много липовыхъ и акацічныхъ деревьевъ, чтобы не покупать дровъ, на мой вопросъ о томъ, не чувствуетъ-ли онъ въ некоторой неблаговидности въ своемъ поступкѣ, отвѣтилъ мнѣ,

что «здѣсь этимъ деревьямъ стоять *не полагается*». Громадныя деревья, входившія въ составъ великолѣпнаго «круга», тоже большею частью вырублены, а оставшіяся потеряли боковыя вѣтви и полузасохли. Въ настоящее время «Атажукинъ садъ» представляетъ огромное заброшенное пространство, заросшее мелкимъ вишнякомъ, колючимъ кустарникомъ и сорными травами, и только кое-гдѣ остались большія деревья, напоминающія о прежней кабардинской культурѣ. Несомнѣнно, однако, что участь и этихъ памятниковъ старины очень непрочна.

Верстахъ въ 7—8 отъ слоб. Нальчика, вверху по рѣкѣ того же имени, нѣкогда былъ кабардинскій аулъ, а при немъ росъ прекрасный садъ, значительно превосходившій своими размѣрами «Атажукинъ». Садъ этотъ подвергся такому-же расхищенію со стороны русскихъ, какъ и «Атажукинъ», и въ настоящее время представляетъ еще большую мерзость запустѣнія, чѣмъ послѣдній.

Такова здѣсь русская культура, и образцы этой культуры можно видѣть повсюду въ Терской области. Лицамъ, говорящимъ о некультурности горцевъ и недостаткѣ у нихъ трудолюбія, слѣдовало бы обратить вниманіе на эти факты, а также на нѣкоторые другіе, характеризующіе степень культурности и трудолюбія кавказскихъ туземцевъ, каковыми фактами могутъ служить: развитіе у горцевъ архитектуры, образцы которой можно видѣть на башнеобразныхъ зданіяхъ Горной Осетіи или на башняхъ по военно-грузинской дорогѣ; скотоводство у горцевъ вообще и карачаевцевъ въ особенности, ухитрившихся развести огромныя стада рогатаго скота на неприступныхъ высотахъ у подошвы Эльборуса; на ирригацію на Кумыкской плоскости, отчасти у чеченцевъ и въ особенности въ Закавказьѣ, ирригацію, подобную которой русскіе здѣсь никакъ не могутъ устроить, не смотря на содѣйствіе научной техники и капитала; на широкое распространеніе среди горцевъ кустарныхъ промысловъ, на превосходнѣйшія мѣстныя кустарныя издѣлія изъ шерсти, шелка и металловъ, и т. д. Останавливаться на всѣхъ перечисленныхъ фактахъ я не буду, такъ-какъ это завело-бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета статьи—выселенія горцевъ. Не могу, однако, не поговорить объ одномъ предметѣ, знакомство съ которымъ дастъ читателю понять и о горской культурѣ, и о трудолюбіи горцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, насколько должны быть серьезны причины, изгоняющія горцевъ изъ родной страны на чужбину. Я говорю о земледѣліи въ горахъ.

V.

Кавказскія горы имѣютъ мало терассъ, пригодныхъ для земледѣлія. Большая часть площади, занятой горами, состоитъ изъ крутыхъ стремнинъ и спусковъ, на которыхъ можетъ расти только лѣсъ или мелкая трава. Во многихъ-же мѣстахъ бока горъ настолько круты, что текущими во время таянія снѣга или дождей ручьями съ нихъ сносится малѣйшая песчинка земли, и бока эти представляютъ собою сплошной очищенный камень. Пашни даже на менѣе крутыхъ склонахъ непремѣнно невозможны, такъ-какъ неминуемо уничтожались-бы при первой веснѣ или даже при первомъ сильномъ дождѣ. Вотъ почему горныя пастбища и лѣса, почва которыхъ держится на склонахъ горъ, благодаря корнямъ растений, не могутъ быть обыкновенно обрабатываемы въ пашни. Для этой цѣли могутъ служить только немногіе, рѣдкіе клочки земли, случайно представляющіе не особенно большой наклонъ, настолько небольшой, что на немъ можетъ держаться искусственно созданная почва, конечно, при помощи различныхъ сооружений. Такіе клочки земли дорого цѣнятся и нарочно разыскиваются. Отыскавъ такой участокъ земли, горецъ очищаетъ его отъ камней и устраиваетъ снизу стѣну, часто изъ собранныхъ на участке-же камней. Затѣмъ онъ направляетъ теченіе какого-нибудь горнаго ручья на избранный участокъ. Ручей оставляетъ на участке мелкіе камешки и песокъ и, такимъ образомъ, выравниваетъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ подпочву участка. Тотъ же ручей, протекая севозъ отверстія между крупными камнями, изъ которыхъ сложена стѣна, забиваетъ ихъ мелкими камешками и пескомъ и, такимъ образомъ, цементируетъ стѣну, дѣлаетъ ее крайне устойчивою, могущею выдержать самые сильныя горныя потоки и сохранить созданную на участке почву. Затѣмъ въ обгороженный участокъ загоняетъ на ночлегъ скотъ, который и удобряетъ почву. Это продолжается нѣсколько лѣтъ. Если хозяинъ участка желаетъ по возможности скорѣе привести участокъ въ такой видъ, чтобы получать съ него доходъ, то онъ приноситъ, большею частью на себѣ, снизу, изъ долинъ, черную землю и покрываетъ ею участокъ. Сначала такой участокъ запускается подъ траву. Трава на немъ родится низкая, не выше фута, но за то густая какъ щетина на щетеѣ, такъ что въ нее трудно просунуть руку. Собирается трава три раза въ годъ. Сѣно въ горахъ цѣнится чрезвычайно высоко, и участокъ въ одну четверть десятины даетъ сѣна не менѣе какъ на 60 рублей. Вообще участки удобной земли въ горахъ крайне малы. Больше четверти деся-

тины участки встрѣчаются крайне рѣдко, и чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ участки меньше. Рѣдко встрѣчаются участки не болѣе обыкновенной средней величины комнаты. Земли удобной здѣсь мало и она цѣнится чрезвычайно дорого. Дворъ, имѣющій полдесятины пашни, считается вполне обеспеченнымъ; выше начинается уже богатство. Десятина пашни (конечно, обыкновенно въ нѣсколькихъ клочкахъ) стоитъ до *тысячи* рублей. Мнѣ передавали, что одинъ горскій аристократъ, получивъ въ наслѣдство нѣсколько участковъ, составлявшихъ въ общей сложности около *четыре*хъ десятинъ, продалъ ихъ и на вырученныя деньги купилъ на плоскости *четыре*ста десятинъ земли, и у него еще остались деньги. И это совершенно понятно, такъ какъ въ Терской области, на плоскости цѣны на землю не выше *десяти* рублей, въ Нальчикскомъ округѣ еще недавно земли продавались по *пяти* рублей, а въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ еще въ 1883 году заключились сдѣлки по *четыре* и даже *три* рубля за десятину, покрытую лѣсомъ.

Сѣютъ въ горахъ на искусственно созданной землѣ обыкновенно ячмень и просо. Другіе хлѣба не рождаются. Почва удобряется очень тщательно навозомъ. Кромѣ того, устроено искусственное орошеніе. Орошеніе часто устраивается обществомъ. Условія мѣстности иногда не позволяютъ проводить оросительные каналы по землѣ и тогда ихъ устраиваютъ на воздухъ, сооружая изъ дерева громадныя желоба. Это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ Балкарскихъ обществахъ (Нальчикскаго округа). Тамъ, гдѣ орошеніе общественное, наблюдатель встрѣчается съ очень оригинальными картинами. Обыкновенно, когда русскій пріѣзжаетъ въ горскій аулъ,—что бываетъ вообще рѣдко,—его окружаетъ всегда толпа аульскихъ жителей. Объясняется это какъ любопытствомъ этихъ «дѣтей природы», такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что хозяинъ, у котораго останавливается проѣзжій, для соблюденія обычая гостепримства, обязательно рѣжетъ барана и въ сѣденіи этого барана имѣютъ право принять участіе всѣ обитатели аула. Въ аулахъ *балкарцевъ* (маленькій народецъ, живущій неподалеку отъ Нальчика), такіе любопытныя лѣтомъ собираются смотрѣть на пріѣхавшаго непременно съ заступами въ рукахъ. Время отъ времени отдѣльныя члены толпы собравшихся удаляются куда-то и затѣмъ снова появляются лишь чрезъ нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное время. Оказывается, что весною и въ началѣ лѣта балкарцы, куда бы они ни шли, что бы ни дѣлали, непременно имѣютъ при себѣ заступы. Дѣло въ томъ, что въ это время производится орошеніе пахатныхъ полей, имѣющее громадное значеніе для урожая: такъ какъ каждый членъ общества имѣетъ право

только въ теченіи опредѣленнаго времени пользоваться водою изъ общаго канала для орошенія своего поля, то онъ и носить при себѣ постоянно заступъ и, гдѣ-бы и за какимъ-бы дѣломъ ни за-стало его наступленіе момента, съ котораго начинается его право на воду, онъ тотчасъ-же устремляется къ каналу и пускаетъ изъ него воду на свои клочки земли. Неудивительно, что при тща-тельной обработкѣ (рукою, заступомъ) земли, при постоянномъ удобреніи и орошеніи, урожай получаютъ здѣсь очень значитель-ные—до самъ 20. Тѣмъ не менѣе, ничтожные клочки земли не могутъ прокормить населеніе, и оно принуждено прикупать хлѣбъ на плоскости...

Изъ этого краткаго описанія состоянія земледѣлія въ горахъ читатель можетъ видѣть, сколько справедливости въ обвиненіяхъ горцевъ въ лѣности. вмѣстѣ съ тѣмъ, я полагаю, читателю ста-новится понятнымъ, что, создавая себѣ на голыхъ скалахъ землю исключительно своимъ трудомъ, буквально до кроваваго пота, го-рець долженъ страстно привязаться ко своей землѣ. И если тѣмъ не менѣе, онъ покидаетъ ее и идетъ завѣдомо на страданія въ Турцію, то причина тому ужь во всякомъ случаѣ заключается не въ его лѣни.

VI.

Во время моего пребыванія въ Терской области, меня страшно поразила взаимная ненависть, которую питають другъ къ другу два главные элемента населенія области—казаки и туземцы, не-нависть эта проявляется въ чувствахъ и возрѣніяхъ казаковъ и туземцевъ и въ тысячахъ столкновеній тѣхъ и другихъ, другъ съ другомъ. Для казака туземець является не человѣкомъ, а такъ «тварью» какою-то, церемониться съ которою рѣшительно нѣтъ никакого резона. Въ свою очередь и туземець видитъ въ казакѣ только «невѣрную собаку». Стычки и столкновенія между каза-ками и туземцами—самое обыденное явленіе здѣсь. Встрѣча ка-зака съ туземцемъ гдѣ-нибудь въ полѣ, или нѣсколькихъ казаковъ съ туземцемъ и нѣсколькихъ туземцевъ съ казакомъ—рѣдко обо-дится безъ исторіи: самое меньшее, если въ этомъ случаѣ произой-детъ драка и избіеніе слабѣйшей стороны, а сплошь и рядомъ случается убійство. Убійство здѣсь вообще настолько заурядное явленіе, что къ нему рѣшительно всѣ привыкли и оно не вызы-ваетъ ничьего удивленія. Истина заставляетъ сказать, что каза-ки, какъ поставленные въ привилегированное положеніе, поль-зующіеся поддержкою администраціи и сдѣланные даже въ нѣко-

торомъ родѣ начальствомъ надѣ туземцами вообще, гораздо чаще злоупотребляютъ силою и проявляютъ по отношенію къ туземцамъ недѣроятное нахальство. Само собою, что это ужасно возбуждаетъ и озлобляетъ туземцевъ и они мстятъ казакамъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Кромѣ мелкихъ стычекъ и столкновеній, имѣющихъ мѣсто ежедневно повсюду, во время моего пребыванія лѣтомъ 1883 года въ Терской области, здѣсь произошелъ цѣлый рядъ очень крупныхъ столкновеній и недоразумѣній между обѣими половинами населенія, столкновеній, которыя еще болѣе разожгли ихъ взаимную ненависть. Я остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ этихъ печальныхъ фактахъ, чтобы рельефнѣе выяснитъ отношенія, сложившіяся здѣсь между казаками и туземцами.

Недалеко отъ Владикавказа находятся, по сосѣдству другъ съ другомъ, казачья станица Архонская и осетинское село (аулъ) Тулатовское. Земли этихъ обществъ раздѣляются р. Тереккомъ: по правому берегу тянется земля Тулатовскаго общества, а по лѣвому—земля архонскихъ казаковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Терекъ—какъ это здѣсь бываетъ часто—измѣнилъ свое теченіе въ сторону земли архонцевъ и отрѣзалъ отъ нея кусокъ въ 200 десятинъ, которыя въ настоящее время прилегаютъ къ землѣ тулатовскаго общества и отдѣляются отъ послѣдней старымъ русломъ Терека. Чтобы обработывать эту землю, казаки должны переѣзжать Терекъ, что сопряжено съ большими неудобствами во время половодья. Въ виду такого неудобства, а также въ виду избытка земли, архонцы отдали этотъ кусокъ земли въ аренду осетинкулаку, жителю Тухатовскаго селенія, нѣкому Бадоеву. Арендаторъ выговорилъ право соединить арендуемый имъ участокъ съ общимъ владѣніемъ архонцевъ посредствомъ моста и взимать деньги за проѣздъ. Нужно замѣтить, что тулатовцамъ отвели лѣсной участокъ за Тереккомъ, и чтобы пользоваться этимъ лѣсомъ, имъ приходится переѣзжать бурную рѣку въ бродъ. Бадоевъ, пользуясь тѣмъ, что переѣздъ въ бродъ черезъ Терекъ во время весеннихъ половодій сопряженъ съ большимъ рискомъ, объявилъ своимъ односельцамъ—тулатовцамъ, что если они желаютъ пользоваться правомъ проѣзда черезъ его мостъ, то каждый «дымъ» долженъ доставить ему, Бадоеву, по 1 сажени хворосту и платить по 1 мѣрѣ пшеницы. Сажень хворосту стоитъ 4 рубля, а мѣра пшеницы—1 руб. 20 коп.—что составитъ съ «дыма» 5 р. 20 к., а со всего селенія (120 дымовъ)—624 рубля. Эту контрибуцію тулатовцы платили Бадоеву до тѣхъ поръ, пока не сообразили, что имъ выгоднѣе имѣть свой мостъ, и рѣшились выстроить таковой всѣмъ обществомъ. Для этой цѣли они выбрали

мѣсто повыше моста Бадоева, гдѣ издавна пролегла проселочная дорога, шедшая чрезъ Архонскую станицу въ лѣсъ, отведенный тулатовцамъ. Весною 1883 года мостъ этотъ былъ готовъ и стоилъ жителямъ Тулатовскаго общества во много разъ дешевле того, что они платили Бадоеву: именно каждому дыму пришлось доставить 2 арбы хворосту и на 10 дымовъ по одному бревну въ 1 р. 30 к. Бадоевъ, который такимъ образомъ съ постройкой общественнаго моста лишился солиднаго дохода, сталъ подстрекать архонскихъ казаковъ, чтобы они воспретили тулатовцамъ проѣзжать чрезъ свою землю въ томъ случаѣ, если послѣдніе будутъ имѣть свой мостъ. Казаки 12 мая пріѣхали цѣлымъ кагаломъ къ мосту тулатовцевъ и не только воспретили по немъ проѣздъ, но и угрожали разбросать самый мостъ. Нѣкоторые тулатовцы, ѣхавшіе въ этотъ день въ лѣсъ, вынуждены были возвратиться назадъ, во избѣжаніе столеновенія съ казаками. 15 и 16 мая, во время коронаціонныхъ празднествъ, тулатовцы постановили въ память этихъ дней позволить горцамъ, гнавшимъ свои стада въ горы на лѣто, перегнать бесплатно черезъ мостъ до 12 тысячъ овецъ. Но казаки и тутъ показали свою власть: они не пропустили ни одной овцы. Такимъ образомъ трудъ тулатовцевъ по постройкѣ моста оказался совершенно напраснымъ. Такъ какъ къ улаженію этого дѣла мѣстною администраціею не принимается никакихъ мѣръ, то не будетъ ничего удивительнаго, если оно окончится рѣзней.

Приведенный фактъ представляетъ собою примѣръ такъ сказать экономическаго давленія, которымъ казаки хотѣли насолить «поганой твари». Но сплошь и рядомъ дѣло обходится проще. Такъ, напримѣръ, въ ночь на 20 іюля, около Пришибской станицы ѣхали на базаръ 5 кабардинцевъ; пришибскіе парубки, отъ 15 до 18 лѣтъ, напали на нихъ и ограбили, отнявъ у нихъ все, что они везли, и даже снявъ съ нихъ одежду шапки, бешметы, бурки и проч. Не подумайте, что помянутые парубки — какіе-нибудь грабители по профессіи! Напротивъ, это самые заурядные парни, въ началѣ-же слѣдствія сознавшіеся въ грабежѣ и возвратившіе ограбленное, кромѣ того, что было пропито. Просто ихъ толкнуло на грабежъ то соображеніе, почему-же не ограбить «поганую татарву», разъ къ тому представляется случай? Туземцы, проѣзжающіе чрезъ станицы, нерѣдко подвергаются бомбардировкамъ камнями со стороны парубковъ, опять-таки въ силу того-же соображенія, почему же не поколотить татарву? И колотятъ. Вотъ, напримѣръ, какая исторія разыгралась прошлымъ лѣтомъ въ Умаханъ-юртовской станицѣ. Умаханъ-юртовская станица расположена на берегу р. Сунжи, на которой существуетъ мостъ. Станица на-

ходится между аулами Брогуны и Гудермесь. Въ Брогунахъ живеть извѣстный своею ученостью мулла, который образовалъ тамъ маленькую аудиторію для *муталимовъ* (учениковъ), изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, стекающихся сюда для изученія корана и вообще правилъ мусульманской вѣры. Такъ-какъ муталимы въ большинствѣ случаевъ дѣти круглыхъ бѣдняковъ, то они, чтобы поддержать свою труженническую жизнь, періодически отправляются по окрестнымъ ауламъ и тамъ собирають подаяніе отъ своихъ братьевъ по вѣрѣ. Партія такихъ муталимовъ, возвращаясь изъ аула Гедермесь въ Брогуны, чрезъ помянутый мостъ, повстрѣчалась съ двумя казаками, шедшими въ станицу съ рыбной ловли. Казаки, замѣтивъ нищенскій видъ оборванныхъ муталимовъ, сперва подняли ихъ на смѣхъ, а потомъ одинъ изъ нихъ подставилъ ногу одному оборвышу, который растянулся на мосту. Старшій изъ муталимовъ, видя обиду своего товарища, подошелъ къ неосторожному шутнику и, хотя онъ не зналъ ни одного слова по русски, однако, схвативъ его за грудь, мимикой требовалъ удовлетворенія. Но казакъ, въ свою очередь, держа одною рукою за ножны кинжалъ муталима, другою запалилъ ему въ ухо. Муталимъ отвѣтилъ тѣмъ-же. Въ то время другой казакъ вытащилъ копьё изъ ближайшаго плетня, зашелъ сзади къ муталиму и нанесъ ему въ голову такой полновѣсный ударъ, отъ котораго послѣдній присѣлъ на колѣни. Когда муталимъ почувствовалъ, что изъ полученной имъ раны течеть по лицу его кровь, то онъ точно уязвленный змѣей—выхватилъ изъ ноженъ кинжалъ и нанесъ двѣ раны своимъ противникамъ: одному въ ногу, а другому въ руку. Раздались призывные голоса о помощи, поднялась общая суматоха, вслѣдъ за этимъ шумъ и крикъ: нашихъ рѣжутъ! Народъ, работавшій на токахъ, и праздный людъ, шатающійся по станицѣ, пустился бѣжать къ мосту, откуда неслись голоса о помощи; кто бѣжалъ съ граблями въ рукахъ, кто съ вилами, а нѣкоторые и съ ружьями. Маленькіе муталимы оставались все это время простыми свидѣтелями, но, видя приближеніе толпы казаковъ, въ испугѣ бросились бѣжать въ разныя стороны. Приближающаяся-же толпа, не понимая въ сущности ни повода ссоры, ни ея послѣдствій, но видя убѣгающихъ туземцевъ—пустилась за ними въ погоню и по мѣрѣ того—какъ настигала когонибудь изъ отступающихъ непріятелей, била его нещадно по чѣмъ попало и какъ попало. Въ это время было сдѣлано даже нѣсколько выстрѣловъ, которые къ счастью никого не зацѣпили. Но все-таки на полѣ сраженія послѣ этой травли оказался старшій муталимъ съ пробитымъ черепомъ и на краю могилы, тремъ-четыремъ его товарищамъ перебили по нѣ-

скольку реберъ и всѣ они доставлены въ станичное правленіе въ полномъ безпамятствѣ. Что-же касается до казаковъ, то одинъ изъ нихъ находится въ положеніи опасно больнаго, а товарищъ его отдѣлялся пустой раной *).

Еще болѣе рельефный фактъ имѣлъ мѣсто въ г. Грозномъ. Сюда, на мѣстный рынокъ, постоянно привозятся изъ окрестныхъ ауловъ сельскія произведенія. Обстоятельство это очень не нравится казакамъ сосѣднихъ станицъ, тоже поставляющимъ на грозненскій рынокъ сельскія произведенія, а также и мѣстнымъ торговцамъ. Къ этому присоединяется еще общее враждебное отношеніе русскихъ и чеченцевъ другъ къ другу. И вотъ не проходитъ ни одного базара безъ мелкихъ стычекъ и столкновеній между представителями обоихъ элементовъ населенія. 15 августа столкновенія эти завершились громаднымъ побоищемъ. Дѣло началось, какъ и всегда, съ пустяка. Одинъ чеченецъ обмѣнялъ часть привезенныхъ имъ на базаръ дровъ на арбузы, одна часть которыхъ лежала на телегѣ, а другая возлѣ нея. Забравши съ телеги арбузы, чеченецъ хотѣлъ-было забирать и тѣ арбузы, которые лежали возлѣ телеги, полагая, что и они пошли въ обмѣнъ, но продавецъ—русскій, видя это, ударилъ чеченца кулакомъ въ лицо: таковъ здѣсь разговорный языкъ съ туземцами. Стоявшій возлѣ другой чеченецъ—товарищъ побитаго, далъ въ свою очередь ударъ горожанину. Вслѣдъ за этимъ началась общая свалка. Вооружившись книжалами, какъ чеченцы, такъ и русскіе, бросились къ мѣсту катастрофы; кулачные и палочные удары сыпались градомъ; пыль, топотъ и крикъ, все смѣшалось въ невообразимомъ хаосѣ, — и только энергическое вмѣшательство полиціи и чеченца—генерала Арду Чермоева остановило стычку.

Я привелъ лишь незначительную часть извѣстныхъ мнѣ фактовъ; приводить всѣ факты нѣтъ никакой нужды, такъ-какъ мнѣ хотѣлось только охарактеризовать отношенія, существующія между двумя половинами населенія Терской области, и полагаю, что для этой цѣли достаточно приведенныхъ фактовъ. Отношенія эти натапаны и враждебны до послѣдней степени и постоянно грозятъ перейти въ свалку. Невольно возникаетъ вопросъ о причинахъ этой враждебности. Когда я поставилъ себѣ этотъ вопросъ и сталъ собирать данныя для его рѣшенія, то, по мѣрѣ выясненія причинъ существующей розни между русскими и туземцами, я началъ понимать, что тѣ-же самыя причины, дѣлая невыносимую жизнь горцевъ на родинѣ, заставляютъ ихъ переселяться въ Тур-

*) Терекъ, 1883 г., № 102.

цію. Одні и тѣже ненормальныя условія, которыми обставлена жизнь горцевъ, ставятъ ихъ во враждебныя отношенія къ казакамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаютъ ихъ покидать родину. Въ этихъ-же условіяхъ — секретъ кавказскихъ возстаній.

VII.

Каковы-же причины, поставившія туземцевъ Терской области и казаковъ въ такое положеніе, что они постоянно готовы рѣзать другъ друга? Среди мѣстныхъ русскихъ обывателей (исключая небольшой группы интеллигенціи), и не только ихъ однихъ, а и среди многихъ столичныхъ публицистовъ, наибольшую популярность пользуются мнѣнія, рассматривающія нынѣ существующую взаимную вражду казачьяго и туземнаго населенія Сѣвернаго Кавказа, какъ остатокъ прежнихъ военно-враждебныхъ отношеній, или какъ продуктъ національной обособленности той и другой половины населенія. Мнѣнія эти могутъ казаться до извѣстной степени основательными лишь до тѣхъ поръ, пока мы будемъ ограничиваться разсмотрѣніемъ положенія дѣла въ небольшой области; но разъ мы перенесемъ вопросъ на болѣе широкую почву, несостоятельность указанныхъ объясненій вражды между туземцами и казаками станетъ вполне очевидною.

Въ самомъ дѣлѣ, вражда между туземцами и казаками существуетъ не только въ Терской и Кубанской областяхъ, гдѣ военныя дѣйствія окончились не особенно давно, но рѣшительно всюду, даже тамъ, гдѣ война съ туземцами прекратилась болѣе столѣтъ тому назадъ. Такъ, донскіе казаки враждуютъ съ калмыками, уральскіе и оренбургскіе — съ киргизами, казаки сибирскихъ казачьихъ войскъ — тоже съ киргизами, тунгузами, бурятами и т. д. Здѣсь, по окончаніи военной вражды, смѣнилось уже нѣсколько поколѣній, и самая память о бывшей нѣкогда военной враждѣ утратилась. А между тѣмъ, вражда туземцевъ и казаковъ повсюду одинаково сильна и выражается въ тѣхъ-же самыхъ формахъ, какъ и въ Терской области, начиная съ мелкихъ столкновеній, переходя къ широко-развитому воюкрадству и кончая даже убійствами. Значитъ это явленіе представляетъ собою не переживаніе прежнихъ военныхъ отношеній, а продуктъ причинъ болѣе постоянныхъ, существующихъ доселѣ. Это, если хотите, война, но уже не прежняя, а *соціальная*.

Также не состоятельно мнѣніе, по которому вражда между казаками и туземцами должна рассматриваться какъ продуктъ національной обособленности тѣхъ и другихъ. Уже одинъ тотъ фактъ,

что русскіе очень спокойно живутъ рядомъ съ инородцами во многихъ мѣстахъ Россіи, совершенно опровергаетъ это мнѣніе. Но въ областяхъ, занятыхъ казаками, мы встрѣчаемся съ фактомъ еще рѣзче противорѣчающимъ высказанному мнѣнію; я говорю о рѣзко враждебныхъ отношеніяхъ, существующихъ между казаками и переселенцами. Вражда эта особенно сильно проявляется въ областяхъ Уральской, Донской и Кубанской и совершенно тождественна, какъ по существу, такъ и по формамъ своего проявленія, съ враждой казаковъ и туземцевъ. Въ Терской области такой рѣзкой вражды между казаками и переселенцами пока не замѣчается, такъ какъ здѣсь и самихъ переселенцевъ еще очень мало; но въ степныхъ станицахъ этой области, гдѣ всего болѣе пріютилось переселенцевъ, начинаютъ замѣчаться проявленія тѣхъ враждебныхъ отношеній, которыя царятъ во всей силѣ между казаками и переселенцами въ сосѣдней Кубанской области. Для объясненія этого явленія уже нельзя ссылаться на національныя особенности, такъ какъ и казаки, и переселенцы принадлежать къ одной и той-же народности. Очевидно, что причины взаимной вражды разныхъ элементовъ населенія не имѣютъ ничего общаго съ національностью.

Аналогія между взаимными отношеніями казаковъ и переселенцевъ съ одной стороны и казаковъ и туземцевъ съ другой — даетъ намъ ключъ къ разрѣшенію вопроса. Сходство между положеніемъ туземцевъ и переселенцевъ по отношенію къ казакамъ состоитъ исключительно въ томъ, что какъ переселенцы, такъ и туземцы поставлены въ несравненно менѣ выгодныя экономическія условія, чѣмъ условія экономической жизни казаковъ. Это сходство положеній туземцевъ и переселенцевъ влечетъ за собою и сходственныя послѣдствія въ видѣ одинаковыхъ отношеній первыхъ и вторыхъ къ казакамъ. Объ экономическомъ положеніи здѣшнихъ переселенцевъ мнѣ уже приходилось говорить на страницахъ «Дѣла» *). Что-же касается туземцевъ, то нижеслѣдующія данныя могутъ дать понятіе объ ихъ экономическомъ положеніи, сравнительно съ положеніемъ казаковъ. По положенію 23 апрѣля 1870 года казаки должны были быть надѣлены землею въ размѣрѣ 30 десятинъ на душу мужескаго пола. Въ дѣйствительности-же, казаки Терскаго войска получили нѣсколько менѣ указанной нормы, именно по 24 десятины *на душу*. Въ то-же время при устройствѣ поземельнаго быта туземцевъ на плоскости, они на-

*) 1883 г., № 12.

дѣлялись землею въ размѣрѣ лишь 12—18 десятинъ *на дымъ* *). Что-же касается туземцевъ, живущихъ въ горахъ, то имъ принадлежать лишь самыя небольшыя клочки земли, о чемъ уже было говорено выше. Въ Кубанской области казаки получили полный 30 десятинный душевой надѣлъ; въ то-же время черкесы надѣлены по 7 десятинъ на душу и притомъ преимущественно никуда негодными плавнями по Кубани. Въ Донской области, гдѣ казачій надѣлъ еще выше, у калмыковъ отрѣзаны громадныя пространства и обращены въ общій войсковой юртъ; этимъ путемъ калмыки крайне стѣснены въ землепользованіи и принуждены сократить до *minimum* свое скотоводство, основу всего своего благосостоянія. Въ Оренбургской губерніи отрѣзки земли киргизовъ происходили нѣсколько разъ. Кромѣ того, здѣсь казаки самовольно захватили до 3.000.000 десятинъ киргизской земли; дѣло объ этомъ захватѣ тянулось очень долго и кончилось возвращеніемъ киргизамъ 1 милліона десятинъ земли и оставленіемъ остальныхъ двухъ милліоновъ во владѣніи казаковъ. Всѣ эти однородные факты ясно показываютъ, съ какими неравными силами должны бороться туземцы и казаки на экономической почвѣ и въ чью пользу должны быть перевѣсъ. И дѣйствительно, фактъ экономической зависимости туземцевъ отъ казаковъ очень распространенъ. Прежде всего, эта зависимость отражается на рынкѣ, гдѣ туземецъ, побуждаемый нуждою, долженъ продавать свои произведенія ниже ихъ дѣйствительной стоимости и ниже цѣнъ, получаемыхъ казаками. Затѣмъ туземцу приходится продавать свой трудъ казаку, тогда какъ обратное явленіе можетъ встрѣчаться лишь какъ крайне рѣдкое исключеніе. Наконецъ, туземцы, нуждаясь въ землѣ, вынуждены брать въ аренду земли казаковъ и вслѣдствіе того поступать еще въ большую зависимость отъ послѣднихъ. Аренда туземцами казачьихъ земель очень распространена въ Кубанской и въ Терской областяхъ. Даже станицы, надѣлы которыхъ признаются крайне неудобными, сдаютъ земли туземцамъ; такъ на примѣръ, у Галашевской станицы (Владикавказскаго округа), не могущей прокормиться отъ своего надѣла и потому получающей «паекъ», арендуютъ землю до 200 дымовъ туземцевъ.

Не удивительно, что при такой экономической зависимости одной части населенія отъ другой, отношенія ихъ другъ къ другу обостряются и приводятъ къ крайне печальнымъ результатамъ. Это общій фактъ, имѣющій мѣсто всюду, гдѣ средства къ

*) „Дымъ“—семья, но обыкновенно семья родовая, большая, состоящая изъ нѣсколькихъ мелкихъ семей, связанныхъ кровными узами.

жизненной борьбѣ распределены неравномѣрно,—и къ чему можетъ приводить подобное положеніе вещей, ясно показываетъ чрезвычайно широкое распространіе за послѣдніе годы аграрныхъ преступленій во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Къ этому въ Терской области присоединяется неудачное расположеніе населенныхъ мѣстъ. Область населялась исключительно сообразно съ военно-стратегическими цѣлями; неудивительно, поэтому, что когда пришлось перейти къ мирной жизни, многія поселенія оказались совсѣмъ не у мѣста. Всмотриваясь въ карту населенныхъ мѣстъ Терской области съ обозначеніемъ прирѣзанныхъ къ нимъ надѣловъ, невольно поражаешься неудачнымъ положеніемъ первыхъ относительно вторыхъ: надѣлы разныхъ поселеній перѣдко тянутся на далекое разстояніе узкими полосами, окружаютъ другъ друга и врѣзываются одни въ другіе, переплетаются и т. д. Нечего и говорить, что здѣсь постоянный источникъ ссоръ, споровъ, недоразумѣній, неудовольствій и вражды.

Такова основная причина враждебныхъ отношеній казаковъ и туземцевъ—экономическая. Ею одною, однако, суть дѣла не исчерпывается, и рядомъ съ этою причиною дѣйствуетъ цѣлый рядъ другихъ, менѣе важныхъ, но дѣйствующихъ все въ одну и ту-же сторону возбужденія розни между казаками и туземцами. Такими причинами являются особенности горскаго сельскаго управленія, оригинальное отношеніе представителей полиціи и судебной слѣдственной власти къ преступленіямъ противъ личности туземцевъ, странный порядокъ отвѣтственности туземцевъ за преступленія, правила объ обезоруженіи туземцевъ, отсутствіе школъ для туземцевъ и т. д. Всѣ эти причины ставятъ туземное населеніе въ какое-то особенное, исключительное положеніе, невольно приводящее къ разрыву между туземцами и русскою частью населенія.

Собственно говоря, поставить какую-нибудь часть населенія въ исключительныя общественныя условія значитъ неминуемо раздражить эту часть населенія противъ остальной массы и наоборотъ. Поставленная въ исключительныя условія часть населенія неминуемо должна чувствовать себя особенною отъ остальнаго населенія, а свои интересы не только не солидарными съ интересами остальнаго населенія, но и прямо противорѣчащими имъ. Въ свою очередь и остальная масса населенія неминуемо должна видѣть въ обособленной части населенія нѣчто, чуждое себѣ; исключительныя мѣры, принятія по отношенію къ одной части населенія, неизбѣжно заставляютъ прочее населеніе относиться къ ней враждебно. Это одинаково справедливо какъ относительно того случая, когда исключительныя условія благоприятны той части, къ кото-

рой они относятся, такъ и въ случаѣ ихъ неблагопріятности. Когда дѣйствіе общихъ законовъ нарушается въ пользу или ущербъ части населенія, эта часть необходимо должна сдѣлаться подозрительною въ глазахъ остальнаго населенія и, въ свою очередь, стать враждебною ему, или изъ боязни за свои привилегіи, или изъ ненависти за права, которыхъ она лишена и которыми пользуется остальное населеніе. Это именно имѣетъ мѣсто въ Терской области, благодаря цѣлому ряду особенностей положенія туземцевъ сравнительно съ положеніемъ другой части населенія—казаковъ.

Первою такою особенностью является «Положеніе объ аульныхъ обществахъ». Въ то время, когда русское населеніе *выбираетъ* свободно изъ своей среды сельскаго старосту или станичнаго атамана, аульные старшины *назначаются* начальствомъ. Аульный старшина, по «Положенію», пользуется очень широкимъ объемомъ власти. Онъ обязанъ по дѣламъ полицейскимъ—объявлять правительственныя распоряженія и наблюдать за распространеніемъ подложныхъ указовъ и вредныхъ слуховъ; заботиться о сохраненіи порядка и безопасности лицъ и имущества, а также принимать мѣры для возстановленія нарушеннаго порядка; задерживать бродягъ и бѣглыхъ; доносить о самовольно отлучившихся изъ общества; принимать мѣры къ предупрежденію преступленій, а также открывать и задерживать виновныхъ въ преступленіяхъ, и приводить въ исполненіе приговоры аульнаго схода. По дѣламъ общественнымъ, аульный старшина сзываетъ и распускаетъ аульный сходъ и охраняетъ порядокъ на немъ; предлагаетъ на разсмотрѣніе схода вопросы; наблюдаетъ за дѣятельностью прочихъ аульных должностныхъ лицъ, за цѣлостью межъ и межевыхъ знаковъ, за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ и проч., за исправнымъ отбываніемъ жителями повинностей, за порядкомъ въ училищахъ и другихъ общественныхъ заведеніяхъ, за торговыми заведеніями и вообще за торговлей, за составленіемъ камеральныхъ списковъ; побуждаетъ къ исполненію условій и договоровъ, заключенныхъ жителями; завѣдуетъ общественнымъ хозяйствомъ и общественными суммами и охраняетъ отъ растраты имущества неисправныхъ плательщиковъ. Наконецъ, аульный старшина обладаетъ еще дисциплинарной властью: ему предоставлено право, за маловажные проступки, подвергать виновныхъ назначенію на общественныя работы на время до двухъ дней, денежному взысканію до одного рубля или аресту до двухъ дней. Такія сложныя обязанности, возложенныя на аульныхъ старшинъ, и такія широкія права, какія даны имъ, требуютъ въ лицѣ, занимающемъ эту должность, соединенія самихъ разнородныхъ качествъ. Избранникъ

долженъ обстоятельно и всесторонне знать всѣ мѣстныя обстоятельства и условія, долженъ пользоваться уваженіемъ населенія и вліяніемъ въ средѣ, долженъ, наконецъ, отличатся личными высокими качествами. Несомнѣнно, что лицо, представляющее въ своей персонѣ всѣ необходимыя условія, встрѣчается лишь какъ рѣдкое явленіе. И несомнѣнно, что отыскать такое лицо всего менѣе можетъ полицейская власть.

Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе аульныхъ старшинъ всецѣло зависитъ отъ участковыхъ приставовъ. Иного порядка вещей быть не можетъ. Ни начальникъ округа, ни, тѣмъ болѣе, начальникъ области, по сложности и разносторонности своихъ обязанностей, не могутъ знать, какія лица въ какомъ аулѣ могутъ быть кандидатами на должности аульныхъ старшинъ. Но могутъ-ли это знать участковые пристава? Въ вѣдѣніи пристава находится цѣлая масса поселеній и ознакомиться обстоятельно со всѣмъ подчиненнымъ ему населеніемъ пристапу невозможно даже послѣ многихъ лѣтъ пребыванія на одномъ мѣстѣ; по необходимости ему приходится ограничиваться ознакомленіемъ съ лицами, съ которыми сталкивается его исполненіе его обязанностей. Между тѣмъ характеръ дѣятельности пристава таковъ, что контингентъ лицъ, съ которыми ему приходится сталкиваться, всего менѣе можетъ поставлять кандидатовъ въ хозяева ауловъ. То обстоятельство, что данное лицо оказало пристапу услугу въ кругу его дѣятельности и тѣмъ привлекло къ себѣ его особенное вниманіе и даже симпатіи, скорѣе можетъ служить указаніемъ на непригодность этого лица къ исправленію столь важной для населенія должности, какъ должность аульнаго старшины, и ужь во всякомъ случаѣ не можетъ служить гарантіей обладанія даннымъ лицомъ нужными для этой должности качествами. А между тѣмъ пристава необходимо должны искать кандидатовъ на должности аульныхъ старшинъ именно въ средѣ такихъ лицъ, какъ потому, что съ лицами другого рода имъ приходится знакомиться очень мало или даже совсѣмъ не приходится знакомиться, такъ и въ силу того психическаго закона, по которому мы человѣка, пригоднаго къ близкому намъ дѣлу, считаемъ пригоднымъ и ко всякому другому. Да, наконецъ, что такое участковые пристава? Это тѣ-же становые, тѣ-же «куроцапы», только съ болѣе широкою властью, и съ большею фанаберіею, съ большимъ нахальствомъ и съ большимъ невѣжествомъ. Умственное развитіе ихъ крайне ничтожно; нравственныхъ понятій не имѣется никакихъ. Для оцѣнки людей у нихъ свой крайне своеобразный масштабъ. Неудивительно, что они назначаютъ старшинами просто отребье горскихъ обществъ.

Ко всему этому присоединяется еще одно очень важное обстоятельство. Назначеніе аульныхъ старшинъ вызвано желаніемъ имѣть въ аулахъ своихъ людей, могущихъ предупредить правительство о враждебныхъ замыслахъ и бунтовщическихъ намѣреніяхъ туземнаго населенія. Это—источникъ, изъ котораго возникъ существующій порядокъ назначенія аульныхъ старшинъ, и главный мотивъ, въ силу котораго этотъ порядокъ поддерживается доселѣ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ царить взглядъ, по которому туземное населеніе разсматривается какъ скопище бунтовщиковъ и разбойниковъ; до сихъ поръ не хотять понять, что масса туземнаго населенія представляетъ собою тружениковъ, думающихъ не о бунтахъ и возстаніяхъ, а лишь о томъ, какъ добыть себѣ кусокъ хлѣба, тружениковъ, какіе составляютъ большинство всякой народности; до сихъ подъ не сдѣлалось общимъ достояніемъ то простое соображеніе, что если въ туземномъ населеніи, какъ и во всякомъ другомъ, могутъ встрѣчаться непокойныя головы, то дѣлать отвѣтственнымъ за нихъ все населеніе и несправедливо, и нецѣлесообразно. И вотъ подъ вліяніемъ этихъ печальныхъ недоразумѣній старшинами нерѣдко назначаются лица, заявившія себя лишь доносами на своихъ соплеменниковъ, доносами, сплошь и рядомъ совершенно неосновательными и вызванными лишь желаніемъ получить вознагражденіе.

Послѣдствія такого порядка вещей крайне печальны. Недовольство аульныхъ обществъ своими старшинами—фактъ положительно общій. И это недовольство вполне понятно, такъ какъ въ старшины обыкновенно попадаютъ лица, занимавшія до того послѣднее мѣсто въ обществѣ, лица, презираемыя или ненавидимыя всѣмъ обществомъ, лица, у которыхъ въ прошломъ лишь нѣсколько доносовъ или даже просто воровская практика. Аульные старшины сплошь и рядомъ совершаютъ самыя невѣроятныя злоупотребленія своею широкою властью, или мстя своимъ врагамъ, или укрывая преступленія; случается, что они состоятъ членами воровскихъ шаекъ и безнаказанно совершаютъ самыя дерзкіе грабежи. И такъ какъ эти старшины назначаются представителями русской власти и ею поддерживаются, то неудивительно, что ненависть туземнаго населенія противъ старшинъ переносится и на русскій режимъ, который кажется туземцамъ воплощеніемъ насилій и беззаконій. Пользуясь своею властью, старшина можетъ буквально отравить существованіе цѣлаго аульнаго общества, и вся горечь и злоба, которыя накопятся въ такомъ обществѣ, всецѣло падаютъ на русскихъ.

Съ другой стороны, туземцы, видя возлѣ себя русское населе-

ніе, пользующееся большею самостоятельностью въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, невольно начинаютъ чувствовать себя въ безправномъ положеніи и завидовать своимъ сосѣдямъ. Подобное неравенство особенно сильно отзывается на туземцахъ при томъ развитіи чувства собственнаго достоинства, какое мы замѣчаемъ у кавказскихъ народовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и русское населеніе начинаетъ свысока относиться къ туземцамъ, какъ къ людямъ, которымъ недовѣряютъ власти и которые, вслѣдствіе того, какъ-бы поставлены ниже русскаго населенія. Понятно, что это только подливаетъ масла въ огонь.

Къ еще болѣе печальнымъ результатамъ приводитъ отношеніе власти къ случаямъ нападенія на личность туземца. Когда на казачьей землѣ находятъ трупъ убитаго туземца, то власти, отъ которыхъ зависитъ первоначальное дознаніе, всегда склонны объяснять причину убійства или самообороной казака, или же тѣмъ, что туземецъ былъ застигнутъ на кражѣ, и дѣло, получивъ съ перваго-же раза такое неправильное направленіе, представляется впослѣдствіи судебнымъ слѣдователемъ къ прекращенію. Такимъ образомъ до сихъ поръ убійства горцевъ казаками оканчивались почти всегда ничѣмъ, благодаря чему среди казачьяго населенія установился взглядъ, что туземцы стоятъ внѣ закона и всякій самосудъ противъ нихъ возможенъ. Между тѣмъ, при существующей кровной мести у туземцевъ родственники убитаго, считая себя неудовлетворенными, являются мстителями за своего сородича и обыкновенно подстрѣливаютъ казака той станицы, гдѣ палъ ихъ сородичъ. Это вноситъ въ среду казачьяго населенія понятное чувство раздраженія противъ горцевъ и казаки, въ свою очередь, ждутъ счастливаго момента ухлопать туземца. Получается, такимъ образомъ, какой-то закодированный кругъ, изъ котораго нѣтъ и не будетъ выхода до тѣхъ поръ, пока не станутъ видѣть въ горахъ людей и подданныхъ русскаго государства, а не звѣрей, которыхъ можно истреблять совершенно безнаказанно.

Но если преступленія противъ личности туземцевъ, въ большинствѣ случаевъ, остаются безнаказанными, то совѣмъ иначе стоитъ дѣло относительно преступленій, которыя совершены или предполагаются совершенными туземцами. Отвѣтственность туземцевъ Терской области за преступленія обставлена такими условіями, которыя не имѣютъ ничего себѣ подобнаго на всемъ протяженіи Россійской имперіи. Порядокъ, установленный закономъ для раскрытія преступниковъ, привлеченія ихъ къ отвѣтственности и наложенія самой отвѣтственности, рѣдко примѣняются по отношенію къ туземцамъ. Отвѣтственность туземцевъ опредѣляется со-

вершенно особыми началами, которыя могутъ быть сведены къ двумъ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: 1) всякій, разъ когда совершится какое-либо преступленіе въ области и въ какомъ-бы мѣстѣ оно ни совершилось; предполагается, что оно совершено не-премѣнно туземцами, а никакъ не русскими, и 2) за всякое преступленіе отвѣчаютъ всѣ живущіе вблизи мѣста его совершенія туземцы, за круговую порукою, какъ въ томъ случаѣ, когда виновникъ преступленія не открытъ, такъ и тогда, когда онъ открытъ, но не имѣетъ средствъ пополнить причиненный имъ убытокъ. На этихъ началахъ основаны особыя административныя «правила», которыя замѣняютъ по отношенію къ туземцамъ «Судебныя Уставы» и сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Всѣ дороги области раздѣляются на участки и къ каждому изъ этихъ участковъ приписываются аулы, которые и подвергаются отвѣтственности—въ видѣ штрафовъ, содержанія карауловъ и административныхъ ссылокъ—за всякій случай убійства, разбоя или грабежа, происшедшій на приписанномъ участкѣ. Проходящая по области ростово-владикавказская желѣзная дорога то-же раздѣлена на участки и къ каждому изъ нихъ приписаны аулы, которые и обязаны заботиться о цѣлости и неповрежденности пути; для каковой цѣли аулы содержатъ на свой счетъ особую стражу. Если преступленіе совершится внутри аула и виновный не будетъ открытъ, то отвѣтственности подвергается весь аулъ. Въ случаѣ воровства изъ русскихъ поселеній и съ полей скота или другого имущества, когда слѣды доводятся до юрта какого-либо аула, старшина послѣдняго обязанъ принять слѣды и вести ихъ далѣе. Когда слѣды кончаются на юртѣ какого-либо аула, жители послѣдняго обязаны за круговую порукою уплатить всю стоимось украденнаго. Если по совершеніи кражи изъ русскаго поселенія или съ принадлежащаго ему юрта слѣды не могутъ быть открыты, отвѣтственности подвергаются окрестныя аулы, для чего послѣдніе расписаны по группамъ съ обозначеніемъ, какіе аулы за какія русскія поселенія отвѣтствуютъ. Когда виновный въ кражѣ будетъ обнаруженъ, взысканіе всѣхъ причиненныхъ имъ убытковъ обращается на его имущество; если же послѣдняго будетъ недостаточно, то взысканію подлежитъ имущество ближайшихъ родственниковъ послѣдняго, и наконецъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности, взысканіе валагается на все аульное общество, къ которому принадлежитъ виновный. Таковъ habeas corpus Терской области.

Само собою разумѣется, что страннѣйшій взглядъ, по которому всѣ преступленія въ области приписываются исключительно туземцамъ, не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній. Русскіе, живу-

щѣ здѣсь, далеко не ангелы и то-же непрочь и поживиться на счетъ чужого добра, и пырнуть стгоряча ножемъ. Въ послѣднее лѣто здѣсь бывали очень характерныя въ этомъ отношеніи случаи. Такъ напримѣръ, казаки одной станицы (кажется Калиновской) подняли однажды ночную тревогу, полагая, что чеченцы похитили у нихъ скоть. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ водится, преслѣдуютъ враговъ ружейною пальбою. Одного изъ хищниковъ зацѣпила пуля. Но каково было удивленіе всѣхъ, когда кровавый слѣдъ привелъ казаковъ въ домъ своего одностаничника, оказавшагося раненымъ, и въ особенности, когда этотъ послѣдній сознался, что онъ совмѣстно съ тремя другими товарищами, совершилъ помянутый угонъ скота. Значить, сосѣднее туземное населеніе, только благодаря счастливой случайности, избавлено отъ лишняго поклепа и нареканія и, что самое главное—отъ тяжелыхъ послѣдствій круговой отвѣтственности. Другой случай: въ станицѣ Сунженской разводчикъ ночныхъ секретовъ былъ убитъ своими-же казаками на воровствѣ. Желая совершить кражу, разводчикъ оставилъ одно мѣсто открытымъ и безъ дозора; а казаки, вспомнивъ, что не поставленъ секретъ, засѣли тамъ и самовольно стали стеречь. Когда воръ гналъ чрезъ это самое мѣсто скотину и когда послѣ опроса кто идетъ, воръ бросился бѣжать, то былъ убитъ наповаль. Въ убитомъ ворѣ казаки узнали на утро своего разводчика *). Факты эти далеко не единичны. Конокрадство (и скотокрадство)—это страшное зло сельской жизни Сѣвернаго Кавказа организовано такъ удачно, что въ немъ съ успѣхомъ подвизаются представители всѣхъ живущихъ здѣсь національностей. Напр., лошадь, украденная въ калмыцкихъ степяхъ, передается чрезъ русскія селенія Ставропольской губерніи и казачьи станицы Кубанской области за Кубань, и наоборотъ. изъ Кубанской области ворованныя лошади переправляются чрезъ Ставропольскую губернію въ Астраханскую: въ этой воровской корпораціи принимаютъ одинаковое участіе закубанскіе черкесы, казаки, крестьяне и калмыки. Въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу стоятъ ногайцы, казаки, ингуши и другіе туземцы Терской области. Между тѣмъ всѣ эти факты совершенно игнорируются и вопреки имъ вся отвѣтственность за преступления въ Терской области ложится исключительно на туземцевъ, что бьетъ ихъ и морально, и матеріально.

Исключительный взглядъ на туземцевъ, какъ на воровъ и разбойниковъ по преимуществу, влечетъ за собой крайне печальные результаты. Русскій, совершая преступленіе, можетъ всегда на-

*) „Терекъ“, 1883 г., № 102.

дѣяться, что онъ избѣгнетъ наказанія, такъ какъ онъ знаетъ, что подозрѣніе въ совершеніи преступленія падеть прежде всего на туземцевъ и именно въ эту сторону направятся розыски. Не трудно представить, какое развращающее вліяніе на русское населеніе оказываетъ эта увѣренность въ возможности скрыть слѣды преступленія и свалить его на туземное населеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ русскаго населенія неизбѣжно должно развиваться высокомѣрное отношеніе къ туземцамъ, какъ къ чему-то низшему, поставленному въ безправное положеніе. Что-же касается самихъ туземцевъ, то сознаніе, что ко всѣмъ имъ поголовно относятся, какъ къ ворами и разбойникамъ, едва-ли можетъ содѣйствовать развитію въ нихъ нравственности. Въ русскомъ населеніи они должны видѣть какое-то привилегированное сословіе и неизбѣжно питать къ нему враждебныя чувства. Неизбѣжны при существующемъ порядкѣ розысканія преступниковъ случаи, когда туземцамъ приходится отвѣчать за преступленія, завѣдомо совершенныя русскими, неминуемо будутъ возбуждать въ туземномъ населеніи крайне печальныя мысли о справедливости нашихъ законовъ и равноправности подданныхъ Россійской имперіи.

Еще менѣе можетъ быть оправдано введеніе круговой отвѣтственности за преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ виновато извѣстное туземное общество, что на землѣ его или сосѣдняго аула или даже въ сосѣднемъ русскомъ поселеніи совершилось преступленіе? Создавая круговую отвѣтственность туземцевъ, хотѣли заставить ихъ выдавать преступниковъ. Но, во 1-хъ воры не всегда такъ просты, что о совершонныхъ ими преступленіяхъ непременно знаютъ ихъ сосѣди. Во 2-хъ, лицо, къ которому переходитъ административная власть туземнаго общества и которое производитъ первоначальныя розыски—старшина—выбирается не обществомъ, и потому нерѣдко его интересы не только не совпадаютъ съ интересами общества, но бываютъ и прямо противоположны имъ: иному старшинѣ выгоднѣе не отыскивать вора. Въ 3-хъ, какимъ образомъ извѣстное общество можетъ знать, что дѣлается въ сосѣднемъ аулѣ; а между тѣмъ оно должно отвѣчать даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ принадлежитъ къ сосѣднему обществу? Наконецъ, въ 4-хъ, съ какой стати туземцы стануть выдавать преступника, когда имъ, во всякомъ случаѣ, приходится отвѣчать за преступленіе, если даже виновникъ его открытъ? Къ тому-же всѣ эти экстраординарныя мѣры, направленныя противъ туземцевъ, невольно сплачиваютъ ихъ, какъ и всѣхъ гонимыхъ, и заставляютъ ихъ питать къ русской власти недобрыя чувства, и понятно, что при такихъ условіяхъ выдача русской власти тузем-

цѣмъ своего единоплеменника должна являться въ ихъ глазахъ преступленіемъ.

Чтобы еще нагляднѣе представить читателю всю нелѣпность существованія круговой отвѣтственности, я приведу такой гипотетическій примѣръ. Представьте себѣ, что черезъ три дома отъ вашей квартиры совершена кража, затѣмъ чрезъ нѣсколько дней къ вамъ является полиція и описываетъ вашу мебель для вознагражденія собственника украденнаго. Не правда-ли, это такая нелѣпость, которую трудно даже представить? А между тѣмъ такая нелѣпость имѣетъ мѣсто въ Терской области ежедневно. Случится, напримѣръ, кража въ станицѣ А, немедленно-же власти отправляются въ сосѣдній аулъ, хватаютъ тамъ скотъ и продаютъ на пополненіе украденнаго. Нечего и говорить о томъ, какія многочисленныя и разнообразныя злоупотребленія возможны при этомъ. Цѣнность похищенныхъ вещей всегда является необыкновенно высокою. За лошадь, стоимостью въ 30 рублей, взыскивается 100 р.

Мнѣ передавали даже случай, когда 'одинъ обыватель «поправиль» свои дѣла, пользуясь правами объ отвѣтственности туземцевъ. Именно онъ поджегъ свой домъ и, такъ какъ поджигатель не былъ открытъ (!), получилъ учетверенную стоимость сгорѣвшаго дома, взысканную съ сосѣднихъ туземцевъ. Представители казачества перѣдко высказываютъ претензіи на то, что туземцы обложены лишь небольшими налогами въ пользу государства; но круговая отвѣтственность, наложенная на туземцевъ, является самымъ страшнымъ налогомъ, какой только можно придумать. Суммы, выплачиваемыя туземцами въ силу круговой отвѣтственности, превосходятъ во много разъ всякія подати и налоги, платимыя русскимъ населеніемъ. Круговая отвѣтственность положительно разоряетъ туземцевъ.

Какія послѣдствія имѣетъ подобный порядокъ вещей, объ этомъ нечего распространяться.

Теперь мы перейдемъ къ очень щекотливому вопросу, возбуждающему много озлобленія среди разныхъ элементовъ кавказскаго населенія, — къ вопросу объ обезоруженіи туземцевъ. Вслѣдъ, если не видѣлъ, то по крайней мѣрѣ слышалъ, что принадлежностью туземцаго кавказскаго одѣянія является оружіе. Къ оружію кавказецъ привыкъ дотога, что почти никогда не расстается съ нимъ. Мало того, вопросъ о ношеніи оружія является для кавказскихъ горцевъ вопросомъ чести и они смотрятъ на обезоруженіе, какъ на обезпеченіе. Между тѣмъ, обезоруженіе туземцевъ является давнишнею цѣлью дѣятельности кавказской администраціи. Не рѣшаясь, однако, произвести полное обезоруженіе, а, быть можетъ,

и понимая, что такое обезоруженіе невозможно, администрація довольствуется нѣкоторыми палліативными мѣрами, которыя, не достигая никакой цѣли, только безплодно раздражаютъ туземцевъ и сѣютъ раздоры между ними и казаками. Именно туземцамъ Терской области предоставлено носить оружіе только въ предѣлахъ земельныхъ юртовъ; на землю-же казачьихъ станицъ или въ городѣ они могутъ являться только безоружные. Несоблюдающихъ эти правила полиція должна арестовывать. Отобраніе у туземца оружія въ силу этого правила—явленіе заурядное, причѣмъ туземцамъ не возвращаются даже ножны и ручки кинжаловъ, нерѣдко богато обдѣланныя. Въ полицейскихъ управленіяхъ навалены цѣлыя кучи кинжаловъ и пистолетовъ, отобранныхъ у туземцевъ, причѣмъ, конечно, въ кучкахъ этихъ лежитъ одна дрянь, а порядочное оружіе исчезаетъ неизвѣстно куда. Право обезоруженія туземцевъ почему-то предоставлено и всѣмъ казакамъ, что ведетъ къ постояннымъ стычкамъ и даже убійствамъ. Бываютъ случаи, когда даже казачки принимаютъ на себя обязанности обезоруживать туземцевъ. При существующихъ у горцевъ понятіяхъ о женщинѣ и взглядѣ ихъ на обезоруженіе, подобные случаи неминуемо всегда должны вести къ катастрофамъ. Если къ этому прибавить, что въ то время, какъ туземцы обезоруживаются, другой элементъ населенія области, казаки, сохраняетъ право свободного ношенія оружія, то будетъ вполне понятно, сколько ненужнаго зла и страданій причиняютъ правила о ношеніи туземцами оружія, сколько несчастій вызываютъ они и такъ отравлена ими вся жизнь туземцевъ.

Необходимость обезоруженія туземцевъ доказывается тѣмъ, что съ проведеніемъ этой мѣры будто-бы уменьшится число преступленій въ области: при горячемъ темпераментѣ туземца и при существующихъ здѣсь вредныхъ обычаяхъ (напр. кровавой мести)—говорятъ сторонники обезоруженія—истиннымъ несчастіемъ является то обстоятельство, что у туземца всегда подъ руками оружіе: отнимите его и вы тѣмъ во много разъ уменьшите число преступленій въ краѣ. Мнѣніе—дѣтски-наивное, чтобы не сказать хуже. Дѣло вѣдь именно въ «темпераментѣ» туземцевъ и господствѣ у нихъ вредныхъ обычаевъ, а не въ томъ, что у туземца у пояса болтается кинжалъ. Съ обезоруженіемъ темпераментъ и вредные обычаи не исчезнутъ, а останутся тѣ-же; значитъ не уменьшится и число преступленій. Теперь идетъ въ ходъ кинжалъ и пистолетъ,—тогда пойдутъ топоръ, колъ и др.—въ этомъ вся разница. Причины кровавыхъ преступленій, имѣющихъ мѣсто въ области, таятся глубоко въ условіяхъ жизни населенія и особенно-

ствѣ его характера; и только съ измѣненіемъ этихъ условій и съ улучшеніемъ народнаго характера уменьшатся и преступленія. Улучшите экономическое положеніе населенія, не раздражайте его мелочною и ненужною опекою, устраните вражду между разными элементами населенія, распространите среди туземцевъ образованіе, и при его помощи выведите вредные обычаи и смягчите «темпераментъ» — и тогда ужасный кинжалъ будетъ болтаться у пояса всякаго кавказца, какъ самое безвредное украшеніе.

Таковы, въ самомъ общемъ видѣ, важнѣйшія причины существованія враждебныхъ отношеній между двумя половинами населенія Терской области. Причины эти, отравляя каждую минуту существованіе туземцевъ, дѣлаютъ буквально невозможною для нихъ жизнь на родинѣ и заставляютъ ихъ бѣжать въ Турцію, что положительно равняется самоубійству. Такое положеніе вещей всего менѣе желательное для Россіи (достаточно, казалось-бы, одного обезлюденія Крыма и всеобщихъ сожалѣній о выселеніи отсюда татаръ), создано совершенно искусственно, является продуктомъ грубаго непониманія интересовъ Россіи на Кавказѣ, а во многихъ отношеніяхъ и прямыхъ злоупотребленій, и можетъ быть легко измѣнено къ лучшему, лишь-бы была на то охота. Причины, создавшія существующее ненормальное положеніе дѣла на Кавказѣ, — дѣло рукъ человѣческихъ и тѣми-же руками онѣ могутъ быть устранены.

Остановимся, напримѣръ, на основномъ злѣ, на экономической необезпеченности туземцевъ. Устранить ее вовсе не трудно. Да не подумаетъ, однако, читатель, что я для указанной цѣли проектирую отобраніе земли у казаковъ. Отнюдь нѣтъ; я не желаю зла ни туземцамъ, ни казакамъ, и думаю, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ безобидно для той и другой стороны. Конечно, теперь, когда значительная часть государственнаго и общественнаго земельнаго достоянія на сѣверномъ Кавказѣ сдѣлалась, тѣмъ или другимъ путемъ, частною собственностью, рѣшеніе вопроса нѣсколько осложняется. Но и теперь, при существующей въ области дешевизнѣ земель, легко произвести выкупъ частной земельной собственности для надѣленія земледѣльцевъ, имѣющихъ недостаточное количество земли. Произвести это тѣмъ легче, что землевладѣльцы Терской области вовсе не держатся за свои земли и при всякомъ удобномъ случаѣ охотно продаютъ ихъ въ другія руки.

Вопросъ о выкупѣ частныхъ земель для надѣленія земледѣльцевъ стоитъ въ Россіи на очереди. Первымъ шагомъ на этомъ пути является учрежденіе земельного банка для содѣйствія

«Дѣло» № 1, 1884 г. I. 7

крестьянамъ въ покупкѣ земли. Открытіе отдѣленія этого банка въ Терской области было-бы истиннымъ благодѣяніемъ для края. Несомнѣнно, однако, что, для успѣха дѣла, сообразно съ мѣстными условіями, дѣйствія отдѣленія должны будутъ получить спеціальный характеръ, наиболѣе пригодный для намѣченной выше цѣли. Это одинаково относится какъ до размѣровъ капитала, которымъ будетъ располагать отдѣленіе и который долженъ быть очень великъ, такъ и относительно размѣровъ ссудъ туземному населенію, которыя должны равняться полной стоимости покупаемой земли, и, наконецъ, относительно способовъ возвращенія ссудъ, которое должно быть разсрочено на возможно большее время. Въ виду обостренности вопроса, нужно будетъ позаботиться о томъ, чтобы онъ былъ рѣшенъ возможно скорѣе, и допустить всякія возможныя льготы. Необходимо будетъ также принять спеціальныя мѣры противъ возможности повышенія цѣны на землю спекуляціею.

Несомнѣнно, что все это потребуетъ значительныхъ затратъ; но такъ-какъ благосостояніе края невозможно, пока отношенія между главными элементами населенія не примутъ нормальнаго характера, и такъ какъ въ прекращеніи недовольства туземцевъ своимъ положеніемъ заключается важный государственный интересъ, то никакія жертвы не должны смущать. Онѣ окупятся съ лихвою.

Какъ ни важенъ вопросъ о возстановленіи экономической самостоятельности туземцевъ, удовлетворительное рѣшеніе его, однако, еще не устранить всѣхъ причинъ ненормальнаго положенія дѣла въ краѣ. Такъ какъ большинство этихъ причинъ сводится къ исключительнымъ мѣрамъ, принимаемымъ по отношенію къ туземцамъ, то, для достиженія полного умиротворенія края, эти мѣры должны быть устранены и туземное населеніе должно быть поставлено въ общія условія. Только пользуясь всѣми правами русскаго гражданина, туземецъ можетъ примириться съ русскими порядками.

Но несомнѣнно, что лучшимъ средствомъ для ассимиляціи туземнаго населенія съ пришлымъ русскимъ и прекращенія враждебныхъ отношеній между этими двумя элементами народонаселенія Кавказа, является, послѣ улучшенія общихъ экономическихъ условій жизни туземцевъ, распространеніе среди нихъ образованія. Единство экономическихъ интересовъ и единство образованія представляютъ собою такую почву, на которой смѣшиваются и сливаются народности съ самыми различными этническими особенностями. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати стануть волно-

ваться и возставать противъ русскихъ или бѣжать въ Турцію кавказскіе народы, когда имъ будетъ хорошо житься подь русскою властью? Въ то-же время образованіе и только одно образованіе можетъ дать туземцамъ способность понимать, что многія изъ переносимыхъ ими бѣдствій, которыя они всецѣло относятъ теперь на счетъ своего порабощенія русскими, происходятъ отъ причинъ болѣе общаго, соціальнаго характера, вести борьбу съ которыми приходится совсѣмъ другимъ оружіемъ, чѣмъ то, которыми они привыкли бороться противъ русскихъ.

Къ сожалѣнію, на сколько много сдѣлано нами на Кавказѣ для того, чтобы всячески ухуудшить экономическое положеніе туземнаго населенія, настолько-же мало сдѣлано для распространенія образованія среди горцевъ. Собственно говоря, въ этомъ отношеніи нами не сдѣлано еще даже начальнаго шага.

Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Осетіи), для туземнаго населенія устроено съ десятокъ школъ обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ, а затѣмъ существуютъ особыя, специально *горскія* школы. Но и тѣ, и другія нисколько не измѣняютъ общаго печальнаго положенія дѣлъ.

Школы общества возстановленія христіанства представляютъ не что иное, какъ простыя школы грамотности, т. е. такой типъ школъ, который всего менѣе вызываетъ симпатіи къ себѣ даже среди русскаго населенія. На Кавказѣ, среди туземцевъ, которые, кромѣ обычнаго простому народу недоувѣрія къ школѣ, подозрительно относятся къ ней, какъ къ русскому учрежденію, типъ школъ чистой грамотности еще менѣе можетъ пользоваться успѣхомъ, чѣмъ среди русскаго населенія. Если къ этому присоединить неудачную практическую постановку дѣла въ школахъ общества возстановленія христіанства, которое (общество) по самому существу, рядомъ съ цѣлями образовательными, преслѣдуетъ въ своихъ школахъ и другія цѣли, не имѣющія никакого отношенія къ образованію, то будетъ совершенно понятно, почему школы «общества» не имѣютъ ровно никакого значенія въ смыслѣ распространенія образованія среди туземцевъ*).

Еще ничтожнѣе значеніе горскихъ школъ. Здѣсь приходится

---

*) Чудное вообще это «общество возстановленія христіанства на Кавказѣ» и странна его дѣятельность. Можно-ли повѣрить, что это общество затратило до 600 тыс. рублей, на такое громадное коммерческое предпріятіе, какъ орошеніе Караязской степи? А между тѣмъ это такъ. Казалось-бы, какое отношеніе между «возстановленіемъ христіанства» и сомнительными опытами коммерческихъ предпріятій? Впрочемъ, Кавказъ по преимуществу страна невѣроятностей.

даже отмѣтить очень печальный фактъ. Если школы общества возстановленія христіанства бесполезны, зато ихъ можно признать и безвредными (кромѣ того общаго вреда, который они приносятъ, дискредитируя въ глазахъ туземнаго населенія вообще школьное образованіе). Относительно-же *горскимъ* школь далеко нельзя сказать того-же: онѣ положительнo вредны.

Горскія училища по своимъ программамъ не что иное, какъ блаженной памяти уѣздныя училища, преобразованныя нынѣ въ такъ называемыя городскія. Кому неизвѣстно, какое всеобщее неудовольствіе вызывали и вызываютъ эти училища, какъ въ своемъ первомъ изданіи (уѣздныя), такъ и реформированныя (городскія). Не давая никакихъ практическихъ, пригодныхъ къ жизни свѣдѣній, училища эти не даютъ и законченнаго, общаго образованія, предлагая взамѣнъ того и другого груды отрывковъ и обломковъ разныхъ «наукъ». Вмеѣстѣ съ тѣмъ, училища эти не стоятъ ни въ какой связи съ общою системою образованія, и потому тѣ изъ ихъ учениковъ, которые желали-бы продолжить свое образованіе, не имѣютъ возможности прямо поступать съ вынесенными изъ училищъ знаніями въ школы высшаго разряда. И этимъ-то типомъ школы, окончательнo дискредитованнымъ уже среди русскихъ, облагодѣтельствованы туземцы. Къ тому-же простою пересадкою этого школьнаго типа не ограничились, и присоединили къ нему еще русскіе курьезы. Такъ, напримѣръ, въ нальчикской горской школѣ цивилизуютъ дикихъ маленькихъ кабардинцевъ *французскимъ* языкомъ. Недостаетъ еще, чтобъ мальчуганамъ—туземцамъ преподавали теорію и практику танцевальнаго искусства и науку о томъ, «какъ держать себя въ обществѣ». Впрочемъ, не официально послѣдняя наука внушается питомцамъ нальчикской горской школы...

5—6 лѣтъ, проведенныя мальчикомъ-туземцемъ въ горской школѣ,—совершенно бесполезно потерянное для него время. Изъ школы онъ выходитъ съ такимъ-же пониманіемъ явленій жизни, какимъ обладалъ онъ до поступленія въ школу, и не выноситъ отсюда никакихъ такихъ знаній, которыя могли-бы послужить для него точкою опоры въ предстоящей ему жизненной борьбѣ и которыми онъ могъ-бы принести пользу своимъ сородичамъ. Единственное приобрѣтеніе, которое даетъ ему школа, состоитъ въ томъ, что онъ научается говорить по-русски; но это прибрѣтеніе не настолько важно, чтобы ради него стоило губить 6 лѣтъ лучшей поры жизни и достижиимо за меньшую цѣну.

Правда, при горскихъ школахъ существуютъ мастерскія для обученія учениковъ ремесламъ и даже агрономическія отдѣленія.

Но и то, и другое поставлено такъ неудовлетворительно, что не достигаетъ рѣшительно никакихъ путныхъ результатовъ; при мастерскихъ на сотню учениковъ состоитъ по одному мастеру, который, понятное дѣло, можетъ научить немногихъ и немногому. Къ тому-же обученіе ремесламъ разсматривается не какъ нѣчто важное, заслуживающее особаго вниманія и стараній, а какъ въ нѣкоторомъ родѣ «вводный эпизодъ», который если идетъ—хорошо, а не идетъ—такъ и не надо. Еще курьезнѣе преподается въ горскихъ школахъ «агрономія»: при школѣ заводится десятокъ грядокъ и садится сотня ростковъ капустной рассады,—и на такомъ-то огородѣ приходится изучать сотнѣ учениковъ «практическіе приемы земледѣлія». Насколько можно понять этотъ кунштюкъ, «агрономія», введена въ программу горскихъ школъ исключительно для увеличенія средствъ содержанія гг. зрителей этихъ школъ. Какіе при этомъ возможны курьезы, можно видѣть изъ того, что зритель нальчикской школы (г. Фролковъ) нѣсколько лѣтъ получалъ по 500 р. ежегодно за завѣдываніе огородомъ, стоимостью въ 20 рублей! Въ томъ-же училищѣ изъ суммъ, собираемыхъ съ кабардинскаго народа на технико-агрономическое отдѣленіе, платится жалованье учительницѣ французскаго языка.

Во время 6-лѣтняго пребыванія въ горской школѣ, ученикъ-туземецъ отвыкаетъ отъ труда, излѣнивается, избаловывается и совершенно отчуждается отъ той среды, изъ которой онъ вышелъ и въ которую ему придется возвратиться. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что ученики горскихъ школъ живутъ въ устроенныхъ при послѣднихъ пансіонахъ, гдѣ всѣ условія жизни совершенно не похожи на условія жизни трудовой массы туземцевъ и гдѣ ученики превращаются въ барчагъ, пренебрежительно смотрящихъ на обстановку жизни своихъ родныхъ и вовсе нежелающихъ обратиться къ ихъ трудовому образу жизни. Поэтому самый лучший исходъ для бывшаго ученика горской школы—это забыть все то, что подъ видомъ науки набивалось ему въ голову въ теченіе 6-ти лѣтъ, сбросить налипшую на него за это время грязь якобы цивилизаціи (вѣрнѣе—«чихвилизаціи», какъ говорятъ «полированные» казаки) и превратиться въ такого-же зауряднаго туземца, какимъ-бы онъ былъ, еслибъ не поступалъ въ школу. Но этотъ «лучшій» исходъ доступенъ только немногимъ, которыхъ школьная «полировка» не могла окончательно изуродовать. Большинство-же предпочитаетъ избѣгать труда и становится въ ряды паразитовъ: отсюда выходятъ безграмотные «писаря», городскіе лакеи и просто шалопаи, живущіе всю свою жизнь трутнями. Быть можетъ, лично подобнымъ господамъ горскія школы и

принесли пользу, научивъ ихъ «легкимъ» средствамъ борьбы за существованіе, но собственно туземному населенію онѣ кромѣ ущерба, ничего не даютъ. И потому можно только порадоваться, что во всей Терской области горскихъ школъ всего три.

Кромѣ школъ «общества возстановленія христіанства» и горскихъ школъ, были еще и нѣкоторыя другія попытки облагодѣтельствованія туземное населеніе образованіемъ. Такъ, въ Кабардѣ нѣкогда были устроены три начальныя школы, въ которыя были посажены учительницы и куда ученики сгонялись полиціею; но такъ какъ эти школы, помимо обученія мальчиковъ, служили и для другого назначенія—быть мѣстомъ «сладкаго отдыха» для лицъ начальствующихъ, то онѣ, возбудивъ въ населеніи общее омерзѣніе къ себѣ, принуждены были закрыться.

Въ послѣднее время явился еще одинъ проектъ облагодѣльствованія горцевъ (собственно кабардинцевъ) по части образованія. Проектъ этотъ состоитъ въ превращеніи нальчикской горской школы въ реальное училище. Устраивать реальное училище для населенія, которое не имѣетъ буквально ни одной начальной школы, — это такая нелѣпость, которую трудно и нарочно придумать и которая заставляетъ усомниться даже въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей авторовъ проекта. Было бы весьма желательно, чтобы эта дилія затѣя, исполненіе которой потребуетъ большихъ матеріальныхъ затратъ со стороны и безъ того небогатаго кабардинскаго народа, такъ какъ проектъ благодѣлаетъ кабардинцевъ на ихъ-же счетъ), осталась навсегда въ области «баронскихъ фантазій»...

Таковы грустные итоги нашей просвѣтительной дѣятельности среди горцевъ...

Въ послѣднее время много тревоги и волненій возбудила среди горцевъ вѣсть о привлеченіи ихъ къ отбыванію общей воинской повинности. Не то, чтобы горцы боялись военной службы; совсѣмъ нѣтъ. Во время послѣдней русско-турецкой войны, горцы сформировали на свой счетъ особые отряды и эти отряды лихо дрались подъ русскимъ знаменемъ за Дунаемъ. Пугаетъ горцевъ собственно солдатская служба, съ ея муштровкой и дисциплиной, съ ея казарменной жизнью, съ затрудненіями относительно исполненія религиозныхъ обрядовъ. Горецъ, по своему характеру, всего менѣе способенъ выносить солдатскую выправку; ему, съ дѣтства свыкшемуся съ лошадыю, кажется чѣмъ-то ужаснымъ служба въ пѣхотѣ; магометанинъ, онъ не можетъ и представить себѣ, какъ онъ будетъ ѣсть изъ общаго котла съ православными солдатами, при-

чемъ его могутъ кормить свинымъ саломъ. Если вводить воинскую повинность среди горцевъ, то нужно непременно сдѣлать уступки мѣстнымъ особенностямъ. Не берутъ-же въ строй молоканъ и дуборощевъ, а размѣщаютъ ихъ по нестроевымъ частямъ—въ обозы, больницы и т. п.; меновиты отбываютъ военную повинность въ мѣстныхъ командахъ; по чему-же не сообразоваться и съ особенностями быта и убѣжденій горцевъ, тѣмъ болѣе, что, при введеніи воинской повинности при иныхъ условіяхъ, дѣло не обойдется безъ печальныхъ послѣдствій? Повидимому, проектъ введенія воинской повинности среди кавказскихъ туземцевъ, дѣйствительно принимаетъ во вниманіе нѣкоторыя мѣстныя особенности. Къ сожалѣнію, все это дѣло покрыто почему-то покровомъ таинственности; лица, объявлявшія туземцамъ о привлеченіи ихъ къ отбыванію воинской повинности какъ будто чего-то не договаривали, не могли почему-то сообщить подробностей и нерѣдко противорѣчили другъ другу. Все это вызвало вполнѣ понятную тревогу среди горскаго населенія. Вотъ какъ описываетъ одинъ очевидецъ настоящее настроеніе горцевъ: «Послѣ объявленія горцамъ, насѣляющимъ Сѣверный Кавказъ, о привлеченіи ихъ къ отбыванію общей воинской повинности, край непривычно оживился. Въ каждомъ изъ ауловъ, расположенныхъ на плоскости и высотахъ кавказскаго хребта, можно было наблюдать въ продолженіи долгаго времени, изо дня въ день, съ ранней зари и до поздней ночи, густыя толпы аульчанъ всѣхъ возрастовъ, начиная малыми дѣтьми и кончая дряхлыми стариками, стоящими небольшими группами, по 10—30 человекъ, у сакель или у мечетей, шумно и оживленно говорящими о предстоящей реформѣ. По господствующему разнорѣчію видно было, что лица, объявлявшія горцамъ о реформѣ, не стояли на высотѣ своей задачи: не умѣли или не хотѣли ознакомить народъ со всею важностью вводимой реформы и съ тѣми видами правительства, которые послѣднее связывало съ примѣненіемъ воинской повинности къ горцамъ. Понятно, формальное отношеніе людей, стоящихъ у самаго народа, не могло создать истиннаго пониманія горцами важности этой реформы; напротивъ, породило массу недоразумѣній, ненужныхъ, а, пожалуй, и небезопасныхъ толковъ, могущихъ вызвать такія или иныя замѣшательства. Никто изъ объявлявшихъ реформу не отвѣтилъ на жгучій для горца вопросъ: будетъ-ли онъ взятъ въ пѣхоту или, какъ лихой наѣздникъ, выросшій, такъ связать, на конѣ, уйдетъ на сформированіе легкой кавалеріи, къ которой онъ такъ сильно тяготеетъ. Эта-же самая недомолвка вызвала обсужденіе горцами вопроса, имѣющаго важное государственное значеніе,—о выселеніи

въ Турцію. Въ виду того, что нѣкоторые начальники въ краѣ, знающіе край только по входящимъ и исходящимъ бумагамъ, явили себя ярыми защитниками выселенія горцевъ въ Турцію, не мѣшаетъ припомнить послѣдствія выселенія хотя-бы татаръ изъ Брыма *)).

Къ этому можно прибавить еще одно напоминаніе: русская политика на Кавказѣ, также какъ и въ Туркестанѣ, является тѣмъ пробнымъ камнемъ, на которомъ азіятскіе народы знакомятся съ русской политикой вообще, и печальные результаты этой политики нанесутъ такой ударъ русскому авторитету въ Западной и Средней Азій, загладить который не будутъ въ состояніи никакіе военные успѣхи.

Я. Абрамовъ

---

*) «Русскія Вѣдомости», 1883 г., № 321.

БЕЗСОННЫЯ НОЧИ.

Мнѣ въ память безсонныя, долгія ночи...
Бывало, смеживъ утомленныя очи,
До блага свѣта, до алой зари
Напрасно я сонъ призывалъ благодатный,
Метался на ложѣ въ тоскѣ непонятной...
Не ночь такъ провелъ я, не двѣ и не три!

И были ночей тѣхъ причудливы муки:
Вились надъ мною какіе-то звуки,
Но ихъ бесполезно улавливалъ слухъ;
Они въ безконечность, какъ лучъ, уходили,
Рыдали и пѣли, смѣялись и ныли,
Томя угнетенный безсонницей духъ.

Изъ тьмы выступали какія-то тѣни
Безъ образовъ ясныхъ, безъ формы видѣній,
Мрачны, какъ по близкомъ усопшемъ печаль;
Не знаю—въ очахъ-ли, не знаю—въ мозгу-ли,
Онѣ расплывались потомъ и тонули,
Не то уносились за звуками въ даль.

То не были звуки и тѣни земные,
Въ нихъ чувались тоны и краски иные,
И вѣяло міромъ загадки отъ нихъ.
Я вскакивалъ часто, безумный, съ постели...
А тѣни росли все, а звуки все пѣли,
Сливаясь, какъ ноты акордовъ однихъ.

И даже то были не тѣни, не звуки,
Но въ нихъ облеченныя жгучія муки
Уставшаго мозга, усталой души;
Онѣ затихали съ дневными лучами,
При шумѣ движенья,—и снова ночами,
Какъ все засыпало, являлись въ тиши.

Однажды, до пытки истерзанный ими,
Безсиленный заняться трудами дневными.
Я пылко отдался работѣ ночной.
И что же? Съ тѣхъ поръ, за минувшія муки,
Тѣ смутныя тѣни, тѣ смутные звуки
Дарятъ мнѣ за образомъ образъ живой;

Мнѣ ночи приносятъ одно наслажденье,
Въ тиши ихъ слетаетъ ко мнѣ вдохновенье,
Сажу я за чистымъ бумаги листомъ
И слушаю ласковой музы уроки,
А въ утру ложатся созвучныя строки
Какъ будто помимо желанья на немъ...

Омулевскій.

ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА.

Романъ Эмиля Золя.

III.

Два дня спустя сильный отлив обнажилъ глубокія скалы. Уступая лихорадочному нетерпѣнію, которое овладѣвало имъ въ началѣ каждаго новаго предпріятія, Лазарь почелъ необходимымъ тотчасъ приняться за дѣло и снарядился въ путь въ соотвѣтствующемъ костюмѣ, съ голыми ногами, накинувъ сверхъ купальнаго наряда только полотняную куртку. Полина, участвовавшая въ экспедиціи, тоже облеклась въ купальный костюмъ и надѣла толстые башмаки, которыми обыкновенно пользовалась во время ловли креветокъ.

Когда они очутились на разстояніи километра отъ береговыхъ скалъ, среди безчисленныхъ водорослей, еще сверкавшихъ каплями убывающей морской воды, Лазарь пришелъ въ такой неописанный восторгъ, какъ будто только теперь, въ эту минуту, открылъ громадную жатву морскихъ травъ, среди которыхъ они сто разъ бродили съ Полиной.

— Смотри, смотри! кричалъ онъ.—Вѣдь это все црлгоцѣнный товаръ!.. А между тѣмъ онъ пропадаетъ безъ пользы; все дно морское покрыто имъ на сто метровъ глубины.

Потомъ онъ сталъ ей пересчитывать различные виды этихъ растений,—нѣжнозеленыя зостеры, роскошныя, какъ волны шелковистыхъ кудрей, и тянувшіяся далеко, далеко въ видѣ широкихъ луговинъ; улывы съ прозрачными, широкими листьями, похожими на листья латука; фукусы зубчатые, фукусы пузырчатые попадались въ такомъ изобиліи, что покрывали цѣлыя скалы на подобіе высокаго моха. Спускаясь все ниже

и ниже, по мѣрѣ того какъ убывало море, они встрѣчали болѣе крупныя виды, поражавшіе своими причудливыми формами; тутъ бросались въ глаза пластинчатая водоросли и, въ особенности, Нептуновъ поясъ, широкій съ бахромчатыми краями, какъ будто выкроенный изъ зеленоватой кожи для какого-нибудь исполина.

— Ну, развѣ не глупы люди, не умѣющіе пользоваться такимъ сокровищемъ? продолжалъ Лазарь.—Шотландцы, тѣ, по крайней мѣрѣ, хоть догадались ѣсть ульвы; что касается насъ, то мы изъ зостеръ приготовляемъ, такъ называемый, растительный волосъ, а фукусъ употребляемъ для упаковки рыбы. Все остальное, какъ навозъ, да еще сомнительнаго достоинства, предоставляется въ полное распоряженіе прибрежныхъ крестьянъ... Даже наука не ушла дальше первобытнаго, варварскаго метода: кое-гдѣ эти водоросли жгутъ, чтобы добывать изъ нихъ соду.

Полина, стоя по колѣни въ водѣ, наслаждалась ея свѣжестью; эти ученые разсужденія, повидимому, очень ее интересовали.

— Стало быть, ты будешь все это перегонять? спросила она.

Слово «перегонять» насмѣшило Лазаря.

— Да, перегонять, если хочешь. Только это пресложная операція,—ты сама увидишь, дорогая... Помни только одно: люди, какъ тебѣ извѣстно, завоевали земную растительность, деревья и всѣ растенія, которыми мы пользуемся и питаемся; а кто знаетъ?—быть можетъ, завоеваніе морской растительности, если за него съумѣютъ взяться, обогатить насъ еще больше!

Воспламенившись самымъ искреннимъ энтузіазмомъ, они оба собирали образцы различныхъ водорослей, набрали ихъ полныя охапки и незамѣтно забрели такъ далеко, замѣшались такъ долго, что на возвратномъ пути мѣстами пришлось брести чуть не по горло въ водѣ. Дорогою Лазарь продолжалъ ораторствовать, повторяя фразы своего учителя Гербелена: море ничто иное, какъ обширное хранилище химическихъ соединеній; водоросли заготавливаютъ матеріалъ для промышленности, отлагая въ своихъ тканяхъ тѣ соли, которыя въ очень слабой пропорціи содержатся въ морской водѣ. Задача, слѣдовательно, состояла въ томъ, чтобы извлечь эконо-

мическимъ способомъ изъ этихъ водорослей всѣ заключающіяся въ нихъ полезныя соединенія. Первымъ продуктомъ будетъ зола, простая, неочищенная сода; затѣмъ онъ выдѣлитъ и добудетъ въ абсолютно чистомъ видѣ бромистыя и іодистыя соединенія натрія и калия, сѣрновислый натръ, другія соли желѣза и марганца, утилизируя такимъ образомъ рѣшительно всѣ отброски сыраго матеріала. Во всемъ этомъ планѣ его особенно соблазняла надежда не потерять ни единого полезнаго тѣла, благодаря методу постепеннаго охлажденія, придуманному знаменитымъ Гербеленомъ. Предпріятіе сулило огромную прибыль.

— Боже мой! На кого вы похожи! воскликнула мадамъ Шанто, когда они вернулись.

— Не сердись, весело отвѣтилъ Лазарь, бросая на середину террасы охапку водорослей.—Смотри, вѣдь это все пяти-франковики.

На другой день крестьянинъ изъ Вершмона привезъ съ берега цѣлый возъ морской травы, и въ большой комнатѣ верхняго этажа закипѣла работа. Полина удостоилась званія лаборанта. Въ теченіе мѣсяца изысканія производились съ лихорадочнымъ жаромъ, комната быстро наполнилась сушеными растеніями, банками, въ которыхъ плавали какія-то древовидно-развѣтвленныя водоросли, инструментами самыхъ затѣливыхъ формъ; на одномъ изъ угловъ стола помѣщался микроскопъ, фортепяно было завалено колбами и ретортами, даже полки шкафа трещали подъ тяжестью специальныхъ сочиненій и ботаническихъ коллекцій, въ которыхъ то и дѣло приходилось справляться. Опыты, произведенные въ небольшихъ размѣрахъ, съ самыми тщательными предосторожностями, привели къ довольно утѣшительнымъ результатамъ. Методъ постепеннаго охлажденія былъ основанъ на открытомъ недавно свойствѣ извѣстныхъ тѣлъ кристаллизоваться при опредѣленныхъ низкихъ температурахъ, не одинаковыхъ для различныхъ химическихъ соединеній. Такимъ образомъ, все дѣло сводится къ тому, чтобы получать и поддерживать ту или другую температуру; каждое тѣло осаждалось въ опредѣленный моментъ и легко могло быть выдѣлено изъ раствора. Лазарь сжигалъ водоросли въ вырытой близъ дома ямѣ, и затѣмъ подвергалъ щелокъ постепенному охлажденію при помощи холодильъ-

наго аппарата, основаннаго на быстромъ испареніи амміака. Оставалось только повторить ту-же процедуру въ крупныхъ размѣрахъ, перенести ее изъ лабораторіи въ промышленность, соорудить и разставить съ выгодой работать необходимые для этого аппараты.

Въ тотъ день, когда ему удалось выдѣлать изъ маточнаго розсола до пяти различныхъ тѣлъ, комнаты огласились торжествующими криками. Въ особенно большомъ количествѣ получился бромистый калий. Это модное цѣлебное средство навѣрное будетъ раскупаться на-расхватъ. Полина, плясавшая отъ радости вокругъ стола, какъ будто снова преобразившись въ прежнюю шаловливую школьницу, вдругъ сбѣжала съ лѣстницы и ворвалась въ столовую, гдѣ ея дядя читалъ газету, между тѣмъ какъ тетка мѣтила салфетки.

— Ну, воскликнула она, — болѣйте, сколько вашей души угодно; хватить съ васъ бромистаго калия!

Докторъ Казновъ въ послѣднее время предписалъ это средство мадамъ Шанто, страдавшей нервными припадками.

— Напасетесь-ли вы его на всѣхъ? сказала она, улыбаясь. — Вѣдь теперь со свѣчей не отыщешь здороваго челоука.

Молодая дѣвушка, у которой веселое лицо и все сильное тѣло такъ и дышали здоровьемъ, протянула руки, какъ будто рассыпая исцѣленіе во всѣ стороны свѣта.

— Да, да, мы напичкаемъ весь міръ своимъ бромистымъ калиемъ. . Пришелъ конецъ ихъ пресловутому неврозу!

Осмотрѣвъ берегъ и намѣтивъ нѣсколько мѣстъ, Лазарь рѣшилъ выстроить свой заводъ возлѣ залива «Сокровище». Здѣсь оказались налицо всѣ выгодныя условія: обширный, ровный берегъ, какъ-будто вымощенный плоскими плитками, значительно облегчавшими сборъ водорослей, болѣе прямое сообщеніе по вершмонской дорогѣ, дешевая земля, близость матеріаловъ, достаточное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слишкомъ большое разстояніе, отдѣлявшее будущій заводъ отъ дома. Полина шутила, вспоминая объ имени, которымъ они когда-то окрестили этотъ заливъ за его золотистое дно; въ то время они не думали, что имя это получить такое реальное значеніе; вѣдь теперь имъ въ самомъ дѣлѣ предстоитъ извлечь изъ моря настоящее сокровище. Въ началѣ все шло необыкновен-

но удачно; прежде всего приобрѣли на очень выгодныхъ условіяхъ двадцать тысячъ метровъ песчаной, бесплодной земли; затѣмъ было получено разрѣшеніе отъ префекта, запоздавшее всего на два мѣсяца. Наконецъ, рабочіе приступили къ постройкѣ. На мѣсто прибылъ Бутиньи, маленькій, красный, довольно неотесанный человѣчекъ, сильно не понравившійся мадамъ Шанто. Онъ не захотѣлъ поселиться въ Бонвиллѣ, говоря, что нашелъ въ Вершмонѣ очень удобное помѣщеніе, и всеобщее нерасположеніе къ нему еще увеличилось, когда стало извѣстно, что онъ живетъ съ какою-то распутною женщиною, вѣроятно вывезенною имъ изъ какого-нибудь притона парижскаго разврата. Лазарь только пожималъ плечами, возмущаясь такими провинціальными понятіями; эта женщина была прехорошенькая блондинка, которая, навѣрное, не на шутку привязалась къ Бутиньи, если согласилась послѣдовать за нимъ въ эту волчью берлогу. Впрочемъ, онъ не настаивалъ на сближеніи главнымъ образомъ изъ-за Полины, тѣмъ болѣе, что отъ Бутиньи вѣдь ничего другого и не требовалось, кромѣ дѣятельнаго надзора и практической организаціи работъ; а въ этомъ отношеніи онъ оказался дѣйствительно драгоценнымъ, неутомимымъ человѣкомъ, обладавшимъ той административной жилкой, благодаря которой, подъ его руководствомъ, стѣны росли не по днямъ, а по часамъ.

Въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, пока тянулись работы по сооруженію зданій и установкѣ аппаратовъ, заводъ «Сокровище», какъ его прозвали въ концѣ-концовъ, служилъ цѣлью ежедневныхъ прогулокъ. Мадамъ Шанто не всегда сопровождала молодыхъ людей. Лазарь и Полина опять принялись за прежнія свои экспедиціи. Одинъ Матье слѣдовалъ за ними, но и онъ скоро уставалъ, черезъ силу волочилъ свои толстыя лапы и, добравшись до цѣли путешествія, ложился, высунувъ языкъ и едва переводя дыханіе, отъ котораго его ребра поднимались и опускались, какъ кузнечные мѣхи; онъ-же одинъ только и купался, прыгалъ въ воду, когда въ нее бросали палку, которой никогда не схватывалъ противъ волны, чтобы не наглотаться соленой воды. Но хозяева его и не думали о подобныхъ забавахъ,—до такой степени ихъ головы были переполнены дѣловыми заботами. При каждомъ посѣщеніи Лазарь торопилъ подрядчиковъ, а Полина по временамъ рѣша-

лась вставить то или другое практическое замѣчаніе, которое нерѣдко оказывалось совершенно основательнымъ. Аппараты онъ долженъ былъ заказать въ Канѣ по собственноручнымъ чертежамъ, и вмѣстѣ съ ними прибыли рабочіе для ихъ установки. Бутинъ начиналъ уже обнаруживать нѣкоторое безпокойство при видѣ непрерывно возрастающей смѣты расходовъ. Отчего-бы не ограничиться на первое время болѣе скромнымъ помѣщеніемъ, самыми необходимыми машинами? Къ чему эти сложныя постройки, эти громадныя аппараты, заготовленные для работъ, которыя было-бы благоразумнѣе расширять постепенно, по мѣрѣ того, какъ выяснились-бы условія производства и сбыта? Но Лазарь ни о чемъ подобномъ и слышать не хотѣлъ. У него, напротивъ, всѣ планы сразу возникали въ грандіозныхъ размѣрахъ. Онъ-бы охотно воздвигнулъ свои фабрики съ монументальнымъ фасадомъ, который высился-бы надъ моремъ, въ виду безпредѣльнаго горизонта, и служилъ-бы воплощеніемъ его великой идеи. Всякое посѣщеніе непремѣнно оканчивалось пароксизмомъ лихорадочной надежды: къ чему трястись надъ каждымъ грошомъ, когда держишь въ рукахъ неизмѣримыя богатства. Возвращались они обыкновенно въ самомъ веселомъ настроеніи, вспоминая о Матѣ, который то и дѣло отставалъ. Полина пряталась съ Лазаремъ за какую-нибудь стѣну, и оба радовались, какъ дѣти, когда собака, потерявъ изъ виду хозяевъ и вообразивъ себя покинутою, начинала метаться и искать ихъ съ комически-растеряннымъ видомъ.

Дома ихъ каждый вечеръ встричали однимъ и тѣмъ-же вопросомъ:

— Ну, что? Подвигается-ли дѣло? Довольны-ли вы?

И отвѣтъ точно также всегда былъ одинаковый:

— Да, да... только ужъ очень они долго копаются.

Потянулись мѣсяцы самой интимной, товарищеской жизни. Лазарь выказывалъ по отношенію къ Полинь искреннюю привязанность, въ которую входило и чувство благодарности за тѣ деньги, которыя она помѣстила въ его предпріятіе. Мало-по-малу женщина снова исчезла; онъ жилъ съ нею, какъ съ мальчикомъ, съ младшимъ братомъ, достоинство котораго съ каждымъ днемъ становились для него очевиднѣе. Она была такая разсудительная, отличалась такою бодрою энергіей, та-

кимъ невозмутимымъ добродушіемъ, что внушала ему невольное уваженіе, противъ котораго онъ боролся, пыталъ по-прежнему подшучивать надъ нею. Она безъ малѣйшаго замѣшательства рассказала ему, какъ принялась за чтеніе въ его отсутствіи, какъ тетка ея пришла въ ужасъ при видѣ анатомическаго атласа, и въ первую минуту онъ не могъ побороть изумленія и смущенія, которыя вызывала въ немъ эта дѣвушка съ большими, дѣтски-чистыми глазами, уже посвященная во всѣ тайны человѣческой природы. Но потомъ отношенія ихъ стали, благодаря этому, еще тѣснѣе; во время ихъ общихъ работъ, при которыхъ она играла роль помощника, онъ постепенно привыкъ говорить, не стѣняясь, обо всемъ, просто и естественно, какъ въ научной бесѣдѣ, называя всякій предметъ его настоящимъ именемъ, какъ будто для этихъ понятій на человѣческомъ языкѣ и не существовало другихъ выраженій. Да и она сама свободно касалась всякаго вопроса, руководясь, повидимому, единственно желаніемъ учиться и быть ему полезною. Но образованіе ея представляло такіе существенные пробѣлы, такую пеструю смѣсь противурѣчивыхъ свѣдѣній, въ которой прописные принципы пансіонской стыдливости, законы свѣтскаго приличія и идеи, вынесенныя ея теткою изъ педагогической практики, переплетались съ фактами, заимствованными изъ медицинскихъ сочиненій, съ физиологическими истинами, уяснившими ей отношенія между мужчиною и женщиною, — что сужденія ея нерѣдко потѣшали Лазаря. Когда ей случалось отпустить какую-нибудь наивность, онъ такъ громко смѣялся, что она не на шутку сердилась. Въ-сто того, чтобы смѣяться, развѣ не лучше было-бы съ его стороны разъяснить ей то, въ чемъ она заблуждалась? Ссора чаще всего заканчивалась лекціей; молодой химикъ, стоявшій выше банальныхъ приличій, принимался за выполненіе пробѣловъ въ ея запасѣ знаній; она уже такъ много знала, что скрывать отъ нея остальное не имѣло никакого смысла. Сверхъ того, въ ней самой продолжала работать мысль, она по-прежнему много читала и старалась согласовать со своими свѣдѣніями то, что приходилось видѣть и слышать кругомъ, продолжая, однако, съ прежнимъ почтеніемъ относиться къ мадамъ Шанто, съ серьезною миною выслушивая ея благопристойныя измышленія по части щекотливыхъ вопросовъ. Только

въ обществѣ двоюроднаго брата, въ его большой комнатѣ, она превращалась въ мальчика, въ лаборанта, которому онъ кричалъ.

— Послушай, обратила ты вниманіе на эту багряную водоросль?... Она принадлежитъ къ двудомнымъ.

— Да, да, отвѣчала Полина,—у нея мужскіе органы въ видѣ большихъ пучковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ ней зарождалось какое-то смутное волненіе. Когда Лазарю случалось толкнуть, отстранить ее, съ прежнею братскою безцеремонностью, у нея захватывало духъ, и сердце усиленно билось въ теченіи нѣсколькихъ секундъ. Женщина, о которой они оба забывали, просыпалась въ ея тѣлѣ и напоминала о себѣ волною крови, прихлынувшей къ сердцу. Однажды, быстро повернувшись, онъ задѣлъ ее локтемъ. Она вскрикнула и схватилась рукою за грудь. Въ чемъ дѣло? Неужели онъ ушибъ ее? Вѣдь онъ едва прикоснулся къ ней. Подъ вліяніемъ совершенно естественнаго участія, онъ протянулъ руку, чтобы отодвинуть книжку и посмотрѣть, гдѣ она ушиблась. Но она отскочила, и оба покраснѣли, глядя другъ на друга съ смущенною улыбкою. Въ другой разъ, когда они были заняты какимъ-то химическимъ опытомъ, она отказалась окунуть руки въ холодную воду. Не понимая причины такого страннаго отказа, онъ разсердился:—Почему? Что за странная фантазія? Если она не хочетъ помогать ему, то пусть лучше уйдетъ. Затѣмъ, видя, что она краснѣетъ, онъ вдругъ понялъ, въ чемъ дѣло, и устоялся на нее съ разинутымъ ртомъ. Неужели эта дѣвчонка, къ которой онъ относился до сихъ поръ, какъ къ младшему брату, въ самомъ дѣлѣ стала женщиною? Малѣйшій толчокъ заставлялъ ее вскрикивать, на помощь ея уже нельзя было рассчитывать въ опредѣленную эпоху каждаго мѣсяца. Всякій новый фактъ удивлялъ ихъ, какъ непредвидѣнное открытіе, и оставлялъ въ обоихъ чувство неловкости и смущенія, нарушавшее прежнюю безцеремонность ихъ товарищескихъ отношеній. Въ Лазарѣ эта переменна, повидимому, вызывала только досаду; впредь уже нельзя было рассчитывать на совмѣстную работу, вѣдь она не мужчина, и всякіе пустяки способны ее разстроить. Что-же касается Полины, то она каждый разъ послѣ этого испытывала какой-то своеобразный,

безотчетный страхъ, подъ которымъ таилось и росло невѣдомое сладостное чувство.

Начиная съ этого времени, дѣвушку стали волновать ощущенія, о которыхъ она никому не говорила. Она не лгала, а просто молчала, подъ вліяніемъ гордости и отчасти стыда. Нѣсколько разъ ей даже казалось, что она серьезно больна; по вечерамъ, когда она ложилась въ постель, ее била лихорадка, томила бессонница, все существо ея трепетало подъ наплывомъ какого-то новаго, невѣдомаго, подавляющаго чувства; утромъ, однако, она вставала, хотя разбитая, но не больная, и не рѣшилась даже говорить о своихъ ощущеніяхъ съ теткою. Временами ее вдругъ бросало въ жаръ, въ нервную дрожь, въ головѣ совершенно неожиданно возникали мысли, о которыхъ она потомъ сама-же вспоминала съ негодованіемъ, сновидѣнія, за которыя она обвиняла себя. Какъ ни страстно предавалась она чтенію анатомическихъ и фізіологическихъ сочиненій, организмъ ея всецѣло сохранилъ свою дѣвственность, и съ каждымъ новымъ фізіологическимъ явленіемъ ея овладѣвало безграничное, чисто дѣтское изумленіе, граничившее со страхомъ. Ей трудно было примириться съ мыслью, что она не составляетъ исключенія изъ общаго правила, что и въ ней во всѣхъ своихъ стадіяхъ будетъ повторяться тотъ жизненный процессъ, который совершается въ организмѣ всякой женщины. Однажды, вечеромъ, послѣ обѣда, она разсуждала о томъ, какъ нелѣпы бываютъ сны: не глупо-ли въ самомъ дѣлѣ лежать на спинѣ, въ безпомощномъ состояніи, будучи не въ силахъ отогнать отъ себя дикія порожденія фантазій? Но всего болѣе ее, повидимому, возмущали безсиліе воли во время сна, полнѣйшая неспособность управлять своею личностью. Двоюродный братъ, на основаніи своихъ пессимистическихъ теорій, также ополчался противъ сновъ, которые, по его мнѣнію, нарушали блаженство небытія, тогда какъ дядя ея, напротивъ, относился къ снамъ съ разборомъ, любилъ пріятныя сновидѣнія, ненавидѣлъ лихорадочные кошмары. Но она продолжала свою критику съ такимъ озлобленіемъ, что мадамъ Шанто удивилась и стала спрашивать, что-же ей снится по ночамъ. Полина смутилась: ничего, всякія глупости, такія смутныя вещи, которыя даже запомнить трудно. И дѣйствительно, она нисколько не спала, ея снови-

дѣнія скользили передъ нею въ какомъ-то полусвѣтѣ, смутные призраки льнули къ ней, она чувствовала пробужденіе половой жизни, но ни одинъ отчетливый образъ не придавалъ ей ощущеніямъ опредѣленнаго характера. Она никого не видѣла, и могла вообразить, что это лобзаніе майскаго вѣтерка, который лѣтомъ врывается въ комнату сквозь раскрытое окно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, горячая привязанность Полины къ Лазарю съ каждымъ днемъ принимала все болѣе страстный характеръ; и это было не только инстинктивное пробужденіе чувственности послѣ семилѣтняго братскаго товарищества; она ощущала потребность доказать ему чѣмъ-нибудь свою преданность, онъ казался ей самымъ умнымъ, самымъ сильнымъ человекомъ въ мірѣ. Братское чувство постепенно превращалось въ любовь, о которой возвѣщали и смущенный лепетъ зарождающейся страсти, и звонкая дрожь внезапнаго смѣха, и бѣглыя рукопожатія, которымъ придавалось такое глубокое значеніе,—словомъ, всѣ признаки волшебнаго путешествія въ фантастическую страну благородной любви на крыльяхъ полового инстинкта. Онъ, предохраняемый отъ увлеченія разнузданною жизнью латинскаго квартала, извѣдавшій всѣ тайны незнакомыхъ для нея наслажденій, продолжалъ видѣть въ ней сестру, которая не могла быть предметомъ чувственныхъ помысловъ. Она же, напротивъ, во всеоружіи своей дѣвственности, мало-по-малу, дошла въ своей любви до обожанія и отдалась ему всецѣло, не находя никого другаго, болѣе достойнаго, среди окружавшаго ихъ затихья. Проводя съ нимъ цѣлыя дни, съ утра до вечера, она наслаждалась однимъ его присутствіемъ, не сводила съ него глазъ, всячески старалась угодить ему.

Около того-же времени мадамъ Шанто удивлялась необыкновенной набожности Полины. Два раза она ходила исповѣдаться, но потомъ вдругъ охладѣла къ аббату Гортэру, три воскресенья сряду отказывалась даже идти къ обѣднѣ и рѣшилась снова посѣщать церковь только ради того, чтобы не огорчать тетки. Впрочемъ, она никому не объясняла причинъ этой метаморфозы; вѣроятно, ее оскорбили какіе-нибудь вопросы или комментаріи аббата, который былъ не особенно разборчивъ въ выраженіяхъ. Въ это-то время мадамъ Шанто съ чуткостью любящей матери разгадала созрѣвавшую въ

Полинѣ любовь. Тѣмъ не менѣе она молчала, и даже мужу не сказала ни слова про свое открытіе. Это роковое осложненіе застало ее въ расплохъ; до сихъ поръ возможность нѣжнаго чувства, а быть можетъ, даже брака, совершенно не входила въ составъ ея плановъ. Подобно Лазарю, она продолжала относиться къ своей племянницѣ, какъ къ маленькой дѣвочкѣ, и теперь прежде всего хотѣла подумать, общала себѣ слѣдить за ними, но такъ и осталась при намѣреніи; вообще, она не особенно заботилась о такихъ вещахъ, которыя могли быть непріятны сыну.

Настали жаркіе августовскіе дни, и однажды вечеромъ Лазарь рѣшилъ, что на другой день, когда они отправятся на заводъ, нужно будетъ по дорогѣ выкупаться. Мадамъ Шанто, помѣшанная на приличіяхъ, пошла сопровождать ихъ, не смотря на то, что было три часа пополудни, и солнце палило немилосердно. Она усѣлась возлѣ Матъе, на раскаленныхъ булыжникахъ берега и защитилась отъ солнечныхъ лучей зонтикомъ, подъ который и собака старалась спрятать свою голову.

— Куда-же она идетъ? спросилъ Лазарь, видя, что Полина на половину скрылась за скалою.

— Какъ куда? Вѣдь ты-же знаешь, что ей нужно раздѣться! сказала мадамъ Шанто. — Отвернись, ты ее стѣсняешь, это неприлично.

Онъ казался изумленнымъ, еще разъ посмотрѣлъ въ сторону скалы, за которой мелькнулъ край бѣлой рубашки, и затѣмъ перевелъ взглядъ на мать, рѣшившись вернуться къ Полинѣ спиною. Однако онъ ничего не сказалъ и въ свою очередь доспѣшилъ раздѣться.

— Скоро-ли ты будешь готова? крикнулъ онъ, наконецъ. — Можно-ли такъ долго копаться? Ты надѣваешь голубой костюмъ?

Полина выбѣжала изъ за скалы,—захохотавъ черезъ чуръ ужъ веселымъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось значительная доля смущенія. Съ тѣхъ поръ, какъ двоюродный братъ ея вернулся изъ Парижа, они ни разу не купались вмѣстѣ. На ней былъ надѣтъ купальный нарядъ, приспособленный для плаванья, сшитый изъ одного куска и плотно обхватывавшій талю, перетянутую кушакомъ. Со своимъ гибкимъ станомъ,

съ высокою грудью, она походила на флорентійскую статую. Голыя руки, голыя ноги, обутыя въ сандаліи, сверкали своею дѣтскою бѣлизною.

— Ну, что? продолжалъ Лазарь;—поплывемъ до Пикоше!

— Да, да, до Пикоше, отвѣтила она.

Мадамъ Шанто кричала имъ вслѣдъ.

— Не уплывайте слишкомъ далеко. У меня всегда сердце не на мѣстѣ.

Но они уже вошли въ воду. Пикоше, группа скалъ, изъ которыхъ нѣкоторые не заливались водою и во время прилива, находились приблизительно на разстояніи километра отъ берега. Они оба плыли рядомъ, не торопясь, какъ два друга, предпринявшіе прогулку по покойной гладкой дорогѣ. Сначала Матье сопровождалъ ихъ, но потомъ, видя, что они плывутъ все дальше, вернулся и сталъ отряхаться около мадамъ Шанто, осыпавъ ее брызгами. Безполезные подвиги были не по вутру его лѣнливой натурѣ.

— Ты благоразумнѣе ихъ, сказала мадамъ Шанто.—Возможно-ли такъ легкомысленно рисковать своею жизнью?

Она съ трудомъ различала головы Лазаря и Полины, похожія на пучки морскихъ растеній, носящихся на поверхности волнъ. Море колебалось довольно сильною зыбью; они подвигались, плавно качаясь на широкихъ волнахъ, и спокойно разговаривали, разсматривая водоросли, которыя, казалось, скользили подъ ними по морскому дну среди прозрачной влаги. Наконецъ, Полина утомилась и легла на спину, обративъ лицо къ небу, утопая взглядомъ въ его безпредѣльной, лазуревой глубинѣ. Это море, качавшее и убаюкивавшее ее, было однимъ изъ самыхъ близкихъ ея друзей. Она любила его рѣзкое дыханіе, его холодную, цѣломудренную волну; она отдавалась ему и съ наслажденіемъ чувствовала, какъ все тѣло ея охватывалось его могучей струей, какъ сердце полнѣе и ровнѣе билось подъ вліяніемъ этого утомительнаго упражненія.

Вдругъ у нея вырвался легкій крикъ. Двоюродный братъ ея съ безпокойствомъ спросилъ:

— Что случилось?

— Кажется, у меня лопнулъ лифъ... Я слишкомъ высоко закинула руку.

Въ первую минуту это приключеніе разсмѣшило обоихъ. Она снова поплыла и смѣялась смущеннымъ смѣхомъ, констатируя размѣры несчастія; оказалось, что съ одного бока у нея распоролся шовъ, вслѣдствіе чего обнажилось плечо и половина груди. Лазарь подшучивалъ надъ нею и совѣтовалъ поискать булавокъ. Наконецъ, они доплыли до Пикошо. Онъ по обыкновенію взобрался на скалу, чтобы передохнуть, прежде чѣмъ пуститься въ обратный путь. Она продолжала плавать вокругъ рифа.

— Развѣ ты не будешь отдыхать?

— Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо.

Объясняя ея отказъ простымъ капризомъ, онъ разсердился. Развѣ это не безразсудство? Силы могли измѣнить ей при возвращеніи, если она не отдохнетъ хоть немного. Но она упорствовала, и даже перестала отвѣчать, продолжая плыть съ легкимъ шумомъ, по горло въ водѣ, сквозь которую виднѣлись неясныя очертанія ея плеча, сверкавшего своею молочною бѣлизною, какъ перламутровая изнанка раковины. Со стороны открытаго моря, тамъ, гдѣ взоръ не встрѣчалъ ничего, кромѣ безконечнаго горизонта, въ скалѣ находилось углубленіе, нѣчто вродѣ грота, въ которомъ они когда-то играли, воображая себя Робинзонами. Съ другой стороны, на берегу, едва виднѣвшаяся фигура мадамъ Шанто чернѣла, какъ крошечное насекомое.

— Что за несносный характеръ! крикнулъ, наконецъ, Лазарь, бросаясь снова въ море.—Ну, смотри-же, если начнешь глотать воду, я и не подумаю помогать тебѣ; честное слово!

Они медленно поплыли назадъ, недовольные другъ другомъ, не говоря ни слова. Видя, что она начинаетъ выбиваться изъ силъ, онъ посоветовалъ ей перевернуться по крайней мѣрѣ, на спину и передохнуть немного въ этомъ положеніи. Но она, казалось, не слышала его. Шовъ распухалъ все больше и больше; при малѣйшей попыткѣ перевернуться на спину обнаженная грудь ея всплыла-бы надъ водою, какъ поднявшійся изъ морской глубины цвѣтокъ водоросли. Тогда онъ сообразилъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. Видя, до какой степени она устала, понимая, что ей ни за что не доплыть до берега, онъ приблизился къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поддержать ее. Она попыталась было сопротивляться, во что-бы то

ни стало, хотѣла обойтись безъ его помощи, но въ концѣ концовъ принуждена была уступить. Крѣпко прижавшись къ нему, почти лежа на его спинѣ, она съ его помощью добралась, наконецъ, до берега.

Мадамъ Шанто въ ужасѣ бросилась имъ на встрѣчу, а Матье, стоя по брюхо въ водѣ, оглашалъ воздухъ жалобнымъ воємъ.

— Боже мой! Какое бозразсудство!.. Вѣдь я говорила, что не нужно уплывать такъ далеко!

Съ Полиной сдѣлался обморокъ. Лазарь вынесъ ее, какъ ребенка, на песчаный берегъ; она неподвижно лежала, прижавшись къ его груди, полунагая; съ обоихъ ручьями струилась горькая морская вода. Наконецъ, она вздохнула и раскрыла глаза. Узнавъ молодого человѣка, она громко зарыдала, обняла его съ нервною горячностью и осыпала лицо его страстными поцѣлуями. Это былъ безсознательный, свободный порывъ любви, ликующей послѣ избавленія отъ смертельной опасности.

— О, какъ ты добръ, Лазарь! О, какъ я люблю тебя!

Его эти неожиданныя, страстные ласки, казалось, потрясли, взволновали до глубины души. Когда мадамъ Шанто стала одѣвать ее, онъ уже самъ отошелъ въ сторону. Возвращеніе въ Бонвиль было и томительно, и пріятно. Какъ Полина, такъ и Лазарь казались разбитыми отъ усталости. Матье, шедшая между ними, думала о томъ, что теперь уже настало время, когда необходимо остановиться на какомъ нибудь опредѣленномъ рѣшеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ другія, болѣе серьезныя, заботы тревожили и волновали семью. Заводъ «Сокровища» былъ готовъ; въ теченіи недѣли уже производились пробныя опыты съ новыми аппаратами, и результаты получались прескверныя. Лазарь долженъ былъ признаться, что неудачно скомбинировалъ нѣкоторыя машины. Онъ побѣжалъ въ Парижъ, чтобы посоветоваться со своимъ учителемъ Гербеленомъ и вернулся въ отчаяніи. Нужно было все передѣлать; великій химикъ успѣлъ уже усовершенствовать свой методъ, и новый способъ фабрикаціи требовалъ радикальныхъ измѣненій въ аппаратахъ. А между тѣмъ шестьдесятъ тысячъ франковъ были издержаны, Бутиньи рѣшительно объявилъ, что не прибавитъ ни единого

сантима. Съ утра до вечера онъ горько жаловался на безразсудство расточительныхъ затѣй съ невыносимымъ упорствомъ практичнаго человѣка, которому удалось, наконецъ, доказать справедливость своихъ предсказаній. Лазаря подѣ часъ разбирала охота избить его. Быть можетъ, онъ уже теперь рѣшился бы махнуть на все рукою, еслибы не испытывалъ мучительныхъ угрызений совѣсти при мысли, что въ этой пропасти погибнуть и тѣ тридцать тысячъ франковъ, которые дала ему Полина. Онъ былъ слишкомъ честенъ, слишкомъ гордъ, чтобы не возмущаться при этой мысли. Нѣтъ, о такомъ исходѣ нечего было и думать; слѣдовало добыть необходимыя деньги; нельзя же въ самомъ дѣлѣ бросать такое предпріятіе, которое въ послѣдствіи будетъ давать милліонныя барыши.

— Пожалуйста, не безпокойся, повторяла мать, видя, какъ онъ страдаетъ отъ своей собственной нерѣшительности.— Мы, слава Богу, еще не въ такой крайности, чтобы невозможно было добыть нѣсколькихъ тысячъ франковъ.

Въ головѣ мадамъ Шанто созрѣвалъ проектъ. Поразившая ее въ первую минуту мысль о бракѣ между Лазаремъ и Полиной теперь казалась ей вполне благоразумною. Онъ былъ всего на девять лѣтъ старше ея, а такая разница въ годахъ считалась совершенно нормальною при заключеніи брачныхъ союзовъ. И какъ прекрасно разрѣшатся всѣ затрудненія! Лазарь будетъ работать для жены, ему уже незачѣмъ мучить себя изъ-за этого долга; онъ можетъ даже взять отъ Полины тѣ деньги, которыя нужны ему теперь. Въ глубинѣ души у мадамъ Шанто, правда, шевелилось смутное опасеніе катастрофы, грозившей раззореніемъ ея племянницѣ; но она старалась убѣдить себя, что такой исходъ невозможенъ.— Развѣ у Лазаря не гениальныя способности? Онъ обогатитъ Полину, и вся выгода, несомнѣнно, на ея сторонѣ. Не смотря на свою бѣдность, сынъ ея, въ силу однихъ своихъ личныхъ достоинствъ, можетъ потягаться съ любымъ богатымъ женихомъ.

Вопросъ о бракѣ былъ рѣшенъ крайне просто. Въ одно прекрасное утро мадамъ Шанто позвала въ свою комнату и допросила молодую дѣвушку, которая сейчасъ-же, съ спокойною улыбкою, раскрыла передъ нею всю свою душу. Затѣмъ она велѣла ей остаться дома подѣ предлогомъ усталости и послѣ завтрака одна отправилась съ сыномъ на заводъ. Когда,

на обратномъ пути она подробно изложила ему свой проектъ, рассказала, какъ его любить двоюродная сестра, какъ выгоденъ этотъ бракъ для обѣихъ сторонъ, онъ въ первую минуту казался совершенно ошеломленнымъ отъ изумленія. Эта мысль никогда не приходила ему въ голову; онъ не помнилъ даже, сколько лѣтъ этой дѣвочкѣ. Но привязанность ея видимо тронула его. Конечно, онъ тоже очень ее любилъ и ничего не имѣлъ противъ этого плана.

Когда они воротились домой, Полина кончала накрывать на столъ, занявшись этой работой отъ нечего дѣлать, между тѣмъ какъ дядя ея, опустивъ на колѣни газету, смотрѣлъ на Минущъ, которая старательно вылизывала себѣ животъ.

— Итакъ, рѣшено, будемъ праздновать свадьбу! сказалъ Лазарь, старавшійся замаскировать свое волненіе шумною веселостью.

Она такъ и замерла на мѣстѣ съ тарелкою въ рукахъ, вся красная, и не могла вымолвить ни слова.

— Какую свадьбу? спросилъ дядя, какъ будто просыпаясь отъ глубокаго сна.

Жена еще утромъ посвятила его въ тайну, но теперь все вниманіе его было поглощено созерцаніемъ кошки, такъ аппетитно чистившей языкомъ свою шерсть. Однако, онъ тотчасъ припомнилъ, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, да! воскликнулъ онъ, устремивъ на молодыхъ людей добродушно-насмѣшливый взглядъ и перекосивъ ротъ отъ моментальной острой боли въ правой ногѣ. Полина поставила на столъ тарелку и, наконецъ, сказала, обращаясь къ Лазарю:

— Если ты согласенъ, такъ я и подавно.

— Ну, значить, и рѣшено; поцѣлуйтесь, сказала мадамъ Шанто, вѣшая на стѣну свою соломенную шляпку.

Полина первая подошла и протянула руки, а онъ схватилъ ихъ, продолжая смѣяться и шутить.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ перестала играть въ куклы?... Вотъ отчего ты въ послѣднее время вдругъ сдѣлалась такою скрытною, что пряталась даже тогда, когда мыла кончики пальцевъ!... И не стыдно тебѣ было избрать своею жертвою бѣднаго Лазаря?

— Тетя, да вели-же ему замолчать, а то я убѣгу! пробормотала она въ замѣшательствѣ, стараясь высвободить руки.

Мало-по-малу онъ привлекъ ее къ себѣ, все еще играя, какъ въ былое время, въ періодъ школьной товарищеской дружбы; вдругъ она звонко чмокнула его въ щеку, а онъ возвратилъ ей поцѣлуй и прильнулъ губами къ ея уху. Затѣмъ, подъ вліяніемъ какой-то тайной думы, по лицу его пробѣжала тѣнь, и онъ прибавилъ печальнымъ голосомъ:

— Странная тебѣ пришла фантазія, бѣдное дитя! Если-бы ты знала, какъ я въ сущности уже старъ!... Ну, да впрочемъ, это твое дѣло; если ты не пренебрегаешь мною...

Обѣдъ прошелъ очень шумно. Всѣ говорили одновременно, строили планы относительно будущаго, какъ будто въ первый разъ собрались послѣ долгой разлуки. Вероника, вошедшая въ комнату въ самую рѣшительную минуту помолвки, вышла, хлопнувъ дверью, и не сказала ни слова. За десертомъ разговоръ коснулся, наконецъ, серьезныхъ вопросовъ. Мать объявила молодымъ людямъ, что свадьбу невозможно назначить раньше, какъ черезъ два года; она хотѣла дожидаться полного совершеннолѣтія Полины, чтобы не давать повода къ подозрѣнію, будто она оказала давленіе на ребенка при помощи сына. Этотъ двухлѣтній срокъ опечалилъ Полину; но благородство тетки до того ее тронуло, что она встала и пошла поцѣловать ее. Затѣмъ, былъ назначенъ даже день свадьбы; молодые люди могли подождать и воспользоваться этимъ временемъ, чтобы пріобрѣсти хоть первые франки будущихъ милліонныхъ доходовъ. Денежный вопросъ такимъ образомъ оказался улаженнымъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Возьми изъ ящика, тетя, повторяла молодая дѣвушка. — Бери, не спрашивая, сколько-бы онъ ни потребовалъ; вѣдь теперь онъ имѣетъ на эти деньги такое-же право, какъ и я.

Мадамъ Шанто запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю истратить ни одного лишняго сантима... Ты знаешь, что на меня можно положиться; я скорѣе дамъ отрубить себѣ руку... Вамъ необходимо имѣть теперь десять тысячъ франковъ,—десять тысячъ я вамъ и дамъ, а потомъ крѣпко на крѣпко запру конторку. Это завѣтные деньги, неприкосновенныя.

— Располагая десятью тысячами франковъ, сказалъ Лазарь,

я увѣренъ въ успѣхъ... Главныя затраты уже сдѣланы; теперь вдругъ отчаяться въ успѣхъ было-бы просто преступно. Вотъ вы увидите... А тебя, дорогая, я одѣну въ золотое платье, какъ парицу, въ день нашей свадьбы.

Къ довершенію всеобщей радости, совершенно неожиданно пріѣхалъ докторъ Казновъ. Онъ только что посѣтилъ въ Бонвилѣ рыбака, которому лодкой раздавило пальцы руки. Его, разумѣется, упросили остаться и заставили выпить чашку чая. Великая семейная новость, повидимому, не особенно его поразила. Но когда вся семья Шанто пустилась въ восторженные разсужденія по поводу эксплуатаціи водорослей, онъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Полину и тихо сказалъ ей:

— Конечно, идея преostroумная; можно попытаться извлечь изъ нея выгоду. Но рента, какъ хотите, дѣло еще болѣе вѣрное. На вашемъ мѣстѣ я-бы, не откладывая, свилъ себѣ счастливое гнѣздышко и зажилъ-бы припѣваючи...

Онъ остановился, замѣтивъ, какъ глаза молодой дѣвушки омрачились набѣжавшею тѣнью. Искренняя привязанность, которую онъ чувствовалъ къ ней, заставила его продолжать уже въ другомъ тонѣ.

— О, конечно, недурно подумать и о деньгахъ; наживайте ихъ побольше... Ну, а на свадьбѣ вашей ужъ я потанцую. Да, пропляшу вамъ караибскую пляску, которой вы, бьюсь объ закладъ, отъ роду еще не видали... А плясать ее нужно вотъ какъ: всѣ размахиваютъ по воздуху руками, уподобляясь вѣтрянымъ мельницамъ, хлопаютъ себя по бедрамъ и прыгаютъ вокругъ плѣнника, когда онъ уже изжаренъ, и женщины начали его разрѣзывать.

Мѣсяцы снова потянулись прежней чередой. Полина опять овладѣла своимъ спокойнымъ, веселымъ настроеніемъ; прямая натура не выносила неизвѣстнаго, неопредѣленнаго положенія. Признаніе въ любви, окончательное рѣшеніе на счетъ свадьбы, казалось, успокоили въ ней даже тѣ смутныя ощущенія просыпающейся физиологической зрѣлости, которыя еще такъ недавно волновали и тревожили ее; теперь она уже спокойно, безъ лихорадки, всматривалась въ вѣчный процессъ прозябанія жизни, слѣдила, какъ медленно, словно цвѣтокъ, распускалась все роскошнѣе ея тѣло, и не приходила въ ужасъ, когда наступали каждый мѣсяць критическіе дни. Вѣдь это было лишь

проявленіе общаго такта природы; все живое развивалось и зрѣло для любви. Отношенія ея къ Лазарю почти не измѣнились; оба по-прежнему были поглощены ихъ общими работами, его, помимо занятій, гарантировало противъ страстныхъ порывовъ пресыщеніе, вынесенное изъ парижской жизни; она держала себя такъ просто, такъ естественно, съ такимъ дѣвственнымъ спокойствіемъ относилась ко всѣмъ процессамъ жизни, которые уже не были для нея тайною, что самое сознание, казалось, охраняло ее отъ искушенія лучше невѣдѣнія. Иногда, впрочемъ, сидя за работою въ заваленной книгами комнатѣ, они пожимали другъ другу руки, смѣялись задушевнымъ смѣхомъ, въ которомъ уже звучали нѣжныя ноты. По временамъ, когда они перелистывали какое-нибудь сочиненіе по физиологій, головы ихъ соприкасались; въ другой разъ имъ случилось на мгновеніе прислониться другъ къ другу, разсматривая темнокрасный пузырекъ съ бромомъ, лиловатый образчикъ іода, или она наклонялась къ нему, перегнувшись черезъ столъ, заваленный инструментами, звала его, чтобы онъ приподнял ее и помогъ ей достать что-нибудь съ верхней полки шкафа. Но всѣ эти соприкосновенія носили характеръ спокойной, дозволенной ласки, которою обмѣнивались въ присутствіи родителей; это была дружба, едва подогрѣтая отгѣнкомъ чувственного наслажденія, дружба двоюроднаго брата и двоюродной сестры, которыя со временемъ должны были соединиться брачными узами. Даже мадамъ Шанто находила, что они ведутъ себя необыкновенно благоразумно. Когда пріѣзжала Луиза и пускала въ ходъ свое кокетство, Полина даже не обнаруживала ни малѣйшей ревности.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый годъ. Заводъ теперь работалъ, и постоянныя заботы, быть можетъ, болѣе всего предохраняли ихъ отъ болѣе ясныхъ проявленій страсти. Послѣ того, какъ прежніе аппараты были, наконецъ, замѣнены новыми, первые результаты казались превосходными; выработка товара шла, правда, довольно посредственно, но съ усовершенствованіемъ метода, при удвоенной энергіи и дѣятельности, производство обѣщало достигнуть громадныхъ размѣровъ. Бутиньи открылъ уже пути для обширнаго, быть можетъ, даже слишкомъ обширнаго, сбыта. Все указывало на быстрое приближенія желаннаго богатства. Эта надежда окончательно

вскружила имъ голову; они не обращали вниманія на грозные признаки, возвѣщавшіе о возможности раззоренія, заводъ сдѣлался какою-то бездною, въ которую они горстями кидали деньги, въ полной увѣренности, что найдутъ ихъ впослѣдствіи на днѣ пропасти въ видѣ золотого слитка. Каждая новая жертва только сильнѣе разжигала ихъ слѣпое рвеніе.

Въ первое время мадамъ Шанто никогда не брала денегъ изъ завѣтнаго ящика, не продупредивъ Полины.

— Голубушка, въ субботу нужно платить по счетамъ, вамъ не хватаетъ трехъ тысячъ... Пойдемъ со мною, посмотримъ, какой билетъ удобнѣе продать.

— Да развѣ ты не можешь выбрать его одна? отвѣчала дѣвушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, это твои деньги, я не могу распоряжаться ими безъ твоего согласія.

Но потомъ мадамъ Шанто разсудила, что можно обходиться и безъ этой формальности. Какъ-то вечеромъ Лазарь признался ей, что у него есть долгъ, который онъ скрылъ отъ Полины; ему нужно было уплатить пять тысячъ франковъ за мѣдныя трубы, которыя не оказалось даже возможнымъ утилизировать. Мадамъ Шанто, уже посѣтившая ящикъ въ этотъ день вмѣстѣ съ Полиной, вернулась къ нему одна и, видя отчаяніе сына, взяла пять тысячъ франковъ съ твердымъ намѣреніемъ возратить ихъ изъ первой же выручки. Къ тому же она стала находить, что въ ея годы такая полная зависимость отъ произвола ребенка просто оскорбительна, и въ глубинѣ души у нея возникало чувство досады противъ Полины. Вѣдь ей отдадутъ эти деньги; изъ того, что онѣ принадлежатъ ей, еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было двинуться, не спросивъ у нея позволенія. Послѣ перваго почина она уже стала обходиться безъ разрѣшенія племянницы. Полины это было даже пріятнѣе; не смотря на ея доброту, эти періодическія набѣги на содержимое ящика тяготили ее, рассудокъ предвѣщаль ей близость катастрофы, въ душѣ ея шевелилась благо-разумная бережливость, унаслѣдованная отъ матери. Сначала молчаніе мадамъ Шанто удивляло ее; она чувствовала, что деньги всетаки уходятъ, и что ее просто устраниаютъ отъ вмѣшательства въ ея собственныя дѣла. Но потомъ такой способъ дѣйствія и ей показался болѣе удобнымъ. Теперь ей, по край-

ней мѣрѣ, не приходилось испытывать непріятнаго чувства, которое овладѣвало ею каждый разъ при видѣ постепенно убывавшей пачки бумагъ. Начиная съ этого времени, онѣ въ извѣстные часы только быстро обмѣнивались взглядами; въ пристальномъ взглядѣ племянницы противъ воли сказывалось беспокойство, когда она догадывалось о новомъ займѣ; неуверенный взглядъ тетки выражалъ раздраженіе; ей досадно было на себя за то, что въ эти минуты какая-то непреодолимая сила заставляла ее поворачивать голову и смотрѣть на Полину. Такимъ образомъ нарождались и зрѣли въ семьѣ зачатки ненависти.

Къ несчастью, въ этотъ годъ Давуанъ окончательно обанкрутился. Эта катастрофа была страшнымъ ударомъ для семейства Шанто, хотя они давно уже предвидѣли и ожидали ее. У нихъ осталось только три тысячи франковъ ренты. Послѣ ликвидаціи удалось спасти всего на всего тысячъ двѣнадцать, которыя тотчасъ были помѣщены и увеличивали ихъ ежемѣсячный доходъ до трехсотъ франковъ. Въ первой-же мѣсяцъ мадамъ Шанто принуждена была взять пятьдесятъ франковъ изъ денегъ Полины: мясникъ изъ Вершмона дожидался платы по счету; отослать его безъ денегъ не было никакой возможности. Въ другой разъ понадобились сто франковъ на покупку котла для стирки, потомъ—десять франковъ на картофель, два съ половиною—на рыбу. Она дошла до того, что содержала Лазаря и его заводъ изо дня въ день мелкими суммами, которыя тайно похищались все изъ того-же источника, а потомъ опустилась еще ниже, до грошовыхъ кухонныхъ расходовъ, затыкая по возможности всѣ щели, сквозь которыя врывались нараставшіе долги. Въ особенности къ концу мѣсяца она по нѣскольку разъ въ день вдругъ куда-то исчезала и почти тотчасъ возвращалась, держа руку въ карманѣ, изъ котораго одинъ за другимъ появлялись гроши, необходимые для уплаты по какому нибудь счету. Скоро это вошло у нея въ привычку, она окончательно запуталась, перестала вести счетъ своимъ займамъ, и пресловутый ящикъ превратили въ главный источникъ, изъ котораго почерпались почти всѣ средства для ихъ существованія. И каждый разъ, когда роковая сила привычки приводила ее къ этой сокровищницѣ, когда она откидывала крышку, старая конторка изда-

вала легкой скрипки, который пугалъ ее. Во всю-то жизнь не удалось ей купить себѣ приличнаго письменнаго стола! Эта почтенная конторка, которая вначалѣ, пока хранившіяся въ ней деньги были цѣлы, придавала цѣлому дому отгѣнокъ веселія и богатства, теперь приводила ее въ ярость, превратилась въ отравленное хранилище всякихъ бѣдъ, изъ котораго несчастье струилось сквозь всѣ щели.

Однажды вечеромъ Полина, занимавшаяся чѣмъ-то на дворѣ, вышла въ комнату и громко возвѣстила:

— Булочникъ!.. Ему должны за три дня, два франка восемьдесятъ пять.—Мадамъ Шанто стала шарить у себя въ карманѣ.

— Нужно сходить наверхъ, пробормотала она.

— Оставайся, предложила Полина, не тотчасъ сообразивъ, въ чемъ дѣло;—я схожу за тебя... Гдѣ у тебя лежатъ мелкія деньги?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не найдешь... Полина, гдѣ-то...

Тетка запуталась, не зная, что сказать, и обмѣнялась съ племянницей нѣмымъ взглядомъ, отъ котораго обѣ поблѣднѣли. Последовало тягостное молчаніе: затѣмъ мадамъ Шанто отправилась въ свою комнату, вся похолодѣвъ отъ сдержанной ярости, ясно сознавая, что воспитанница ея знаетъ, откуда она возьметъ эти два франка восемьдесятъ пять сантимовъ. И затѣмъ она такъ часто показывала ей, гдѣ хранятся ея деньги? Прежняя хвастливая честность, которою она, бывало, такъ любила щеголять, теперь просто бѣсила ее; эта дѣвчонка мысленно сопровождала ее, видѣла, какъ она отпираетъ конторку, роется въ ней и снова запираетъ. Когда она, наконецъ, спустилась внизъ и расплатилась съ булочникомъ, гнѣвъ ея обрушился на дѣвчонку.

— Скажи, пожалуйста, гдѣ это ты такъ отдѣлала свое платье? Откуда явилась въ такомъ видѣ?.. Навѣрное, качала воду для плиты? Предоставь, пожалуйста, Вероникѣ то, что тебя не касается. Право, ты, точно нарочно, стараешься какъ можно больше измазаться, точно понятія не имѣешь о томъ, чего это стоитъ; за свое содержаніе ты платишь намъ не Богъ знаетъ сколько; я и такъ насилу свожу концы съ концами...

Затѣмъ она продолжала все на ту-же тему. Полина, которая вначалѣ пыталась было защищаться, теперь слушала ее,

не возражая ни слова, готовая расплакаться. Она отлично чувствовала, что тетка съ нѣкотораго времени не любила ея. Оставшись наединѣ съ Вероникой, она заплакала, а служанка, на которую эта сцена, повидимому, также произвела впечатлѣніе, начала гремять кострюлями, видимо избѣгая показывать свое сочувствіе къ той или другой сторонѣ. Она попрежнему ворчала на Полину, но теперь даже въ грубыхъ ея выходкахъ порою видны были проблески справедливости...

Настала зима, и у Лазаря опять опустились руки. Страсть его опять охладѣла, заводъ наводилъ на него уныніе и ужась. Въ ноябрѣ, когда опять оказалась нужда въ довольно крупной суммѣ, страхъ оубялъ его окончательно. Еще недавно онъ побуждалъ и не такія затрудненія, но передъ послѣднимъ струсилъ, отчаялся и сталъ обвинять во всемъ науку. Вся идея его предпріятія была нелѣпа; сколько ни совершенствуй способы производства, а у природы никогда не вырвешь того, чего она не захочетъ дать; наконецъ, онъ обрушился даже на своего учителя, знаменитаго Гербелена, который воспользовался тѣмъ, что проѣзжалъ по близости, и согласился заѣхать взглянуть на заводъ. Не безъ смущенія смотрѣлъ онъ на аппараты, которые, по его мнѣнію, дѣйствительно были слишкомъ велики, чтобы функционировать такъ-же правильно, какъ маленькіе аппараты его лабораторіи. Впрочемъ, опытъ во всякомъ случаѣ былъ произведенъ и привелъ къ тому выводу, что при этихъ реакціяхъ, основанныхъ на дѣйствіи холода, до сихъ поръ еще не найдено способа удерживать низкія температуры, необходимыя для кристаллизаціи тѣлъ на требуемомъ градусѣ. Лазарь, правда, извлекалъ изъ водорослей известное количество бромистаго калия, но такъ какъ послѣ этого ему не удавалось изолировать въ достаточной степени всѣ прочія вещества, заключавшіяся въ остаткѣ, который такимъ образомъ пропадалъ безъ всякой пользы, то производство не только не давало барышей, но, напротивъ, грозило раззореніемъ. Онъ былъ въ отчаяніи и объявилъ себя побужденнымъ. Вечеромъ, когда мадамъ Шанто и Полина умоляли его успокоиться и сдѣлать еще одну, послѣднюю, попытку, дѣло кончилось бурной сценой, оскорбительными словами и слезами. Лазарь выбѣжалъ изъ комнаты, такъ сильно хлопнувъ дверью, что перепуганный Шанто подскочилъ на своемъ креслѣ.

— Вы меня уморите! крикнулъ онъ, запираясь на ключъ, въ припадкѣ чисто дѣтскаго отчаянія.

На другой день, спустившись къ завтраку, онъ принесъ съ собою листъ бумаги, исписанный цифрами. Изъ ста восьмидесяти пяти тысячъ франковъ, принадлежавшихъ Полинь, было истрачено около ста тысячъ. Не безразсудно-ли продолжать? Вѣдь и остатокъ уйдетъ такъ-же непроизводительно. Вчерашній ужасъ снова начиналъ овладѣвать всѣмъ его существомъ. Да впрочемъ, на этотъ разъ его поддерживала и мать, которая никогда не умѣла долго противиться желаніямъ сына и любила его до такой степени, что готова была принимать участіе даже въ его заблужденіяхъ. Одна Полина еще пыталась спорить. Эти сто тысячъ положительно ошеломили ее. Какъ? Неужели-же онъ довелъ дѣло до того, что растратилъ болѣе половины ея состоянія?.. Вѣдь эти деньги пропали, если онъ совершенно откажется отъ всякой попытки снова поставить на ноги неудавшееся дѣло. Но она напрасно старалась убѣдить его, пока Вероника убирала со стола. Затѣмъ она встала, боясь, что не сѣмѣетъ сдержать упрековъ,—вышла и заперлась въ своей комнатѣ, вѣв себя отъ негодованія и отчаянія.

Послѣ ея ухода, въ комнатѣ воцарилось тягостное молчаніе. Всѣ въ смущеніи сидѣли за пустымъ столомъ.

— Она положительно скупа; это препротивный порокъ,— сказала, наконецъ мать;—я совсѣмъ не желаю, чтобы Лазарь подрывалъ свое здоровье работою и непріятностями.

Отецъ отважился робко замѣтить:

— Мнѣ никто не говорилъ о такой суммѣ... Сто тысячъ франковъ! Боже мой, вѣдь это ужасно!

— Ну да, сто тысячъ франковъ? Такъ что-же изъ этого? прервала она его своимъ рѣзкимъ голосомъ.— Не пропадутъ ея деньги... Если сынъ нашъ женится на ней, то, надѣюсь, человѣку съ его способностями не трудно будетъ нажить сто тысячъ франковъ.

Тотчасъ приступили къ ликвидаціи. Непугаль Лазаря главнымъ образомъ Бутиньи, представившій ему положеніе дѣлъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. По его разсчетамъ за Лазаремъ числилось двадцать тысячъ долга. Видя, что компаньонъ порѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ предпріятіи, Бутиньи сначала тоже заговорилъ о своемъ намѣреніи ѣхать

въ Алжирь, гдѣ его ожидало блестящее положеніе. Затѣмъ онъ согласился оставить за собою заводъ, но, казалось, дѣлалъ это такъ неохотно, до такой степени запутывалъ счеты, что въ концѣ концовъ приобрѣлъ землю, строенія и аппараты—все вмѣстѣ за тѣ двадцать тысячъ долга, которыя приходились на долю его компаньона; а въ послѣднюю минуту, когда Лазарю удалось отвоевать у него еще пять тысячъ въ формѣ векселей, подлежавшихъ уплатѣ черезъ каждые три мѣсяца, онъ долженъ былъ признать этотъ результатъ за необыкновенно успѣшную операцію. На другой день Бутиньи перепродалъ мѣдные аппараты и приспособилъ фабричныя помѣщенія къ производству простой соды въ широкихъ размѣрахъ, но безъ всякихъ научныхъ изысканій, по обыкновенному, рутинному методу.

Полина, уже стыдившаяся того чувства, которое вызвало въ ней, какъ въ бережливой, благоразумной дѣвушкѣ, первое извѣстіе о катастрофѣ, теперь снова сдѣлалась веселою и доброю и какъ-будто старалась заслужить прощеніе за какую-то провинность. Можно себѣ представить, какъ торжествовала мадамъ Шанто, когда Лазарь принесъ на пять тысячъ векселей. Молодая дѣвушка должна была опять отправиться вмѣстѣ съ нею въ ея комнату и собственноручно положить деньги въ ящикъ.

— Ну вотъ видишь, милая моя,—пять тысячъ ужъ и вернули... Возьми ихъ, это твои деньги. Сынъ мой за всѣ свои труды не захотѣлъ оставить себѣ даже одинъ изъ этихъ билетовъ.

Но Шанто, прикованный подагрой къ креслу, въ послѣднее время не на шутку сталъ беспокоиться. Не смѣя отказывать женѣ въ своей подяси, онъ однако видѣлъ, какъ безцеремонно она распоряжалась состояніемъ племянницы и со страхомъ ожидалъ послѣдствій такого способа дѣйствій. Въ устахъ у него все еще звенѣли ужасныя слова—сто тысячъ франковъ. Откуда они достанутъ такую громадную сумму въ тотъ день, когда имъ придется давать отчетъ? И какъ на грѣхъ этотъ Саккаръ, который въ то время надувалъ въ Парижѣ столько шума своими спекуляціями, вдругъ вспомнилъ о Полинѣ, хотя въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ нисколько ею не интересовался. Теперь онъ писалъ, справлялся о дѣлахъ, касающихся

опеки, и выражалъ даже намѣреніе явиться въ одно прекрасное утро въ Бонвиль, благо ему нужно было ѣхать въ Шербуръ по какому-то дѣлу. Что они отвѣтятъ ему, если онъ потребуетъ отчета? А вѣдь на это онъ имѣлъ полное право. Его неожиданное пробужденіе послѣ такого долгаго періода полнаго равнодушія не предвѣщало ничего хорошаго.

Когда Шанто рѣшился, наконецъ, заговорить на эту тему съ женою, онъ нашелъ, что ее волновало не столько безпокойство, сколько любопытство. Въ первый моментъ она почуяла истинную причину, подумавъ, что Саккаръ, несмотря на свои миллионныя спекуляціи, въ настоящую минуту, быть можетъ, сидитъ безъ гроша и не прочь заполучить деньги Полины, въ надеждѣ вернуть ихъ сторицею. Но затѣмъ она пустилась по ложному слѣду, стала себя спрашивать, ужь не сама-ли Полина написала своему опекуну, чтобы отомстить имъ; а когда это предположеніе съ негодованіемъ было отвергнуто ея мужемъ, она выдумала цѣлую сложную исторію: навѣрное, эта тварь, съ которою живетъ Бутиньи, пишетъ на нихъ анонимныя доносы; да, да, навѣрное она, эта потаскуха, которая ругаетъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ по всѣмъ лавочкамъ Варштона и Арроманша, за то, что они не захотѣли принимать ее въ своемъ домѣ. Наконецъ, и Шанто, подобно ей, пришелъ къ убѣжденію, что дѣло не обошлось безъ доноса.

— А плевать я на нихъ хочу, вотъ что! — сказала она, выведенная изъ терпѣнія трусливымъ хныканьемъ мужа. — Полинѣ, правда, еще нѣтъ восемнадцати лѣтъ; но вѣдь мнѣ стоитъ только обвинять ее съ Лазаремъ, и всему дѣлу конецъ; бракъ вполнѣ и окончательно освобождаетъ отъ опеки.

— Ты въ этомъ увѣрена? спросилъ мужъ.

— Еще-бы; я не далѣе, какъ сегодня утромъ читала объ этомъ въ сводѣ законовъ.

Дѣйствительно, мадамъ Шанто почитывала теперь кодексъ. Въ немъ она искала себѣ оправданія, въ немъ ей хотѣлось потопить послѣднія угрызения совѣсти. Къ тому-же весь этотъ сложный процессъ легальнаго похищенія интересовалъ ее, гасилъ въ ней послѣднія искры честности, которая давно уже постепенно испарялась подъ непреодолимымъ искушеніемъ сокровища, лежавшаго тутъ, подъ рукою, въ ея комнатѣ.

Впрочемъ, мадамъ Шанто не рѣшалась торопиться и со

сватъбою. Послѣ постигшей ихъ денежной потери, Полинѣ еще болѣе хотѣлось приблизить назначенный для этого срокъ. Къ чему ждать еще шесть мѣсяцевъ, пока ей не исполнится восемнадцать лѣтъ? Не лучше-ли покончить это дѣло, не добиваясь, чтобы Лазарь непременно составилъ себѣ общественное положеніе прежде, чѣмъ вступить въ бракъ. Она рѣшилась высказать свое желаніе теткѣ, а та, чтобы выпутаться, сейчасъ-же придумала подходящую ложь: затворивъ дверь и таинственно понижая голосъ, она рассказала ей о тайныхъ тревогахъ, которыми мучится ея сынъ; онъ необыкновенно деликатенъ, и теперь, когда ея состояніе разстроено по его винѣ, онъ терзается при одной мысли, что приходится жениться на ней, не успѣвъ съ своей стороны пріобрѣсти состоянія. Молодая дѣвушка слушала ее съ изумленіемъ, не понимая этихъ романическихъ тонкостей; да если-бы онъ былъ даже очень богатъ, она все-таки вышла-бы за него, просто потому, что его любить. Сколько-же времени придется ждать въ такомъ случаѣ? Быть можетъ, всю жизнь? Но мадамъ Шанто успѣла ее успокоить на этотъ счетъ; она бралась побѣдить въ немъ это преувеличенное чувство чести, если только ея не стануть слишкомъ торопить. Въ заключеніе Полина должна была поклясться, что сохранить этотъ разговоръ въ тайнѣ, такъ какъ Лазарь способенъ вспылить и уѣхать, если только узнаетъ, что самыя сокровенныя мысли его разгаданы, выставляются на показъ и подвергаются обсужденію.

Съ другой-же стороны Шанто, когда его одолѣвалъ страхъ передъ Саккаромъ, твердилъ женѣ:

— Если со сватъбой все дѣло устроится само собою, такъ чего-же ты медлишь? Подъ вѣнецъ ихъ, да и дѣло съ концомъ.

— Что за слѣхъ? отвѣчала она;—бѣда не за порогомъ.

— Да вѣдь когда-нибудь нужно-же будетъ сдѣлать... Надѣюсь, что ты не раздумала? Они-бы умерли съ горя.

— Ну, да, какъ-же, умерли-бы!.. Во всякомъ случаѣ, пока дѣло не сдѣлано, его всегда можно отмѣнить, если на то есть серьезныя причины. Да, наконецъ, вѣдь это ихъ воля, они свободны; вотъ подождемъ и посмотримъ, все такъ-же-ли по сердцу имъ этотъ бракъ.

Полина и Лазарь снова зажили прежнею общою жизнью, почти не выходя изъ дома въ теченіе всей суровой зимы. Въ

первые дни онъ казался ей такимъ грустнымъ, такъ злобствовалъ противъ судьбы и такъ стыдился своей собственной слабости, что она ухаживала за нимъ, какъ за больнымъ, и вообще относилась къ нему съ самою крайнею снисходительностью. Она чувствовала даже состраданіе къ этому взрослому ребенку, всѣ неудачи котораго объяснялись его неустойчивой волей, кратковременными вспышками чисто нервной энергіи, и мало-по-малу сьумѣла даже во многомъ подчинить его своему авторитету, привыкла говорить съ нимъ матерински-наставительнымъ тономъ. Сначала онъ выходилъ изъ себя, объявилъ, что пойдетъ пахать землю, строилъ самые сьумаспешніе планы быстрого обогащенія, упрекалъ себя за каждый кусокъ хлѣба, который сьѣдалъ въ домѣ, и ни одного лишняго часа не хотѣлъ оставаться на плечахъ у родителей. Но дни проходили за днями, осуществленіе всѣхъ этихъ благородныхъ намѣреній все откладывалось да откладывалось, и онъ уже просто довольствовался тѣмъ, что каждый день измышлялъ какой-нибудь новый планъ, долженствовавшій привести его въ нѣскольکو скачковъ на самую вершину почестей и богатства. А она, напуганная лживыми откровенностями тетки, принималась его урезонивать: что ему за охота ломать себѣ голову? Вотъ придетъ весна, тогда пускай подыскиваетъ себѣ занятіе; и ужь конечно, тогда онъ сейчасъ-же сьумѣетъ создать себѣ положеніе; но до тѣхъ поръ ему не позволять надрываться работой, его принудятъ отдохнуть. Къ концу перваго-же мѣсяца ей, повидимому, удалось укротить его; онъ постепенно втянулся въ полнѣйшую праздность и съ безстрастнымъ, насмѣшливымъ равнодушіемъ подчинился тому, что любилъ называть «неизбѣжною скукою существованія».

Съ каждымъ днемъ Полина все яснѣе различала въ характерѣ Лазаря совершенно незнакомыя, возмущавшія ее черты. Она сожалѣла о его гнѣвныхъ выходкахъ, о мимолетныхъ, слишкомъ быстро потухавшихъ, вспышкахъ, когда онъ начиналъ осмѣивать рѣшительно все и холоднымъ, злобымъ тономъ проповѣдовать безсмысленность, безцѣльность всего существующаго. Здѣсь, среди безмолвія деревенской зимы, въ забытомъ уголкѣ Бонвиля, вокругъ него какъ будто воскресали прежнія парижскія знакомства, чтенія, споры съ товарищами. Въ то время онъ поддался вліянію пессимизма, котораго, впро-

чемъ, также не продумалъ какъ слѣдуетъ, и отъ котораго въ головѣ его только и остались гениальныя бутады да величественная мрачная поэзія Шопенгауера. Молодая дѣвушка понимала, что въ основѣ всѣхъ этихъ свирѣпыхъ нападений на человѣчество, которымъ предавался ея двоюродный братъ, лежитъ, въ сущности, безсильная злоба, вызванная неудачею его собственнаго недавняго предпріятія, гибелью завода, отъ которой, казалось, поколебался весь міръ. Но этихъ истинныхъ причинъ она касаться не могла и ограничивалась только тѣмъ, что съ жаромъ протестовала, когда онъ затыгивалъ свою старую пѣсню, принимался отрицать прогрессъ и доказывалъ бесполезность науки. Развѣ этотъ болванъ Бутини не наживаетъ огромныхъ денегъ своимъ производствомъ простой, неочищенной соды? Къ чему-же раззоряться, отыскивая болѣе совершенные способы, стараясь открыть новые законы, если побѣда въ концѣ концовъ все-таки остается за эмпиризмомъ? Съ этого онъ начиналъ каждый разъ свои разсужденія, и каждый разъ, искрививъ губы злобною улыбкою, приходилъ къ тому выводу, что наука могла-бы принести только одну несомнѣнную пользу,—если-бы изобрѣла когда нибудь способъ взорвать однимъ ударомъ весь міръ посредствомъ какой нибудь громадной мины. Затѣмъ, слѣдовали холодныя насмѣшки надъ верховною волею, которая руководитъ судьбами міра, надъ слѣпою глупостью тѣхъ, кто жаждетъ жизни; жизнь, по его мнѣнію, была непрерывнымъ страданіемъ, и, въ концѣ концовъ, онъ приходилъ къ морали индійскихъ факировъ, которые видятъ избавленіе только въ небытіи. Когда онъ старался выказать передъ Полиной свое отвращеніе ко всякой дѣятельности, когда онъ возвѣщалъ о конечномъ самоубійствѣ народовъ, которые погрузятся въ мрачную бездну забвенія, откажутся производить на свѣтъ новыя поколѣнія, какъ скоро разсудокъ, доведенный до крайней степени развитія, убѣдитъ ихъ, какой жестокой фарсъ заставляеть ихъ разыгрывать невѣдомая сила, она выходила изъ себя, подыскивала аргументы, путалась и принуждена была умолкать, такъ какъ чувствовала свое полное невѣжество относительно этихъ вопросовъ и не обладала, по его словамъ, метафизическимъ складомъ ума. Но признать себя побѣжденною она все-таки не хотѣла и посылала къ чорту его Шопенгауера, изъ котораго онъ предлагалъ ей про-

честь тотъ или другой пассажъ. Она готова была задушить этого человѣка, писавшаго такія гнусныя вещи про женщинъ, если-бы онъ не искупалъ немного своей вины хоть тѣмъ, что любилъ животныхъ. Сіяя здоровьемъ, неизмѣнно ровная и прямая въ спокойномъ, привычномъ наслажденіи жизнью, въ твердой надеждѣ на счастье завтрашняго дня, она, въ свою очередь, побѣждала его въ спорахъ своимъ звонкимъ смѣхомъ, передъ которымъ онъ принужденъ былъ умолкнуть, свѣжею струею жизни, которая была ключемъ въ ея молодомъ тѣлѣ, созрѣвшемъ для любви.

— Полно тебѣ врать всякій вздоръ! восклицала она. — Успѣемъ еще подумать о смерти, когда состаримся.

Мысль о смерти, къ которой она относилась съ такимъ беззаботнымъ равнодушіемъ, каждый разъ погружала его въ еще болѣе мрачное настроеніе; глаза его избѣгали ея взгляда и по лицу было видно, что ему не по себѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно сводилъ разговоръ на другую тему, пробормотавъ: — Умереть можно во всякомъ возрастѣ.

Полина поняла, наконецъ, что смерть пугаетъ Лазаря. Она помнила этотъ крикъ ужаса, который вырвался у него когда-то при видѣ звѣзднаго неба; теперь ей часто приходилось замѣчать, что онъ блѣднѣетъ, когда въ разговорѣ произносились извѣстные слова, и внезапно умолкаетъ, какъ человѣкъ, скрывающій отъ другихъ болѣзнь, въ которой ему стыдно признаться. Такой безграничный страхъ передъ небытіемъ особенно поражалъ ее въ этомъ пессимистѣ, который на словахъ тушилъ звѣзды, точно свѣчки, и такъ равнодушно говорилъ объ избіеніи всего живого на землѣ. Болѣзнь эта постепенно развивалась въ немъ уже давно, и Полина даже не подозрѣвала, до какой степени она уже успѣла потрясти весь организмъ. Съ годами передъ воображеніемъ его все яснѣе, все грознѣе рисовался образъ смерти. До двадцатилѣтняго возраста она напоминала ему о себѣ едва замѣтнымъ холоднымъ дуновеніемъ, скользившимъ по его лицу вечеромъ, когда онъ ложился спать. А теперь онъ уже не могъ опустить головы на подушку безъ того, чтобы мысль о смерти не сковала его могильнымъ холодомъ. Онъ томился безсонницами и не могъ примириться съ роковою неизбѣжностью такого исхода, носившагося передъ его глазами въ видѣ ужасныхъ, мрачныхъ об-

разовъ. А потомъ, когда усталость заставляла его, наконецъ, забыться на нѣкоторое время, онъ вдругъ вскакивалъ съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами, сложивъ руки, какъ для молитвы, и бормоча въ темнотѣ:—Боже мой! Боже мой!—Грудь его разрывалась, ему казалось, что онъ умираетъ; онъ долженъ былъ зажигать свѣчу, и только мало-по-малу приходилъ наконецъ въ себя и успокоивался. Ему стыдно было за себя послѣ каждаго изъ такихъ припадковъ; не глупы-ли были эти воззванія къ Богу, котораго онъ отрицалъ, это наследственное проявленіе человѣческаго малодушія, вопіющаго о помощи даже тогда, когда рушится міръ! Но тѣмъ не менѣе припадки эти возвращались каждый вечеръ, какъ проявленія пагубной страсти, которая подрывала его силы, несмотря на протесты разсудка. Да и днемъ малѣйшій поводъ наводилъ его на тѣ-же мысли,—случайно брошенная фраза, мелькнувшая въ головѣ мысль, вызванная попавшеюся на глаза сценою, только что прочитанною книгою. Однажды вечеромъ, когда Полина читала дядѣ газету, Лазарь вдругъ вышелъ, потрясенный фантастическими разсужденіями какого-то журналиста, рисовавшаго передъ читателемъ небо двадцатаго вѣка, наполненное множествомъ аэростатовъ, перевозящихъ путешественниковъ съ одного материка на другой; его въ то время уже не будетъ на свѣтѣ, и эти воздушные шары, которые ему не суждено было увидѣть, исчезали во мракѣ грядущихъ вѣковъ, наводившихъ на него ужасъ своимъ безконечнымъ теченіемъ за предѣлами его личнаго существованія. Его философы тщетно повторяли ему, что ни одна искра жизни не пропадаетъ въ мірѣ, его личное я все-таки всѣми силами протестовало противъ грозившаго ему конца. Прежній веселый нравъ его уже погибъ въ этой борьбѣ; и онъ содрогался при мысли, что такая-же гибель грозитъ всему его существу, терзаемый больше всего противурѣчивыми мыслями, которыя навязывали ему религію смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ внушали безумный ужасъ при одномъ представленіи объ этой смерти. Когда Полина смотрѣла на него, не всегда понимая рѣзкіе переходы въ его настроеніи, въ такіе часы, когда онъ съ беспокойною стыдливостью скрывалъ твою рану отъ постороннихъ взглядовъ, она чувствовала къ нему особенно глубокое состраданіе, потребность всячески угождать ему и осчастливить его.

Они снова проводили цѣлые дни въ большой комнатѣ верхняго этажа, среди водорослей, банокъ, инструментовъ; у Лазаря не хватило даже силы убрать всѣ эти атрибуты его недавней дѣятельности; водоросли высыхали и рассыпались въ порошокъ, растворы въ банкахъ обезцвѣчивались, инструменты портились подъ густымъ слоемъ пыли. Часто съ утра до вечера декабрьскій дождь барабанилъ по черепицамъ крыши, западный вѣтеръ гудѣлъ, какъ органъ, пробираясь сквозь щели деревяннаго строенія. По цѣлымъ недѣлямъ не показывалось солнце, предъ глазами разстилалось только сѣрое море, необъятная, сѣрая громада, среди которой, казалось, таяла и постепенно исчезала земля. Чтобы хоть немного сократить долгіе, скучные часы досуга, Полина принялась классифицировать собранныя весной водоросли. Лазарь, слонявшійся по комнатѣ въ абсолютномъ бездѣльи, сначала довольствовался тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ она наклеивала на бумагу изящныя растеньица, съ нѣжными древовидными развѣтвленіями, красными и голубыми, словно нарисованными на бумагѣ акварельными красками; затѣмъ, истомившись отъ праздности и забывъ о своей теоріи бездѣйствія, онъ добрался до фортепьяно, отрывъ его подъ грудами помятыхъ мѣдныхъ аппаратовъ и грязныхъ стеклянокъ. Недѣлю спустя страсть къ музыкѣ снова овладѣла имъ всецѣло. Эта страсть была его первымъ, кореннымъ недугомъ, маніей художника, проявленія которой нетрудно было открыть и въ неудачныхъ начинаніяхъ ученаго и промышленника. Однажды, утромъ, когда онъ игралъ свой «Маршъ смерти», его снова воспламенила мысль о задуманной когда-то великой симфоніи — «Страданіе». Всѣ другія части ея казались ему дурными; онъ сохранить только маршъ; но какой богатый сюжетъ! Какое великое произведеніе можетъ вырасти изъ него! Онъ выразить въ немъ всю свою философію. Въ началѣ зарождается жизнь по эгоистической прихоти силы; затѣмъ рисуется призракъ счастья, въ рѣзкихъ чертахъ выступаютъ — обманчивый миражъ существованія, объятіе двухъ любовниковъ, кровавая рѣзня солдатъ, Богъ, умирающій на крестѣ, и крикъ страданія растетъ и ширится съ первой минуты, отчаянный вопль всего живаго міра наполняетъ поднебесное пространство, вплоть до финальной пѣсни избавленія, — пѣсни, которая въ небесно-нѣж-

ныхъ звукахъ выражаетъ всю сладость небытія. На слѣдующій-же день онъ принялся за работу, барабанилъ по фортепьяно и испещрялъ бумагу черными каракулями; а такъ какъ старый инструментъ издавалъ лишь слабыя, хриплые звуки, то самъ композиторъ подпѣвалъ для усиленія эффекта, придавая своему голосу тѣмбръ гудящаго колокола. Никогда еще никакое дѣло не увлекало его до такой степени; онъ позабывалъ о голодѣ и цѣлый день терзалъ уши Полинѣ, которая, по своему добродушію, находила, что все удастся, какъ нельзя лучше, и аккуратно переписывала ему ноты. Теперь онъ завершить, наконецъ, свое великое произведеніе;—въ этомъ онъ нисколько не сомнѣвался.

Но прошло нѣкоторое время, и Лазарь, мало-по-малу, успокоился. Ему оставалось только написать вступленіе; но на него-то именно и не хватало инспираціи. Нужно было дать всему хорошенько улечся. И онъ сидѣлъ, выкуривая папироску за папироской, передъ большимъ столомъ, на которомъ была разложена партитура, а Полина, съ грѣхомъ пополамъ, разыгрывала отрывки симфоніи. Въ это-то время близость ихъ приняла нѣсколько опасный характеръ. Мозгъ его уже не былъ занятъ заботами о заводѣ, тѣло не было утомлено непрерывной бѣготней и хлопотами; и теперь, когда онъ просиживалъ съ нею цѣлые дни въ полномъ бездѣйствіи, когда чувственныя вожделѣнія легче просыпались подъ вліяніемъ охватившей его лѣни, любовь заговорила въ немъ боже внятнѣмъ, страстнымъ голосомъ. Она была такъ весела, такъ добра! Она съ такою радостью оказывала ему всякую услугу! Въ началѣ ему казалось, что просыпающееся въ немъ чувство не что иное, какъ простой порывъ признательности, удвоенная братская привязанность, которую она внушала ему уже съ самаго дѣтства. Но, мало-по-малу, драматическія до сихъ поръ желанія пробудились; онъ узрѣлъ, наконецъ, женщину въ этомъ младшемъ братѣ, женщину, широкія плечи которой онъ долго обнималъ, какъ простой товарищъ, не смущаясь ихъ красотою. Теперь-же и онъ, и она краснѣли, когда ему случалось прикоснуться къ ней; онъ уже не рѣшался подойти и перегнуться черезъ ея плечо, чтобы посмотреть, какъ она переписываетъ ноты. Если руки ихъ случайно встрѣчались, они оба приходили въ замѣшательство,

дыханіе учащалось, щеки загорались румянцемъ. Начиная съ этого времени, они почти каждый день проводили послѣобѣденные часы въ состояніи какаго-то полусознательнаго смятенія и выходили изъ него разбитые, взволнованные смутною потребностью недостающаго имъ счастья.

Иногда, чтобы стряхнуть съ себя это томительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладостное чувство, Полина принималась подшучивать надъ Лазаремъ съ естественною непринужденностью дѣвушки, постигшей всѣ тайны человѣческихъ отношеній.

— Ахъ, да! Я тебѣ не говорила? Мнѣ снилось, будто твой Шопенгауеръ узналъ на томъ свѣтѣ про нашъ бракъ и приходитъ по ночамъ тянуть насъ за ноги.

Лазарь смѣялся нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ. Онъ понималъ, что она издѣвается надъ его постоянными противорѣчійми; но теперь все существо его было проникнуто какою-то безконечною нѣжностью, которая заглушала въ немъ ненависть къ инстинктамъ человѣческой природы, побуждающимъ жить и наслаждаться.

— Не мучь меня, шепталъ онъ, — вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю.

Тогда она строила серьезную фізіономію:

— Берегись! Ты отдалишь еще болѣе день избавленья... Тобою опять овладѣвають эгоизмъ и иллюзіи.

— Замолчишь-ли ты, дрянная дѣвчонка?

Онъ бросался ловить ее, а она, бѣгая по комнатѣ, продолжала выкрикивать торжественнымъ, докторальнымъ тономъ отдѣльные фразы изъ пессимистической философіи. Когда-же ему удавалось, наконецъ, поймать ее, онъ уже не рѣшался удерживать ее въ своихъ объятіяхъ и наказывать щипками.

Но однажды погоня была такая жаркая, что онъ съ силою схватилъ ее за талью. Она вся трепетала, заливаясь смѣхомъ. Онъ прижалъ ее къ шкафу и, чувствуя, какъ она бьется въ его рукахъ, еще больше закипѣлъ страстью.

— Что? Попалась?... Ну, говори, что теперь съ тобой дѣлать?

Лица ихъ соприкасались; она все еще смѣялась, но уже замирающимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусти меня; я больше не буду.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ губы. Комната закружи-

лась; имъ показалось, что порывъ огненнаго вѣтра уносить ихъ куда-то, въ безпредѣльное пространство. Она уже наполовину опрокинулась и готова была упасть на полъ, но въ послѣднее мгновеніе, сильнымъ, нервнымъ движеніемъ вырвалась изъ его рукъ. Съ минуту оба стояли молча, запыхавшіеся, красные; у обоихъ кружилась голова. Затѣмъ она сѣла, чтобы отдохнуть и серьезнымъ, недовольнымъ тономъ сказала:

— Нужно быть осторожнѣй, Лазарь; мнѣ было больно.

Начиная съ этого дня, онъ сталъ избѣгать даже ея теплаго дыханія, даже прикосновенія ея платья. Мысль о возможности овладѣть ею при такой тривиальной обстановкѣ, на порогѣ двери, возмущала его. Несмотря на инстинктивное сопротивленіе молодой дѣвушки, онъ понималъ, что она уже принадлежитъ ему, что изъ любви къ нему, взволнованная до самозабвенія первымъ объятіемъ, она отдастся ему, если онъ этого потребуетъ. Поэтому ему вдвойнѣ хотѣлось быть благо-разумнымъ, и за себя, и за нее; онъ понималъ, что отвѣтственность за катастрофу, серьезныя послѣдствія которой, въ силу своей опытности только онъ могъ предвидѣть, ляжетъ на него одного. Но любовь его росла подѣ влияніемъ этой борьбы, которую онъ велъ съ самимъ собою. Все разжигало въ немъ страсть,—бездѣйствіе первыхъ недѣль, его мнимое разочарованіе, отвращеніе къ жизни, въ которомъ такъ ясно сквозило неукротимое желаніе жить, любить, наполнять скучное однообразіе праздныхъ часовъ новыми страданіями. А теперь музыка окончательно довершала его экзальтацію, музыка, уносившая ихъ обоихъ въ страну волшебныхъ грезъ, на широкихъ крыльяхъ музыкальнаго ритма. Тогда онъ вообразилъ, что въ немъ созрѣла великая, прочная страсть, и поклялся вскормить ею свой гений: Теперь уже не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что изъ него выйдетъ знаменитый музыкантъ; вѣдь для этого ему стоитъ только черпать изъ собственнаго сердца, превратившагося въ источникъ гениальнаго творчества. Любовь его какъ будто очистилась отъ всякой примѣси чувственности, онъ готовъ былъ боготворить своего ангела на колѣняхъ; торопиться сватьбою ему и въ голову не приходило.

— Вотъ, возьми, прочитай-ка письмо, которое я сейчасъ

получилъ, сказалъ однажды Шанто, обращаясь съ встревоженнымъ видомъ къ женѣ, только что вернувшейся изъ Бонвилля.

Письмо было опять отъ Саккаро, и на этотъ разъ угрожающее. Уже съ ноября мѣсяца онъ требовалъ отчета по дѣламъ опеки, а такъ какъ Шанто всякій разъ отдѣлывались разными отговорками, то онъ и предупреждалъ ихъ теперъ, что намѣренъ увѣдомить о ихъ отказѣ семейный совѣтъ. Хотя мадамъ Шанто не признавалась въ этомъ, но и она струсилла не менѣе мужа.

— Мерзавецъ! прошептала она, окончивъ чтеніе письма.

Они молча смотрѣли другъ на друга, оба блѣдные. Среди мертвой тишины, царившей въ маленькой столовой, имъ уже чудился шумъ, поднятый скандальнымъ процессомъ.

— Теперъ уже нечего медлить, снова началъ отецъ;— обвинчай ихъ, благо бракъ освобождаетъ отъ опеки.

Но этотъ исходъ, казалось, съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе нравился матери. Она стала высказывать всякія опасенія. Почему знать, сойдутся-ли молодые люди характерами? Можно быть въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, пока дѣло не дошло до брака, а потомъ жить, какъ кошка съ собакой. Ей уже не разъ, говорила она, приходилось замѣчать пренеприятныя вещи.

— Нѣтъ, знаешь,—съ нашей стороны было-бы непростительно жертвовать ими ради нашего собственнаго спокойствія. Подождемъ еще... Да и зачѣмъ ее теперъ выдавать замужъ? Вѣдь ей въ прошломъ мѣсяцѣ уже минуло восемнадцать лѣтъ, и мы можемъ законнымъ путемъ требовать снятія опеки?

Спокойствіе мало-по-малу возвращалось; она отправилась къ себѣ въ комнату, за кодексомъ, и оба принялись внимательно изучать его. Параграфъ 478-й успокоилъ ихъ, на за то не мало смутилъ параграфъ 480-й, который гласитъ, что отчетъ въ опекѣ дается передъ попечителемъ, который назначается семейнымъ совѣтомъ. Положимъ, всѣ члены этого совѣта были въ ея рукахъ, она заставитъ ихъ назначить, кого ей угодно; но кого выбрать, откуда взять попечителя?—Все дѣло состояло въ томъ, чтобы опаснаго опекуна замѣститъ покладистымъ попечителемъ.

Вдругъ у нея блеснула счастливая мысль.

— А что, если-бы обратиться къ доктору Казнову?.. Ему отчасти извѣстно положеніе этого дѣла; онъ навѣрное не откажетъ.

Шанто одобрительно кивнулъ головой, но вмѣстѣ съ тѣмъ пристально смотрѣлъ на жеву. Его видимо тревожила какая-то новая мысль.

— А деньги ты отдашь? спросилъ онъ, наконецъ;—то есть, знаешь, тѣ, что остались?

Она не сейчасъ отвѣтила, и нѣкоторое время сидѣла, опустивъ глаза, перелистывая книгу нервною рукою. Наконецъ, она выговорила съ условіемъ:

— Разумѣется, отдамъ; и слава Богу, что отдѣлаемся отъ этой обузы. Ты видишь, въ чемъ насъ и безъ того уже обвиняютъ... Право, скоро и сами начнемъ сомнѣваться въ своей честности. Я охотно-бы дала пять франковъ, чтобы сегоднѣ-же вечеромъ ихъ уже не было въ моей конторкѣ. Да и не все-ли равно? Вѣдь рано или поздно все равно пришлось-бы ихъ возвратить.

На слѣдующій-же день, когда докторъ Казновъ, объѣзжавшій каждую субботу своихъ бонвильскихъ паціентовъ, вернулся и къ нимъ, мадамъ Шанто заговорила съ нимъ о серьезной услугѣ, которую вся семья ожидаетъ отъ него, какъ отъ друга. Она призналась, въ какомъ положеніи находятся дѣла опеки, рассказала о деньгахъ, погибшихъ во время катастрофы съ заводомъ, о томъ, что по поводу этихъ затратъ ни разу не обращались за согласіемъ къ семейному совѣту; затѣмъ она остановилась на проектированномъ бракѣ, на связывающихъ всю семью нѣжныхъ узахъ, которыя будутъ порваны въ случаѣ скандала.

Прежде чѣмъ обѣщать свое содѣйствіе, докторъ пожелалъ переговорить съ Полиной. Онъ давно уже догадывался, что ее эксплуатируютъ и мало-по-малу обираютъ. До сихъ поръ онъ молчалъ изъ боязни огорчить ее, но теперь уже почелъ своимъ долгомъ предупредить ее, какъ скоро его пытались слѣлать сообщникомъ преступленія. Объясненіе это происходило въ комнатѣ молодой дѣвушки. Тетка ея присутствовала при началѣ разговора; она зашла къ ней вмѣстѣ съ докторомъ, чтобы заявить, что вопросъ о бракѣ теперь прямо связанъ съ освобожденіемъ изъ опеки, такъ какъ Лазарь никогда не согла-

сится жениться на своей двоюродной сестрѣ, пока его можно будетъ обвинить за это въ намѣреніи избавить такимъ путемъ своихъ родителей отъ отвѣтственности. Затѣмъ она удалилась, желая показать, что ничуть не хочетъ производить какое-бы то ни было давленіе на мысли и рѣшенія той, которую уже напередъ называла своею обожаемою дочерью. Полина, видимо взволнованная, тотчасъ попросила доктора оказать имъ серьезную услугу, необходимость которой только что объяснили ему въ ея присутствіи. Тщетно онъ старался выяснить передъ нею положеніе дѣлъ; она отказывалась отъ всего и слышать не хотѣла о заявленіи какихъ-бы то ни было претензій; наконецъ, онъ не скрылъ отъ нея и своего страха за будущее, намекнулъ, что предвидитъ возможность полного разоренія, неблагогодарности, страданій. Но при каждой новой мрачной чертѣ, которую онъ прибавлялъ къ картинѣ, она протестовала, отказывалась слушать, обнаруживала лихорадочную жажду самопожертвованія.

— Нѣтъ, не старайтесь внушить мнѣ сожалѣніе объ этихъ деньгахъ. Я и безъ того скупая, хоть и не показываю этого; мнѣ ужъ и такъ не легко бываетъ побѣдить въ себѣ это чувство... Пусть они берутъ все; я охотно предоставляю имъ и остатки, если они за это будутъ больше любить меня.

— Да скажите мнѣ, наконецъ, спросилъ докторъ, вѣдь вы приносите эту жертву изъ любви къ своему двоюродному брату?

Она покраснѣла и ничего не отвѣтила.

— А что, если въ послѣдствіи вашъ двоюродный братъ разлюбитъ васъ?

Пораженная этимъ неожиданнымъ вопросомъ, она смотрѣла на него съ изумленьемъ. На глазахъ ея выступили крупныя слезы и со всею энергіей оскорбленной, протестующей любви она воскликнула:

— О, нѣтъ, никогда! Зачѣмъ вы меня такъ мучаете!

Тогда докторъ Казновъ согласился. Онъ не имѣлъ духу подвергнуть это довѣрчивое сердце жестокой операциі, лишитъ его иллюзіи первой любви. Суровая дѣйствительность и безъ него достаточно скоро дастъ себя почувствовать.

Мадамъ Шанто повела это дѣло съ замѣчательною ловкостью опытной интригантки и, воодушевленная борьбою, какъ

будто даже помолодѣла. Она опять отправилась въ Парижъ, запасшись необходимыми полномочіями. Члены семейнаго совѣта были быстро расположены въ пользу ея плана; да они, впрочемъ, никогда и не смотрѣли серьезно на свою миссію и относились къ ней съ обычнымъ равнодушіемъ. Представители вѣтви Кеню, двоюродные братья Ноде, Лиарденъ и Делормъ, вполне раздѣляли ея мнѣнія; а изъ числа трехъ членовъ совѣта, представлявшихъ вѣтвь Лизы, ей пришлось уговаривать только Октава Муре, такъ какъ Клодъ Лантье и Рамбо, жившіе въ то время въ Марсели, удовольствовались тѣмъ, что письменно увѣдомили ее о своемъ согласіи. Она всѣмъ разсказывала одну и ту-же трогательную и нѣсколько запутанную исторію о привязанности стараго арроманшскаго доктора къ Полинѣ, объ очевидномъ его намѣреніи завѣщать ей свое состояніе, если только ему позволить принять болѣе близкое участіе въ устройствѣ ея судьбы. Что-же касается Саккаро, то и онъ, въ концѣ концовъ, согласился, послѣ трехъ визитовъ мадамъ Шанто, которая подала ему блестящую мысль захватить въ свои руки всю торговлю масломъ, производящимся въ Котантепѣ, при помощи новаго способа доставки. Такимъ образомъ весь семейный совѣтъ единодушно провозгласилъ снятіе опеки и назначилъ попечителемъ бывшаго флотскаго доктора Казнова, на счетъ котораго мировой судья получилъ самыя лучшіе отзывы.

Спустя двѣ недѣли послѣ возвращенія мадамъ Шанто въ Бонвиль, провѣрка отчетовъ опеки состоялась чрезвычайно просто. Докторъ остался обѣдать, и все общество нѣсколько долѣе обыкновеннаго просидѣло за столомъ, перебирая послѣднія новости, привезенныя изъ Кана, гдѣ Лазарь только что провелъ два дня по случаю процесса, которымъ грозилъ ему этотъ негодяй Бутиньи.

— Ахъ, да, знаете, Луиза собирается къ намъ на будущей недѣлѣ, сказалъ Лазарь.—Я ее совѣмъ не узналъ; она живетъ теперь у отца и стала такая эффектная, изящная!... Какъ мы съ нею хохотали!

Полина смотрѣла на него, удивленная волненіемъ и теплымъ чувствомъ, звучавшимъ въ его голосѣ.

— А я тоже сообщу вамъ новость, благо заговорили о Луизѣ, воскликнула мадамъ Шанто;—мнѣ пришлось ѣхать съ

одной дамой изъ Кана, которая знаетъ ихъ семью. Можете себѣ представить мое удивленіе: оказывается, что Тибодье даетъ за нею сто тысячъ франковъ. вмѣстѣ съ сотнею тысячъ, которыя достались ей отъ матери, у Луизы, такимъ образомъ, оказывается приданое въ двѣсти тысячъ... Что, вѣдь не дурно? Двѣсти тысячъ франковъ! Теперь она богатая невѣста!

— Совсѣмъ это для нея не такъ важно, продолжалъ Лазарь;—она прехорошенькая... И такая граціозная, ласковая!

Взглядъ Полины омрачился, губы ея нервно сжались. Докторъ, не спускавшій съ нея глазъ, поднялъ рюмку съ ромомъ, которую допивалъ въ эту минуту, и сказалъ:

— А вѣдь мы еще не провозглашали тоста... И такъ, за ваше счастье, друзья мои. Сочетайтесь поскорѣе бракомъ, и дай вамъ Богъ кучу дѣтей.

Мадамъ Шанто медленно, безъ улыбки, протянула свой стаканъ, а Шанто, которому ликеры были строго запрещены, ограничился тѣмъ, что одобрительно закивалъ головою. Но Лазарь схватилъ руку Полины, въ порывѣ неподдѣльнаго, искренняго чувства, и этого одного уже было достаточно, чтобы вся кровь прихлынула къ щекамъ молодой дѣвушки. Не даромъ онъ называлъ ее своимъ свѣтлымъ ангеломъ, не даромъ она была для него неизсякаемымъ источникомъ страсти, оживляющей, обновляющей его геній! Она съ чувствомъ отвѣтила на его рукопожатіе. Всѣ чокнулись и выпили.

— За вашъ столѣтній юбилей, продолжалъ докторъ, утверждавшій, что нормальный, здоровый человѣкъ долженъ прожить, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ.

Теперь поблѣднѣлъ уже Лазарь. Эта случайно брошенная цифра заставила его содрогнуться, вызвала въ немъ представленіе о томъ времени, когда его уже не будетъ на свѣтѣ. Страхъ передъ этимъ несуществующимъ для него будущимъ вѣчно жилъ въ глубинѣ его сознанія и не давалъ ему покоя. Что останется отъ него черезъ сто лѣтъ? Какой неизвѣстный будетъ пить на этомъ мѣстѣ, за этимъ столомъ? Дрожащею рукою онъ поднесъ къ губамъ и выпилъ свою рюмку, между тѣмъ какъ Полина, овладѣвъ другою его рукою, крѣпко жимала ее съ материнскою нѣжностью, словно замѣтивъ, какъ по блѣдному лицу его скользнуло ледяное дыханіе смерти.

Послѣ нѣкотораго молчанія, мадамъ Шанто объявила серьезнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Теперь не мѣшало-бы приступить и къ дѣлу.

Она рѣшила, что документы будутъ подписаны въ ея комнатѣ; это придавало всей церемоніи болѣе торжественный характеръ. Къ тому-же, Шанто, съ тѣхъ поръ какъ принялся за салициловокислый натръ, ходилъ гораздо лучше. Онъ началъ взбираться по лѣстницѣ, вслѣдъ за женою, держась за перила; а когда Лазарь выразилъ-было намѣреніе пойти выкурить сигару на террасѣ, она воротила его и потребовала, чтобы онъ тоже присутствовалъ хоть ради приличія. Полина и докторъ поднялись раньше всѣхъ. Матѣ, удивленный такою необыкновенною процессіей, послѣдовалъ за остальными.

— Что за несносная собака! воскликнула мадамъ Шанто, собираясь затворить дверь; — куда люди, туда непременно и она! Входи, что-ли! Я не хочу, чтобы ты послѣ скреблась въ дверь... Ну вотъ, теперь намъ никто не помѣшаетъ... Видите, у меня все приготовлено.

Дѣйствительно, на кругломъ столѣ стояла чернильница и лежали перья. Въ комнатѣ царствовала затхлая, тяжелая атмосфера и мертвая тишина, свойственныя нежилымъ помѣщеніямъ. Только Минушъ любила нѣжиться здѣсь по цѣлымъ днямъ, когда ей удавалось пробраться въ это тихое уѣжище съ утра. И теперь она спала, потонувъ въ пуховикѣ, а когда растворилась дверь, подняла голову, съ удивленіемъ глядя своими зелеными глазами на это небывалое нашествіе.

— Садитесь, садитесь, повторялъ Шанто.

Дѣла были улажены очень быстро. Мадамъ Шанто сдѣлала видъ, что окончательно ступевывается, предоставляя мужу разыгрывать роль, которую онъ подъ ея-же руководствомъ заучивалъ со вчерашняго дня. Согласно съ требованіемъ закона, Шанто уже десять дней тому назадъ вручилъ Полину, въ присутствіи доктора, всѣ касавшіяся опеки счета, составлявшіе толстую тетрадь, въ которой приходъ отмѣчался съ одной стороны, а расходъ съ другой. Изъ показанной въ приходѣ суммы не только была вычтена плата за содержаніе воспитанницы, но не были забыты даже расходы по составленію довѣренностей, издержки во время поѣздокъ въ Парижъ и Канъ. Теперь, слѣдовательно, оставалось только одно: объявить отчетъ удовле-

творительнымъ и скрѣпить его подписью попечителя. Но Базновъ, относившійся къ своей роли серьезно, заявилъ, что состояніе счетовъ по дѣламъ завода для него не совсѣмъ ясно, и принудилъ Шанто пуститься въ подробныя объясненія. Полина смотрѣла на доктора умоляющимъ взглядомъ. Къ чему все это? Вѣдь она-же сама помогала стряпать эти счета, которые тетка ея, въ заключеніе, переписала своимъ аккуратнымъ, тонкимъ почеркомъ.

Минушъ, тѣмъ временемъ, усѣлась посерединѣ пуховика, видимо заинтересовавшись этою странною церемоніей. Матье, который сначала было спокойно улегся на полу, положивъ свою массивную голову на край ковра, теперь перевернулся на спину, не устоявъ противъ искушенія поваляться на мягкомъ шерстяномъ коврѣ, и принялся перекатываться съ боку на бокъ, оглашая комнату громкимъ ворчаніемъ, которое служило у него признакомъ величайшаго наслажденія.

— Да уйми-же его, Лазарь, сказала наконецъ мадамъ Шанто, выходя изъ терпѣнія.—Вѣдь за этимъ шумомъ ничего не слышно.

Стоя передъ окномъ, молодой человекъ пристально слѣдилъ за мелькавшимъ вдали парусомъ, чтобы скрыть свое смущеніе. Чувство стыда охватило его, покуда онъ слушалъ отца, который съ точностью приводилъ суммы, поглощенные злополучнымъ заводомъ.

— Замолчи, Матье, сказалъ онъ, протягивая ногу.

Собака, вообразившая, что онъ собирается пощекотать ей живость, заворчала еще громче, такъ какъ этотъ видъ ласки всегда приводилъ ее въ особенный восторгъ. Къ счастью, оставалось только подписаться. Полина поспѣшила однимъ движеніемъ пера санкціонировать все, что дѣлалось съ ея имуществомъ; затѣмъ докторъ, какъ будто нѣхотя, намаралъ на гербовомъ листѣ свой громадный росчеркъ. Наступило тягостное молчаніе.

— И такъ, начала мадамъ Шанто,—въ наличности имѣется семьдесятъ-пять тысячъ двѣсти-десять франковъ и тридцать сантимовъ... Я вручу эти деньги Полинь.

Она направилась къ конторкѣ, откинула крышку, и въ комнатѣ снова раздался тотъ скрипъ, который такъ часто волновалъ ее, бывало. Но въ это время вся фигура ея дышала не-

обыкновенною торжественностью; она выдвинула ящикъ, въ которомъ оказался старый переплетъ съ приходорасходной книги; это былъ все тотъ-же истрепанный картонный переплетъ, но онъ значительно похудѣлъ: поубавившаяся пачка бумагъ уже не распирала такъ его кожаного корешка.

— Нѣтъ, тетя, пожалуйста, оставь это у себя! воскликнула Полина.

Но мадамъ Шанто оказалась непоколебимой и какъ будто даже обидѣлась.

— Мы отдали отчетъ, сложили свои обязанности и должны возвратить деньги... Онѣ принадлежатъ тебѣ. Помнишь, что я сказала тебѣ восемь лѣтъ тому назадъ, когда клала ихъ сюда? Мы не возьмемъ изъ нихъ ни единого сантима.

Она вынула процентныя бумаги и заставила молодую дѣвушку пересчитать ихъ. Бумагъ оказалось на семьдесятъ-пять тысячъ франковъ; маленькая кучка золота, завернутая въ кусокъ газетной бумаги, заключала въ себѣ остальное.

— Куда-же мнѣ дѣвать ихъ? спросила Полина, раскраснѣвшаяся, взволнованная отъ непривычки имѣть дѣло съ такими крупными суммами.

— Запри ихъ въ свой коммодъ, сказала тетя.—Ты уже въ такомъ возрастѣ, что можешь сама позаботиться о своихъ деньгахъ. Я даже и видѣть ихъ больше не хочу... Знаешь что? Если онѣ тебѣ въ тягость, отдай ихъ Минушъ; видишь, какъ она умильно на тебя смотреть.

Теперь, когда Шанто расплатились, къ нимъ вернулось и прежнее веселье. Лазарь, у котораго на душѣ тоже стало легче, игралъ съ собакой, заставляя ее ловить хвостъ, изогнувъ спину кольцомъ и кружась на одномъ мѣстѣ, какъ волчокъ; а докторъ Казновъ, входя въ роль попечителя, общалъ Полинѣ ѣздить въ городъ за ея рентой и указывать наиболее выгодный способъ помѣщенія денегъ.

А въ кухнѣ, тѣмъ временемъ, Вероника швыряла и гремѣла своими кострюлями. Она тоже поднималась наверхъ; слушала, приложивъ ухо къ двери и схватила кое-какія цифры. Нѣжное чувство къ молодой дѣвушкѣ, постепенно возникавшее съ нѣкотораго времени въ ея сердцѣ, окончательно изгоняло изъ него послѣдніе слѣды прежняго предубѣжденія.

— А вѣдь они въ самомъ дѣлѣ растратили половину ея

денегъ! ворчала она съ яростью.—Ну, ужъ это безчестно!.. Положимъ, она явилась къ намъ незваная, непрошеная; но развѣ этого достаточно, чтобы потомъ обобратъ ее до нитки?.. Нѣтъ, я человѣкъ справедливый; мнѣ, право, кажется, что я полюблю этого ребенка.

IV.

Въ субботу, когда Луиза, пріѣхавшая погостить въ домѣ Шанто мѣсяца два, выскочила изъ экипажа на ихъ террасѣ, она нашла здѣсь всю семью въ полномъ сборѣ. Жаркій августовскій день близился къ концу; легкій морской вѣтерокъ навѣвалъ прохладу. Аббатъ Гортъръ уже явился и игралъ съ Шанто въ шашки; мадамъ Шанто, сидя возлѣ нихъ, вышивала платокъ. А въ нѣсколькихъ шагахъ Полина стояла передъ каменной скамьей, на которой размѣстились четыре деревенскихъ мальчугана постарше, двое совсѣмъ еще маленькихъ, и четыре дѣвчонки.

— Какъ? Ты ужъ здѣсь? воскликнула мадамъ Шанто.— А я только что складывала работу и собиралась пойти къ тебѣ навстрѣчу до перваго перекрестка.

Луиза веселымъ голосомъ объяснила, что дядя Маливуаръ везъ ее съ быстротою вихря. Она себя чувствуетъ превосходно и не желаетъ даже переимѣнить платье. Въ то время какъ крестная мать ея пошла распорядиться насчетъ ея комнаты, она ограничилась тѣмъ, что повѣсила свою шляпу на одинъ изъ крючковъ, которыми снабжены были ставни. Перецѣловавъ всѣхъ поочереди, она возвратилась къ Полинѣ и обняла ее за талю, веселая, ласковая.

— Да посмотри-же на меня!.. А? Вотъ мы какія большія выросли... Ты вѣдь знаешь, мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ, и я записываюсь въ разрядъ старыхъ дѣвъ...

Она остановилась и съ живостью воскликнула:

— Да, кстати, мнѣ еще нужно тебя поздравить... Ну, ужъ пожалуйста, не прикидывайся дурочкой; я слышала, что торжество назначено на слѣдующій мѣсяць.

Полина отвѣчала на ея ласки съ серьезною нѣжностью старшей сестры, хотя и была моложе ея на полтора года. Щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ: рѣчь шла о ея бракѣ съ Лазаремъ.

— О, нѣтъ, тебя обманули, увѣряю тебя, отвѣтила она.— Срокъ еще не назначенъ; говорили только вообще о нынѣшней осени.

Дѣйствительно, мадамъ Шанто, когда отъ нея потребовали рѣшительнаго отвѣта, сказала, что свадьба будетъ осенью, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ явно выказывала свое несочувствіе къ такому проекту, что даже молодые люди стали это замѣчать. Она опять возвратилась къ своему первому аргументу: ей-бы хотѣлось, говорила она, чтобы сынъ ея сначала составилъ себѣ положеніе.

— Ну, хорошо, продолжала Луиза;—ты, я вижу, секретничаешь.—Во всякомъ случаѣ, я буду на твоей свадьбѣ, не правда-ли?.. А Лазарь развѣ нѣтъ дома?

Шанто, которому аббатъ только-что нанесъ новое пораженіе, отвѣтилъ на ея вопросъ:

— Такъ, значить, ты его не встрѣтила, Луизочка? Мы только что говорили, что вы непременно встрѣтитесь... Да, онъ отправился въ Байз, къ су-префекту, по одному дѣлу. Впрочемъ, онъ навѣрное вернется сегодня-же вечеромъ, хотя, быть можетъ, и поздно.

Принимаясь снова за игру, онъ продолжалъ:

— Мнѣ начинать, аббатъ... Знаете, вѣдь плотина-то у насъ наконецъ будетъ; департаментъ не можетъ отказать намъ въ субсидіи.

Эта плотина была новая фантазія, за которую съ энтузіазмомъ ухватился Лазарь. Во время послѣднихъ мартовскихъ приливовъ, еще два дома въ Бонвилѣ были разрушены и снесены волнами. Надвигаясь все ближе и ближе, отрывая клочокъ за клочкомъ, море грозило окончательно придавить къ отвѣсной, скалистой стѣнѣ жалкую деревушку, вытянувшуюся вдоль узкой береговой полосы изъ булыжника, если для огражденія ея не будутъ приняты серьезныя мѣры. Но эти тридцать хижинъ имѣли такое ничтожное значеніе, что Шанто, въ качествѣ мэра, вотъ уже десять лѣтъ тщетно старался 'обратить вниманіе су-префекта на отчаянное положеніе жителей. Наконецъ, Лазарю, подъ вліяніемъ Полины, которая во что-бы то ни стало хотѣла побудить его къ дѣятельности, пришла въ голову мысль соорудить цѣлую систему свай и щитовъ, посредствомъ которыхъ онъ надѣялся обуздать море. Но на та-

кое предпріятіе необходимы были деньги,—тысячъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ.

— А эту я у васъ фукну, мой другъ, сказалъ священникъ, беря пашку.

Затѣмъ онъ преобязательно сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ прошлой исторіи Бонвиля.

— Старики говорятъ, что подь самую церковь, на разстояніи километра отъ теперешняго берега, стояла ферма. Уже слишкомъ пятьсотъ лѣтъ море пожираетъ у нихъ жилище за жилищемъ... Я объясняю себѣ это только тѣмъ, что они изъ поколѣнія въ поколѣніе искупаютъ такимъ образомъ свои грѣхи.

Тѣмъ временемъ, Полина вернулась къ скамьѣ, на которой, разинувъ ротъ, сидѣло четверо ребятъ, грязныхъ, оборванныхъ.

— Это что такое? спросила Луиза, не рѣшаясь подойти ближе.

— Это мои маленькіе друзья, отвѣтила Полина.

Теперь она уже распространила свою благотворительную дѣятельность на всю окрестность. Она инстинктивно любила всякое несчастное, страдающее существо, не брезгала окружавшею ихъ грязью, доходила въ своемъ пристрастіи до того, что перевязывала и скрѣпляла палочками перешибленные ноги куръ и выставляла на ночь за дверь блюда съ супомъ для бездомныхъ кошекъ. Заботиться о чужихъ страданіяхъ и облегчать ихъ—было для нея потребностью и наслажденіемъ. И бѣдные стекались къ ея протянутымъ рукамъ, какъ воробьяты воробьи слетаются къ раствореннымъ окнамъ риги. Все населеніе Бонвиля, эта горсть рыбаковъ, жившихъ самою жалкою жизнью подь вѣчнымъ гнетомъ грозныхъ приливовъ, ходило къ «барышнѣ», какъ ее называли мѣстные жители. Но она питала особенное пристрастіе къ дѣтямъ, къ чумазымъ мальчуганамъ въ дырявыхъ штанишкахъ, сквозь которыя сверкало ихъ розовое тѣло, къ блѣднымъ, худенькимъ дѣвочкамъ, которыя никогда не наѣдались досыта и съ жадностью посма тривали на ломти хлѣба съ масломъ, которыми она одѣляла ихъ. И хитрые родители ловко пользовались этимъ пристрастіемъ, подсылали къ ней самыхъ оборванныхъ, самыхъ тщедушныхъ дѣтей, чтобы еще пуще разжалобить ее.

— Ты видишь, продолжала она, смѣясь,—у меня, какъ у дамы, свой пріемный день,—суббота. Въ этотъ день ко мнѣ являются съ визитами... Эй, ты, маленькая Гонень, зачѣмъ щиплешь этого верзилу Гутляра? Я разсержусь, если вы будете дурачиться... Ну, начнемъ по порядку.

Затѣмъ началась раздача. Она командовала ими, урезони-вала ихъ съ любовною строгостью матери. Первымъ выступилъ при переключкѣ сынъ Гутляра, десятилѣтній мальчикъ съ землисто-желтымъ лицомъ, смотрѣвшій пасмурно и изподлобья. Онъ показалъ свою руку, на которой возлѣ локтя видна была большая ссадина; отецъ послалъ его къ барышнѣ, чтобы она приложила къ ранѣ какого-нибудь снадобья. Она поставляла на всю деревню арнику и свинцовую примочку. Страсть къ врачеванью заставила ее мало-по-малу обзавестись довольно полною аптекою, которая составляла предметъ ея гордости. Перевязавъ руку ребенку, она въ полголоса стала рассказывать Луизѣ кое-какія подробности относительно его домашнихъ условій.

— Вѣдь эти Гутляры богатые люди, единственные зажиточные рыбаки во всемъ Бонвилѣ. Ты знаешь, большая лодка принадлежитъ имъ... Но при этомъ—ужасные скраги, живутъ какъ собаки, въ невообразимой грязи. И вообрази себѣ, что отецъ, уморившій постоянными побоями первую жену, женился на своей служанкѣ, которая безсердечно жестокостью превзойдетъ, пожалуй, даже его самого; и теперь они вдвоемъ истязаютъ это несчастное существо.

Не замѣчая выраженія тревожной галливости, появившагося на лицѣ ея подруги, она возвысила голосъ:

— Теперь твоя очередь, дѣвчурка... Выпила ты свою стклянку хиннаго вина?

Это была дочь пономаря, Пруана. Вылитая святая Тереза въ дѣтскомъ возрастѣ, покрытая золотушными болячками, страшно худая, съ большими, выпученными глазами, въ которыхъ уже свѣтилась истерія. Ей было одиннадцать лѣтъ, но, судя по наружному виду, можно было принять ее за семилѣтнюю дѣвочку.

— Да, барышня, пролепетала она,—я выпила.

— Лгунья! крикнулъ священникъ, не отрывая глазъ отъ

шашечной доски;—отъ отца твоего еще вчера вечеромъ разило виномъ.

Полина не на шутку разсердилась. У Пруановъ не было своей лодки, они собирали крабовъ, ракушекъ и кормились ловлею креветокъ. Но, благодаря мѣсту пономаря, они не терпѣли-бы недостатка въ хлѣбѣ, если-бы не проклятое пьянство. Отецъ и мать то и дѣло валялись на порогѣ своей хижины, ошеломленные ужасною нормандскою водкою, а дѣвочка, перешагнувъ черезъ пьяныхъ родителей, допивала ихъ стаканы. Когда не было водки, Пруанъ пилъ хинное вино своей дочери.

— А я-то стараюсь, настаиваю его! горячилась Полина.— Послушай, я оставлю стклянку у себя, ты будешь пить его здѣсь каждый вечеръ, въ пять часовъ... Кромѣ того, я буду давать тебѣ немного рубленого сырого мяса; докторъ находить, что это для тебя необходимо.

Слѣдующимъ по очереди оказался большой мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, сынъ Кюша, тщедушный, уже истощенный ранними пороками. Она вручила ему хлѣбъ, сосудъ съ супомъ и пятифранковую монету. И въ этой семьѣ тоже разыгралась возмутительная семейная драма. Послѣ того какъ рухнулъ ихъ домъ, Кюшъ бросилъ жену и поселился у своей двоюродной сестры, а несчастная женщина, пріютившаяся теперь въ какой-то развалившейся таможенной будкѣ, спала со всею деревнею, несмотря на то, что была дурна, какъ смертный грѣхъ. Платили ей по большей части съѣстными припасами, а иногда давали три су. Мальчикъ, которому приходилось быть свидѣтелемъ этихъ сценъ, чуть не умиралъ съ голода. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ улепетывалъ, какъ дикая коза, каждый разъ, когда заговаривали о необходимости извлечь его изъ этой клоаки.

Луиза отвертывалась съ сконфуженнымъ видомъ, въ то время, какъ Полина рассказывала ей эту исторію безъ малѣйшихъ признаковъ смущенія. Послѣдняя росла на свободѣ, съ спокойною храбростью милосердія снисходила къ порокамъ несчастнаго человѣка, знала все и обо всемъ говорила съ цѣломудренною искренностью. Луиза, напротивъ, просвѣщенная десятилѣтнею пансіонскою жизнью, краснѣла отъ образовъ, которые вызывались разговоромъ въ ея головѣ, переполненной

дуртуарными мечтами. Это были вещи, о которыхъ можно было думать, но говорить о нихъ не слѣдовало.

— Смотри, продолжала Полина,—вотъ видишь эту девятилѣтнюю, бѣлокурую дѣвочку, такую розовую, хорошенькую; это дочь Гоненовъ, у которыхъ теперь поселился Кюшь... Эти Гонены жили, не нуждаясь, имѣли собственную лодку; но у отца отнялись ноги, вслѣдствіе паралича, который часто встрѣчается въ нашихъ деревняхъ; и вотъ Кюшь, служившій у него сначала простымъ матросомъ, прибралъ къ рукамъ и лодку, и жену. Теперь домъ принадлежитъ ему, онъ награждаетъ тумаками больного хозяина, высокаго старика, который и день и ночь проводитъ въ какомъ-то старомъ ящикѣ изъ подъ угля, между тѣмъ, какъ матросъ съ хозяйкою занимаютъ кровать, стоящую въ той-же комнатѣ... Вотъ я и стараюсь заботиться о ребенкѣ. Къ несчастью, и на ея долю выпадаютъ побои; къ тому-же она не по лѣтамъ развита и насмотрѣлась на тавія вещи...

Она остановилась и стала спрашивать дѣвочку:

— Ну, что у васъ въ домѣ новаго?

Ребенокъ не покидалъ глазами Полины въ то время, какъ она въ полголоса сообщала эти подробности. Хорошенькое личико дѣвочки, уже развращенной ежедневнымъ житейскимъ опытомъ, лукаво улыбалось; она догадывалась, о чемъ говорила барышня.

— Они его опять били, отвѣтила она, не переставая улыбаться.—Сегодня ночью мама встала и взяла полѣно... Ахъ, барышня, вы-бы ему послали хоть капельку вина; а то они поставили возлѣ ящика кружку съ водою и кричали, что больше ничего не дадутъ, что пора ему околѣвать.

Луиза не могла удержаться отъ негодующаго жеста. Какіе возмутительные люди! И подруга ея интересовалась этою грязью! Возможно-ли, чтобы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ такого большого города, какъ Канъ, существовали грущобы, жители которыхъ ничѣмъ не отличаются отъ дикарей? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только дикари могли попирать такъ возмутительно всѣ законы, провозглашенные Богомъ и людьми.

— Нѣтъ, моя милая, сказала она, усаживаясь возлѣ Шанто,—избавь меня отъ своихъ маленькихъ друзей... Пускай ихъ пожираетъ море; я плакать по нихъ не буду.

Аббатъ, которому удалось, наконецъ, выйти въ дамки, воскликнулъ:

— Гоморра и Содомъ!... Двадцать лѣтъ я ихъ предостерегаю. Коли не хотятъ слушать, тѣмъ хуже для нихъ!

— Я добивался, чтобы въ деревнѣ открыли школу, сказалъ Шанто, огорченный неудачнымъ ходомъ игры.—Но наведеніе не достаточно многочисленно; дѣтей нужно посылать въ Вершмонъ, и въ результатѣ оказывается, что они или вовсе не посѣщаютъ классовъ, или большую часть времени дурачатся по дорогѣ.

Полина смотрѣла на нихъ съ удивленіемъ. Если-бы бѣдники были чисты, то незачѣмъ было-бы и обмывать ихъ. Болѣзнь и нищета слишкомъ тѣсно соприкасались; она не чувствовала и малѣйшаго отвращенія при видѣ чужого страданія, даже если оно являлось послѣдствіемъ порока. Выразивъ широкимъ жестомъ свою безграничную терпимость въ милосердіи, она снова обратилась къ дѣтямъ и общала маленькой Гоненъ навѣститъ ея отца; но въ эту минуту на террасѣ появилась Вероника, сопровождавшая новую дѣвочку.

— Вотъ вамъ, барышня, и еще одна попрошайка.

Это была крошечная дѣвочка, лѣтъ пяти, не больше, одѣтая въ какіе-то лохмотья, съ почернѣвшимъ отъ грязи лицомъ и растрепанными волосами.

Съ необыкновеннымъ апломбомъ опытной нищенки, уже привыкшей кланчить по большимъ дорогамъ, она затараторила ноющимъ голосомъ:

— Смилуйтесь, Христа ради... Бѣдный мой отецъ сломалъ себѣ ногу...

— Вѣдь это дочь Турмаля, не правда-ли? спросила Полина, обращаясь къ служанкѣ.

Но священникъ пришелъ въ негодованіе.

— Ахъ ты, негодница! Не слушайте ея; ужъ двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отецъ ея ушибъ себѣ ногу... Вся семья у нихъ воровская, только тѣмъ и живутъ, что награбятъ! Отецъ помогаетъ контрабандистамъ, мать воруетъ что попало на вершмонскихъ поляхъ, а дѣдъ ходитъ по ночамъ въ Рокбуазъ ловить устриць въ казенномъ садкѣ... А вотъ теперь и изъ дочери сдѣлали нищую, воровку, которую они посылаютъ всюду, чтобы высматривала, гдѣ что

плохо лежить... Смотрите, какъ она косится на мою табакерку.

Дѣйствительно, быстрые глаза ребенка, обшаривъ всѣ углы террасы, вспыхнули мимолетнымъ огонькомъ при видѣ старой табакерки священника. Но она не теряла своего апломба и преспокойно продолжала, какъ будто священникъ и не думалъ рассказывать ихъ исторію:

— Отецъ сломалъ ногу... Подайте что-нибудь, добрая барышня...

На этотъ разъ Луиза разсмѣялась, до такой степени этотъ пятилѣтній выкидышъ, уже продувной и хитрый не меньше отца и матери, казался ей забавнымъ. Полина, попрежнему серьезная, достала изъ кармана свое портмоне и вынула новую пятифранковую монету.

— Послушай, сказала она,—я буду тебѣ давать каждую субботу столько-же, если буду знать, что ты въ теченіи недѣли не таскалась по дорогамъ.

— Спрячьте столовые приборы! крикнуть опять аббатъ Гортэръ.—Она все стащить.

Но Полина, не отвѣчая, отпустила дѣтей, которые уходили, шлепая своими башмаками, пробормотавъ: «Покорно благодарю» или «да воздастъ вамъ Богъ!» Тѣмъ временемъ, мадамъ Шанто, возвратившаяся послѣ осмотра комнаты, приготовленной для Луизы, напустилась на Веронику и шопотомъ журила ее:—Это просто невыносимо: теперь и служанка принялась водить въ домъ нищихъ! Ужь, кажется, сама барышня стоняетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ! Все это неблагодарная сволочь, которая обираетъ ее, а потомъ надъ нею-же и смѣется! Конечно, деньги принадлежать ей; она можетъ ихъ хотъ за окошко выдать, но поощрять порокъ, наконецъ, просто безнравственно.—Мадамъ Шанто слышала, какъ молодая дѣвушка обѣщала дарить каждую недѣлю по пяти франковъ маленькой Турмаль. Опять двадцать франковъ въ мѣсяцъ! Видъ такимъ образомъ даже состоянія сатрапа не хватить.

— Знаешь, я не желаю, чтобы эта воровка продолжала ходить сюда, сказала она Полинь.—Ты, положимъ, имѣешь право располагать своими средствами, но, съ другой стороны, не могу-же я позволить тебѣ такъ глупо раззоряться. Я несю

нравственную отвѣтственность. Да, милая, — раззоряться; это очень легко, легче, чѣмъ ты думаешь.

Вероника, которая вернулась въ свою кухню, взбѣшенная выговоромъ барыни, теперь снова показалась на порогѣ и грубо крикнула:

— Булочникъ пришелъ... Требуется денегъ по счету, — сорокъ-шесть франковъ и десять сантимовъ.

Мадамъ Шанто видимо, всполошилась и моментально умолкла. Она пошарила въ карманахъ, выразила на лицѣ своемъ удивленное недоумѣніе и, наконецъ, еще болѣе понизивъ голосъ, обратилась къ племянницѣ:

— Послушай, Полина, нѣтъ-ли при тебѣ денегъ?.. У меня нѣтъ мелочи, а подниматься наверхъ не хочется. Послѣ сочтемся.

Полина послѣдовала за служанкой, чтобы расплатиться съ булочникомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ деньги лежали въ ея коммодѣ, та-же самая комедія разыгрывалась каждый разъ, когда приносили какой-нибудь счетъ. Это была правильная эксплуатация въ видѣ постоянныхъ маленькихъ займовъ, эксплуатация, казавшаяся вполне естественною. Теперь теткѣ не было даже надобности лазить каждый разъ въ конторку; она прямо требовала необходимую сумму и предоставляла племянницѣ обирать себя собственноручно. Сначала еще, отъ времени до времени, рассчитывались, отдавали ей десять, пятнадцать франковъ; но потомъ счеты до такой степени запутались, что уже ограничивались одними разговорами о необходимости свести ихъ въ послѣдствіи, послѣ свадьбы. Впрочемъ, это нисколько не мѣшало Полинѣ аккуратно платить перваго числа каждого мѣсяца за свое содержаніе, которое, по новому расчету, введенному съ іюля, стоило ежемѣсячно девяносто франковъ.

— Опять ваши денежки заплясали! ворчала Вероника въ корридорѣ. — Я бы на вашемъ мѣстѣ не поцеремонилась, послала-бы ее искать свою мелочь!.. Развѣ можно позволять себя стричь, какъ овечку?

Когда Полина вернулась съ подписаннымъ счетомъ, который она вручила теткѣ, священникъ ликовалъ. Шанто еще разъ потерпѣлъ поражение; нѣтъ, ужъ видно ему не суждено было выиграть ни одной партіи. Солнце садилось; подъ его косыми лучами лѣниво прибывавшее море принимало багро-

вый оттѣнокъ. Луиза, устремившая взоръ въ пространство, улыбалась радостному сіянію неизмѣримаго горизонта.

— А наша Луизетта унеслась въ заоблачныя страны, сказала мамѣ Шанто.— Луиза, Луизочка, слушай, я велѣла отнести твой чемоданъ навверхъ... Опять привелось намъ быть сосѣдками!

Лазарь вернулся только на слѣдующій день. Побывавъ въ Байѣ, у су-префекта, онъ рѣшился заодно съѣздить и въ Канъ, чтобы переговорить съ префектомъ. Хотя субсидія и не была еще у него въ карманѣ, но онъ былъ убѣжденъ, что генеральный совѣтъ разрѣшитъ выдать ему по крайней мѣрѣ двѣнадцать тысячъ франковъ. Префектъ проводилъ его до самой двери, формально обѣщавъ ему свое содѣйствіе: предоставить Бонвиль своей судьбѣ невозможно; администрація готова поддержать полезное дѣло, задуманное жителями общины. Тѣмъ не менѣе, Лазарь уже готовъ былъ отчаяться, потому что предвидѣлъ всякаго рода проволочки, а для него малѣйшая отсрочка въ осуществленіи задуманнаго была равносильна пыткамъ.

— Честное слово! кричалъ онъ;—если-бы у меня было двѣнадцать тысячъ франковъ, я предпочелъ-бы затратить свои деньги... Впрочемъ, для перваго опыта не было даже надобности въ такой суммѣ... Вы увидите, какія начнутся исторіи, когда субсидія будетъ наконецъ ассигнована! Къ намъ понайдутъ инженеры со всего департамента. А вотъ если-бы мы начали безъ нихъ, такъ потомъ имъ поневолѣ пришлось-бы преклониться передъ очевидными результатами... Въ проектѣ своемъ я увѣренъ. Префектъ, которому я его изложилъ въ короткихъ словахъ, былъ изумленъ дешевизною и простотою моей системы.

• Надежда побѣдить море приводила его въ лихорадочную агитацию. Онъ сохранилъ противъ него злобное чувство, съ тѣхъ поръ, какъ въ глубинѣ души обвинялъ его за свое раззореніе въ дѣлѣ съ водорослями. Не рѣшаясь ругать его вслухъ, онъ носился съ мыслью отмстить когда-нибудь этому коварному врагу. И какъ блистательно осуществится эта месть, если онъ положить предѣлъ его слѣпому разрушенію и повелительно крикнетъ: «Ни шага далѣе!» Къ тому-же, кромѣ прелести такой грандіозной борьбы съ стихіей, это предпріятіе

привлекало своимъ филантропическимъ характеромъ, который уже окончательно вскружилъ ему голову. Когда мать увидѣла, какъ онъ по цѣлымъ днямъ стругаетъ какія-то палочки, уткнувши носъ въ сочиненія по механикѣ, она не безъ страха вспомнила про его дѣда, того предприимчиваго плотника, безполезное произведеніе котораго дремало теперь подъ стекляннымъ колпакомъ. Неужели старикъ воскреснетъ въ лицѣ внука, чтобы довершить раззореніе семьи? Но затѣмъ и она поддавалась убѣжденіямъ обожаемаго сына. Если предпріятіе его удастся,—а не удался оно не могло,—то это будетъ первымъ шагомъ, благимъ, полезнымъ дѣломъ, безкорыстнымъ подвигомъ, который сразу выдвинетъ его впередъ; тогда уже передъ нимъ откроется широкая дорога, по которой онъ пойдетъ далеко, достигнетъ самыхъ высокихъ положеній, всего, къ чему бы ни повлекло его честолюбіе. Начиная съ этого дня, весь домъ только о томъ и мечталъ, какъ Лазарь укротитъ чудовище-море, закуетъ его въ цѣпи вотъ здѣсь, у подножія террасы, къ которой оно будетъ смиренно, покорно подползать, какъ наказанная собака.

Впрочемъ, проектъ Лазаря, какъ онъ и самъ говорилъ, отличался необыкновенною простотою. Главную преграду составляли толстыя сваи, вбитыя въ песокъ и соединенныя досчатыми щитами, за которыми долженъ былъ свопляться приносимый моремъ булыжникъ. Такимъ образомъ, на само море возлагалась обязанность построить тотъ редуть, который впоследствии остановить его, такъ какъ скончившійся за досками булыжникъ (современемъ) долженъ былъ образовать несокрушимую стѣну, о которую не могли не разбиваться самыя могучія волны. Длиныя бревна на крѣпкихъ устояхъ, расположенныя на нѣкоторомъ разстояніи передъ этими стѣнами, въ качествѣ волноломовъ, должны были окончательно упрочить плотину. Наконецъ, если позволять средства, онъ предполагалъ соорудить еще два или три большихъ плота на деревянныхъ срубахъ, которые сдерживали-бы напоръ волнъ во время самыхъ сильныхъ приливовъ. Основную идею этой системы Лазарь нашелъ въ «Руководствѣ искуснаго плотника», старинной книгѣ съ грубыми, незатѣйливыми чертежами, безъ сомнѣнія купленной когда-то еще дѣдомъ; но онъ развилъ эту идею, подвергнувъ ее серьезной, научной провѣркѣ, изучалъ

теорію силъ, сопротивленіе матеріаловъ, въ особенности-же гордился какимъ-то новымъ, изобрѣтеннымъ имъ способомъ скрѣпленія отдѣльныхъ составныхъ частей системы и особеннымъ наклономъ волноломовъ, благодаря которымъ успѣхъ предпріятія не могъ подлежать никакому сомнѣнію.

Полина опять заинтересовалась его занятіями. Въ ней, точно такъ-же какъ и въ ея двоюродномъ братѣ, любопытство безпрестанно подстрекалось опытами, которые вводили ее въ новыя, невѣдомыя области. Но располагая большою дозою хладнокровія, она въ то-же время не скрывала отъ себя возможности неудачи. Глядя, какъ громадныя волны прилива свирѣпо бичевали берегъ, она съ невольнымъ сомнѣніемъ поглядывала на приготовленныя Лазаремъ игрушки, на ряды свай, волноломовъ и плотовъ въ миниатюрѣ. Большая комната была теперь завалена этими моделями.

Однажды вечеромъ молодая дѣвушка долго, до поздней ночи сидѣла у отвореннаго окна. Въ теченіи послѣднихъ двухъ дней двоюродный братъ ея нѣсколько разъ уже заявлялъ о своемъ намѣреніи все сжечь; не далѣе какъ въ этотъ вечеръ, за столомъ, онъ воскликнулъ, что уѣдетъ въ Австралію, если ужъ оказывается, что во Франціи для него нѣтъ мѣста. Теперь она думала обо всемъ этомъ, между тѣмъ какъ бушевавшее море въ глубинѣ ночного мрака громило Бонвиль. Она вздрагивала при каждомъ ударѣ, ей казалось, что черезъ кровельные промежутки, до слуха ея доносится вопль несчастныхъ, которыхъ пожирало море. Наконецъ, подрывавшая ея душу глухая борьба между любовью къ деньгамъ и добротой стала невыносима. Она затворила окно, чтобы не слышать этихъ звуковъ. Но отдаленные удары потрясали ее даже въ постели. Отчего не попытать даже невозможнаго? Отчего не бросить въ воду эти деньги, если есть хоть слабая надежда спасти деревню? Къ утру она заснула, мечтая о томъ, какъ обрадуется ея двоюродный братъ, какъ онъ сброситъ съ себя гнетущую, мрачную тоску и, быть можетъ, станетъ, наконецъ, на свой истинный путь, осчастливленный ею, обязанный ей всѣмъ.

На другой день, прежде чѣмъ спуститься внизъ, она позвала его и, улыбаясь, сказала:

— Вообрази, мнѣ снилось, что я даю тебѣ взаймы двѣнадцатъ тысячъ франковъ.

Онъ разсердился и слышать не хотѣлъ о подобномъ предложеніи.

— Видно тебѣ хочется, чтобы я уѣхалъ и никогда не возвратился!.. Нѣтъ, довольно съ меня завода. Я готовъ умереть отъ стыда каждый разъ, какъ вспомню о немъ, хотя и не говорю тебѣ объ этомъ.

Два часа спустя, онъ уже соглашался и пожималъ ея руки въ порывѣ страстной признательности. Впрочемъ, это не болѣе, какъ заемъ, на очень короткій срокъ; на этотъ разъ деньги ея не подвергаются ни малѣйшему риску, такъ какъ въ согласіи генеральнаго совѣта относительно выдачи субсидіи сомнѣваться невозможно, въ особенности теперь, когда онъ уже приступитъ къ осуществленію проекта. Въ тотъ-же вечеръ былъ призванъ арроманшскій плотникъ. Начались нескончаемыя совѣщанія, прогулки вдоль морского берега, ожесточенныя схватки по поводу смѣты расходовъ. Всѣ въ домѣ ходили словно помѣшанные.

А между тѣмъ мадамъ Шанто почему-то разсердилась, когда узнала, что сынъ ея занялъ у Полины двѣнадцать тысячъ франковъ. Лазарь удивлялся и не могъ постичь причины этого глѣва. Мать осаждала его какими-то странными аргументами: Полина, правда, отъ времени до времени давала имъ взаймы небольшія суммы; но теперь она, пожалуй, еще вообразить себѣ, что безъ нея и обойтись нельзя. Развѣ онъ не могъ обратиться за этими деньгами къ отцу Луизы? Вѣдь вотъ, у Луизы двѣсти тысячъ франковъ приданого, а она далеко не такъ важничаетъ своимъ богатствомъ. Эти двѣсти тысячъ франковъ не сходили съ языка у мадамъ Шанто; она, казалось, затаила въ своемъ сердцѣ чувство озлобленнаго презрѣнія къ жалкимъ остаткамъ того богатства, которое такъ быстро убывало въ конторкѣ и продолжало убывать въ коммодѣ.

Шанто, подстрекаемый женою, тоже прикинулся недовольнымъ. Полина была глубоко огорчена такимъ отношеніемъ къ ея поступку; отдавая послѣднія деньги, она чувствовала, что ее любили меньше прежняго; вокругъ нея постепенно росло глухое, непонятное для нея озлобленье. Докторъ Казновъ тоже ворчалъ, когда она совѣтовалась съ нимъ ради соблюденія формальности. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ не соглашаться на выдачу всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ суммъ, которыя

Полина раздавала направо и налѣво. Его попечительство было чистѣйшею фикціей; онъ былъ совершенно безоруженъ въ этомъ домѣ, гдѣ его принимали какъ стараго друга. Когда рѣчь зашла о двѣнадцати тысячахъ франковъ, онъ формально отказался отъ всякой отвѣтственности.

— Дитя мое, сказалъ онъ, отводя Полину въ сторону, — я не желаю долѣе оставаться вашимъ сообщникомъ. Раззоряйтесь, если это вамъ нравится, но перестаньте обращаться ко мнѣ за совѣтами... Вѣдь вы знаете, что я не въ состояніи отказать вамъ, когда вы меня о чемъ-нибудь просите, а потомъ меня мучать угрызения совѣсти... Я предпочитаю не знать того, чего не могу одобрить.

Она смотрѣла на него, тронутая его участіемъ, со слезами на глазахъ, и послѣ нѣкотораго молчанія сказала:

— Благодарю васъ, добрѣйшій докторъ... Но, право, мнѣ кажется, такъ лучше. Что за бѣда, если я счастлива!

Онъ взялъ ее за руки, и, пожимая ихъ съ отеческою нѣжностью, сказалъ взволнованнымъ, печальнымъ голосомъ:

— Да, если вы счастливы... Но, повѣрьте, иногда и несчастье покупается дорогою цѣною.

Въ пылу битвы противъ моря, Лазарь, разумѣется, совсѣмъ забросилъ музыку. Слой мелкой пыли снова покрылъ фортепьяно; партитура его знаменитой симфоніи покоилась въ глубинѣ какого-то ящика, благодаря Полину, которая собрала отдѣльные листы, валявшіеся подъ столами и стульями. Къ тому-же, нѣкоторые отдѣлы уже не удовлетворяли его; такъ, напримѣръ, прелесть глубокаго покоя съ наступленіемъ вѣчнаго царства смерти, выраженную у него тривиальнымъ темпомъ вальса, быть можетъ лучше было передать въ формѣ очень замедленнаго марша. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ объявилъ, что намѣренъ все передѣлать, когда у него будетъ время. Вспышки страсти, томительное чувство смущенія, проглядывавшее въ его ежедневныхъ отношеніяхъ къ молодой дѣвушкѣ, казалось, также исчезли вмѣстѣ съ лихорадкою гениальныхъ порывовъ. Эта страсть была въ его глазахъ тоже своего рода великимъ подвигомъ, осуществленіе котораго онъ, повидимому, могъ по произволу ускорять или замедлять, откладывая его до болѣе удобнаго времени. Онъ опять сталъ относиться къ двоюродной сестрѣ какъ къ старому другу,

какъ къ законной женѣ, которая готова отдаться ему во всякое время, лишь только онъ раскроетъ объятія. Къ тому-же, съ наступленіемъ весны, они уже не жили тѣсною, комнатною жизнью, горящія щеки ихъ остыли подъ свѣжимъ вѣтромъ. Большая комната опустѣла; они оба проводили цѣлые дни на скалистомъ берегу передъ Бонвилемъ, намѣчая тѣ мѣста, гдѣ слѣдовало расположить палиссы и вбить сваи. Промочивъ ноги, они возвращались домой усталые и чистые, какъ въ дни далекаго дѣтства. Когда Полина, чтобы подразнить его, начинала играть знаменитый «Маршъ смерти», Лазарь восклицалъ:

— Перестань, пожалуйста!.. Охота тебѣ заниматься этими глупостями!

Въ тотъ самый вечеръ, когда явился для первыхъ совѣщаній плотникъ, Шанто заболѣлъ новымъ приступомъ подагры. Теперь эти приступы повторялись почти каждый мѣсяць; салициловокислый натръ, который въ первое время нѣсколько облегчилъ страданія, впоследствии, казалось, удвоилъ ихъ силу. Такимъ образомъ, Полина оказалась на двѣ недѣли прикованною къ постели больного. Лазарь, продолжавшій свои изысканія на берегу моря, сталъ уводить съ собою Луизу, чтобы удалить ее отъ больного, который пугалъ ее своими криками. Занимая комнату, расположенную какъ разъ надъ прежнею гостинною, въ которой спалъ теперь Шанто, она по ночамъ, чтобы заснуть, зажимала себѣ уши и зарывалась головою въ подушки. Но внѣ дома къ ней снова возвращалось обычное веселіе, она улыбалась, приходила въ восхищеніе отъ прогулокъ и забывала про бѣднаго страдальца, не перестававшаго оглашать весь домъ своимъ воплемъ.

Эти двѣ недѣли прошли превесело. Вначалѣ Лазарь не безъ удивленія присматривался къ своей новой подругѣ. Ея общество занимало его, какъ пріятное разнообразіе. Она вскрикивала, когда задѣвала ботинкой за краба, и до такой степени боялась воды, что приходила въ ужасъ, когда нужно было перепрыгнуть черезъ лужу. Булыжникъ рѣзалъ ея маленькія ножки; она ни на минуту не разставалась съ своимъ зонтикомъ и носила перчатки, доходившія до локтей, боясь выставить на солнце малѣйшую частицу своей нѣжной кожи. Затѣмъ, когда сгладилося первое удивленіе, онъ невольно под-

дался обаянію ея боязливой граціи, этой женственной слабости, всегда готовой прибѣгнуть къ его покровительству. Отъ нея вѣяло не запахомъ свѣжаго воздуха, какъ отъ Полины, а опьяняющимъ, теплымъ благоуханіемъ геліотропа; словомъ, это былъ уже не мальчикъ, а женщина, и одинъ видъ ея чулокъ, показавшихся на мгновеніе во время порыва вѣтра, заставлялъ сильнѣе биться его сердце. А между тѣмъ она была менѣе красива, чѣмъ Полина, старше ея и не такъ свѣжа; но все существо ея было пронизано какою-то особенною ласкающею прелестью, вся ея изящная, кокетливая фигурка сулила ласку и наслажденіе. Ему казалось, какъ будто онъ только теперь внезапно открылъ ее; ничто не напоминало въ ней прежней худенькой дѣвочки. Возможно-ли, чтобы долгіе годы пансіонской жизни превратили ее въ такое очаровательное существо, уже полное помыслами о мужчинѣ, несмотря на свою дѣвственность, съ наивнымъ взглядомъ, въ глубинѣ котораго свѣтилась вся ложь свѣтскаго воспитанія? Мало-по-малу онъ сталъ чувствовать къ ней какое-то влеченіе, родъ страсти съ отѣнкомъ утонченной, развратной чувственности, развившейся на почвѣ прежней дѣтской дружбы.

Когда Полина могла, наконецъ, покинуть комнату дяди и снова начала сопровождать Лазаря, она тотчасъ почувствовала въ его отношеніяхъ къ Луизѣ какой-то новый элементъ, замѣчала взгляды, смѣхъ, значеніе которыхъ было для нея непонятно. Добившись отъ нихъ отвѣта относительно причины такого веселья, она совсѣмъ не находила ее смѣшною. Сначала она относилась къ нимъ съ материнскою снисходительностью, называла ихъ сумасшедшими, готовыми хохотать по поводу всякихъ пустяковъ. Но вскорѣ лицо ея стало принимать все болѣе и болѣе печальное выраженіе; каждая прогулка видимо утомляла ее. Впрочемъ, она ни единымъ словомъ не выдавала своего горя и только жаловалась на постоянныя головныя боли; когда-же двоюродный братъ совѣтовалъ ей не утомлять себя прогулками, она сердилась и ни на шагъ не отходила отъ нихъ даже дома. Однажды ночью, около двухъ часовъ, Лазарю, который еще не ложился и окончивалъ какой-то планъ, показалось, что въ корридорѣ кто-то ходитъ; онъ отворилъ дверь и, къ величайшему своему изумленію, увидѣлъ Полину, которая стояла въ одной юбкѣ, безъ свѣчи, пе-

регнувшись через перила лѣстницы и какъ будто прислушиваясь къ тому, что дѣлалось въ нижнихъ комнатахъ. Она поспѣшила заявить, что ей самой послышался какой-то стонъ; но непривычная ложь вызвала на щекахъ ея румянецъ стыда; а онъ тоже покраснѣлъ, догадавшись объ истинной причинѣ. Начиная съ этого времени, безъ всякаго иного объясненія, между ними началась глухая размолвка. Онъ отвертывался отъ нея, находилъ, что съ ея стороны смѣшно дуться изъ-за такихъ пустяковъ, а она становилась все мрачнѣе, ни на минуту не оставляла его наединѣ съ Луизой, изучала всякій жестъ ихъ и терзалась ревностью по вечерамъ, въ своей комнатѣ, когда замѣчала, что они шептались, возвращаясь съ берега.

А между тѣмъ работы подвигались. Цѣлый отрядъ плотниковъ работалъ надъ установкою перваго волнолома, послѣ того какъ сваи были вбиты и соединены между собою крѣпкими досками. Впрочемъ, это былъ лишь первый опытъ; они торопились окончить работу въ ожиданіи сильнаго прилива. Къ несчастію, погода стояла отвратительная. Дождь лилъ не переставая, но весь Бонвиль высыпалъ на берегъ и жался подъ ливнемъ, чтобы посмотрѣть, какъ тяжелыми бабами вбивали устои. Наконецъ, утромъ того дня, когда ждали самаго сильнаго прилива, небо какъ будто слилось въ одну черную тучу, нависшую надъ почернѣвшимъ моремъ, и съ восьми часовъ дождь полилъ съ удвоенною силою, задернувъ весь горизонтъ густою пеленою ледяного тумана. Всѣ были въ отчаяніи, потому что ужѣ давно собирались отправиться всею семьєю смотрѣть, какъ сооруженная Лазаремъ плотина выдержитъ первый напоръ сильныхъ волнъ.

Мадамъ Шанто рѣшила остаться возлѣ мужа, еще далеко не успѣвшаго вполнѣ оправиться. Старались всѣми силами удержать и Полину, у которой всѣ послѣдніе дни появлялась легкая хрипота, а къ вечеру наступало общее лихорадочное состояніе. Но она не слушала ничьихъ совѣтовъ и во что-бы то ни стало хотѣла идти на берегъ вмѣстѣ съ Лазаремъ и Луизой. Эта Луиза, казавшаяся такою хилою, всегда готовою упасть въ обморокъ, въ сущности обладала удивительною нервною силою, когда ее поддерживала перспектива какого нибудь удовольствія.

Послѣ завтрака всѣ трое отправились въ путь. Порывъ вѣтра разсѣялъ тучи, и молодые люди привѣтствовали эту неожиданную радость торжествующимъ смѣхомъ. На небѣ образовались широкія, синія прогалины, среди которыхъ изрѣдка еще носились черные доскутья разорванныхъ облаковъ, и молодая дѣвушка ни за что не хотѣла брать съ собою ничего, кромѣ своихъ маленькихъ зонтиковъ: къ чему обременять себя бесполезною обузою? Одинъ Лазарь захватилъ дождевой зонтикъ. Впрочемъ, онъ ручался за ихъ здоровье; еслибы опять начался дождь, ужь онъ найдетъ возможность гдѣ нибудь укрыться.

Полина и Луиза шли впереди; но когда дорога стала круто спускаться къ Бонвилю, Луиза съ намѣреніемъ поскользнулась на взмокшей землѣ, и Лазарь, бросившись къ ней, предложилъ ей руку. Полина должна была идти за ними. Веселое настроеніе, въ которомъ она вышла изъ дома, быстро испарилось, подозрительный взглядъ ея замѣчалъ, что локоть Лазаря постояннымъ ласкающимъ движеніемъ задѣвалъ за талью Луизы. Скоро она уже не видѣла ничего, кромѣ этого прикосновенія; все исчезло,—и берегъ, на которомъ рыбаки съ насмѣшливымъ видомъ ждали прилива, и вздымавшееся море, и волноломъ, вдоль котораго уже сзеркала полоса бѣлой пѣны. На горизонтѣ разросталась черная полоса; грозная туча приближалась съ быстротою бури.

— Чортъ возьми! пропенталь Лазарь, оборачиваясь;— скоро опять полететь, какъ изъ ведра... Впрочемъ, мы успѣемъ еще взглянуть на плотину до начала дождя, а потомъ укроемся вотъ тамъ, напротивъ, у Гутляровъ.

Волны прилива, которымъ приходилось бороться съ противнымъ вѣтромъ, надвигались невыносимо медленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно было предвидѣть, что, благодаря этому вѣтру, приливъ будетъ не такой сильный, какъ ожидали. Никто, впрочемъ, и не думалъ покидать берега. Волноломъ, наполовину исчезавшій подъ водою, дѣйствовалъ прекрасно: волны разбивались объ него и, утративъ свою первоначальную силу, кагидились до самыхъ ногъ зрителей въ видѣ кипящей пѣны. Но главнымъ торжествомъ было побѣдоносное сопротивленіе, которое оказывали сваи. Каждый разъ, какъ онѣ исчезали подъ валомъ, увлекавшимъ съ морского дна цѣлыя груды булыж-

ника, слышно было, какъ онъ съ грохотомъ падаль и накоплялся по другую сторону досокъ, словно тамъ опрокидывали телѣги, нагруженныя камнями. Эта стѣна, воздвигавшаяся самими волнами, служила доказательствомъ блестящаго успѣха, ругавшимся за осуществленіе обѣщаннаго оплота.

— Видите! Вѣдь я говорилъ вамъ! кричалъ Лазарь. — Теперь вамъ уже нечего бояться моря!

Возлѣ него стоялъ Пруанъ, пьянствовавшій безъ просыпа уже третій день. Онъ покачалъ головой и промычалъ:

— А вотъ посмотримъ, когда вѣтеръ подуетъ съ моря!

Остальные рыбаки молчали. Но по насмѣшливо искривленнымъ губамъ Кюша и Гутляра видно было, что они плохо довѣряютъ всѣмъ этимъ хитрымъ затѣямъ. Да, говоря по совѣсти, они-бы даже не желали, чтобы море, которое издавна давило ихъ, было побѣждено этимъ молокососомъ буржуа. Ужъ посмѣются-же они въ тотъ день, когда оно унесетъ, какъ соломенки, всѣ его бревна. Положимъ, деревнѣ-же плохо придется, а все-таки потѣха будетъ немалая.

Начинался дождь. Крупныя капли падали изъ темносизаго облака, занимавшаго три четверти неба.

— Ничего, подождемъ еще минутку, повторялъ Лазарь, внѣ себя отъ восторга.

— Смотрите, смотрите, ни одна свая не шелохнется!

Онъ раскрылъ зонтикъ и держалъ его надъ головою Луизы, которая, точно зябкій голубокъ, прижималась къ нему какъ можно ближе. А Полина, позабытая, не сводила съ нихъ глазъ, закипая яростью; это объятіе въ ея присутствіи казалось ей оскорбительнымъ, какъ пощечина. Дождь становился все сильнѣе. Лазарь вдругъ обернулся.

— Ты съ ума сошла! закричалъ онъ... Открой, по крайней мѣрѣ, зонтикъ.

Она неподвижно стояла подъ ливнемъ и, казалось, не чувствовала его.

— Оставь меня въ повоѣ, мнѣ хорошо, отвѣтила она хриплымъ голосомъ.

— Лазарь, умоляю васъ, воскликнула Луиза въ отчаяніи, — заставьте ее подойти... Мы помѣстимся подъ зонтикомъ втроемъ.

Но Полина даже не удостоила ее отвѣтомъ. Ей было хо-

рошо; зачѣмъ ее тревожили? Видя, что никакія просьбы не помогутъ, Лазарь продолжалъ:

— Это наконецъ глупо; пойдемъ скорѣе къ Гутлярамъ!

Она грубо объявила:

— Бѣгите, куда вамъ угодно... Я пришла сюда; чтобы смотрѣть, и уходить не намѣрена.

Рыбаки разбѣжались. Она по-прежнему стояла подъ дождемъ, неподвижная, глядя на бревна, которыя теперь совершенно исчезали подъ волнами. Это зрѣлище, казалось, поглощало все ея вниманіе, несмотря на то, что всѣ предметы теперь сливались подъ облаками сѣрой, водяной пыли, поднимавшейся съ моря, бичуемаго дождемъ. По платью ея ручьями струилась вода; на плечахъ и на локтяхъ выступили черныя пятна. Она согласилась, наконецъ, покинуть свою пѣзицію только тогда, когда западный вѣтеръ отогналъ тучу.

Молча вернулись они домой. Отъ дяди и тетки это приключеніе было тщательно скрыто. Полина побѣжала переодѣваться, пока Лазарь рассказывалъ о блестящихъ результатахъ опыта. Вечеромъ, за столомъ, ее опять стало знобить; но она продолжала утверждать, что у нея ничего не болитъ, хотя съ видимымъ усиленіемъ глотала каждый кусокъ. Наконецъ, она даже грубо огрызнулась на Луизу, которая, повидимому, очень безпокоилась и то и дѣло спрашивала съ нѣжнымъ участіемъ, какъ она себя чувствуетъ.

— Полина положительно становится несносною, пробормотала мадамъ Шанто за ея спиною;—просто хотъ не говори съ нею!

Въ эту ночь, около часа, Лазарь былъ разбуженъ такимъ сильнымъ, сухимъ гортаннымъ кашлемъ, что приподнялся въ постели и сталъ прислушиваться. Въ первую минуту онъ подумалъ о матери... Но вдругъ что-то тяжелое грохнулось объ полъ. Онъ быстро вскочилъ и началъ одѣваться. Это могла быть только Полина; ему показалось, что тѣло упало за перегородкою. Онъ ломалъ спичку за спичкой, пытаясь зажечь огонь дрожащими руками. Наконецъ, онъ вышелъ съ свѣчкою. Противуположная дверь была отворена. На порогѣ лежала Полина въ одной рубашкѣ, съ обнаженными руками и ногами.

— Что съ тобою? воскликнулъ онъ.—Ты поскользнулась?

На мгновение у него мелькнула мысль, не ходила-ли она опять подслушивать, что онъ дѣлаетъ.

Но она не отвѣчала, не двигалась и лежала, точно ошеломленная, съ закрытыми глазами. Вѣроятно, ей сдѣлалось дурно въ ту минуту, когда она шла, чтобы позвать кого нибудь на помощь.

— Полина, отвѣчай мнѣ, умоляю тебя... Что съ тобою?

Онъ нагнулся и освѣтилъ ей лицо. Оно было совсѣмъ красное, и все тѣло ея, казалось, пылало сильною лихорадкою. Въ первое мгновение онъ колебался при видѣ ея дѣвственной наготы и не рѣшался взять ее на руки, чтобы отнести въ постель; но чувство братской привязанности и тревоги тотчасъ пересилило это инстинктивное смущеніе. Онъ уже не замѣчалъ наготы и поднималъ ее за талью и за бедра, даже не чувствуя, какъ это женское тѣло прильнуло къ его груди. Положивъ ее на постель, онъ опять обратился къ ней съ вопросами и даже не подумалъ прикрыть ее одѣяломъ.

— Боже мой! Да говори-же... Можетъ быть, ты ушиблась?

Сотрясеніе заставило ее раскрыть глаза; но она продолжала молчать и только пристально смотрѣла на него. Между тѣмъ, онъ не переставалъ осаждать ее вопросами, и, наконецъ, она поднесла руку къ шеѣ.

— У тебя болитъ горло?

Тогда она тихо проговорила измѣнившимся, сдавленнымъ, шипящимъ голосомъ:

— Прошу тебя, не заставляй меня говорить... Мнѣ больно.

Она закашлялась тѣмъ самымъ гортаннымъ кашлемъ, который онъ слышалъ изъ своей комнаты. Лицо ея посинѣло, на глазахъ, отъ боли, выступили крупныя слезы. Она схватилась обѣими руками за свою бѣдную голову, которая трещала отъ ужасной боли, какъ будто по ней били молотками.

— Это ты сегодня простудилась, бормоталъ онъ въ отчаяніи.—Развѣ можно было выходить, когда ты и безъ того уже была нездорова?

Но онъ остановился, встрѣтивъ снова ея умоляющій взглядъ. Видя, что она ошупью ищетъ одѣяла, онъ укрылъ ее до подбородка.

— Открой, пожалуйста, ротъ, чтобы я могъ осмотрѣть твое горло.

Она насилу могла разжать челюсти. Опъ поднесъ пламя свѣчи и съ трудомъ разсмотрѣлъ заднюю стѣнку зѣва, блестящую, сухую, ярко-красную. У нея, очевидно, была жаба. Но эта страшная лихорадка, эта ужасная головная боль внушали ему серьезныя опасенія относительно характера болѣзни. Дыханіе больнѣй было до такой степени затруднено, на лицѣ ея выражался такой ужасъ, что и имъ вдругъ овладѣлъ безумный страхъ: ему казалось, что вотъ-вотъ она задохнется на его глазахъ. Глотать она уже не могла: при каждомъ глотательномъ движеніи ее всю передергивало отъ боли. Новый приступъ кашля еще разъ лишилъ ее сознанія. Послѣ этого онъ уже окончательно потерялъ голову, выбѣжалъ въ корридоръ и началъ стучать кулаками въ дверь служанки.

— Вероника! Вероника! Вставай!... Полина умираетъ.

Когда Вероника, испуганная, полураздѣтая, вошла къ барышнѣ, онъ въ безсильномъ волненіи бѣгалъ по комнатѣ, не зная, что предпринять.

— Что за ужасная страна! Здѣсь человѣкъ можетъ умереть какъ собака... Не угодно-ли бѣжать за два лье, чтобы добиться помощи!

Онъ бросился къ ней.

— Постарайся послать кого-нибудь за докторомъ; пускай онъ тотчасъ пріѣдетъ!

Она подошла къ постели и смотрѣла на больную, пораженная ея краснымъ лицомъ, глубоко встревоженная подвліяніемъ возраставшей привязанности къ этому ребенку, котораго она въ первое время ненавидѣла.

— Я пойду сама, сказала она просто;—этакъ будетъ скорѣе... Барыня и одна разведетъ въ кухнѣ огонь, если вамъ понадобится.

Полусонная, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ очнуться отъ сна, она надѣла толстые башмаки, закуталась въ шаль и, предупредивъ мимоходомъ мадамъ Шанто, быстро зашагала по грязной дорогѣ. На церкви пробило два часа; ночь была такая темная, что она то и дѣло натыкалась на кучи шоссе-наго камня.

— Что случилось? спросила мадамъ Шанто, поднявшись наверхъ.

Лазарь насилу отвѣчалъ. Онъ перерылъ весь шкафъ,

отыскивая свои старыя медицинскія книги, и теперь, облокотившись на коммодъ, дрожащими руками перелистывала ихъ, стараясь припомнить то, чему учился когда-то въ Парижѣ. Но отрывочныя свѣдѣнія перемѣшивались, путались; онъ безпрестанно возвращался къ оглавленію и ничего не находилъ.

— У нея, вѣроятно, просто сильная мигрень, повторяла мадамъ Шанто, присѣвшая на стуль. — По-моему, лучше всего-бы дать ей какъ слѣдуетъ выспаться.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ.

— Мигрень! мигрень!.. Послушай, мама, ты меня положительно раздражаешь своимъ невозмутимымъ бездѣйствіемъ. Поди, разведи огонь и согрѣй мнѣ воды.

— Луизу бесполезно будить, не правда-ли? спросила она.

— Да, да, бесполезно... мнѣ никого не нужно. Я позову.

Оставшись наединѣ, онъ опять подошелъ къ постели, взялъ руку Полины и сталъ считать пульсъ. Онъ насчиталъ пятнадцать ударовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ рука его чувствовала долгое пожатіе ея пылающей руки. Молодая дѣвушка, отяжелѣвшія вѣки которой оставались закрытыми, этимъ пожатіемъ старалась выразить благодарность и прощеніе. Не будучи въ состояніи улыбаться, она хотѣла дать ему понять, что все слышала, что ее тронули его заботы, что ей пріятно чувствовать его близость, знать, что онъ съ нею и не думаетъ ни о комъ другомъ. Обыкновенно одинъ видъ страданія наводилъ на него ужасъ; онъ убѣгалъ каждый разъ, когда въ домѣ кто-нибудь заболѣвалъ хоть самую легкую болѣзнь, считалъ себя совершенно неспособнымъ ухаживать за больными и, по собственнымъ словамъ, такъ мало надѣялся на свои нервы, что каждую минуту боялся разразиться рыданіями. Въ виду этого, такая нѣжная заботливость вдвойнѣ удивляла и трогала ее. Да онъ и самъ не сумѣлъ-бы сказать, откуда въ немъ взялась эта непривычная энергія, эта потребность полагаться только на себя во всемъ, что касалось ухода за нею. Взволнованный горячимъ пожатіемъ ея маленькой руки, онъ попытался успокоить ее:

— Это пустяки, дорогая моя. Сейчасъ пріѣдетъ Казновъ... Главное, не пугайся...

Она все еще не раскрывала глазъ, но прошептала беззвучнымъ голосомъ:

— О, нѣтъ, я не боюсь... мнѣ досадно только, что я доставила тебѣ столько хлопотъ.

Затѣмъ она прибавила еще тише, едва слышнымъ шопотомъ:

— Ты на меня не сердись?... Я сегодня была злая...

Онъ наклонился, чтобы поцѣловать ее въ лобъ, какъ жену, и отвернулся; слезы душили его. Затѣмъ ему пришла въ голову мысль, что недурно-бы было приготовить какую-нибудь успокоивающую микстуру, въ ожиданіи прибытія доктора. Маленькая аптека Полины стояла тутъ-же, въ узенькомъ шкафчикѣ. Но онъ боялся ошибиться, долго разсматривалъ ярлычки на пузырькахъ и кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что накапалъ нѣсколько капель морфія въ стаканъ сахарной воды. Но, глотая ложечку этого раствора, она чувствовала такую сильную боль, что онъ колебался каждый разъ, когда хотѣлъ повторить пріемъ. Этимъ дѣло и ограничилось; онъ чувствовалъ себя окончательно неспособнымъ предпринять что-нибудь болѣе рѣшительное. Ожиданіе становилось невыносимо-мучительнымъ. Когда силы измѣняли ему при видѣ ея страданія, онъ отходилъ отъ кровати и упорно возвращался къ своимъ книгамъ, надѣясь найти, наконецъ, и болѣзнь и средство противъ нея. Неужели это дифтеритъ? Но почему-же въ такомъ случаѣ нѣтъ ложныхъ перепонокъ на небной занавѣскѣ? И онъ упорно читалъ описаніе и леченіе дифтерита, путаясь въ длинныхъ фразахъ, смыслъ которыхъ ускользалъ отъ него, стараясь запомнить массу несущественныхъ подробностей, какъ ребенокъ, который учитъ наизусть непонятный для него урокъ. Затѣмъ, при малѣйшемъ стонѣ, онъ снова подбѣгалъ къ постели, дрожащій, опьяненный массою научныхъ словъ, которыя, какъ таинственныя формулы, только удваивали его страхъ.

— Ну, что? спросила мадамъ Шанто, входя потихоньку въ комнату.

— Все по-прежнему, отвѣтилъ онъ, и затѣмъ, опять раздражаясь, продолжалъ:—этотъ докторъ, положительно, несносенъ!.. Можно разъ двадцать умереть, прежде чѣмъ онъ прійдетъ.

Двери оставались растворенными, и Матье, спавшій въ кухнѣ подъ столомъ, поднялся по лѣстницѣ, повинувшись своей обычной маніи непремѣнно сопровождать людей по всѣмъ

комнатамъ дома. Толстыя лапы его шуршали по кирпичному полу, какъ старыя войлочные туфли. Онъ былъ очень доволенъ этой ночью экспедиціей, хотѣлъ побѣждать къ Полинѣ, но по дорогѣ принялся ловить свой собственный хвостъ, какъ бессознательное животное, не понимающее горя своихъ хозяевъ. Лазарь, взбѣшенный этою неумѣстною радостью, ударилъ его ногою.

— Убирайся, или я задушю тебя!.. Развѣ ты не видишь, дуракъ?

Собака, удивленная такимъ суровымъ приемомъ, понюхала воздухъ, какъ будто вдругъ поняла въ чемъ дѣло и смиренно улеглась подъ кроватью. Но грубая выходка сына привела въ негодованіе мадамъ Шанто. Она вышла изъ комнаты, сухо сказавъ ему:

— Когда нужно будетъ, позови меня... вода сейчасъ закипитъ.

Лазарь слышалъ, какъ она ворчала на лѣстницѣ, что бить животное безъ всякой причины—возмутительно, что онъ, наконецъ, и ее бы ударилъ, если-бы она осталась. Несмотря на свою привычку относиться къ матери всегда съ величайшимъ почетомъ и нѣжностью, онъ проводилъ ее нетерпѣливымъ, раздраженнымъ жестомъ. Каждую минуту онъ подходилъ къ постели, чтобы взглянуть на Полину. Подавленная лихорадкой, она лежала, какъ пласть, и среди жуткой тишины, царившей въ комнатѣ, единственнымъ признакомъ жизни было ея тяжелое, скребущее дыханіе, которое мало-по-малу становилось похожимъ на хрипъ умирающей. Въ немъ снова проснулся тотъ-же самый безразсудный, нелѣпый страхъ: она навѣрное задохнется, если во-время не подоспѣетъ помощь. Онъ ходилъ по комнатѣ, безпрестанно глядѣлъ на стѣнные часы. И трехъ часовъ еще нѣтъ; Вероника не успѣла дойти до доктора. Онъ мысленно сопровождалъ ее вдоль арроманшской дороги, среди ночной темноты: теперь она миновала сосновый лѣсъ, теперь подходитъ къ маленькому мосту; она выиграла бы минутъ пять, если-бы спустилась съ откоса бѣгомъ... Наконецъ, непреодолимая потребность знать и видѣть заставила его растворить окно, хотя, разумѣется, невозможно было рѣшительно ничего рассмотретьъ въ этой безднѣ мрака. Гдѣ-то, въ Бонвилѣ, мерцалъ одинокій огонь, — вѣроятно, фонарь

рыбака, выѣзжавшаго въ море. Все кругомъ дышало зловѣщею тоскою, безконечнымъ запустѣніемъ, среди котораго, какъ ему казалось, должна была задохнуться и погаснуть всякая жизнь. Онъ заперъ окно, снова отворилъ его и вскорѣ опять заперъ. Понятіе о времени начинало ускользать отъ него; онъ удивился, когда услышалъ, что пробило три часа. Теперь докторъ велѣлъ запрягать, кабриолетъ мчался по дорогѣ, пронизывая мракъ своимъ желтымъ глазомъ. Наконецъ Лазарь до такой степени одурѣлъ отъ нетерпѣнія, въ виду все болѣе и болѣе затрудненнаго дыханія больной, что вскочилъ какъ будто вприсонкахъ, когда, около четырехъ часовъ, на лѣстницѣ послышались чьи-то быстрые шаги.

— Наконецъ, это вы! воскликнулъ онъ.

Докторъ Казновъ тотчасъ велѣлъ зажечь вторую свѣчу, чтобы осмотрѣть Полину. Лазарь взялъ одну изъ нихъ, а Вероника съ растрепанными отъ вѣтра волосами, забрызганная по поясъ грязью, держала другую у ногъ больной. Мадамъ Шанто смотрѣла. Больная, лежавшая въ полузабытѣи, не могла открыть рта безъ стона. Снова уложивши ее осторожно, докторъ, казавшійся въ первую минуту очень встревоженнымъ, отошелъ на средину комнаты, уже съ болѣе покойнымъ лицомъ.

— Вероника меня не на шутку перепугала! сказалъ онъ въ полголоса.—Основываясь на ея фантастическомъ разсказѣ, я вообразилъ, что дѣло идетъ объ отравленіи... Видите, у меня всѣ карманы набиты разными снадобьями.

— У нея жаба, не правда-ли? спросилъ Лазарь.

— Да, простая жаба... Непосредственной опасности нѣтъ.

Мадамъ Шанто сдѣлала торжествующее движеніе, какъ будто желая сказать, что она и сама это отлично знала.

— Непосредственной опасности? повторилъ Лазарь, снова подаваясь страху;—стало-быть, вы опасаетесь осложнений?

— Нѣтъ, отвѣтилъ докторъ послѣ нѣкотораго колебанія;—но развѣ въ этихъ проклятыхъ горловыхъ болѣзняхъ можно предсказать что-нибудь съ увѣренностью?

Въ концѣ концовъ, онъ признался, что ничѣмъ не можетъ помочь. Онъ хотѣлъ переждать еще день, прежде чѣмъ рѣшиться на кровопусканіе. Потомъ, уступая просьбамъ Лазаря, умолявшаго хоть чѣмъ-нибудь облегчить ея страданія, онъ

согласился попробовать горчичники. Вероника принесла тазъ съ горячей водой, докторъ самъ мочилъ каждый листокъ и прикладывалъ ихъ къ ногамъ отъ колѣнки до лодыжки. Но въ результатѣ получилось только новое мученіе; лихорадка не уменьшалась, головная боль становилась невыносимою. Мягчительныя полосканія также казались вполнѣ умѣстными; ма-Шанто приготовила отваръ изъ терновыхъ листьевъ, но и отъ этого средства принуждены были отказаться послѣ первой-же попытки,—до такой степени боль дѣлала невозможнымъ всякое движеніе горла. Было уже шесть часовъ, начинало свѣтать, когда докторъ собрался уѣзжать.

— Я возвращусь около полудня, сказалъ онъ Лазарю въ корридорѣ.—Успокойтесь. Пока все дѣло сводится къ одному страданію.

— А развѣ страданье такіе пустяки? воскликнулъ молодой человѣкъ, котораго всякая болѣзнь приводила въ негодованіе.—Люди не должны-бы были страдать.

Казновъ посмотрѣлъ на него и молча поднялъ руки къ небу, пораженный такою неслыханною претензіей. Когда Лазарь вернулся въ комнату, онъ отослалъ мать и Веронику, совѣтуя имъ уснуть хоть не надолго; самъ онъ, во всякомъ случаѣ, былъ-бы не въ состояніи спать. Онъ глядѣлъ, какъ въ неприбранной комнатѣ постепенно воцарялся день, какъ послѣ мучительной ночи наступалъ зловѣщій разсвѣтъ. Прижавшись лбомъ къ стеклу, онъ съ мрачнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ на сизое небо, какъ вдругъ какой-то шумъ заставилъ его обернуться. Онъ вообразилъ, что Полина собирается вставать. Но это былъ Матѣе. Позабытый всѣми, онъ вылѣзъ, наконецъ, изъ-подъ кровати, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, одна рука которой свѣсилась, выбившись изъ подъ одеяла, и принялся ее лизать такъ нѣжно, съ такою осторожностью, что Лазарь, глубоко тронутый, обнялъ его за шею и сказалъ:

— Вотъ видишь, бѣдняга, хозяйка твоя больна... Но это пустяки, не печалься! Придетъ время, мы всѣ трое опять набѣгаемъ въ волю.

Полина раскрыла глаза и улыбалась, хотя лицо ея по-прежнему искажалось выраженіемъ сильной боли.

И началось существованіе, исполненное вѣчныхъ страховъ, начался непрерывный кошмаръ, царящій въ комнатѣ тяжело

больного человѣка. Уступая чувству какой-то дикой привязанности, Лазарь прогонялъ изъ нея всѣхъ; его мать и Луиза насилу допускались по утрамъ, на минутку, чтобы справиться о здоровьѣ; онъ терпѣлъ возлѣ себя только Веронику, въ которой чувялъ искреннюю привязанность къ Полинѣ. Въ первые дни мадамъ Шанто старалась убѣдить его, какъ неприлично молодому человѣку брать на себя весь уходъ за молодой дѣвушкой; но онъ возразилъ ей на это, что Полина ему жена и что не отказываются-же доктора отъ ухода за женщинами. И дѣйствительно, ни онъ, ни она не ощущали ни малѣйшаго смущенія, ни малѣйшей неловкости; страданія, мысль о близости смерти—подавляли всякую чувственность. Онъ оказывалъ ей всѣ мелкія услуги, поднималъ ее, снова укладывалъ, съ нѣжностью огорченнаго брата, который во всемъ этомъ соблазнительномъ тѣлѣ не видѣлъ ничего, кромѣ потрясавшей его лихорадки. Это было какъ-бы продолженіемъ ихъ здороваго дѣтства, они возвращались къ цѣломудренной наготѣ ихъ первыхъ купаній, когда онъ еще относился къ ней какъ къ ребенку. Весь міръ исчезалъ, и оставалось только лекарство, которое нужно было принимать въ опредѣленные часы, обѣщанное улучшение, котораго тщетно ожидали съ часа на часъ, да разные низменные детали животной жизни, которыя вдругъ пріобрѣтали громадное значеніе, накладывали печать радости или печали на цѣлый день. Дни смѣнялись ночами, и вся жизнь Лазаря, казалось, повисла надъ какою-то бездною, которая грозила каждую минуту поглотить его.

Докторъ Казновъ навѣщалъ Полину каждое утро, а иногда заѣзжалъ и вечеромъ, послѣ своего обѣда. Въ первый-же день онъ рѣшился сдѣлать кровопусканіе... Но лихорадка, которая сначала-было уменьшилась, затѣмъ быстро достигла прежней силы. Прошло два дня; онъ былъ видимо озабоченъ, не зная, чѣмъ объяснить такой упорный характеръ болѣзни. Такъ какъ больной съ каждымъ днемъ было труднѣе раскрывать ротъ, онъ едва былъ въ состояніи заглянуть въ зѣвъ, который оказался сильно опухшимъ, синевато-краснымъ; кромѣ того, Полина жаловалась на чувство крайняго напряженія въ шеѣ, которая, какъ ей казалось, готова была лопнуть. Однажды утромъ докторъ сказалъ Лазарю:

— Я подозрѣваю флегмонозный абсцессъ.

Молодой человекъ увелъ его въ свою комнату. Онъ только что перелистывалъ свое старое руководство патологии и перечиталъ главу о ретрофарингіальныхъ абсцессахъ, которые выпираютъ впередъ заднюю стѣнку пищевода и могутъ причинить смерть, сдавивъ дыхательное горло. Блѣдный, какъ полотно, онъ спросилъ:

— Стало быть, она погибла!

— Надѣюсь, что нѣтъ, отвѣтилъ докторъ. — Нужно подождать; скоро увидимъ.

Но и онъ уже не скрывалъ болѣе своего безпокойства и сознавался, что почти совершенно бессиленъ въ данномъ случаѣ. Развѣ возможно было добраться до абсцесса сквозь этотъ судорожно сжатый ротъ? Къ тому-же преждевременное вскрытіе его въ свою очередь представляло серьезныя неудобства. Лучшее всего было предоставить природѣ и этотъ послѣдній процессъ, который, при такихъ условіяхъ, правда, будетъ очень мучителенъ и протянется долго.

— Я не Господь Богъ! воскликнулъ онъ, когда Лазарь съ горечью сталъ ему указывать на бесполезность медицины.

Нѣжность, которую докторъ Казновъ чувствовалъ къ Пелинѣ, выражалась у него теперь въ удвоенной напускной рѣзкости. Этотъ высокій старикъ, сухой, какъ стволъ шиповника, былъ раненъ прямо въ сердце. Слишкомъ тридцать лѣтъ колесилъ онъ по свѣту, переходя съ одного корабля на другой, неся госпитальную службу во всѣхъ концахъ нашихъ колоній; онъ лечилъ эпидеміи, свирѣпствовавшія между матросами во время плаванія, лечилъ ужасныя болѣзни тропическихъ странъ, — слоновую проказу въ Кайеннѣ, укушеніе змѣи въ Индіи; онъ убивалъ людей всѣхъ цвѣтовъ, испытывалъ дѣйствіе ядовъ на китайцахъ, рисковалъ жизнью негровъ при вивисекціяхъ, требовавшихъ большой ловкости. А теперь эта дѣвочка со своимъ больнымъ горломъ взбудоражила его до того, что онъ не спалъ по ночамъ; его желѣзныя руки дрожали; его привычка равнодушно относиться къ смерти измѣняла ему при одной мысли о возможности рокового исхода. Поэтому, желая скрыть эту недостойную слабость, онъ старался выказать полнѣйшее презрѣніе къ страданію. Люди рождены для того, чтобы страдать! Изъ за чего-же тутъ волноваться?

Лазарь каждое утро повторялъ ему:

— Докторъ, попробуйте что нибудь, умоляю васъ... Это ужасно; она даже задремать не въ состояніи ни на одну минутку. Всю ночь она кричала.

— *Topperre de Dieu!* да развѣ я въ этомъ виноватъ? отвѣчалъ онъ обыкновенно, выходя изъ терпѣнія.— Не могу-же я ей перерѣзать горло отъ излишняго желанія во что-бы-то ни стало ее вылечить!

Лазарь въ свою очередь начиналъ сердиться.

— Стало быть, вся медицина бесполезна!

— Совершенно бесполезна, когда машина развинтилась... Хининъ останавливаетъ лихорадку, слабительное дѣйствуетъ на кишки, при апоплектическомъ ударѣ слѣдуетъ дѣлать кровопусканіе... А во всемъ остальномъ приходится дѣйствовать на удачу. Поэтому я вамъ и говорю, что лучше всего положиться на природу.

Подобныя выходки объяснялись, впрочемъ, исключительно негодованіемъ на самого себя за неумѣніе дѣйствовать рѣшительнѣе и успѣшнѣе. Въ обыкновенное время онъ не рѣшался отрицать медицину такъ категорически, хотя, съ другой стороны, слишкомъ долго практиковалъ, чтобы не научиться скептицизму и скромности. Онъ проводилъ цѣлыя часы у постели, изучая больную, и уѣзжалъ, не оставивъ даже рецепта. Руки его были связаны; онъ могъ только присутствовать при процессѣ развитія нарыва, который самымъ ничтожнымъ колебаніемъ въ объемѣ могъ рѣшить вопросъ о жизни или смерти.

Цѣлую недѣлю томился Лазарь въ мучительномъ страхѣ. И онъ также съ минуты на минуту ожидалъ приговора природы. При каждомъ затрудненномъ вдыханіи ему казалось, что наступаетъ конецъ. Нарывъ воплотился для него въ живой образъ: онъ рисовался ему въ видѣ чего-то громаднаго, сдавившаго дыхательное горло; вотъ-вотъ еще немного увеличится опухоль, и воздухъ уже не въ состояніи будетъ проходить. Плохо усвоенныя знанія, которыя онъ прибрѣлъ во время своихъ двухлѣтнихъ занятій медициною, только удваивали его ужасъ. Боль положительно возмущала его; онъ выходилъ изъ себя и съ безумнымъ жаромъ протестовалъ противъ нелѣпыхъ законовъ природы. Къ чему существуетъ такое чудовищное явленіе? Развѣ не возмутительно было видѣть это

терзаніе плоти, эти болѣзненные сокращенія всѣхъ мускуловъ, горящихъ какъ въ огнѣ, когда болѣзнь поражала бѣдное тѣло дѣвушки, сіявшее такою нѣжною бѣлизною? Какая-то непреодолимая сила заставляла его безпрестанно возвращаться къ постели. Онъ то и дѣло задавалъ ей вопросы, хотя понималъ, что только бесполезно утомляетъ ее этимъ: больно-ли ей? гдѣ теперь больно? Иногда она брала его руку и клала ее себѣ на шею: вотъ тутъ какъ будто лежала невыносимая тяжесть. бился и душилъ ее раскаленный свинцовый шаръ. Головная боль не покидала ее, она не знала, куда дѣвать голову и пуще всего истомилась отъ бессонницы; за всѣ десять дней, въ теченіи которыхъ ее была лихорадка, она не проспала въ сложности и двухъ часовъ. Однажды вечеромъ, къ довершенію несчастія, появилась жестокая боль въ ушахъ; во время приступовъ этой боли она теряла сознаніе, ей казалось, что ей раздробляютъ кости челюстей. Но отъ Лазаря она по возможности старалась скрывать эти мученія, выносила ихъ съ необыкновеннымъ мужествомъ; она чувствовала, что онъ почти такъ-же боленъ, какъ и она, что и его бьетъ лихорадка, что ея нарывъ и ему сжимаетъ горло. Часто она даже притворялась; ей удавалось улыбаться въ минуты самыхъ жгучихъ страданій: она увѣряла, что боль становится тупѣе, и совѣтовала ему отдохнуть немного. Особенно несносно было, что даже слюны она не могла проглотить, не испустивъ крика, — до такой степени у нея опухла задняя стѣнка глотки. Лазарь каждый разъ просыпался и вскакивалъ: неужели опять началось? И онъ снова принимался спрашивать ее, добивался гдѣ именно болитъ, а она съ искаженнымъ отъ боли лицомъ, съ закрытыми глазами, все-таки боролась съ болью, чтобы обмануть его, бормотала, что это ничего, что она просто поперхнулась.

— Спи, не тревожься... Я тоже буду спать.

Каждый вечеръ она разыгрывала эту комедію и притворялась спящею, чтобы заставить его тоже лечь. Но онъ во что-бы-то ни стало хотѣлъ оставаться возлѣ нея и старался спать въ креслѣ. Ночи были такъ тягостны, что уже къ вечеру имъ каждый разъ овладевалъ суетвѣрный страхъ. Не навсегда-ли закатывалось солнце?

Однажды ночью Лазарь сидѣлъ возлѣ самой постели и держалъ въ своихъ рукахъ руку Полины, какъ онъ это часто

дѣлалъ теперь, чтобы показать, что онъ при ней, что онъ не покидаетъ ея. Докторъ уѣхалъ въ десять часовъ, въ самомъ мрачномъ настроеніи, объявивъ, что не отвѣчаетъ ни за что. До сихъ поръ Лазарь думалъ, что она, по крайней мѣрѣ, не сознаетъ опасности своего положенія. Въ ея присутствіи всегда говорили о простомъ воспаленіи горла, которое, несмотря на свою болѣзненность, пройдетъ такъ-же легко и быстро, какъ насморкъ. Она казалась спокойною, веселою, несмотря на страданія. Когда заговаривали о ея выздоровленіи и строили планы относительно будущаго, она улыбалась. Такъ и теперь она спокойно слушала, какъ Лазарь расписывалъ ея первую прогулку на морскомъ берегу. Затѣмъ наступило молчаніе; ему казалось, что она спитъ. Вдругъ, по крайней мѣрѣ черезъ четверть часа, она сказала тихимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Мой бѣдный другъ, видно тебѣ суждено жениться на другой женщинѣ.

— Какъ-такъ? спросилъ онъ.

Она раскрыла глаза и смотрѣла на него съ выраженіемъ мужественной покорности.

— Вѣдь я знаю, что у меня... и предпочитаю знать, чтобы, по крайней мѣрѣ, проститься съ вами.

Лазарь началъ съ негодованіемъ протестовать: можно-ли вообразить себѣ такой вздоръ! Черезъ недѣлю она будетъ совсѣмъ здоровой! Онъ выпустилъ ея руку и, придумавъ какой-то предлогъ, побѣжалъ въ свою комнату, чтобы не разрыдаться передъ нею. Тамъ, въ темнотѣ, онъ отдался своему горю, бросившись на постель, на которой уже давно не спалъ. Сердце его вдругъ сжалось отъ ужасной увѣренности: Полина умретъ, быть можетъ даже не переживетъ этой ночи. И при мысли, что она это знаетъ, что ея молчаніе не что иное, какъ великодушный героизмъ женщины, которая даже накануне смерти падать чужое горе, отчаяніе охватывало его съ удвоенною силою. Она знала, что должна умереть, она будетъ видѣть приближеніе агоніи, а онъ не въ силахъ спасти ее. И ему уже казалось, что онъ присутствуетъ при послѣднемъ прощаніи; среди густого мрака, царившаго въ комнатѣ, вся сцена проносилась передъ его глазами со всѣми надрывающими душу подробностями. Все было кончено; онъ судорожно обхва-

тиль руками подушку и уткнулъ въ нее голову, чтобы заглушить свои рыданія.

Однако, ночь прошла благополучно; затѣмъ прошло еще два дня. Но теперь между ними возникла новая связь,— неотступная мысль о близкой смерти. Она уже не упоминала болѣе о грозившей ей опасности и даже принуждала себя улыбаться; онъ также казался спокойнымъ и какъ будто надѣялся, что она не сегодня-завтра выздоровѣетъ; на самомъ же дѣлѣ они оба мысленно прощались другъ съ другомъ каждый разъ, когда обмѣнивались долгимъ, нѣжнымъ взглядомъ. Въ особенности по ночамъ, когда онъ сидѣлъ возлѣ нея, каждый изъ нихъ понималъ даже мысли, волновавшія другого; вѣчная угроза смерти даже молчанію ихъ придавала глубокое значеніе. Ничто не могло сравниться съ мучительною сладостью этихъ предсмертныхъ ночей, никогда еще они не чувствовали такого полного сліянія ихъ душъ въ каждомъ помыслѣ, въ каждомъ стремленіи.

Однажды утромъ, при восходѣ солнца, Лазарь съ удивленіемъ вспомнилъ, что за все это время мысль о смерти ни разу не тревожила его. Начиная съ того дня, когда заболѣла Полина, онъ ни разу не чувствовалъ того леденящаго ужаса, который холодной струей пробѣгалъ по его тѣлу, отъ головы до пяткъ, при одномъ намекѣ на прекращеніе жизни. Теперь, когда онъ трепеталъ за жизнь своей подруги, страхъ его имѣлъ совсѣмъ другой характеръ и не касался разрушенія его собственнаго я. Сердце его обливалось кровью, но эта битва противъ смерти сравняла его съ врагомъ, и онъ рѣшился наконецъ смѣло взглянуть ему въ лицо. А, впрочемъ, можетъ быть метаморфоза объяснялась просто усталостью, тупымъ равнодушіемъ полусоннаго состоянія. Онъ закрылъ глаза, чтобы не видѣть всплывавшаго надъ горизонтомъ солнца, старался снова вызвать въ себѣ прежнюю дрожь смертельнаго ужаса, искусственно возбуждая въ себѣ страхъ, повторяя мысленно, что и ему придется умирать; но ничто не откликалось, онъ оставался совершенно равнодушнымъ и относился ко всѣмъ этимъ представленіямъ съ какою-то удивительною легкостью. Даже пессимизмъ его рушился въ виду страданій любимаго существа. Его негодующій протестъ противъ этихъ страданій не только не укрѣплялъ его въ ненависти къ міру,

но самъ исходилъ изъ пламенной любви къ жизни, изъ страстнаго стремленія къ здоровью. Онъ уже не выражалъ желанія взорвать земной шаръ, какъ старое, никуда негодное строеніе; единственный образъ, которой преслѣдовалъ и соблазнялъ его въ мечтахъ, была Полина, здоровая, гуляющая съ нимъ рука объ руку, подъ веселыми лучами солнца; онъ чувствовалъ только одну потребность,—еще разъ побѣгать съ нею по тѣмъ тропинкамъ, гдѣ они когда-то вмѣстѣ гуляли, еще разъ увидѣть ее бодрою, улыбающеюся.

Въ этотъ день Лазарю показалось, что смерть, наконецъ, наступаетъ. Начиная съ восьми часовъ, больную начало тошнить; каждое усиліе сопровождалось сильными припадками удушья. Вскорѣ начался ознобъ; она тряслась такъ сильно, что слышно было, какъ стучали ея зубы. Лазарь, внѣ себя отъ страха, крикнулъ въ окошко, чтобы послали кого-нибудь изъ деревенскихъ мальчишекъ въ Арроманшъ, хотя докторъ, по обыкновенію, долженъ былъ пріѣхать къ одиннадцати часамъ. Весь домъ былъ погруженъ въ мрачное безмолвіе,—въ немъ чувствовалась какая-то пустота, съ тѣхъ поръ какъ Полина уже не оживляла его своею кипучею дѣятельностью. Шанто сидѣлъ цѣлый день внизу, въ полномъ одиночествѣ, поглядывая на свои ноги и со страхомъ думая о томъ, что онъ будетъ дѣлать въ случаѣ припадка теперь, когда некому было за нимъ ухаживать; мадамъ Шанто уводила Луизу гулять; онѣ обѣ проводили большую часть времени внѣ дома и очень сблизились; только тяжелые шаги Вероники, которая безпрестанно то поднималась, то спускалась, нарушали мертвую тишину, царившую на лѣстницѣ и въ пустыхъ комнатахъ. Лазарь уже три раза выходилъ въ корридоръ, чтобы узнать, наконецъ, послали-ли кого-нибудь за докторомъ. Онъ только что вернулся и смотрѣлъ на больную, которая какъ-будто немного успокоилась. Въ эту минуту дверь, оставшаяся незатворенною, издала легкій скрипъ.

— Ну что, Вероника?

Но это была его мать. Въ это утро она должна была ѣхать съ Луизою къ знакомымъ, жившимъ по близости отъ Вершмона.

— Маленькій Кюшъ тотчасъ отправился. У него хорошія ноги.

Помолчавъ немного, она спросила:

— Ей все еще не лучше?

Лазарь отчаяннымъ жестомъ молча указаль ей на Полину, которая лежала неподвижно, словно мертвая, съ лицомъ, покрытымъ каплями холоднаго пота.

— Въ такомъ случаѣ, мы не поѣдемъ въ Вершмонъ, продолжала она.—Какъ упорны эти загадочныя болѣзни!.. Бѣдная дѣвочка, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ измучилась.

Она сѣла и продолжала нанизывать фразу за фразой однимъ и тѣмъ-же тихимъ, монотоннымъ голосомъ.

— А мы собирались-было выйти въ семь часовъ! Хорошо, что Луиза проспала... И нужно-же, право, чтобы сегодня на насъ посыпались всякія напасти. Недавно приходилъ лавочникъ изъ Арроманша со счетомъ; я должна была ему заплатить. А теперь внизу дожидается булочникъ... Въ послѣдній мѣсяцъ забрано на сорокъ франковъ хлѣба! Я просто не могу себѣ представить, куда онъ идетъ...

Лазарь не слушалъ ея, всецѣло поглощенный томительнымъ страхомъ, что вотъ-вотъ опять начнется приступъ озноба. Но назойливый шумъ этого потока словъ раздражалъ его. Онъ попытался удалить ее.

— Пришли, пожалуйста, съ Вероникой салфетки.

— Вѣдь нельзя-же не заплатить этому булочнику, продолжала она, не обративъ, повидимому, никакого вниманія на его слова.—Онъ говорилъ со мною; теперь невозможно сказать ему, что меня нѣтъ дома... Ну ужъ, намаялась я съ этимъ хозяйствомъ! Силь моихъ нѣтъ; право, я, кажется, кончу тѣмъ, что все брошу... Если-бы хоть Полина не была такъ больна, она-бы заплатила намъ девяносто франковъ за мѣсяцъ впередъ. Сегодня двадцатое число; въ крайнемъ случаѣ это составило-бы всего десять дней разницы... Бѣдняжка, кажется, очень плоха...

Лазарь быстро обернулся.

— Что? Чего тебѣ нужно?

— Ты не знаешь, куда она кладетъ свои деньги?

— Нѣтъ.

— Онѣ, вѣроятно, въ коммодѣ... Ты-бы посмотриль.

Онъ отвѣтилъ раздраженнымъ отрицательнымъ жестомъ. Руки его дрожали.

— Прощу тебя, мама... ради Бога, оставь меня!

Послѣднія фразы были произнесены торопливымъ шопотомъ, въ глубинѣ комнаты. Наступило тягостное молчаніе, среди котораго вдругъ съ постели послышался тихій голосъ:

— Лазарь, возьми ключъ подъ моею подушкою и дай тебѣ, сколько она захочетъ.

Оба были поражены и не знали, что дѣлать. Лазарь началъ протестовать, не соглашаясь рыться въ коммодѣ, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ уступить, чтобы успокоить Полину. Вручивъ матери стофранковый билетъ и вернувшись къ постели, чтобы опять положить ключъ подъ подушку, онъ увидѣлъ, что съ больною сдѣлался новый приступъ озноба, который потрясалъ ее, какъ молодое деревцо, готовое надломиться. И двѣ крупныя слезы медленно скатились по щекамъ изъ ея бѣдныхъ, закрытыхъ глазъ.

Докторъ Казновъ пріѣхалъ въ свой обычный часъ. Онъ даже не видѣлъ маленькаго Кюша, который, вѣроятно, дурачился гдѣ-нибудь въ канавѣ, тянувшейся вдоль дороги. Выслушавъ Лазаря и взглянувъ на Полину, онъ воскликнулъ:

— Она спасена!

Эта тошнота, этотъ ознобъ были ясными признаками, что абсцессъ, наконецъ, прорвался. Теперь уже нечего было опасаться удушенія; болѣзнь разрѣшится сама собою. Извѣстіе это вызвало всеобщую радость. Лазарь вышелъ провожать доктора, а такъ какъ Мартынъ, бывшій матросъ, оставшійся въ услуженіи у доктора со своей деревянной ногой, сидѣлъ въ это время въ кухнѣ и пилъ стаканъ вина, то всѣ выразили желаніе выпить за здоровье Полины. Мадамъ Шанто и Луиза выпили по рюмочкѣ ликера, настоеннаго на зеленой оболочкѣ орѣха.

— Я никогда серьезно не беспокоилась за нее, сказала мадамъ Шанто.—Я чувствовала, что все кончится благополучно.

— Ну, ужъ что ни говорите, а настрадалась - таки наша барышня. Ей Богу! подари мнѣ кто-нибудь пять франковъ, абы не обрадовалась имъ такъ, какъ этому извѣстію.

Въ эту минуту вошелъ аббатъ Гортерь. Онъ явился, чтобы справиться о здоровьѣ и тоже выпилъ рюмочку ликера, принимая участіе въ общей радости. Каждый день заходилъ онъ

такимъ образомъ, въ качествѣ добраго сосѣда; при первомъ же посѣщеніи, когда Лазарь заявилъ, что не допустить его къ больной, изъ боязни испугать ее, священникъ спокойно отвѣтилъ, что онъ это понимаетъ, и довольствовался тѣмъ, что моллился въ церкви за здоровье бѣдной барышни. Шанто чокнулся съ нимъ и похвалилъ его за такую терпимость.

— Вы видите, что она выкрутилась и безъ молебновъ.

— Всякій спасается по-своему, сказалъ священникъ наставительнымъ тономъ, допивая свою рюмку.

Когда докторъ уѣхалъ, Луиза пожелала подняться наверхъ, чтобы поцѣловать Полину. Больная еще сильно страдала, но теперь этимъ страданіямъ, казалось, уже не придавали никакого значенія. Лазарь весело кричалъ ей, чтобы она не падала духомъ. Онъ пересталъ притворяться и, напротивъ, даже преувеличивалъ миновавшую опасность, рассказывая ей, какъ ему три раза казалось, что онъ держитъ ее въ рукахъ мертвую. Она, съ своей стороны, не обнаруживала такъ громко радости по поводу избавленія отъ опасности; успѣвъ уже свыкнуться съ мыслью о смерти, она, казалось, вся была проникнута радостнымъ сознаніемъ жизни. Чувство умиленія по временамъ озаряло ее истомленное лицо. Она пожала ему руку и, улыбаясь, прошептала:

— Что, другъ мой? Не избѣжать тебѣ своей судьбы! Я буду твоей женой.

Начало выздоровленія ознаменовалось глубокимъ, продолжительнымъ сномъ. Она спала по цѣлымъ днямъ, спокойная, съ ровнымъ, тихимъ дыханіемъ, погруженная въ цѣлительное, оживляющее забытѣе. Минушъ, которую выгоняли изъ комнаты въ бурный періодъ болѣзни, теперь пробралась въ нее, воспользовавшись этой безмятежной тишиной; она вскакивала на постель, быстро свернувшись кольцомъ, прижималась къ боку своей хозяйки и проводила въ такомъ положеніи цѣлые дни, наслаждаясь постельною теплотою; иногда она предавалась здѣсь безконечнымъ туалетнымъ затѣямъ, вылизывая языкомъ все тѣло, но такъ осторожно и искусно, что больная даже не замѣчала ея движеній. Тѣмъ временемъ, Матье, точно также допущенный въ комнату, храпѣлъ, какъ мужикъ, растянувшись на коврикѣ, передъ кроватью.

Одна изъ первыхъ прихотей Полины состояла въ томъ,

что въ слѣдующую-же субботу она пожелала принять у себя въ комнатѣ своихъ маленькихъ друзей. Послѣ строжайшей діеты, которую она принуждена была соблюдать въ теченіи трехъ недѣль, ей на первое время разрѣшили яйца въ смятку. Она могла принять дѣтей сида, хотя была еще очень слаба. Лазарь опять долженъ былъ лазить въ коммодъ, чтобы достать ей нѣсколько пятифранковыхъ монетъ. Но, разспросивъ своихъ бѣдныхъ и попытавшись свести съ ними всѣ залущенные счета, она почувствовала такую страшную усталость, что ее опять уложили почти въ безсознательномъ состояніи. Интересовалась она также волноломомъ и плотиною, каждый день спрашивала, хорошо-ли они выдерживаютъ напоры. Многія бревна уже распатались, но Лазарь обманывалъ ее, говоря, что только нѣсколько досокъ оторвало волной. Однажды утромъ, оставшись одна, она соскочила съ постели, чтобы посмотрѣть хоть издали, какъ приливъ осаждаетъ плотину; но и на этотъ разъ силы измѣнили ей и она-бы упала, если-бы Вероника не подоспѣла во-время и не подхватила ея.

— Смотри, я привяжу тебя, если ты будешь вести себя такъ безразсудно, повторялъ Лазарь, улыбаясь.

Онъ непремѣнно хотѣлъ по-прежнему просиживать возлѣ нея ночи, но, выбившись изъ силъ, обыкновенно засыпалъ въ своемъ креслѣ. Въ первое время онъ испытывалъ живѣйшую радость, глядя, какъ она выпивала первыя чашки бульона. Это здоровье, возвращавшееся въ молодое тѣло, производило на него такое отрадное впечатлѣніе, что, при видѣ возрождающейся, торжествующей жизни, онъ и самъ, казалось, возрождался. Но потомъ онъ началъ привыкать къ здоровью, переставалъ радоваться ему, какъ неожиданному благу, съ тѣхъ поръ, какъ исчезло страданіе. Оставалось только какое-то тупое безучастіе, общая нервная усталость послѣ борьбы, да смутная мысль, что кругомъ снова начинается воцаряться пустота.

Однажды ночью Лазарь былъ погруженъ въ глубокой сонъ, какъ вдругъ Полина услышала, что онъ просыпается съ тяжелымъ вздохомъ. При свѣтѣ ночника, она видѣла его испуганное лицо, его широко раскрытые отъ ужаса глаза, его руки, сложенные въ молящемъ жестѣ. Прерывающимся голосомъ онъ бормоталъ:

— Боже мой!.. Боже мой!

Встревоженная, она вскочила и наклонилась къ нему.

— Что съ тобою, Лазарь?.. Ты нездоровъ?

Этотъ голосъ заставилъ его вздрогнуть. Стало быть, она видѣла? Онъ смутился и могъ придумать только очень неловкую ложь:

— Ничего... Это ты сейчасъ стонала.

Страхъ смерти снова охватилъ его во время сна, страхъ безпричинный, какъ будто тоже вышедшій изъ темной бездны небытія, страхъ, который своимъ ледянымъ дыханіемъ разбудилъ его и заставлялъ трястись, какъ въ лихорадкѣ. Боже мой! Настанетъ день, когда и ему придется умирать! Ужасный призракъ смерти наступалъ все ближе, душилъ его, между тѣмъ какъ Полина, опустившая голову на подушку, смотрѣла на него своимъ обычнымъ, материнскимъ, сострадательнымъ взглядомъ.

Переводъ А. Москвина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРИ МѢСЯЦА ВЪ БРЕТАНИ.

I.

Поѣздъ западной линіи желѣзной дороги переноситъ васъ изъ Парижа на берега Бретани приблизительно часовъ въ 12 и подходитъ къ мѣсту назначенія, приморскому городу-крѣпости Сень-Мало, расположившемуся на гранитной скалѣ и окруженному моремъ съ трехъ сторонъ въ видѣ полуострова. Сень-Мало стоялъ когда-то совсѣмъ на островѣ, называвшемся островомъ Сень-Аарона. (Вообще, въ Бретани все «свято»: врядь-ли есть хоть какое-нибудь ничтожное мѣстечко, бургъ, или селеніе, которое не носило-бы приставки «Сень»). Теперь-же этотъ городъ соединенъ съ материкомъ громадною плотиною въ 200 метровъ длины и нѣсколько десятковъ метровъ ширины. Видъ очень оригинальный. Это—совсѣмъ средневѣковый бургъ съ узкими, извилистыми, грязными улицами, съ ужасающею вонью и домами, тянущимися въ видѣ какихъ-то столбовъ прямо къ небу, соперничающими другъ съ другомъ, кто кого переростетъ и кто, наконецъ, получить возможность вдхнуть въ себя свѣжій морской воздухъ, свободный отъ міазмовъ человѣческаго муравейника. Интересно смотрѣть на городъ, проходя по крѣпостной стѣнѣ (Сень-Мало сильная крѣпость), очень широкой и очень удобной для прогулокъ: ее здѣшній бомондъ справедливо предпочитаетъ узкимъ и костоломнымъ мостовымъ города. Обходя городъ по этой стѣнѣ, стягивающей его, словно поясъ, вы поймете своеобразную архитектуру городскихъ строеній. Вѣдь и между домами царитъ дарвиновская борьба за существованіе, и эти неодушевленные организмы вырабатываютъ себѣ особый типъ, приспособляются къ условіямъ окружающей ихъ среды. Ихъ стиснуло, напр., въ своихъ объятіяхъ каменное кольцо фортификацій, и вотъ всѣ дома тянутся наперерывъ въ небо, утончаясь до формы какихъ-то каменныхъ четырехугольныхъ призмъ, словно вытягиваютъ вверхъ каменные шеи своихъ верхнихъ этажей, и поднимаются на ципочки изъ грязи

улицъ, чтобъ перерости громаду фортификацій. Дома, непосредственно соприкасающіеся со стѣной, просто поражаютъ своимъ курьезнымъ видомъ, и непропорціональной вышиной. Въ непобѣдимомъ стремленіи кверху они, опять-таки какъ біологическіе организмы, утратили органы, ненужные для борьбы за существованіе. Подобно тѣмъ ракообразнымъ, которые, постоянно живя во мракѣ пещеръ и гротовъ, утратили органы зрѣнія и сохранили ихъ лишь въ зачаточномъ состояніи, и дома Сень-Мало утратили то, что называется дворомъ, мѣстомъ. Дѣйствительно, вы можете пройти цѣлый городъ — и вездѣ, буквально нигдѣ, вы не найдете столь знакомаго жителю русскихъ уѣздныхъ городовъ двора. Его нѣтъ, онъ пребываетъ лишь въ зачаточномъ состояніи, въ видѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ пространства между высокими стѣнами. Да и на что былъ-бы нуженъ расплзающійся въ широту дворъ? Сень-Мало — бесплодная гранитная скала. Злаковъ здѣсь не произрастаетъ, да и произрастать не можетъ. Огородовъ и садовъ разводить не для чего: все это идетъ съ континента. Правда, Сень-Мало ловить усиленно рыбу, но ей всегда найдется мѣсто или непосредственно въ желудкѣ бравыхъ рыбаковъ, или въ ихъ садбахъ-челнокахъ, или, въ крайнемъ случаѣ, на набережной порта, откуда эта рыба поплыветъ въ просолономъ естествѣ по рѣкамъ и каналамъ Франціи и Европы, по ихъ желѣзнымъ дорогамъ, пока не очутится на столѣ потребителя. Причемъ-же тутъ дворъ? И вотъ дворъ, садъ, огородъ, вообще всякое пространство при домѣ упразднено.

Нѣтъ ни дерева, ни грядки овощей, ни пустыря, ни даже чахлой бульварной растительности, которую вы встрѣчаете даже въ колоссальномъ, населенномъ милліонами Парижѣ. Сень-Мало далъ въ своихъ стѣнахъ пріютъ лишь одному жалкому скверу.

Особенность Сень-Мало — его кафе, рестораны и *table d'hôte*'ы, однимъ словомъ, мѣста, гдѣ люди, по выраженію Бѣлинскаго, предаются «потребительному священнодѣйствію». Все это — типично въ высшей степени, потому что по всей Бретани все это устроено на одинъ ладъ; говорю о приморскихъ мѣстностяхъ. Отсюда придется выключить лишь по ихъ не интересности отели и гостиницы, вообще учрежденія, на которыхъ уже легъ отпечатокъ интернаціональнаго комфорта. Отели по всей Европѣ — на одинъ ладъ. Неизмѣнные цвѣты при входѣ, неизмѣнные ковры по лѣстницамъ и неизмѣнные лакеи съ бакенбардами, — странное дѣло, почти всегда черными — и притомъ à la Жюль Ферри, который увѣковѣченъ Рошфоромъ, какъ типъ истаго *garçon de café*. Но болѣе низменныя заведенія, — рестораны, дешевенькія гостин-

ницы и т. п. мѣста, соотвѣтствующія нашимъ русскимъ постояннымъ дворамъ, — вотъ что сохраняетъ на себѣ колоритъ національнаго генія данной мѣстности, даннаго уголка.

Пойдемъ сначала въ столовую одного изъ такихъ ресторановъ. Въ довольно длинной, извилистой и ужасно тѣсной улицѣ вашъ глазъ поминутно натывается на разноцвѣтныя вывѣски съ причудливыми заглавіями, выписанными непременно золотыми буквами. Старинная французская орфографія—во всемъ блескѣ. Нѣтъ недостатка и въ крѣпкомъ бретонскомъ юморѣ. На вывѣскѣ одного изъ ресторановъ я прочиталъ: «Le bastard», вмѣсто современнаго французскаго «le bâtard» (незаконорожденный). Правописаніе шло, очевидно, еще отъ тѣхъ блаженныхъ временъ, когда Францію правили разные Іоанны незаконорожденные, Филиппы прекрасные. На другой вывѣскѣ я узрѣлъ украшенное многочисленными завитушками «à la Fourberie» (Плутство). Неизвѣстно, чье плутство манило въ свои объятія проголодовавшаго путешественника, но если здѣсь подразумѣвалось плутство хозяина заведенія, то оно было совсѣмъ невиннаго свойства. Это было ясно по окончаніи обѣда, когда вы, привывши къ отвратительнымъ парижскимъ 1½—2 франковымъ обѣдамъ, приходили въ торжественное состояніе, чувствуя, что вы за 1½ фр. не отравлены здѣсь, а накормлены. Здѣсь слышалось благодатное вѣяніе провинціи и ея сравнительной дешевизны. Блюда не носили сладковзвучныхъ парижскихъ названій. Подавали вамъ haricots verts.—такъ и говорили, что, вотъ, молъ, зеленые бобы подаемъ, и дѣйствительно бобы оказывались бобами. Мѣсто какого-нибудь замысловатаго парижскаго рагу, въ которомъ есть все, кромѣ мяса, занимала честная, простодушная баранина провинціи. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ—а ихъ въ Бретани не мало—«Плутство» достигало своего апогея, украшая столъ и дарами океана,—камбалой или еще другимъ сортомъ рыбы—нѣчто въ родѣ морскаго масгеау. Мы, конечно, умалчиваемъ про супы и т. п. «горячія», которыя по всей Франціи тяготеютъ къ одному типу: такъ что-то въ родѣ святой воды, а мяса и жирнаго російскаго навару нѣтъ и помина.

Ко всему перечисленному нужно прибавить, въ волю хлѣба съ очень соленымъ, но настоящимъ коровьимъ масломъ (что въ Парижѣ то-же рѣдкость) и знаменитый напитокъ, именуемый сидромъ.

II.

Относительно масла нужно замѣтить, что подобно здѣшнему, простому хлѣбу, оно положительно насыщено солью, которой бретонскія хозяйки прибавляютъ сюда ужасно много. Но бретонцы и любятъ это. Вкусъ ихъ до такой степени мало отзвучивъ на соленые «реактивы», что напримѣръ, масло, которое мнѣ казалось пересоленнымъ, заставляло наоборотъ моихъ товарищей по табльдоту замѣчать: «невкусно, мало соли, подбавить-бы еще надо». Впрочемъ, это распространяется и на каждое бретонское блюдо: здѣсь любятъ вообще есть солоно, особенно масса населенія, — крестьяне, рабочіе, моряки. Двѣ причины, по моему мнѣнію, дѣлаютъ изъ бретонцевъ такихъ любителей соленого. Съ одной стороны, это огромный процентъ солей въ водѣ, употребляемый бретонцами для питья и на изготовленіе пищи. Прорѣки уже и говорить нечего. Всѣ видѣнныя мною рѣчки — Фремюры, Гю, Брианы — просто на просто ручейки, много если тянутся на десятокъ-другой верстъ и вездѣ не глубже пояса. Представьте себѣ эту сравнительно-ничтожную струйку прѣсной воды, льющейся въ море, наряду съ самимъ моремъ, которое во время приливовъ посылаетъ свои воды вплоть до истоковъ жалкихъ рѣченочъ — и вы поймете, насколько солона будетъ эта quasi-рѣчная вода. Но этого мало. Даже вода въ бретонскихъ (приморскихъ) источникахъ и колодцахъ имѣетъ довольно непріятный, металлически-соленый вкусъ. Дѣло въ томъ, что грунтъ въ Бретани — суглинокъ или супесокъ, а подпочва — гранитная. Поэтому море, просачиваясь на далекое разстояніе въ береговой песокъ и глину и задерживаясь нижнимъ слоемъ камня, хотя слегка, но постоянно смѣшиваетъ свою воду и соли съ водой прибрежныхъ источниковъ и колодцевъ. Если сообразить далѣе, какое громадное количество такой воды потребляется бретонцами ежедневно, то нетрудно понять, почему они ужасно привыкаютъ къ ощущенію соленого вкуса. Но есть еще и другая причина, не столько физическая, сколько социальная. До послѣдняго времени большинство мужчинъ въ низшихъ классахъ населенія вело образъ жизни моряковъ (шло въ матросы, занималось рыбацкимъ промысломъ), и такой образъ жизни долженъ неминуемо приучать къ соленому. Консервы и вообще всякая пища, пропитанная солью съ цѣлью предохранить ее отъ гніенія, — главная основа морского стола. Морякъ приносилъ съ собою и на сушу обычай и вкусы морской жизни, а вся семья, конечно, примѣнялась къ вкусамъ своего главы. «Намъ нужно соленое, кислое, вообще такое, чтобъ ротъ

чувствовалъ, когда ѣшь»—гсворилъ мнѣ не разъ тотъ или другой старый морякъ. Представьте себѣ теперь длинный рядъ колоѣннй, которыя такимъ образомъ всасывали въ себя соль буквально съ молокомъ матери. Не должны-ли были въ концѣ этой длинной цѣпи получиться отчаянные любители всего соленого?..

Мы упомянули немного выше о сидрѣ, какъ о необходимой принадлежности чисто-бретонскаго стола. Этотъ напитокъ заслуживаетъ спеціальнаго вниманія. Бретань (наравнѣ съ Нормандіей)—страна сидра. Это—ея національный продуктъ, гордость и, если позволено будетъ такъ выразиться, украшеніе. Сидръ—нѣчто въ родѣ яблочнаго кваса. Лучшій сидръ имѣетъ почти красный цвѣтъ. Вкусъ его слегка кисловатый, рѣзкій и щиплющій. Онъ отзывается специфичнымъ запахомъ и, если достаточно крѣпокъ, немного горчить и оубьяняетъ. Обыкновенно его приготавливаютъ изъ горькихъ сортовъ. Сладкія яблони даютъ сидръ очень вкусный и похожій на наши російскіе фруктовые квасы. Но онъ недостаточно силенъ, «слишкомъ водой отзывается»—говорятъ бретонцы, и, сверхъ того, очень быстро портится. Кислые сорта вовсе не годятся для сидра, вѣроятно по отсутствію той горькой эссенціи, которая придаетъ такой характеристичный вкусъ хоть-бы обыкновенному хмѣлю и является вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ ферментомъ броженія. Большинство крестьянъ-собственниковъ дѣлаютъ сидръ сами и почти исключительно для домашняго употребленія. Вывозъ его очень незначителенъ, и главнымъ рынкомъ для сбыта являются небольшія торговыя суда, занимающіяся или каботажнымъ плаваніемъ между приморскими пунктами, или совершающія незначительные рейсы въ открытомъ морѣ. Вывозятъ сидръ и на югъ, въ Рэннъ (главный городъ департамента Иль и Вилэнъ), а иногда и въ Парижъ, но въ очень маломъ количествѣ. Издержки транспортировки и пошлины, взимаемыя въ городскихъ таможахъ при входѣ (octroi), настолько высоки, что не позволяютъ искать для сидра сбыта вдали отъ мѣста производства. Такъ, напримѣръ, городская таможня въ Сенъ-Мало взysкиваетъ 9 франковъ съ каждаго боченка ввозимаго сидра, а онъ напитокъ очень дешевый.

Производство сидра находится въ Бретани на той ступени, которая предшествуетъ не только развитому капиталистическому сбыту товаровъ, предполагающему всемірный рынокъ, но даже и мало-мальски широкому національному обмѣну. Вы видите здѣсь «натуральное» хозяйство среднихъ вѣковъ, когда каждый приготавливалъ для себя продукты потребленія, и лишь избытокъ сбывалъ на сторону. Разница, конечно, въ томъ, что исчезъ гра-

бительскій элементъ, извѣстный во время ср. вѣковъ подъ именемъ рыцаря, феодала, вообще синьора,—элементъ, врывавшійся въ распредѣленіе и присвоивавшій себѣ львиную долю продуктовъ труда. Самое-же производство продукта, о которомъ мы теперь трактуемъ, осталось на прежней ногѣ. По аналогіи съ русскимъ, его можно было-бы назвать кустарнымъ, но ненужно лишь забывать, что въ то время, какъ наше кустарное производство имѣетъ своимъ рынкомъ цѣлую Россію, здѣшнее производство сидра тѣсно связано съ личнымъ, индивидуальнымъ потребленіемъ каждаго хозяйства. За то, конечно, оно совсѣмъ подходитъ подъ понятіе кустарнаго въ томъ смыслѣ, что оно, во-первыхъ, ведется въ большинствѣ случаевъ самимъ хозяиномъ орудій производства, а не батракомъ, а во-вторыхъ, эти орудія производства—самыя примитивныя, мелкія и чужды всякой машинной, научно-технической подкладки. Благодаря этому, не блистая особой производительностію, фабрикація сидра до сихъ поръ успѣвала вырываться изъ объятій неумолимаго капиталистическаго закона—периодическаго загроможденія рынка товарами и страшнаго колебанія въ цѣнахъ, выражающаго наглядно это явленіе.

Спекуляція, какъ извѣстно,—очень чувствительный барометръ, указывающій безошибочно, въ какомъ пунктѣ производство достигло высокаго капиталистическаго давленія. Но на сидръ спекулянтовъ нѣтъ. Разсказывали мнѣ про какого-то шального коммерсанта, который вздумалъ было и здѣсь поиграть на повышеніе—пониженіе, но—увъ!—натуральное хозяйство не мирится съ подобными прожектами, и несчастный Донъ-Кихоть капитализма чуть не утопился съ горя въ застрявшихъ у него на рукахъ нѣсколькихъ сотняхъ бочекъ сидра. Этимъ единственнымъ примѣромъ дѣло и покончилось. И вотъ мы видимъ, какъ цѣна сидра съ правильностію морскаго прилива и отлива колеблется между 10—15 сантимами за литръ въ розничной продажѣ. Въ сентябрѣ—октябрѣ мѣсяцахъ, когда новый сборъ яблокъ обуславливаетъ производство новаго сидра, цѣна падаетъ до 10 сантимовъ за литръ, и предложеніе обыкновенно слегка превышаетъ спросъ, но затѣмъ цѣна начинаетъ постепенно подыматься и передъ новой яблочной «жатвой» достигаетъ 15 сантимовъ. И такъ какъ урожай яблокъ въ здѣшнихъ благодатныхъ мѣстахъ колеблется изъ году въ годъ сравнительно очень мало, то и самая «стоимость» производства отличается замѣчательной устойчивостію.

Каждая мало-мальски зажиточная семья имѣетъ непременно нѣсколько десятковъ яблонь и грушъ. Яблоки—мы уже сказали—нѣсколько приторнаго, сладко-горьковатаго вкуса, обыкновенно изъ

тѣхъ породѣ, которыя у насъ, въ Россіи, на языкѣ ростовскихъ огородниковъ, называются «арапами». Бретонскій крестьянинъ крѣпко держится за свою собственность—нѣсколько десятковъ облонъ и грушъ, колоду и прессъ для сидра,—и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія сдѣлаться пролетаріемъ лишь-бы заняться машинной фабрикаціей сидра. Есть, правда, здѣсь, въ иныхъ мѣстахъ, начало такой фабрикаціи, такъ называемыя «мельницы для яблокъ» (*mouilins aux pommes*), употребляемыя на фермахъ, но эти машины прививаются крайне туго и, по увѣренію бретонцевъ, даютъ сидръ гораздо низшаго достоинства. А просто-на-просто здѣсь нѣтъ еще благопріятныхъусловіи для быстрого развитія капиталистическаго производства. Будь таковыя,—машинный сидръ очень легко вытѣснилъ-бы ручной, несмотря на всѣ качества послѣдняго.

III.

Мы прерываемъ здѣсь отступленіе о сидрѣ, которое было, впрочемъ, у мѣста, ибо читатель оставался все это время вмѣстѣ съ нами въ столовой ресторана «à la Fourberie» за обильнымъ и продолжительнымъ провинціальнымъ обѣдомъ, у длиннаго изогнутаго въ видѣ «покоя» стола, среди двухъ—трехъ десятковъ моряковъ, загорѣлыхъ, горластыхъ, непрерывно смѣющихся здоровымъ смѣхомъ и разнообразящихъ сидръ коньякомъ или ромомъ... Посмотримъ на обстановку нашего ресторана. Столъ и стулья—самые незатѣйливыя, изъ каштана, котораго здѣсь много и который идетъ на разныя подѣлки въ этомъ родѣ. Громадный каминъ, обыкновенно чернаго цвѣта, украшенъ двумя большими вазами съ цвѣтами (натуральными, а не искусственными) и довольно массивной статуэткой Мадонны изъ алебаstra съ позолоченными лиліями и младенцемъ въ рукѣ. Это придаетъ камину видъ католическаго алтаря. Въ лѣтнее время каминъ, конечно, закрытъ ширмой, соответствующей его размѣрамъ и имѣющей въ срединѣ нѣчто въ родѣ довольно большой лубочной картины. Сцены, составляющія сюжетъ ея, либо взяты изъ священной исторіи, либо рисуютъ фантастическихъ рыцарей или моряковъ, или-же, наконецъ, отдаютъ сатирическимъ букетомъ чисто-бретонскаго происхожденія. Чаще всего мнѣ приходилось видѣть въ послѣднемъ случаѣ сатирическія сцены по... народному образованію. Самое обычное изображеніе, это—коммунальная шеола, небольшое зданіе, на которомъ художникъ ради принципа «се—левъ, а не собака» даже и нарисовалъ вывѣску со словами *école communale*. На переднемъ планѣ,

двери школы, непременно подъ сѣнію дуба или каштана, спить пьяный учитель,—замѣтите, изъ свѣтскихъ, и ребятишки цѣлой толпой потѣшаются надъ нимъ, то щекочя у него въ носу скрученными бумажками, то выливая цѣлне ушаты воды на его голову, а вдали, католическій попъ, за платье котораго цѣпляются двѣ—три овцы самого юнаго возраста, съ назидательнымъ видомъ указываетъ имъ на сборище буйныхъ козловъ. «Вотъ, молъ, дѣти, что такое школа, лишенная мирнаго служителя алтаря и исключаящая изъ числа предметовъ католическій катехизисъ!» Эту клерикальную струйку мы, впрочемъ, найдемъ повсюду въ Бретани.

Но кромѣ каминной живописи, есть и настоящая въ видѣ нѣсколькихъ картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ столовой. Конечно, и эта живопись лишь немногими ступенями выше предъидущей: главный ея сюжетъ—морскія сцены, баталіи и охоты на хищныхъ звѣрей. Вы увидите и «русскій фрегатъ «Свѣтлана», затертый льдами Сѣвернаго Океана» и «ночные маневры англійскаго броненосца «Минотавръ», и какой-то анонимный «пожаръ на морѣ». Рядомъ ваше вниманіе привлекается «охотой на слоновъ принца Уэльскаго» и «Наполеономъ при Маренго». А еще дальше ваши взоры перекрещиваются съ взорами самого хозяина заведенія, масляный портретъ котораго виситъ, по обыкновенію, въ комнатѣ, служащей табль д'отомъ, какъ-бы въ удостовѣреніе того, что этотъ широкоплечій, рыжебородый, похожій на русскаго купца бретонецъ есть воистину хозяинъ вашихъ желудковъ. Въ довершеніе мирной и патриархальной обстановки, на окнахъ стоятъ горшки съ геранями и фуксіями.

Обстановка дешевыхъ ресторановъ начинается, впрочемъ, измѣняться, и отдѣльныя комнаты для путешественниковъ уже значительно обезличены обще-европейскимъ складомъ отелной жизни. Кромѣ столовой, ваше вниманіе остановится поэтому, пожалуй, развѣ на «входѣ въ заведеніе». Узкій, съ высокими порогами, извиваясь, словно змѣя, до высоты нѣсколькихъ этажей,—онъ очень крутъ, отвратительно освѣщенъ, насыщенъ богъ знаетъ какими запахами и вмѣсто перилъ снабженъ—угадайте, чѣмъ?—ни много, ни мало, какъ просмоленнымъ и довольно гладкимъ канатомъ. Взбираясь съ замираніемъ сердца по крутой лѣстницѣ, вы volens-polens должны продѣлывать обычную гимнастику матроса. Вѣроятно, такіе старинные рестораны и привлекають поэтому массу моряковъ. Все здѣсь напоминаетъ моряку о его стихіи: и изобиліе рыбы, и безперерывный, горластый разговоръ, и морскіе виды на стѣнахъ, и, наконецъ, канатъ, натянутый для восхода по лѣстницѣ.

Но если читатель пожелалъ-бы не только ѣсть, но и спать въ

чисто-бретонской обстановкѣ, тогда ему нужно было-бы спуститься еще ступенью ниже въ іерархіи ресторановъ, кафе и мелкихъ отелей. Онъ долженъ былъ-бы остановиться уже въ простомъ, чисто-деревенскомъ ресторанѣ, приближающемся къ типу русскаго постоялаго двора. Въ самомъ городѣ, а еще болѣе, когда вы выйдете изъ города и начнете шагать мимо мелкихъ бурговъ, деревенекъ и отдѣльныхъ хуторовъ, вашъ взглядъ будетъ часто встрѣчать небольшие, обыкновенно двухъ-этажные домики, на гладкой и бѣлой стѣнѣ которыхъ написана большими, черными буквами и безъ всякихъ знаковъ препинанія длинная предлинная вывѣска. Во время нашихъ хожденій по Бретани намъ пришлось нерѣдко замѣчать вывѣски, положительно напоминавшія газетныя объявленія. Казалось, что и самый домикъ-то выстроенъ лишь для того, чтобы служить бѣлымъ фономъ для объявленій. Сплошь и рядомъ они занимаютъ нѣсколько строчекъ и имѣютъ своимъ типомъ хоть-бы слѣдующую надпись, нарочно скопированную нами съ одного изъ деревенскихъ ресторановъ кантона Плубалэ (Ploubalay), въ департаментѣ Котъ-дю-Норъ: Au lion d'Algeri Jean Hirel donne à boire, et à manger loge à pied et à cheval voitures d'occasion café eau de-vie vin bière et cidre. Проставивъ надлежащимъ образомъ знаки препинанія, вы получали вывѣску, гласящую, что въ заведеніи, именуемомъ «алжирскимъ львомъ», нѣкій Жанъ Гирель «даетъ пить и ѣсть», «имѣетъ помѣщеніе для пѣшаго и коннаго», а также «при случаѣ» и экипажи, содержитъ «кафе» и угощаетъ путниковъ «водкою, виномъ, пивомъ и сидромъ». При первоначальной же редакціи, въ ея подлинномъ видѣ, вывѣска чуть не говорила, что Жанъ Гирель даетъ въ пищу алжирскому льву, пріютившихся у него пѣшихъ и конныхъ, купно съ экипажами (это—«при случаѣ»), а затѣмъ поить его «кофе», водкой и т. д.

Не бойтесь, однако, ужасной, почти дантовской надписи, и входите прямо въ пасть къ прожорливому льву. Обстановка «столовой» самая простая: деревянные столы безъ всякаго признака скатертей и салфетокъ, деревянные скамьи совѣмъ въ русскомъ вкусѣ. Полъ очень часто кирпичный, иногда даже и просто земляной. Есть и неизмѣнный каминъ, но уже такой формы, которая далеко отступаетъ отъ современной, цивилизованной, и живо заставляетъ подумать о давно минувшихъ временахъ, когда наши предки были «пещерными человѣками», храбро боровшимися съ пещерными-же львомъ и медвѣдемъ: этотъ каминъ—просто на просто пещера въ миниатюрѣ, перенесенная въ комнату, отъзывающуюся уже болѣе современными условіями жизни. Представьте себѣ въ углу комнаты возвышеніе, сдѣланное изъ грубаго камня

и имѣющее квадратную сажень поверхности и около четверти аршина вышины, — нѣчто въ родѣ архіерейскаго амвона въ кафедральныхъ соборахъ. Аршинахъ въ трехъ надъ этимъ возвышеніемъ нависъ балдахинъ изъ массивнаго дуба и приблизительно такой-же величины. Онъ обрамляетъ входъ въ очень высокую и совершенно прямую трубу камина, приходящуюся какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ возвышенія, гдѣ бретонцы разводять довольно большой костеръ. Правда, въ углу этого каминнаго амвона находится обыкновенно маленькая печка, на манеръ кузнечнаго горна, служащая для приготовленія пищи, но въ экстренныхъ случаяхъ, при большомъ количествѣ провизіи и особенно зимою, предпочитаютъ разводить костеръ, надъ которымъ вѣшаютъ большой «семейный» котелъ на желѣзномъ треножникѣ. Тутъ-же располагаются грѣться и члены семьи, влѣзая въ каминъ, если можно только употребить выраженіе «влѣзая» относительно каменной площадки, съ трехъ сторонъ совершенно открытой (четвертая сторона занята стѣной дома) и лишь пріосѣненной дубовымъ балдахиномъ. Что дѣлается съ «семейнымъ очагомъ», когда небо посылаетъ ливень или подчасъ и снѣгъ, я не могъ себѣ ясно представить безъ нѣкотораго внутренняго трепета. Но бретонцы увѣряютъ, что все обстоитъ благополучно даже и въ подобныхъ случаяхъ: труба, изволите-ли видѣть, идетъ вверхъ, все суживаясь, и, если понадобится, можетъ быть прикрыта особымъ колпакомъ съ отверстиями и т. п.

Кромѣ подобнаго камина, иныхъ примѣчательностей здѣсь нѣтъ. Но, что дѣйствительно интересно, такъ это старинныя бретонскія кровати, находящіяся въ любомъ деревенскомъ ресторанѣ, лишь-бы онъ насчитывалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія: идите поэтому ночевать сюда; здѣсь незримо витаютъ еще духи дѣдушки и бабушки вашего хозяина. Вся мебель спальни крайне оригинальна. Три стѣны особыхъ примѣтъ не имѣютъ. За то четвертая, — непременно противоположная двери и непременно лишонная оконъ и вообще всякихъ отверстій, — такъ же характерна, какъ внутренность какой-нибудь средневѣковой церкви. Она вся заполнена мебелью, буквально спаянною въ одно цѣлое, и состоящую изъ слѣдующихъ частей: войдя въ дверь, вы увидите впереди, по лѣвую руку (этотъ порядокъ почти не терпитъ исключеній) очень высокой, оригинальный саркофагъ изъ дуба или бука, одна сторона котораго состоитъ или изъ сдвигающейся въ сторону рѣшетчатой двери, со столбиками въ родѣ перилъ, или изъ такой-же дверцы, но съ двумя половинками, раздвигающимися въ противоположныя стороны; а другая образована самой стѣной дома. Когда эта дверца раздвинута или отодвинута въ одну сторону,

входъ въ саркофагъ поразительно походить на небольшое окошко, причеъ иллюзія увеличивается еще благодаря тому, что съ обоихъ боковъ оно имѣетъ по занавѣскѣ. Сквозь это окошко вы видите довольно высокую груду цериль, прикрытыхъ одѣяломъ, и часть подушекъ (остальная закрыта стѣной саркофага). Читатель, конечно, уже знаетъ теперь, что этотъ похоронный деревянный балдахинъ — старинная бретонская кровать. Нужно еще прибавить, что окошко или входъ въ эту кровать — входъ въ кровать? неловко сказано, но вѣрно! — находится приблизительно на уровнѣ двухъ аршинъ отъ пола, и поэтому проникаютъ туда, становясь на довольно длинный и широкій ящикъ въ родѣ русскаго «коника», или ларя, плотно придѣланнаго къ знакомой уже намъ кровати. Этотъ ларь, коникъ, или горизонтальный шкафъ, — назовите, какъ хотите, — служитъ такимъ образомъ порогомъ для входа въ спальнй саркофагъ и имѣетъ одинаковую съ нимъ длину. Онъ имѣетъ еще особое назначеніе, не говоря уже о томъ, что въ него складываютъ различныя мелкія вещи по хозяйству: когда рождается ребенокъ, его обыкновенно кладутъ на этотъ ларь, стало быть, по близости отъ матери, которая имѣетъ его буквально *подъ* рукою.

Нужно видѣть бретонскую кровать, когда она функционируетъ. Вы положительно не вѣрите своимъ глазамъ, смотря на балюстраду задвинутаго входа, простыня, но многочисленныя рѣзныя украшенія и непроницаемый мракъ, царящій во внутренности ея: нѣтъ, это не кровать, думается вамъ, это какой-то средневѣковый склепъ. Мракъ, сырость и могильный запахъ долго мѣшаютъ вамъ уснуть и безъ привычки вы долго будете осаждаться кошмаромъ. Но бретонцамъ эта постель ужасно нравится.

Направо отъ кровати стоитъ небольшой, очень высокій и очень узкій шкафъ, куда кладутъ столовое бѣлье. Въ прежнее время онъ тоже обыкновенно дѣлался изъ дуба и составлялъ одно цѣлое съ кроватью; на верху его ставится обыкновенно статуя Мадонны. Еще правѣе и опять-таки въ неразрывной связи съ остальными, уже поименованными предметами, находится массивный шкафъ для платья и всяческаго домашняго бѣлья. Обыкновенно онъ украшенъ полукруглыми колонками, идущими сверху до низу, и блестящими мѣдными полосами и скобами. Этихъ мѣдныхъ бляхъ, — не знаю, право, какъ и назвать, — на фасадѣ шкафа многое множество, и часть ихъ служитъ оправой для врѣзанныхъ въ шкафъ замковъ (ихъ тоже не мало), а другая — для украшенія. Въ субботу, подъ самое воскресенье, всѣ эти бляхи немилосердно отчищаются и положительно ослѣпляютъ глаза, если на нихъ упадетъ

лучь солнца. Гордость бретонской хозяйки будетъ вполне удовле-творена, если вы похвалите блескъ ея шкафа.

Всѣ перечисленныя вещи,—кровать, ларь, маленький и большой шкафы,—составляютъ, какъ это ни странно съ перваго раза, «недвижимое» имущество: всѣ онѣ придѣланы плотно одна къ другой и ставятся сразу при отдѣлкѣ вновь построеннаго дома. Выломать ихъ, даже отдѣлить другъ отъ друга безъ большихъ поврежденій—нельзя, и потому онѣ продаются вмѣстѣ съ домомъ. Нужно видѣть, съ какой сердечной болью бретонская семья соглашается на это неизбежное отчужденіе насиженнаго гнѣзда. Въ послѣднее время, когда ипотека и ростовщичество усилили переходъ собственности изъ рукъ въ руки, домовладѣльцы перестаютъ строить эти «недвижимыя» спальни, которыя подчасъ насчитывали 150—200 лѣтъ и служили до-революціоннымъ дѣдамъ и прадѣдамъ хозяина.

IV.

Внѣшняя архитектура старыхъ бретанскихъ домовъ очень проста и вездѣ на одинъ ладъ. Основныя ея черты передаются отъ давнихъ временъ. Дома небольшіе, двухъ-этажныя, исключительно каменные, крыты черепицею, чаще аспиднымъ камнемъ, но иногда и соломой. Въ послѣднемъ случаѣ кровля обрѣзывается на тотъ манеръ, что у насъ въ Россіи зовется «подъ щетку». Эти соломенные крыши очень прочны и простаиваютъ иногда десятки лѣтъ. Тогда онѣ покрываются обыкновенно темно зеленымъ мхомъ, подчасъ даже травой, и представляютъ очень оригинальное зрѣлище. Вы уже не можете различить соломы. Она имѣетъ положительно видъ земли и при томъ довольно хорошаго чернозема, — висячіе сады Семирамиды, какъ видите! Трубы, описаннаго уже нами аркамина и прочихъ печей, выводятся обыкновенно съ обѣихъ концовъ крыши на манеръ какихъ-то четырехугольных ушекъ, высокихъ, тонкихъ и широкихъ. Ихъ скорѣе всего можно сравнить съ двумя гигантскими колодами картъ, вѣзавшимися перпендикулярно въ самые концы крыши, устроенной на всемъ своемъ протяженіи въ два ската; такъ что, смотря на домъ съ фасада, вы видите ихъ въ формѣ двухъ узкихъ столбиковъ, тогда какъ съ боку они составляютъ довольно большую часть самой домовой стѣны и придають ей форму, которая всего-болѣе похожа на тѣнь, падающую отъ объемистаго и горластаго графина. На широкой боковой поверхности трубы выгнѣпливается обыкновенно какой-нибудь знакъ, буква, или цифра, или наконецъ, нѣчто въ родѣ музыкаль-

наго ключа. Это—архитектурная деталь, повсемѣстно распространенная въ Бретани.

Камень, идущій на постройки, очень крѣпкій, изъ породы булыжника, иногда гранита. Мнѣ приходилось сплошь да рядомъ видѣть дома, которымъ болѣе двухъ столѣтій: на камнѣ, который служитъ верхней притолокой двери, ведущій въ домъ (она всегда находится по срединѣ зданія, на уровнѣ земли и очень не велика) часто вы видите цифры 17... 16...; а возлѣ церкви въ Сень-Люнерѣ (бургъ, принадлежащій къ Диларскому округу, въ департаментѣ Иль и Виленъ) я встрѣтилъ небольшой домикъ, служащей помѣщеніемъ церковному сторожу, надъ дверью котораго было ясно вырѣзано 1668. Какъ разъ, значитъ, та эпоха, когда оранская династія усаживалась на тронъ Англій.

Эта архитектура удержалась и до сихъ поръ въ полной силѣ и преимущественно, конечно, среди крестьянъ. Лишь въ бойкихъ приморскихъ мѣстностяхъ, куда съ каждымъ годомъ наплываетъ все больше и больше иностранцевъ, современная архитектура начинаетъ вытѣснять старомодныя формы постройки, замѣняя ихъ теперешнимъ типомъ виллъ, отдающихся въ наймы.

Строителями виллъ являются обыкновенно нарождающіеся въ Бретани деревенскіе кулаки и ростовщики, которые не очень быстрымъ, но вѣрнымъ и неуклоннымъ путемъ подбираются къ собственности мелкаго владѣльца — крестьянина. Достаточно пройти по улицамъ какого-нибудь, не особенно глухаго бурга въ Бретани—и вы увидите такую массу объявленій о продажѣ недвижимой собственности — и при томъ мелкой и средней, почти никогда крупной — что это дастъ вамъ возможность понять, въ какомъ направленіи дѣйствуетъ на народъ «дѣятельная» и «трезвая» часть населенія, которую задумалъ было заводить у насъ блаженной памяти (памяти-ли только?) г. Цитовичъ. Но, конечно, это перемѣщеніе собственности изъ рукъ крестьянина въ руки ростовщика еще не выражаетъ вполне развитія крупнаго «капиталистическаго» производства, а лишь указываетъ на развитіе эксплуатаціи и высасыванія силъ у народа—и вамъ вчуже станетъ страшно воспроизвести длинный рядъ лѣтъ и ту нескончавшую цѣпь страданій, какую придется влачить на себѣ мелкому крестьянину-собственнику, пока онъ превратится въ пролетарія, а его земля — «объединится» въ рукахъ капиталиста. Мало того, возвращаясь въ сферу, о которой мы теперь говоримъ, мы видимъ, что формирующаяся армія кулаковъ обращаетъ вниманіе вовсе не на производство, а лишь на перемѣщеніе стоимостей, не на промышленность, а на спекуляцію. Земля, напр., подъ постройку виллъ, и самыя виллы такъ часто

мѣняютъ своихъ собственниковъ, что едвали не каждый новый годъ видитъ передъ собой иную фигуру владѣльца. Всѣ упомянутыя виллы, безвкусно и непрочно построенныя, носятъ обыкновенно стереотипную двойственную надпись: «à vendre ou à louer» («продается или сдается въ наймы»). Собственникъ самъ въ ней не живетъ, объ удобствахъ жильцовъ, заботиться ему не зачѣмъ—и вотъ онъ только спитъ и видитъ, какъ-бы сбыть виллу въ другія руки, заложивъ въ карманъ изрядную прибыль, и двинуться на покупку, новой земли, на сооруженіе новой виллы. Грюндерство въ миниатюрѣ—вотъ одна изъ выдающихся чертъ Бретани въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ близость моря создаетъ цѣлый легионъ дачниковъ, туристовъ, однимъ словомъ—временныхъ обитателей страны, «чающихъ движенія воды».

Мы сказали, что спекуляція является однимъ изъ чувствительныхъ признаковъ «капитализма». Въ строительной-же сферѣ она явно существуетъ. За послѣднія 10—15 лѣтъ цѣны земли подъ постройку удешевились, и за это-же время земля успѣла перемѣнить десять рукъ. Мы рассказывалъ одинъ старый морякъ и собственникъ изъ Лафосса *), какъ ему самому удалось спустить годъ тому назадъ за 30,000 франковъ участокъ земли, который былъ купленъ имъ 25 лѣтъ тому назадъ всего за 300. Правда, этотъ случай—довольно исключительный. Но онъ лишь наиболее яркое выраженіе общаго хода вещей, который начинаетъ разрушать мирный складъ любого уголка теперешней Европы и въ томъ числѣ Бретани. Конечно, мы прекрасно понимаемъ, что и система мелкой земельной собственности—нѣ богъ знаетъ какая прелесть, что она должна уступить свое мѣсто болѣе высшимъ экономическимъ формамъ, но когда мы видимъ, какъ она вытѣсняется лишь болѣе высшей формой эксплуатаціи, у насъ невольно опускаются руки, и мы спрашиваемъ: такъ вотъ въ чемъ благодѣянія концентраціи капиталовъ, такъ вотъ въ чемъ «развитіе производительныхъ силъ общества»? Нужно было слышать, какъ на «отсталыхъ» въ капиталистическомъ смыслѣ бретанцевъ дѣйствовали первые уроки спекуляціи и надувательства! То вамъ съ изумленіемъ рассказываютъ, какъ пріѣзжалъ въ ихъ палестины нѣкій парижанинъ съ цѣлью широкой скупки земель и прельщалъ простодушныхъ жителей, кромѣ сотенъ и тысячъ франковъ, перспективой взять всѣхъ продавцевъ съ собой въ Парижъ и показывать имъ столицу въ теченіе недѣли,—и дѣйствительно, находились такіе, которые продавали ему земли по дешевой цѣнѣ, лишь-бы поглядѣть на центръ

*) Маленькая деревушка Сень-Бриакской общины.

французской жизни! То съ ужасомъ повѣтствуютъ, какъ и въ ихъ мирномъ уголку нашлись удачные подражатели прѣзжихъ спекулянтовъ, которые понастроили массу виллъ, попродали ихъ, но не расплатились съ подрядчиками, строившими дома, объявивъ себя несостоятельными. Пожалуй, вамъ прибавятъ даже, что вотъ, молъ, такой-то такъ даже убилъ своего подрядчика, судился, но былъ оправданъ, а на его виллѣ такъ и осталось названіе «chateau du crime» («замокъ преступленія») — лежитъ на дорогѣ между деревушкой Ville-Hue и мѣстечкомъ Saint-Briac). То описываютъ вамъ, какія странныя постройки стали воздвигаться въ послѣднее время въ Бретани. — «никогда такихъ непрочныхъ не видали, даромъ что многоэтажны» — и приводятъ вамъ въ примѣръ какой-нибудь Grand Hôtel du Rapogama, который за день до своего официального открытія рухнулъ подъ напоромъ морского вѣтра и дождя. То сообщаютъ о существованіи нѣкоего спекулянта въ Парамѣ (Paramé — небольшой городъ, верстахъ въ четырехъ на востокъ отъ Saint-Malo), который построилъ великолѣпнѣйшій пяти-этажный отель съ раззолоченными комнатами, газовымъ освѣщеніемъ, какими-то удивительными печами, но кончилъ тѣмъ, что ошибся въ возможномъ числѣ иностранцевъ, не нашелъ покупателя на отель, и, заложивъ его и совершивъ при этомъ какое-то мошенничество (кажется, не заплатилъ денегъ ни за сырые матеріалы, ни за постройку), скрылся за океанъ... вѣроятно въ Америку, страну образцовой спекуляціи.

Интересно, кстати, отмѣтить еще одну вещь, которая показываетъ, какъ дѣйствуетъ грюндерство даже и на чисто-земледѣльческую часть населенія. Высокія цѣны на землю, набитыя безшабашной спекуляціей постройки, начинаютъ соблазнять мелкихъ владѣльцевъ до такой степени, что порою они рѣшаются продавать даже пахатную землю, — эту «любовницу французскаго крестьянина», по выраженію Мишле. И у васъ сжимается сердце, глядя на то, какъ участокъ, разрыхленный руками нѣсколькихъ поколѣній и политый ихъ потомъ, загромождается кучами щебня, мусора, грудями камня и бревнами, которые сложатся въ неуклюжую виллу.

— «Ахъ, какая сентиментальность, скажутъ намъ дѣловые люди, это неизбѣжно и съ этимъ должно помириться: наука о богатствѣ и практика жизни знаютъ лишь одинъ стимулъ, — личный интересъ. Крестьянину выгодно было продать пахатную землю подъ постройку, — онъ и продалъ. Наоборотъ, нужно радоваться этому явленію, ибо оно несомнѣнно указываетъ, что страна населается, народонаселеніе растетъ и промышленность оживляется»... Все это, можетъ быть, и такъ, гг. практическіе люди, но не мѣшало-бы прибавлять къ словамъ «личный интересъ» другія

слова: напр., «разумно понятый» или «грядущихъ поколѣній». На теперешнемъ владѣльцѣ мелкой земельной собственности свѣтъ не клиномъ сошелся. У него есть дѣти, у его дѣтей будутъ дѣти. Что станется со всѣмъ этимъ людомъ, когда единственное цѣнное орудіе ихъ производства, земля, перейдетъ въ руки ажіотеровъ и спекулянтовъ, для того, чтобъ начать свое нескончаемое путешествіе отъ одного владѣльца къ другому, не производя ничего, а служа лишь операціоннымъ базисомъ и гарантіей для спекулятивнаго перемѣщенія цѣнностей? Благодѣтельныя послѣдствія такъ называемаго «мобилизованія земли» мы уже достаточно почувствовали. Наполеоновскій *credit mobilier* превратилъ такую реальную и производительную вещь, какъ почву, въ знакъ цѣнности, въ бумажную фикцію, которая является лишь фишью въ игрѣ на повышение—пониженіе.

Единственнымъ исходомъ изъ современнаго положенія вещей, при которомъ сталкиваются интересы мелкой земельной собственности и «промышленно-коммерческаго прогресса» теперешней жизни, является поэтому социализированіе всѣхъ общественныхъ производительныхъ силъ, такъ чтобы не только для постоянныхъ, но и грядущихъ поколѣній было обеспечено пользованіе землею и вообще орудіями труда, но всѣ эти условія всецѣло были-бы въ рукахъ свободно-политическаго союза личностей. Этотъ выводъ неотразимъ. Ибо даже съ точки зрѣнія развитія земледѣльческой промышленности вы не можете придумать ничего лучшаго. Но оставляя въ силѣ современныя условія,—ажіотерство, спекуляцію и приманку «личнаго интереса», притомъ дурно-понятаго—оставляя почву, на которой вырастаютъ эти цвѣтки и ягодки—нелѣпѣйшую квинтискую собственность, перешедшую къ намъ изъ кодекса грабителей-римлянъ и доходящую до геркулесовыхъ столповъ въ ея *ius utendi et abutendi*,—оставляя это, вы вѣчно будете вертѣться въ заколдованномъ кругу нищеты и неравенства.

Эти мысли положительно осаждаютъ, когда рядомъ съ упомянутымъ болѣзненнымъ процессомъ въ сферѣ земледѣлія и вообще земельной собственности приходится наткнуться на усилія такъ называемаго «покровительства земледѣльческой промышленности» со стороны современнаго правительства. Министерство земледѣлія устраиваетъ, напр., ежегодно земледѣльческіе конкурсы, на которыхъ назначаются преміи,—правда грошовыя,—тѣмъ изъ земледѣльцевъ, которые окажутся наиболѣе «преуспѣвающими». Коммунальная администрація, прилаживающая, конечно, къ мѣстнымъ условіямъ *ria desideria* центральной власти, наводняетъ объявленіями подвѣдомственный ей округъ, кантонъ и т. п. и еще

за нѣсколько мѣсяцевъ возвѣщаетъ о срокѣ конкурса, условіяхъ и преміяхъ за состязаніе. Чего-чего нѣтъ здѣсь: министерство, какъ Гёте, «откликается на все въ мірѣ». Всѣ самыя мельчайшія отрасли земледѣльской промышленности и скотоводства пересмотрѣны и объявлены подлежащими состязанію и поощренію. Признано, напр., нужнымъ улучшить способъ обработки земли, вспахиванія и посѣва, и вотъ на конкурсъ дается извѣстное количество земли, которое вы, на ряду съ другими конкуррентами, должны обработать въ извѣстный промежутокъ времени, напр., въ день, на глазахъ мэра и совѣтниковъ, наблюдая, чтобы и плугъ-то глубоко врѣзывалъ землю, и борозда-то была-бы надлежащимъ образомъ «выпукла» — «*bombe*» — какъ говорится, напр., въ объявленіяхъ о земледѣльскомъ конкурсѣ, бывшемъ въ кантонѣ Плертуйи (*Pleurtuit* въ департаментѣ Иль-и-Вилэнъ, верстахъ въ восьми отъ *Saint Briac'a*, гдѣ я проживалъ) 28 (16) сентября текущаго года и т. п. Премія—50 fr.

Не забыты въ этихъ состязаніяхъ и породы лошадей и рога-того скота. Не забыты свиньи. Назначена премія и за лучшія сѣмена. Предусмотрѣно даже и то обстоятельство, что въ кантонѣ можетъ появиться какой-нибудь новаторъ по части сѣвооборота. И даже — слушайте читатель! — въ началѣ объявленія возвѣщаются уже чисто-монтионовскія преміи за добродѣтели. Такъ, напр., вручается 50 fr. той «семѣ кантона, которая по единогласному мнѣнію оказывается наиболѣе честною, трудолюбивою и достигшею благосостоянія благодаря дружнымъ усиліямъ (*efforts unis*) ея членовъ». Дается также 15 фр. и тому «батраку, который, по отзыву хозяевъ (*sic!*), былъ наиболѣе прилеженъ, трезвъ и отличался наиболѣе хорошимъ поведеніемъ». А батрачкѣ (*ouvrière*) за тѣ-же качества полагается 10 фр.

Вотъ видите, все предусмотрѣно и все поощрено. И несомнѣнно, съ точки зрѣнія сценически-театральной, эти земледѣльскіе конкурсы имѣютъ свою прелесть и достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ ясный осенній день, когда на всемъ лежатъ мягкіе тоны, когда и самая теплота-то льется отъ солнца мягкими волнами. Среди поля, отведеннаго для состязанія, возвышается крытая эстрада, занятая мѣстными тузами и глазѣющими «знатными иностранцами». Кой-гдѣ мельбаютъ красивыя ленточки орденна Почетнаго Легіона, иногда даже медали. Все разряжено и ждетъ не дождется, когда-то, наконецъ, проиграютъ марсельезу и, по знаку мэра, толпа дюжихъ молодцовъ и такихъ-же лошадей ринется обрабатывать поле. А пока-то они покончатъ эту продолжительную операцію, передъ эстрадой поведутъ на смотръ лучшихъ же-

ребцовъ, замѣчательнѣйшихъ кобылъ и наиболѣе-удавшихся жеребятъ, погонять свиней и увѣнчаютъ лаврами голову самыхъ тучныхъ изъ нихъ; займутся сравнительной оцѣнкой зеренъ и выслушаютъ объясненія новатора по части сѣвооборота; наконецъ, выдвинуть на первый планъ добродѣтельную семью, которая получить премію, потупя глаза и смотря на врученныя деньги, поощрять самаго трезваго—«по отзыву хозяевъ», тутъ-же стоящихъ, батрака и самую скромную батрачку: Когда солнце начнетъ склоняться къ западу, будетъ произведенъ осмотръ и распаханнаго поля, будутъ оцѣнены глубина и выпуклость бороздъ, будутъ розданы преміи.

Да, интересно, несомнѣнно интересно, какъ интересно смотрѣть въ театрѣ на церемоніальные марши «солдатъ»—статистовъ, процессіи монахинь и танцы поселянъ. Но дѣйствительно-ли вся эта казовая сторона дѣла скрываетъ какое-нибудь серьезное значеніе? Вы узнаете, конечно, у кого лучшій плугъ и лучшія лошади, но вы не дадите неимущему ни того, ни другихъ, а неимущихъ при настоящихъ условіяхъ не мало. Вы поощрите новатора по части сѣвооборота, но большинство мелкихъ крестьянъ-собственниковъ не будутъ въ состояніи примѣнить нововведенія къ дѣлу: земли у нихъ не богъ знаетъ сколько, да и та либо выгрызается по частямъ деревенскимъ ростовщикомъ или ипотекой, либо подъ давленіемъ прославленнаго «личнаго интереса» сбывается спекулянту и аферисту. Вы увѣнчаете лаврами голову самой тучной свиньи, но отъ этого не потолстѣютъ эксплуатируемые батраки, изъ среды которыхъ вы ищите «достойнѣйшаго»—«по отзыву хозяевъ», прибавляете вы, т. е. наиболѣе смиренно выносящаго хозяйскую эксплуатацію. У васъ хватаетъ смѣлости раздавать монтионовскія преміи за «честность». Но вы не касаетесь тѣхъ коренныхъ условій современной жизни, которыя фатально вырабатываютъ субъектовъ, годныхъ для тюрьмы и фарисейскихъ размышленій: «я не таковъ, Господи!..»

V.

Первое, что поражаетъ, по мѣрѣ удаленія хоть на нѣсколько километровъ въ глубь страны, это постоянное возрастаніе крупной земельной собственности. Возлѣ моря крупныхъ собственниковъ, за исключеніемъ уже упомянутаго разряда спекуляторовъ-грюндеровъ, почти вовсе нѣтъ. Мелкая крестьянская собственность—преобладающій типъ землевладѣнія. Но чѣмъ болѣе вы удалитесь отъ моря, тѣмъ менѣе замѣтно это преобладаніе. А если

вы пойдете, напр., по дорогѣ къ Динану, лежащему верстахъ въ 30 отъ берега, то вы скоро наткнетесь на «толстыя мошны» (gros magots—какъ называютъ часто здѣсь крупныхъ собственниковъ). И между ними будутъ фигурировать не одни буржуа, но и старо-французская аристократія, легитимисты и вообще люди монархическихъ традицій съ неизбѣжнымъ начальнымъ Керъ въ ихъ фамиліи,—всѣ эти Кервиль, Кергаріу и т. п. Легко понять и внутренній, такъ сказать философскій смыслъ этого явленія. Нужно лишь съ этою цѣлью припомнить существованіе въ ср. вѣка господъ феодаловъ, представителей насилія и эксплуатаціи, которые, конечно, на то и были господствующимъ классомъ, чтобъ узурпировать у общества какъ его политическія функціи, такъ и производительныя силы. Судъ и администрація были захвачены ими; общественное достояніе и главное орудіе производства того времени, земля, были равнымъ образомъ вырваны ими изъ рукъ владѣльцевъ—общинниковъ. При этомъ, конечно, аппетитъ хищниковъ разыгрывался при видѣ такихъ кусковъ, которые были особенно лакомы. Бретань—страна классическихъ ex-феодаловъ потому-же, почему черви заводятся въ сыру и филосера—въ виноградѣ: здѣсь почва наиболѣе производительна, содержаніе крепостныхъ обходилось дешевле, а трудъ ихъ приносилъ больше, и такое распредѣленіе крупной поземельной собственности осталось почти и послѣ французской революціи. Между тѣмъ, приморскія мѣстности черезчуръ заносятся пескомъ, лишь постепенно отвоевываются у моря и требуютъ значительныхъ затратъ и очень упорнаго труда по обработкѣ. Жесткая трава, не особенно годная даже на кормъ скоту,—вотъ какіе злаки произрастаютъ здѣсь, если человѣкъ въ потѣ лица не приложитъ своихъ рукъ къ скупой махихъ—землѣ. А нужно-ли напоминать читателю, что, оставляя въ сторонѣ высшую форму коллективнаго производства, лишь мелкая земельная собственность можетъ выдержать крайнюю скудость въ природныхъ условіяхъ производства. Политическая экономія достаточно объясняетъ, насколько въ мелкомъ хозяйствѣ, основанномъ на трудѣ самого владѣльца и его семьи, центръ тяжести всего хозяйственнаго механизма лежитъ не въ чистомъ, а въ валовомъ доходѣ. Для мелкаго владѣльца не важно, сколько чистой прибыли онъ получитъ; для него важно, чтобъ онъ могъ надлежащимъ образомъ прокармливать себя, семью и содержать нужное количество скота. Поэтому, никакое хозяйство не можетъ окумать столь значительныхъ (относительно) издержекъ производства, какъ мелкое; никакое не можетъ конкурировать съ нимъ по способности къ обработкѣ самой непроизводительной почвы. Вотъ въ

приморскихъ мѣстностяхъ и могла ужиться въ борьбѣ за существованіе лишь мелкая крестьянская собственность, основанная на личномъ трудѣ. Это особенно становится яснымъ, когда присмотришься къ условіямъ, при которыхъ совершался переходъ отъ феодальнаго общества къ современному. Я не стану здѣсь ссылаться на источники, указывающіе на то, какъ французская революція «демократизировала» поземельную собственность. Это уже многимъ извѣстно, и многіе даже сомнѣваются, дѣйствительно-ли можно назвать «демократизаціей» процессъ, который $\frac{2}{3}$ земель привилегированныхъ сословій отдалъ въ руки буржуазіи и лишь $\frac{1}{3}$ дѣйствительно перенесъ въ цѣпкія руки французскаго мужика. Я буду говорить лишь о томъ, что слышалъ отъ самихъ крестьянъ: это интересно хоть-бы въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ данный переворотъ отразился въ сознаніи народа, какъ онъ былъ повятъ имъ. Особенно интересны были въ этомъ смыслѣ разговоры съ старожилыми, жившими въ эпоху французской революціи или непосредственно послѣ нея. Такихъ очень мало, но счастливый случай столкнулъ меня съ 98-лѣтнимъ старикомъ, отцомъ моей престарѣлой хозяйки. Онъ впалъ въ дѣтское состояніе, вѣчно лежитъ въ дремотѣ на постелѣ и, кажется, все настоящее, текущее чуждо ему. Но попробуйте заговорить съ нимъ о его дѣтствѣ, юности, о «великой революціи» (онъ самъ такъ называетъ ее), и передъ вами совсѣмъ другой человѣкъ. — И лицо старика оживляется при этомъ, и вѣчно полу-закрытые глаза силятся выглянуть изъ-подъ опухшихъ вѣкъ, и его дребезжащій, старческий голосъ приобретаетъ рѣзкій, металлическій тонъ. Онъ живетъ въ это время, живетъ весь въ прошедшемъ, въ своей «великой революціи», въ воспоминаніяхъ о «своей», т. е. купленной имъ землѣ, о своемъ домѣ, своей покойницѣ-женѣ... Вамъ становится даже какъ-то страшно: этотъ сухой, пожелтѣвшій, словно пергаментъ, порывающійся встать старикъ—трупъ, но трупъ, гальванизированный прикосновеніемъ къ великой для его времени идеѣ...

Гальванизированный трупъ передавалъ мнѣ, между прочимъ, что вся земля, воздѣлываемая теперь жителями Лафосса, представляла обширное поле, поросшее жесткой травой, заносимое пескомъ, который оставляло море, и много-много если дававшее кормъ для нѣсколькихъ коровъ. «Кто же сталъ-бы трудиться надъ этой землей въ прежнее-то время?»—говорилъ старикъ. — «Ты унавозилъ, возился надъ ней, спину гнулъ за плугомъ, киркой вскапывалъ даже, а тутъ придетъ къ тебѣ сборщикъ: подавай, молъ. Какое ему дѣло, что вѣдь это ты своимъ трудомъ возрастил? Онъ одно знаетъ: новый участокъ расчистилъ, давай съ него и новую деся-

тину». (Старикъ говоритъ *déme* вмѣсто *dime* (десятина) растягивая букву *e* до невозможности и какъ-бы этимъ самымъ желая показать, сколько несправедливости и поводовъ къ презрѣнiю заключало въ себѣ и слово, и соотвѣтствовавшее ему понятiе).

Затѣмъ слѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ лафосцы устроились послѣ революціи, какъ онѣ воздѣлали эту землю и какъ постепенно превратили ее въ теперешнее состояніе. Я спросилъ старика, въ чемъ, по его мнѣнiю, лежитъ причина того, что какъ ни какъ, но худшая, приморская земля (супесокъ въ гранитной подпочвой) принадлежитъ все-таки крестьянамъ, а лучшія земли внутри страны, около Динана, Доля и южнѣе остаются въ рукахъ крупныхъ собственниковъ и даже аристократовъ. Признаться, я не особенно былъ удивленъ, услышавъ изъ устъ его отвѣтъ, который уже данъ специальными сочиненiями. Въ Бретани очень сильно дѣйствовали двѣ причины, которыя оставили свой отпечатокъ на переходѣ отъ феодальнаго общества къ современному и во всей Франціи,—но въ болѣе слабой степени,—и придали извѣстный колоритъ современной формѣ землевладѣнiя. Съ одной стороны, «крестьяне боялись покупать землю, думали, что это — только хитрость казны», покупали «кто побогаче да посмѣлѣе, кому не страшно было терять», т. е., придавая болѣе научную форму словамъ старика, крестьяне были до такой степени запуганы многовѣковымъ высасыванiемъ и эксплуатаціей феодальнаго государства и привилегированныхъ сословiй, до такой степени были лишены чувства инициативы, что масса ихъ не воспользовалась въ надлежащихъ размѣрахъ пущенными въ продажу землями,—и нужно сознаться, что они не совсемъ ошибались: вспомнимъ, какъ громко заговорили возвратившіеся эмигранты насчетъ отдачи имъ земель, и какъ имъ пришлось заткнуть глотку «милліардомъ вознагражденiя», который, конечно, въ концѣ концовъ былъ заплаченъ народомъ-же, мужикомъ и рабочимъ. Большинство земель было куплено людьми, которые, принадлежа очень часто къ крестьянству, были въ сущности выглупявшейся деревенской буржуазіей,—зажиточными домохозяевами, лавочниками, ремесленниками и т. п., не говоря уже о массѣ покупателей изъ чисто-буржуазной среды. Эти люди, конечно, были и смѣлѣе, и болѣе понимали значеніе совершеннаго переворота, и въ новомъ правительствѣ видѣли лишь рафинированное и благоуханное подобіе самихъ себя, и обладали болѣе инициативой. Приобрѣтенной ими въ процессѣ эксплуатаціи своихъ-же односельчанъ.

Съ другой стороны, «между крестьянами было немало дураковъ,—какъ выражался энергически мой собесѣдникъ,—которые би-

лись за помещиковъ противъ себя-же». Т. е., опять таки переводя это на болѣе научный языкъ, крестьяне такъ долго находились подъ давленіемъ феодальной юрисдикціи, — феодальнаго суда и феодальнаго понятія о правѣ, — что многіе изъ нихъ искренно были увѣрены въ справедливости существовавшаго строя.

Все вышесказанное достаточно объясняетъ, почему мелкая крестьянская собственность распространена всего болѣе по близости къ морю, вообще въ мѣстахъ не особенно плодородныхъ. Когда масса крестьянъ поняла, въ чемъ дѣло и что означалъ прошедшій тучею переворотъ, — было уже нѣсколько поздно: лучшие куски какъ были въ рукахъ привилегированныхъ сословій, такъ и остались здѣсь, — съ той, пожалуй, разницей, что теперь прибавилось еще одно такое сословіе: мы говоримъ о выдѣлившейся изъ народа-же земельной буржуазіи. Пришлось заняться менѣе плодородными участками, пришлось превращать въ пахатныя такія земли, которыя до сего времени лежали пустырями, пришлось взяться за борьбу съ самимъ неумолимымъ моремъ и оттягивать у него по клочкамъ нужную почву. Тутъ кстати помогло бретонскому мужику уже чисто физическое обстоятельство, въ которомъ онъ нисколько не повиненъ. Замѣчено, что море у береговъ Бретани постоянно отступаетъ и оставляетъ незалитыми все большія и большія прибрежныя пространства. Мнѣ рассказывали старожилы изъ деревень Видлю и Лафосса, что лѣтъ пятьдесятъ назадъ море во время прилива достигало туда, гдѣ оно не бываетъ теперь даже во время самыхъ большихъ приливовъ, происходящихъ два раза въ годъ въ эпоху равноденствія. (Это такъ называемыя «grandes marées»). Особенно наглядно это можно, впрочемъ, видѣть, идя изъ Ле-вивье въ Канкаль по дорогѣ, извивающейся какъ разъ по береговой линіи. Съ правой стороны шоссе тянется довольно высокая земляная насыпь, которая во время оно служила преградой приливающему морю. Если вы взойдете на нее и будете продолжать свой путь по этой насыпи, то вскорѣ замѣтите въ полуверстѣ разстоянія, направо, т. е. въ сторону моря, такую-же земляную плотину, которая идетъ на нѣсколько верстъ по берегу и заключаетъ въ своемъ кольцѣ вновь отвоеванную у стихіи полосу земли. Оказывается изъ отвѣтовъ мѣстныхъ жителей, что эта плотина могла быть выстроена лишь 10 лѣтъ тому назадъ, что земля еще не годится подъ пашню, такъ какъ требуетъ очень сильнаго удобренія, но уже служить сноснымъ пастбищемъ, и что она заливается частью въ большіе приливы, но никогда въ обыкновенное время.

VI.

Въ знакомыхъ мнѣ приморскихъ мѣстностяхъ можно положить среднимъ числомъ 4—5 jour *) земли на семью мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, т. е. считая въ одномъ jour 48 аровъ, отъ 1,9 до 2,4 гектара или отъ 1,7 до 2,2 русской десятины. Но не нужно забывать, что здѣсь есть не мало и такихъ семействъ, которыя не имѣютъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ подъ огородомъ и садикомъ: это преимущественно слѣдуетъ сказать о такихъ семьяхъ, въ которыхъ весь мужской элементъ уходитъ рыбачить или поступать въ матросы, а подобныхъ семей, особенно въ прежнее время—встрѣчалось много. Оставаясь безъ работниковъ мужскаго пола, эти хозяева сдавали землю на долгие сроки въ другія руки и очень часто даже и совсѣмъ продавали. Съ другой стороны, въ противоположность этимъ безземельнымъ крестьянамъ, есть категория крупныхъ земельныхъ собственниковъ, которые въ приморскихъ оживленныхъ мѣстностяхъ лишь спекулируютъ при продажѣ, покупкѣ и т. п. финансовыхъ операціяхъ съ землею. Ихъ земли обыкновенно не обрабатываются, играютъ лишь роль пастбищъ и устьяны неизбѣжными шестами съ бѣлыми дощечками наверху, на которыхъ вы издали увидите черную надпись: «Terrain à vendre. S'adresser à m-g etc.». Замѣтимъ кстати для любителей экономическихъ схемъ, что даже и тѣ крупные собственники, которые владѣютъ землями внутри страны—и притомъ землями хорошаго качества, — почти не занимаются земледѣльческимъ производствомъ за свой счетъ, а сдаютъ ихъ въ другія руки, причемъ господствуетъ система мелкихъ и среднихъ почти никогда крупныхъ, фермъ. Концентрація собственности въ немногихъ рукахъ не ведетъ, какъ видите, неизбѣжно къ концентрации и крупнымъ размѣрамъ производства,—и, въ то время, какъ распредѣленіе носитъ формы развитаго капиталистическаго производства, само производство опирается въ значительной части еще на личный трудъ фермеровъ, особенно мелкихъ.

Итакъ, среднимъ числомъ мелкая крестьянская семья имѣетъ 4—5 jour'овъ, или 1,7—2,2 десятины земли. Этого, какъ видите,

*) Крестьяне въ Бретани, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, имѣютъ свою особую мѣру для квадратныхъ поверхностей (конечно, по преимуществу земли). Эту мѣру они называютъ jour (день), обозначая этимъ именемъ пространство земли, которое можно обработать въ день при помощи мѣстнаго (большаго) плуга съ 3—4 лошадьми и 1 человекомъ. Замѣчательно, что вездѣ у крестьянства—особенно въ прежнее время—пространство земли измѣрялось временемъ, днемъ и его дробями. (Ср. нѣмецкое Tagewerk и англійское day-work). Въ Бретани jour=48 аравъ=0,4 десятины.

не особенно много, даже гораздо меньше, чѣмъ получилъ великорусскій мужикъ, ибо, если вѣрить нашимъ статистикамъ, то государственные крестьяне (въ центральной, напр., земледѣльческой области) имѣютъ въ настоящее время на наличную душу 3,8 десятины или 13 десятинахъ на дворъ, а бывшіе владѣльческіе на наличную душу 2,2 или 7¹/₂ на дворъ (Ср., напр. «Статистику поземельной собственности» 1880 г. Выпускъ I, стр. XXX предисловія). Но пусть читатель не упускаетъ изъ виду нижеслѣдующихъ обстоятельствъ: во-первыхъ, лучшія условія сбыта и болѣе густое народонаселеніе во Франціи даютъ возможность практиковать интензивное (сравнительно съ Россіей) хозяйство,—и дѣйствительно, въ знакомыхъ мнѣ мѣстностяхъ Бретани наше трехпольное хозяйство совершенно вытѣснено плодоперемѣннымъ хозяйствомъ особаго типа; во-вторыхъ, повинности, лежащія здѣсь на землѣ, несравненно менѣе отяготительны, чѣмъ въ Россіи,—и, напр., я съ трудомъ могъ убѣдить французскихъ крестьянъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, въ справедливости официально-признаннаго факта, что въ 32 губерніяхъ Россіи лишь одни повинности съ земли превышаютъ ея доходность на 1 копѣйку съ десятины (см. объ отзывѣхъ губернаторовъ въ трудѣ Васильчикова «Землевлѣдѣніе и земледѣліе»).

Къ сожалѣнію, я не могу представить читателю типичнаго бюджета мелкой крестьянской семьи, ея доходовъ и расходовъ, потому что всѣ такія вещи скрываются французскимъ мужикомъ, какъ и всякимъ другимъ (вѣроятно, по традиціи) довольно тщательно, и онъ любитъ при изображеніи своей жизни накладывать слишкомъ мрачныя краски и вообще, что называется, «прикхериваться». Но въ цѣломъ онъ вамъ скажетъ, что при предположенныхъ размѣрахъ владѣнія земля, взятая отдѣльно, уже позволяетъ семьѣ сводить концы съ концами и удовлетворять какъ государственныя, такъ и коммунальныя повинности. Вообще при 4—5 jour (или отъ 1,6 до 2 дес.), семья можетъ кормить себя и содержать 2 коровы, которыя въ свою очередь нужны для упомянутаго количества земли и даютъ довольно удобренія, особенно если къ нему примѣшиваютъ нѣсколько возовъ высушенныхъ морскихъ водорослей и яблочныхъ выжимокъ. Лошади есть не у каждой семьи, и добрая половина хозяйствъ обыкновенно нанимаетъ ихъ для обработки на фермахъ. Точно также ихъ нанимаютъ для молотбы, которая совершается при помощи молотилки, требующей трехъ лошадей. Обработка поля стоитъ обыкновенно 15 франковъ въ день, прежде стоила лишь 12 и даже 10, считая тутъ уплату за все, за лошадей и работника.

Въ отличіе отъ нашего трехпольнаго хозяйства здѣсь, нѣтъ земли «подъ паромъ», если не считать небольшого клочка, оставляемаго для пастбища, съ котораго снятъ хлѣбъ, или «жнивье», такъ какъ спеціальныхъ пастбищъ здѣсь у мелкихъ крестьянъ почти нѣтъ. Были нѣкогда здѣсь общинныя пастбища, но лѣтъ уже 50 тому назадъ они были проданы правительствомъ съ аукціона частнымъ собственникамъ. Чѣмъ оправдывалась или, по крайней мѣрѣ, мотивировалось это наглое вырваніе у крестьянъ земли, я, признаться, не могъ понять путемъ. Крестьяне жаловались даже, что въ нѣкоторыхъ общинахъ вырученныя деньги пошли не въ коммунальную кассу, а на «нужды центрального правительства». Какія это были нужды, нетрудно сообразить: время наиболѣе яростной продажи общинныхъ пастбищъ въ знакомыхъ мнѣ коммунахъ подаетъ, какъ разъ, на мѣщанскую монархію Луи-Филиппа или первые годы режима Наполеона III, а эта эпоха ознаменована систематическимъ подкупомъ депутатовъ и привариваніемъ оппозиціонныхъ *bêtes noires* правительства. Буржуазные экономисты надѣялись, вѣроятно, что стоитъ только передать общинныя земли въ руки частныхъ собственниковъ, и въ одно мгновеніе пастбища будутъ превращены въ пахатныя поля и огороды, и цѣнность, равно какъ доходность и, стало быть, податная облагаемость земли значительно увеличатся. Но тогда нужно было-бы обставить аукціонную продажу такими условіями, которыя дѣйствительно позволили-бы пріобрѣсть эту землю мелкимъ собственникамъ-крестьянамъ и подвергнуть ее культурѣ. Нужно было-бы, напр., назначить *maximum* земли, выше котораго *одно* лицо не могло пріобрѣтать на этихъ аукціонахъ. Нужно было-бы поставить непремѣннымъ условіемъ, чтобы купленныя земли подвергались обработкѣ, а въ противномъ случаѣ возвращались-бы казнѣ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано—и вотъ мы видимъ какъ, напр., цѣлое общинное пастбище Miel (близъ Лафосса) было пріобрѣтено однимъ собственникомъ за нѣсколько сотъ франковъ, и какъ до сихъ поръ оно остается пастбищемъ, но уже въ рукахъ одного лица, поджидающаго, пока сневуляція дастъ ему хорошій кушъ за землю, которая будетъ нужна ей подъ постройки отелей для иностранцевъ и т. п.; видимъ, какъ въ Лансѣ общинныя земли были уступлены (въ 1853) нѣкому предпримчивому господину, въ замѣнъ его обѣщанія (*sic!*) *наградить мѣстную церковь какимъ-то удивительнымъ покровомъ для престола*, причемъ попъ и мэръ, заручившись согласіемъ и содѣйствіемъ префекта, дѣйствительно продѣлали эту операцію, видимъ, наконецъ, какъ въ настоящее время крестьянамъ многихъ общинъ некуда гонять

скоть, какъ вся, напр., земельная собственность у крестьянъ деревушки Ville-Hue состоитъ изъ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ подъ огородомъ при каждомъ домѣ, и собственники со слезами на глазахъ жалуются на то, что «и козѣ-то даже мѣста нѣтъ для пастбища». Впрочемъ, незначительность пастбищъ составляетъ постоянный недостатокъ мелкой собственности и мелкой культуры, съ которымъ можно бороться, лишь измѣнивъ кореннымъ образомъ экономическія условія современнаго хозяйства. Мы лишь указали здѣсь на рядъ завѣдомо-возмутительныхъ операцій, которыя были продѣланы буржуазнымъ правительствомъ съ общинной собственностью и значительно понизили средній уровень крестьянскаго благосостоянія.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частностямъ земледѣльческаго производства. Озимыхъ хлѣбовъ здѣсь нѣтъ, хотя нѣкоторые (напримѣръ, пшеница) сѣются въ началѣ зимы: нужно, впрочемъ, замѣтить, что и зимы-то здѣсь, собственно говоря, не бываетъ, ибо нельзя назвать зимою температуру, при которой снѣгъ таетъ, едва успѣвая упасть на землю. Изъ хлѣбовъ сѣется пшеница, овесъ двухъ сортовъ («бѣлый» и «черный» — какъ говорятъ бретонцы), ячмень, гречиха, садится картофель, тоже двухъ сортовъ (одинъ изъ нихъ ранній весенній, очень вкусный и дорогой, такъ называемый «prime»). О ржи-же бретонцы почти и понятія не имѣютъ: ее сѣютъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ и то исключительно для лошадей.

Что касается до урожайности, то она гораздо выше той, которая оказывается по статистическимъ свѣдѣніямъ въ Россіи. Въ приморскихъ мѣстностяхъ Бретани, гдѣ мнѣ приходилось разспрашивать насчетъ этого крестьянъ, среднее арифметическое изъ полученныхъ мною свѣдѣній даетъ: для пшеницы на 1 единицу посѣва—7 единицъ сбора (самъ-шесть), для овса—6 единицъ (самъ-пять). Крестьяне считаютъ здѣсь среднимъ урожаемъ пшеницы, если 200 ливровъ посѣва сберутъ 1,400, овса—съ 200—1,200. На фермахъ это отношеніе нѣсколько выше. Припомнимъ читателю, что средняя урожайность двухъ упомянутыхъ наиболѣе главныхъ (кромѣ ржи, которая, не сѣясь въ Бретани, не подлежитъ сравненію) злаковъ достигаетъ для всей Европейской Россіи, по свѣдѣніямъ статистическаго отдѣла департамента земледѣлія и сельской промышленности, для пшеницы 3,5 съ 1 единицы посѣва, для овса—3,4. (См. «Матеріалы по статистикѣ хлѣбной производительности въ Европейской Россіи». Спб. 1880, часть III, стр. 35). Т. е. въ два раза менѣе сравнительно съ тѣми мѣстностями въ Бретани, гдѣ мнѣ приходилось бывать. Лишь въ Прибалтійскихъ

губерніяхъ урожайность мало-мальски приближается къ бретонской, достигая 5,4 для пшеницы и 4,4 для овса (*ibid.*, стр. 11). Между тѣмъ, въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ природныя условія производительности несравненно выше, урожайность достигаетъ лишь—какъ это, съ перваго взгляда, ни странно,—3,5 для пшеницы и 3,7 для овса (*ibid.*, стр. 29), т. е. почти средней урожайности для всей Европейской Россіи.

Напоминая читателю эти факты и сопоставляя ихъ между собою, мы, разумѣется, вовсе не думаемъ играть въ руку разнымъ Гр. Бланкамъ и прочимъ сторонникамъ крупнаго землевладѣнія (не говоримъ, производства), которые постараются отыскать причину высшей производительности въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ существованіи благородныхъ бароновъ и эстонскихъ и ливонскихъ батраковъ, неимѣющихъ земли. Наоборотъ, дѣло тутъ совсѣмъ не въ баронахъ, а лишь въ болѣе интензивномъ хозяйствѣ. Вотъ въ пройденной нами *приморской* части Бретани возлѣ берега господъ бароновъ почти не видать, но урожай на землѣ мелкаго собственника-крестьянина выше прибалтійскаго. Выводъ изъ вышеприведенныхъ цифръ, конечно, есть, но иной, и вотъ каковой именно. Если въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьянское хозяйство такъ сравнительно мало производительно, то причины этого лежатъ, несомнѣнно, въ томъ, что земля истощена несоотвѣтствіемъ между тѣмъ, что берутъ изъ нея и что ей возвращаютъ, несоотвѣтствіемъ между ея доходностью и лежащими на ней поборами, несоотвѣтствіемъ между слабѣющимъ экономически хозяиномъ ея и фискальными требованіями. Приобрѣтши такой выводъ, мы можемъ покончить съ земледѣльческой стороной мелкаго бретонскаго хозяйства и перейти къ другимъ отраслямъ промышленности, изъ которыхъ здѣшнее населеніе старается извлекать себѣ средства къ жизни.

Н. Русановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БАБИЙ БУНТЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, въ настоящее время, въ Гниломъ Затонѣ,—довольно бойкомъ уѣздномъ городкѣ.

Дѣйствіе первое.

ЛИЦА:

Татьяна Крешова, жена богатаго купца рыбака, Соерона Никитча. Красивая темноволосая женщина лѣтъ 25. Одѣта богато и со вкусомъ, но не особенно по модѣ.

Никаноръ Николаичъ Сюсюткинъ, молодой человѣкъ, одѣтый щегольски, хлыщевать. Служитъ секретаремъ въ мировомъ съѣздѣ.

Евдокимъ Данилычъ Топтуновъ, старикъ, купецъ, очень богатый человѣкъ, директоръ банка и вообще почетное лицо въ городѣ. Весьма элегантенъ, важенъ, медителенъ, непрерывно сосетъ грошовую сигару. Ходитъ въ длинномъ засаленномъ скюртукѣ, сверху чуйка.

Онисимъ Варсоломеичъ Ховринъ, купецъ процентщикъ, одѣтъ по старомодному, но безъ чуйки. Постоянно опирается на суковатую палку. Немолодъ.

Харлампій Демьянычъ Перцовъ, молодой краснорядецъ. На немъ пестрый и безвкусный костюмъ съ претензіей на моду. На носу золотое рипсе-пез, которое, впрочемъ, при Топтуновѣ не надѣвается.

Едосѣй Потанинъ, лабазникъ, лицо обухшее, блѣдное; манеры вѣрны и мягки. Толстъ и моложавъ.

Василій Сергѣичъ Дунаевъ, краснорядецъ, среднихъ лѣтъ. Одѣтъ въ пиджакъ; когда читаетъ—надѣваетъ очки.

Тишка, мѣщанинъ безъ опредѣленныхъ занятій. Пьяница и дебоширъ. Оборванъ, грязенъ, подъ глазомъ синякъ.

Жима, дальняя родственница Крешова, одѣта въ темное, губы смазаны ниточкой. Особа тонкая и льстивая.

Прикащики Дунаева.

Старуха покупательница.

Лавка Дунаева.—Кругомъ стѣнъ полки съ товаромъ и прилавокъ.—На лѣво отъ дверей высокая конторка.—За прилавкомъ одинъ прикащикъ торгуется съ старухой, другой обметаетъ пылъ съ товара.—Дунаевъ стоитъ за конторкой и читаетъ газету.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прикащикъ и старуха.

Прикащикъ (быстро отгѣривая ситець). Разъ, два... Ужь вы повѣрите совѣсти... Три, четыре... Теперь ежели супротивъ нашего ситца найдете,—головой готовъ отвѣчать... Семь и три четверти. (Съ шумомъ отдираетъ). Въ убытокъ торгуемъ-съ!

Старуха (ощупываетъ ситець). Охъ, совѣсть-то ваша, посмотрю я на васъ... Намедни Софронъ Никитичъ такъ-то: какъ божился—подлещика мнѣ продавалъ, а къ чему дѣло пришло—и вышла павось.

Прикащикъ. Съ душкомъ-съ?

Старуха. Такой-то вонючій, такой... Какъ разварился, такъ и пойдѣ отъ него запахъ, голубъ ты мой, и пойдѣ... Съ души воротить!.. И за что ему господь жену-то такую красавицу приспособилъ, Софрону-то Никитичу... Сколько причитается-то?

Прикащикъ (быстро гремитъ щетами). Съ васъ причитается рубль тридцать одна и три чети.—Татьяна Гавриловна, точно, единственная, можно сказать, у насъ по городу.

Старуха. Охъ, единственная, голубъ ты мой. Что обхожденіе! Что манера! (Ховринъ входитъ и ощупью иробирается къ конторкѣ). Королева во всѣхъ статьяхъ.—Что съ меня приходится?

Прикащикъ. Одинъ рубль тридцать одна и три чети.

Старуха. О-о, поди ты какая прорва! Ты ужъ почти гривеничекъ. Право, почти!.. Гдѣ мнѣ старой взять!

ЯВЛЕНІЕ II.

Дунаевъ, Ховринъ, прикащикъ и старуха.

Ховринъ. Кушцу мое почтеніе.

Дунаевъ (подаетъ руку, при чемъ гремитъ газетой). Здравствуйте, Онисимъ Вареолеичъ. Какъ живете—можете?

Ховринъ. Не издыхаемъ.—«Курьеръ»?

Дунаевъ. Онъ самый. Хорошая новѣ статейка тутъ на счетъ банковъ. Такъ и рѣжетъ касательно реформы.

Ховринъ. Статейка! Пишутъ, пишутъ, а концы все въ туманѣ. Нѣтъ, по-моему какъ: по моему проворовался разъ—пороть, проворовался въ другажды—вѣшать, вотъ тебѣ и леформа! А ежели по мягкости да по сладости съ ними—сроду воровство не переведется.

Дунаевъ. Оно, конечно, ежели по строгости... Конечно, Онисимъ Вареолеичъ... Но, съ другой стороны, посудите сами: система кредита тоже большое значеніе имѣеть, и ежели ударить въ розги—серьезное замѣшательство можетъ произойти.

Ховринъ. Разсказывай! (Старуха уходитъ прощаясь. Прикащикъ говоритъ ей: «милости просишь въ другой разъ»). Это она насчетъ королевы-то напѣвала?

Прикащикъ (смѣется). Онѣ-съ. Супругу Софрона Никитича оченно подымали-съ.

Ховринъ. Королева! Я-бы эту королеву возжами, напрымѣръ, да возжами-то ременными... Ишь волю взяла! Ишь какую власть за собой объявила! (Входитъ Перцовъ и молчаливо закуриваетъ папиросу). Софронъ наемни беретъ у меня деньги, три тыщи цѣлевыхъ, а она, хватъ, и говоритъ ему, (дразнить): «Софроша! дай мнѣ триста рублей, у меня ротонда стара!..» А! ротонда стара! По клубамъ шататься ротонда занадобилась!.. Шелкоперовъ приманивать, стрекулистовъ!.. Взялъ бы тебя, голубушеу... Королева!

ЯВЛЕНИЕ III.

Перцовъ, Ховринъ и Дунаевъ.

Перцовъ. Но, однако, какое у васъ отсталое понятіе!

Ховринъ. Это какое-такое отсталое?

Перцовъ. Самое даже смѣшное.

Ховринъ. Какое такое смѣшное?

Перцовъ. Какъ-же! Дама, купчиха, и ежели есть ей такое желаніе одѣться, и вдругъ вы такія грубыя слова. Это довольно даже дико!.. Обыкновенно понче купечество образуется. И ежели на мнѣ вдругъ визитка-фантази, а на васъ въ родѣ какой фуфайки—ужели вы имѣете такое право, чтобъ осуждать. Это довольно даже странно!

Ховринъ. Не пыли! Не кипятись! Поменьше паровъ-то пуцай! Аль съ родни приходится? Вотъ ты тутъ горячь, гдѣ дѣловъ-то твоихъ нѣтъ, а какъ изъ Москвы кредиторы понаѣхали, ты скоро осѣеся.

Перцовъ. Вотъ ужъ врядъ-ли отъ меня осѣчу получите!

Ховринъ. Что толковать!—Пистонъ аглицкій... Вотъ погоди, пистонъ, дай мнѣ Софрона повидать: онъ тебя скоро подмочить. Онъ тебя взвѣситъ, какова твоя храбрость.

Перцовъ (сковфуженно). Мы съ Софронъ Никитичемъ въ самыхъ даже пріятныхъ отношеніяхъ.

Ховринъ. То-то пріятныхъ. На бабъ-то на чужихъ поменѣ заглядывайся.

Перцовъ. Это вы совсѣмъ ужъ напрасно, Онисимъ Варεоломеничъ.

Дунаевъ. Не въ ту дверь лѣзете, Онисимъ Варεоломеничъ,—въ калячній рядъ намъ, краснорядцамъ, не рука.

Ховринъ. О? Аль изъ рыла не вышли?

Дунаевъ. Сдается что такъ.

Перцовъ. А какое будетъ разсужденіе насчетъ дунайскаго вопроса, Василь-Сергѣичъ?

Дунаевъ (снимаетъ очки и откладываетъ газету). Что дунайскій вопросъ! Тутъ теперь въ Болгаріи зацѣпка, братецъ ты мой.

Ховринъ. Какая такая зацѣпка?

Перцовъ. Это насчетъ чего-же-съ?

Дунаевъ. Князь Александръ купъ-детать отмочилъ, (входитъ Топтуновъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дунаевъ, Ховринъ, Перцовъ и Топтуновъ.

Топтуновъ (садится). Какимъ, теперича, манеромъ купъ-детать?

Дунаевъ. А это въ Болгаріи, Евдокимъ Данилычъ, у болгарцевъ.

Перцовъ (перебивая). Князь Александръ карамболь устроилъ; черезъ газеты обозначаетъ: купъ-детать.

Ховринъ. Карамболь! Купъ-детать! Нельзя прямо-то сказать: было такъ, а стало на - вывертъ. Очумѣли! Волдыри на языкахъ проявились! Здравствуй, Евдокимъ Данилычъ.

Топтуновъ (зѣваетъ). Здравствуй, слѣпецъ - разслабленный. Что, деньги есть?—У меня молодецъ за солью ѣдетъ. Хочу соли кушить побольше.

Ховринъ. Кремешовъ до нитки обображъ, Евдокимъ Данилычъ.

Топтуновъ. Въ Астрахань?

Ховринъ. Въ Астрахань.

Топтуновъ. Самъ поѣхалъ?

Ховринъ. Самъ.

Перцовъ (радно). Татьяна Гавриловна хоть чрезъ это облегченіе получать! (въ сторону): Что я сказать, дуракъ эдакой, что я сказалъ!

Топтуновъ. Какимъ, теперича, манеромъ облегченіе?

Ховринъ. Извѣстно какимъ: хозяинъ со двора—воры на дворъ. Кобелей-то у насъ на двѣнадцати осинахъ не перевѣшать!

Топтуновъ. Изымать-бы.

Ховринъ. Таковскіе! У него, у каждого, словно ртуть въ пяткахъ-то. Лови ихъ!

Топтуновъ. И изъ купечества?

Ховринъ. Всякіе. Вотъ онъ, молодецъ-то, посмотри на ноге. Гдѣ онъ, Перцовъ-то? Три раза на день брюки смѣняетъ. А еще Харлампій!

Перцовъ. Что-жь что Харлампій! Не обязанъ я за родительское невѣжество отвѣчать. А ежели вы касательно брюкъ, такъ намъ, по нашей коммерціи, никакъ безъ эстаго невозможно-сь. (Къ Дунаеву): Ну, а насчетъ банковскихъ дѣловъ какое разсужденіе по газетамъ?

Дунаевъ. Что насчетъ банковскихъ дѣловъ! Ежели безъ реформы, такъ грабежу этому конца не будетъ. Вотъ какое разсужденіе!

Топтуновъ. Это какому-же такому грабежу?

Дунаевъ. А банковскому грабежу, Евдокимъ Данилычъ. Потому какъ грабежи въ нѣкоторыхъ банкахъ,—въ Кронштадскомъ, и тому подобное.

Топтуновъ. Это гдѣ-же будетъ такое разсужденіе?

Перцовъ. Обыкновенно, въ прессѣ и въ различныхъ корреспонденціяхъ. Вездѣ-сь.

Топтуновъ. А какой изъ эстаго розультатъ?

Перцовъ. Результатъ обыкновенный, чтобъ воровства по банкамъ было менше.

Топтуновъ. Это что-жь, по твоему, я воръ?

Перцовъ. Какъ можно-сь! Вы не въ ту точку потрафляете-сь. Обыкновенно, говорится въ разсужденіи такихъ банковъ, которые...

Топтуновъ (горячится). А ты не воръ, Москву-то обобралъ?

Перцовъ. За что-же такой репримантъ! Вы очень воображаете... И ежели вы теперь миллионщикъ...

Топтуновъ. Какимъ, теперича, манеромъ я касаюсь банковскихъ дѣловъ, и я воръ, а ты объявился скрытнымъ банкротомъ и на чести состоишь...

Перцовъ. Ежели такое невѣжество съ вашей стороны... (расклинавается и гордо выходитъ).

Дунаевъ (сѣется). Какъ чортъ отъ ладана.

Ховринъ. За напрасно.

Топтуновъ. Какимъ, теперича, манеромъ, за напрасно? Какое онъ имѣетъ полное право? Щенокъ!

Ховринъ. Чего онъ тебѣ сдѣлалъ. Онъ развѣ тебя въ виду держалъ. Рѣчь шла о банковскихъ порядкахъ. Рѣчь вообще шла, въ обширности.

Топтуновъ (подумавъ). Порядки наши плохи.

Ховринъ. Прямо вѣшать надо.

Топтуновъ. Слышали про Пеганкина?

Дунаевъ. Чего онъ еще?

Ховринъ. Кого обобралъ?

Топтуновъ. Учитаетъ онъ вексель Кастрюкинскій. Самъ, значить, учитаетъ, а деньги Кастрюкину поступать должны. Какой, говорю, изъ этаго розультатъ?—А такой, говорить,—три копѣйки въ мѣсяцъ съ него беру за учетъ, да еще обезпеченіе имѣю.—Какимъ, теперича, манеромъ?—Вексель, говорить, имѣю отъ него въ обезпеченіе. — Ну, пришедши сроку, выкупилъ Кастрюкинъ свой вексель. Изъ банка-то онъ выкупилъ, а Поганкинъ возьми, за мѣсто того, да обезпеченскій вексель къ протесту! Тыщу цѣлковыхъ!

Дунаевъ. Искаріотъ! И какъ этакого искаріота земля носитъ. Эхъ, доведись мнѣ, поговорилъ-бы я съ нимъ! Я-бы съ нимъ по-словоохотился!

Ховринъ. Ты-то?

Дунаевъ. Я-то.

Ховринъ. Сумлѣваюсь.

Дунаевъ. Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно.

Топтуновъ. Да вы слушайте. Что за народъ такой... Какой изъ этаго розультатъ, ежели перебивать.

Ховринъ. Говори, говори.

Дунаевъ. Слушаемъ, слушаемъ, Евдокимъ Данилычъ.

Топтуновъ. Ну, опосля того прибѣжалъ къ намъ Кастрюкинъ. Подобно какъ умалишенный реветъ. Конечно, дурья порода. Какимъ-же, теперича, манеромъ ты, дуракъ, вексель свой изъ банка выкупалъ, спрашиваемъ.—Потому выкупалъ, на Федосѣя понадѣлся, говорить.

Ховринъ. Вотъ шалава... въ торговомъ дѣлѣ на купца понадѣлся. Однако, тыщенокъ десять болтаются теперь у Поганкина.

Топтуновъ. Не меньше какъ красненькая. Малый—воръ! (Входитъ Поганкинъ, подобострастно всѣмъ кланяется и подаетъ руку).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дунаевъ, Ховринъ, Топтуновъ и Поганкинъ.

Поганкинъ. Евдокиму Данилычу-съ!.. Онисиму Вареломейчу-съ!.. Тыщу лѣтъ здравствовать!.. Васенькѣ глубочайшее!

Ховринъ (Дунаеву). Ну-ка, пословоохотыся съ нимъ... Поговори...

Дунаевъ. Какъ вы шутки не можете понимать, Онисимъ Вареломейчъ. Всякій молодецъ на свой образецъ...

Ховринъ. А ученаго учить только портить?

Дунаевъ. Совершенно вѣрно-съ.

Поганкинъ. Хе, хе, хе, вотъ онъ городокъ-то нашъ обращается: мужья за товаръ, а жены за другой. Со всѣхъ сторонъ прибыль... Хе, хе, хе!

Топтуновъ. Это какимъ-же, теперича, манеромъ?

Поганкинъ. Да на всякія манеры, Евдокимъ Данилычъ, на всякія-съ. Ну-ка, Васенька, дай покурить. (Дунаевъ протягиваетъ ему портсигаръ).

Топтуновъ. Но однако?

Поганкинъ. Да вотъ хоть-бы Кремешова къ примѣру. Мужъ вчера въ Астрахань, а нонѣ у ней ужь перестрѣлка пошла.

Ховринъ. Съ Харлашкой? Эка подлець!

Поганкинъ. Не съ того конца зачинаете, Онисимъ Вареоломейчъ, Татьяна Гавриловна у насъ только на счету вѣдь купеческомъ, а то и спереди посмотришь—дворянка и сзади—барыня. Имъ Харлампій не къ лицу-съ, хотя-же и пенсне у нихъ на носу. Хе, хе, хе!

Топтуновъ. Что-о?

Поганкинъ. Пенсне, Евдокимъ Данилычъ.

Топтуновъ. Какая такая...

Поганкинъ. На носу, для видимости. Чтобъ просвѣщеннаго человѣка обозначала.

Топтуновъ. Врешь все.

Ховринъ. Это вѣрно. То бываютъ очки, то—пенсне.

Поганкинъ. Вы не пытались, Онисимъ Вареоломейчъ?

Ховринъ. Бреши, бреши! Богъ наказаль, и тебя Богъ накажетъ. А я еще, благодаря Создателя, дураковъ не грабилъ, какъ иные прочіе.

Поганкинъ. Языкь!.. Экій языкъ у васъ, Онисимъ Вареоломейчъ. Бритва! Я какъ-то смотрю у нотариуса вашъ векселекъ да и думаю: и за что это Онисиму Вареоломейчу такой процентъ платятъ, Господи ты Боже мой. Жилы рвутъ а платятъ. А мнѣ и говорить нотариусъ: это ему за краснорѣчіе Творецъ посылаетъ, за даръ слова... Онъ въ родѣ, говоритъ, какъ Златоустъ нашъ безсребренный.

Ховринъ. Эка змѣя-то! Эка ядь-то змѣинъ! Связываться-то съ тобой не хочется.

Дунаевъ. (Смотритъ въ окно). Вотъ страсотерпцы-то: Варламъ Кириллычъ только что изъ клуба тянется.

Поганкинъ. Доходы свои наблюдаетъ.

Топтуновъ. Какимъ манеромъ—доходы?

Поганкинъ. А въ стуолку, въ рамсъ, въ винтъ... Во что хочешь!

Топтуновъ. Оно и ты, говорятъ, мастеръ на эти дѣла.

Поганкинъ. Я собственно по маленькой, благодѣтель.

Ховринъ. Эка! Эка дурь-то пошла! Что за клубы такіе!.. Бу-

печеское-ли дѣло клубы! Ночью-то сидить, сидить, а придетъ въ лавку и глядитъ какъ очумѣлый. Намедни стою у него, а покупатель спрашиваетъ: Почему у васъ колбаса вареная?—Копѣйка съ фишки, говоритъ, а ежели съ мушкой—три чети.—Вотъ оно до чего! (Всѣ смѣются). А приващики рады! Имъ на руку!

Поганкинъ. Чего-съ! Вы-бы въ домъ у нихъ посмотрѣли, у Лукутиныхъ-то. Что ни вечеръ—гости. По средамаъ—пятницамаъ скоромъ жрутъ. Дочки на фортепянахъ... Чистый Вавилонъ,

Топтуновъ. Куда она меньшую дѣвку-то?

Поганкинъ. На курсы, въ Питеръ, на обученіе.

Топтуновъ. Какой-же изъ эстаго результатъ?

Поганкинъ. А ужъ извѣстно, на купечество плевать обучится.

Ховринъ. Виданое-ли дѣло: купеческая дочь на курсы!.. Времени!.. И сейчасъ мужья которые на ротонды да на шляпы не наготовятся, а ежели теперь съ курсовъ она объявится—прямой раззоръ съ ней. Расточеніе капиталовъ!.. И какой разговоръ съ ней держать мужу? И какъ она съ нимъ можетъ говорить? И къ какому дѣлу ее приспособить такую?

Дунаевъ. Конечно, ей въ купечествѣ не приобькнутъ.

Топтуновъ. А все эти емнази! Жили безъ нихъ и было хорошо. Бывало, баба-то шелкъ шелкомъ, а теперича чуть не по ней—и полѣзай весь домъ въ розволочь. Какимъ-же теперича манеромъ, емнази? И какъ мнѣ, ежели за косы ее, емназистку?.. Какой изъ эстаго результатъ?

Дунаевъ. Но по нонѣшнему время никакъ невозможно безъ образованія. Какъ же вы хотите, чтобъ въ богатомъ домъ и притомъ безъ фортопяновъ. И опять—діалехтъ французскій...

Топтуновъ. А на что?

Ховринъ. Съ полюбовниками якшаться! Съ стрекулистами!

Поганкинъ. Вѣрное ваше слово, Онисимъ Вареоломеичъ. Я давеча пробираюсь эдакъ къ лавкамъ, а Кремешова и катить въ пролетѣ. Хватъ похватъ—изъ за угла Сюсюткинъ...

Топтуновъ. Какой такой?

Дунаевъ. Секлетаръ сѣздовскій.

Поганкинъ. ...Туда сюда, остановилась... Залопотала по французскому. И вѣдь какая шельма этотъ Сюсюткинъ—и руки ей тискаетъ, и глазами поводитъ, и вздохи подпускаетъ... Ахъ ты!.. Вотъ онъ діалехтъ-то, Васенька!.. Ну я стою, примѣчаю, что будетъ. Только она и обмолвилась русскимъ словомъ: а вы, говорить, пожалѣйте меня, Никаноръ Николаичъ, какъ я, говорить, въ одиночествѣ и супруга мой уѣхамши въ Астрахань... Вотъ-те фунтъ, думаю! Ну, думаю, постращать ихъ. Здравствуйте, говорю, барыня!

Что это вы, барыня, извелись, бѣлымъ снѣгомъ перекрылись; аль съ тоски-тревоги, супругу свою проводимши?.. Какъ она фырскнетъ отъ меня,—только и видѣлъ ее Сюсютинъ!

Ховринъ. Вотъ-те на! А я вѣдь полагалъ насчетъ Харлашки Перцова.

Дунаевъ. Хе, хе, хе! Перцовъ хоть повздыхаетъ — и то себѣ въ удовольствіе зачтетъ.

Топтуновъ. Дѣла! Говорилъ я Софрону: руби древо по себѣ. Вотъ оно и вышло. Да можетъ, на вѣтеръ болтаютъ.

Поганкинъ. Чего на вѣтеръ! Въ городѣ только и разговоръ, что про нихъ. Какъ клубъ, такъ съ Сюсютинымъ, какъ кадрель, такъ съ Сюсютинымъ.

Топтуновъ. Чего-же Софронъ-то?

Поганкинъ. Софрону что,—Софронъ сядетъ за стуюлку, да и киснетъ за каждой копѣйкой. Онъ тоже ловокъ обирать нашего брата!.. А то еще такъ сдѣлаетъ: возьметъ. самъ-то не поѣдетъ, а тетку пошлетъ съ ней. Тетка у него есть такая—Афимья...

Топтуновъ. Авось знаю.

Поганкинъ. Ну, а той что! Той сунуть винограду въ зубы, аль грушу какую, она и сосетъ ее до скончанія вѣковъ.

Дунаевъ. Однако, въ танцахъ, говорятъ, прекоротъ вышелъ

Поганкинъ. Это вѣрно. Вышло такое запрещенье, чтобъ не танцовать ей. И такой еще произошелъ прекоротъ: въ клубъ-то она наемдн заявилась, а на глаза-то синякъ у ней.

Топтуновъ. Ихъ не бить — добра не видать.

Ховринъ. Нѣтъ, за рѣшетку, за рѣшетку ихняго брата!.. Ишь, волю взяла!.. Ишь, власть за собой объявила!.. Ну, прощайте. Прощай, Евдокимъ Данилычъ.

Топтуновъ. Съ Господомъ, слѣпецъ-разслабленный.

Ховринъ. Пойду-ко я къ Лукутину. Пойду-ко, распрошу у него про клубъ про этотъ. А! вотъ тебѣ и Харлашка. Поди, разбери ихъ сноровку. Сама при мнѣ подымала: и Харламшій-то Демьянычъ, и хорошъ-то, и пригожъ, и одежда-то на немъ модная... Вотъ тебѣ модная одежда!.. Ахъ, бабы, бабы, зелье сатанинское. (Уходитъ).

Поганкинъ. Вотъ сметникъ, вотъ злоязычникъ этотъ Ховринъ! Нѣтъ, Тишку на него напустить, грѣшнымъ дѣломъ...

Видѣвъ. { Топтуновъ. Аль проявился?
{ Дунаевъ. Неужто выпустили?

Поганкинъ. Какъ-же-съ, вчера изъ острога выступилъ. Ну, говорить, кто другой, а степенный гражданинъ Топтуновъ берется, говорить. Такого, говорить, сраму, и не запомнить никто,

какой я ему сдѣлаю срамъ. Чѣмъ ужъ вы ему насолили, благодѣтель? Хе, хе, хе...

Топтуновъ (въ волненіи). Эка! Эка! Живорѣзъ по городу ходитъ, удержу ему нѣтъ. Сибири ему нѣту, напримѣръ... Законъ! Какой такой законъ, ежели—степенный гражданинъ, и онъ вдругъ лаеъ степеннаго гражданина! Какимъ, теперича, манеромъ?

Дунаевъ. Вопиющая бѣда съ эстимъ человѣкомъ. Особливо въ лавкахъ—избави Богъ! Покупатели точно горохъ отъ него. (Въ дверяхъ появляется Тишка пьяный).

Поганкинъ. Вотъ-те фунты! Легокъ на поминѣ. Здравствуй, Тихонъ Михалычъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Топтуновъ, Дунаевъ, Поганкинъ и Тишка.

Тишка. Здравствуй, здравствуй. А, грабители, поддорожники, носы желѣзные, всѣ тутъ собрались... во едино стадо! (Обращаясь къ Топтунову). Эй, пузанъ, давай на шкаликъ! (Топтуновъ отвертывается). Что, насытился еси? Насосался?.. Погоди, братъ, придетъ и на тебя день судный.

Дунаевъ. Будетъ тебѣ, Михалычъ! Оставь, покупателей отбиваешь, оставь!

Тишка. Нѣтъ, ты мнѣ скажи, что мнѣ съ вами сдѣлать? Скажи ты мнѣ, какъ разказнить васъ, продовъ египетскихъ!.. (Топтунову) А! Наѣлъ пузо-то, сидитъ, отдувается, радъ, что рожа саломъ зашла... У, дьяволы вы! (Приближается къ Топтунову). А что, ежели допытаться у вашего степенства, какими, то-ись, путями вы въ купечество произошли?

Дунаевъ. Брось, Тихонъ! Оставь, ради Христа!

Тишка (не обращая вниманія). ...Какими такими поступками? Ась? И какое ваше понятіе касательно грабежу? Касательно разбоя, напримѣръ?.. Не слышите! Ушки заложило!.. Иродъ ты! Серапионъ африканскій!.. Взять тебя ежели, толстопузаго Каина...

Топтуновъ (волнуется). Какимъ-же, теперича, манеромъ, Василій Сергѣевъ... (Не находитъ словъ).

Дунаевъ. Оставь, Михалычъ, оставь! Покупатели идутъ. Бернъ пятачекъ, уходи ради Создателя.

Поганкинъ. И отъ меня получи, Тихонъ Михалычъ, (даеъ монету).

Тишка. Отъ васъ!.. Отъ вашихъ доходовъ!.. Ха!.. Пожалуйте-сь, господинъ Поганкинъ... Гыс-па-динъ!.. А какъ вы объ себѣ понимаете, гыс-па-динъ?.. Какое такое, то-ись, понятіе у васъ?.. И ежели касательно большой дороги—можете вы этому способ-

ствовать?.. Въ разсужденіи господь проѣзжающихъ... карманы имъ обчистить?..

Поганкинъ. Хе, хе, хе, шутникъ ты, я погляжу.

Тишка. Шутникъ!.. А ты много сиротъ-то зашутилъ на своемъ вѣку...

Дунаевъ. Иди, иди, Христа ради—покупатели.

Тишка. Не буду, не буду. Уйду, пропади вы. (Поетъ) *Возсѣдохомъ Господь на Сионъ и со ангелы тѣмъ тѣмъ и со архангелы...* (Входятъ Татьяна и Хима; Тишка галантно раскланивается съ ними). А! барыня-черноброва! Черноброва-чернокожа, на монашенку похожа!.. Давно за тобой мой пятакъ пропадаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дунаевъ, Поганкинъ, Топтуновъ, Татьяна, Хима и Тишка.

Татьяна. Возьми хоть два, Тихонъ Михалычъ. (Подаетъ ему и здоровается за руку съ Топтуновымъ и Дунаевымъ). Дайте мнѣ, пожалуйста, фаю синяго.

Тишка (уходя). Спасибо этому дому, пойду въ иному. Ну, дама, за пятаки тебѣ мерси, а все таки въ уздѣ себя содержи. Потому строгъ Тихонъ Михайловъ. Въ законѣ себя содержи!.. въ порядкѣ! У, строгъ Тихонъ Михайловъ! *Возсѣдохомъ Господь на Сионъ...* (Уходитъ).

Поганкинъ. Ему-бы, подлецу, законъ-то этотъ прописать!

Татьяна. Не понимаю, что онъ говоритъ такое (разсматриваетъ матерію).

Топтуновъ. Понятіе тутъ одно: честь свою женскую на блюдай.

Татьяна. Что это вы говорите такое, Евдокимъ Данилычъ!

Топтуновъ. Касательно женской вашей чести говорю. Уѣхалъ Софронъ-то?

Татьяна. Напрасно вы обижаете меня, Евдокимъ Данилычъ. Я, кажется, знаю свои обязанности. А ежели злые люди навѣты вамъ наводятъ, такъ вѣрнѣе-то имъ и стыдно, пожалуй. (Обращается къ Химѣ). Какъ думаешь, подойдетъ къ корсажу?

Поганкинъ (въ сторону). Злые люди! весь городъ—злые люди. Поди какая добрал.

Топтуновъ. Ну, ну, разошлась! По мнѣ что! Мнѣ Софрона жалко. Съ малыхъ лѣтъ онъ мнѣ въ родѣ какъ родной. Онъ—какъ родной, а за тобой кобели, напимѣрь. Какой изъ эстаго результатъ? Мнѣ обидно.

Татьяна. Я не виновата. Не закажешь всякому.

Топтуновъ. На долго уѣхалъ Софронъ-то?

Татьяна. Говорилъ — на три недѣли.

Топтуновъ. Ничего, не скучай. Держи себя въ строгости. Не давай повадку шелкоперамъ-то. Хорошая слава лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжитъ. Баба ты молодая, должна себя соблюдать.

Татьяна (Химѣ). Это несносно. И съ какой стати онъ присталь?

Поганкинъ. (Топтунову). Чтой-то я, благодѣтель, посмотрю, какой теперича поповичамъ ходъ пошелъ!

Топтуновъ. Какой такой ходъ?

Поганкинъ. А вотъ на Сюсюткина посмотрѣть, на Ниванора. Что сертучекъ на немъ, что часики... А вотъ намедни взглянулъ я какъ-то, — глядь, и кольцо браліантовое на рукѣ. А вѣдь всего-то сынъ пономарскій!

Татьяна. (Горячо). Вотъ ужь ошибаетесь! Ниваноръ Николаичъ вовсе не изъ духовныхъ: его мать и до сихъ поръ пенсіонъ получаетъ по майорскому положенію.

Поганкинъ. Вамъ лучше знать. Только изъ фигуры его такъ обозначаетъ, что онъ изъ блинниковъ. И опять-же жадность эта въ немъ...

Татьяна. Надѣюсь, что фигура самая 'благородная. А ежели жадность — такъ, можетъ, отъ купцовъ отъ нашихъ заразился... (Обращается къ прикащику): Отрѣжьте, пожалуста, четырнадцать аршинъ.

Топтуновъ. Да ты чего кипятишься-то? Дьячекъ, такъ дьячекъ, — тебѣ-то что?

Татьяна. Ахъ, какъ-же вы не хотите понять, что онъ нашъ хорошій знакомый. И нельзя-же всякому позволять...

Хима. Ну, Татьянушка, выбирайте шертингъ-то. (Въ сторону къ ней): И что ты, сумазбродная, разошлась... И чего ты разгорѣлась!.. (Влетаетъ Перцовъ, раскланивается съ Тоней и надѣваетъ ринсе-пез).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Дунаевъ, Топтуновъ, Поганкинъ, Перцовъ, Татьяна и Хима.

Топтуновъ (Перцову). Поди-ко, поди-ко сюда!

Перцовъ (не обращаетъ на него вниманія). Бонжуръ, мадамъ. И какая съ вашей стороны жестокость — пройти мимо нашей лавки! Конечно, Василью Сергѣичу во всемъ счастье... Но, съ другой стороны, какая-же наша провинность?.. Все-ли въ добромъ здоровьи?.. Какъ изволите проводить время въ разсужденіи удовольствій?.. Можно-ли льстить себя надеждой на завтрашній кадрилъ?

Татьяна. Я не танцую, благодарю васъ.

Перцовъ. Но можно-ли этому повѣрять!.. Какое даже вар-

варство съ вашей стороны... Хотя на одинъ разрѣшите расчитывать. Иль на польку трамблянъ-съ?

Татьяна. И польку не танцую. Я и въ клубъ-то врядь-ли буду.

Перцовъ. Какая жалость!.. Но чтой-то вы покупаете? Позвольте посмотрѣть. Фай-съ? Высокой доброты... Намедни крестницѣ бралъ — отличный фай. Мы этихъ товаровъ собственно не держимъ-съ. У насъ товары простонародные, крестьянскіе-съ... Отличный фай! И—вы знаете—я не могу теперь въ необразованіи: меня звали крестить, но я не иначе пошелъ, чтобъ окрестили Емилией.

Татьяна. Эмилией?

Перцовъ. Совершенно вѣрно-съ. Куфаркинъ новорожденный, но, между прочимъ, Емилиа...—И я какъ приѣду въ Москву, я ужь не могу... Прямо ермитажъ, театръ, панорамы... Очень даже уважаю господина Хохлова.

Топтуновъ. Подь-ка сюда! Дай-ко на рыло-то твое посмотрѣть... Аль не различаешь глазами-то!

Перцовъ (незамѣтно снимаетъ рипсе-пез, Татьяна тихо): Ужасно невѣжественный человекъ! (Громко). А какія вы уважаете оперы?

Татьяна. Я всё люблю, какія слышала. Да мало я ихъ слышала то. Однако, извините, позвольте мнѣ посмотрѣть этотъ шертингъ, вы на него легли.

Перцовъ. (отскакиваетъ). Ахъ, извините-съ!.. Въ забвеніи-съ!.. И какъ всегда, нахожусь въ очарованіи-съ!.. Пардонъ-съ!

Татьяна. Богъ васъ простить. Ну-ка, тетушка, сколько намъ на простыни-то надо?

Топтуновъ (Перцову). Какимъ-же, теперича, манеромъ ты въ очарованіи?

Перцовъ (Конфузится). Это по другой части-съ.

Топтуновъ. По какой по такой?

Перцовъ. Не по коммерческой-съ.

Топтуновъ. А какой изъ эстаго результатъ?

Перцовъ. Для просвѣщеннаго человекъ очень даже большой.

Поганкинъ. Кнутъ, аль нагайка?

Перцовъ. Я за стыдъ даже считаю разговаривать съ вами, господинъ Поганкинъ. (Уходитъ).

Дунаевъ (отрывается отъ газеты). Не любить! (Входитъ Сюсюткинъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Топтуновъ, Поганкинъ, Дунаевъ, Татьяна, Хима и Сюсюткинъ.

Сюсюткинъ (поетъ фальцетомъ, мрачно). *Когда-бъ я зналъ, напрас-*

но-бъ жизни силу... Э-э... Позвольте мнѣ... Какъ это называется?.. да, позвольте мнѣ голандскаго полотна... Напрасно-бъ жизни силу-у-у... И пожалуста... э... э... самага высшаго сорта... Знаете, эдакое... эдакое... для рубашекъ. (Обращаясь къ Татьянѣ): Excusez, madame!.. Напрасно-бъ юность не теря-я-яль...

Татьяна (быстро). Завтра въ клубѣ буду. Приходи непременно!

Сюсюткинъ. Всенепременно. (Татьянѣ громко): Какое замѣчательное отсутствіе культурности въ нашсмъ городѣ... Приѣзжаетъ, знаете-ли, мой пріятель... Ну — извѣстность, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, кандидатъ императорскаго университета... Ну, идетъ, знаете, и вдругъ—помоями! Такъ-таки шляпа, пальто, зонтикъ—великолѣпнѣйшій шелковый зонтикъ — все въ помояхъ: шкурки, корки, мочалки... Ужасно!

Татьяна (смѣется). Вотъ, воображаю, красивъ вашъ пріятель!

Сюсюткинъ. Ха, ха, ха!.. Нѣтъ, вообразите,—извѣстность, кандидатъ императорскаго университета, и вдругъ—помои! Хотѣлъ, было, знаете, притянуть ихъ къ суду, но я отсовѣдовалъ: mon cher, я говорю, растревожить, говорю, это болото не безопасно... *Твоя любовь открыла мнѣ мои-и-илу...* (Смотритъ полотно).

Топтуновъ. Это какое-же такое болото?

Сюсюткинъ (тихо спрашиваетъ Татьяну):— Это Топтуновъ? — (Татьяна утвердительно киваетъ головой). Такъ принято въ литературѣ называть захолустные города, почтеннѣйшій.

Топтуновъ. А какой изъ эстаго розультатъ? Въ болотѣ нечистъ водится, а мы пока православными считаемся. И какъ-же ты понимаешь храмы Божіи въ эдакомъ разѣ?

Сюсюткинъ (фамиллярно треплетъ его по плечу). Это метафора, любезнѣйшій, façon de parler. Не зыщите. У насъ, у людей образованныхъ, свой языкъ, и вы понимать его не можете... *Твоя любовь открыла-а мнѣ мои-и-илу...*

Топтуновъ (отстраняясь). Не трожь—я тебѣ не ровесникъ. А языкъ-то этотъ свой сдерживай: и себя глупцомъ дѣлаешь, и другихъ во грѣхъ вводишь.

Сюсюткинъ (Татьянѣ). Что-же это за монстръ! Но, однако, у меня есть къ нему дѣло. (Топтунову) Почтеннѣйшій! У васъ есть, кажется, дача,—не сдадите вы ее?

Топтуновъ. Какая дача? Тебѣ что за дѣло? Захотѣлъ и выстроилъ. Захочу дачу выстрою, захочу—въ Парижъ поѣду. Мои деньги—не твои!

Сюсюткинъ. Но я вовсе и не думаю оспаривать ваши рантьерскія права. Я только хотѣлъ спросить, не сдадите-ли вы ее?

Топтуновъ. На то и построена, чтобъ сдавать; самъ не буду въ курятникѣ жить.

Сюсюткинъ. Ну и сдайте.

Топтуновъ. Кому?

Сюсюткинъ. Не все-ли это равно?

Топтуновъ. Нѣтъ, не все равно.

Сюсюткинъ. Ну, хотя-бы мнѣ.

Топтуновъ. Тебѣ? А велико-ли твое жалованье?

Сюсюткинъ. Очень странный вопросъ! Я получаю тысячу-двѣсти.

Топтуновъ. Тысячу-двѣсти!.. Ахъ, ты балаболка, балаболка!.. Какія твои крохи, а ты еще на дачу лѣзешь.. (Встаетъ, и говоритъ Татьяна). Эй, баба, береги хвостъ, въ грязи не вымарай! (Уходитъ).

Сюсюткинъ. Что за невѣжество!

Татьяна. Ахъ, да что-же это они сговорились!.. Да за что-же это... и какъ они смѣютъ оскорблять!.. (Уходитъ; Хима поспѣшно забираетъ покупки и идетъ за Татьяной).

Сюсюткинъ. Смѣшно, впрочемъ, обращать вниманіе на этихъ обскурантовъ... *Твоя любовь открыла мнѣ мочи-и-илу... э... э... возьмите это... мнѣ это не нравится... Когда-бъ я знала, когда-бъ я зна-а-ала...* (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

Дунаевъ и Поганкинъ.

Поганкинъ. Слышалъ?

Дунаевъ. Не тонко ведутъ дѣльце.

Поганкинъ. Чего толще! Какъ-то будутъ расхлебывать.

Дунаевъ. Наше дѣло—стороннее.

Поганкинъ. Обидно, братецъ ты мой. Ты погляди на нее: баба гренадеръ-гренадеромъ и вдругъ изъ за эдакой мрази польстилась... Вѣдь его что,—его плевкомъ расшибить ежели, и то возможно.

Дунаевъ. Лоскъ!

Поганкинъ. Лоскъ! Спросилъ-бы я его, на чьи капиталы лоскъ-то эфототъ построенъ. Безъ Софроновыхъ денегъ давно-бы опаршивѣлъ... А то—лоскъ! (Дунаевъ зѣваетъ и креститъ ротъ).

Дунаевъ. А должно, Софрону Никитичу невдомекъ эта игра?

Поганкинъ. Захотѣлъ! Да онъ съ его характеромъ въ живѣе не оставитъ, ежели дознается... Мужикъ оголтѣлый. Одно слово—рыбникъ!

Дунаевъ (снова зѣваетъ). О, Господи ты мой Боже!

Поганкинъ (помолчавъ). А тиха торговля-то?

Дунаевъ. Какая теперь! Теперь до самаго августа тишина. Каникулы.

Поганкинъ. Да, всёмъ каникулы. Однимъ теперь желѣзникамъ лафа. Вчера Смыковъ двѣ сотельныхъ выручилъ. (Молчаніе). Что-жь, развѣ въ чижовку вогнать тебя?

Дунаевъ (зѣваетъ). Пожалуй, займемся. (Кричитъ). Безчастный, дай-ка шапки! (Прикащикъ подаетъ; они разстнавливають и затѣмъ ходятъ).

Поганкинъ. Прямо съ почину фузеъ вашей милости.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

ЛИЦА:

Иосифъ Окаянскій, молодой человѣкъ, адвокатъ, недавно съ университетской скамьи, товарищъ Сюсюткина по гимназій. Недавно пріѣхалъ въ Гнилой Затонъ.

Маша Лукутина, дѣвушка около 20 лѣтъ, слушательница Бестужевскихъ курсовъ, дочь богатаго гнилозатонскаго купца. Одѣта какъ обыкновенно одѣваются барышни, но сверхъ кокетливой кюсточки кутается въ пледъ.

Корреспондентъ Рогожкинъ; жидкій, темный субъектъ, однакоже въ шляпѣ на студенческой манеръ и въ гороховомъ пальто.

Перцовъ.

Поганкинъ.

Татьяна Кремешова.

Сюсюткинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ дальней и глухой аллеѣ городского сада.—За деревьями видѣется силуэтъ клуба—лѣтней, довольно изящной ротонды.—Фасадъ иллюминированъ разноцвѣтными фонариками.—Когда играетъ музыка (струнный оркестръ изъ семи человѣкъ), звуки до аванъ-сцены доносятся едва слышно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рогожкинъ и Окаянскій.

Окаянскій. Но какими-же вы путями цивилизаціи хлебнули, необыкновенный вы человѣкъ?

Рогожкинъ. Вотъ вы назвали меня необыкновеннымъ человѣкомъ,—вы, можетъ быть, и пошутили, хе, хе, хе, а я вѣдь и на самомъ дѣлѣ необыкновенный человѣкъ.

Окаянскій. А-а, это любопытно, расскажите, расскажите.

Рогожкинъ. Что рассказывать-то. Рассказы мои короткіе. Я изъ мѣщанства происхожу. Но до чего я это свое сословіе не уважаю, даже рассказать вамъ трудно. Вы не повѣрите, и теперь,—кажется взрослый я, и ужъ, кажется, цивилизованный субъ-

ектъ, а какъ обзовуть меня мѣщаниномъ—и сейчасъ мнѣ стыдно станеть.

Окаянскій. Что-же, это похвальныя чувства.

Рогожинъ. Вотъ оно! Вы говорите похвальныя, а сколько изъ-за этихъ самыхъ чувствъ я страданій перенесъ! Но, однако, возвратимся къ сюжету. Я расскажу вамъ, какъ я произошелъ.

Окаянскій. А знаете, давайте такимъ образомъ расположимъ нашъ діалогъ...

Рогожинъ. Діалогъ? Это я понимаю, это—двоеговореніе.

Окаянскій. Да? Ну и отлично. И такъ какъ вы чуть-чуть не великій человекъ, а всѣ великіе люди развивались аналогично...

Рогожинъ. Какъ вы сказали?

Окаянскій. Всѣ великіе люди...

Рогожинъ. Нѣтъ, не то, какъ вы иностранное-то слово...

Окаянскій. Аналогично?

Рогожинъ. Экая гибель этихъ словъ иностранныхъ. Слова звонкія, хорошія, а запомнить—возможности никакой нѣтъ. Какъ вы...

Окаянскій. Аналогично.

Рогожинъ. А-на-ло-гич-но, а-на-ло-гич-но... Это что-же обозначаетъ?

Окаянскій. Аналогія—подобіе, сходство...—И такъ всѣ великіе люди...

Рогожинъ. На минуточку-съ!.. Аналогія, аналогично... подобіе, сходство... подобіе, сходство... Затвердить, наизусть затвердить!

Окаянскій. Да на что-же вамъ это?

Рогожинъ. Помилуйте, мнѣ за первое удовольствіе въ статейкѣ эдакое слово кovyрнуть. Шикъ больше. Или въ стихѣ эдакъ!

Окаянскій. А вы и стихи сочиняете?

Рогожинъ. Ха, ха, ха... Не то, что сочиняю, а даже ужъ составилъ сотни полторы-съ. Этотъ предметъ довольно для меня легкій.

Окаянскій. Что-же, печатаете произведенія вашей музы?

Рогожинъ. Какъ вы сказали—музы? Это я понимаю: муза—лира, то-есть, гитара, то-есть, струнный инструментъ.

Окаянскій (смѣется). Однако, не балалайка.

Рогожинъ. (тоже смѣется). Странно было-бы,—балалайка довольно даже мѣщанскій инструментъ.

Окаянскій. И такъ, печатаете?

Рогожинъ. Какъ вамъ сказать... Тутъ зацѣпка есть маленькая.

Окаянскій. Редакторъ — свинья?

Рогожкинъ. Съ одной стороны, похоже на это ..

Окаянскій. Но съ другой...

Рогожкинъ. Мм... какъ-бы вамъ... Секретъ тутъ есть у меня.

Окаянскій. Сдѣлайте одолженіе! Человѣкъ я пріѣзжій, посвященію сочувствую... И даже очень счастливъ, что въ нѣкоторомъ родѣ жемчужину... Сдѣлайте милость, расскажите!

Рогожкинъ (подумавъ). Ну — открываюсь!

Окаянскій (съ притворнымъ испугомъ). Однако, позвольте — вы не государственный преступникъ? Государственнымъ преступникамъ строжайше воспрещено печатать стихи...

Рогожкинъ. Охъ, что это вы... Даже кольнуло... (Подозрительно смотритъ на Окаянскаго). И съ какой вы стати такое слово... Да я по гробъ жизни моей... Ахъ, ахъ, что вы со мной сдѣлали... Вотъ оно, вотъ! (хватается за сердце).

Окаянскій (бросаясь къ нему). Другъ мой! По гробъ моей жизни не прошу себя... Пошутить я, пошутить!

Рогожкинъ. Нѣтъ, нѣтъ... Я вижу — вы агентъ, я по глазамъ вижу... Но только вы глубоко ошибаетесь... Я самъ, съ своей стороны... Подите сюда (отводитъ его въ сторону и говоритъ таинственно): я самъ бумажонку на счетъ здѣшнихъ художествъ послалъ.

Окаянскій. Но что-же вы описали?

Рогожкинъ. Тс... Ради Бога!.. Вы знаете здѣшняго купца Лукутина? У него дочь социалистка. Зовутъ Марья, лѣтъ девятнадцать, учится на петербургскихъ вышнихъ курсахъ... Запишите-ка ее! (Въ сторону). Погоди, голубушка, я тебя допеку! Я тебѣ докажу твои насмѣшки! (Громко). Но, ради Бога!..

Окаянскій. Но вы талантъ! Со всѣхъ сторонъ талантъ! Запишемъ, запишемъ ее, рабу Божию. Я хотя собственно и не агентъ, но могу, могу... Но, однако, что-же вашъ секретъ? Я ужъ начинаю подумывать, не искусно-ли вы меня отводите отъ сути? Хе, хе, хе...

Рогожкинъ (съ испугомъ). Помилуйте!.. Вотъ видите-ли въ чемъ дѣло... видите-ли въ чемъ... Какъ-бы вамъ... Ну, однимъ словомъ, родители мои достаточные даже варвары.

Окаянскій. Бьютъ, что-ли, васъ?

Рогожкинъ. Нѣтъ, какъ можно!.. Но будучи вознаграждены, такъ сказать, такимъ сыномъ, они и въ помышленіи не возымѣли дать мнѣ благородное воспитаніе.

Окаянскій. Ахъ, подлецы! И вы...

Рогожкинъ. И я... не достаточно твердо обладаю грамма-

тическимъ слогомъ. То-есть, я могу. Не согласитесь сами: такое пареніе мыслей и вдругъ—рифмы тутъ, иностранныя слова, при-мѣры, обозначенія... И конечно, согласитесь сами, грамматическій слогъ страдаетъ.

Окаянскій. Конечно, онъ долженъ своими страданіями искупать прелесть вашихъ произведеній.

Рогожкинъ. Понимаете? Но съ другой стороны я нахожусь въ самомъ смѣшномъ положеніи. Я долженъ вамъ сказать, что я очень скорбѣлъ. Вотъ и Некрасовъ... Хотя и не очень былъ, чтобъ изъ настоящихъ поэтовъ, но все-таки умеръ... И теперь что-же-съ? Достоинно хохота и грусти, кабая тишина въ этомъ отношеніи, Я и вздумалъ издать книжечку. Это у меня уже все обдуманно.

Окаянскій. Книжечку вашихъ стихотвореній?

Рогожкинъ. Совершенно вѣрно. Но тутъ зацѣпка выходитъ.

Окаянскій. Какого-же рода зацѣпка?

Рогожкинъ. Цензуры опасаясь.

Окаянскій. Въ какомъ отношеніи?

Рогожкинъ. А вотъ въ какомъ. Есть у насъ еще тутъ писатель, Иванъ Кульковъ. Онъ, конечно, до меня не дойдетъ, но все-таки описываетъ, и, скажу, недурно иногда описываетъ. Конечно съ поправкой.

Окаянскій. Съ поправкой вашей руки, не правда-ли?

Рогожкинъ. Угадали. Какой вы прозорливецъ, однако. — И вотъ онъ то-же задумалъ пустить свою книжечку. Но, однако, вышло замѣшательство.

Окаянскій. Какое замѣшательство?

Рогожкинъ. Цензура прищемила.

Окаянскій. Совсѣмъ?

Рогожкинъ. Не то что совсѣмъ, но истерзала многія мѣста.

Окаянскій. За что-же?

Рогожкинъ. Конечно, причина обыкновенная: грамматическій слогъ неправиленъ.

Окаянскій. Таеъ вы тоже этого боитесь?

Рогожкинъ. Именно этого. Если сказать вамъ по совѣсти, таеъ Иванъ Кульковъ даже подтверже моего въ слогѣ. А ежели съ нимъ таеъ сдѣлали, то что-же со мною?.. Ни одного стиха не выпустятъ безъ истерзаній.

Окаянскій. Какъ-же бѣдѣ помочь?

Рогожкинъ. Ищу теперь человѣка, чтобъ въ слогѣ былъ силенъ... Господинъ Окаянскій, будьте отцомъ!

Окаянскій. Поздненько...

Рогожкинъ. Нѣтъ, пожалуйста, будьте отцомъ. Нельзя-ли вашей рукою всѣ мои забавы пѣтическія переписать?

Окаянскій. Можно, можно. Но скажите пожалуйста, на какой тонъ настроена ваша лира, и какое различіе у ней отъ лиры Ивана, другаго вашего писателя?

Рогожкинъ. Хе, хе, хе, нравится мнѣ вашъ языкъ: слова вы не скажете въ простомъ изложеніи, а все кидаете какъ выше. Давно я добиваюсь эдакого языка. — Вотъ, извольте-ли видѣть, Иванъ, между прочимъ, большой бабникъ, и всѣ его стихи къ этому сюжету направлены. Онъ иногда довольно даже безстыденъ въ своихъ стихахъ.

Окаянскій (въ сторону). Эге, вотъ почему цензура-то его прищемила.

Рогожкинъ. Но у меня все пареніе мыслей направлено въ другую сторону. Вотъ извольте прослушать. Это касательно того, какъ паренекъ у насъ одинъ удавился,—прикащикъ. (Читаетъ съ большимъ жаромъ):

Миколай! Что ты сдѣлалъ!
 Зачѣмъ петлю себѣ надѣлъ,
 Или что нибудь надѣлалъ,
 Или свѣтъ ужъ надѣлъ?
 Надѣсть свѣтъ такъ не можетъ,
 Всего жилъ въ немъ двадцать лѣтъ,
 Иль влюбился ты, быть можетъ,
 А взаимности въ ней нѣтъ?
 Что-жь молчишь, не отвѣчаешь,
 Что отвѣту не даешь?—
 Вдругъ я слышу голосъ томный:
 — Боже мой, когда уйдешь!
 Что стоишь ты на могилѣ,
 Что тревожишь здѣсь меня,
 Я прошу тебя, мой милый,
 Уйди и молись ты за меня!—

Вотъ мой стихъ!

Окаянскій. Хорошій стихъ. И стихъ хорошъ, и мысли похвально. Одобряю. Но, съ другой стороны, позвольте коснуться прозаическихъ вашихъ трудовъ.

Рогожкинъ. Прозаическіе мои труды все больше касательно обывателей. Какъ примѣчу что, ну—обнаружу.

Окаянскій. Что-же вы примѣчаете?

Рогожкинъ. Ну, смѣшное тамъ, подлое... Или торжество какое бываетъ, такъ насчетъ торжества опишу.

Окаянскій. Какъ-же вы пишете? Собственно стиль вашъ, побужденія?

Рогожкинъ. Да какъ придется. Факты ежели, такъ и пишу изъ своей головы, ну а если придется мораль подпустить—примѣнительно къ газетамъ дѣйствую. Гдѣ понравится какое слово, тутъ и берешь его. Здѣсь главное дѣло—примѣниться.

Окаянскій. Какіе-же вы больше факты описываете? Расскажите, это любопытно.

Рогожкинъ. Да разные факты. Хе, хе, хе, вотъ вы не слышали на той недѣлѣ фактъ былъ: купецъ Кремешовъ вечеръ дѣлалъ, да возьми изъ экономіи и натри полы деревяннымъ масломъ. Для гляncy. Сколько тутъ скандалу было! Барыни-то наши разфуфырились—всѣ платья перегадали.

Окаянскій (сѣется). Что-же, описали?

Рогожкинъ. Описаль-съ, нельзя.—Ну, ежели кто зарѣжется, умреть скоропостижно, деньги украдетъ, конечно, завѣдомо!—Этo я все описываю. Или вотъ еще купчиха какая загуляетъ,—я тоже намеки дѣлаю. Очень бываетъ любопытно. Вотъ, вы знаете Татьяну Кремешову?

Окаянскій. Это красивая такая, черноволосяя?

Рогожкинъ. Вотъ, вотъ. Давно я за ней слѣжу. И, если признаться сказать, что меня удерживаетъ, такъ мужъ ея, Софронъ. Совершенно необразованный человѣкъ!

Окаянскій. Бойтесь—поколотить?

Рогожкинъ. А что вы думаете! Очень даже легко поколотить. Съ нашимъ братомъ это самое возможное дѣло. Рутина!

Окаянскій. Но, однако, что-же вы замѣтили за Кремешовой?

Рогожкинъ. А вы знаете здѣсь Сюсюткина секретаря?

Окаянскій. Помилуйте, ни съ кѣмъ еще не успѣлъ познакомиться.

Рогожкинъ. И незнакомьтесь. Страшный гордецъ. Такъ вотъ, съ этимъ Сюсюткинымъ шашни у ней. Я давно примѣчаю. Прежде, бывало, онъ къ ней, а она—отъ него; онъ ей слово, а она—какъ гробница какая каменная. Но теперь совершенно по новому обороту.

Окаянскій. Развѣ что замѣтно?

Рогожкинъ. Очень даже замѣчаютъ. А пуще всего смѣтили, какъ она тутъ на богомолье ѣздила. Она-то на богомолье, а секретарь отпускъ взялъ. Да вмѣсто того ихъ и примѣтили, голубчиковъ, въ обоюдномъ разговорѣ. Спасибо, человѣкъ-то смиренный примѣтилъ: молву-то онъ распустилъ, безъ этого ужъ нельзя,—а мужу ни слова. Мое дѣло, говорить, стороннее,—кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ. Конечно, дивость. Я-бы, запримѣтивши такой фактъ, первымъ долгомъ съ Сюсюткина гордость попустилъ.

Окаянскій. Какимъ-же образомъ?

Рогожкинъ. А ужъ я-бы сьумѣлъ. Я-бы даже такъ сьумѣлъ: Сюсюткинъ жалованьемъ-бы своимъ со мной подѣлился.

Окаянскій. Скажите пожалуйста! А дѣйствительно, съ вашими необыкновенными талантами васъ легко могутъ поколотить. (Музыка). Однако что это? Это кадрили заиграли. Пойдемъ-те-ка, поглазѣмъ. Фу, ты, какая здѣсь глушь, въ этой аллеѣ!

Рогожкинъ. Хе, хе, — для романическихъ удовольствій устроено-съ! (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ Татьяна и Маша Лукутина, за ними Перцовъ.

Перцовъ. Позвольте, однако, расчитывать на третій кадрили.

Татьяна. И на третью не могу.

Перцовъ. За что-же такое хладнокровіе съ вашей стороны?

Маша. Ха, ха, ха... хладнокровіе!

Татьяна. Нѣтъ, ужъ вы насъ оставьте, Харлампій Демьянычъ.

Перцовъ (обижается). Разумѣется, ежели мы не угодны... Гдѣ-же намъ супротивъ свѣтскихъ кавалеровъ... Но что касаяще обхожденія, то мы, во всякомъ разѣ, не позволимъ себя тлетировать!

Маша. Какъ? какъ? Охъ, не смѣшите, ну васъ совсѣмъ.

Перцовъ (Машѣ). Съ вашей стороны я не ожидалъ такой не деликатности. И въ разсужденіи вашего образованія это довольно даже нелѣпо.

Маша. Вѣрю, вѣрю, но пожалуйста не смѣшите насъ.

Перцовъ. Прощенья просимъ! (удаляется).

ЯВЛЕНІЕ III.

Татьяна и Маша.

Маша. О, Господи, какой потѣшный!

Татьяна. Какъ тебѣ въ диковинку, Маня... Сама ты купчиха.

Маша. Да ужъ отвыкла-то я очень. Тутъ въ гимназіи сколько лѣтъ, а тамъ въ Петербургѣ... Что это вы танцовать отказались?

Татьяна. Не хочется что-то. (Въ сторону). Что-же не идетъ-то онъ! (Выходятъ къ аванъ-сценѣ).

Маша. О, въ какую глушь мы забрались. И вы не боитесь?.. Я ужасно боюсь.

Татьяна. Что ты, милая дѣвушка. Чего бояться-то?.. Иной разъ разныя мысли черныя страшнѣй всякаго лѣса бываютъ... А тутъ тишина, благодать!

Маша. Нѣтъ, я не то хотѣла сказать. Я хотѣла сказать, что тутъ-то я всего боюсь, въ городѣ-то нашемъ. Вонъ, въ Петербургѣ

я смѣла. Случалось, бѣжишь такъ-то съ вечернихъ лекцій, и ничего себѣ, или иногда у знакомыхъ засидишься.

Татьяна. Ну, а въ Затонѣ-то что-же?

Маша. Люди-то здѣсь какъ-то... странны, Татьяна Гавриловна. И не сумѣю сказать, какъ странны. Вотъ этотъ писатель здѣшній, Рогожинъ, вы не повѣрите, до чего онъ нагло приставалъ ко мнѣ. Насилу отдѣлалась я.

Татьяна. Люди—вездѣ люди, милая дѣвушка. Есть добрые, есть злые; а какъ подумаешь хорошенько, право—добрыхъ больше.

Маша. Охъ, нѣтъ, не говорите. Правда, доброта вездѣ есть и жалость есть, но какъ эта самая доброта злу служить, если-бы вы знали!

Татьяна. Можетъ-ли быть зло отъ доброты! Что это ты, милая дѣвушка.

Маша. Можетъ, голубушка, можетъ. И такъ даже можетъ, что и нарочно не придумаешь. Что эта ваша доброта безъ знанія? Что она въ бессознательномъ-то своемъ видѣ? А вотъ, какъ солнце-то милое взглянетъ на нее, какъ разцвѣтетъ она пышнымъ разцвѣтомъ,—какъ пойметъ, въ какой сторонѣ благо и чему надо послужить... Охъ, да что-же это я зафилософствовалась! Вы не слушаете меня... Вы чѣмъ-то заняты?

Татьяна. Говори, говори, милая дѣвушка. Ты не смотри на меня—я слушаю. Любы мнѣ твои слова... Ты вотъ сказала про солнце-то... Ну, говори.

Маша. Что—солнце! Солнце,—наука, знаніе, книги.

Татьяна. А я не такъ, славная моя, считаю. Любовь—вотъ солнце. Какъ полюбить кто кого, и вдругъ отрываются у него глаза на человѣческіе поступки, и впереди страсть какъ видно!

Маша. Странная вы какая... А знаете, голубушка, я вѣдь въ васъ влюблена была.

Татьяна (смѣется). Когда это?

Маша. Да гимназисточкой. Вы тогда замужь вышли, и такая вы были тогда строгая да печальная... А Софронъ вашъ Никитичъ,—вы ужъ простите меня,—такой нехорошій былъ и такой какой-то жадный... я право не умѣю иначе сказать: и глаза-то у него жадные, и самъ-то онъ весь... Такъ вы у меня и пошли тогда за Людмилу, а онъ за Черномора... Людмила вы моя! (цѣлуетъ ее).

Татьяна. Не говори ты такихъ словъ. Не мучай меня. Не вспоминай.

Маша. Нѣтъ, нѣтъ, я все расскажу. Какъ это смѣшно было! Какъ это давно! Мы всѣ вѣдь въ гимназіи очень восторженные,

особенно въ послѣднихъ-то классахъ. Отчего это?—И у насъ у всѣхъ были построены идеалы. Господи, какіе великолѣпные бывали идеалы!.. Ну, а у меня вы были. Вы знаете это? Нѣтъ? Не подозрѣвали? Тѣмъ лучше. Сколько-же вы мнѣ добра принесли, если-бы вы знали. Я вѣдь васъ какою воображала, — твердою, твердою, какъ сталь, и необыкновенно великодушною.

Татьяна. Милая дѣвушка!

Маша. И когда мнѣ было скверно, или вотъ когда я добивалась на курсы ѣхать,—ахъ, мнѣ было очень скверно въ это время,—я всегда васъ представляла: что-бы вы сказали? Что-бы вы сдѣлали? И всегда выходило такъ, что вы изъ какого-то мрамора были, и что съ вами ни дѣлали, какъ васъ ни мучили,—все вы были такая-же строгая и печальная. Вотъ такая есть еще Сильвія у Шильгагена.

Татьяна. Не говори ты мнѣ!.. Замолчи, Маруся... Ахъ, если-бы ты знала!

Маша. Нѣтъ, постойте, постойте. Господи, какъ это было давно... Годъ я на курсахъ, два года—добивалась туда... Давно!.. А что, я думаю, Татьяна Гавриловна, хорошо быть сильною. Вотъ какъ вы. Я—что! Я чего и добилась если, такъ только случаемъ да вотъ идеаломъ-то этимъ своимъ... Сердце-то у меня очень ужъ восковое: не то отъ огня—отъ вѣтра отъ одного талого размянетъ.

Татьяна. Душевный ты человекъ, Маня.

Маша. Это-то и скверно, это-то и комично, голубушка. Вотъ и «слушательница я, перваго курса филологическаго отдѣленія», и Петербургъ-то на меня своимъ вѣтеркомъ холоднымъ пахнулъ, а все я какая-то... оглашенная! (Смѣется). Иногда и хочу душу-то свою въ броню одѣть, и возьму, возьму эти свои чувства въ руки... А глядишь вырвались и лови ихъ! За того—жалко, за ту—больно, а и жалѣть-то, по настоящему, не стоитъ, и болѣть-то не слѣдуетъ.

Татьяна. А сама-же говорила насчетъ доброты-то непутевой.

Маша. Говорила, говорила, голубушка. И право-же, правду говорила. Я ужъ не такая теперь. Вы вонъ посмотрите—маиша у меня: сколько дармоѣдовъ около нея убивается, сколько трутней. У меня ужъ этого не будетъ.

Татьяна. Да вѣдь люди они.

Маша. Люди, люди! Эдакъ невозможно, голубушка. Эдакъ всякое критическое начало отложи въ сторону. А безъ него, вѣдь, и прогрессъ-то нашъ—клубокъ одинъ нераспутанный. Какъ-же это такъ? Нѣтъ, да вы не свои слова говорите. Развѣ вы такая? Вы жестокая, — знаю я васъ.

Татьяна. Что ты, что ты!

Маша. Знаю, знаю! И вы не обижайтесь: это совсѣмъ въ другомъ смыслѣ слово сказано. Я вотъ какъ понимаю жестокость: хочется мнѣ сдѣлать чтонибудь, сердце разрывается какъ хочется, — а разумъ говоритъ: «не смѣй», а совѣсть приказываетъ: «не думай!» Вотъ что называю я жестокостью. И вы развѣ не жестокая... въ самой себѣ? Вы простите меня, да если-бы меня отдали за мужа вашего, за этого Черномора Никитича, Господи, что-бы я сдѣлала! Что-бы я съ нимъ сдѣлала!

Татьяна. А что-бы ты сдѣлала?

Маша. Что? Убѣжала-бы отъ него... Убѣжала-бы въ Петербургъ и поступила-бы на курсы. Наконецъ, за границу убѣжала-бы, въ Женеву, въ Цюрихъ... Господи, что-бы я сдѣлала!

Татьяна. А если денегъ ни гроша, да неученая ты, да бѣглая?

Маша. Денегъ? Заняла-бы. Въ кабалу-бы себя отдала. Бобыла-бы, рѣдку съ квасомъ... Въ горничныя нанялась-бы... Если за границей—по ночамъ вокабулы-бы твердила...

Татьяна (тихо). А поймаютъ?

Маша. Убила-бы. Его-бы убила и себя убила. Пусть смерть, да не такая жизнь... Господи, что-бы я надѣлала! (Татьяна закрываетъ лицо руками). А вотъ вы не такая. Вы каждую такую мысль возьмете, да и зажмете ее въ тиски. Попробуй-ка она, вырвись у васъ!

Татьяна. Вырвалась! Вырвалась! Что ты со мной сдѣлала, Маня, что ты со мной сдѣлала! Душу ты мнѣ перевернула!

Маша. Чѣмъ, чѣмъ, голубушка?.. Что вы?.. Что съ вами?..

Татьяна. Ахъ, ничего-то ты не знаешь... Сильная я?.. Твердая?.. Смотри какая я твердая... Сломаная я... Въ дребезги разбитая... Дѣвушка милая! кто-же это силы-то мои, силы-то размываль?.. Кто ихъ развѣялъ по полю чистому, по свѣту бѣлому?.. (Быстро оправляется). Ну, стой, стой... Вотъ ты какая... Вотъ ты до чего идеаль-то свой довела.

Маша. Успокойтесь, дорогая моя, успокойтесь! Ахъ, я дура безтавтная... Не принесли-ли воды вамъ? Вы больны? Смотрите, какъ голова-то у васъ горитъ. Не уѣхать-ли вамъ?

Татьяна. Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно уѣхать. Погоди, дитенокъ, не волнуйся. Испугала я тебя? Ну, ты прости, прости меня виноватую. Сердце у меня болить... сердце сжимается... Ахъ!.. нѣтъ, что это... Поди-ка сюда! прижмись-ка ко мнѣ, милая дѣвушка... Ну, говори!—Такъ ты сильной меня воображала, твердой, жестокой? Такой жестокой, что и сердце если разрывается на двое, а я возьму да и сожму его, сердце-то?.. Стономъ себя не выдамъ? Бровью не шевельну?.. А развѣ есть такіе люди, Маруса? Есть ои?

Маша. Есть, Татьяна Гавриловна, есть. Міръ-бы не стоялъ, еслибъ такихъ людей не было.

Татьяна. Ну, и богъ съ ними, когда есть. А я не такая, другъ мой. Послушай-ка, какая я... Не осуди—пожалѣй ты меня... (Задумывается). Эхъ, все-то я вру, все-то выдумываю!.. Жить мнѣ хочется, милая дѣвушка... свѣта мнѣ вольнаго хочется повидать!..

Маша. А кто мѣшаетъ?

Татьяна (усмѣхается). Софронъ Никитичъ мѣшаетъ.

Маша. Вотъ ужъ никто-то не можетъ помѣшать. Да что это вы? Какъ вамъ это не совѣстно... Кто же это мысли-то мои удержитъ? Кто же помѣшаетъ думать-то мнѣ, какъ хочется, читать, учиться, знать!

Татьяна. Учиться... знать.

Маша. А развѣ это не жизнь? Дорогая вы моя, да вы вдумайтесь въ слово-то это одно: *знать*. Все-то видѣть, все-то понимать—и причину-то всему, и всему-то конецъ,—а пуще всего злу конецъ, неправдѣ конецъ... О, да развѣ-же это не жизнь!.. Развѣ-же это не жизнь, когда ты видишь, что вокругъ тебя не болото, не клубокъ запутанный, а люди. Да люди-то какіе: золотые, честные, душевные... И всѣ-то рука объ руку... вдаль... впередъ!.. А впереди-то что?.. Вѣдь тамъ ясное солнце горитъ... Вѣдь тамъ правда, счастье, вѣдь тамъ справедливость безпредѣльная... Голубка, да есть-ли жизнь-то помимо этой!

Татьяна. Ахъ, ты горячая головка! И слова-то твои хороши, и слушать-то ихъ смѣшно... Молода ты очень.

Маша. Какъ смѣшно? Да развѣ я... А впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ смѣшно.

Татьяна (зажимаетъ ей ротъ). Полно, полно. Лучше Расскажи ка ты мнѣ, какъ вы живете въ этомъ Питерѣ, какъ голодаете, забнете, ночей не досыпаете... вотъ ты мнѣ что Расскажи.

Маша. Всего бываетъ. Мнѣ-то что—я счастливая, я богачка: 25 рублей въ мѣсяцъ папаша присылаетъ. А Бываютъ такія, что и обѣдъ-то—одна булка съ чаемъ, и одежда-то на нихъ не приведи Господи... Вотъ квартиры, посмотрѣли-бы вы! Войдешь—тускло, затхло, угарно... По стекламъ-то узоры, въ углахъ плѣсень... вздохнешь—паръ клубомъ валить... А за стѣной шумъ, перебранка, визгъ дѣтскій... Дома-то скверно, а на лекціи бѣжать еще хуже: башмаченки-то развалились, тутъ-то дуетъ, тамъ-то рвется... А надъ домами тучи висятъ, а изъ тучъ дождь сыплется... и нѣтъ ему конца этому дождю!—Или потянетъ вѣтеръ съ моря. Господи, сколько отъ него горя бѣднымъ дѣвушкамъ: и рветъ-то, и мечетъ, и пледъ-то весь растреплетъ, и понижетъ тебя до костей... Да

мало-ли бѣды! Пуще вѣтра морского деньги донимають. Тамъ за право ученья эти ужасные пятьдесятъ рублей, тамъ квартира, тамъ столяр...

Татьяна. А тамъ и платишко приличное.

Маша. И платишко. Все надо.

Татьяна. А и то я вамъ завидую. Путь-то вашъ широкій: конца краю не видно.

Маша. Да, голубушка, не придумать яснѣй нашей жизни. Не то я ужъ и вправду молода, — не обжилась, не натерпѣлась, но что-же это за наслажденіе такое! Ты войди къ намъ на курсы: вѣдь это улей, вѣдь это пчелы гудять... Звуки-то одни, веселые да бодрые, душу подымуть. А вечера наши! Лѣзешь, лѣзешь, бывало, по лѣстницѣ, даже за грудь тебя схватить... придешь въ переднюю: тамъ шубы, тамъ калоши, пледы, платки... И хаосъ-то какой-то милый!.. А ужъ изъ двери голоса... И всю-то тебя точно волны подымуть!.. Тамъ споръ, тамъ, Боже ты мой, шумъ какой. Кто рефератъ готовить — о рефератѣ своемъ говорить.. Кто о книжкѣ журнала... И отовсюду возраженія, совѣты, планы...

Татьяна (тихо). Не всѣмъ по плечу ваша жизнь.

Маша. Какъ не всѣмъ?

Татьяна. Ты все вотъ про книжки, милая дѣвушка, да про рассказы. Вотъ и не пойму я тебя. А жить-то когда же? А грудью-то всею вздохнуть? А мѣръ-то Божій посмотрѣть, какой онъ такое есть?

Маша. Да развѣ-же это не жизнь? Это жизнь и есть. А дальшій трудъ, работа, глушь какая нибудь непросвѣтная. И тамъ—жизнь... въ своемъ родѣ и съ своими прелестями.

Татьяна. Молода ты, пташечка. Вотъ какъ полюбится тебѣ молодецъ соколъ-ясный, да какъ заморозитъ онъ тебя всю до послѣдней жилки, да какъ глянетъ тебѣ въ очи глубоко, глубоко... а ты какъ птица подстрѣленная затрепещешь подъ этимъ взглядомъ... Вотъ это жизнь!

Маша. Но вѣдь это между прочимъ, Татьяна Гавриловна. Никто и изъ насъ не отрицаетъ романа.

Татьяна. Ахъ, не говори, Марусенокъ ты мой. Такъ-то и я думала. Не по-вашему, не по-книжному думала, а какъ отдала меня дѣвочкой за Софрона Никитича, я и думала покориться. И чтожь—покорилась вѣдь!.. Жалѣла объ немъ, куда уѣдетъ — сучала...—Да нѣтъ, постой, я тебѣ все расскажу. Ты знаешь съ чего началось?.. Сталъ онъ въ клубъ шататься, въ карты играть... И правда, что у насъ вечерами дѣлать? Какіе у насъ разговоры могутъ быть? Но, однако, мнѣ это было очень больно. Сколько слезъ

я, дура, пролила черезъ этотъ клубъ. Иногда лежишь такъ-то одна и вдругъ думаешь: Господи, живъ-ли,—не убили-ли, не пошелъ-ли поздно изъ клуба — и въ слезы. А онъ-то придетъ... и такъ ужъ онъ суровъ, а ежели еще проиграется — и не подходитъ къ нему... Ну, а потомъ и сама стала выѣзжать... Стала танцовать, наряжаться... Стали меня тѣшить подходы эти подлые, ухаживанія, волокитства... (Подумавъ). Да ты знаешь его?

Маша. Кого?

Татьяна. Сюсюткина, Никанора Николаича.

Маша (нерѣшительно). Зна-а-ю...

Татьяна. Господи, какъ онъ ко мнѣ приставалъ, какъ любезничалъ со мною!.. И смотри ты на меня: видитъ Богъ ничего-бы не вышло, еслибы не случай этотъ ужасный.

Маша. Какой случай, голубушка?

Татьяна. Не знаешь? Не слыхала? (Помолчавъ) Ахъ, вспомнить-то мнѣ больно про это... Ударилъ меня Софронъ Никитичъ... Приревновалъ и ударилъ.. Что со мной было!.. Какъ душа у меня надрывалась! Милая моя, да есть-ли слова-то такія, чтобъ передать весь жготъ адъ... Тсс.. Кто-то идетъ... (Появляются Сюсюткинъ и Окаянскій. Сюсюткинъ поетъ фальцетомъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Татьяна, Маша, Сюсюткинъ и Окаянскій.

Татьяна (радно). Давно пора!

Сюсюткинъ. Ахъ, это вы! И не однѣ? А вотъ, позвольте представить, — пріятель мой, Окаянскій, кандидатъ императорскаго университета. (Обращаясь къ Окаянскому). Татьяна Гавриловна Кремешова. (Окаянскій раскланивается).

Татьяна. Очень пріятно. А это Маня Лукутина. Вы, кажется, знакомы, Никаноръ Николаичъ? Марья Варламовна Лукутина — мосье Окаянскій.

Сюсюткинъ (раскланивается усердно). Очень радъ возобновить знакомство. Еще прошлое воскресенье вальсъ танцовали. Да и не однажды... Вчера имѣлъ честь съ визитомъ у васъ быть — васъ не было дома. Очень, очень радъ.

Окаянскій. Я тоже очень радъ возобновить знакомство.

Маша (Сюсюткину, сухо). Я рѣдко бываю дома. (Окаянскому). Вы-то какимъ образомъ знакомы со мной были?

Окаянскій. Я знаю васъ — вы социалистка.

Маша. Какъ!

Татьяна. Что это вы говорите!

Окаянскій (сѣется). Право, социалистка. Мнѣ объ васъ одинъ здѣшній писатель докладывалъ.

Сюсюткинъ. Навѣрное этотъ несчастный Рогожкинъ.

Окаянскій. Онъ-то несчастный? Погоди, братъ...

Маша. Однако, очень любопытно, что онъ вамъ говорилъ такое. Вы не прочь посплетничать? Дайте-ка вашу руку.

Окаянскій (подаетъ ей руку). По профессіи сплетникъ. Ну, съ чего-же мы начнемъ?.. Да! что вы—Марья, что вамъ девятнадцать лѣтъ... (уходятъ въ глубь аллеи).

ЯВЛЕНИЕ V.

Татьяна и Сюсюткинъ.

Татьяна (обнимаетъ Сюсюткина и увлекаетъ его къ скамьѣ). Какъ-же я ждала тебя!.. Что ты не шелъ, чего томилъ-то меня, противный!

Сюсюткинъ. Но нельзя-же, милая. Нужно было парти-фиксъ кончить.

Татьяна. Парти-фиксъ! У меня сердце все изныло, а онъ—парти-фиксъ... Эхъ ты! Ну, да Богъ тебя простить... Ну, радъ мнѣ? Счастливъ?.. Цѣлуй, цѣлуй... крѣпче, крѣпче... (Изъ кустовъ появляется Поганкинъ и тотчасъ-же скрывается). Не видала-то я тебя давно! Не ласкала-то!..

Сюсюткинъ. Но тихо, милая, осторожнѣй...

Татьяна. Что мнѣ!.. Господи, все-то дрожить во мнѣ!.. Да ты видишь-ли, какъ я люблю-то тебя!.. Ахъ, Никаноръ, да когда-же! Да когда-же сны-то наши сбудутся, милый ты мой, желанный мой!..

Сюсюткинъ. Ради бога, не такъ громко... Прелесть моя, у меня великолѣпнѣйшій есть проектъ!..

Татьяна. Какой? Какой?

Сюсюткинъ. Тсс... кажется кто-то идетъ... (Вдали музыка играетъ серенаду Шуберта). Нѣтъ, это мнѣ показалось... (Подпѣваетъ фальцетомъ)... великолѣпное это мѣсто... Какая поэзія!.. «И ночь, и мы одни»!.. Дай я тебя поцѣлую, милая.

Татьяна. Ахъ, да проектъ-то какой?

Сюсюткинъ. Да, проектъ. О, это великолѣпіе!.. Видишь-ли... у тебя есть деньги?

Татьяна. Много-ли? Если немного, можно будетъ браслетъ заложить... Да что деньги!—душу свою отдамъ, а добуду эти проклятыя.

Сюсюткинъ. Да, дѣйствительно, можно будетъ заложить браслетъ. Знаешь, тотъ яхонтовый, я терпѣть его не могу: ужасно старомодный!

Татьяна. Но, Господи, проект-то какой?

Сюсюткинъ. Вотъ видишь ли... Тсс... Нѣтъ, никого нѣтъ.—Ты пригласи Лукутину, а я—Окаянскаго, и мы въ четверомъ, знаешь, маленькій эдакій пивничекъ устроимъ... Восхитительно проведемъ время!

Татьяна. Только... Да деньги-то тутъ зачѣмъ?

Сюсюткинъ. А какже? Не ловко-же пригласить Окаянскаго, и вдругъ безъ вина. Надо будетъ шампанскаго, фруктовъ. Однимъ словомъ, ты ужъ положиись на меня, я отлично все устрою.

Татьяна. Господи... и все? И ты лучше ничего не придумалъ? И ты не подумалъ, что я ночей не сплю, что изстрадалась я, измучилась... Что мнѣ руки наложить на себя впору... Ты этого не подумалъ...

Сюсюткинъ. Но что-же дѣлать, Таня?

Татьяна (вскакиваетъ). Что дѣлать!.. И онъ спрашиваетъ!.. Бери ты меня... Увози ты меня на край свѣта... Пойми ты—себя я боюсь... вотъ рукъ этихъ собственныхъ боюсь... Мыслей моихъ темныхъ... Дѣлай ты со мной чтонибудь... Голубчикъ! Желанный мой! Солнышко мое... да пожалѣй-же ты свою Таню... Вези ты меня!.. Мчи ты меня за тридевять земель!.. Точно мнѣ... больно мнѣ...

Сюсюкинъ. Тсс... тише... ради Бога... Кажется, кто-то идетъ... Нѣтъ, нѣтъ, это мнѣ такъ показалось. Но, душа моя, ненаглядная моя... успокойся... Тсс... тише!.. Нѣтъ это показалось.—Обдумай, нельзя-же сразу... Нужно расчестъ, сообразить.

Татьяна. Душа у меня гѣрма горить...

Сюсюткинъ. Вотъ погоди. Немного обожди, мой ангелъ. Знаешь, я ужъ коплю деньги. Ты тоже съ своей стороны... Заложь, пожалуйста, этотъ старомодный браслетъ.

Татьяна. Но кгда-же? Когда?

Сюсюткинъ. Ахъ, какая ты странная. Да сейчасъ-же, сейчасъ, какъ накопятся деньги... И знаешь, куда мы поѣдемъ тогда? Въ Крымъ поѣдемъ. Поселимся съ тобой въ сакль какой-нибудь и, никого, никого вокругъ насъ. Да въ сущности и денегъ надо немного. Будемъ ѣсть виноградъ, немного сыру...

Татьяна. О, я голодать готова, лишь-бы скорѣй, скорѣй отсюда!

Сюсюткинъ. И какъ мы будемъ жить тамъ, Таня! Съ утра пойдѣмъ гулять. Кругомъ горы, внизу море плещетъ, вдали сверкаютъ паруса, кружатся чайки, дымокъ тянется отъ парохода, а мы одни и ни души-то вокругъ насъ.

Татьяна (въ забытѣ). Одни...

Сюсютинъ. Одни какъ есть. Природа, Чатыръ - Дагъ, пальмы,—кажется тамъ есть пальмы—и мы вдвоемъ. Ты въ русскомъ костюмѣ,—свѣжая, пышная, красивая...

Татьяна. А ты въ своей охотничьей визитѣ...

Сюсютинъ. Да, я въ визитѣ. И вотъ сидимъ мы и любимся. Смотримъ на море (цѣлуетъ ее)... На горы... (цѣлуетъ) и все ближе другъ къ другу, все тѣснѣе... И я смотрю въ твои глаза... Смотрю, какъ изъ ясныхъ они все темнѣютъ... тускнѣютъ... заволакиваются туманомъ... и тянутъ къ себѣ... и влекутъ... И губы раскрываются... и трепещешь ты вся... О, моя одалисочка! (обнимаетъ ее).

Татьяна (склоняется къ нему). О, мой милый, милый!.. Скорѣй... скорѣй... вези меня туда... Мчи ты меня вихремъ быстрымъ... Бери меня всю... всю... (Поганкинъ выходитъ изъ кустовъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Татьяна, Сюсютинъ и Поганкинъ.

Поганкинъ. Вотъ такъ фунтъ!

Сюсютинъ. Ахъ, чортъ возьми! (Быстро скрывается).

Поганкинъ (Татѣ). Вотъ такъ мужняя жена!

Татьяна (гордо). Не ваше дѣло! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Поганкинъ. А! Не мое дѣло! Погоди ты, покажу я тебѣ, какъ не мое дѣло. Заварю я тебѣ кашу. (Зажигаетъ спичку и смотритъ на часы). Телеграфъ открытъ. Держись, Софронъ, — удружу! (Быстро уходитъ и затѣмъ возвращается). Развѣ плюнуть?.. Вотъ тутъ и подумай, что лучше: плевать, аль не плевать... Плевать—благороднѣй, объ этомъ словъ нѣтъ... И такъ и эдакъ переверни, все благороднѣй выйдетъ. Стало быть смолчать... А коли ежели смолчать, кто-же объ этомъ моемъ благородствѣ освѣдомится? Вопросъ. А ежели никто не освѣдомится, какая-же отъ этого моего благородства будетъ мнѣ польза? Никакой не будетъ пользы... Ну, ладно, значить доводить. Теперь такой ежели оборотъ сдѣлать: какая изъ довода польза? Первая польза—у Софрона другъ объявится. Федосѣй Поганкинъ, другъ вѣрный и нелицемѣрный. (Смѣется). Другая польза—бабамъ урокъ. Третья польза—Софронъ по пріятельству не откажетъ мнѣ бланкъ на векселѣ выставить... Держись Софронъ—удружу! (Рѣшительно уходитъ; изъ клуба доносятся звуки музыки).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Л И Ц А:

Софронъ Никитичъ Крешовъ, купецъ рыбникъ, около сорока лѣтъ; ходитъ въ короткомъ сюртукѣ, волосы въ скобку; рыжая борода подстрижена и жестка какъ проволока.

Татьяна.

Хима.

Агѣй, столяръ, испытый мужчина болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ. Костюмъ затрапезный, на ногахъ опорки.

Топтуновъ.

Комната въ домѣ Крешова.—Обои съ позолотой, зеркала, цвѣты, рояль.— На стѣнахъ премія «Нивы». — Въ углу икона съ лампадой. — На полу коверъ.—Кресла обиты ярко-краснымъ репсомъ.—Татьяна вышиваетъ рубашку русскимъ узоромъ, Хима вяжетъ чулокъ.—За сценой повременамъ слышится протяжная пѣсня и визжать пила.

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна и Хима.

Хима. Охъ, что это лица-то на тебѣ нѣтъ, мать моя! Аль испить тебѣ разсолцу огуречнаго? Временемъ оченно помогаетъ ежели натошакъ его.

Татьяна (нѣсколько времени шьетъ молча, потомъ бросаетъ работу и закрываетъ лицо руками). Нѣтъ, силъ моихъ нѣту!..

Хима. Да что подѣлалось-то?.. Аль все по немъ убиваешься? (Татьяна молчитъ). Охъ, ужъ эти мнѣ озорники, озорники!..—То-то все вы по новому-то стали: гордости-то этой много въ васъ. Эка, посмотрю я, высокомордіе въ нонѣшнемъ народѣ!.. Вотъ ноетъ, вотъ убивается... А я тебѣ что говорила? Эхъ, Татьянушка, не гнушайся старымъ обычаемъ, — облюбуй изъ домашнихъ Всѣ мы грѣшныя. Кто смолоду не поступался? Но всячески скажу—мы въ старину умнѣй были. Теперь облюбовала я пригавца—чего мнѣ убиваться? Велю ему—миловать меня будетъ; выйдетъ такое мое рѣшеніе, чтобъ скрылся—въ единый моментъ скроется. Ни тебѣ заботъ, ни тебѣ горестей... А спокой-то! Супротивъ того спокойя, ты и въ государствѣ во всемъ не встрѣтишь. Что онъ, подневольный-то человекъ? Да онъ тише воды, ниже травы... И по всякій часъ на мѣстѣ. Это тоже много значить въ нашемъ женскомъ быту. Ты вотъ убиваешься теперь, а ну, объявись-ка здѣсь соколъ-то нашъ ясный, ты-бы ровно маковъ цвѣтъ разгорѣлась... А его нѣтъ! А онъ возможности такой не имѣетъ, чтобъ проявиться ему!..

Татьяна. Ахъ, замолчите вы, ради Христа, оставьте меня въ покоѣ!..

Хима. Это какъ хочешь, Татьяна Гавриловна. Мнѣ было-бы сказано, а ты какъ хочешь. (За сценой пѣсня).

Татьяна. И что это онъ поетъ тамъ! И что онъ тянетъ!

Хима. Обыкновенно пѣсню поетъ. Гардеробъ чинить и пѣсню поетъ. Самое обыкновенное дѣло, ежели кто столяръ.

Татьяна. А вы меня нарочно злите. Зачѣмъ вы меня злите!

Хима. Гдѣ ужъ намъ злить... Хоть-бы обижать-то насъ не обижали, сиречь горькихъ.

Татьяна. Ну, перестань... Ну, замолчи. . Зачѣмъ ты такія слова говоришь? Я-ль тебя обижала! Вотъ, погоди, умру, всѣ свои платья, всѣ кольца свои тебѣ откажу... (Хима молчитъ). А, вотъ ты и молчишь, и рада, что я умирать собралась... Жадная ты! Каменная!

Хима. Ругай, ругай... Я вѣдь нищая, а ты купчиха богатая; чтожь, ругай—снесу...

Татьяна. Милая! Родная моя! Прости ты меня безумную...

Хима. Чтожь... я ничего... ругай... (Вскликивается).

Татьяна. Охъ, нѣтъ... (бросается къ ней и обнимаетъ ее). Не надрывай ты меня... не тани мою душу... не плачь!.. (Быстро поднимается и прикладываетъ руку къ головѣ). Постой, постой... Что со мной... Погоди немножко... Что это у меня... Хима, Химушка, воды, воды!.. Ахъ, больно мнѣ... больно, Хима... Горить во мнѣ. . сердце во мнѣ горить... тутъ, тутъ... воды! (Бросается въ кресло; Хима бѣжить къ ней).

Хима. Господи батюшка!.. благодѣтельница моя!.. Очнись, очнись... Съ нами крестная сила. . Святъ, святъ, святъ... Ахъ, я окалнная, что надѣлала! (Скрывается за дверь и, нѣсколько времени спустя, послѣшно приносить воду). Откушай, моя сударыня... Откушай благословясь со Христомъ!

Татьяна (выпиваетъ воду). Погоди... Уйди теперь .. все прошло... Уйди, дай мнѣ отдохнуть... Оставь меня...

Хима. Иду, иду, матушка! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Татьяна одна.

Татьяна. Вотъ оно, началось. Приѣдетъ, непременно приѣдетъ Софронъ Никитичъ!.. (Хватается за голову). Матерь Божія, спаси меня!.. Никаша! Желанный мой! Гдѣ ты! . Что-же ты на погибель-то бросилъ меня!.. (Подумавъ). Что-й-то я на самомъ дѣлѣ... Ну, приѣдетъ. Ну, дальше что? Бить бросится? (вздрагиваетъ). Ну, хорошо... бить. Вѣдь не умру-же я отъ этого... Ахъ, нѣтъ, умру. умру... (Въ забытѣ). И отлично... И отчего-бы мнѣ не умереть?..

Могилку въ цвѣты уберуть.. Станеть Никаша ходить на нее, станеть молиться, звать меня... «Таня! скажеть, — радость моя! Зорька моя ясная! Ласковая моя голубка! встань, посмотри на своего Никашу»... (Плачетъ). А въ небѣ будетъ жаворонокъ чирикать, и такая тишина на кладбищѣ, такой покой... Небо-то ясное да жаркое... На могилкѣ цвѣты алѣютъ... (Послѣ долгаго молчанія). И ничего-то, ничего я этого не увижу! (Подходить къ окну). Вотъ оно небо-то какое!.. Ахъ, улетѣть-бы въ эту синеву, потонуть-бы въ ней,—вонъ, вонъ на томъ облачѣ улетѣть... Ишь вѣдь какое золотое оно да легкое!.. Постой, представлю я себѣ, какъ мы улетать будемъ. Сначала домъ нашъ будетъ виденъ... Зеленая крыша... Хима выбѣжить, будетъ кричать... Софронъ Никитичъ заругается... а мы все выше, выше... Вотъ ужъ и Затонъ весь подъ нами... И соборная колокольня словно свѣча... И видѣются села, хутора, деревни... И птицы пересѣкаютъ намъ дорогу... У, восторгъ какой! (За стѣной пѣсня и визгъ пилы, Татьяна медленно отходитъ отъ окна). Что-й-то я точно маленькая какая! Нѣтъ, видно не улетишь отсюда, пропадешь тутъ, сгинешь какъ червь капустный... Да за что же? Да въ чемъ-же провинность-то моя такая?.. Владычица! Научи меня... Спаси!.. Ахъ, Никаша, Никаша, что ты со мной сдѣлалъ... (Садится и закрываетъ лицо; входитъ Агей).

ЯВЛЕНИЕ III.

Татьяна и Агей.

Агей. Татьяна Гавриловна!

Татьяна. Ахъ, какъ ты испугалъ меня, Агей. Чего тебѣ?

Агей. Эка, пужливыя вы какія, погляжу я на васъ. Гдѣ тутъ багетку-то вамъ приладить?

Татьяна. Багетку? Какую багетку?

Агей. Ну, вотъ!

Татьяна. Ахъ, вотъ она. Да, приладь, приладь ее хорошенько.

Агей. Приладимъ.

Татьяна. Агей! Какую это ты пѣсню пѣлъ?

Агей. Обыкновенную пѣсню, деревенскую.

Татьяна. Хороши есть деревенскія пѣсни.

Агей. Есть, всякія есть пѣсни. Эхъ, матушка, Татьяна Гавриловна, много теперъ подыхъ пѣсень развелось!

Татьяна. Какихъ-же подыхъ?

Агей. Я ихъ не играю. Я и вниманія-то моего не хочу обращать на этакую пакость. Но очень даже многіе играютъ... Безсвѣстные пѣсни.

Татьяна. Фабричныя?

Агей. Всѣхъ довольно. Есть и фабричныя, и солдатшныя есть заносить, и мѣщаниншныя окаянныя затаскиваютъ... Отовсюду!

Татьяна. Вотъ ты какой, Агей; самъ человѣкъ городской, а пѣсни деревенскія любишь.

Агей. А ужъ это правъ у меня такой, матушка. Какъ я въ деревнѣ выросъ у помѣщика Кобелькова, такъ и нѣтъ моего согласія обычай свой перемѣнять.

Татьяна. Вездѣ обычай-то одинъ, Агей,—и въ городѣ тоска, и въ деревнѣ—кручина.

Агей. Нѣ-ѣтъ, матушка, Татьяна Гавриловна, не такъ вы понимаете. Въ городѣ шельма народъ, безбожникъ, пронырливый, въ деревнѣ-же...

Татьяна. Ну, а въ деревнѣ что?

Агей. Какъ-же можно! Деревенскій народъ непримѣръ обстоятельнѣй. Тутъ я теперь сдѣлалъ раму въ долгъ, и очень даже легко станется, что эта моя рама попытается... Но совершенно иной оборотъ въ деревнѣ—тамъ я курочкой, яичками, пенечкой,—всяческимъ сподобіемъ возьму свое, но неужели-же ей пропадать!

Татьяна. Деревню хвалишь, а самъ въ городѣ живешь.

Агей. А тутъ особая статья подошла, матушка. Разсказать, чтоль?

Татьяна. Разскажи, разскажи.

Агей. Вышелъ я городскимъ жителемъ черезъ бабу.

Татьяна. Какъ это черезъ бабу?

Агей. Очень просто. Въ онное время заразился я, по моей неопытности, и съ такимъ оборотомъ прямо очутился въ городѣ.

Татьяна. Заразился!

Агей. Ага.

Татьяна. Что это ты говоришь такое?

Агей. А нешто черезъ васъ не заразишься? Господи ты Боже: баба да вино, да вотъ карты ежели—первая зараза на свѣтѣ!

Татьяна. Ахъ, ты вотъ о чемъ!

Агей. Объ самомъ объ этомъ. И что-же она со мной эта бабища сдѣлала, не во гнѣвъ вамъ будь сказано.

Татьяна. Что?

Агей. Сама во всѣ пошла, а меня въ родѣ какъ за мытаря приспособила: таксу собирать. Но только я плюнулъ на это рукомясло.

Татьяна. Значить, она тебѣ измѣнила?

Агей. Измѣнила! Говорю вамъ, въ родѣ какъ за мытаря меня поставила. Измѣна—это другое дѣло, это какъ еще понимать

ее, измѣну то... Иной разъ и такъ придется понять: иди ты съ міромъ и дай тебѣ Боже благоволеніе въ твоёмъ новомъ дому.

Татьяна. Что ты, Агей!

Агей. Да какъ же, матушка. Ежели она не отъ жиру, а такой ей предѣлъ положонъ отъ Господа. Какъ-же съ ней поступать-то? Я съ ней и поступать должонъ по божески. Я такъ понимаю.

Татьяна. Такъ развѣ такой обычай-то вашъ, деревенскій?

Агей. Обычай-то? Разные бывають обычаи, матушка. Бываетъ и такъ, что уздой се, голубушку, аль кнутикомъ вокругъ столбика точенаго, пряслица золоченаго. Обыкновенно, безъ строгости не проживешь. Но во всякомъ разѣ есть и милосливые.

Татьяна. А вотъ-ты говорилъ! Обычай свой хвалилъ!

Агей. Эхъ, матушка, какъ тутъ судить, — всякій по сердцу своему судить. Но только все-жъ таки въ деревенскомъ обиходѣ лучше, по-моему. У насъ инѣе разы и старики волостные вниманіе обращаютъ: либо мужу вспяять горячихъ, либо женѣ разводъ присудятъ.

Татьяна. Какъ разводъ! Да вѣдь это страшно трудно добиться развода.

Агей. У насъ просто. (Тянетъ сквозь зубы пѣсню. Татьяна работаетъ). А какъ поразсмотрѣть поближе, все это суета суетствій.

Татьяна. Что-суета, Агей?

Агей. Да хоть-бы эта... зараза-то женская! Ты думаешь, она съ чего?.. Прямо она отъ бездѣлья. Я такъ понимаю. Возьми ты угодниковъ..

Татьяна. На то они и угодники.

Агей. А! угодники!.. А ежели они примѣръ тебѣ преподали, ты какъ объ этомъ понимаешь? А примѣръ вотъ какой, на мой взглядъ: сердце у нихъ очень обширное. Теперь хоть бы бабу, хоть-бы мужчину взять,—какое такое у него сердце: полюбить онъ одного человѣка и весь свѣтъ ему ни за копѣчку. Это не порядокъ. А изъ угодниковъ вотъ какіе были народы: весь людъ-то ему крещенный миль, всѣмъ-то онъ часть спасенія живота, за всѣхъ молится... Какъ-же, матушка, заразѣ-то въ него продраться? Никакой ей возможности такой нѣту... Вотъ какъ я понимаю.

Татьяна. Да безъ «заразы», Агей, и народъ-то прекратился-бы и жизнь-то стала-бы немила никому.

Агей. Нѣтъ, вы не такъ разсуждаете. Я вотъ вамъ разскажу про людей про однихъ... Разсказать?

Татьяна. Говори, говори.

Агей. Всего-то вамъ нельзя разсказывать, а я въ родѣ притчи какой разскажу вамъ. А вы ужъ имѣйте свое пониманіе. Есть

нѣкоторые люди въ ономъ городѣ. И у людей этихъ нѣтъ ни твоего, ни моего. Всѣ трудятся, всѣ молятся, а и труды за всѣхъ и молитвы за всѣхъ... И въ оное время спрашиваю я тѣхъ людей: какъ вы насчетъ бабъ? А по влеченію, говорятъ онныя люди, нѣтъ ежели обоюдной противности, значить приспѣлъ часъ воли Божіей: она мнѣ жена, а ей мужъ... Вотъ какъ люди-то понимаютъ, Татьяна Гавриловна!

Татьяна. Да это секта, Агей! Неужели у насъ въ городѣ есть такая секта?

Агей. Секта! Эка вы, въ чужія слова-то любите наряжаться, погляжу я на васъ... Что за секта! Согласіе, а не секта. Миръ тамъ, свары нѣтъ, злоязычія нѣтъ, зависти нѣтъ, вотъ и выходитъ *согласіе*. А то секта!

Татьяна. Ахъ, да развѣ могутъ быть такіе люди, чтобъ безъ зависти-то да безъ свары!

Агей. Есть, матушка, есть. Есть такіе люди, я тебѣ скажу,—пуце алмазиту и яко угля пламеннѣйшій сердце ихъ, и всѣ поступаютъ по глаголу: возлюбимъ ближняго!..—А наступитъ и такое время: весь міръ прозреть... То-то любовь будетъ! То-то красота!

Татьяна (въ сторону). Вотъ-бы съ Марусей-то ихъ свести! (Громко). Нѣтъ, Агей, никогда онъ не прозреть, міръ-то. Ты вспомни-ка, вѣдь и Фодосій Поганеинъ въ мірѣ. Такъ развѣ онъ прозреть?

Агей. А что-же вы думаете. Для Бога все достѣпно... Савла на что гордыня обуяла, а и-то онъ съумѣлъ его о-земь-то ошарашить... Что вы это, матушка!

Татьяна. Времена-то были не тѣ.

Агей. Времена одинаковы. «Возлюбимъ другъ друга», вотъ тебѣ и времена. Я, какъ на «Молочныхъ водахъ» странствовалъ... (Вобъгаетъ Хима).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Татьяна, Агей и Хима.

Хима. Татьянушка, голубушка, бѣда!

Татьяна. Что? Что?

Хима. Самъ, самъ ѣдетъ. Софронъ ѣдетъ. Темный, грозный... Безо времени ѣдетъ.

Татьяна. Охъ, какъ ты меня испугала. Пускай его ѣдетъ; знать, дѣла приспѣли.

Агей. Эка! Эка, взбаламутила... Чего народъ пугать? ѣдетъ, и пушай его. (Тянетъ пѣсню).

Хима. Нѣтъ, не сирота это, чуетъ мое сердечушко, не сирота... Охъ, головушка моя побѣдная.. Участъ моя сиротская... Долошка горемычная! (Вслипывая уходитъ).

Агей. Эка слабость эта въ бабахъ разымчива. Удержу ей нѣтъ: чуть что, расслабнетъ и въ слезы. А иной разъ погляди на ту-же тетку Афимью, такъ она пуще звѣря лѣсного себя окажетъ.

Татьяна. Разымчива, Агей, разымчива наша женская слабость. (Входитъ Кремешовъ). Ахъ! (Кремешовъ нѣсколько мгновений стоитъ въ дверяхъ; Татьяна идетъ къ нему навстрѣчу).

ЯВЛЕНИЕ V.

Татьяна, Агей и Кремешовъ.

Кремешовъ (Агею). Ты что тутъ копаешься? Не видишь, хозяинъ прѣхалъ. Убирайся!

Агей. Вижу, вижу, голубъ ты мой. Вотъ обожди, прилажу багеточку и уйду съ Господомъ, обожди малость.

Татьяна. Какъ ты меня напугалъ, Софронъ Никитичъ. Съ прѣздомъ тебя.

Кремешовъ (грубо отстраняетъ ее). Что, аль въ расчетъ сбилась!

Татьяна. Что ты говоришь...

Кремешовъ. Аль въ расчетъ сбилась, говорю!.. Аль обочлась! (Внезапно) Убью!

Татьяна (тихо). Ради бога... что ты... опомнись... чужіе здѣсь...

Кремешовъ. Чужіе! Съ полюбовникомъ возжаться — чужихъ не было, а тутъ чужіе объявились... (Татьяна хочетъ уйти, Кремешовъ хватаетъ ее за руку). Стой, подлая, давай отвѣтъ!.. (Агею)... Уйди, Агешка!

Агей. Остынь, остынь, Никитичъ... Не дѣлай срама.

Кремешовъ. Уйди, говорю!.. У насъ съ женой особый разговоръ пойдетъ. — А, ягода! По клубамъ шататься! Полуношничать! Въ бѣга собираться съ полюбовникомъ... Безстыжая!

Татьяна. Что-жь, бей, Софронъ Никитичъ... Срами на всю площадь... Ты вѣдь сильнѣе... Бей меня, палачъ!

Агей (Кремешову). Брось, бр-ось... Постыдись глазъ то чужихъ... Ей-богу, всему городу расскажу.

Кремешовъ (отталкиваетъ Татьяну). Счастливъ твой богъ! Подай ключи!.. Погоди... разочтемся... не останешься въ наладѣ... (Уходитъ, и быстро возвратившись, кричитъ въ лицо Татьянѣ). Жилы вымотаю!..

ЯВЛЕНИЕ VI.

Татьяна и Агей.

Агей. Эка звѣри бываютъ! Эка идола!.. Татьяна Гавриловна! Ты-бы въ роднѣ поѣхала, аль въ гости къ кому? Все-бы, онъ, глядишь, преобразился. Эка люди, эка безбожники?

Татьяна (послѣ долгаго молчанія открываетъ спокойное лицо). Ничего, Агеюшка, пройдетъ. Мало-ли что бываетъ.

Агей. Охъ, все бываетъ, матушка. Какъ-же теперь мнѣ быть: багетку-то я починилъ, а уходить-то мнѣ не хочется.

Татьяна. Ничего, голубчикъ. Спасибо тебѣ. Нѣтъ, ты поди себѣ съ Богомъ...

Агей. А ну-ка бѣшенный-то твой разревнуется.

Татьяна. Ну, что ты!.. Это вѣдь горячность его одна: намутиль кто-нибудь, онъ и расходился... Пройдетъ! Ты только какъ пойдешь, Агеюшка, Химу мнѣ пошли пожалуйста.

Агей. Да это-то я кого хочешь пошлю. Охо, хо, хо... (Собираетъ инструменты и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Татьяна одна, послѣ—Хима.

Татьяна. Какъ мнѣ легко теперь!.. Точно застыло все во мнѣ... Господи, да какъ-же это прежде-то я не подумала... вѣдь я птица вольная стала... Вотъ чудво-то!.. Точно сила какая пришла да оборвала мои нѣвы. Ничего-то мнѣ теперь не страшно... Никого-то я не боюсь!.. Вотъ, поди, Никаша-то въ восторгъ придетъ... Мы съ нимъ о Крымѣ мечтали... Мы мечтали — какъ еще денегъ накопить, да когда-то уйти мнѣ... А тутъ разомъ все!.. Вотъ обрадуется... Что-бы ему написать? Вотъ что напишу. (Беретъ бумагу пишетъ и читаетъ). «Желацный мой! Твоя я теперь, жена твоя. Все кончено. Нынче вечеромъ жди къ себѣ навсегда... слышишь-ли — *навсегда*, — подчеркну это слово, — жди твою жонку. Татьяна»... Нѣтъ, не напишу «Кремешова», пусть будетъ просто Татьяна. — Охъ, и легко-то мнѣ, и какъ будто холодъ какой внутри... Холодно, холодно... Свѣтъ ты мой ясный, обогрѣй ты свою Таню! (Входитъ Хима).

Хима. Ушелъ? Угомонился?.. Помани царя Давида и всю кротость его ..

Татьяна. Ничего! А я вотъ тебѣ записочку приготовила, отнеси-ка ты ее.

Хима. Охъ, охъ, что это ты сказала, мать моя... Что это ты придумала!.. Спрячь, безумная... Спрячь, поскорѣе... Ахъ, дурища я—связалась-то съ тобой!

Татьяна. Да вѣдь носила-же ты...

Хима. Замолчи сумазбродная... Носила, носила... Когда я носила?.. Развѣ ты не видишь—бѣда страшась... Покорись! Я тебѣ говорю, покорись!.. Лаской-то его дойми... Рѣчами-то любовными... Въ угарь-то его введи!..

Татьяна. Ха, ха, ха... значить, и васъ, тетушка, головой выдавать.

Хима (съ испугомъ). Да избавь тебя Матерь Божія!.. Сударыня ты моя... Кормилица ты моя... Пожалѣй ты меня, старуху... Всѣ-то мои денежки заслуженныя пропадутъ... Двадцать-два годочка маюсь... Голубенышекъ ты мой сизокрылый!.. Словечкомъ тебѣ не буду перечить... Давай, давай, записку-то, я ее мигомъ доправлю... О, Господи, да я для тебя!..

Татьяна. Нѣтъ, тетушка, я передумала. А насчетъ предательства вы не беспокоитесь: искаріоткой никогда не буду.

Хима. О-о, передумала?.. Ну, какъ хочешь... Да какъ-же мнѣ Господу-то за тебя молить, Творцу милостивому... Да я за тебя не токмо... душу-то свою—какая у меня душа-то есть—не пожалѣю... Охъ, пойтить, мнѣ, хрѣну натереть въ обѣду: и за хрѣнь-то не спалъ-бы Софронъ Никитичъ. (Уходитъ).

Татьяна. Видно, правда въ пѣснѣ поется: всѣ друзья-пріятели до чернаго лишь дня. Ну, нечего дѣлать, безъ записки обойдемся. Пойду соберу приданое свое. Немного, Никаша, принесетъ тебѣ твоя жонка... Безприданница!.. Охъ, за то ужъ и любить-то я тебя буду, милаго... Заласкаю, зацѣлую всего... Узнаешь ты, какова твоя Таня! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кремешовъ входитъ съ пачкой денегъ; послѣ—Хима.

Кремешовъ. Отлегло! Всѣ до копѣечки, не тронуты. (Прячетъ въ бумажникъ). Теперь у насъ иной разговоръ пойдетъ. (Кричитъ). Эй, тетушка Ахинея! Пожалуй-ка сюда сюда на часикъ. (Хима входитъ и низко кланяется).

Хима. Здравствуй, Софронъ Никитичъ. Съ прибытіемъ благополучнымъ, съ прилетомъ, ясный соколъ, съ пріѣздомъ добрый молодецъ.

Кремешовъ. Такъ.

Хима. То-то небось намаялся, то-то нахлоптался, кормилецъ. (Садится). Поди, и въ одежѣ-то пообносился, и нужды то всякой понатерпѣлся за дорогу...

Кремешовъ. Такъ...

Хима. А ужъ Татьянуша-то тутъ убивалась... Ни тебѣ—но-

чей не спать, ни тебѣ—хлѣба не кушаешь. Сна лишилась! Животики подвела безъ пищи...

Кремешовъ. Такъ, такъ...

Хима. А вотъ сердечушко-то и отзывчиво у мила-дружка: взяло да ёкнуло, взяло да обрадовалъ и прикатилъ спозаранку...

Кремешовъ. Такъ, Ахинея, такъ... Ёкнуло! (Въ сторону) Я тебя ёкну, старая чертовка! (Громко) Всѣ теперь твои рѣчи?

Хима. Охъ, какія-жь мои рѣчи, кормилецъ, — рѣчи мои подневольныя: прикажешь — съ три короба натрещу, а не станеть твоей охоты слушать, — рыба и та будетъ говорливѣй.

Кремешовъ. Такъ. Ну, теперь послушай моихъ разговоръ... вольныхъ... хозяйскихъ. А допрежь всего, какъ ты есть бѣдная сродственница, — встань!

Хима (встаетъ). Занапрасно обижаешь, Софронъ Никитичъ.

Кремешовъ. Занапрасно? Такъ. Теперь ты вотъ что мнѣ отвѣть. Кто тебя призрѣлъ? Кто тебя обулъ-одѣлъ? Кто твоихъ ввучать — когда ты въ родѣ какъ персть осталась — къ мѣстамъ приспособилъ?

Хима (кланяется). О, Господи!.. Да воздай тебѣ Господи...

Кремешовъ. Стой, не ханжи. Мой разговоръ съ тобой короткій. Слушай. (Вынимаетъ телеграмму и читаетъ). «Астрахань, рѣбнику Кремешову. Съ полученіемъ сего прїѣзжай немедленно. Близкая тебѣ дама имѣетъ въ предметѣ бѣжать. Слышано ночью въ клубѣ. Обольститель съѣздовскій секретарь. Есть опасательство касательно капиталовъ. Вѣрь сему. Другъ твой, Ѳедосій Поганкинъ». — Какъ ты насчетъ этого понимаешь?

Хима (бросается въ ноги). Батюшка мой, виновата!.. Кормилецъ, виновата!

Кремешовъ. Такъ вы, значить, какъ призрѣтая за свою нищету, въ сводни поступили?

Хима. Родимый мой, не говори такихъ словъ... Голубчикъ, не говори... Сномъ духомъ не вѣдала... Въ головѣ не держала... Да разрази меня... Да отсохни у меня руки-ноги...

Кремешовъ. Не ври. Безъ тебя Татьянѣ ходу не было. Брось валяться, говори толкомъ!

Хима. Не встану... Издохну тутъ... Благодаритель ты мой... Херувимъ златокудрый... Я-ли за ней не слѣдила, я съ ней очей-то, которыя только очи бывають — не спускала! Проманула меня окаянную! Надъ старостью надъ моей насмѣялись!..

Кремешовъ. Ну, ладно, вставай. Здорово ты вопишь. (Хима медленно подымается, всхлипывая). Только все-жь таки вотъ тебѣ мой

приказъ: собирай ты свою худобу, и чрезъ часъ чтобъ духу твоего здѣсь не пахло. Вотъ Богъ, а вотъ порогъ!

Хима. Да за что-же, кормилецъ?

Кремешовъ. Старое зашло. Проваливай, проваливай, мнѣ съ тобой разговаривать некогда.

Хима. Ну, Богъ съ тобой, это хозяйское твое дѣло. Ищи себѣ слуги вѣрнѣе, авось и не отыщешь.

Кремешовъ. Найдемъ. Проваливай-ка по добру, по здорову.

Хима. А денежки-то мои?

Кремешовъ. Какія такія денежки?

Хима. Заслуженныя-то мои. Двадцать-два годочка-то я маялась вокругъ тебя.

Кремешовъ. Нѣтъ тебѣ ни алтына за твои добродѣтели.

Хима. Это такъ-то-ся?.. Это за послуги-то?.. За труды непосильные?.. За ночи бессонныя?.. (Низко кланяется). Спасибо, Софронъ Нивитичъ! Уважилъ! Призрѣлъ!..

Кремешовъ. Э, да что тутъ съ тобой толковать! (Кричитъ въ окно). Эй, Дениска, уברי-ка отсюда Афимью!

Хима (отступая къ двери). Да подавиться тебѣ, рыжему дьяволу, сиротскими грошами... Да будь-же ты проклять, анафема, нынѣ и присно... Да разрази тебя...

Кремешовъ (въ окно). Дениска!

Хима. Уйду, уйду, океанный ты человекъ... Уйду!.. Чтобъ тебѣ ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ добра не было... Чтобъ тебѣ ѣхать да не доѣхать... Чтобъ тебѣ...

Кремешовъ. Дениска!

Хима. Аспидъ! Скорпионъ! Василискъ неистовый!.. (Быстро уходитъ, Кремешовъ за ней. За сценой слышенъ его голосъ: *Гони ее метлой! Выбрасывай худобу! Бей въ мою голову!* Подобострастный голосъ Дениски: *А въ заслонку не прикажете, ваше степенство?* Кремешовъ: *Бей во всп—и въ заслонку, и въ сковороды... Луни въ мою голову!..* Затѣмъ слышенъ дребезгъ заслонокъ и крикъ: *Тю-лю-лю-лю!*—Хима кричитъ: *До царя дойду!.. Всю полицію подыму!.. Подай, рыжий песъ, мои деньги!*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Входитъ Топтуновъ, послѣ—Кремешовъ.

Топтуновъ. Что за шумъ? Какимъ, теперича, манеромъ? (Входятъ Кремешовъ).

Кремешовъ. Никайшее, гость дорогой. Милости просимъ!

Топтуновъ. Что за шумъ у тебя? Какой изъ эстаго рзутать?

Кремешовъ. Голова кругомъ идетъ—вотъ какой результатъ изъ этого шума. Афицию прогналъ

Топтуновъ. За дѣла?

Кремешовъ. За такія дѣла—и говорить-то объ нихъ тошно. Прочтите сію телеграмку-съ. (Подаетъ телеграмму).

Топтуновъ (читаетъ и отдаетъ обратно). Н-да. Что-жъ деньги?

Кремешовъ. Деньги-то, слава тебѣ Господи, до послѣдней копѣчки цѣлы.

Топтуновъ. Это пуще всего. Много оставлялъ-то?

Кремешовъ. Одного внутреннего заему пятьдесятъ билетовъ.

Топтуновъ (укоризненно качаетъ головой). Какъ это ты, братецъ мой.

Кремешевъ. Перстъ, Евдокимъ Данилычъ. ничего не подѣлаешь. Питалъ такое довѣріе, что даже никакой сумнительности не допускалъ. Въ иномъ прочемъ имѣлъ подозрѣніе, а касательно денежнаго довѣрія—мысли такой даже не допускалъ въ себѣ.

Топтуновъ. Можеть сбрехали Ѳедосій?

Кремешовъ. Умъ у меня мѣшается. Съ какой стати ему брехать? Съ какой стати ему за депешъ платить—три рубля серебромъ въ печку выдать?

Топтуновъ. Н-да депешъ обстоятельный.

Кремешовъ. Ровнымъ счетомъ тридцать-два слова.

Топтуновъ (подумавъ). Какимъ-же, теперича, манеромъ съ бабой?

Кремешовъ. Бабу—есть такое мое намѣреніе—въ тиска взять. Ходу ей не будетъ никуда, окромѣ обѣдни да всенощной.

Топтуновъ. Биль?

Кремешовъ. Бить еще не биль, но понять даль чувствительно.

Топтуновъ. Побей. Это ничего, это хорошо для бабы

Кремешовъ. Но, съ другой стороны, у меня есть и еще намѣреніе.

Топтуновъ. Какое такое?

Кремешовъ. Насмѣшками ее испынять. Какъ кто соберется изъ знакомыхъ, такъ я и вотену ей шпильку, какъ кто соберется, такъ и вотену.

Топтуновъ. А какой изъ эстаго розультатъ?

Кремешовъ. Груба,—мягче станеть. Отволенеть отъ стыда-то. Подобно какъ ржа по желѣзу, станеть ее срамъ этотъ ѣсть.

Топтуновъ. Это ничего, можно и такъ, можно и въ надсмѣшки пустить. Славы только не пуцай, Софронъ, не люблю я этого не уважаю. Какимъ, теперича, манеромъ—купецъ на чести, торговля, капиталъ, кредитъ, и вдругъ—слава. Я не допускаю эстаго.

Кремешовъ. По нашему дѣлу никакъ безъ славы обойтись невозможно. Дѣло наше на бою, завистниковъ много... Какъ тутъ убережешься?

Топтуновъ. А пуще всего жена модная. Эхъ, Софронъ, говорилъ я тебѣ.. Говорилъ, не по себѣ древо рубишь... Кой лядъ въ эфтихъ емназисткахъ!

Кремешовъ. Она и въ гимназіи-то не была—въ пансіонѣ была.

Топтуновъ. Что пенсіонъ, что емназія, одинъ шутъ на дьяволѣ, прости Господи мое согрѣшеніе. И что это за мода такая пошла по кучечеству? Что это за обычай такой глупый? Вонъ Лукутинъ Варламъ меньшую дѣвку въ Питеръ отпустилъ. Да чему она тамъ научится, спросилъ-бы я ее? Какой изъ эстаго ее ученья результатъ, окромя вавилона? У мужа на умѣ—скажемъ такъ—рыба, а у ней—кадрель съ вальцемъ. Какимъ это, теперича, манеромъ?

Кремешовъ. Времена-то мудренія, Евдокимъ Данилычъ. Не по нонѣшнимъ временамъ простая баба. Противъ воды не пойдешь, противъ вѣтра не поплаваешь.

Топтуновъ. Не пойдешь! Бѣсъ онъ всегда бѣсъ. А ежели купецъ ослабъ, такъ это точно. (Зѣваетъ). Ну, какъ въ Астрахани? Почему осетръ? До какой цифры судакъ поднимаетъ?...

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

ЛИЦА:

Сюсюткинъ.

Окаянскій.

Корреспондентъ Рогожинъ..

Татьяна.

Вуколка, писарь изъ канцеляріи съезда, исполняющій должность слуги Сюсюткина. Шустрый малый въ пиджакѣ, съ хватками любезника, въ усахъ.

Тишка.

Пестро мебелированная комната въ квартирѣ Сюсюткина. На письменномъ столѣ круглое зеркало, баночки, пузырьки. Тутъ-же валяются „дѣла“ въ печатныхъ обложкахъ. Около стола вѣсовая качалка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вуколка одинъ.

Вуколка (сидитъ передъ зеркаломъ и, натирая усы фиксауаромъ, поетъ):

Про одинъ случай рассказывалъ купецъ—

Единъ молодецъ дѣвчонку обольстилъ...

Единъ молодецъ дѣвчонку обольстилъ,

Онъ съ ее рукъ колечко получилъ!

(Разглаживаетъ усы). Ничего! Ловко топорщатся! Экіе затѣйники эти чиновники. Какъ тутъ передъ ними бабѣ устоять... Довольно было-бы смѣшно...—Чѣмъ-бы теперь мнѣ заняться? Что-бы поработать для ради аппетита? Развѣ подсвѣшники отполировать? (Разсматриваетъ подсвѣчники). Ишь, зеленъ пошла! Ишь, потянулась проклятая! (Ставить ихъ на мѣсто, зѣваетъ и поетъ):

Онъ съ ее рукъ колечко получилъ,
Объщалося ее въ жены къ себѣ взять...

Какъ-же! Дожидайся—возьметъ!.. И лафа это нашему брату, ловкому кавалеру!.. Теперь хоть Амфиска—сколько она этихъ самыхъ слезъ пролила черезъ мою безчувственность... Но у меня совершенно иной оборотъ въ предметъ.—Что-бы мнѣ сдѣлать? Надъ чѣмъ-бы мнѣ покопаться? (Зѣваетъ). Что значить не подвержень я къ должности-то этой: даже въ сонъ клонить... И съ чего онъ меня взялъ? И съ какой стати прилипъ онъ ко мнѣ?.. Только какъ ужъ онъ ни хлопочи, а завачусь я въ поселные писаря! А не пустить—непремѣнному пожалуюсь. Съ какой стати я лакей:—я писецъ, а не лакей. Мнѣ жалованье не по лакейскому положенію, а по канцелярскому. Вотъ еще новости! (Ходить по комнатѣ и ерошить волосы). Безпремѣнно уйду въ писаря. Тамъ мнѣ что!—Гармонью, пинжакъ драповый, сапоги съ глянцемъ.. Отъ дѣвокъ отъ однихъ провороту не будетъ! (Садится и размышляетъ) Да, дѣвки.. Что—дѣвки! Вотъ купчиху бы ежели приспособить—это товаръ!.. Счастье, подумаешь, Нибанору Николаичу.. И что въ немъ? Развѣ вотъ помады да ваксидару этого много изводить... Такъ это опять таки не отъ него. Дай-ка мнѣ сотенный въ мѣсяцъ, такъ я этимъ ваксидаромъ не тоюмо усы-сапоги буду ваксить.. А ужъ и благодать съ этими купчихами!.. Ужъ и благодать!.. Сколько она ему теперь деньжищъ этихъ пожертвовала—уму неисчислимо! (Входитъ Рогожкинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Вуколка и Рогожкинъ.

Рогожкинъ... Во всякомъ случаѣ довольно странно. Здѣсь остановился адвокатъ Окаянскій?

Вуколка (грубо). А тебѣ на что?

Рогожкинъ (обижается). Какъ-же вы можете такъ разговаривать? Я развѣ не вижу, что ты прислуга.

Вуколка. Я и тебя-то довольно вижу. Не велика ты фряподлѣ моста табакомъ торгуешь.

Рогожкинъ. Считаю очень смѣшнымъ для себя—въ разговоръ вступать съ лакеемъ!

Вуколка. Не въ ту точку понадаете касательно лакейства. Я самъ на писарскоѣ ваканціи.

Рогожкинъ. Но съ какой-же стати ваши поступки при этомъ случаѣ? Это довольно для меня дико. Ужель и въ разсужденіи писарскаго званія доступно быть вандаламъ! Какой абсурдъ!

Вуколка. Вашъ разговоръ никакъ не можетъ обозначать табашника.

Рогожкинъ. Обыкновенцо, мы всячески можемъ разговаривать.

Вуколка. Пожалте садитесь на эфто мѣсто. (Указывая на каталку). Мы тоже имѣемъ свое пониманіе. И конечно, какъ случилось покупать табакъ—то невозможно не ошибиться. Но въ разсужденіи вашего разговора, я теперь вижу, что попалъ въ просакъ.—Вотъ секретарскія папиросы, а это адвокатскія—какихъ позволите?

Рогожкинъ (важно закуриваетъ). Употребимъ секретарскихъ.— Но довольно для меня странно... Господинъ Окаянскій развѣ завель знакомство съ секретаремъ?

Вуколка (тоже закуриваетъ). Друзья-пріятели.

Рогожкинъ. Это довольно дико. И давно?

Вуколка. Да они старые пріятели. Окаянскій прямо какъ пріѣхалъ, такъ у насъ и остановился. Ученье вмѣстѣ проходили. Въ гимназіи.

Рогожкинъ (въ безпокойствѣ). Но при такомъ оборотѣ я лучше всего удалюсь. (Въ передней шага. Сюсюткинъ поетъ: *Когда-бъ я зналъ, какъ пламенно и нѣжно...* Затѣмъ кричитъ: «Вуколка, возьми пальто!»— Вуколка торопливо бросаетъ папиросу и бѣжитъ въ переднюю. Рогожкинъ вскакиваетъ и въ смущеніи перебираетъ руками. Входятъ Сюсюткинъ и Окаянскій).

ЯВЛЕНІЕ III.

Рогожкинъ, Окаянскій и Сюсюткинъ.

Окаянскій. А, господинъ писатель! Очень радъ увидать вашу комико-образную комплексію. Никъ, ты, кажется, недостаточно знакомъ съ симъ компрачикосомъ,—посмотри-ка, что онъ изъ фактовъ выдѣлываетъ. Если у факта есть морда, онъ всю эту морду перековертаетъ. Позволь тебя познакомить.

Сюсюткинъ О, мы знакомы! То-есть, палка моя знакома съ спиной господина Рогожкина.

Рогожкинъ. Хе, хе, хе, большой вы шутникъ, Никаноръ Николаичъ! (Подаютъ другъ другу руки, Сюсюткинъ—лѣвую).

Окаянскій. Но какіи у васъ замысловатыя шутки, господа!

Рогожкинъ. Хе, хе, хе... тутъ точно подошелъ одинъ случай, довольно даже замысловатый... Но, однако, прощенья просимъ! (Хочетъ уйти).

Окаянскій (схватываетъ его). Милостивецъ, не пуцуй! Что съ вами? Куда вы? Посидите, расскажите, пожалуйста, этотъ замысловатый случай. Я ужасно люблю замысловатые случаи.

Сюсюткинъ. Никакого интереса нѣтъ рассказывать. Онъ тамъ написалъ гадость одну про съѣздъ, ну, а я, разумѣется, вмѣшался.

Окаянскій. Но онъ правду написалъ, или нѣтъ?

Сюсюткинъ. Съ одной стороны, если хочешь, и похоже на правду, но предсѣдатель нашъ такой необыкновенно милый человекъ, что, согласись, было-бы странно...

Окаянскій. Значитъ, ты вступился за хозяина?... Руку вашу, господинъ Рогожкинъ. Одобряю. Но вы, въ нѣкоторомъ родѣ стратотерпецъ? Скажите!

Рогожкинъ. Хе, хе, хе, это довольно даже ничтожный случай. И конечно, я здѣсь заслужилъ... Я, знаете, вошелъ въ горячность...

Окаянскій (значительно). А! Вы вошли въ горячность!

Рогожкинъ. Они, знаете, тоже-съ...

Окаянскій. А! И они!

Рогожкинъ. И такимъ манеромъ произошло нѣкоторое столкновение.

Окаянскій. Ну, конечно, вы оба правы.

Рогожкинъ. Но бываютъ очень прискорбные поступки.

Окаянскій. Съ кѣмъ это?

Рогожкинъ. А вообще съ корреспондентами. Но, однако, до свиданья-съ!

Окаянскій (удерживаетъ его). Благодаритель, посидите! Милостивецъ, посидите! Ну, расскажите какой-нибудь прискорбный поступокъ. Я ужасно люблю прискорбные поступки.

Рогожкинъ. А вотъ совершенно новый случай. Можно сказать, неправдоподобный, но, между прочимъ, — фактъ. Другой нашъ писатель, Кульковъ, свѣчную лавку описалъ. Есть у насъ при соборѣ свѣчная лавка. И что-жь, вы думаете, съ этимъ его описаніемъ сдѣлалось? Прямо призываетъ отецъ протоіерей корреспондента, и прямо собственноручно отвѣшиваетъ ему затрецину. Съ чѣмъ это сообразно? (Окаянскій и Сюсюткинъ смѣются).

Окаянскій. Да, дѣйствительно, ни съ чѣмъ несообразно. Ну, а васъ часто бьютъ?

Рогожкинъ (обижается). Зачѣмъ же-съ! Я описываю съ большой предосторожностью...

Сюсюткинъ. Удивительное дѣло; Богъ знаетъ о чемъ пишутъ, а о дѣлѣ не пишутъ.

Рогожинъ. Какъ это-съ! Кажется обо всемъ пишемъ.

Сюсюткинъ. Ну о чемъ вы пишете? Скандалы, сплетни, ябеды,—вотъ ваша и литература вся. Да и объ этомъ-то пишете неграмотно.

Рогожинъ (обижается). Что имѣеть въ себѣ интересъ, о томъ и пишемъ-съ. А насчетъ неграмотности это вы напрасно: у насъ редакторъ очень даже слѣдить за этимъ. И ябеды никакой нѣтъ.

Сюсюткинъ. Дразги всякія! Людей грязью мараете! Мало-ли предметовъ достойныхъ описанія. Ну, возьмите этнографію, статистику.

Рогожинъ. Это, то-есть, касательно чего-же-съ?

Окаянскій. А касательно кочерги. Откуда кочерга произошла, какое ей предназначеніе у туземцевъ...

Рогожинъ. Понимаемъ вашъ сюжетъ-съ. Въ губернскихъ вѣдомостяхъ встрѣчаются такія статейки. Но, вмѣсто того, нието на нихъ вниманія своего не обращаетъ. (Горячится). Нѣтъ, вы не такъ рассуждаете касательно этого предмета. Писатель, онъ долженъ всякій случай описать въ подробности и къ сему присовокупить нравоученіе...—Мы, конечно, не получили образованія въ литературѣ, но мы такъ рассуждаемъ: нехорошая вышла полоса по купечеству. Стали купцы своимъ дамамъ повадку давать. А чрезъ эту повадку очень возможно, что получится бабій бунтъ.

Окаянскій. Бу-у унтъ?

Рогожинъ. Свершенно такъ. Вы извините меня, но я вошелъ въ горячность. Касательно кочерги, я очень даже хорошо понялъ вашу насмѣшку. И съ своей стороны, такъ понимаю, что кочерга тутъ не причемъ-съ. Но что ежели купеческихъ дамъ надо офасонить, такъ это я всегда скажу Я, конечно, не полагалъ, что вы въ знакомствѣ состоите съ Никаноромъ Николаичемъ. И теперь я довольно даже ясно вижу вашу съ нимъ откровенность. Но коли на то пошло, я всегда скажу: бабамъ по купечеству давно пора скоротъ дать. Что-же это будетъ такое? Ежели имъ воля—вѣдь это прямо купечеству конецъ придетъ? Вѣдь онѣ и такъ изъ купца-то всѣ жилы повытянули... и притомъ довольно даже надки на полюбовниковъ... (Спозвавшись) Затѣмъ прощайте-съ. Извините, ежели, по нашему невѣжеству, какой ни на есть афронтъ... (Быстро уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сюсюткинъ и Окаянскій.

Окаянскій. Ха, ха, ха, вотъ такъ писатель! вотъ такъ ком-прачинокъ!

Сюсюткинъ. Да что съ этимъ шутомъ? Я положительно не пойму.

Окаянскій. Обидѣлся.. Я тебѣ сказывалъ, какъ онъ про м-ше Лукутину статейку написалъ? Ну, такъ онъ понялъ изъ твоихъ замѣчаній, что это уже не секретъ. А потомъ эта кочерга... ха, ха, ха!

Сюсюткинъ. Но съ какой стати на кочергу-то онъ обидѣлся?

Окаянскій. Охъ, большой оригиналъ этотъ народецъ: его можно оскорблять сколько угодно, и онъ все будетъ улыбаться, а затѣмъ какое нибудь ничтожное словечко... Говорять, что спиву верблюда можно переломить однимъ волоскомъ. Вотъ въ настоящемъ случаѣ кочерга и сыграла роль волоска.

Сюсюткинъ. Но зачѣмъ онъ приходилъ?

Окаянскій. Знаю зачѣмъ. Жаль, что не довели комедию до конца. Онъ, навѣрное, стихи мнѣ свои приносилъ. Препотѣшны!

Сюсюткинъ. Охота возиться съ шутами!

Окаянскій. Другъ мой! Да если хочешь, это единственное занятіе, достойное порядочнаго человѣка.

Сюсюткинъ. Но, надѣюсь, есть же болѣе благородныя профессіи. И я удивляюсь, топ шер, какъ ты, съ своимъ образованіемъ...

Окаянскій. И такъ далѣе. Это-то образованіе и помогаетъ мнѣ въ моей «профессіи».

Сюсюткинъ. Какимъ образомъ?

Окаянскій. Тутъ, братъ, у меня есть нѣкоторое міровоззрѣніе. Ты понимаешь что такое—міровоззрѣніе?

Сюсюткинъ. Помилуй, за кого ты меня принимаешь!

Окаянскій. За секретаря, другъ любезный, за секретаря. Что ты секретарь, это дѣло ясное, но чтобы при этомъ ты обязанъ былъ высокія слова понимать, это для меня не ясно. Однако, вопросъ не въ томъ

Сюсюткинъ. Вопросъ въ схемѣ твоего міровоззрѣнія.

Окаянскій. Въ схемѣ?.. Ну, ладно, пусть будетъ въ схемѣ. Прежде всего, добра нѣтъ, и зла нѣтъ. Все сіе суть слова, и слова праздныя.

Сюсюткинъ. Но по какой-же системѣ?

Окаянскій. Это для тебя не интересно. Есть чрево и есть смѣхъ. Вникни: чрево не подлежитъ сомнѣнію, смѣхъ—тоже. И по сему то и другое—фактъ. Вселенная устроена для потѣхи. И для сей надобности наводнена шутами. Но при семъ наблюдается слѣдующая справедливость: умнѣйшій шутъ да посмѣется, глупѣйшій да поплачетъ. И на этомъ стоитъ міръ, какъ говорятъ французы.

Сюсюткинъ. Но я тебя не понимаю.

Окаянскій. И однакоже это очень понятно. Суди по себѣ. Ты плачешь, что тебя любятъ очень страстно...

Сюсюткинъ. Да ужъ признаюсь.

Окаянскій. Вуколка плачетъ—должность ему лакейская не по плечу. Кстати, что ты не прогонишь этого дурака...—А вотъ теперь и писатель вашъ заплакалъ, по случаю бабьяго бунта.

Сюсюткинъ. Ха, ха, ха, вѣдь выдумаль-же, шельма, какъ назвать это наше эмансипаціонное движеніе! Гдѣ это былъ бабій бунтъ? Гдѣ это я читалъ?

Окаянскій. Въ Китаѣ. Зачѣмъ беспокоишься? Гдѣ-бы ни былъ, намъ это все едино. Но съ другой стороны, дѣйствительно, въ словахъ этого юродиваго есть смыслъ. Какъ, напримѣръ, понимать Лукутину?

Сюсюткинъ. Да, топ снэг, пикантная барышня.

Окаянскій. А въ другомъ смыслѣ?

Сюсюткинъ. То-есть, какъ въ другомъ смыслѣ? Конечно, противъ меня имѣютъ предубѣжденіе, но я бы съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ...

Окаянскій. Ахъ, ты вонъ куда ведешь. Готовъ-бы «Исаія ликуй»?

Сюсюткинъ. Разумѣется, съ самыми благородными намѣреніями. Помилуй, — богата, великолѣпное образованіе, ну и связи купеческія... Тутъ ежели нотаріальную контору открыть...

Окаянскій. А мудръ ты, Никъ. Какъ это при такой твоей... плаксивости, змѣемъ отъ тебя пахнетъ. А въ гимназіи, я помню, ты былъ не таковъ...

Сюсюткинъ. Эхъ, другъ Іосифъ, забросить тебя въ Гнилой Затонъ. и ты соеъ изъ себя пустишь.

Окаянскій. Ужели пуцу? А впрочемъ, чортъ васъ знаетъ, можетъ и пуцу. Но поговоримъ о Лукутиной. Открылъ кампанію?

Сюсюткинъ. Рекогносцировку сдѣлалъ.

Окаянскій. Въ какомъ-же родѣ?

Сюсюткинъ. Больше по части ферлакурства пока.

Окаянскій. А планъ?

Сюсюткинъ. Что же планъ. Планъ, собственно, очень обыкновенный. Развить передъ ней удобства семейной жизни, комфортъ... Поддустить эдакія мечтанія... о Крымѣ, о Швейцаріи... о жизни вдвоемъ...

Окаянскій. У, какъ ты, однакоже, глупъ, Никаноръ. Невѣроятно глупъ!

Сюсюткинъ. Но что за фамиллярность. топ cher!

Окаянскій. Не обижайся, не обижайся—я вѣдь по душѣ. А ты знаешь, если даже и по мордѣ дать русскому человѣку, но «по душѣ»—мордобой идетъ не въ мордобой, а въ ласку.

Сюсюткинъ (считая) Какая-же масса выдумокъ этихъ у тебя!

Окаянскій. Есть, есть. Но расскажи ты мнѣ вотъ что: какъ ты будешь съ Кремешовой?

Сюсюткинъ. И тутъ прелестно устроивается. Я тебѣ не рассказалъ, но тогда въ саду случилось отвратительное происшествіе.

Окаянскій. Когда?

Сюсюткинъ. А когда ты, счастливецъ, отправился съ Марьей Варламовной и мы остались съ Кремешовой въ глухой аллеѣ. Мнѣ ужасно не хотѣлось, но, понимаешь, положительно ничего не могъ подѣлать съ этой нелѣпой женщиной. Понимаешь—душить и кончено. Но тутъ случилось превосходнѣйшее происшествіе.

Окаянскій. Ничего не пойму: то отвратительное, то превосходное.

Сюсюткинъ? Сначала, дѣйствительно, оно мнѣ показалось отвратительнымъ, но послѣ я нашелъ его прелестнымъ. Дѣло въ томъ, что насъ подслушали и, такъ сказать, накрыли на мѣстѣ преступленія.

Окаянскій. Кто такой?

Сюсюткинъ. Извѣстный плутъ, Поганкинъ. Онъ, впрочемъ, богатый и уважаемый торговецъ. Между прочимъ, мы ужъ съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало и даже вчера пиво пили.

Окаянскій. Никаноръ Николаичъ!

Сюсюткинъ. Что подѣлаешь, топ cher! Попалъ въ собачью стаю—лай не лай, а хвостомъ вилай... Вотъ онъ то и донесъ на насъ мужу. То-есть, изъ его намековъ я такъ понимаю.

Окаянскій. А мужъ сегодня пріѣхалъ и, говорятъ, жестоко избилъ жену. Это я въ трактирѣ слышалъ.

Сюсюткинъ. Пріѣхалъ? избилъ? Я не слышалъ. Но это тоже, пожалуй, не дурно. Понимаешь, у нихъ очень оригинальный обычай. жену онъ отколотить, запретъ ее, но на скандалъ со мной ни за что не пойдетъ. Развѣ изъ за угла подкупить кого.

Окаянскій. Значить, ты теперь на покоѣ, и можешь устроить новую пакость?

Сюсюткинъ. Ха, ха, ха, именно—на покоѣ, топ cher, именно—новую пакость! Но теперь я ужъ не буду такъ глупъ. Эти замужня женщины, я тебѣ доложу... (Въ дверяхъ появляется Татьяна съ уломъ въ рукахъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Сюсюткинъ, Окаянскій и Татьяна.

Татьяна (останавливается въ нерѣшительности). Я думала ты... я думала, вы одни, Никаноръ Николаичъ.

Окаянскій. Сдѣлайте одолженіе: я могу уйти. Мы съ вами немного знакомы, Татьяна Гавриловна.

Татьяна. Ахъ, вы, кажется—Окаянскій? Но это теперь рѣшительно все равно. Никаша, вообрази, я вѣдь совсѣмъ къ тебѣ!

Сюсюткинъ. То есть, какъ это?.. Какъ это совсѣмъ?..

Татьяна. Ты не ожидалъ? Я сама не ожидала такого конца. Съ Софронъ Никитичемъ у насъ теперѣ порвано.

Сюсюткинъ. Но какимъ же образомъ... порвано? То-есть, какъ это порвано?..

Татьяна. Да очень просто, Никаша. Ушла отъ него, и теперь навсегда ужъ твоя. Вотъ я ему отсюда напишу объ этомъ. А то прежде, знаешь-ли, скрывала,—думаю, запретъ, что тогда дѣлать! Что, не ожидалъ? (Окаянскій выходитъ въ другую комнату). Ну, принимай свою жонку! Бѣдненькій, какъ ты измучился. . Вотъ видишь, и денегъ теперь не нужно копить... Все, все, конечно! Всѣ муи кончены... Господи, какъ мнѣ хорошо!.. Какъ я рада, еслибъ ты зналъ!.. Но... что съ тобой? Ты... недоволенъ? Ты... огорченъ?

Сюсюткинъ (бросаясь въ кресло). Боже, какая опрометчивость!

Татьяна. Какъ... опрометчивость?..

Сюсюткинъ. Что ты сдѣлала со мной!.. Что ты сдѣлала... Голову ты съ меня сняла!.. Зарѣзала меня!

Татьяна. Я?.. съ тебя?.. сняла голову?..—Но, милый, желанный мой—ты шутишь? Ты смѣешься?.. да?.. да?.. О, да скажи-же, что ты, шутишь!

Сюсюткинъ (вскакивая). Да это чортъ знаетъ что, наконецъ! Врываться въ холостую квартиру! Компрометировать порядочныхъ людей!.. Да вы понимаете-ли, — вы всю карьеру мнѣ испортили.. Бы... вы мнѣ жизнь отравили.. Вы... вы... вы всю мою будущность перегадали.

Татьяна. Господи.. гдѣ я... что со мной? Я отравила ему жизнь... Я испортила ему карьеру... (Тихо плачетъ, склоняясь надъ столомъ; Окаянскій выходитъ изъ другой комнаты).

Окаянскій. Татьяна Гавриловна! Успокойтесь! выпейте воды... садьте..

Сюсюткинъ (въ агитаціи). Надо-же положить конецъ этому!.. Не давать человѣку покоя... Осаждать его записками... Наконецъ, бѣжать къ нему на квартиру... Да вы знаете-ли, сударыня, что

я на скамьѣ подсудимыхъ могу чрезъ васъ очутиться... (Замѣчая узель). Это еще что? Что за узель такой?.. Какой это узель?.. Вы меня погубить хотите... Если ужъ вамъ не извѣстны приличія, вы бы у знакомыхъ своихъ распросили!..

Окаянскій (поддерживая Татьяну). Оставьте, Никаноръ Николаичъ.

Сюсюткинъ. Но этому предѣловъ не будетъ, mon cher. Нельзя-же такимъ образомъ маневрировать нравственностью...

Окаянскій (возвышая голосъ). Оставьте, Никаноръ Николаичъ! (Татьянѣ). Выпейте, пожалуйста, воды. Успокойтесь...

Татьяна (отстраняетъ его). Пустите. Благодарю васъ. Слушайте, господинъ Сюсюткинъ — подлецъ вы...

Сюсюткинъ. Позвольте, однако... Какъ вы смѣете честнаго человѣка...

Татьяна. ...Вы разграбили все, что у меня было завѣтнаго. Исполать вамъ. Но успокойтесь, — за это съ присяжными не судятъ: ваша шкура будетъ цѣла... Боже мой! Да что-же со мной сдѣлалось, что этой ехиднѣ я довѣрилась, душу ей свою отдала, жизни для пей не жалѣла... Смотрите, честный вы человѣкъ, смотрите: не мнѣ вы говорили, что я вашъ богъ, солнце ваше, ваше единственное счастье... Что вы на край свѣта за мной поѣдете, что промѣняете карьеру, родныхъ, друзей, все на свѣтѣ промѣняете за одну мою любовь. Вы не говорили этого?.. О, да скажите-же, что я лгу, что это мнѣ въ бреду почудилось... Что все это я видѣла во свѣ...

Сюсюткинъ. Удивляюсь, какъ вы не можете понять...

Татьяна. Довольно. Все поняла. Дурой одной больше и подлецомъ однимъ больше. Квитъ мы съ вами, господинъ Сюсюткинъ. — Что-же вы смотрите такъ на меня?.. Слезъ моихъ ждете?.. Ждете, чтобы сердце у меня разорвалось на вашихъ глазахъ? Чтобы я руки ломала передъ вами, пощады-бы просила? (Сквозь рыданія). Не дождетесь, Никаноръ Николаичъ... У Кремешова этой пощады не просила, а у васъ и давно не буду: все-жъ таки онъ Кремешовъ, а не... Сюсюткинъ! (Уходитъ; Окаянскій почтительно провожаетъ ее, затѣмъ возвращается).

Сюсюткинъ (насильственно хохочетъ). Ха, ха, ха, вотъ такъ развязка романа!

Окаянскій (угрюмо). Большой, однако-же, мерзавецъ вы, Никаноръ Николаичъ.

Сюсюткинъ (опѣшенный). То есть, какже это... Разумѣется, mon cher, это шутка, но согласись...

Окаянскій. Шутка? (Подумавъ) Да, ты правъ, mon cher, дѣй-

ствительно, шутка. Добра нѣтъ, зла нѣтъ, есть—чрево, требующее пици и есть смѣхъ, пищеваренію способствующій... Будемъ же смѣяться.—А ловко она тебя отдѣлала, ха, ха, ха!

С ю с ю т к и н ъ (насильственно). Ха, ха, ха... (Появляется Тишка).

ЯВЛЕНИЕ VI.

С ю с ю т к и н ъ, Окаянскій и Тишка.

Т и ш к а (оретъ). Многая лѣта, господамъ чиновникамъ, многая лѣта!..

С ю с ю т к и н ъ. Это еще что! Вонь!.. Да гдѣ-же это Вуколка дѣлса.. Вонь, тебѣ говорят!

Т и ш к а. Стой! Не смѣй! Я пророкъ!.. Какъ ты смѣешь супротивъ пророка...

С ю с ю т к и н ъ (топаетъ ногами). Вонь, мерзавецъ!.. Въ острогъ тебя отправлю... Полицію позову!

Т и ш к а. Гнида! Блоха! Молчать!.. Какой такой у тебя притонъ, чтобъ купеческихъ женъ приманивать!.. Какія такія права!..

С ю с ю т к и н ъ (бѣжитъ въ переднюю). Вуколка! Эй, кто тамъ!.. Городоваго позвать! Квартальнаго!...

Т и ш к а. Не хорохорься, уйду, чортъ съ тобой... Погоди, дай Софрошкѣ сказать—изотретъ онъ тебя въ табакъ нюхательный... Ахъ, песь голоштаный!.. Ахъ, ерникъ!.. (Окаянскому) Позвольте, господинъ, на косушку пророку Тихону.

О к а я н с к і й. Бери, бери, да ужъ не болтай, пожалуйста, лишняго!

Т и ш к а. Не смѣй! Не говори, — облаю!.. И на гривенникъ твой наплюю... Да убоятся людіе... И да восплачутъ... И да возсыпятъ пепломъ главы своя...—А за ваше здоровье выпьемъ. (Удаляется и поетъ): Многая лѣта, господину чиновнику, многая лѣта.

О к а я н с к і й. Эге, надо, однако, убираться изъ этой мурьи: либо подлець слопаешь, либо дуракъ проглотить.

~~Занавѣсъ.~~

Дѣйствіе пятое.

~~ТИШКА~~

Кремешовъ.

Татьяна.

Маша Лукутина.

Ховринъ.

Дунаева, Анфиса Егоровна, купчиха.

Карякина, Ольга Васильевна, тоже.

Горничная.

Тишка—за сценой.

Сцена третьяго дѣйствія. Горятъ свѣчи.

ЯВЛЕНИЕ I.

Кремешовъ и Ховринъ — сидятъ у стола.

Кремешовъ. Значить, въ расчетѣ, Онисимъ Варееломеичъ. Ховринъ (прячетъ бумажникъ). Погоди, вотъ дома сочтутъ, тогда и скажу въ расчетѣ. Да ты балычку мнѣ пришли фунтика три: смерть я люблю этотъ балыкъ.

Кремешовъ. За этимъ не стоимъ.

Ховринъ. Что это ты воротился-то безо время? Аль дѣла какія объявились?

Кремешовъ. Да кой что по домашности нужно было уладить. А тутъ въ Ростовъ приходится ѣхать.

Ховринъ. Ну, такъ. Я вѣдь говорилъ, что по домашности. Экій народъ!

Кремешовъ. А что?

Ховринъ. Какже! Сижу я нонѣ въ лавкѣ у Дунаева—такъ какой толкъ поднялся. И жена-то отъ тебя сбѣжала, и двадцать-тыщъ-то съ собой унесла!

Кремешовъ (наильственно смѣется). Хе, хе, хе, что касается въ разсужденіи сметень, такъ я къ нимъ довольно равнодушень.

Ховринъ. Таеъ-то оно такъ, но и на чужой ротокъ не навнешь платокъ. А нонѣ бабы эдакую волю забрали—и не говорилъ-бы, такъ скажешь.

Кремешовъ. Есть всякія. Другимъ до поры до времени отчего не дать воли; возжи всегда въ рукахъ: ослабнуть — подтянуть.

Ховринъ. Ну, братъ, иная на слабыхъ-то возжахъ десять разъ успѣетъ въ трясинѣ побывать... Поди, ее вытягивай оттуда!

Кремешовъ. Обыкновенно—посторонніе пристануть—не вытянешь. У насъ вѣдь всякій радъ радостью потопить челоуѣка. Иной и самъ-то петли достоинъ, но посмотришь на него—по совершенно другому обороту поступаетъ.

Ховринъ. Н-да, на это насъ взять. — Слыхаль про Перцова?

Кремешовъ. Ничего не слышалъ.

Ховринъ. Эка, мошенникъ! Эка, мазурикъ! Что онъ обработалъ такое, такъ это даже уму непостижимо... (Входитъ Маша Лукутина).

ЯВЛЕНИЕ II.

Кремешовъ, Ховринъ и Маша.

Маша. Можно войти? Дома Татьяна Гавриловна?

Кремешовъ. Татьяна-то дома, да хвораетъ. Пожалуйте,

однако, очень рады. Какъ папенька съ маменькой, все-ли въ здорovy?

Маша. Благодарю васъ. Такъ я пройду къ ней.

Кремешовъ. Сдѣлайте такое одолженіе. (Маша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Кремешовъ и Ховринъ.

Ховринъ. Лукутина, чтоль?

Кремешовъ. Она.

Ховринъ (съ ироніей) Курсистка!

Кремешовъ. Вотъ ты говорилъ — волю даютъ. Вотъ она гдѣ воляница-то. А! дѣвка! одна!.. въ Питерѣ! Да вѣдь это ума надо рѣшиться, чтобъ подобно такъ разслабѣть, какъ Варламъ Кириллычъ!

Ховринъ. Пороть! Единственный оборотъ пороть!.. Ну-ка, проводи ты меня, не равно—споткнуся.

Кремешовъ. Пойдемъ... Какъ, бишь, тебя Евдокимъ Данилычъ-то величаетъ? — Слѣпецъ разслабленный... — Пойдемъ, провожу тебя. Кстати, и самому замки на амбарахъ осмотрѣть. Такъ что ты хотѣлъ рассказать...

Ховринъ. Про Харламку-то?.. Вотъ мошенникъ! Вотъ Христо-продавецъ!.. Погоди я тебѣ расскажу дорогой. (Уходитъ),

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входятъ Маша и Татьяна.

Маша. Ну, голубушка, совсѣмъ вы измѣнились.

Татьяна. Что, не похожа на твой идеаль?.. Ахъ, да что, скучно все о болѣзняхъ говорить. Ну, больна и все тутъ. Скажи чтонибудь! Говори о чемънибудь!

Маша. О чемъ говорить-то? Да! Представьте себѣ, какая мнѣ радость. Есть у меня одна знакомая на курсахъ, и ужасно бѣд ая она. Такая бѣдная, что, положительно, ей съ курсовъ приходилось уходить. И вдругъ получаю сегодня письмо — стипендію она достала отъ одной богатой дѣвушки. Совершенно неожиданно. Какъ-же я рада за нее!

Татьяна. Чудная ты! А даръ-то этотъ ей легко будетъ взять?

Маша. Легко не легко, но всежь-таки курсы-то она кончить.

Татьяна. А курсы-то кончивши—на паперть?

Маша. Какъ это на паперть!

Татьяна. Очень просто—подаваніе собирать.

Маша. Ахъ, какія вы ужасныя вещи говорите. Да и неправдоподобныя!

Татьяна. А если не на паперть, такъ хуже. Поступить она учительницей куда-нибудь. Люди-то кругомъ чужіе, жизнь-то сѣренькая, ребятишки-то противные.. Ну, тутъ и найдется какойнибудь... честный человекъ. Охъ, и покажетъ онъ ей дорогу!.. И свѣтъ-то впереди, и счастье-то, и доля-то богатая... А къ чему дѣло придетъ—лучше-бы на паперти ей стоять.

Маша. Вотъ какія мрачныя вещи вы говорите. А помните, сами-же утверждали—добрыхъ людей больше, чѣмъ злыхъ.

Татьяна. Дура была... Кругомъ—подлецы, кругомъ—черные люди.

Маша. Неправда. Есть такіе люди—молиться имъ слѣдуетъ.

Татьяна. Нѣтъ такихъ людей.

Маша. Есть, есть... Сама о такихъ читала.. Сама знаю... Все для другихъ, а себѣ—нищета, участь горькая, заботы...

Татьяна. На языкѣ.

Маша. Ахъ, какая неправда! Да имѣете-ли вы право говорить-то такъ!.. Что вы видѣли?.. Гдѣ вы жили!..

Татьяна. Я то что видѣла?.. Ахъ, рассказать-бы тебѣ, что я видѣла. Ты думаешь, у меня мечтаній не было?.. Думаешь—надеждъ не было, замковъ воздушныхъ?.. Были, были, Маруся, да какіе были-то!—Золотые, волшебные, точно птицы райскія... А вотъ людямъ-то стало завидно, они и вспугнули ихъ и забрызгали грязью.

Маша. Голубушка, что съ вами?.. Да у васъ горе какое-то... Ахъ, я недогадливая, недогадливая... (Татьяна плачетъ). Милая моя! А ну-ка, давайте его сюда это горе... Давайте-ка мы его размыкаемъ... Можетъ оно и совсѣмъ, совсѣмъ маленькое!

Татьяна (рыдаетъ). Маленькое, Маня, маленькое!.. Охъ, дѣвушка милая, какъ-же мнѣ тяжело... Какъ-же сердце-то у меня ноетъ, еслибъ ты знала...

Маша. Господи, да что-же случилось такое? (Понижая голосъ). Софронъ Никитичъ узналъ? Съ Никаноромъ Николайчемъ поссорились?

Татьяна. Не говори о немъ. Молчи. Ненавижу я этого человека.

Маша. Вотъ не понимаю-то я васъ. Значить, онъ... нехорошимъ оказался?

Татьяна. Очень нехорошимъ.

Маша. Нечестнымъ?

Татьяна. Совсѣмъ, совсѣмъ нечестнымъ.

Маша. Вотъ вамъ!.. Да плюньте на него... Давайте-ка встряхнемся съ вами. Вотъ погодите—я къ вамъ, ей-богу, совсѣмъ пе-

реберусь. Наберу съ собой книгъ... Будемъ читать.. Будемъ разсуждать съ вами...

Татьяна. Да, да... Надо встряхнуться, надо... Щебечи, моя малиновка, щебечи... Легче мнѣ съ тобой... Дышется мнѣ вольнѣй... И въ самомъ дѣлѣ, семь-ка я займусь... Что это я дурь-то напустила... Читай мнѣ, Маруся, читай. Я все, все пойму. А чего не пойму, ты Расскажи мнѣ, растолкуй... Я вѣдь живая, я сообразительная была дѣвчонкой. Чтожь, можетъ и пойдетъ на ладъ наше дѣло. Только, знаешь, съ чего мы начнемъ—съ Анны Карениной. Вотъ ужъ книжку-то я люблю! Вотъ ужъ уважаю-то я эту Анну Каренину!

Маша. Ну, хорошо—съ нея начнемъ.—Вотъ только, голубушка, Софронъ-то вашъ Никитичъ какъ... Не разгонитъ онъ насъ съ книжками-то?...

Татьяна. Постой!.. Что ты сказала!.. Что ты мнѣ напоминала... Маруся! Да неужто не проститъ онъ меня?.. Господи, да вѣдь я удушусь тогда... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не такой... Вѣдь вотъ узналъ-же онъ, а не билъ меня, не ударилъ... Неправда-ли, Маруся, онъ добрый?.. Не надо смотрѣть на него, что онъ такой угрюмый...

Маша. Но сами-же вы говорили...

Татьяна. Охъ, да не вѣрь ты мнѣ.. Безумная я была, гордая... Сама я кругомъ виноватая... И знаешь что—я ему все открою... все, все... Какъ полюбила, какъ обманывала его, лгала, притворялась, какъ бѣжать отъ него собиралась... Дѣвушка милая! вѣдь проститъ онъ меня? проститъ?.. Не могу я... душить меня... Какъ я, обманщица, въ домъ-то его останусь?.. Какъ я въ глаза-то ему стану глядѣть?.. Куда мнѣ дѣться-то отъ него, совѣсть-то свою гдѣ схоронить?.. Вѣдь ты знаешь... — ахъ, да ничего-то ты не знаешь!—вѣдь меня выгналъ Никаноръ Николаичъ...

Маша (вскакивая). Да не можетъ быть такой подлости! (Въ передней голоса: «*Дома Татьяна Гавриловна? Можно къ вамъ, Татьяна Гавриловна?*» Татьяна быстро оправляется и послѣ минутнаго молчанія идетъ къ дверямъ и говоритъ: «*Пожалуйте!*» — Входятъ Дунаева и Карякина).

ЯВЛЕНИЕ V.

Татьяна, Маша, Дунаева и Карякина.

Карякина. По пути къ намъ забрели. Здравствуйте, Татьяна Гавриловна! (Цѣлуются) Ахъ, и Марья Варламовна!.. Ученая-то наша! Здравствуйте, Марья Варламовна! (Подаютъ другъ другу руки).

Дунаева. Здравствуйте, голубушка! (Цѣлуется съ Татьяной)

Марья Варламовна! Какъ поживаете! Какъ мамаша, здорова-ли? Давно я ее не видала... (Здоровается за руку. Татьяна:) А мы ужь думаемъ: что-й-то не видно нашей Татьяны Гавриловны! Была, говорятъ, въ клубѣ намедни, да и провалилась съ той поры...

Карякина. Да что она въ клубъ-то была. Я и глазкомъ не успѣла на нее полюбоваться.

Татьяна. Садитесь, садитесь, пожалуйста. Очень рада...

Дунаева. Мы на минуточку къ вамъ. Только узнать, здорова-ли вы. Мнѣ ужь и то вчера мужъ говоритъ: «Чтой-то Татьяна Гавриловна будто нездорова». — Ахъ, ахъ, думаю, какъ-же это я не провѣдаю... Какъ это я не разузнаю!..

Татьяна. Нѣтъ, я здорова.

Карякина. Здоровье пуще всего. А вотъ глазъ-то изъ дома не кажете, это ужь плохо. Нехорошо знакомыхъ забывать, не хорошо!

Татьяна. Дѣла были кой-какія. А-то вотъ съ Марьей Варламовной сидимъ...

Дунаева. Чего лучше съ молодымъ человѣкомъ! Чего пріятивѣ!

Карякина (Машѣ). А не скучаете, барышня, по Питеру то?.. Мы, поди, теперь какія неинтересныя для васъ.

Маша. Интересъ вездѣ есть. Когда-же мнѣ скучать-то? Я отдыхаю здѣсь.

Дунаева (лукаво). Охъ, знаемъ мы ваши отдыхи! Знаемъ мы ваши побѣды!

Маша. Какія побѣды? Вотъ ужь не понимаю то я васъ.

Карякина. Что-же, — живой о живомъ думаетъ. На то вѣдь она и невѣста у насъ. Да невѣста-то какая — ученая!

Татьяна. Вотъ, Маруся, скрытная ты какая. Я и не подозрѣвала.

Маша. Да право-же я не понимаю ..

Дунаева. Ну, ужь, рассказывайте! Весь городъ понимаетъ, а вы не понимаете... Намедни ужь и мамаша ваша, — была я у всеобщей, а она и начни спрашивать: да знаю-ли я его, да сколько жалованья получаетъ, да каковъ человѣкъ... Господи, думаю, да развѣ влѣзешь всякому въ душу!.. Знаю, что любезный кавалеръ, а больше чего-жъ я знаю.

Маша. Да кто-же это такой?

Карякина. Охъ, все-то нонче на тонкостяхъ, все-то на хитростяхъ... Какъ это вы, Марья Варламовна, отъ обычаетъ-то отъ нашихъ отвыкли. Да развѣ-же у насъ что скроется? У насъ въ землю-то какой человѣкъ зароеется — и того разслѣдуютъ.

Дунаева. Да и странно было-бы. Молодая дѣвушка, невѣста, что-жь тутъ необыкновеннаго?

Татьяна. Конечно, Маруся, давай тебѣ Богъ хорошаго человека. Я только не понимаю, чего ты такая неоткровенная.

Маша. Да скажите-же ради Бога, кто этотъ мой женихъ?

Карякина. Ахъ, вы какая!.. Ну, погодите, я напомню вамъ... Помните вашу перчатку-то въ клубѣ поцѣловалъ?.. Помните—увидался-то вокругъ васъ?.. И хотя вы довольно съ нимъ нелюбезны, но ужъ этого вѣдь не скроешь.

Маша (краснѣетъ). Ахъ, вы вотъ про что...

Татьяна. Вотъ видишь!.. Ну, кто-же? Ну, скажи!

Маша (въ смущеніи). Нѣтъ, этого нельзя сказать... Ради Бога, не спрашивайте...

Татьяна. Отчего-же нельзя? Такая-то ты, Маня!

Маша. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не спрашивайте. Это совсѣмъ пустяки... Или лучше вотъ что: я вамъ послѣ скажу, одной... скажу...

Татьяна (сухо). Какъ хочешь. (Дунаевой). Что ваша дочка, Анфиса Егоровна?

Дунаева. Ничего, теперь оправилась. Кашель все душилъ.

Татьяна. Экій этотъ кашель. (Карякиной) Какою на васъ миленькій джерси, Ольга Васильевна. Это изъ Москвы? дорого?

Карякина. Не правда-ли, очень мило? И совсѣмъ не дорого: мять съ четвертакомъ. Да еще что, за пять-то съ четвертакомъ: два аршина креплицу прикли.

Татьяна. Скажите!.. (Входитъ горничная).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Татьяна, Маша, Дунаева, Карякина и горничная.

Горничная. За Лукутиной барышней лошадь прислали. Скорѣй велѣли.

Маша (встаетъ). Ахъ, это мамаша ждетъ меня. Надо бѣлье съ ней укладывать.

Карякина (сѣтается). Въ приданое?

Маша. Какое тамъ приданое—въ Петербургъ готовлюсь. Прощайте, Анфиса Егоровна. Прощайте Ольга Васильевна. Ну, до свиданья, Татьяна Гавриловна, завтра въ вамъ прямо съ постели прибѣгу.

Татьяна (сухо). До свиданья.

Маша (въ сторону). Господи, какъ-же мнѣ разъяснить ей эту глупую исторію! (Громко Татьянѣ) Ахъ, подите сюда, голубушка... Мнѣ вамъ словечко одно сказать нужно. (Карякиной и Дунаевой). Извините пожалуйста!

Дунаева. Сдѣлайте такое ваше одолженіе.

Карякина. Сколько угодно.

Маша (увлекаетъ Татьяну къ аванъ сценѣ). Голубушка, не распрашивайте!

Татьяна. Да про что это? Про жениха-то вашего?.. Мнѣ это вовсе и не интересно.

Маша. Ахъ, зачѣмъ вы такъ говорите... Господи, нужно-же этимъ трещоткамъ!.. Ну, понимаете, послѣ я все, все сама вамъ расскажу... Это, видите-ли, такой глупый случай, такой глупый... И ужь совершенно незначительный...

Горничная. Они поскорѣй велѣли. Скажи, говорятъ, барышнѣ, чтобъ какъ ни можно скорѣй.

Маша. Иду, иду. (Татьянѣ торопливо) Ну-же, милая! Ну-же, хороша!.. Безъ меня вамъ Богъ знаетъ какъ расскажутъ... Ахъ, какъ я боюсь, чтобъ насъ не поссорили!

Татьяна (медленно). За что-же намъ ссориться?

Горничная. Они велѣли...

Маша. Сейчасъ, сейчасъ... (Быстро уходитъ вѣстѣ съ горничной).

Татьяна (въ сторону). Что-же это такое?.. Для чего-же это скрывается-то она отъ меня?.. Ахъ, видно нѣтъ въ людяхъ правды!.. Ссориться!.. За что-же намъ ссориться?.. Неужели... (Возвращается къ столу).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Татьяна, Дунаева и Карякина.

Дунаева. Какова!.. Вотъ ужь нынче барышни-то замисловаты... Воды не замутишь!

Карякина. Да ужь нечего!.. Сухая изъ воды выгѣзеть... Я только одного не понимаю? чего тутъ скрывается? Ну, женихъ—и женихъ. Чего фокусы-то выкидывать? Не отымутъ у ней сокровище-то, я думаю.

Татьяна (слабо). Да кто... это?

Дунаева. Господи, да развѣ вы не знаете?

Карякина. Весь городъ знаетъ. Какже! А Никаноръ Николаичъ Сюсюткинъ... Какъ это вы не знаете? Это уже не секретъ.

Дунаева? А мы думали, какъ вы очень близки съ Марьей Варламовной, такъ даже способствовали этому, сосватали ихъ...

Татьяна. Ахъ, онъ!.. (Закрываетъ рукою лицо) Онъ... Такъ вотъ оно что... Вотъ гдѣ разгадка-то...

Карякина. Боже мой! да съ вами дурно... (Бросается къ ней).

Дунаева (бѣжитъ къ дверямъ). Воды! воды!

Татьяна. Не надо... Прошу васъ... Это такъ у меня... слабость какая-то... (Входитъ Кремешовъ) А вотъ и Софронъ Никитичъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Татьяна, Дунаева, Карякина и Кремешовъ.

Кремешовъ. Мое низайшее! Анфисѣ Егоровнѣ! Ольгѣ Васильевнѣ! Все-ли въ добромъ здоровьи?

Карякина. Здравствуйте, Софронъ Никитичъ. Вотъ супругу вашу зашли провѣдать. Засидѣлась у васъ, захозяничалась.

Дунаева. Да, это неппростительно Татьянѣ Гавриловнѣ. Ишь вѣдь какая она у васъ блѣдная, Софронъ Никитичъ.

Кремешовъ. Татьяна-то? Ничего, пушай ее посидить. Она это любитъ, чтобъ въ уединеніи, напимѣрь. Пушай грѣхи отмаливаетъ (Татьянѣ грубо). Ты что-жь, просила гостей чаемъ-то?

Татьяна. Чаю не хотите-ли? Я сейчасъ приважу.

Карякина. Нѣтъ, нѣтъ, не беспокойтесь, пожалуйста.

Дунаева. Мы на минуточку.

Кремешовъ. Чего тамъ, сымали-бы шляпки-то. (Дунаевой). Небось, Василій Сергѣичъ не пошлетъ васъ разыскивать,—по клубамъ не пляется... не якшаетесь со всякой сволочью...

Татьяна. Софронъ Никитичъ!

Кремешовъ (злобно). -Ай не любишь? Аль хромаешь на пятку-то на эту? Хе, хе, хе...

Дунаева. А отчего-же и въ клубъ не провѣхать иногда. Я даже довольно часто тамъ бываю.

Карякина. Хотъ на людей-то посмотрѣть, какъ веселятся.

Кремешовъ. Но, во всякомъ разѣ, не гоняетесь по саду... Въ полночь, напимѣрь?

Карякина. Ахъ, что это вы, Софронъ Никитичъ?

Татьяна. Софронъ Никитичъ!

Кремешовъ. А ежели такое ваше поведеніе, отчего-же вамъ и не побывать въ клубѣ.

Дунаева. Я думаю, у всѣхъ поведеніе въ одинаковой степени.

Кремешовъ. Не совѣмъ-съ. Есть нѣкоторыя жены, которыя такъ себѣ воображаютъ, что онѣ на одномъ положеніи съ арфистами. Арфисты бываютъ которыя... Да вы сымайте шляпки-то! (Татьянѣ) Чего-же гостей-то не просите, Татьяна Гавриловна!

Татьяна. Ахъ, оставайтесь пожалуйста!.. Я очень буду рада.

Кремешовъ. Оставайтесь. По крайности, на житье на согласное насмотритесь... Татьяна у меня забавница,—она вотъ, вамъ рассказы антиресные расскажетъ, разные романы женскіе..

Какъ нѣкоторыя жены мужевъ проманываютъ, напримѣръ... Какія по эфтимъ дѣламъ сноровки въ ходъ пуцаютъ...

Татьяна (встаетъ). Извините меня, пожалуйста... Мнѣ не можется... Извините! (Уходитъ).

Кремешовъ. Куда-же это вы, сударыня?.. Оставайтесь... Не обезсудьте компанію. (Грозно) Татьяна! (Идетъ за ней, гости встаютъ).

Дунаева. Нѣтъ, ужъ прощайте, Софронъ Никитичъ.

Барякина. Давно намъ пора. Покойной ночи.

Кремешовъ. Да куда же вы? Вы, можетъ, насчетъ Татьяны сумѣбаетесь,—такъ это въ семейномъ быту обыкновенное дѣло, сами знаете... Вотъ, погодите, мы въ моментъ сдѣлаемъ распоряженіе. Татьяна!

Барякина и Дунаева (вмѣстѣ). Мы, конечно, понимаемъ... вездѣ это бываетъ... и у насъ бываетъ... Только вы, пожалуйста, не держите насъ... Мы и такъ ужасно засидѣлись... Лучше въ другое время... И вы ужъ не беспокойте Татьяну Гавриловну...

Кремешовъ. Ну, прощенья просимъ. (Уходитъ. Кремешовъ провозжаетъ ихъ и затѣмъ возвращается).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кремешовъ одинъ, послѣ Татьяна.

Кремешовъ. Душа-то у меня кипитъ... Татьяна!.. Не я тебѣ говорю?.. Татьяна! (Татьяна выходитъ).

Татьяна. Что вамъ нужно отъ меня?

Кремешевъ. Ты кому отвѣчаешь, а? Я тебѣ кто?.. Говори, кто я тебѣ?..

Татьяна. Долго-ли вы помыкать мною будете?..

Кремешовъ. А! помыкать!.. Долго-ль я помыкать тобой буду!.. А ты мной не помыкала!.. Ты не помыкала мной, по клубамъ-то тутъ шаталась съ Никаноркой... Убью!

Татьяна. Бейте! (Подходитъ къ нему). Ну, бейте... подымайте ваши кулаки, вотъ она я. Некому за меня заступиться... Въ цѣломъ свѣтѣ некому... Что-жь, бейте!..

Кремешовъ (плюетъ и отходить отъ Татьяны). У, сатанинское отродье! (Уходитъ; Татьяна садится и склоняетъ голову на руки. Кремешовъ возвращается въ пальто и въ картузъ; въ рукахъ зонтикъ). Ты! я въ клубъ иду! Слышишь?.. А тебя замыкаю. Ты это слышишь аль нѣтъ?—Замыкаю тебя. И деньги вотъ съ собой уношу, гляди. (Вынимаетъ и показываетъ ей бумажникъ). Нѣтъ тебѣ моего довѣрія, подлой твари! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Татьяна одна.

Татьяна Говорить очень медленно, съ большими перерывами). Ушелъ... всѣ ушли... Какъ тихо...—Ахъ, какая тоска!.. Господи, что-же это они со мной сдѣлали.. Да на что-же это они душу-то мою, душу-то вынули?.. Да чѣмъ-же я провинилась-то передъ ними?.. Брошенная... Оплеванная... Ненужная... Ахъ, темно-то кругомъ меня, ахъ, холодно-то... Что-же это за безлюдье такое, что это за жизнь-то безжалостная...—И куда ни погляди, вездѣ-то одинъ ужасъ?.. Тамъ предатели, тамъ души холодныя, тамъ лицемѣры, лгуны, фарисеи... Вотъ, говорятъ, свѣтъ не клиномъ сошелся,— вотъ ужъ клиномъ-то, вотъ ужъ тѣснота-то въ немъ!... (Подумавъ).. Ну, что-жь! Ну, и ладно... Эхъ, Танюшка, Танюшка, отжились мы съ тобой на бѣломъ свѣтѣ!.. Куда-же мечты-то наши разлетѣлись?.. Думы-то наши, сны-то волшебные... Точно дѣтки шаловливыя разбѣжались... попрятались!... Да, пора честь знать,—пора, гостямъ со двора. (Послѣ продолжительнаго молчанія) Постой, постой... дайкосъ я подумаю... дайкосъ я мыслями раскину... Ахъ, страшно умирать, ахъ, страшно!..—Ну, хорошо... Ну, не стану я... Что-же мнѣ дѣлать?.. Ахъ, да скажи-же кто-нибудь, что мнѣ дѣлать!.. Что мнѣ съ мыслями моими дѣлать?.. Куда мнѣ дѣваться-то отъ нихъ... куда мнѣ головушку-то свою побѣдную скоронить?.. Друзья-то мои гдѣ... Гдѣ мои заступники-то милые... радѣтели-то мои?.. Спасите меня!.. Возьмите меня отсюда, безумную!.. Вѣдь человѣкъ, живой человѣкъ погибаетъ!.. (Рыдаетъ; тише, тише, наконецъ замолкаетъ). Вотъ ужъ малодушная-то я! А чего малодушничать... взялъ, нажалъ замочикъ и поминай какъ звали, и прости-прощай Татьяна Гавриловна...—Гдѣ-же это онъ пистолетъ свой дѣлъ?.. Ужъ не спрятали-ли, чего добраго? (Уходитъ и возвращается съ револьверомъ въ рукахъ). И заряженъ. Какъ все равно зналъ Софронъ Никитичъ. Должно быть въ Астрахань возилъ съ собою. (Задумывается). А вѣдь ктонибудь и обо мнѣ пожалѣетъ... Молва-то, молва-то пойдетъ по народу! Вотъ, скажутъ, купчиха-то что надъ собой надѣлала,—руки наложила... И съ чего ей, скажутъ, наложить?—Молодая, красивая да богатая... Да, съ чего-бы наложить?—Охъ, какъ-же мнѣ душно! Какъ-же мнѣ тѣсно здѣсь! (Подходить къ окну и раскрываетъ его). У, какое небо-то глубокое!.. Тишина-то!.. Запахъ-то какой благодатный!.. (Съ улицы доносится пьяный голосъ Тишки: *«Восседомъ Господь на Сионъ и со ангелы тьмы темъ и со архангелы... Стой! Ты что такой есть за человѣкъ?.. А! Софрошкина жена!.. Барыня съ перехватомъ, попиралася ухватомъ... Понимаемъ! Какъ-*

же ты, Софрошкина жена, по чиновникамъ шатаешься отъ мужа а?.. И какія такія права, чтобъ шататься тебѣ по чиновникамъ!.. Ты думаешь отъ Тихона устроишься, а? Нѣ-ѣ-эть, вре-е-ешь... Не устроишься... Я пророкъ... можешь ты это понимать?.. И какъ ты осмѣлилась супротивъ пророка, напримѣръ?..).

Татьяна. Вотъ она, молва-то!.. Спасибо вамъ, люди... каменные, безжалостные!.. Да будь-же вы прокляты, палачи! (Быстро приставляетъ револьверъ къ виску; раздается выстрѣлъ и короткий вопль. Тишка за окномъ оретъ:» Караулъ! Грабятъ! Бунтъ!..).

Занавѣсъ.

А. Эртель.

ПОЭТУ.

О, наскучили мнѣ нашихъ суетныхъ дней
Деревянная хрипкая лира,
Муза вѣка съ пустой шансонеткой своей,
Дудка мелкой, дешевой сатиры!

О, наскучили мнѣ нашей жизни пустой
Стукъ машинный и грохотъ чугунный!
Гдѣ-же ты, вдохновенный пѣвецъ молодой?
Гдѣ-жъ ты съ лирой своей златострунной?

Если живъ ты и призванъ отъ Бога, — скорѣй
Выходи-же на торжище жизни,
Грянь могучими звуками пѣсни своей,
Чтобъ она пронеслась по отчизнѣ...

Если кроешь ты искру святого огня
Въ чистомъ сердцѣ, то, смѣлый, могучій,
Выходи, ни предъ кѣмъ головы не клони,
И разбрасывай громы созвучій...

Но въ роскошный чертогъ золотого тельца
Къ сильнымъ міра, пѣвецъ, не ходи ты,
И ногою своею не коснись ихъ крыльца:
Тамъ и души — изъ мрамора плиты...

Не позорь ты священную лиру свою,
Пошлой приходи ихъ угождай!...
Ихъ вина не глотай огневую струю,
Что сверкаетъ въ бокалахъ, играя!..

Не кури фиміамъ предъ кумиромъ златымъ,
Не садись за роскошное брашно...
Не торгуй, какъ Исавъ, первородствомъ святымъ...
Тамъ трапеза отравлена страшно...

Тамъ, применувши къ толпѣ раболѣпныхъ льстецовъ,
Ты огонь потеряешь священный,

И уснешь ты отравленный, въ сонѣ рабовъ,
 Самъ рабомъ этой роскоши тлѣнной...
 Тамъ фальшивый аккордъ рабской пѣсни твоей
 И замретъ, и въ забвеніе канетъ,
 А вѣнецъ изъ тепличныхъ лавровыхъ вѣтвей
 На главѣ твоей быстро завянетъ...
 Нѣтъ, иди ты со звонкою лирой туда,
 Гдѣ дымятся народныя хаты,
 Гдѣ возносятъ молитвы и трудъ и нужда,
 Гдѣ лишены живутъ и утраты...
 Гдѣ и жизнь настоящая бурнымъ ключомъ
 Бьетъ и искрится пѣной страданья,
 Гдѣ любовь и вражда ярко брызжутъ огнемъ,
 Гдѣ на Бога свѣтлы упованья...
 Тамъ ударь ты по звонкимъ, пѣвучимъ струнамъ,
 И по всѣмъ далекимъ и селамъ
 Разольется та пѣсня, подобно волнамъ,
 Грянетъ Божиимъ свѣтлымъ глаголомъ...
 Сильныхъ міра твердыни, быть можетъ, отъ ней
 Задрожать, а убогій и сирый
 Тамъ отрадныя слезы прольютъ изъ очей
 Передъ вѣщей пророческой лирой!..
 Если-жъ пѣсню твою шумъ суетъ мелочной
 Заглушить средь обычнаго вздора,—
 О, пѣвецъ, уходи на просторъ полевой,
 Въ дебри тихаго, темнаго бора.
 Тамъ ты пѣсню пропой... Пусть никто изъ людей
 Не услышитъ твой зовъ вдохновенный:
 Вольный вѣтеръ, подслушавъ его изъ вѣтвей,
 Твой напѣвъ разнесетъ по вселенной.

Л. Пальминъ.

ВОЖДЬ.

Разсказъ Генриха Сенкевича.

Въ городѣ Сайгѣ, расположенномъ надъ рѣкой того-же наименованія, всѣ жители торопились въ циркъ. Любопытство обывателей тѣмъ болѣе было возбуждено, что въ этой мѣстности группа наѣздницъ и канатныхъ плясунуовъ появилась въ первый разъ. Городъ былъ вновь построенный. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь не было ни одного европейскаго жилья. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Сайга, былъ индѣйскій станъ — Хявата, столица Черныхъ Ужей, давшихъ знать себя нѣмецкимъ эмигрантамъ. Долго европейцы не могли осилить дикихъ. Индѣйцы защищали свою территорію, признанную за ними правительствомъ Техаса. Но никакіе трактаты не могли удержать европейскихъ цивилизаторовъ. Несомнѣнно, что отнимая у Черныхъ Ужей землю, воду и воздухъ, они считали себя чуть не благодѣтелями, за что, въ свою очередь, краснокожіе не оставались въ долгу у европейцевъ, усердно ихъ скальпируя. Такое положеніе вещей долго существовать не могло. Бѣлые собрались, въ одну прекрасную лунную ночь, въ числѣ четырехсотъ человекъ и, призвавши къ себѣ на помощь мексиканцевъ, напали на спящую Хявату. Триумфъ былъ полный: Хявата сожжена до основанія, а жители ея, безъ различія пола и возраста, вырѣзаны. Случайно спасся только, вышедшій въ это время на охоту, маленькій отрядъ. Въ станѣ не уцѣлѣлъ никто. Онъ былъ расположенъ на полуостровѣ, и это послужило причиной гибели всего населенія, захваченнаго въ расплохъ. Въ скоромъ времени на мѣстѣ стана дикихъ краснокожихъ выросла цивилизованная Сайга. Черезъ пять лѣтъ въ ней насчитывали уже пять тысячъ жите-

лей. На шестой годъ, неподалеку были открыты серебряные рудники, и населеніе города удвоилось. На седьмой годъ, по закону Линча, повѣшены были среди городской площади девятнадцать Черныхъ Ужей, пойманныхъ въ близлежащемъ «лѣсу мертвыхъ». Съ тѣхъ поръ уже ничто не мѣшало промышленному и научному развитію Сайги. Въ городѣ издавались три газеты. Желѣзная дорога соединяла его съ рѣками Рио-дель-Норте и св. Антонія. Нѣсколько школъ и богоугодныхъ заведеній, воздвигнутыхъ на той самой площади, гдѣ были повѣшены послѣдніе Черные Ужи, украшали городъ. Каждое воскресенье пасторы по церквамъ читали громкія проповѣди о любви къ ближнимъ, уваженіи чужой собственности и другихъ добродѣтеляхъ цивилизованнаго общества; какой-то ученый, бывшій проѣздомъ въ Сайгѣ, прочиталъ даже, при многочисленномъ стеченіи публики, цѣлую лекцію по одному изъ вопросовъ политической экономіи. Болѣе зажиточные обыватели толковали о необходимости открытія въ ихъ городѣ университета, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, должно было имъ помочь и правительство.

Торговля ртутью, апельсинами, ячменемъ и виномъ приносила большую прибыль гражданамъ. Жилось имъ хорошо и это были люди честные, дородные. Если-бы кто въ послѣднее время пріѣхалъ въ Сайгу, тотъ не узналъ-бы въ богатыхъ, разжирѣвшихъ купцахъ тѣхъ самыхъ грубыхъ завоевателей, которые пятнадцать лѣтъ тому назадъ разорили Хявату. День проходилъ у нихъ незамѣтно, въ хлопотахъ и бѣготнѣ по лавкамъ, подваламъ, мастерскимъ, конторамъ; вечера проводились въ погребкѣ «Подъ золотымъ солнцемъ». Слушая неторопливые флегматичные возгласы, звонъ кружекъ и бутылокъ, шумъ и плескъ пролитой на полъ пивной пѣны, видя это спокойствіе, неторопливость, эти заплывшія жиромъ лица, рыбы глаза,— можно было подумать, что находишься въ какой либо пивной Берлина или Мюнхена, а не на пепелищѣ Хяваты.

Въ этотъ вечеръ всѣ торопились въ циркъ, во первыхъ потому, что, послѣ трудовъ, развлеченіе есть вещь не только полезная, но и пріятная, а во вторыхъ потому, что весь городъ гордился пріѣздомъ труппы. Извѣстно, что артисты посѣщаютъ города съ разборомъ, и поэтому прибытіе труппы какъ-бы подтверждало величіе и силу Сайги. Была, впрочемъ и третья, быть можетъ самая важная изъ причинъ всеобщаго,

любопытства. Второй номеръ программы представлѣнія гласилъ слѣдующее: «Прогулку на канатѣ, отстоящемъ отъ земли на 15 футовъ, исполнить извѣстный гимнастъ Красный Коршунъ, вождь Черныхъ Ужей, послѣдній изъ рода царскаго и всего племени: 1) Прогулка. 2) Прыжки сайги. 3) Танецъ и пѣсня смерти».

Нигдѣ этотъ вождь не могъ произвести такой сенсациі среди всего общества, какъ въ Сайгѣ. Директоръ труппы разсказывалъ, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ, при переѣздѣ черезъ пустыню, онъ нашель умирающаго стараго индѣйца съ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Старикъ умеръ вскорѣ, отъ ранъ и истощенія, сообщивъ передъ смертію директору труппы, что мальчикъ былъ сынъ убитаго вождя Черныхъ Ужей и единственный наслѣдникъ его правъ. Труппа не оставила сироту, который современемъ сталъ первымъ акробатомъ. Директоръ труппы, узнавъ «Подъ золотымъ солнцемъ», что Сайга стоитъ на развалинахъ когда-то могущественной Хяваты и что знаменитый канатный плясунъ будетъ подвизаться на могилахъ своихъ предковъ, пришелъ въ неописанный восторгъ, такъ какъ теперь онъ могъ уже навѣрное разсчитывать на должный эффектъ. Конечно, бюргеры и тучные купцы Сайги поторопились занять мѣста въ циркѣ со всѣми чадами и домочадцами, чтобы указать имъ на послѣдняго изъ племени, которое они такъ энергично вырѣзали пятнадцать лѣтъ тому назадъ: «пстомокъ вождя передъ вашими глазами; смотрите и поучайтесь!» Во всемъ городѣ повторялось на всякіе лады неустанно: «вождь! вождь!» Дѣти съ ранняго утра смотрѣли сквозь щели досокъ цирка любопытными и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганными глазенками; школьники вдругъ прониклись воинственнымъ духомъ и, сами не зная зачѣмъ, грозно маршировали по улицамъ.

Восемь часовъ вечера. Чудная, звѣздная ночь. Тихій вѣтерокъ несетъ изъ-за города благоуханіе померанцевыхъ рощъ, которое въ городѣ смѣшивается съ запахомъ солода. Весь циркъ горитъ огнями. Громадные смоляные факелы, зажженные у входа, ярко горятъ и коптятъ немилосердно. Дуновение вѣтра разноситъ по сторонамъ облака дыма и міріады искръ. Яркое пламя фантастически освѣщаетъ темные контуры цирка. Это—вновь выстроенный, круглый деревянный сарай съ остроконечной крышей и флагомъ, усѣяннымъ звѣздами, на

фронтонѣ. У воротъ тьма народу. Толпа любитъ невиданнымъ яркимъ освѣщеніемъ, любитъ занавѣсомъ, на которомъ изображена битва бѣлыхъ съ краснокожими, и терпѣливо ждетъ. Но вотъ занавѣсъ открывается совсѣмъ, и толпа врывается въ зданіе. Темная движущаяся масса ринулась на свои мѣста и заняла ихъ въ одно мгновеніе. Въ циркѣ свѣтло, какъ при дневномъ свѣтѣ, хотя и нѣтъ проведенныхъ газовыхъ трубъ: громадный импровизированный жирандолъ, сложенный изъ пятидесяти нефтяныхъ лампъ заливаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ всю арену и сидящую вокругъ публику. Въ блескѣ этомъ видны откормленные любители пива, молодыя женскія головки и прелестныя дѣтскія личики. Разговоры, время отъ времени, прерываются возгласами: «Воды! Пива!» Наконецъ раздается звонокъ, выходятъ шесть рослыхъ конюховъ въ высокихъ ботфортахъ и становятся въ два ряда у входа на арену.

Спустя нѣсколько секундъ, сквозь эти ряды несется разъяренный конь безъ узда и сѣдла, а на немъ, какъ облако киселъ, газа и лентъ, сидитъ наѣздница Лина. Начинается гарцованіе подъ акомпаниментъ музыки. Лина такъ хороша, что Матильда, дочь пивовара, обезпокоенная ея красотой, спрашиваетъ шопотомъ молодого Франца: любить-ли онъ ее еще. Тѣмъ временемъ конь галопируетъ, тяжело дыша, бичи хлопаютъ, клоуны, вбѣжавшіе за наѣздницей, кривляются и хлещутъ другъ друга по лицу, наѣздница летаетъ какъ молнія, неумолкаемое «браво»... Великолѣпное представленіе!

Но первый номеръ проходитъ скоро. Наступаетъ второй. Слово «вождь» слышится со всѣхъ сторонъ. На клоуновъ никто уже не обращаетъ вниманія. Посреди ихъ обезьяньихъ фигуръ конюхи устанавливаютъ подмости въ пятнадцать футовъ вышины и натягиваютъ между ними канатъ. Музыка переходитъ отъ игривой шансонетки къ унылой аріи командора изъ «Донъ-Жуана». Вдругъ цѣлое море бенгальскаго кроваваго огня заливаетъ всю арену. Въ этомъ-то блескѣ и долженъ появиться страшный «вождь», послѣдній потомокъ племени Черныхъ Ужей.

Но что это?—выходитъ не вождь, а директоръ труппы. Онъ кланяется публикѣ и говорить: „честь имѣю покорнѣйше просить многоуважаемыхъ и благосклонныхъ джентльменовъ, а также прекрасныхъ и не менѣе многоуважаемыхъ леди соблюдать возможнѣйшую тишину: индѣецъ страшно разсерженъ

и болѣе свирѣпъ, нежели обыкновенно.“ Слова эти производятъ сильное впечатлѣніе, и, странное дѣло, тѣ самые почтенные граждане, которые пятнадцать лѣтъ тому назадъ, не задумываясь, вырѣзали Хявату, въ настоящее время испытываютъ крайне непріятное ощущеніе. Нѣсколько минутъ тому назадъ, когда Лина гарцовала на аренѣ, они были рады, что сидятъ такъ близко, у самаго парапета; теперь же посматриваютъ съ завистью на зрителей, сидящихъ на самомъ верху, и, вопреки физическимъ законамъ, находятъ, что чѣмъ ниже и ближе къ аренѣ, тѣмъ болѣе душно и жарко.

Но неужели этотъ дикарь еще помнить что либо? Вѣдь онъ съ дѣтскаго возраста воспитывался въ труппѣ акробатовъ и канатныхъ плясуновъ, состоящей преимущественно изъ нѣмцевъ. Неужели еще не забылъ прошлаго? Повидимому, это неправдоподобно. Пятнадцать лѣтъ жизни въ труппѣ, жизни акробата и канатнаго плясуна, рукоплесканія публики, развращающее вліяніе окружающей среды не могли же не оставить своихъ слѣдовъ. Хявата! Хявата!.. Вѣдь они, нѣмцы, и думать о ней уже забыли. Прежде всего всякій долженъ помнить, что надо ѣсть и пить. А это знаетъ и бургеръ, и послѣдній изъ племени Черныхъ Ужей.

Думы эти были прерваны дикимъ свистомъ, и на аренѣ появился тревожно ожидаемый «вождь».

Щопоть толпы проносится тихою волною: «это онъ! это онъ!»—и наступаетъ тишина. Слышно лишь шипѣніе бенгальскаго огня, безпрерывно зажигаемаго. Всѣ взоры обращены на индѣйца - вождя, выступающаго акробатомъ въ циркѣ на могилахъ отцовъ своихъ. Индѣецъ дѣйствительно стѣбитъ того, чтобы на него смотрѣли. Гордая, величественная осанка; длинная мантия изъ бѣлыхъ горностаевъ — атрибутъ вождя — покрываетъ его мощную фигуру, въ настоящую минуту напоминающую не совсѣмъ кроткаго ягуара. Орлиное лицо его—какъ-бы сквано изъ мѣди; глаза,—настоящіе индѣйскіе, безмятежные, равнодушные, но вмѣстѣ съ тѣмъ зловѣщіе глаза,—горятъ холоднымъ блескомъ. Онъ водить ими по сторонамъ, какъ-бы высматривая себѣ жертву. Вождь вооруженъ съ головы до ногъ; на его головѣ качаются разноцвѣтныя перья; за поясомъ топоръ и ножъ для скальпированія; въ рукѣ, вмѣсто натянутаго лука, длинный шестъ, для сохраненія равновѣсія

при хожденіи по канату. Остановившись посреди арены, индѣецъ вскрикиваетъ внезапно дикимъ голосомъ: «Heit Gott!»— Это военный крикъ Черныхъ Ужей, хорошо памятный вырѣзавшимъ Хявату; но, что всего удивительнѣе, пятнадцать лѣтъ тому назадъ крикъ этотъ въ устахъ тысячи воиновъ не пугаль осаждающихъ; теперь-же холодный потъ выступилъ на лицахъ бывшихъ храбрыхъ завоевателей. Въ эту минуту директоръ труппы приблизился къ индѣйцу и успокоилъ его. Дикій звѣрь почувалъ плеть: слова директора не остались безъ вліянія, и вождь черезъ нѣсколько мгновеній уже качается на канатѣ.

Съ нефтяною лампою въ рукахъ онъ подвигается впередъ. Канатъ сгибается подъ тяжестью, такъ-что повремениамъ его не видать, и тогда индѣецъ кажется висающимъ на воздухѣ. Онъ идетъ какъ-бы въ гору, подается впередъ, пятится, опять идетъ, сохраняя равновѣсіе. Его протянутыя руки, покрытыя плащомъ, имѣютъ видъ крыльевъ гиганта. Колеблется... падаетъ... нѣтъ! Короткое отрывистое «браво» проносится, какъ вихрь, и смолкаетъ. Лицо вождя становится все болѣе и болѣе грознымъ. Въ его глазахъ блеститъ какой-то зловѣщій огонь. Циркъ смущенъ, но никто не осмѣливается прервать мертвой тишины.

А вождь приближается къ другому концу каната, и вдругъ изъ его мощной груди вырѣтаютъ звуки военной пѣсни.

Странно! Индѣецъ поетъ на нѣмецкомъ языкѣ... Впрочемъ, это легко понять. Языкъ Черныхъ Ужей, по всей вѣроятности, давно забытъ. Но на это никто не обратилъ вниманія. Всѣ заслушались пѣсни, которая съ каждымъ словомъ дѣлается все могущественнѣе и грознѣе. Это—полупѣніе, полувоззваніе, унылое, дикое, полное зловѣщихъ нотъ.

Раздаются слѣдующія слова:

«Послѣ большихъ дождей, каждый годъ, пятьсотъ воиновъ выходило на войну или на охоту.

«Возвратившихся послѣ войны украшали скальпы; возвращающіеся съ охоты привозили мясо и кожи буйволовъ, а жены воиновъ радостно привѣтствовали ихъ и плясали въ честь Великаго Духа.

«Хявата была счастлива!

«Женщины трудились дома; дѣти выросли храбрыми воинами и прекрасными дѣвами.

«Воины умирали на полѣ славы и шли на добычу, въ сопровожденіи своихъ духовъ, въ серебряныя горы.

«Топоры ихъ не были обагрены кровью невинныхъ женщинъ и дѣтей,—воины Хяваты были честными людьми.

«Хявата была могущественна!

«Но пришли блѣднлицы изъ за далекихъ морей и бросили огонь въ Хявату.

«Блѣднлицы не побѣдили Черныхъ Ужей въ честномъ бою, но вкрались ночью, какъ шакалы, и ножи ихъ обагрились кровію спящихъ невинныхъ дѣвъ, женщинъ, дѣтей.

«И вотъ Хявата болѣе не существуетъ, потому что блѣднлицы выстроили на могилахъ жертвъ своихъ каменныя палаты.

«Истребленное племя и уничтоженная Хявата вопіють о мщеніи!

Голосъ индѣйца перешелъ въ дикое завываніе; качаясь на канатѣ, онъ казался ангеломъ мести, носящимся надъ толпой. Самъ директоръ, повидимому, былъ обезпокоенъ. Въ циркѣ настала могильная тишина. Вождь вылъ далѣе:

«Изъ всего племени остался одинъ ребенокъ. Это было дитя слабое и болѣзненное, но оно поклялось Великому Духу, что рано или поздно отомститъ жестоко.

«Поклялось, что рано или поздно увидитъ трупы блѣднлицыихъ людей, дѣвъ, женщинъ, дѣтей,—увидитъ огонь, кровь!..»

Послѣднія слова перешли въ бѣшеное рычаніе.

Въ циркѣ пронесся крикъ ужаса, подобный неожиданнымъ порывамъ вихря. Тысячи вопросовъ тѣснились въ головѣ каждаго изъ зрителей. Что намѣренъ сдѣлать этотъ бѣшенный тигръ? Какое мщеніе задумываетъ онъ? И что дѣлать? Остаться, или бѣжать, пока живы? Можетъ быть защищаться? Но чѣмъ-же?

— Что это такое? Что это такое? раздались испуганные голоса женщинъ.

Внезапный нечеловѣческій вой вырвался изъ груди индѣйца; закачавшись сильнѣе на канатѣ, онъ соскочилъ на деревянные подмостки, поставленные подъ импровизированнымъ жирандолемъ и поднялъ надъ головою шесть.

Ужасная мысль, какъ молнія, пронеслась въ умахъ всѣхъ зрителей;

— Разобьетъ жирандоль и зальетъ весь циркъ потоками нефти!

Раздался крикъ ужаса... Но что это?

На аренѣ слышатся громкіе голоса: „стой! стой!.. Вождя нѣтъ! Соскочилъ?.. Исчезъ! Куда-же онъ дѣвался?

Наконецъ онъ выходитъ,— выходитъ опять ужасный, но измученный, изнемогающій...

Въ руцѣ у него жестяное блюдо; протягивая его къ зрителямъ, онъ проситъ умоляющимъ голосомъ:

— *Was gefällig für den letzten der Schwarzen Schlange!..*

Камень упалъ съ души зрителей.

Такъ это была лишь искусная игра актера? Выдумка директора?

И доллары посыпались дождемъ. Немыслимо отказать послѣднему изъ племени Чорныхъ Ужей въ Сайгѣ, на пещищѣ Хяваты.

Люди не безъ души!..

Послѣ представленія индѣецъ пилъ и ѣлъ въ погребкѣ „Подъ золотымъ солнцемъ“. Окружающая обстановка, повидимому, возымѣла на него вліяніе.

Современемъ онъ приобрѣлъ большую популярность въ Сайгѣ, въ особенности у женщинъ... Распространялись даже слухи...

ПРОРОЧЕСТВО.

(Изъ „Ирландскихъ пѣсенъ“, О'Коннора).

Придетъ пора — и ты, дитя, поймешь
Возможность жертвъ, возможность битвы вѣчной —
И самъ на жертвенникъ великій принесешь
И сердца кровь, и пилъ сердечный!
Но по душѣ пройдетъ не мало грозъ
До той поры: кипучей жаждой счастья
Зажжется сердце, — жаждой мукъ и слезъ,
Горячей ласки и участья...
Любовью къ женщинѣ, какъ сказочнымъ огнемъ,
Ты вспыхнешь весь... Отдашься мукамъ страстнымъ —
И будешь ты глупцомъ, и будешь ты рабомъ,
Блаженнымъ будешь и несчастнымъ...
Потомъ... да, лишь потомъ, когда остынетъ кровь,
Безумной юности исчезнуть заблужденья,
Когда почувствуешь, что разумъ можетъ вновь
Свои предписывать велѣнья, —
Тогда познаешь ты иного Бога власть,
Иной тоски огонь неугасимый:
Святой любви къ странѣ своей родимой
Неумирающую страсть.
Въ ночной тиши, и въ шумѣ дня, и вѣчно
Передъ тобой носиться станетъ онъ,
Печальный образъ, — милый безконечно,
Неосвязаемый, какъ сонъ,
Съ усмѣшкой горькою застывшаго терпѣнья,
Съ огнемъ въ глазахъ, въ лохмотьяхъ нищеты;
И будутъ кротостью любви и всепрощенья
Свѣтиться всѣ его черты.

Прощенье въ голосѣ, прощенье въ каждомъ словѣ...
Но ты... Языкъ любви въ тебѣ заговорить!
И эта женщина безъ плоти и безъ крови
Тебя для мести вдохновить.
Взглянувъ на грудь, покрытую корою
Смердящихъ язвъ, на изможденный ликъ,—
Въ священномъ трепетѣ, какъ левъ готовый къ бою,
Издашь ты мщенья влики!..

П. Янубовичъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

(Литературная характеристика).

I.

Очень немногимъ выпадаетъ у насъ такой счастливый жребій, какой достался на долю покойнаго Тургенева. Давно уже сказано, что нѣтъ пророка въ отечествѣ, но нигдѣ, быть можетъ, не приходится вспоминать это изреченіе такъ часто, какъ у насъ. Мы привыкли хоронить таланты въ ихъ полномъ разцвѣтѣ и даже гораздо раньше, въ то время, когда приходится еще не восхищаться великимъ созданіемъ генія, а только задавать себѣ скорбный вопросъ, — что могла-бы совершить такая могучая сила, если-бы не была надорвана безконечными испытаніями и подошена преждевременной смертью? Тургеневъ, наоборотъ, умеръ въ глубокой старости, сдѣлавъ всё, что только природа дала ему сдѣлать. Обыкновенно, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ часто, мы привыкли видѣть въ жизни нашего великаго человѣка какой-то безпрерывный крестный путь. Чего не вынесъ, напр., хотя-бы *Ф. М. Достоевскій*, дошедшій до эпилепсіи, весь вѣкъ промаявшійся въ нищетѣ... Да и одинъ-ли *Достоевскій*? Какой-бы длинный списокъ мученичества пришлось намъ развернуть, вспоминая судьбу нашихъ талантовъ, какъ часто пришлось-бы повторять, вмѣстѣ съ геніальнымъ и тоже несчастнымъ поэтомъ:

...Отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привселъ?

Много ихъ... Но не изъ ихъ числа былъ Тургеневъ. Русская жизнь, напротивъ, заботливо охраняла его весь вѣкъ отъ всякихъ невзгодъ. Невольное пребываніе въ своей собственной деревнѣ, да иногда ропотъ читателей, скоро смѣнявшійся восторженными оваціями,—болѣе колючихъ шиповъ и не кидала Россія на цѣточное ложе своего любимца за цѣлыя 40 лѣтъ его литературной дѣятельности. Она обогатила своего избранника, тридцать лѣтъ превозносила его талантъ, а по смерти по-царски схоронила, засыпавъ гробъ великаго художника вѣнками, выславъ на его проводы сотни депутацій и стотысячную толпу народа, создавъ цѣлое пилигримство къ свѣже-засыпанной могилѣ...

Мы сдѣлали, впрочемъ, еще больше. Нашъ душевный порывъ былъ настолько великъ, что мы не имѣли уже силы остаться приличными и выложили напоказъ всю душу. Не хочется вспоминать, да нельзя и позабыть о невѣроятномъ проектѣ перенести прахъ Бѣлинскаго—«великаго учителя»—къ могилѣ «ученика», удостоившаго выразить желаніе быть схороненнымъ возлѣ учителя. Бѣлинскій, какъ извѣстно, не принадлежалъ къ числу счастливецъ. Онъ схороненъ тѣсно и бѣдно, какъ жилъ; около забытой могилы пролетарія нѣтъ мѣста, достойнаго великаго Тургенева: перетащимъ-же Бѣлинскаго къ Тургеневу! Вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ не исполнить желанія великаго художника, нельзя и положить знаменитаго человѣка Богъ знаетъ на какихъ кладбищенскихъ задворкахъ... Это прелестно! И, какъ вамъ угодно, читатель, а я полагаю, что во всей исторіи похоронъ нѣтъ болѣе блестящаго доказательства того, насколько искренно наше преклоненіе передъ Тургеневымъ. Всякія высокія чувства можно поддѣлать, но ужъ если люди добровольно доходятъ до пошлости и лавейства, то они навѣрное дѣйствуютъ искренно: этого ужъ не поддѣлаешь; это ужъ, значитъ, заговорило самое нутро, заговорила самая душа россиянина.

Понятно, что разъ люди доходятъ до такого самоотверженія и отъ избытка чувствъ совлекаютъ съ себя, въ даръ памяти покойнаго, даже европейскіе уборы, въ которые ихъ, между прочимъ, 40 лѣтъ старался нарядить самъ Тургеневъ,—всѣ прочія почести становятся неудивительны, и дѣйствительно никогда еще ихъ не доставалось столько на долю частному человѣку въ Россіи. Всѣ газеты были наполнены некрологами, похвальными стихами въ честь умершаго. Нѣкоторыя газеты вышли съ траурной каймой. Повсюду въ Россіи заказываютъ панихиды, основываютъ въ память великаго художника школы, читальни, улицы. Сотни тысячъ фотографическихъ карточекъ его расходятся въ публикѣ... Не-

вольно вспоминается еще недавнее время, когда, по поводу смерти Гоголя, самъ Тургеневъ получалъ письма съ такими упреками: «Гоголь умеръ и хотя-бы одинъ журналъ у васъ, въ Петербургѣ, отозвался!» Молчаніе, конечно, имѣло свои основанія. Тургеневъ даже самъ написалъ горячую замѣтку о Гоголѣ, но ее не пропустила цензура. «Да вѣдь статья самая невинная», оправдывался онъ. «Невинная-ли, нѣтъ-ли, возразилъ издатель, дѣло не въ этомъ; вообще имени Гоголя не велѣно упоминать; Закревскій на похоронахъ въ андреевской лентѣ присутствовалъ: этого здѣсь перерварить не могутъ». Вотъ какъ мы провожали въ могилу величайшій талантъ русской литературы. Конечно,—можно по поводу этого сколько угодно указывать на всякія «внѣшнія», да «независящія» условія: я это все понимаю; но въ концѣ концовъ, по совѣсти говоря, едва-ли когда-бы то ни было и что-бы то ни было можетъ помѣшать сотнѣ тысячъ человѣкъ пойти туда, куда она дѣйствительно хочетъ идти. Независящія обстоятельства сами по себѣ, но главнымъ образомъ дѣло все-таки сводится къ тому, какое количество населенія и въ какой мѣрѣ чувствуетъ потребность воздать послѣдній долгъ Гоголю, Тургеневу или кому-бы то ни было. Недавно мы еще присутствовали на празднествѣ Пушкина; нѣсколько позднѣе торжественно хоронили Достоевскаго. Но что все это въ сравненіи съ похоронами Тургенева, несмотря не болѣе благоприятную внѣшнюю обстановку? Тамъ мы воздавали лишь должное, мы «почтили» память великихъ писателей; здѣсь мы «преклонились», создали апофеозъ. Велика была популярность Тургенева, но едва-ли самые восторженные поклонники его могли надѣяться, чтобы она доходила до такой поразительной степени.

Мы могутъ замѣтить, конечно, что было-бы ошибочно приписывать *весь* этотъ порывъ народнаго чувства *одной* только популярности Тургенева. Съ этимъ нельзя не согласиться. Тутъ, конечно, имѣлъ большое значеніе цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя, постоянно возбуждая чувство современнаго русскаго человѣка, въ то-же время побуждаютъ его затаивать это чувство въ самыхъ укромныхъ уголкахъ души и у каждаго накопляютъ, такимъ образомъ, огромные запасы неразряженнаго нервнаго напряженія, которое и сказывается по временамъ въ самыхъ преувеличенныхъ рефlekсахъ. Это состояніе общественной психики должно было играть извѣстную роль и въ тургеневскихъ манифестаціяхъ. Умершій, въ глазахъ своихъ восторженныхъ поклонниковъ, являлся, конечно, не только великимъ художникомъ, «истолкователемъ трехъ поколѣній» и пр. и пр., но еще символомъ, хотя-бы даже иногда

отдаленнымъ символомъ, многого такого, по поводу чего тысячи разъ загоралось сердце русскаго человѣка и тысячи разъ сдерживалось. И вотъ, чрезвычайный случай даетъ новый толчокъ, переполняетъ чашу. Чувство, вызванное собственно Тургеневымъ, перемѣшивается съ тѣмъ, которое вырвалось только попутно, и поражаетъ зрителя своей кажущейся напряженностью. Но какова-бы ни была величина «прибавочнаго» увлеченія, этого разбѣга чувства. внезапно развернувагося, какъ крѣпко зажатая стальная пружина, мы все-таки не видали до сихъ поръ человѣка, способнаго дать русскому общественному настроенію такой-же сильный толчокъ. Этого не могли сдѣлать ни Пушкинъ, ни Достоевскій, и потому популярность Тургенева, относительно взятая, остается все-таки безпримѣрной. Чѣмъ-же онъ заслужилъ ее, чѣмъ онъ умѣлъ такъ приковать къ себѣ сотни тысячъ русскихъ сердецъ и вызвать это чувство, неудержимо охватившее Россію при извѣстіи: «Тургенева не стало»?

Вотъ собственно вопросъ, на который мнѣ преимущественно хотѣлось-бы найти правильный отвѣтъ, потому что этотъ отвѣтъ, въ сущности, долженъ подвести итогъ литературному значенію Тургенева вообще. Всѣ стороны таланта и дѣятельности Тургенева, вся его сила и даже его недостатки — сочетались, мнѣ кажется, какъ будто нарочно для того, чтобы создать писателя, наиболѣе способнаго привлечь къ себѣ симпатіи русскаго общества, или, лучше сказать, его большинства, его массы. Все соединилось въ Тургеневѣ для того, чтобы сдѣлать его наиболѣе «счастливымъ», наиболѣе популярнымъ изъ современныхъ художниковъ слова, хотя, быть можетъ, и менѣе долговѣчнымъ, чѣмъ другіе писатели, менѣе счастливые въ настоящемъ.

Надѣюсь, что читатели простятъ мнѣ «нечестивое сомнѣнье» послѣдней строки. Въ концѣ концовъ, я, даже при наличности этого сомнѣнія, считаю Тургенева художникомъ достаточно крупнымъ для того, чтобы онъ могъ не бояться свободной критики. Сверхъ того, Тургеневъ, если и не безсмертенъ, то все-таки въ настоящее время еще вполне живъ, какъ будетъ жить, будетъ воздѣйствовать на Россію и въ ближайшемъ будущемъ. А съ живымъ позволительно обращаться какъ съ живымъ. Это обязанность критики, и самъ разбираемый писатель имѣетъ право требовать къ себѣ именно такого отношенія, потому что только о мертвомъ, сданномъ въ архивъ, приходится говорить aut bene, aut nihil. Наконецъ, самъ Тургеневъ напоминаетъ «молодымъ писателямъ», какъ лучшій девизъ, слова Пушкина:

...Дорогою свободной

Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.

Это девизъ не одного художника, но и критика, и публициста. А затѣмъ уже дѣло читателя рѣшить, что дала ему свободная работа свободного ума.

II.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, Тургеневъ дѣлаетъ нѣсколько мѣткихъ и тонкихъ соображеній объ отношеніяхъ между каждымъ «вождемъ» и «толпой», за нимъ слѣдующей. «Вожди современниковъ, говоритъ Тургеневъ,—должны, конечно, стоять выше ихъ, обладать болѣе нормально устроенной головой и т. д., но между этими вождями и ихъ послѣдователями не должно быть бездны. Одно слово «послѣдователь» уже предполагаетъ возможность шествія по одному направленію, возможность тѣсной связи. Вождь можетъ возбуждать негодованіе... проклинать его могутъ, но *понимать* его должны всегда. Онъ долженъ стоять выше ихъ (послѣдователей), *но и близко къ нимъ*». Именно въ такомъ отношеніи къ своимъ современникамъ стоитъ, мнѣ кажется, самъ Тургеневъ, который, сказать къ слову, такъ-же, какъ и я, думаетъ, что вышеприведенныя соображенія «имѣютъ примѣненіе общее». Это, конечно, справедливо. Художникъ, какъ и вожди въ другихъ отрасляхъ человѣческаго творчества и дѣятельности, не можетъ вести за собою массу, если переростетъ ея пониманіе. Тургеневъ-же всегда и во всемъ достигалъ именно наибольшей высоты, какая только доступна пониманію русскаго образованнаго общества, и почти никогда не переходилъ за эту роковую черту. Въ этомъ, мнѣ кажется, и состоитъ разгадка его силы, вліянія и популярности. Онъ былъ «выше современниковъ, но и близко къ нимъ», онъ возбуждалъ иногда ихъ негодованіе, но всегда оставался имъ близкимъ и понятнымъ.

Насколько эта близость къ публикѣ совмѣстима съ присутствіемъ у автора очень широкаго пониманія и очень глубокаго анализа—вопросъ особый, котораго мы пока можемъ не касаться; но что она была въ замѣчательной степени у Тургенева—это, полагаю, очень нетрудно видѣть. Обратите, напримѣръ, вниманіе на чрезвычайную заботливость, съ которою онъ постоянно прислушивался къ общественному мнѣнію и къ общественной оцѣнкѣ своей дѣятельности. Нѣкоторый неуспѣхъ «Отцовъ и дѣтей», а потомъ «Дыма» дотога обезкураживаетъ Тургенева, что онъ серьезно думаетъ совершенно перестать писать. Онъ долго еще

съ какою-то смиренною грустью сокрушается потомъ, что по милости «Отцовъ и дѣтей» «утратилъ, повидимому, навсегда расположеніе молодого поколѣнія». Приступая къ изданію своихъ сочиненій, Тургеневъ не забываетъ оговориться, что «не обманывается относительно своего положенія» (?) и знаетъ хорошо, что на его имени навсегда «пятно». Читателямъ очень хорошо извѣстно, какъ скоро забыла публика объ этихъ «пятнахъ», да и многіе-ли читали ихъ «пятнами»! Но вѣдь это самое и характерно: до какой степени беспокоитъ Тургенева малѣйшій разладъ между нимъ и читателями. Потомъ такая-же исторія повторилась по поводу «Нови». Произведеніе это, нужно сказать правду, очень слабое, но Тургеневъ этого самъ по себѣ, въ душѣ, никогда не понималъ и не понялъ. Напротивъ, онъ впоследствии (когда уже петербургская молодежь его утѣшила) прямо заявилъ, что былъ правъ и что это будто-бы оказалось изъ какого-то процесса. И вотъ, будучи убѣжденъ, стало быть, съ начала до конца, что онъ—правъ, Тургеневъ все-таки былъ приведенъ въ полное уныніе неблагоприятными отзывами и снова рѣшаетъ прекратить свою литературную дѣятельность. Только оваціи петербургской молодежи ободряютъ его. Какъ объяснить себѣ эту впечатлительность къ отзывамъ, особенно поразительную у писателя, уже десяти лѣтъ пользовавшагося репутаціей великаго художника? Предполагать здѣсь самолюбіе—странно. Не то чтобы его не было у Тургенева, но вѣдь оно ничего не объясняетъ, потому что естественно является вопросъ—почему-же самолюбіе имѣло въ данномъ случаѣ именно такое направленіе? Мало-ли людей, очень самолюбивыхъ, которые въ подобныхъ столкновеніяхъ съ общественнымъ мнѣніемъ—именно ни за что не отступаютъ отъ своего, не перестанутъ его повторять и легко утѣшаютъ себя мыслью, что публика ниже ихъ, неспособна ихъ понять, что будущее ихъ оправдаетъ и т. д. Конечно, и у Тургенева могла появляться такая мысль и даже очень красиво выражаться въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ». Но этому нельзя придавать никакого значенія. Мысли, разумѣется, могутъ у человѣка появляться всякія, но когда чувства и поступки всей жизни находятся въ явномъ противорѣчій съ данной мыслью, то ее нельзя не считать случайной, мимолетной. До мнительности внимательное отношеніе Тургенева къ отзывамъ читателей не подлежитъ сомнѣнію, и если это есть результатъ самолюбія, то мы все-таки должны себя спросить: почему его самолюбіе имѣло именно такое, а не иное направленіе?

Я могу себѣ это объяснить только чрезвычайной духовной связью, которая существовала между Тургеневымъ и его публи-

кой. Тургеневъ былъ такъ близокъ къ массѣ русской интеллигенціи, такъ однороденъ съ нею, что не могъ не думать о ея мнѣніи, которое представлялось нашему художнику, очевидно, гораздо болѣе компетентнымъ, чѣмъ многимъ другимъ. Тургеневъ вѣритъ въ своихъ современниковъ и вполне раздѣляетъ мнѣніе, что «непризнанныхъ гениевъ нѣтъ». Публика съумѣетъ, вѣрилъ онъ, cadaго оцѣнить по достоинству и каждому правильно отвести «его полочку». Нужно сознаться, что въ средѣ выдающихся дѣятелей какихъ-бы то ни было странъ и временъ далеко не часто можно встрѣтить эту пріятную увѣренность. Къ несчастью, гораздо чаще великому человѣку приходится убѣждаться съ отчаяніемъ, что нѣтъ пророка въ отечествѣ. Тургеневъ смотритъ совершенно иначе. Почему это? Потому, мнѣ кажется, что онъ, со своей стороны, большую часть мнѣній и поступковъ публики находитъ правильными, разумными и похвальными. Это очевидно. Иначе возникновеніе довѣрія къ общественному мнѣнію немислимо. Но когда писатель находится самъ приблизительно на уровнѣ развитія общества, а стало быть довѣряетъ и правильности сужденій его, тогда понятно, что онъ непремѣнно будетъ дорожить мнѣніемъ читателей и, въ случаѣ разлада съ ними, способенъ легко подумать: «да полно—ужь не ошибаюсь-ли я? Не правы-ли они?» Такъ это и случалось именно съ Тургеневымъ.

Но и публика, со своей стороны, не менѣе чутко прислушивалась къ каждому слову любимаго автора. Такое отношеніе къ Тургеневу установилось уже очень давно и осталось неизмѣннымъ, въ сущности, до самой его смерти. Я не говорю: конечно, были всегда люди и маленькіе общественные слои, разочаровавшіеся въ способности Тургенева правильно оцѣнивать современную общественную жизнь. Количество такихъ людей, можетъ быть, мало-помалу, даже возрастало, но все-таки никогда не могло дорости до величины хотя-бы «внушительнаго меньшинства». Достаточно вспомнить, что даже Базаровъ, возбудившій въ Тургеневѣ столько безпокойства, былъ очень скоро возведенъ въ перлъ созданія Писаревымъ—оракудомъ господствовавшаго тогда направлеія, а въ массѣ молодежи послужилъ моделью безчисленнаго обезьянничанья. Мало того: даже «Новь» оказалась не ниже средняго уровня самосознанія средней массы молодежи, которая и доказала это, устроивъ Тургеневу извѣстныя петербургскія оваціи. Что-же, послѣ этого, сказать о читателѣ изъ такъ называемаго общества, который, въ анализѣ явленій, происходящихъ передъ его глазами, самъ не шелъ дальше тревожнаго недоумѣнія, такъ прекрасно выраженнаго поэтомъ:

Что она мнѣ? Не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь...
Такъ отчего-жь ея образъ страдальчскій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?

Этотъ читатель, составляющій массу общества, былъ всегда и всею массою за Тургенева, потому что находилъ въ немъ «своего» человѣка. Связанный тысячею узъ съ массою образованнаго общества, авторъ думалъ и чувствовалъ одинаково съ нею. Онъ вовсе не изъ подслуживанья передъ публикой, а совершенно невольно, въ силу духовной однородности съ нею, обращалъ свое вниманіе каждый разъ на то самое, что привлекало къ себѣ вниманіе массы читателей. Этого мало. Авторъ каждый разъ невольно сходилъ съ читателемъ въ основной точкѣ зрѣнія, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ, а потому только подсказывалъ ему такіе выводы, которые читатель, кажется, вотъ-вотъ готовъ былъ сдѣлать и самъ. При такихъ условіяхъ авторъ дѣлается, конечно, въ высокой степени понятнымъ, легко усваивается. Онъ не требуетъ надъ собою тяжелой работы, не заставляетъ читателя пересматривать привычное міросозерцаніе и провѣрять обычныя впечатлѣнія, а лишь приводитъ къ окончательному выводу тѣ процессы представленія и анализа, которые уже давно самостоятельно возникли въ головѣ читателя. А между тѣмъ, именно эта удобопонятность образа и идеи производить на массу впечатлѣніе какого-то гениальнаго откровенія, какого-то луча свѣта, потому что авторъ говоритъ все-таки нѣчто такое, что читатель еще не созналъ, нѣчто такое, къ чему онъ дѣйствительно шелъ, но не приблизился еще настолько, чтобы увидѣть искомое собственными глазами. На этомъ-то моментѣ Тургеневъ застаётъ своего читателя и, такъ сказать, договариваетъ ему его собственное представленіе и мысль. Положеніе чрезвычайно выгодное для того, чтобы произвести впечатлѣніе: каждому ясно ваше слово, и въ то-же время оно кажется чѣмъ-то неожиданнымъ, какимъ-то откровеніемъ генія.

Вотъ, мнѣ кажется, настоящая основа популярности и кажущагося вліянія Тургенева на современниковъ. Я говорю «кажущагося», потому что слово «вліяніе», въ этомъ случаѣ, не совсемъ подходитъ. Тургеневъ вліялъ не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ передѣлывалъ представленія и міросозерцаніе своей публики, а только развивался вмѣстѣ съ нею, работалъ вмѣстѣ съ нею надъ однимъ дѣломъ, постоянно при этомъ оставаясь болѣе чуткимъ и болѣе прозорливымъ, чѣмъ остальная публика. Это отношенія, такъ сказать, товарищескія, выросшія на почвѣ духовнаго

единства, и, въ свою очередь, его поддерживающія, при чемъ убѣжденіе въ геніальности автора уже, конечно, не можетъ запугивать или тяготить читателя, а только усиливаетъ его симпатіи: вѣдь это геній, такъ сказать, свой, родной, близкій; люди гордятся имъ, какъ самими собой, какъ гордились-бы собственной геніальностью. Онъ не подавляетъ никого, а каждаго, напротивъ, возвышаетъ въ его собственныхъ глазахъ, потому что способность слѣдить за полетомъ генія, не отставать отъ него, не терять его изъ виду—вѣдь это тоже, предполагается, не послѣднее дѣло и не каждому доступно!

III.

Нравственное «единеніе» съ публикой, выражаясь моднымъ словечкомъ, не можетъ еще, конечно, само по себѣ создать популярности писателя; но оно создаетъ для этого почву, которую широко можетъ воспользоваться талантъ, и особенно такой, какимъ обладалъ Тургеневъ. Я отмѣтилъ сейчасъ одно очень важное послѣдствіе этого «единенія», а именно—чрезвычайную удобопонятность, чрезвычайную доступность для публики *образа*, создаваемого Тургеневымъ, и *идеи*, имъ проводимой. Это обстоятельство одно уже можетъ привлечь къ писателю вниманіе большой публики. Но ресурсы Тургенева подобраны еще болѣе счастливо. Онъ умѣетъ еще дать публикѣ свой образъ, свою идею въ наиболѣе удобопонятной, наиболѣе легко усвояемой *формѣ*. Это великій мастеръ своего дѣла. Неподражаемый стилистъ, обладающій тонкимъ пониманіемъ красоты и умѣньемъ облечь въ великолѣпные, до осязательности ясные образы все, что онъ видитъ и понимаетъ, Тургеневъ владѣетъ всѣми средствами своего искусства. Для художника это дѣло, быть можетъ, первой важности. «Имѣй Ивановъ талантъ Брюлова, говоритъ самъ Тургеневъ,—или имѣй Брюловъ душу и сердце Иванова—какихъ чудесъ мы были-бы свидѣтелями. Но вышло такъ, что одинъ изъ нихъ могъ выразить все, что хотѣлъ, да сказать ему было нечего, а другой могъ-бы сказать многое, да языкъ его коснѣлъ... исполненіе выходило неровное, приблизительное, не живое». Тоже самое часто бываетъ и въ литературѣ. У всѣхъ почти нашихъ молодыхъ беллетристовъ это коснѣніе языка, неровность и приблизительность изображенія—почти безъ исключенія общій и постоянный грѣхъ. Даже у старыхъ и безспорно великихъ художниковъ, въ родѣ Достоевскаго—какъ много отнимаетъ непокорный слогъ, а подѣ часъ даже именно «приблизительность» образа. Вы постоянно принуждены въ него

вчитываться, работать надъ нимъ. Ничему подобному не подвергается своихъ читателей Тургеневъ. Наслѣдникъ блестящей плеяды нашихъ великихъ стилистовъ, онъ умѣлъ воспользоваться школой и дѣйствительно имѣлъ полное право обратиться къ молодымъ писателямъ съ извѣстнымъ наставленіемъ—«беречь нашъ языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками». «Обращайтесь, продолжаетъ Тургеневъ,—обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ — оно въ состояніи совершать чудеса». У самого Тургенева оно и дѣйствительно совершало чудеса. Его великолѣпное умѣнье владѣть русскимъ языкомъ одно уже могло-бы обезпечить ему успѣхъ, потому что каждый образъ, создаваемый этимъ виртуозомъ слова, каждая мысль, имъ высказываемая, проникають въ душу читателя просто съ незамѣтной быстротою и легкостью. Для средняго читателя, не умѣющаго, да и не желающаго вовсе заниматься «изученіемъ» авторовъ, — эта чисто вѣшняя сторона искусства имѣетъ очень важное значеніе. Но я говорю, разумѣется, не объ одномъ только умѣньи владѣть языкомъ. То-же самое мастерство Тургеневъ обнаруживаетъ и въ созданіи образа. Никто изъ современныхъ художниковъ не сравнится съ нимъ въ умѣньи скомпоновать картину, освободить ее отъ ненужныхъ подробностей, нарушающихъ цѣльность впечатлѣнія, и въ то-же время не упустить изъ виду ни одной дѣйствительно характерной черты. Тургеневъ никогда не собьется съ перспективы, что такъ часто вы встрѣтите со стороны, напр., Достоевскаго; съ замѣчательно тонкимъ чутьемъ Тургеневъ умѣетъ выразить, такъ сказать, въ душѣ читателя только что слагающееся представленіе, не подрывая этого процесса никакими посторонними впечатлѣніями. Наконецъ, никто не сравнится съ Тургеновымъ въ умѣньи владѣть красками, въ способности наложить на изображаемый предметъ именно тотъ оттѣнокъ, который характеризуетъ его въ дѣйствительности. Разумѣется, это касается только того, что Тургеневъ хорошо видитъ и понимаетъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ умѣетъ онъ отдѣлить картину дѣйствительной страсти и простого чувственнаго порыва: въ «Наканунѣ» Елена отдается Инсарову; въ «Вешнихъ водахъ» — Марья Николаевна Полозова и Санинъ продѣлываютъ исторію Энея и Дидоны. Всякій, конечно, *понимаетъ* разницу этихъ двухъ сценъ; но понимать и выразить—двѣ вещи разныя, и посмотрите, какъ тонко умѣетъ Тургеневъ расположить краски для того, чтобы у читателя въ обоихъ случаяхъ сложилась какъ разъ та самая картина, которая имѣла мѣсто въ дѣйствительности. Въ сценѣ Инсарова и Елены вы видите всю силу

страсти, и авторъ нисколько не думаетъ ее затушевывать, но онъ умѣетъ ее совмѣстить съ именно святымъ цѣломудріемъ любви, и вы, кончая главу, чувствуете только, что вы растроганы, вамъ хочется сказать: «будьте счастливы, чистыя души». Совсѣмъ иное впечатлѣніе второй сцены: здѣсь, пожалуй, тоже, если хотите, страсть, но вы сразу чувствуете ея отличіе отъ страсти Инсарова. Художникъ накладываетъ черту за чертой, онъ беретъ уже совсѣмъ другіе тоны, и вы чувствуете, что передъ вами растетъ звѣрь, или правильнѣе—распутство самораздражающей фантазіи, страсть чисто чувственная, имѣющая конечной цѣлью только самое себя, совершенно оторванная отъ всякихъ идеальныхъ представлений, составляющихъ всю прелесть человѣческой любви. Эта разница создана тонкимъ умѣньемъ художника оттѣнить и подчеркнуть въ каждой сценѣ именно то, что составляетъ ея душу.

Нетрудно было-бы привести множество образчиковъ тургеневскаго «мастерства». Но читатели могутъ даже изъ заглавія моего очерка видѣть, что я имѣю своей цѣлью только общую характеристику этого таланта. Сверхъ того, множить примѣры въ данномъ случаѣ совершенно бесполезно, потому что Тургеневъ говорить за себя лучше, чѣмъ могъ-бы сказать я. Я только отмѣчаю черту, *доказывать* существованіе которой было-бы просто смѣшно, и затѣмъ напомню то, что говорилъ о Тургеневѣ раньше. Я говорилъ, что онъ изображалъ по большей части то, надъ чѣмъ уже задумался читатель, представленіе о чемъ уже начало слетаться въ его головѣ. И вотъ художникъ показываетъ ему этотъ самый образъ уже совсѣмъ отдѣланный, показываетъ его при помощи всѣхъ ресурсовъ искусства и тонкаго художественнаго чутья: легко судить о впечатлѣніи! Безъ преувеличенія можно сказать, что художникъ каждый разъ обливаетъ васъ словно яркимъ лучемъ свѣта, отрывающимъ передъ вами цѣлый горизонтъ чего-то, къ чему вы давно стремились и что теперь видите такъ ясно, такъ хорошо, такъ понятно. Вы очарованы и покорены художникомъ, словно какимъ-то чародѣемъ.

Но это все-таки еще не все. Тургеневъ покоряетъ читателя еще одною стороною своего таланта. Его образъ не только типиченъ, не только вѣренъ дѣйствительности, не только отдѣланъ до тонкости, но еще, сверхъ того, чрезвычайно изященъ. Чувство красоты и гармоніи наполняло всю душу нашего художника и невольно увлекало его къ нѣкоторому подбору своихъ картинъ. Тургеневъ знаетъ, что въ жизни есть отвратительное и ужасное; онъ мимоходомъ можетъ натолкнуться на нихъ, но торопится пройти мимо, не томя ни себя, ни читателей зрѣлищемъ грязи и ужаса. Кар-

тинъ такого рода вы почти не встрѣтите у Тургенева. Возьмите, напримѣръ, его «Несчастную» — повѣсть исключительную по тяжелой обстановкѣ, въ которую Тургеневъ поставилъ свою героиню. Читатели, можетъ быть, припомнятъ, что это — бѣдная дѣвушка, красота которой составляетъ несчастье въ той атмосферѣ, которую окружала ее судьба, атмосферѣ грязи и если не нищеты (нищеты Тургеневъ совсѣмъ не знаетъ), то матеріальной зависимости отъ цѣлой серіи негодяевъ. Ея вотчимъ — низкое, корыстолюбивое животное, готовое продать дѣвушку первому встрѣчному. Онъ служитъ у самодура помѣщика, всевластнаго въ своемъ царствѣ и покушающагося сдѣлать дѣвушку своей любовницей. Судьба ея ужасна, и дѣвушка дѣйствительно кончаетъ самоубійствомъ. Тяжелую картину пишетъ Тургеневъ, но зато съ какимъ стараніемъ приготовляетъ онъ въ этой погибшей жизни свѣтлый, хотя мимолетный оазисъ любви: ему будто самому хочется отдохнуть отъ страданія. Самое-же типичное — онъ вамъ рисуетъ все-таки замѣчательно прекрасный образъ страдальцы, умѣвшей выработать и до конца сохранить въ себѣ высокія черты человѣческой личности. Вы видите несчастную жизнь, но не видите самаго ужаса несчастной жизни, видите самоубійство, но не видите паденія. А иной скептикъ могъ-бы задать себѣ вопросъ: какъ это могла сохраниться такая чистая душевная красота? Какъ не обезобразилась она, какъ не сдѣлалась дѣвушка хоть любовницей старика-помѣщика, какъ онъ даже не изнасиловалъ ее, хотя при данныхъ условіяхъ очень могъ это сдѣлать. Для Тургенева это слишкомъ ужасно. У него есть одна такая сцена, т. е. лучше сказать случай («Сонъ»), но художникъ говоритъ о немъ въ двухъ словахъ, торопливо, какъ будто проговариваясь бредомъ больной женщины, и не останавливается ни на какомъ описаніи. Возвратимся, впрочемъ, къ «Несчастной». Тургеневъ, повторяю, бережетъ ее отъ всего, что въ дѣйствительной жизни наиболѣе ужасно. Онъ даже даритъ несчастной любовь, не долгую, но такую, о которой помнятъ весь вѣкъ. Дѣвушка влюбляется въ сына того самаго помѣщика, отдается ему, и молодой наслѣдникъ воспитанный на петербургской жизни тогдашнихъ дворянчиковъ, оказывается не негодяемъ, даже не шалопаемъ, не играетъ съ дѣвушкой, а отдается ей вполне, выдерживаетъ изъ за нея разрывъ съ отцомъ и не успѣваетъ создать рай для несчастной только потому, что умираетъ. Когда, въ концѣ концовъ, несчастная погибаетъ и вы закрываете послѣднюю страницу — не легко у васъ на душѣ, но въ воображеніи вашемъ остается все-таки изящный,

полный красоты образъ утопленницы, и не ужась, а тихая грусть наполняетъ вашу душу.

Но я взялъ еще положенія, вообще говоря, совершенно исключительныя у Тургенева. Такихъ сценъ у него очень немного. Самая страшная сторона жизни у него фигурируетъ только на заднемъ планѣ, не смущая спокойствія читателя. Тургеневъ даже борется со зломъ совсѣмъ по-своему. Онъ, напр., далъ себѣ въ молодости клятву бороться противъ крѣпостного права: «это была, говорить онъ,—моя аннибаловская клятва», и Тургеневъ сдержалъ ее. Но даже и тутъ, даже желая подорвать крѣпостное право, онъ дѣлалъ это не посредствомъ изображенія темныхъ сторонъ рабства, полного самыхъ отвратительныхъ сценъ, а наоборотъ—оставлявая вниманіе читателей на свѣтлой сторонѣ личности раба. Тургеневъ не кричалъ: «смотрите, вотъ какъ живетъ ваша жертва, вотъ во что вы превращаете человѣка»; онъ указывалъ, напротивъ: «смотрите и убѣдитесь, что въ этомъ рабѣ живетъ такой-же человѣкъ, какъ и въ господинѣ».

Это особенность таланта и натуры художника. Его талантъ—свѣтлый, изящный, красивый. Онъ многому научаетъ читателя, но одновременно съ этимъ даетъ ему высокое эстетическое наслажденіе, и едва-ли самъ Тургеневъ могъ-бы рѣшить, какаѣ изъ этихъ двухъ сторонъ искусства имѣетъ болѣе существенное значеніе. Въ этомъ талантѣ онѣ обѣ представляются одинаково правоспособными и неразрывно слитыми. Тургеневъ всегда сознавалъ себя гражданиномъ и въ своей дѣятельности видѣлъ, между прочимъ миссію публициста. Вспомнимъ хотя бы его «аннибаловскую клятву». Но созданіе прекраснаго рисовалось ему, безъ сомнѣнія, столь же серьезной и законной цѣлью искусства, а фактически, въ силу самой натуры художника, эта послѣдняя задача получала даже прямо преобладаніе въ его картинѣ. Въ концѣ концовъ, ни у кого изъ современныхъ беллетристовъ вы не получаете такъ мало тяжелыхъ ощущеній, ни у одного такъ часто не отдыхаете душой на прекрасной картинѣ природы, свѣтломъ образѣ человѣческой личности или чувства, если не всегда чистаго, то всегда красиваго, полного жизни. Другими словами, никто не даетъ вамъ болѣе пріятнаго чтенія, какъ Тургеневъ. Для привлеченія массы читающей публики это обстоятельство, конечно, не могло остаться безъ большого вліянія, тѣмъ болѣе, что обстоятельство это соединялось съ рядомъ другихъ условій, указанныхъ выше, и совместно съ ними дѣйствовало на читателя.

IV.

И такъ, мы видимъ, что популярность Тургенева создается цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, дѣйствительно словно пригнанныхъ одно къ одному. Слабая сторона художника приближаетъ къ нему массу, его сильная сторона окончательно приковываетъ эту массу, способную, на счастье художника, понять и оцѣнить красоту создаваемыхъ имъ образовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, на нашу читающую публику дѣйствительно нельзя пожаловаться, если сравнивать ее хотя-бы съ европейскою. Эстетическая школа 40-хъ годовъ принесла свои плоды, не совѣмъ истребленные даже до настоящаго времени. Впрочемъ, не станемъ уклоняться отъ предмета.

Нельзя не поставить Тургенева очень высоко, какъ художника, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Я старался обрисовать это въ предыдущей главѣ. Но эта оцѣнка требуетъ значительныхъ оговорокъ, если мы возьмемъ понятіе о художникѣ слова въ болѣе широкомъ смыслѣ. Въ наше представленіе о художникѣ всегда входитъ одинъ очень важный элементъ, — это широта пониманія, глубина анализа, вообще все, что даетъ образу его содержаніе. Для того, чтобы быть великимъ художникомъ, недостаточно еще «умѣть выразить все, что хочешь», какъ отозвался Тургеневъ о Брюловѣ. Нужно еще имѣть кое-что сообщить человѣчеству. Относительно этого нѣтъ надобности вообще распространяться: дѣло ясно само по себѣ. Но не мѣшаетъ замѣтить, что собственно въ словесныхъ художественныхъ произведеніяхъ содержаніе всегда относится по преимуществу къ области психологіи или общественной жизни. Центръ тяжести нашихъ требованій, предъявляемыхъ художнику слова, лежитъ, насколько рѣчь идетъ о содержаніи, именно въ этихъ областяхъ. Нетрудно видѣть, насколько справедливо такое отношеніе къ словесности. Мы видѣли, напр., что Тургеневъ чрезвычайно силенъ въ созиданіи прекраснаго. Но вѣдь каково-бы ни было искусство художника, его слово все-таки не можетъ выразить красоту формы, линіи, краски въ такой степени, въ какой это доступно кисти или рѣзцу. Изображеніе прекраснаго не можетъ поэтому создать великаго художника слова, какъ оно создаетъ великаго живописца или скульптора, и художникъ, сердцу котораго ближе всего красота, въ сущности, не долженъ-бы дѣлаться беллетристомъ. Но за то внутренняя жизнь человѣка или общества ни одной отрасли искусства не доступна въ такой мѣрѣ, какъ художественному слову. Даже живопись, въ сравненіи со словомъ, является дѣтскимъ лепетомъ, когда художникъ рисуетъ внутренній міръ человѣка, и даже музыка лишь въ немногихъ случаяхъ

можетъ соперничать съ рѣчью въ дѣлѣ возсозданія человѣческаго настроенія. Очень понятно поэтому, что беллетристъ дѣлается безсмертнымъ главнымъ образомъ именно какъ психологъ или наблюдатель общественной жизни. Великаго художника мы узнаемъ по великому созданію, возможность котораго обусловлена не однимъ мастерствомъ, но и средствами самого искусства. Прекрасный образъ самъ по себѣ можетъ обезсмертить ваятеля или живописца, и менѣе всего беллетриста, потому что словомъ не создашь ни Венеры Милосской, ни Мадонны Рафаэля. Каждому свое дѣло, потому что у каждаго свои средства. У каждаго поэтому своя сила и свое величіе. Художникъ слова ищетъ величія въ изображеніи внутренней жизни человѣка и общества, потому что только здѣсь можетъ развить дѣйствительно громадную силу, присущую самой природѣ человѣческаго слова.

Съ этой мѣркой мы должны подойти и къ художественнымъ созданіямъ Тургенева.

Трудно думать, однако, чтобы самые восторженные почитатели покойнаго могли ставить его, какъ психолога, наряду не только съ великими европейскими гениями, но даже хотя-бы съ наиболѣе выдающимися изъ нашихъ писателей, съ Толстымъ, напр., или Достоевскимъ, или Гончаровымъ. О Гончаровѣ, впрочемъ, я буду еще говорить ниже. Но возьмите Достоевскаго. Говорятъ, онъ психіатръ, а не психологъ; не будемъ тратить времени на споры; во всякомъ случаѣ, въ «Мертвомъ Домѣ» Достоевскій рисуетъ человѣка здороваго. Сравните-же хотя-бы типы изъ «Записокъ Охотника» съ типами изъ «Мертваго Дома». Не знаю ужъ, нужно-ли даже подводить итоги сравненію. Тургеневъ даетъ хорошенькія фотографіи, неспособныя воспроизвести даже разорванной подкладки мужицкаго кафтана, если пола его не приподнята вѣтромъ. Это наблюдение самое поверхностное, достаточное развѣ только для опредѣленія, что наблюдаемое существо принадлежитъ къ человѣческой породѣ, а не составляетъ особой разновидности рабочаго скота, какъ ошибочно полагали прежде. Я, конечно, не отрицаю гражданской заслуги Тургенева; но рѣчь у насъ теперь не о заслугахъ, а о глубинѣ анализа, и въ этомъ отношеніи тургеневскіе Хори и Калинычи, конечно, представляются не больше какъ картинками въ сравненіи съ каторжниками Достоевскаго, у котораго вы просто ощущаете теплую человѣческую кровь, живую человѣческую душу. Недурно, встати ужъ рѣчь зашла о народныхъ типахъ. сопоставить съ Хорями и Калинычами хотя-бы солдатъ Л. Толстого или его Петра Каратаева. Пятнадцать лѣтъ прошло послѣ созданія этого неподражаемаго типа, пятнадцать лѣтъ всѣ молодые белле-

тристы наши занимались изученіемъ мужика, и что-же? Наибо́лѣе талантливый изъ нихъ, г. Успенскій, давшій столько типовъ мужика и дойдя уже до своей «Власти земли», не умѣетъ высказать свою мысль объ основномъ крестьянскомъ типѣ лучше, какъ ссылаясь на Каратаева. Вотъ это дѣйствительно можно назвать «типомъ»: съ нимъ вы понимаете и общественную жизнь народа, и его исторію. Это дѣйствительно лучъ свѣта въ темнотѣ недоумѣній. Ничего, даже приблизительно ничего подобнаго не даетъ Тургеневъ, гдѣ ни заводитъ рѣчь о мужикѣ.

Возьмемъ для образчика еще и другія сравненія. Достоевскій, говорятъ, рисуетъ больного человѣка. Допустимъ; но нужно сознаться, что онъ отрываетъ намъ въ больномъ человѣкѣ цѣлый міръ психической жизни. Больная или нѣтъ, она, какъ-бы то ни было, существуетъ, и вы съ нею знакомитесь у Достоевскаго, какъ не познакомитесь во 100 лѣтъ самостоятельнаго наблюденія. Напомню, напр., сцену галлюцинаціи—явленіе бѣса въ «Карамазовыхъ»: это нѣчто до невѣроятности живое; самъ Карамазовъ не могъ лучше чувствовать того, что даетъ намъ наблюдать Достоевскій. Напомню еще послѣднее объясненіе самоубійцы въ «Дневникѣ писателя». Дѣло, конечно, не въ тенденціи. Важно то, какъ обрисовывается авторомъ психическій моментъ. Возьмите весь эпизодъ «Преступленія и наказанія», да и многое другое; тутъ затрудненіе можетъ выйти только вслѣдствіе чрезмѣрнаго богатства примѣровъ: одинъ одного лучше, живѣе, поучительнѣе. Въ совершенно иномъ затрудненіи мы очутимся, если захотимъ выбрать у Тургенева какіе-нибудь образчики психологическаго анализа, способные стать въ сравненіе съ поразительно жизненными сценами Достоевскаго или Л. Толстого. Я, разумѣется, не хочу сказать, чтобы у Тургенева не было анализа; нѣкоторыя сцены его также поражаютъ васъ своею правдивостью, но замѣчательно, что у него вы почти всегда находите не столько изображеніе внутренняго душевнаго состоянія, сколько *внѣшняю* его проявленія—въ жестахъ, словахъ, поступкахъ. Это черта опять сближающая искусство Тургенева съ скульптурою или живописью. Возьмите, напр., одну изъ наилучшихъ сценъ его: горе отца послѣ смерти Евгенія Базарова. Вы видите съ поразительной ясностью это отчаяніе, видите такъ, какъ будто наблюдаете старика собственными глазами; но вы именно только видите; что-же происходитъ у него на душѣ—объ этомъ ужъ вы должны догадываться сами: художникъ въ этомъ вамъ нисколько не помогаетъ. Въ томъ-же романѣ вспоминается мнѣ опять замѣчательно пластичное, словно изъ мрамора изваянное изображеніе стариковъ Базаровыхъ на могилѣ сына. Быть болѣе

пластичнымъ въ словѣ—просто невозможно. Но не характерно-ли, что художникъ здѣсь опять вамъ указываетъ только позу, выраженіе лица, жестъ, но не душу,—о душѣ вы можете получить представленіе только на основаніи внѣшнихъ признаковъ, нарисованныхъ Тургеневымъ. Я думаю, читатель безъ труда вспомнить десятки сценъ, поразившихъ его у Тургенева и постоянно отличающихся той-же особенностью. Все это, съ точки зрѣнія общепринятыхъ эстетическихъ теорій, составляетъ, конечно, не недостатокъ, а достоинство. Но, однако-же, благодаря этимъ «достоинствамъ», вы у Тургенева почти никогда не *переживаете* даннаго душевнаго процесса, а только *наблюдаете* его со стороны; у Достоевскаго или иногда даже у Л. Толстого *) вы, наоборотъ, часто совсѣмъ не видите позы или жеста человѣка, но за-то ясно ощущаете и понимаете то душевное настроеніе, въ результатъ котораго является поза или жестъ, такъ тщательно подхватываемые Тургеневымъ. И вотъ собственно почему Тургеневъ не въ состояніи такъ увлечь читателя, не введетъ его въ такую нервную дрожь, какъ это можетъ сдѣлать Достоевскій. Въ этомъ случаѣ Тургеневъ, несмотря на свое великое мастерство,—слабъ, слабъ именно по той причинѣ, по которой его превозносятъ теоретики эстетики. Мнѣ кажется, самый талантъ его отличается свойствами, съ которыми нельзя много сдѣлать въ психологическомъ анализѣ. Внѣшнее проявленіе человѣческаго чувства, по самой природѣ вещей, вовсе не отличается особенной отчетливостью; а стало быть—если вы сравните даже съ самой природой въ искусствѣ изобразить это внѣшнее проявленіе, вы все-таки дадите лишь приблизительное и неточное понятіе о чувствѣ. Живописецъ или скульпторъ, по необходимости, принуждены ограничиваться такимъ приблизительнымъ изображеніемъ, но отъ художника слова, которому открыта не одна игра лицевыхъ мускуловъ, но вся душа человѣка—требуется, разумѣется, кое-что побольше.

Тургеневъ даетъ это большее весьма рѣдко, а именно, по преимуществу, при изображеніи разныхъ варьянтовъ любви,—тѣма, гдѣ Тургеневъ, какъ психологъ, особенно силенъ и, несмотря на истрепанность самой тѣмы, умѣетъ создать нѣчто новое. Любовь современнаго русскаго человѣка разныхъ поколѣній и возрастовъ обрисовывается Тургеневымъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Но если бы пришлось назвать психологическій моментъ, изображеніе котораго особенно хорошо у него, то это, разумѣется,

*) Хотя вообще я не отрицаю, конечно, замѣчательной пластичности Толстого.

первый разцвѣтъ женской любви, соединенный съ неяснымъ порывомъ къ чему-то идеальному, великому. Чувство — чрезвычайно поэтическое, и Тургеневъ пишетъ его прекрасно. Нельзя, однако, не замѣтить, что даже и здѣсь, на верху своей дѣйствительной силы, онъ постоянно беретъ только одинъ моментъ, безъ начала и безъ конца. Л. Толстой въ своей Наташѣ Ростовой очень близко подошелъ къ той-же тѣмѣ, но онъ ее и оканчиваетъ, онъ дорисовываетъ процессъ развитія этого поэтического чувства вплоть до спальни и дѣтскихъ пеленокъ. Я не хочу сказать, чтобы объективно-жестокіе выводы Толстого были обязательны, а только сравниваю самый способъ анализа у двухъ художниковъ. Толстой рисуетъ намъ цѣлый процессъ. Тургеневъ беретъ постоянно нѣсколько аккордовъ и обрываетъ ихъ, какъ будто не зная, чѣмъ ихъ кончить или боясь испортить очарованіе первыхъ звуковъ. Очень можетъ быть, что, съ эстетической точки зрѣнія, онъ и правъ. Толстой, напримѣръ, дѣйствительно, съ точки зрѣнія красоты образа, испортилъ въ концѣ концовъ все ваше впечатлѣніе отъ поэтической Наташи. Но если Тургеневъ въ этомъ случаѣ и правъ, то исключительно какъ авторъ красивой картинки; какъ психологъ — онъ долженъ былъ сдѣлать гораздо больше, долженъ былъ показать, что за чувство онъ рисуетъ, изъ какихъ составныхъ частей оно складывается и во что вырастаетъ. Ничего подобнаго онъ не даетъ читателю, и это, повторяю, въ такой тѣмѣ, которая составляетъ вѣнецъ его силы и глубины въ дѣлѣ психологическаго анализа.

Можно было-бы многое сказать по поводу другихъ варьянтовъ того-же чувства любви, изображаемыхъ Тургеневымъ. Написаны они хорошо, и даже очень, если мы не будемъ только подходить къ нашему автору съ мѣркой великаго художника. Но при тѣхъ требованіяхъ, которымъ легко удовлетворяетъ Достоевскій или Л. Толстой, или даже Гончаровъ, — Тургеневъ, какъ психологъ, почти никогда не оказывается достаточно состоятельнымъ. Онъ, какъ психологъ, постоянно натывается на два камня преткновенія: на эстетическое стремленіе къ образу непременно изящному и на неспособность наблюдать чувство иначе, какъ въ его вѣдшихъ проявленіяхъ. Какой-то знакомый Тургенева недавно помѣстилъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, описаніе самого процесса, какимъ складывался у Тургенева изображаемый имъ образъ («Русск. Мысль», ноябрь, «Черты изъ парижской жизни И. С. Т.»). Замѣчательно поучительная характеристика, справедливость которой подтверждается объясненіями Тургенева въ предисловіи къ полному изданію его сочиненій. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ, т. е.

въ упомянутыхъ воспоминаніяхъ, характеристика дѣлается тоже прямо со словъ Тургенева. «Всѣ мои повѣсти, говоритъ онъ по словамъ автора,—или по крайней мѣрѣ, детальная сторона ихъ представляетъ почти фотографическій снимокъ съ того, что я видѣлъ и слышалъ. Я часто соединяю ваше лицо со словами вашего пріятеля NN и съ жестами Т., но ни того, ни другого, ни третьяго не выдумываю, а списываю. Послѣ каждой встрѣчи со знакомой и незнакомой личностью, я вношу въ свою тетрадь всѣ обратившія мое вниманіе характерныя черты наружности и рѣчи моихъ собесѣдниковъ. По этимъ характернымъ и выдающимся чертамъ я стараюсь воспроизвести цѣлую фигуру, сливая, гдѣ это можно, черты нѣсколькихъ родственныхъ лицъ въ одну»... Да, мнѣ кажется, вотъ именно такъ и долженъ былъ работать человекъ, дающій такой психическій образъ, какой даетъ Тургеневъ. Его работа основана главнымъ образомъ на внѣшнемъ наблюденіи, какъ будто изображеніе внѣшнихъ признаковъ составляетъ самую важную часть образа, представляющую данное душевное настроеніе, данный психическій процессъ! Не такъ работаетъ художникъ-психологъ, способный дѣйствительно глубоко проникнуть въ душу человѣка и прослѣдить развитіе душевнаго процесса далеко за тѣми предѣлами, когда оно уже начинаетъ проявляться въ жестѣ, движеніи, поступкѣ. А вѣдь въ этой глубинѣ—цѣлый міръ невидимаго, молекулярнаго броженія; это тонкое движеніе нужно умѣть понять и ощутить совсѣмъ иными путями. Тутъ, на ряду съ наблюденіемъ внѣшнихъ проявленій, для художника-психолога нуженъ еще особый процессъ творчества, нѣсколько аналогичный логикѣ. Какъ посредствомъ логики вы, зная послышки, принятія данной личностью, можете предусмотрѣть выводъ, къ которому она должна прійти,—можетъ быть, полубезсознательно, можетъ быть, безъ способности самостоятельно формулировать этотъ выводъ,—такъ и въ сферѣ чувства, ощущенія, настроенія художникъ-психологъ долженъ умѣть прочувствовать ихъ комбинацію и развитіе гораздо лучше и тоньше, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано средней человѣческой личностью и, слѣдовательно, лучше и тоньше, чѣмъ это можетъ быть выражено ея жестомъ и поступкомъ. Наблюденіе внѣшнихъ проявленій можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ для провѣрки вашего анализа, но никакъ не главнымъ источникомъ его. И художникъ, воспріятіе котораго оказывается тонкимъ и чувствительнымъ только къ внѣшнимъ проявленіямъ психическаго процесса, можетъ создать образы полныя красoty и пластичности, но никогда не заявитъ себя великимъ психологомъ.

У.

Не знаю, насколько согласились до сихъ поръ со мной мои читатели, но думаю, что, во всякомъ случаѣ, я услышу отъ нихъ возраженіе въ томъ смыслѣ, что Тургеневъ, великъ, главнымъ образомъ, вовсе не своимъ анализомъ внутренней жизни человѣка, что въ крупнѣйшихъ своихъ твореніяхъ онъ преслѣдовалъ совсѣмъ иную задачу: анализъ общественнаго типа. Это составляетъ его настоящую силу и его вѣчную славу. Анализъ общественныхъ типовъ мы и должны разсматривать, если нужно характеризовать талантъ и значеніе Тургенева.

Дѣйствительно, у Тургенева издавна уже установилась репутація необычайной чуткости въ пониманіи самой сути русской жизни, или, по крайней мѣрѣ, жизни русскаго интеллигентнаго слоя. Публика, затрудняясь передъ какимъ-нибудь общественнымъ явленіемъ, постоянно прибѣгала къ Тургеневу съ запросомъ, «что оно означаетъ»; Тургеневъ же, со своей стороны, всегда считалъ долгомъ «отозваться». Такъ онъ и въ могилу сошелъ съ титуломъ «истолкователя трехъ поколѣній», какъ выразился поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ въ память художника. Это мнѣніе такъ всеобще, такъ прочно установилось, что каждый невольно ощущаетъ на себѣ его давленіе. А между тѣмъ, мнѣ кажется, заслуга Тургенева въ «истолкованіи» разныхъ поколѣній далеко не такъ значительна, и у него можно познакомиться скорѣе со средней самоощущенной общества, чѣмъ съ дѣйствительнымъ характеромъ общественнаго типа.

Духовное сродство Тургенева съ массой образованнаго общества нигдѣ не проявилось болѣе сильно, какъ именно въ этой роли «истолкователя». Оно прежде всего даетъ писателю самоувѣренность при столкновеніи съ задачей, передъ которой невольно отступаютъ другіе. Когда художникъ въ своей оцѣнкѣ расходится съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ невольно робѣетъ и даже, можетъ быть, для самого себя не въ состояніи докончить анализа, шевелящагося въ его головѣ. Являться истолкователемъ при такихъ условіяхъ—трудно. Совершенно иначе стоитъ дѣло, если между художникомъ-вождемъ и массой публики существуетъ та близость, о которой говорить Тургеневъ по поводу Бѣлинскаго. Тутъ уже художникъ не имѣетъ повода сомнѣваться въ себѣ. Всѣ робкіе намеки, легкія обобщенія, слабыя попытки объясненія—все, что только доходитъ отъ общества къ художнику, можетъ лишь убѣждать этого послѣдняго въ безошибочности начатаго имъ анализа, въ правдивости образа, слагающагося въ его головѣ. Мо-

жеть, конечно, иногда случится при этомъ, что отголоски общественной самооцѣнки временно и разойдутся съ оцѣнкой художника. Но это не важно, потому что, во-первыхъ, случается вовсе не часто, а самое главное — въ концѣ концовъ разногласіе оказывается разрешеннымъ въ пользу художника. Вѣдь онъ видитъ все-таки лучше массы, и она въ этомъ каждый разъ бываетъ принуждена сознаться. Сознаніе-же это непременно является по той причинѣ, что художникъ видитъ хотя и дальше, и тоньше, но не столько далеко и тонко, чтобы опередить массу на цѣлое столѣтіе. Онъ видитъ сразу и сегодня то, что масса увидитъ, можетъ быть, завтра и послѣ нѣкоторыхъ размышлений и указаній. Поэтому публика приходитъ къ сознанію своей ошибки не тогда, когда уже сгнили и кости великаго прозорливца, а болѣе или менѣе скоро, когда онъ не потерялъ ни силъ, ни охоты «истолковывать» запросы жизни. Въ общей сложности, такіа столкновенія, конечно, могутъ каждый разъ только усиливать самоувѣренность «вождя».

Я хочу сказать этимъ, что самый фактъ постоянного истолкованія еще не всегда доказываетъ особливую чуткость истолкователя, а можетъ зависѣть отъ совершенно другихъ условій. Что-же касается собственно Тургенева, то наличность и вліяніе именно указанныхъ мною условій рѣшительно не можетъ подлежать сомнѣнію. Что можетъ быть характернѣе появленія «Нови»? Художникъ, чуть-ли не 15 лѣтъ почти безвыѣздно проживавшій за границей, смѣло берется за «истолкованіе» такого явленія, передъ которымъ въ недоумѣніи останавливаются самые близкіе наблюдатели. Онъ смѣло берется за описаніе пропаганды, заговора, типовъ, хотя ни того, ни другого, ни третьяго совершенно не могъ наблюдать изъ своего прекраснаго далека. Ничто его не устрашаетъ. Я знаю, находятся люди, которые даже по поводу этой исторіи рѣшаются говорить о «геніальности», но право это ужъ слишкомъ! Допустите какую угодно геніальность, но согласитесь все-таки, что законы природы обязательны для генія, какъ для простаго смертнаго... И что-же нужно сказать, если геній совершенно забываетъ объ этихъ законахъ природы, если онъ, напримѣръ, о нравахъ какого-нибудь животнаго начинаетъ судить по чучелъ зоологическаго музея, о настроеніи воина во время битвы — по трупу убитаго солдата и т. д.? Я полагаю, что каждый художникъ, если онъ даже не понимаетъ этого сознательно, то ужъ однимъ своимъ художественнымъ чутьемъ, однимъ ощущеніемъ правдивости, жизненности явленія, долженъ приходиться къ пониманію, что составныя части каждаго процесса, взятая въ изолированномъ видѣ, имѣютъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой пріобрѣтаютъ при своемъ взаимо-

дѣйствию. Что сказать, если художникъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ перестаетъ это понимать? Я думаю, очевидно, что побудительною причиною у него, стало быть, служить что угодно, но только не художественное чутье. Оно у него, положимъ, есть, но въ данномъ случаѣ не оно имъ руководить. А затѣмъ—какая громадная увѣренность нужна для того, чтобы браться за истолкованіе при такихъ условіяхъ, и потомъ еще думать, что послѣдующее подтвердило ваше мнѣніе? При такомъ убѣжденіи Тургеневъ остался до конца дней, завѣщая его намъ даже въ своихъ «стихотвореніяхъ въ прозѣ»!..

Я думаю, что въ роли истолкователя знаменитый художникъ утвердился, главнымъ образомъ, въ силу своей близости и однородности съ обществомъ и въ силу возникающаго отсюда постоянного поощренія со стороны публики. Самъ по себѣ талантъ Тургенева совсѣмъ не такого рода, чтобы повлечь художника неудержимо къ анализу общественныхъ явленій. Тѣ-же недостатки, которые мѣшаютъ ему быть психологомъ, вредно отзываются и на общественномъ анализѣ. Какъ на типическій образчикъ этого, можно указать на ту же «Новь». Настоящій талантъ, влекущій къ общественному анализу, непремѣнно долженъ побуждать художника къ наблюденію не собственно личности, а главнымъ образомъ общественнаго процесса, потому что только въ немъ личность дѣлается общественнымъ типомъ, только въ водоворотѣ жизни она пріобрѣтаетъ, развивается и показываетъ тѣ черты, которыя составляютъ особенность «поколѣнія». Тургеневъ этого совсѣмъ не чувствовалъ. Онъ оставался вполне удовлетворенъ, наблюдая фізіономію, жесты, слова своего натурщика гдѣ-нибудь въ Парижѣ, вмѣсто Петербургской Стороны или московской фабрики, и полагалъ, что онъ можетъ такимъ образомъ понять *общественный* типъ; онъ какъ-будто и не думалъ о томъ, что всѣ эти жесты, позы и даже самая игра фізіономіи одного и того-же лица совершенно измѣняются и что изъ парижскихъ жестовъ нельзя дѣлать заключенія не только о петербургскомъ душевномъ процессѣ, но даже о петербургскихъ жестахъ. Черты общественнаго типа, можно сказать, просто не существуютъ внѣ общественной обстановки, внѣ общественнаго процесса, создающаго данный типъ. Тургеневъ-же совершенно будто не чувствовалъ потребности наблюдать общественный процессъ, какъ будто мало даже сознавалъ его существованіе. Въ общественной психологіи онъ скользитъ такъ-же по поверхности, какъ въ психологіи личной. Онъ видитъ по преимуществу внѣшнее проявленіе общественнаго процесса, какъ видитъ жесты и позы человѣка, и на основаніи этихъ внѣшнихъ проявленій подводитъ итоги вы-

тренней жизни, которая на самомъ дѣлѣ безконечно сложнѣе, чѣмъ это можно заключить по сравнительно грубымъ и неяснымъ внѣшнимъ проявленіямъ. А между тѣмъ общественный типъ создается именно этой внутренней, невидимой жизнью общества. Не ощущая ея,—никогда вы не поймете, а тѣмъ болѣе не воспроизведете общественный типъ.

«Истолкованія», создаваемые такимъ путемъ, обыкновенно мало обращаютъ на себя вниманіе публики, какъ это можно видѣть на примѣрѣ множества беллетристовъ не безъ таланта, но безъ способности глубокаго анализа. Они отмѣчаютъ не мало вѣрныхъ сценъ, вѣрныхъ чертъ русской жизни, но въ концѣ концовъ истолкователями ихъ никто не считаетъ. Тургеневъ—дѣло особое. Его анализъ, конечно, все-таки глубже, но не это его выдвигаетъ. Его выдвигаетъ замѣчательное нравственное единеніе съ массой общества и, въ результатъ этого, совпаденіе анализа художника съ самоощѣнкой общества. Когда Ренанъ въ своемъ надгробномъ словѣ говорилъ, что «душа Тургенева была, нѣкоторымъ образомъ, совѣстью цѣлаго народа» то онъ, въ сущности, былъ очень близокъ къ истинѣ. Но, какъ французъ, мало знающій Россію и принужденный во многомъ вѣрить на слово русскимъ отзывамъ о Тургеневѣ, онъ придалъ всему этому слишкомъ возвышенный характеръ. По моему мнѣнію, душа Тургенева была дѣйствительно, если угодно, совѣстью русской образованной массы (а не народа, конечно), но именно лишь въ томъ смыслѣ, какъ я это сейчасъ отмѣтилъ. А затѣмъ, конечно, нѣтъ надобности распространяться, что совѣсть человѣка или массы является безошибочнымъ судьей только въ прописяхъ. На дѣлѣ, указанія совѣсти общества, или, говоря менѣе возвышенно, его самоощѣнка—почти всегда ошибочна. Она сама по себѣ представляетъ интересный фактъ, интересный матеріалъ для характеристики общества, и въ этомъ смыслѣ романы Тургенева дѣйствительно составляютъ страничку исторіи. Но было бы большою ошибкой отождествлять дѣйствительный характеръ общественнаго типа съ мнѣніемъ о немъ общества или, что тоже, съ «истолкованіемъ» этого типа у Тургенева. Пусть смѣло читаетъ Тургенева тотъ, кто хочетъ изслѣдовать, насколько русское общество умѣло познать самого себя; но кто хочетъ узнать, чѣмъ было это общество въ дѣйствительности, тотъ долженъ относиться къ типамъ Тургенева съ очень большою осмотрительностью.

VI.

Рудинъ и Базаровъ принадлежатъ къ числу самыхъ знаменитыхъ типовъ, составившихъ славу Тургенева, какъ истолкователя;

на нихъ повтому всего удобнѣе будетъ отмѣтить слабыя стороны его анализа.

Съ перваго взгляда, оба названные типа представляются въ высшей степени живыми, и вы невольно склоняетесь принять ихъ за представителей того или другого поколѣнія. Замѣчательно, что въ многочисленныхъ спорахъ по поводу Базарова всѣ усилія полемики сосредоточивались главнымъ образомъ около вопроса: хорошъ или дуренъ, полезенъ или вреденъ такой человѣкъ; вопросъ о томъ, представляетъ-ли Базаровъ дѣйствительно типическій образчикъ поколѣнія, разбирался сравнительно чрезвычайно мало. «Типичность» героя «Отцовъ и Дѣтей» была признана словно какимъ-то единогласнымъ мнѣніемъ, безъ обсуждения и голосованія.

Конечно, нужно не малое искусство, чтобы написать картину, способную произвести такой эффектъ. Но его нѣтъ никакихъ основаній приписывать глубинѣ анализа, развитого художникомъ. Эффектъ, напротивъ, опредѣлялся отчасти даже самымъ недостаткомъ анализа. Дѣло въ томъ, что познать самого себя—самая затруднительная вещь на свѣтѣ. Думать, что какое-бы то ни было поколѣніе понимаетъ себя особенно хорошо и точно, а стало быть способно единодушно оцѣнить дѣйствительно художественное произведеніе своего типа—думать это—значитъ очень сильно ошибаться. Совсѣмъ иное дѣло—внѣшніе признаки, характеризующіе поколѣніе; они видны всѣмъ и каждому, по нимъ каждая масса отличаетъ себя отъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Вѣрное воспроизведеніе этого *внѣшняго* образа дѣйствительно можетъ быть оцѣнено массою и возбудить ея восторгъ. Такъ было и при появленіи «Отцовъ и Дѣтей». Тургеневъ развернулъ въ этомъ романѣ всю силу своего громаднаго таланта портретиста. Онъ нарисовалъ такой образъ, въ которомъ съ замѣчательною живостью и точностью воспроизведена вся фізіономія человѣка 60-хъ годовъ, но,—замѣйте—именно фізіономія, а не душа. Вся внѣшность схвачена у него превосходно, такъ что у читателя не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности изображенія. Публика невольно поддается иллюзии: ей кажется, что она видитъ передъ собою живого человѣка, къ которому стоитъ только присмотрѣться, чтобы понять самую душу новаго поколѣнія. И вотъ, мы начинаемъ всматриваться, анализировать, не замѣчая, что находимся въ положеніи человѣка, который вздумалъ анатомировать картину, въ надеждѣ открыть подъ лакомъ и красками тѣ вены, которыя такъ ясно просвѣчиваютъ съвозъ изумительно вырисованную кожу.

Отсутствие настоящаго анализа, маскируемое поразительно жи-

вою внѣшностью, не могло, однако, не ощущаться до нѣкоторой степени публикой, хотя едва-ли она сама сознавала, чего именно не достаетъ въ «типѣ». Не понималъ этого и Тургеневъ вмѣстѣ съ публикой. Неудовлетворенность читателя онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что въ романѣ нѣтъ «оцѣнки» Базарова, что, значить, читателямъ прямо не сказано, хорошъ онъ или дуренъ. Немного насмѣшливо, Тургеневъ замѣчаетъ, по этому поводу: «а что-жь дѣлать автору, если онъ самъ не знаетъ, любитъ-ли онъ своего героя или нѣтъ, какъ это у меня и было по отношенію къ Базарову?» *) На самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, тутъ было нѣчто другое. Публика, думается мнѣ, чувствовала потребность не въ оцѣнкѣ, сдѣланной самимъ непремѣнно авторомъ, а въ томъ, чтобы «типъ» заключалъ въ себѣ данныя, при наличности которыхъ его и его общественную роль возможно было-бы оцѣнить. У Тургенева въ Базаровѣ этихъ-то данныхъ именно и не хватаетъ. Публика находила въ романѣ все, что сама видѣла и знала, даже больше: она видѣла сведеннымъ все это къ одному знаменателю, въ одинъ образъ. Она видѣла у Тургенева даже нѣкоторые выводы, какъ на примѣръ тотъ, что новый человѣкъ принадлежитъ къ породѣ очень сильной. Все это, однако, удовлетворяло только массу читателей, но въ болѣе чуткихъ, болѣе требовательныхъ оставляло нѣкоторое недоумѣніе, а иногда даже прямо неудовольствіе. То и другое, очевидно, было вполне резонно. О недоумѣніи ужъ не говорю, но даже неудовольствіе вполне имѣло мѣсто по отношенію къ Тургеневу. Дѣйствительно, замѣчательно яркое внѣшнее изображеніе не допускало у читателей мысли о возможности того, чтобы авторъ былъ просто *неспособенъ* изобразить внутреннее содержаніе даннаго типа. Не замѣчая у Базарова ничего на душѣ, читатель объяснялъ самъ эту пустоту не какъ пробѣлъ въ картинѣ, а какъ одинъ изъ признаковъ типа. Въ этомъ-то смыслѣ на Тургеневѣ дѣйствительно лежитъ грѣхъ, хотя невольный. Онъ далъ человѣку 60-хъ годовъ не только кличку «нигилиста», но и наложилъ на него печать какого-то отрицанія для отрицанія или, по крайней мѣрѣ, отрицанія далеко заходящаго за предѣлы той положительной основы, которая одна дѣлаетъ отрицаніе законнымъ и полезнымъ. Когда Тургеневу говорили, указывая на пожаръ Апраксина рынка: «Посмотрите, что ваши нигилисты дѣлаютъ», художникъ могъ-бы напомнить слова своего Базарова: «Я придерживаюсь отрицатель-

*) Цитирую на память, но смыслъ фразы, надѣюсь, воспроизвожу вполне точно.

наго направленія—въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Ну, разумѣется, если такъ, то почему публикѣ не думать, что другой Базаровъ могъ сказать: «Отрицаю Апраксинъ рынокъ—и баста!» Одна фраза стѣбитъ другой, и для того, чтобы понять невозможность второй въ устахъ Базарова, нужно знать то, чего не знаетъ Тургеневъ,—настоящее душевное содержаніе человѣка 60-хъ годовъ: не его мнѣніе объ устройствѣ своего мозга, а дѣйствительное устройство этого мозга.

Вотъ гдѣ видна вся недостаточность изображенія общественнаго типа тѣмъ способомъ, какимъ это дѣлаетъ Тургеневъ. Слова человѣка далеко не всегда выражаютъ его настоящее мнѣніе и даже самыя мнѣнія вовсе еще не выражаютъ характера и чувствъ, которыми, однако, главнымъ образомъ опредѣляется поведеніе человѣка. Наконецъ, даже, наблюдая поведеніе человѣка, крайне легко впасть въ самое ошибочное представленіе о его характерѣ. Руссо рассказываетъ, что онъ въ обществѣ держалъ себя, по наружности, съ презрительнымъ пренебреженіемъ къ людямъ, но именно потому, что дорожилъ ихъ мнѣніемъ, а между тѣмъ, по робости и застѣнчивости, не сумѣлъ бы держать себя свѣтскимъ человѣкомъ. Крайній пуританизмъ иногда служитъ признакомъ развращенной натуры, сознающей необходимость держать себя въ постоянной уздѣ; видимый цинизмъ сплошь и рядомъ прикрываетъ внутреннее цѣломудріе. Отрицаніе точно также, если оно доходитъ до фанатизма, навѣрное скрываетъ подъ собою самый пламенный, юношескій идеализмъ. Такъ бываетъ по большей части, и такъ было именно въ 60-хъ годахъ,—эпоха, по моему мнѣнію, гораздо болѣе идеалистичная, чѣмъ такъ называемые 40-е годы, полная иллюзій, доходившихъ до забвенія дѣйствительности.

Но всё это, конечно, нужно понять, а для того, чтобы понять какой-бы то ни было типъ—нужно съ нимъ прежде всего глубоко сжиться. Истолкователей «трехъ поколѣній» вообще не бываетъ потому на свѣтѣ. Гораздо легче понять цѣлую сотню просто человѣческихъ психологическихъ моментовъ, чѣмъ одинъ «историческій» типъ—это сложнѣйшее явленіе человѣческой психологіи. Тургеневъ могъ «истолковать» три поколѣнія только потому, что не истолковалъ на самомъ дѣлѣ ни одного, а рисовалъ лишь картину чисто вѣшняго вида этихъ поколѣній. Отъ этого, къ слову сказать, происходитъ и неопредѣленность отношенія художника къ изображаемымъ типамъ. То, что мы понимаемъ, мы не можемъ не оцѣнивать: оцѣнка слагается въ душѣ даже противъ нашего желанія, правильная или неправильная—это все равно. Тургеневъ не можетъ опредѣлить, любить-ли онъ Базарова, именно потому,

что въ Базаровѣ не видитъ самаго главнаго, на основаніи чего людей любятъ или ненавидятъ. Точно также и мы теперь не можемъ сказать, любимъ-ли Базарова, и если Писаревъ заявлялъ къ нему свои симпатіи, то въ сущности потому, что говорилъ вовсе не о томъ лицѣ; которое фигурируетъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Онъ дорисовалъ тургеневскаго Базарова самъ, по своему вкусу, кое-что прибавилъ, кое-что выкинулъ, объявилъ, что такіа-то слова или поступки не должно принимать въ счетъ и т. д. Такъ, напримѣръ, отношеніе Базарова къ роднымъ онъ объяснялъ совершенно случайными причинами и твердо вѣрилъ, что будь отцомъ Базарова Николай Кирсановъ—они-бы прекрасно поладили между собой; точно также отношеніе Базарова къ разнымъ «олухамъ», которые ему «нужны», потому что «не богамъ-же горшки обжигать», — Писаревъ опять объяснялъ тѣмъ, что мы видимъ Базарова, такъ сказать, въ непріятельскомъ лагерѣ, а не между его настоящими товарищами, къ которымъ, дескать, онъ относится, конечно, иначе. Такимъ образомъ, Писаревъ постоянно имѣлъ въ виду не Базарова въ «Отцахъ и дѣтяхъ», а какого-то другого, находящагося въ иной обстановкѣ, иначе относящагося къ людямъ и т. д. Со своей стороны, г. Антоновичъ, напримѣръ, для того, чтобы отнестись къ Базарову отрицательно, долженъ былъ внести въ свое представленіе о немъ нѣчто такое, чего у Тургенева вовсе нѣтъ (обвиненіе, напримѣръ, Базарова въ развращенности натуры). Но если братъ Базарова просто, безъ передѣлокъ, то его нельзя ни любить, ни порицать, по той простой причинѣ, что онъ вамъ мало знакомъ. Вы съ нимъ встрѣчаетесь все будто «въ гостяхъ» и о самыхъ существенныхъ сторонахъ его внутренняго содержанія просто не можете составить опредѣленнаго понятія.

И что, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ замѣтить въ Базаровѣ? Прежде всего, конечно, бросается въ глаза его «отрицаніе». Но ясно-ли въ Базаровѣ даже оно? Вѣдь отрицаніе отрицанію рознь. Отрицаеть, напримѣръ, и Мефистофель, и Неронъ, и Калигула, и даже Пигасовъ. Для того, чтобы понять отрицаніе, мы должны видѣть тѣ чувства, симпатіи, желанія, которыя лежатъ въ его основѣ. Въ этомъ отношеніи, однако, Базаровъ даетъ намъ весьма противорѣчивыя показанія. Одинъ разъ онъ заявляетъ, напримѣръ: «Мы дѣйствуемъ въ силу того, что считаемъ *полезнымъ*, въ настоящее время всего полезнѣе отрицаніе: мы отрицаемъ». И такъ, значитъ, въ основѣ отрицанія лежитъ все-таки забота объ общественной пользѣ. Но не подумайте, что вы можете успокоиться на такомъ выводѣ; другой разъ, да еще въ самомъ интимномъ, дружескомъ разговорѣ, Базаровъ заявляетъ уже совер-

шенно иное: «Мнѣ *пріятно* отрицать, говорить онъ, — мой мозгъ такъ устроенъ—и basta! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія. Это всё едино». Извольте-же тутъ разбираться. Теперь ему уже «пріятно отрицать»—и basta! И если-бы еще Базаровъ хоть сказалъ, что ему пріятно быть полезнымъ,—это другое дѣло. Но ему пріятно именно «отрицать». Отрицаніе, стало быть, является чѣмъ-то само для себя существующимъ, само себя удовлетворяющимъ...

Нѣтъ спора, что докторъ, съ котораго Тургеневъ писалъ своего Базарова, могъ, конечно, сказать объ эти фразы. Но нельзя-же ограничить роль «истолкователя» простымъ записываніемъ фразъ своего натурщика. Долженъ-же истолкователь показать читателямъ, какимъ образомъ эти видимыя противорѣчія приходятъ къ единству въ головѣ говорящаго и въ его натурѣ вообще. Можемъ-ли мы удовлетвориться обрывками мыслей, фразами, выхваченными изъ разговора, случайными поступками среди случайной обстановки? Базаровъ, на примѣръ, гордится тѣмъ, что онъ «самоломаный». На какомъ, спрашивается, основаніи? Человѣкъ не можетъ ломать себя безъ какой-нибудь идеи, безъ какого-нибудь побужденія, болѣе сильнаго, чѣмъ тѣ непосредственныя влеченія организма, которыя онъ въ себѣ «ломаетъ». Что-же заставляетъ Базарова ломать себя? Что заставляетъ его также имѣть какое-то дѣло? Ни одного изъ этихъ и подобныхъ вопросовъ авторъ намъ не объясняетъ и не даетъ возможности рѣшить ихъ даже на основаніи тѣхъ фактовъ изъ жизни Базарова, которые сообщаетъ въ романѣ, потому-то не только образъ мыслей, но и самый характеръ его героя остается очень темнымъ. Тургеневъ, повидимому, склоненъ думать, что Базаровъ—натура по существу эгоистичная, жесткая, и многіе факты подтверждаютъ это мнѣніе. Отношеніе къ отцу и матери, отношеніе къ «друзьямъ», мелкіе случаи, въ родѣ пассажа съ Феничкой—всё это говоритъ въ пользу предположенія, что Базаровъ привыкъ думать только о себѣ, о своемъ удобствѣ и удовольствіи. Любовь къ Одинцовой кажется въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ диссонансомъ. Но Одинцова такъ хороша собой, такъ крупна, что можетъ возбудить къ себѣ сильное чувство даже въ очень сухой и эгоистической натурѣ; сверхъ того, Одинцова сама—колоссальная эгоистка, и эта сторона ея характера скорѣе должна бы отогнать человѣка, отличающагося противоположными свойствами. Стало быть, любовь эта вообще ничего не можетъ характеризовать въ Базаровѣ, кромѣ его силы. Не характеризуетъ его также и «дѣло», которому онъ служитъ. Тургеневъ такъ старательно изобразилъ самомнѣніе Базарова и его любовь властво-

вать, что мечтанія о дѣлѣ могутъ быть объяснены простымъ честолюбіемъ, тѣмъ болѣе, что у Базарова иногда попадаются пресомнительныя размышленія. Однажды Аркадій замѣтилъ, что мы обязаны стараться о благосостояніи крестьянина. «А я, отвѣчаетъ ему пріятель, — я возненавидѣлъ этого самого мужика, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня будетъ лопухъ расти; ну, а дальше?» Особенно большой любви къ человѣчеству, согласитесь, эти размышленія и вопросы не показываютъ. Конечно, по обстоятельствамъ дѣла, они могли быть результатомъ случайнаго настроенія, какъ это и утверждаетъ Писаревъ. Но странно было-бы со стороны автора угощать читателя «случайными» чертами, оставляя въ тѣни «постоянныя». Это вовсе не въ манерѣ Тургенева и просто-таки — ниже его. Если-же эта черта не случайная, то какъ-же тогда понимать Базарова? Нельзя-ли порѣшить на томъ, что это сильная эгоистическая натура, очень честолюбивая и сверхъ того озлобленная?.. Я забылъ сказать, что эту послѣднюю черту Тургеневъ рисовываетъ также очень старательно, и она приходится совсѣмъ кстати при нашихъ предположеніяхъ. «Въ тебѣ, говоритъ Базаровъ Аркадію, — нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость, да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится... Вы не деретесь, и уже воображаете себя молодцами, а мы — драться хотимъ... Ты невольно любишь себя, тебѣ пріятно самого себя бранить, а намъ это скучно — намъ другихъ подавай, намъ другихъ ломать надо». Черта — яркая, окончательно дополняющая образъ отрицателя и разрушителя, но остановиться на такомъ опредѣленіи Базарова тоже трудно. Въ романѣ отличны черты, не допускающія этого. Такъ, на примѣръ, авторъ показываетъ, что Базаровъ легко возбуждалъ къ себѣ симпатіи большинства окружающихъ. Не успѣваетъ онъ пріѣхать къ Кирсановымъ, какъ вся прислуга къ нему привязывается; Аркадій его любитъ тоже всѣми маленькими силами души. Эта способность возбуждать привязанность вовсе не свойственна натурамъ сухимъ. Потомъ, напр., умирая, Базаровъ нѣсколько разъ вспоминаетъ отца и мать и будто хочетъ ихъ утѣшить чѣмъ-нибудь, соглашаясь позвать къ себѣ священника. Онъ въ полузабытій говоритъ о своихъ планахъ что-нибудь сдѣлать для Россіи, которой онъ «нуженъ». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ придаетъ своему герою еще одну черточку, очень характерную: онъ немножко фаталистъ, въ немъ живетъ какая-то увѣренность, что онъ не можетъ умереть, не исполнивъ нѣкоторой общественной миссіи. Мысль — «не умру» — съ та-

кой ясностью подымается передъ нимъ во время дуэли, что онъ не хочетъ даже оставить на всякій случай записки въ отцу. А вѣдь Павелъ Кирсановъ хотѣлъ его непременно убить и имѣлъ право на два выстрѣла. Когда Базаровъ чувствуетъ приближеніе смерти, это сознаніе его какъ будто удивляетъ: какимъ образомъ могло случиться, что онъ умретъ? «Вотъ, говорили, нуженъ Россіи... видно не нуженъ». Онъ, изволите видѣть, былъ увѣренъ, что не умретъ, потому что нуженъ Россіи, и когда сталъ умирать, то заключилъ отсюда, что, стало быть, былъ не нуженъ. Когда мысль о своей жизни такъ тѣсно слилась въ человѣкѣ съ представленіемъ объ общественной миссіи—можно съ увѣренностью сказать, что передъ нами—не эгоистъ по натурѣ. Это черта скорѣе фанатика идеи...

Говоря это, я, впрочемъ, вовсе не хочу обвинять Тургенева въ противорѣчійхъ. Настоящаго противорѣчія тутъ нѣтъ, а просто «типъ» не нарисованъ съ самой существенной стороны. Противорѣчія—нѣтъ, потому что стоить вамъ только вложить какое-нибудь содержаніе въ форму, созданную Тургеневымъ—передъ вами встанетъ живой человѣкъ. Вы можете сдѣлать Базарова сухимъ эгоистомъ или фанатикомъ идеи: форма, созданная Тургеневымъ, въ обоихъ случаяхъ останется нетронутой. Но эта возможность вкладывать въ нее любое содержаніе—именно доказываетъ, что самъ по себѣ, безъ дорисовки, Базаровъ не есть вовсе типъ и не «истолкованіе».

Какъ ни добросовѣстенъ Тургеневъ въ своей работѣ копировщика, онъ не можетъ, однако, отрѣшиться совершенно отъ себя, отъ своей субъективности, и это наноситъ еще новый ударъ его «истолкованію». Тургеневъ не можетъ не выбирать себѣ натурщика, по его мнѣнію, наиболѣе типичнаго, и, такимъ образомъ, уже въ самомъ фактѣ выбора, разумѣется, предрѣшаетъ до нѣкоторой степени вопросъ о характерѣ типа. Въ этотъ моментъ выбора онъ волей неволей «творитъ», хотя-бы для того, чтобы черезъ секунду сдѣлаться послушнымъ орудіемъ натурщика; и вотъ именно въ этотъ моментъ творчества Тургеневъ совершаетъ ошибку, подсказываемую ему общественнымъ мнѣніемъ русской образованной толпы. Онъ предрѣшаетъ въ Базаровѣ, что это должна быть нѣкоторая огромная и озлобленная сила. Какъ ярко отражаются въ этомъ случаѣ ощущенія старо дворянскаго общества при видѣ влѣзшаго изъ нижнихъ этажей разночинца: разночинецъ рисуется старому обществу какимъ-то варваромъ, дикимъ, но полнымъ свѣжей силы и кипящимъ враждою къ верхнимъ слоямъ, до сихъ поръ давившимъ его подъ собою. Съ этой точки зрѣнія невольно

посмотрѣлъ и Тургеневъ на свой «новый типъ», а между тѣмъ какъ все это далеко отъ истины! Перечитайте біографіи настоящихъ, живыхъ людей тѣхъ годовъ: Помяловскаго, Щапова и т. д. Ихъ идеализмъ васъ поражаетъ. Ихъ злоба тяжела для нихъ самихъ и этимъ уже бесконечно отличается отъ чувства, которое априорно рисовалось Тургеневу. Точно также и самоувѣренность этихъ людей имѣла совсѣмъ иной характеръ: она происходила не отъ сознанія своей личной силы, какъ это показано въ Базаровѣ... Да и вообще приписывать человѣку 60-хъ годовъ какую-то особенную силу; въ видѣ *типичнаго* признака—совершенно неосновательно. Эти люди, конечно, являются изъ новыхъ, болѣе, вообще, свѣжихъ слоевъ народа. Но пробиться наверхъ имъ было далеко не легко: это стоило тяжелой борьбы, ломающей и истощающей человѣка. Много силы оставили они на пути, а наверхъ являются уже—въ видѣ общаго правила—очень искалѣченными. Самоувѣренность у нихъ порождалась совсѣмъ другой причиной: какъ люди болѣе здоровой расы, они способны были сильнѣе вѣрить, а вѣра, говорить, горами двигаетъ; сверхъ того, они чувствовали свое родство съ огромной, многомилліонной массой. Вотъ гдѣ основа ихъ силы. Эти люди—по виѣшности отрицатели—были, однако, величайшими идеалистами: въ торжество правды, добра и т. п. они вѣрили религиозно, дѣтски наивно. Не въ себѣ они чувствовали гигантскія силы, а въ томъ, что, казалось имъ, стоитъ за ними и ихъ выдвигаетъ. Эта самая вѣра, между прочимъ, гарантировала ихъ и отъ холодной, мстящей злости, которая сквозитъ въ Базаровѣ. Увѣренность въ несомнѣнномъ торжествѣ своего дѣла всегда даетъ человѣку великодушіе, несовмѣстимое съ холодной злостью, которая есть результатъ отчаянья, а не вѣры.

Вообще, если у насъ когда-нибудь появится настоящая критика, изъ всѣхъ тургеневскихъ типовъ—Базаровъ, будетъ, конечно, первый низведенъ съ пьедестала, на который его всталила пристрастная и тенденціозная критика настоящей эпохи. Базаровъ—это именно чудо искусства: это можно видѣть по той непобѣдимой иллюзіи, въ какую онъ способенъ приводить сотни тысячъ людей. Но вдумайтесь въ него,—и вы увидите, что онъ прежде всего не есть какое-бы то ни было «истолкованіе». Онъ воспроизводитъ передъ вами съ неподражаемой живостью виѣшнія, знакомыя черты человѣка 60-хъ годовъ, но не объясняетъ его и даже не даетъ никакихъ данныхъ для объясненія. Тамъ-же, гдѣ художникъ будто пытается дать объясненіе, онъ лишь повторяетъ ходячую, банальную мысль времени, неспособнаго понять самого себя. Тургеневъ выразилъ мысль общества, наблюдающаго новый типъ, по-

пытался связать эту фальшивую оцѣнку съ дѣйствительными чертами людей 60-хъ годовъ, и этимъ ограничивается все «истолкованіе».

VII.

Наблюдая своего Базарова, Тургеневъ находилъ въ мірѣ если не вполнѣ чуждомъ себѣ, то по крайней мѣрѣ постороннемъ. Онъ изображалъ жизнь, въ которой непосредственно не участвовалъ. Рудинъ, повидимому, долженъ быть гораздо болѣе близокъ ему. Рудинъ—человѣкъ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ самъ Тургеневъ; рисуя этотъ типъ, художникъ описываетъ то, что самъ долженъ былъ, въ большей или меньшей степени, пережить и почувствовать. И однако-же—странно:—Базаровъ самъ невольно кажется болѣе живымъ человѣкомъ. При всей недодѣланности Базарова, онъ представляется болѣе понятнымъ, и мало этого: вы не можете отдѣлаться отъ мысли, что даже самъ авторъ лучше знаетъ Базарова, чѣмъ Рудина.

Это странное ощущеніе происходитъ, конечно, оттого, что собственно, сами по себѣ, ни Базаровъ, ни Рудинъ не «истолковываютъ» своихъ сверстниковъ. Но Базаровъ болѣе близокъ намъ по времени; его внѣшній образъ знакомъ каждому и у каждого пробуждаетъ цѣлый рой воспоминаній и личныхъ наблюденій, при помощи которыхъ вы сами, такъ или иначе, додѣлываете и исправляете Тургенева, до извѣстной степени сами создаете себѣ образъ, съ которымъ и переживаете передѣланный на свой ладъ романъ. Ничего подобнаго не можетъ случиться по отношенію къ Рудину; его фигура не будитъ въ васъ никакихъ воспоминаній; а самъ авторъ, точно также какъ въ Базаровѣ, не даетъ достаточныхъ данныхъ для уясненія самой сути этой души, такъ что, въ концѣ концовъ, читатель остается съ одними формами и очертаніями, безъ возможности проникнуть въ глубь содержанія, скрывающагося подъ ними.

Какъ-бы то ни было, Рудинъ остается очень мало понятнымъ,—а это очень серьезный упрекъ «типу», имѣющему претензію быть историческимъ истолкованіемъ. Человѣкъ 40-хъ или какихъ-бы то ни было годовъ долженъ объяснять эти годы и, въ свою очередь, ими уясняться. Такой дѣйствительно типичный образъ даетъ, напр., Гончаровъ въ своемъ Обломовѣ. Обломовъ, разумѣется, немного утрированъ, онъ представляетъ уже самое послѣднее слово извѣстнаго типа, но онъ правдивъ и ясенъ въ каждой черточкѣ своей жизни; онъ объясняетъ свою эпоху и самъ вырастаетъ изъ нея. Обломовъ, однако, совсѣмъ не принадлежитъ къ тому слою,

который мы обозначаемъ какъ «людей 40-хъ годовъ». Онъ ихъ антиподъ. Онъ типъ мысли, по отношенію къ которой люди 40-хъ годовъ являлись отщепенцами. Этотъ дряблый, застывающій въ своемъ жирѣ организмъ чуялся еще Гоголю, немного въ Маниловѣ, и еще ближе въ Тентетниковѣ, въ которомъ онъ, можетъ быть, и предвосхитилъ-бы идею Гончарова, если-бы въ это время уже не насиловалъ своего художественнаго гения тенденціознымъ искаженіемъ положительнаго типа. Гончаровъ отнесся къ жизни просто, безъ тенденціи, и создалъ типъ, по истинѣ, вѣчный, подобнаго которому Тургеневъ никогда не могъ создать. Но Обломовъ, я говорю, не есть человѣкъ 40-хъ годовъ. Въ исторіи мы постоянно можемъ наблюдать, какъ одинъ и тотъ же общественный процессъ, создавая данный господствующій строй, порождаетъ и его отрицаніе, создавая данный господствующій типъ, производитъ и отщепенцевъ отъ него. Тотъ слой, который мы называемъ людьми 40-хъ годовъ, именно порождался жизнью, какъ реакція противъ ея основнаго теченія, превращавшаго верхній слой общества въ Обломовыхъ. Мы признаемъ теперь, что эта реакція была благодѣтельна для Россіи; наша интеллигенція ведетъ свою родословную отъ этихъ отщепенцевъ; но дѣло не въ томъ. Въ настоящую минуту, для правильной оцѣнки тургеневскихъ истолкованій, мы должны знать только одно: что оба отмѣченные типа были рѣзко отличны другъ отъ друга. «Человѣкъ 40 годовъ» потому-то и оказывался такъ часто «лишнимъ» въ обломовскомъ царствѣ, что совсѣмъ не подходилъ къ нему даже по натурѣ своей. Нося на себѣ вой въ чемъ отпечатокъ той самой «кровли отеческой», подъ которой въ него

Не завало ни едно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно, —

человѣкъ 40-хъ годовъ отличался, однако, отъ господствующаго типа, между прочимъ, именно большей жизненностью, большей силой. Эти свойства и помогли ничтожному меньшинству въ концѣ концовъ передѣлать по своему старыи слой, заложивъ въ него неистребимыя зачатки чего-то новаго, противоположнаго старому и разрушающаго старое. Въ настоящее время мы можемъ быть справедливыми: борьба, которую пришлось вынести человѣку 40-хъ годовъ, была борьба гигантская. Онъ стоялъ передъ задачей страшно трудной, и умѣлъ ее разрѣшить, чѣмъ, напр., не могутъ до сихъ поръ похвалиться люди 60-хъ годовъ, представляющіеся Тургеневу такими исполинами. Конечно, задача 40-хъ годовъ существенно облегчалась тѣмъ общимъ характеромъ жизни, который

приводилъ сторонниковъ стараго строя къ типу бессильнаго Обломова. Но вѣдь въ каждую эпоху . есть свои «за» и «противъ»; безвыходныхъ положеній на свѣтѣ очень немного. Еще неизвѣстно, что скажетъ исторія о людяхъ 60-хъ годовъ и не объяснитъ-ли она многихъ ихъ неудачъ просто неумѣньемъ разобраться въ своихъ «за» и «противъ». Люди-же 40-хъ годовъ уже доказали свою силу и умѣлость исторически. Если-же мы отъ общей картины совершенной ими работы обратимся къ біографіи, къ отдѣльнымъ лицамъ, то еще болѣе убѣдимся, что эта работа была совершена вовсе не исключительно благодаря благоприятному ходу вещей. Въ средѣ дѣятелей 40-хъ годовъ мы находимъ цѣлый рядъ блестящихъ талантовъ, доказавшихъ свою силу и способность къ работѣ самыми дѣлами своими, а свою жизненность—хотя-бы уже тѣмъ, что, если не погибали преждевременно на своемъ посту, то умѣли сохранить и вѣру, и страсть, и способность къ дѣятельности до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Вообще, человѣку 40-хъ годовъ нельзя отказывать въ огромной силѣ, нельзя его ставить въ этомъ отношеніи ниже поколѣнія 60-хъ годовъ; факты скорѣе позволяютъ думать наоборотъ и ужь во всякомъ случаѣ совершенно опровергаютъ апріорныя предположенія Тургенева о необыкновенныхъ силахъ новаго «типа».

Но какимъ образомъ человѣкъ 40-хъ годовъ могъ быть сильнымъ, выростая на почвѣ, вырождавшей массу общества въ Обломовыхъ? Тутъ вовсе нѣтъ ничего страннаго. Органическое ослабленіе, характеризующее Обломовыхъ, происходитъ вѣдь не потому, чтобы общественныя условія надрывали человѣка, истощали его силы. Опасность происходила отъ причинъ совершенно противоположныхъ, оттого, что человѣкъ тамъ, съ самаго момента своего рожденія, всей обстановкой окружающей среды, избавлялся отъ необходимости дѣлать хоть малѣйшее усиліе. Въ самомъ дѣлѣ, пища сама въ ротъ идетъ, жилище ему выстроено, всѣ его желанія исполняются безъ труда; общественное положеніе обезпечено самымъ фактомъ рожденія. Организмъ, тщательно упитываемый, нуждается во впечатлѣніяхъ,—впечатлѣнія сами идутъ къ нему со всѣхъ сторонъ, и постоянно не въ видѣ работы, а какъ развлеченіе. Вдумайтесь въ дѣтство Обломова. Вообще, на характеристикѣ этого типа нужно еще немного остановиться, потому что онъ помогаетъ судить о Рудинѣ. Основная черта положенія, которымъ создается Обломовъ, говорю я, состоитъ въ возможности ничего не дѣлать и въ отсутствіи стѣмуловъ для дѣятельности. Въ теченіи двухъ, трехъ поколѣній такого воспитанія долженъ получиться человѣкъ совершенно ослабѣвшій, какового и рисуетъ

Гончаровъ. Этотъ человѣкъ добродушенъ, потому что съ чего-же ему выработать въ себѣ злость? Онъ можетъ быть самодуромъ, и всегда имъ бываетъ, можетъ быть мало чувствительнымъ къ страданію другихъ, но злымъ, въ собственномъ смыслѣ, не имѣетъ основаній быть, да притомъ-же это для него—чувство слишкомъ активное. Неспособность къ сильному чувству, сильному желанію, сильному интересу характеризуетъ Обломова; но онъ можетъ и долженъ быть развитъ довольно разносторонне. Въдъ празднаго времени у него въ году 365 дней, и оно должно быть чѣмъ нибудь наполнено; стало быть, впечатлѣнія перепробованы всевозможныя, тѣмъ болѣе, что матеріальныя средства даютъ доступъ къ чему только душѣ угодно. Поэтому онъ стремится до известной степени къ наукѣ и особенно искусству. Далѣе Обломовъ имѣетъ склонность къ либерализму и гуманности: это результатъ добродушія, слабосилія, неспособнаго къ активной жестокости, и наконецъ—знакомства съ европейскими идеями, которыя онъ принимаетъ уже хотя-бы потому, что и съ ними не можетъ бороться. Но ко всѣмъ этимъ качествамъ и склонностямъ нельзя даже прилагать названія хорошихъ или дурныхъ, потому что они не приводятъ ни къ какой дѣятельности, а порождаютъ только игру ума, чувства, фантазіи. Въ этомъ лѣнивомъ, пассивномъ бездѣйствіи проходитъ вся жизнь. Человѣкъ слабѣетъ все больше, изо дня въ день и изъ поколѣнія въ поколѣніе. Усиліе, которое ему еще вчера служило развлеченіемъ, сегодня уже кажется трудомъ. Отецъ могъ читать книгу; сынъ—только перелистываетъ. Отецъ думалъ; сынъ—мечтаетъ. Для Обломова оказывается уже не по силамъ даже любовь сколько нибудь сложная. Она, оказывается требуетъ отъ него большей затраты силы, чѣмъ способенъ дать организмъ этого ожирѣвшаго борова. Въ концѣ концовъ, у васъ получается человѣкъ, дотога неспособный развивать какую-бы то ни было силу, что онъ уже не въ состояніи защищать самихъ, повидимому, кровныхъ своихъ интересовъ, и тутъ исторія принуждена ставить точку. Разъ дѣло дошло до такого вырожденія расы, общественная роль сословія кончается; строй, имъ поддерживаемый, долженъ рухнуть, и даже не посредствомъ какихъ нибудь страшныхъ переворотовъ, а просто такъ, какъ оно вышло въ дѣйствительности: гниль, гниль, да и разсыпался.

Такова фізіономія и судьба типа, нашедшаго себѣ въ Гончаровѣ такого гениальнаго истолкователя. Другому типу въ литературѣ посчастливилось гораздо менѣе, и мы, въ сущности, почти не имѣемъ его художественнаго воспроизведенія. Можетъ быть, это зависитъ отъ тѣхъ-же причинъ, по которымъ у насъ, вообще, ни

въ одномъ поколѣніи нѣтъ изображенія «положительныхъ» типовъ они, такъ сказать, слишкомъ «отрицательны» и потому неудобно-изображаемы. Какъ-бы то ни было, для ознакомленія съ этимъ типомъ, мы должны дѣйствительно обращаться непосредственно къ исторіи и біографіи и лишь въ незначительной степени къ беллетристикѣ.

Я замѣтилъ выше, что появленіе природы страстной, нервной и жизненной среди этого общества вовсе не представляется страннымъ. Наши верхніе, господствующіе классы никогда не могли замѣниться въ совершенно непроницаемую касту. Интеллигентный-же слой, съ самаго своего появленія, рекрутировался на ряду съ Кантемирами—и изъ Ломоносовыхъ. Болѣе свѣжая кровь постоянно пробивалась наверхъ изъ нижнихъ этажей общественнаго зданія, также какъ изъ краевъ чужихъ. Въ интеллигентномъ слоѣ XIX столѣтія мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ разночинца, незаконнорожденнаго или человѣка съ самой фантастической помѣсью крови. Стоитъ назвать Сперанскаго, Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Герцена... Люди 40-хъ годовъ выросли именно на такой біологической основѣ. Нечего, стало быть, удивляться, если между ними попадались страсть и энергія, не только относительно, но и безусловно громадная. А между тѣмъ, разъ такая натура появлялась—она имѣла гораздо болѣе удобства развить свои силы, чѣмъ это возможно теперь. Крѣпостное общество давало для того огромныя матеріальныя средства не только людямъ непосредственно своимъ, но даже и выскочкѣ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени. Затѣмъ—допуская человѣка къ образованію, старый строй развивалъ его исключительно на европейской наукѣ, европейскихъ идеяхъ и идеалахъ, потому что отъ себя ничего не выработалъ, кромѣ развѣ такой чепухи, которая никого не могла увлечь и отвлечь отъ европейскихъ идеаловъ. Уже конечно не Руничіи съ Магницкими могли конкурировать съ этими послѣдними. И вотъ, натура страстная и энергичная, не надломившая силъ въ той борьбѣ за существованіе, которая выпала потомъ на долю Помяловскихъ,—оказывалась лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, на каждомъ шагѣ грубо противорѣчащей идеаламъ. Молодому энтузіасту дѣйствительность казалась чѣмъ-то новообразимо гадкимъ, гнилымъ, презрѣннымъ. Она раздражала человѣка и вызывала его на борьбу, а разъ борьба начиналась—человѣкъ уже былъ гарантированъ отъ деморализующаго вліянія обстановки, гибельность котораго состояла не во внѣшнихъ препятствіяхъ къ развитію силы, а въ отсутствіи внутреннихъ побужденій къ этому. «Человѣкъ 40-хъ

годовъ» выработывалъ внутреннія побужденія къ борбѣ, къ дѣятельности, и съ того момента его развитіе начинало идти уже по пути, совершенно противоположному съ обломовскимъ. «Типы» расходились, по мѣрѣ развитія, все дальше, и въ концѣ концовъ представляли картину до такой степени несходную, что со стороны можно было-бы сказать: это люди двухъ различныхъ расъ.

Такъ складывается наше представленіе о людяхъ этой эпохи на основаніи историко-біографическихъ данныхъ. Перейдемъ теперь къ типу, изображенному Тургеневымъ въ Рудинѣ. Что онъ представляетъ и истолковываетъ собою?

Съ перваго взгляда, по внѣшней схемѣ жизни, вы, конечно, признаете Рудина за «человѣка 40-хъ годовъ». Это вѣчный скиталецъ, странствующій рыцарь нѣкоторой великой идеи; это проповѣдникъ новаго слова, вѣчно полный проектами разныхъ «улучшеній» и «поднятій», вѣчно стремящійся къ тому или другому общественному дѣлу, какъ магнитъ къ желѣзу. Но если вы попытаетесь поближе уяснить себѣ эту натуру и тѣ причины, которыя ее побуждаютъ къ дѣятельности, то узнаете сперва очень мало, а потомъ, взглядываясь ближе въ характеръ Рудина, приходите, наконецъ, къ самымъ страннымъ недоумѣніямъ.

Самъ авторъ объясняетъ намъ только, что у Рудина былъ нѣкоторый червякъ, не дававшій ему успокоиться. Нельзя сказать, чтобы это было особенно ясно: *L'opium fait dormir parce qu'il a un vis sorigifique*. Вопросъ въ томъ: что за червякъ такой, какого рода, какихъ свойствъ? Не получая на это прямого отвѣта, мы обращаемся къ разсмотрѣнію подробностей жизни и характера Рудина, и вотъ тутъ-то приходимъ окончательно въ недоумѣніе, потому что всѣ эти подробности не только не даютъ опредѣленія червяка, но даже заставляютъ усомниться въ самомъ его существованіи.

Характеръ Рудина, какъ по его собственнымъ поступкамъ, такъ и по объясненіямъ разныхъ знающихъ его лицъ,—чѣмъ болѣе вы въ него вдумываетесь, тѣмъ больше напоминаетъ вамъ именно обломовскую породу. Вы видите передъ собой человѣка, несомнѣнно неспособнаго ни къ какому сильному напряженію, ни къ какой «работѣ», за исключеніемъ развѣ произнесенія блестящихъ рѣчей. «Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего, говоритъ Лежневъ,—именно потому, что въ немъ нѣтъ натуры, нѣтъ крови», и справедливость этого отзыва подтверждается всей жизнью Рудина. У него, напримѣръ, «огромная память», ему легко было-бы знать много, но онъ все-таки оказывается «мало свѣдущъ», потому что не можетъ работать даже тогда, когда это очень легко.

Пришла ему, однажды, фантазія заняться разными улучшеніями въ хозяйствѣ, и эту фантазію Рудинъ называетъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ желаній въ жизни; онъ говоритъ, что рѣдко за что брался съ такимъ увлеченіемъ. Допустимъ; но интересно, что даже и въ этомъ случаѣ онъ, набравши кучу агрономическихъ сочиненій, ни одного не прочелъ до конца, до собственному своему признанію. Еще разъ пришлось ему быть учителемъ, и опять «съ увлеченіемъ», даже чуть-ли не «съ лихорадкой» (не помню ужъ хорошо); онъ смотрѣлъ на это дѣло, какъ на послѣднюю свою карту въ жизни, и все-таки не умѣлъ вытвердить даже учебника, такъ что, напримѣръ, учитель математики могъ его сбить на словесности, т. е. на собственномъ предметѣ Рудина. Во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ его мы замѣчаемъ ту-же черту: неспособность къ работѣ, и она уясняется намъ еще болѣе, когда мы убѣждаемся, что онъ вообще неспособенъ просто ни къ какому сильному желанію. У него именно нѣтъ желанія, нѣтъ страсти. «Онъ холоденъ, какъ ледъ», по словамъ Лежнева. Въ этомъ случаѣ, любовь къ женщинѣ бываетъ часто хорошей пробой человѣка, и Рудинъ на ней оказывается въ самомъ постыдномъ положеніи. Его любовь—даже не чувственная, а просто игра праздної фантазіи; Рудинъ даже не увлекается красотой, а какъ будто только провѣряетъ на женщинѣ діалектическія построенія разныхъ метафизиковъ. Объ исторіи его съ Наташей тутъ не стоитъ даже и упоминать: до того это сплошная фраза, постыдная даже не столько нечестностью, какъ находилъ Лежневъ, а прежде всего своей внутренней пустотой. Для характеристики Рудина гораздо приличнѣе такія приключенія, какъ случай съ французенкой, за которой онъ ухаживалъ и которую пригласилъ на свиданіе. «Ну, малый онъ изъ себя видный», повторимъ словами Пигасова: французенка пошла съ нимъ кататься въ гондолѣ, и Рудинъ два часа просидѣлъ такъ, въ самой поэтической обстановкѣ, задумчиво смотря на небо, глядя французенку по головѣ и повторяя, что онъ чувствуетъ къ ней отеческую нѣжность... «Натуры нѣтъ, крови нѣтъ»: нечѣмъ ему любить, и это сказывается во всѣмъ. Точно также Рудинъ относится, напримѣръ, къ матери, которая души не чае въ сынѣ, и умираетъ, не спуская глазъ съ его портрета; а Рудинъ всего разъ въ жизни удосужился навѣстить ее на нѣсколько дней. Эта безстрастность сказывается и въ его дѣлахъ, яко-бы общественныхъ. Рудинъ легко воспламеняется фантазіей, но не слѣдуетъ усматривать въ этомъ какой-нибудь силы. Фантазія, если она не сопровождается чувствомъ и страстью,—есть признакъ именно безсилія: она вихремъ гуляетъ въ головѣ,

только потому, что ее ничто не сдерживаетъ, хотя могла-бы быть сдержана самымъ ничтожнымъ усиленіемъ, если-бы только Рудинъ былъ къ нему способенъ. Его «любовь» къ Наташѣ моментально исчезаетъ, какъ только м-ше Ласунская объявляетъ дочери, что не согласится выдать ее за Рудина. Вотъ какъ немного нужно для того, чтобы сдержать эту фантазію. Въ романѣ Тургенева очень большой недостатокъ составляетъ то обстоятельство, что мы узнаемъ о дѣлахъ Рудина большею частью изъ его собственныхъ разсказовъ, и потому не можемъ съ достовѣрностью взвѣсить настоящей тяжести внѣшнихъ препятствій, которыя оказывались достаточными для того, чтобы фантазія Рудина получила другое направленіе. Но и того, что мы знаемъ, достаточно для убѣжденія, что въ большихъ препятствіяхъ при этомъ надобности не было.

Ораторскій талантъ Рудина и его безконечныя рѣчи также только на первый взглядъ могутъ казаться противорѣчіемъ въ общемъ характерѣ этой природы, неспособной развивать ни страсть, ни силу. Присмотритесь къ этому краснорѣчію, и оно окажется просто послѣднимъ проблескомъ потухающей, нѣбогда, очевидно, талантливой расы. Рудинъ «превосходно развиваетъ любую мысль, но мысли не рождаются въ его головѣ; онъ беретъ ихъ у другихъ». Машина, стало быть, хорошей фирмы, но уже порядкомъ испорченная. Послушайте затѣмъ дальнѣйшее описаніе автора. Рудинъ говорить «увлекательно», но «не совѣмъ ясно». «Обиліе мыслей (будто-бы одно оно?) мѣшало ему выразиться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями... Рудинъ владѣлъ едва-ли не высшей тайной—*музыкой* краснорѣчія... Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь, но грудь его высоко поднималась, что-то лучезарное загоралось впереди». Это, какъ видите, тоже фантазія, игра, а не работа. Есть ресурсы природнаго таланта, но ни опредѣленности дѣяній, ни вооруженія рѣчи необходимыми средствами. Машина засыпана нѣкоторымъ количествомъ идей, сколько могла вмѣстить голова при поверхностной работѣ; затѣмъ въ нее подсыпано порядочное количество матеріалу болѣе дешеваго: образовъ и сравненій—и калейдоскопъ завертѣлся: образы, сравненія, идеи чередуются въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, красивыхъ, дѣйствующихъ на нервы, какъ музыка... Вотъ «иной слушатель даже и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь, а грудь его высоко поднималась». Да, очевидно, хороша была когда-то машина: жаль, что работать не можетъ.

Такимъ образомъ, и краснорѣчіе Рудина не прибавляетъ ему природы, силы и страсти. Авторъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи рисуетъ своего странствующаго импровизатора слишкомъ опредѣленно. Тутъ всѣ черты подобраны одна къ одной. Хорошо и типично даже, на примѣръ, то, что онъ самолюбивъ и что это единственное чувство, изъ-за котораго онъ способенъ «лѣзть на стѣну». Самолюбіе — дѣйствительно послѣднее чувство, которое покидаетъ угасающія природы. Хорошо также и то, что Рудинъ «робокъ» и постоянно пасуетъ передъ людьми и обстоятельствами. Хорошо даже то, что онъ рѣдко смѣется, а когда смѣется, то лице его принимаетъ старческое выраженіе; хорошо и типично даже то, что у Рудина слабый голосъ. Все тутъ говорить согласно и убѣждаетъ насъ въ одномъ и томъ-же.

Но, собирая во-едино всѣ добытые нами результаты, мы оказываемся передъ неразрѣшимымъ вопросомъ: откуда въ этой потухающей, безкровной натурѣ берется червякъ, не дающій Рудину успокоиться, облѣниться и прирости къ одному мѣсту, «по обычаю предковъ», по-обломовски? Существованіе этого диковиннаго животнаго такъ-таки ничѣмъ и не объясняется. Правда, авторъ вводитъ насъ иногда въ искушеніе пуститься въ гипотезы, весьма полезныя для Рудина. Онъ дѣлаетъ своего героя бѣднымъ. Рудинъ имѣетъ какія-то двѣ души съ половиной и принужденъ поэтому самостоятельно изыскивать средства къ жизни. Это чисто случайное обстоятельство, одно, само по себѣ, безъ всякихъ червяковъ, должно гонять Рудина съ мѣста на мѣсто, потому что работать онъ не умѣетъ, и слѣдовательно его долго нигдѣ не будутъ держать. Ну, а рѣчи онъ будетъ, конечно, говорить на каждомъ мѣстѣ, потому что, съ одной стороны, ужъ у него языкъ такъ устроенъ, а съ другой стороны—только краснорѣчіе позволяетъ ему играть нѣкоторую роль: Рудинъ-же самолюбивъ. Но пускаться въ эти предположенія, которыя могутъ завести очень далеко, я не стану, потому что они совершенно бесполезны, а противорѣчія Рудина объясняются, мнѣ кажется, иначе. Дѣло въ томъ, мнѣ кажется, что Тургеневъ въ Рудинѣ просто перемѣшалъ черты двухъ различныхъ типовъ, обозначенныхъ мною выше. Въ жизни такое смѣшеніе, конечно, случается. Обломовъ, еще не совсѣмъ опустившійся, очень охотно, на примѣръ, рядится въ перья «лишняго человѣка», потому что это даетъ ему возможность маскировать свое органическое безсиліе, сваливая всѣ вины на «внѣшнія обстоятельства», «среду» и т. п. На эту удочку легко можетъ поддаться художникъ, не дающій воли своей «свободной изобрѣтательности», а полагающійся больше на натуралиста. Въ Рудинѣ именно поражаетъ смѣшеніе признаковъ обло-

мовской расы съ миссией «лишняго человѣка», вслѣдствіе чего и понадобилось ввести гипотезу таинственнаго червяка, безъ котораго, конечно, дѣло необъяснимо, но который, къ несчастію, и самъ столь-же мало объяснимъ. Въ дѣйствительности человѣкъ, который могъ служить Тургеневу моделью для Рудина, навѣрное былъ или болѣе фразеръ и ни въ какомъ случаѣ не умиралъ на баррикадѣ *), или-же вовсе не былъ настолько лишенъ крови и натуры, страсти и способности къ напряженію. Если-же брать Рудина какъ онъ есть, безъ поправокъ, то ясно, во всякомъ случаѣ, что это не есть «истолкованіе» 40-хъ годовъ, а только лишній вопросительный знакъ къ нимъ. Онъ можетъ еще разсматриваться, пожалуй, какъ типъ психологической, но не исторической. Въ исторіи это типъ—случайный и ничего не объясняющій.

VIII.

Въ общей сложности, такимъ образомъ, слава Тургенева, какъ истолкователя, держится едва-ли на прочныхъ основаніяхъ. Она обязана своимъ существованіемъ другимъ причинамъ, отмѣченнымъ въ предшествующихъ главахъ, но не на глубинѣ и проникательности анализа котораго у Тургенева далеко не такъ много. Необходимо, однако, замѣтить, что въ самыхъ ошибкахъ Тургенева есть одна очень симпатичная сторона: это его стараніе отнестись къ объекту наблюденія вполне честно и безпристрастно. Очень можетъ быть, что самыя ошибки его происходятъ отчасти отъ этого стремленія, которое, быть можетъ, именно заставляетъ Тургенева руководствоваться при наблюденіи болѣе внѣшними, объективными признаками; а это сплошь и рядомъ мѣшаетъ ему замѣтить очень существенныя стороны типа, которыя почему-нибудь проявляются внѣшнимъ образомъ менѣе замѣтно, чѣмъ другія, на самомъ дѣлѣ менѣе существенныя. Но, повторяю, Тургеневъ въ этихъ случаяхъ только ошибается и никогда не лжетъ. Его правдивость замѣчательна, и это—новое обстоятельство, усиливавшее до послѣднихъ предѣловъ довѣріе къ нему читателей, а стало быть и популярность самого писателя.

Громадная популярность Тургенева далеко еще, впрочемъ, не объясняется тѣми причинами, которыя я до сихъ поръ старался анализировать въ своемъ очеркѣ. Есть еще одно, очень важное обстоятельство. Я говорю о чисто-общественной, публицистической

* Этого эпизода, впрочемъ, нѣтъ въ первомъ изданіи романа. Авторъ сдѣлалъ эту добавочную черту только потому,—и, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно.

мисіи тургеневскаго искусства. Она общеизвѣстна; объ этомъ говорилось и писалось столько, что мнѣ достаточно будетъ ограничиться лишь нѣсколькими словами, и то лишь для полноты картины, а не для какой-нибудь переоцѣнки.

Самъ Тургеневъ имѣлъ глубокое уваженіе въ «чистому искусству», но, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого никогда не чурался служенія искусства обществу *). Онъ былъ убежденъ, что все служить одному принципу, — искусство, какъ и наука, но только каждый своимъ особеннымъ, специальнымъ образомъ. На практикѣ же, съ самыхъ первыхъ шаговъ своего художественнаго поприща, Тургеневъ уже задался чисто общественными цѣлями, даже цѣлями борьбы. «Въ моихъ глазахъ, говоритъ Тургеневъ, — этотъ врагъ (т. е. съ которымъ нужно было бороться) — былъ... крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я покаялся никогда не примиряться». Это-то и была «аннибалова клятва» его. Въ такомъ настроеніи Тургеневъ началъ свои «Записки Охотника»; подъ этими-же влияніями онъ, конечно, задумывалъ рядъ своихъ общественныхъ романовъ — этотъ наиболее оригинальный образецъ его искусства. Такимъ образомъ, Тургеневъ сразу входитъ въ роль художника-публициста, въ которой и приобретаетъ по преимуществу значеніе «вождя» для массы образованнаго общества. Его личные взгляды, а стало быть и воздѣйствіе на общество, не отличаются опредѣленностью, свойственной той или другой партіи; но, быть можетъ, они тѣмъ болѣе подходятъ къ потребностямъ массы. Общественная роль Тургенева — есть по преимуществу роль гуманиста, и, какъ это видно по послѣдствіямъ, отвѣчала запросу очень большой массы читателей.

Характеристика Тургенева въ этомъ отношеніи не можетъ вызывать никакихъ разнорѣчій. Онъ самъ всегда называлъ себя «западникомъ»; онъ служилъ тому несомнѣнно опредѣленному дѣлу, которое называется вообще цивилизаціей, а въ частностихъ заключается въ себѣ кое-что и очень опредѣленное. Наука, развитіе человеческой личности, свобода, въ смыслѣ того комплекса условий, которыя необходимы для такой личности, — составляли всегда главные пункты символа вѣры Тургенева. Онъ и самъ работалъ по преимуществу надъ развитіемъ личности русскаго человѣка и разработкой общественнаго самосознанія, чѣмъ служилъ и для выполненія

*) Замѣчательно, впрочемъ, что въ одной изъ самыхъ раннихъ статей своихъ (въ разборѣ «Фауста») Тургеневъ даже и теоретически относится вовсе не одобрятельно въ искусство для искусства. Жидка общественнаго дѣятеля заложена, значитъ, была въ его душѣ очень рано.

своей «аннибаловой клятвы». Нельзя не сказать, что уроки Тургенева были довольно элементарны, но, можетъ быть, это и не составляетъ большой бѣды при той публикѣ, которую онъ имѣлъ передъ собою. Онъ развивалъ по преимуществу не гражданина, а просто человѣка, пробуждая его чувство достоинства, выработывая его личность и то смутное чувство гуманности, на основѣ котораго, однако, при дальнѣйшемъ развитіи, вырастаетъ гражданинъ и общественный дѣятель. Въ этой роли едва-ли могла особенно вредить неопредѣленность мнѣній «вождя», тѣмъ болѣе, что къ ней, съ другой стороны, въ видѣ компенсаціи, прекрасно подходили прочія стороны его таланта и манеры, какъ, напр., постоянная красота рисунка и даже свойственное ему обѣганье самыхъ страшныхъ и тяжелыхъ сторонъ жизни, созерцаніе которыхъ, нужно сознаться, дѣйствительно можетъ только развращать человѣка, еще не твердо увѣровавшаго въ возможность исправить зло и водворить свѣтлую человѣческую правду на мѣстѣ ожесточенной звѣриной грызни. Тургеневымъ руководило въ этомъ случаѣ какъ будто нѣкоторое педагогическое чутье, и вотъ почему его повѣсти на очень долгое время, конечно, останутся любимымъ чтеніемъ юншества, даже въ то счастливое время, когда для большой публики уже не будетъ надобности показывать пользу просвѣщенія, красоту развитой личности, законность свободного чувства и т. п. Что касается современниковъ Тургенева—для нихъ такая проповѣдь была необходима, умѣстна и полезна. Это доказали враги покойнаго, называвшіе его—этого проповѣдника гуманности—неблагонамѣреннымъ и чуть-ли не революціонеромъ. Общество, съ своей стороны, не задавалось придирчивыми вопросами, почему у Тургенева не ясны тѣ или другія подробности убѣжденій: оно вполне довольствовалось вѣрно взятымъ основнымъ тономъ и шло за Тургеневымъ отчасти даже именно потому, что онъ не предрѣшалъ ничего дальнѣйшаго. Къ Тургеневу, наконецъ, должна была отнестись симпатично и интеллигенція уже вполне опредѣленныхъ мнѣній. Художникъ стоялъ на такой почвѣ, гдѣ сходятся всѣ честные люди. За него каждый многое, на свой ладъ, долженъ договаривать, но спорить о томъ, правда-ли то, что онъ проповѣдуетъ, — честнымъ и развитымъ людямъ, какихъ-бы то ни было направленій—не приходится.

Вообще, можно сказать, что если Тургенева, какъ художника, современники ставятъ выше, чѣмъ поставить потомство, то съ Тургеневымъ—общественнымъ дѣятелемъ выйдетъ какъ разъ противное. Современники, подъ вліяніемъ своихъ партіонныхъ соображеній, могутъ быть иногда въ претензіи на художника, зачѣмъ

онъ не договаривалъ того или другого, что они проповѣдуютъ сами. Потомство посмотритъ объективнѣе, и съ уваженіемъ преклонится передъ этой могучей дѣятельностью, вполне соответствовавшей наиболѣе важной потребности современной Россіи. Сорокъ лѣтъ Тургеневъ неуклонно направлялъ общественное теченіе въ определенное русло. Каждому времени своя задача, и за Тургеневымъ навсегда останется великая заслуга — честнаго и умѣлаго служенія самой существенной задачѣ того времени, въ которое онъ жилъ.

К. М.

Новости иностранной литературы.

Борьба съ нищетою въ англійской публицистикѣ: „Горькій крикъ отверженнаго Лондона“ (The Bitter Cry of out cast London, by reverend Andrew Mearns) и его отголоски въ консервативныхъ и радикальныхъ журналахъ.—Радикальная программа и министръ Чемберленъ о жилищахъ ремесленниковъ и крестьянъ (Fortnightly Review, ноябрь и декабрь).—Французскія картинки англійскихъ нравовъ: «John Bull et son île» О'Релля; «Les Va-nu-pieds de Londres» (лондонская голытьба), Эктора Франса.

Ровно годъ тому назадъ, мы обращали вниманіе нашихъ читателей на замѣчательное движеніе, обнаружившееся съ нѣкоторыхъ поръ въ общественномъ мнѣніи Англій въ пользу болѣе или менѣе радикальнаго измѣненія основныхъ экономическихъ условій здѣшняго національнаго быта *). Оставаясь (относительно говоря) свободною отъ того волненія, которое охватываетъ, въ теченіи уже многихъ послѣднихъ лѣтъ и съ постоянно возрастающею силою, публицистическіе и ремесленные кружки Франціи, Германіи, Италіи и Австріи; интересуясь, повидимому, очень мало новѣйшими французскими и нѣмецкими произведеніями по части критики господствующихъ еще повсемѣстно политико-экономическихъ теорій и воззрѣній, — Англія, однимъ только созерцаніемъ печальной дѣйствительности, приводится къ сознанію, что въ ея домашнемъ быту далеко не все обстоитъ благополучно, что язва пауперизма разъѣдаетъ до мозга костей ея мощный организмъ. Несмотря на чудовищное и непрерывное приращеніе того, что въ политико-экономическихъ учебникахъ принято называть «общественнымъ богатствомъ». Въ то самое время, какъ поголовный доходъ средняго статистическаго англичанина увеличивается съ небывалою еще въ исторіи правильностью и быстротою изъ года въ годъ, цѣлыя милліоны дѣйствительныхъ англичанъ, обремененныхъ живомъ плотію и кровію, оказываются хуже прежняго осужденными на такія невѣроятныя лишенія и на такую безысходную нищету, которыя со всевозможныхъ точекъ зрѣнія не могутъ быть

*) См. «Дѣло», янв. и февр. 1883 г. «Проекты аграрныхъ преобразованій въ Англій».

разсматриваемы иначе, какъ величайшее національное бѣдствіе. Само собою разумѣется, что нація живучая и смѣлая не можетъ спокойно примириться съ такимъ приискорбнымъ положеніемъ, которое не только должно неизбѣжно современемъ привести къ окончательному упадку ея политическаго и промышленнаго могущества, но которое угрожаетъ тяжелыми катастрофами и бурями даже самому ея существованію въ ряду просвѣщенныхъ государствъ. Вѣрная вѣковому складу своего національнаго характера и ума, Англія начинаетъ искать выхода изъ этого затруднительнаго положенія, что называется, на свой собственный страхъ, независимо отъ теорій и доктринъ, господствующихъ на этотъ счетъ въ другихъ передовыхъ странахъ остальной Европы. Такимъ образомъ, міровой вопросъ о болѣе дружескихъ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ окрашивается здѣсь чрезвычайно яркимъ и характернымъ національнымъ цвѣтомъ. Умы безпристрастные и самостоятельные вполне, несвязывающіе своего имени ни съ однимъ изъ пользующихся всемірною извѣстностью политическихъ и публицистическихъ *измовъ*:—спокойные натуралисты, какъ Альфредъ Россель Уоллесъ, мыслители, какъ Генри Джорджъ, котораго замѣчательная книга о «Прогрессѣ и нищетѣ» была очень недавно разобрана на страницахъ нашего журнала, высокіе сановники англиканской церкви, какъ наприм., епископъ Фрэнсисъ, и т. п.,—разсматривая это запутанное дѣло каждый со своей стороны и каждый подъ своимъ, болѣе или менѣе личнымъ, угломъ, приходятъ тѣмъ не менѣе всѣ къ существенно однообразнымъ выводамъ. Зло,—говорятъ они въ одинъ голосъ,—слишкомъ велико, и бесплодно было-бы стараться изцѣлить, или хотя-бы только значительно ослабить его одними только обиденными, такъ-сказать заурядными, будничными или домашними средствами. Корень зла, по ихъ убѣжденію, кроется въ ненормальности тѣхъ землевладѣльческихъ порядковъ, которые богохраняемая эта страна унаслѣдовала отъ своего феодальнаго прошлаго. Рекомендуемое ими средство изцѣленія сводится, въ основныхъ своихъ чертахъ, къ одному: къ націонализации земли, т. е. къ обращенію всей англійской территоріи въ общенародный обиходъ, къ законодательной отмѣнѣ сѣвистра, тяготѣющаго надъ ней ради немногочисленной горсти политически привилегированныхъ ландлордовъ.

Не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь того, что уже было сказано объ этомъ замѣчательномъ движеніи въ помянутыхъ выше статьяхъ. Замѣтимъ только, что, съ теоретической стороны, дѣло, повидимому, ни на волосъ не подвинулось впередъ со времени выхода въ свѣтъ книгъ А. Р. Уоллеса и Г. Джорджа. Но

достаточно бросить одинъ бѣглый взглядъ хотя-бы только на оглавление вліятельнѣйшихъ здѣшнихъ «review» и «magazine'овъ», даже безъ различія политическихъ оттѣнковъ и партій, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ важное всенародное дѣло это успѣло выиграть себѣ почву въ сравнительно ничтожный двѣнадцатимѣсячный срокъ, въ какой мѣрѣ полнятый Уоллесомъ и Р. Джорджемъ вопросъ успѣлъ уже выдвинуться на первый планъ англійской литературы и жизни. Самая формула «націонализации земли» слишкомъ еще нова и слишкомъ рѣшительно противорѣчить не только экономическимъ интересамъ одного изъ могущественнѣйшихъ здѣсь сословій, но также и возрѣніямъ и политико-общественнымъ идеаламъ значительной части англійскаго общественнаго мнѣнія, а потому само-собою разумѣется, что вышепомянутый вопросъ, уяснившійся до сихъ поръ только въ представленіи передовыхъ умовъ, стоящихъ до извѣстной степени въ сторонѣ отъ политическихъ тревоженій и суматохи, долженъ пройти еще черезъ немало искussesъ, прежде чѣмъ вступить хотя-бы только въ приговорительный фазисъ практическаго своего осуществленія. Рокowymъ моментомъ для всѣхъ подобныхъ вопросовъ слѣдуетъ считать тотъ, когда они изъ области отвлеченнаго или книжнаго мышленія окончателно переносятся въ сферы всенароднаго обсужденія и вѣдѣнія. Для вопроса о радикальномъ измѣненіи землевладѣльческаго строя Англій моментъ этотъ уже очень рѣшительно наступилъ, и мы не встрѣчаемъ здѣсь ни одного сколько-нибудь вліятельнаго журнала, который въ концѣ года не помѣстилъ-бы о немъ одной, а то и нѣсколькихъ статей, конечно, со своей, болѣе или менѣе односторонней и исключительной, точки зрѣнія.

Уже съ ноября, вся читающая Англія была глубоко потрясена небольшою брошюрою (всего двадцать страницъ, правда, очень убористаго шрифта), патетически озаглавленною «The bitter cry of out cast London, on inquiry into the condition of the abject poor (Горькій крикъ отверженнаго Лондона, изслѣдованіе о положеніи возмутительныхъ бѣдняковъ)». Авторъ ея *Reverend* (т. е. пасторъ) Андрью Мэрсъ (Meags) пользовался до тѣхъ поръ очень скромною литературною извѣстностью; впрочемъ, онъ и самъ заявляетъ въ новой статьѣ въ декабрьскомъ номерѣ консервативной *Contemporary Review*, что брошюра эта въ его собственныхъ глазахъ имѣетъ скорѣе значеніе патріотическаго или, точнѣе, религіознаго подвига, чѣмъ публистическаго труда. Будучи членомъ такъ-называемой лондонской городской миссіи (London City Mission), т. е. того благочестиваго общества, которое задалось цѣлью направлять свою миссіонерскую дѣятельность не на негровъ внутренней Афри-

ей и не на папуасовъ Новой Гвинеи, а на тѣхъ, едвали менѣе отсталыхъ и несчастныхъ дикарей, которые сотнями тысячъ кишатъ въ East-End'ѣ, т. е. въ восточной части англійской столицы. почтенный пасторъ проникъ въ нѣкоторыя изъ лондонскихъ трущобъ и увидалъ тамъ такое зрѣлище, отъ котораго волосы становились дыбомъ на его головѣ, о которомъ онъ, хотя, конечно, не съ неба свалившійся въ эти, невоспѣтые Дантомъ, циклы крошечнаго ада, не имѣлъ до тѣхъ поръ достаточно опредѣленнаго понятія. Вѣроятно отъ чрезмѣрнаго потрясенія, авторъ даже потерялъ какъ-будто способность наглядно передать читателю впечатлѣнія, вынесенныя оттуда имъ самимъ. Можно смѣло утверждать, что, съ описательной точки зрѣнія, брошюра А. Мэрнса представляетъ очень мало достопримѣчательнаго и что даже и русскимъ читателямъ навѣрное доводилось встрѣчать изображенія лондонской нищеты значительно болѣе яркія. Трудно было-бы также объяснить себѣ невѣроятный успѣхъ этой брошюры тѣми экономическими соображеніями, которыя высказываетъ въ ней ея авторъ. Подобно своему предшественнику, епископу Фрззеру, попросивъ насъ почти на слово повѣрить ему, что видѣнныя имъ картины лондонской нищеты превышаютъ собою рѣшительно все, что самое пылкое воображеніе можетъ представить себѣ возмутительнаго и ужаснаго на эту тему, авторъ задается вопросомъ: что же заставляетъ людей, къ тому-жъ не какихъ-нибудь отверженныхъ дикарей, а вольныхъ гражданъ гордой британской націи, довольствоваться такою ужасною обстановкою, на которую истинный христіанинъ не въ правѣ былъ-бы осудить даже пса смердящаго?—Отвѣтъ, конечно, возможенъ только одинъ: нищета!.. Но въ чемъ-же кроются причины этой нищеты?—Съ искренностью, которая придаетъ этому небольшому произведенію совершенно особенный ароматъ, крайне рѣдко встрѣчаемый въ писаніяхъ этого лагеря, авторъ не считаетъ нужнымъ забрасывать читателя нравственными сентенціями о лѣни, порокахъ и развратѣ, которые точно, по праву могутъ считаться неотлучными гостями этихъ трущобъ. Но, во всякомъ случаѣ, — утверждаетъ пасторъ Мэрнсъ, — они здѣсь не болѣе какъ гости. Онъ даже не стѣсняется сказать, что нравственность, трудолюбіе и добродѣтели составляютъ вовсе не такое рѣдкое зрѣлище въ жилищахъ лондонскихъ бѣдняковъ, какъ обыкновенно увѣряютъ насъ грошечные моралисты, но только что онѣ не улучшаютъ положенія «отверженнаго Исава», а совершенно напротивъ, очень часто и очень существенно ухудшаютъ его. Дѣвушка, чуть-что не въ дѣтскомъ возрастѣ рѣшившаяся торговать своею красотою, нерѣдко находитъ возможность вы-

браться изъ своей East-End'ской трущобы на чистый воздухъ, но честная труженица тѣмъ безнадежнѣе застрѣваетъ въ ней на вѣки, чѣмъ болѣе она какимъ-то чудомъ умѣла сохранить честныхъ человѣческихъ чувствъ въ своей истерзанной груди... Причина, совершенно справедливо заключаетъ лондонскій миссіонеръ, кроется въ томъ, что обитатель этихъ трущобъ есть дѣйствительно «отверженный Исавъ», котораго болѣе удачливый и незастрѣчивый младшій братъ лишилъ подобающей ему доли отцовскаго благословія. Лондонскій работникъ осужденъ жить при такой возмутительной обстановкѣ всего прежде потому, что получаемая имъ плата непомѣрно низка въ сравненіи съ рыночною цѣною выдѣлываемаго имъ продукта,—потому-что весь англійскій общественный строй не ограждаетъ его отъ капиталистическихъ притязаній, а напротивъ, бросаетъ его, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, подъ безопадные колеса побѣдной колесницы индустриализма, въ наивной увѣренности, будто способнѣйшій переживетъ! и будто «свободная конкуренція», не стѣсненная никакими гуманитарными соображеніями, обезпечиваетъ всего вѣрнѣе единственный возможный экономическій прогрессъ въ общественномъ, какъ и въ животномъ, мірѣ.

Взятая сама по себѣ, эта аргументація пастора Мэрнса, конечно, далеко не нова, и читатели съ этой стороны не найдутъ во всей его брошюрѣ даже блѣднаго призрака той логической законченности и той богатой фактической обработки которыми блистаютъ, на примѣръ, нѣкоторые отдѣлы «Капитала», Карла Маркса. Почти невѣроятный успѣхъ «Горькаго крика» объясняется, очевидно, главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что честная и нелишенная страстности брошюрка эта обращается рѣшительно ко всѣмъ и каждому, и притомъ, отъ мало-мальски грамотнаго своего читателя, она не требуетъ особенныхъ усилій ума, памяти или воображенія, для того, чтобы быть усвоенною имъ вполне. Авторитетъ пастырскаго слова, стоящаго выше подозрѣній въ какихъ-бы то ни было зловредныхъ и субверсивныхъ «измахъ», играетъ, конечно, въ этомъ успѣхѣ далеко не маловажную роль. Пасторъ, впрочемъ, не ограничивается одною, такъ-сказать, діагностическою стороною своей задачи. Засвидѣтельствовавъ зло, возмущившись имъ какъ добрый человѣкъ и христіанинъ, онъ усматриваетъ въ немъ угрозу для цѣлой англійской націи. Обездомленный Исавъ очень терпѣливъ, но вѣдь онъ ужъ такъ много и такъ безнадежно терпѣлъ: истощится-же когда-нибудь запасъ его косности и добродушія, и онъ ополчится, наконецъ, противъ своего безсердечнаго старшаго брата. На этотъ разъ уже не четыреста, а цѣ-

ныхъ четыреста тысячъ безпощадныхъ, одичалыхъ воиновъ поведетъ онъ за собою (кстати замѣтить, мы рѣшительно не знаемъ, откуда почтенный авторъ почерпнулъ эту скромную цифру: если бы онъ прибавилъ къ ней и еще одинъ нуль съ правой стороны, то мы все-же не имѣли-бы основанія упрекнуть его въ сенсационныхъ преувеличеніяхъ). Въ виду этой нефиктивной опасности, пасторъ Мэрнсъ приглашаетъ всѣхъ добропорядочныхъ людей, къ какому-бы званію и политическому образу мыслей они ни принадлежали, опомниться, пока еще время не ушло и объединить свои силы противъ общаго національнаго врага, во сто разъ страшнѣйшаго, чѣмъ внѣшніе враги, противъ которыхъ Великобританія содержитъ свои арміи и флоты. Ни изъ самой брошюры, ни изъ двухъ дополненій ея, появившихся въ декабрьской книжкѣ «Contemporary Review» (Esaur Cru, подписанный Брукъ-Ламбертомъ и Outcast London—самого Мэрнса) мы не въ состояніи были составить себѣ отчетливаго представленія о тѣхъ средствахъ, которыми почтенный пасторъ надѣется одолѣть страшнаго національнаго врага. Ясно только одно, что онъ предлагаетъ созданіе обширнаго вольнаго союза или патріотической лиги для борьбы противъ нищеты, подъ миссіонерскою и пасторскою инициативою. Извѣстно, что именно подобнаго рода организациі пользуются нарочитою популярностію въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ англійскаго общества, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что призывъ пастора Мэрнса не остался гласомъ вопіющаго въ пустынь. Заявленія сочувствія и готовности служить поднятому имъ знамени,—говоритъ онъ,—обращаются къ нему въ большемъ числѣ со всѣхъ сторонъ. Въ качествѣ хроникера заграничныхъ литературныхъ новостей, я не имѣю возможности дать своимъ читателямъ дальнѣйшій отчетъ объ успѣхахъ этого, очень еще юнаго и благого, предпріятія. Не могу, однако, пройти, вовсе молчаніемъ воззваніе, которымъ миссъ Октавія Гилль (Hill) приглашаетъ своихъ соотечественницъ къ образованію особой женской лиги, въ видахъ все той-же борьбы: вѣдь не остаются-же англійскія миссъ и лэди праздными свидѣтельницами, когда ихъ братья и мужья проливаютъ свою кровь въ войнѣ съ чужеземными врагами британской націи. Опасность, которую гидра пауперизма угрожаетъ отечеству, очевидно, не менѣе опасности этихъ войнъ; къ тому-же въ этой, чисто внутренней и безкровной борьбѣ, преданная сестра милосердія не меньше, чѣмъ въ военныхъ госпиталяхъ, можетъ найти для себя полезнаго и истинно женственнаго дѣла.

То настроеніе англійскаго общественнаго мнѣнія, о которомъ

свидѣтельствуемъ успѣхъ «Горькаго Крика» пастора Мэрнса, показалось удобнымъ поприщемъ для консервативной парламентской партіи для генеральнаго сраженія, которое она, повидимому, намеревается дать своимъ побѣдоноснымъ противникамъ на предстоящихъ выборахъ. Не наше дѣло слѣдить за политической стороною этой борьбы, но въ Англіи, менѣе даже чѣмъ во всякой другой передовой европейской странѣ, журналистика можетъ быть обзрѣваема независимо отъ политической злобы дня и отъ избирательныхъ тревоженій. Какъ-бы то ни было, но только одинъ изъ двухъ лидеров побитыхъ съ Биконсфильдомъ торіевъ, маркизъ Сальсбѣрри (Salisbury), въ аристократической *Quarterly Review*, беретъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ ландлордовъ и деревенскихъ батраковъ подъ свое особое покровительство. Конечно, вопросъ о пауперизмѣ, будучи такимъ образомъ сведенъ къ вопросу объ улучшеніи матеріальныхъ условій быта деревенскихъ батраковъ, на нашъ взглядъ, долженъ-бы, казалось, потерять не малую долю своего существеннаго и всеобъемлющаго значенія. Но мы уже много разъ замѣчали, что одна изъ характернѣйшихъ особенностей англійскаго національнаго духа заключается именно въ такомъ аналитическомъ подходѣ ко всякому дѣлу, при которомъ оно неизбѣжно утрачиваетъ, такъ-сказать, ширину своего размаха, до извѣстной степени дробится и мельчаетъ, но тѣмъ самымъ значительно скорѣе приближается къ вождельной возможности своего фактическаго или практическаго разрѣшенія. Къ тому-же здѣшней печати, періодической и неперіодической, давно уже выяснена та тѣсная связь, которая существуетъ между участіемъ деревенскихъ батраковъ и городскихъ пролетаріевъ. Сановный лордъ замѣчаетъ очень вѣрно, что о серьезномъ улучшеніи положенія городскихъ работниковъ не можетъ быть рѣчи до тѣхъ поръ, пока длится неурядица, заставляющая англійскія поля оставаться все болѣе и болѣе невоздѣланными изъ года въ годъ, а деревенское населеніе бѣжать оттуда въ города, гдѣ оно не мало содѣйствуетъ пониженію и безъ того уже низкой задѣльной платы. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что это запусѣніе англійскихъ деревень принимаетъ поистинѣ угрожающіе размѣры: въ то время, какъ въ Англіи, въ общей сложности, за все истекшее десятилѣтіе 1871—80 гг., приростъ народонаселенія былъ $14\frac{1}{3}\%$, въ округахъ преимущественно земледѣльческихъ населеніе не только не увеличивалось, но даже уменьшалось въ размѣрахъ 10 и 12%. — Какъ истый ландлордъ, маркизъ Сальсбѣрри стремился взвалить вину за это бѣгство изъ деревень на самихъ батраковъ, судьба которыхъ за послѣднее время, утверждаетъ онъ, значи-

тельно улучшилась, такъ-какъ задѣльная плата за послѣднія тридцать или тридцать-пять лѣтъ поднялась съ 8 до 15 шиллинговъ въ недѣлю. Но, помня о предстоящихъ выборахъ, онъ соглашается скользнуть снисходительно по этой алчности англійскихъ батраковъ, недовольствующихся при своей семьѣ по меньшей мѣрѣ въ десять душъ даже и шестьюдесятью шиллингами ежемѣсячно. Должно признаться, говорить почтенный лордъ, что и наше доблестное сословіе до сихъ поръ вело себя далеко не безупречно, помышляя исключительно о своихъ привилегіяхъ и правахъ, но совершенно забывая о неразрывныхъ съ этими правами обязанностяхъ. Порожденное такимъ образомъ зло дѣйствительно велико, хотя, можетъ быть, и не въ такихъ размѣрахъ, какъ утверждаютъ церковные филантропы и клубные агитаторы. Впрочемъ, какъ-бы ни была велика азва пауперизма, мы одни, породившіе ее, можемъ также и изцѣлить ее, обратившись впредь къ исполненію своихъ обязанностей, однако безъ забвенія вышесреченныхъ привилегій и правъ, которыя составляли во всѣ времена лучшую гарантію англійскихъ безпримѣрныхъ преуспѣяній на земледѣльческомъ и сельско-хозяйственномъ поприщѣ. Но какое-же ручательство представляютъ почтенные ландлорды хотъ-бы за то, что, получивъ снова политическую власть въ свои руки, они попрежнему не забудутъ объ этихъ своихъ обязанностяхъ?—Въ этомъ отношеніи маркизъ Сальсбѣрри даже какъ-будто забѣгаетъ впередъ разнымъ требованіямъ самаго строгаго скептицизма. Пусть,—говоритъ онъ,—недремлющій законъ покараетъ того изъ насъ, кто забудетъ объ этихъ обязанностяхъ. Уже два года въ городахъ дѣйствуетъ пресловутый *artisansdwelling act* (законъ о жилищахъ для работниковъ), по которому домовладѣлецъ, отдающій квартиры въ дурныхъ санитарныхъ условіяхъ въ наемъ своимъ жильцамъ, подлежитъ экспроприаціи, конечно за соотвѣтственное денежное вознагражденіе. Вернувшись къ власти, мы обѣщаемъ распространить дѣйствіе этого закона также и на деревни. Такимъ образомъ, волею или неволею, должны будутъ исчезнуть съ лица нашей доблестной земли тѣ отвратительныя логовища, о которыхъ епископъ Фрэзеръ сказалъ, что онѣ превосходятъ, въ смыслѣ ужаса и отвращенія, всякое описаніе; а съ тѣмъ вмѣстѣ не можетъ не уменьшится и тотъ наплывъ деревенскихъ батраковъ въ промышленные города, о которомъ уже выше было говорено и который такъ невыгодно вліяетъ на задѣльную плату мастеровыхъ и въ особенности фабричныхъ рабочихъ...

Со стороны непримирившихся со своимъ пораженіемъ торіевъ, было, конечно, очень удачнымъ стратегическимъ маневромъ свя-

зять вопросъ о своемъ возвращеніи къ власти съ этимъ роковымъ и все собою заслоняющимъ вопросомъ о пауперизмѣ. Но партія противная, немало сконфуженная внѣшними неудачами и ирландскою политикою Гладстона, не осталась, какъ и слѣдовало ожидать, въ долгу. «*Fortnightly Review*», болѣе литературный, чѣмъ политическій органъ передовой фракціи нынѣшняго министерства, въ зимнихъ своихъ книжкахъ помѣстилъ, подъ общимъ заглавіемъ «Программа радикальной партіи», рядъ чрезвычайно интересныхъ этюдовъ объ экономическомъ и социальномъ положеніи Англiи, въ связи съ стремленіями и общаніями парламентскихъ приверженцевъ нынѣшняго министерства. Наконецъ, въ декабрьскомъ номерѣ того-же журнала появилась, на самомъ видномъ мѣстѣ, статья министра торговли Чемберлена (*Labourers' and Artisans Dwellings, by the Right Honorable I. Chamberlain, M. P.*), произведшая очень сильное впечатлѣніе не только въ самой Англiи, но и за границею. Нѣмецкая «*Allgemeine Zeitung*» замѣчаетъ по этому поводу, что на всемъ европейскомъ континентѣ едва-ли найдется страна, гдѣ исполнительная власть не сочла-бы свою обязанностью преслѣдовать автора такой статьи, каковую англійскій министръ открыто пускаетъ въ свѣтъ за полную свою подписью въ видѣ рождественскаго поздравленія или святочнаго подарка избирателямъ.

Мы не имѣемъ намѣренія разбирать здѣсь въ отдѣльности каждую изъ вышепомянутыхъ статей. Достойно, однако-же, замѣчанія, что никогда еще англійскіе парламентскіе радикалы не говорили съ публикою такимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ языкомъ. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что статьи эти принадлежатъ всецѣло литературѣ, а не политикѣ; но и при всемъ томъ, ихъ небывало повышенный діапазонъ остается все-таки въ нашихъ глазахъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ знаменій времени. Желая отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи сельскихъ и городскихъ работниковъ въ собственно Англiи съ Валлисомъ, безымянный авторъ «Радикальной программы» («*Fortnightly Review*», ноябрь) обращается къ недавно вышедшимъ трудамъ правительственной комиссіи, специально назначенной, еще въ 1879 г., для изслѣдованія этого вопроса. Здѣсь ему прежде всего приходится замѣтить, что отчетъ этотъ комиссіи отличается предвзятымъ оптимистическимъ направленіемъ, создающимъ нѣоторую родственную связь между нимъ и уже помянутыми литературно-соціологическими упражненіями лорда Сальсбѣрри. Родство это, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что самая комиссія была еще выбрана подъ управленіемъ торійскаго министра. Не провергая

фактовъ и цифръ, собранныхъ почтенными комиссарами, но только дополняя и освѣщая ихъ достовѣрными свѣдѣніями, полученными изъ другихъ источниковъ, радикальный авторъ легко приводитъ насъ къ убѣжденію, что оптимистическая окраска, придаваемая имъ «отчетомъ», не выдерживаетъ никакой критики, что въ особенности предполагаемое торіями будто-бы улучшеніе матеріальнаго положенія деревенскихъ батраковъ есть не болѣе какъ продуктъ чистѣйшаго недоразумѣнія. Англія всегда была страной вопіющихъ противорѣчій и крайностей: въ ней есть адъ и рай, но она совершенно не знаетъ чистилища. Такою она и осталась до сихъ поръ. Никто не сомнѣвается, что ея немногимъ счастливымъ, въ родѣ напримѣръ герцога Вестминстера, имѣющаго болѣе полутора милліона франковъ *ежемесячнаго* дохода (его имѣнія цѣнятся въ 46 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ), живетъ какъ въ раю—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопросъ заключается только въ томъ: уменьшается-ли, хоть-бы только въ микроскопическихъ размѣрахъ, пропасть, отдѣляющая Англію имущую и респектабельную отъ ада кромѣшнаго, въ которомъ споконъ вѣка терзаются ея злополучные безземельные батраки. По самому тщательному и добросовѣстному изслѣдованію оказывается, что пропасть эта не только не уменьшается, но постепенно растетъ изъ года въ годъ, или, по крайней мѣрѣ, съ каждымъ новымъ успѣхомъ страны на блестящемъ поприщѣ капиталистическаго преуспѣянія. Напрасно «отчетъ» побѣдоносно указываетъ на то, что плата сельскихъ рабочихъ повысилась за какихъ-нибудь тридцать лѣтъ съ 8 на 15 шиллинговъ въ недѣлю. Мы знаемъ, во-первыхъ, что это ея повышеніе объясняется значительнымъ образомъ паденіемъ дѣйствительной цѣны шиллинга за тотъ-же самый срокъ; во-вторыхъ, и это болѣе номинальное чѣмъ существенное увеличеніе куплено цѣною чуть не полнаго опустѣнія деревень въ очевидный ущербъ городской задѣльной платѣ. «Съ нашей точки зрѣнія, было-бы, впрочемъ, чистѣйшею потерею времени (замѣчаетъ радикалъ «Fortnightly Review»), разсуждать объ относительныхъ достоинствахъ 8-ми или 15-ти шиллинговой задѣльной платы: и та, и другая равно не выводятъ массы рабочаго населенія Англіи изъ волшебнаго круга вымиранія съ голода (*starvation circle*). Насъ стараются увѣрить, будто такая система—плодъ нигдѣ уже не сохранившихся въ Европѣ отжившихъ землевладѣльческихъ порядковъ—оказывается наиболѣе выгодною для промышленнаго и земледѣльческаго преуспѣянія національнаго хозяйства. Положеніе это еще не доказано, но пусть будетъ такъ: англійская нація не можетъ покупать промышленный успѣхъ цѣною хроническаго

вымиранія цѣлыхъ массъ своего рабочаго населенія. — Короче, система эта, практикуемая съ незапамятныхъ временъ, привела страну къ краю гибели, а конечно въ пальятивахъ не недостатка не было. По однѣмъ только официальнымъ даннымъ, Англія за послѣднюю четверть вѣка потратила около пяти миллиардовъ на содержаніе рабочихъ домовъ, богадѣленъ и т. п. учрежденій казенной филантропіи. Очевидно, что дѣло здѣсь не въ смягчающихъ мѣрахъ, — что самая система не годится никуда и что давно пора перейти къ чему-то новому. Пасторское движеніе противъ пауперизма составляетъ, конечно, явленіе очень отрадное и почтенное, но было-бы непростительнымъ легкомыслиемъ оставить такой роковой для всей націи вопросъ на разрѣшеніе частной инициативы, которая легко можетъ быть увлечена въ другую сторону. Не болѣе гарантіи успѣха представляла-бы въ подобномъ дѣлѣ какая-бы-то ни была сословная инициатива вообще, въ особенности-же инициатива того почтеннаго сословія, представителемъ котораго является маркизь Сальсбѣрри и которое слишкомъ скомпрометировало себя хотя-бы однимъ только захватомъ общинныхъ земель вопреки всякой законности и формальности. Короче говоря, починъ въ подобномъ дѣлѣ можетъ и долженъ принадлежать одному только государству. Провозглашеніе принципа государственнаго вмѣшательства въ Англіи, конечно, уже не составляетъ сенсационной новости, но статья министра Чемберлена имѣетъ главнѣйшею своею цѣлью показать, что примѣненія этого принципа до сихъ поръ приводили къ мало утѣшительнымъ результатамъ потому, что онѣ были слишкомъ случайны и отрывочны и плохо вязались съ общимъ строемъ англійскаго административнаго и политическаго механизма. Служа косвеннымъ отвѣтомъ на вызовъ маркиза Сальсбѣрри, статья эта разбираетъ главнымъ образомъ уже помянутый выше «квартирный законъ», который очень мало сдѣлалъ для бѣдняковъ, но обогатилъ уже очень многихъ беззастѣнчивыхъ домовладѣльцевъ на счетъ государственнаго бюджета. Благодаря этому закону, многіе капиталисты бросились на покупку небольшихъ земельныхъ участковъ въ Лондонѣ и другихъ промышленныхъ городахъ для того, чтобы тотчасъ-же выстраивать на нихъ домовые бараки, совершенно непригодные для человѣческаго житья. При невѣроятно быстромъ возростаніи населенія англійской столицы, даже и такія помѣщенія легко находили нанимателей, принося своимъ владѣльцамъ по 20 и даже по 35 процентовъ годоваго дохода. Впрочемъ, самъ домовладѣлецъ о томъ только и мечталъ, чтобы по возможности скорѣе обратить вниманіе квартирной комиссіи на негигіе-

ническія условія своего зданія. Община оказывалась обязанною купить и разрушить такой домъ по соглашенію съ владѣльцемъ, который, капитализируя по расчету нормальныхъ процентовъ получаемый имъ доходъ, обыкновенно учетверялъ капиталъ, первоначально затраченный имъ на это, болѣе чѣмъ сомнительное въ смыслѣ честности, предпріятіе. Пресловутый «dwelling act» послужилъ слѣдовательно только къ развитію въ Англіи шулерской игры, очень похожей на ту, которою занимались въ Парижѣ Ругонъ-Макары подъ предводительствомъ знаменитаго наполеоновскаго префекта Гаусмана. Благодѣтели изъ лагеря маркиза Сальсбѣрри, услужливо предлагая распространить дѣйствіе этого закона на деревни, такимъ образомъ какъ-будто имѣютъ въ виду не только сконфузить политическаго врага, но еще и устроить нѣкоторую ликвидацію своихъ земель на казенный счетъ, продавъ по фантастической цѣнѣ усадебные участки приходамъ.

«Политическая власть», заключаетъ свою статью Дж. Чемберленъ, — «есть только средство, а не цѣль. Расширеніе избирательныхъ правъ и министерскія перетасовки останутся такою-же праздною забавою, какъ и тѣ, которымъ наши крупные ландлорды предаются во время вакацій, если онѣ не ведутъ прямою дорогою къ фактическому разрѣшенію общественныхъ вопросовъ, глубоко задѣвающихъ жизненные интересы народныхъ массъ. Пора же прислушаться, наконецъ, и къ ихъ голосу»...

Англіи почему-то особенно посчастливилось на этотъ разъ и во французской литературѣ. Въ числѣ недавно вышедшихъ и обратившихъ на себя нѣкоторое вниманіе французскихъ книгъ, цѣлыхъ двѣ посвящены общественному быту и нравамъ туманнаго Альбіона. Авторы обѣихъ: — Максъ О'Релль и Экторъ Франсъ — чистокровные парижане, осужденные политическими бурями своей страны прожить цѣлое десятилѣтіе 1871—80 по ту сторону Ламанскаго пролива. По счастливому исключенію, они не употребили это время на то, чтобы платонически вздыхать по асфальту парижскихъ бульваровъ, безъ которыхъ ни міръ, ни жизнь не могутъ представлять ничего достопримѣчательнаго по мнѣнію большей части чистокровныхъ парижанъ. Оба приглядѣлись внимательно къ особенностямъ страны, давшей имъ гостепримное убѣжище на такой продолжительный срокъ, и оба съумѣли талантливо и умно пересказать вынесеннаго ими оттуда впечатлѣнія. Но такъ какъ жить и вращаться тамъ имъ приходилось въ совершенно различныхъ сферахъ и кружкахъ, то и впечатлѣнія получились очень различныя. О'Релль и Экторъ Франсъ не повто-

ряютъ одинъ другого нигдѣ, противорѣчатъ другъ-другу порою, но, вообще говоря, очень интересно поподняютъ другъ друга.

Очевидно, съ точки зрѣнія житейской суеты, Максу О'Релю посчастливилось больше, чѣмъ его соотечественнику, по ту сторону Британскаго канала: доѣзжали его тамъ (это онъ говоритъ въ посвященіи своей книги) желтые и черные лондонскіе туманы, насморки и бронхиты, королевскіе и приходскіе подати и налоги, душевнеспасительныя и инныя покушенія противъ его личности разныхъ перерѣзанныхъ миссъ, дѣйствующихъ за свой собственный счетъ или состоящихъ агентами библейскихъ и миссіонерскихъ обществъ; но зато жизнь его не спускалась по крайней мѣрѣ ниже того ценза «respectability», за которымъ уже начинаются труппы, вызывающія «горькій крикъ» изъ устъ даже такого временнаго и доброхотнаго ихъ посѣтителя, какъ *Reverend* Андрю Мэрисъ. Только эту respectableнгу Англию и наблюдалъ Максъ О'Рель; только ее одну онъ и пытается пересказать намъ въ своемъ томикѣ, озаглавленномъ нѣсколько претенціозно на нашъ взглядъ: «Джонъ Буль и его островъ». Впрочемъ, претенціозность эту понять и извинить легко: она являлась почти обязательно для французскаго автора, вслѣдствіе только-что упомянутой особенности общественнаго положенія, завоеваннаго имъ себѣ въ Англии. Respectableная англійская жизнь, со всѣми ея особенностями и характерными идиотизмами, наблюдалась и воспроизводилась уже столько разъ на французскомъ и на иныхъ языкахъ, что сказать о ней что-либо существенно новаго и поучительнаго едва-ли возможно и для писателя, одареннаго даже и очень не дюжинною наблюдательностью и изучавшаго свой предметъ въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ *con amore et impregno*, какъ М. О'Рель. Поневоля приходится стараться привлечь и заинтересовать читателя, за отсутствіемъ большого запаса новизны и свѣжести своего матерьяла, остроуміемъ обобщеній и выводовъ, дѣлаемыхъ изъ общедоступныхъ наблюденій,—изяществомъ и игривостью изложенія, и т. п. чисто личными качествами. Этими достоинствами книга О'Реля обладаетъ въ очень уважительной степени, пожалуй даже въ излишествѣ, подѣ часть невольна подсказывающемъ читателю ехидный стихъ сатирика:

L'esprit qu'on veut avoir gâte celui qu'on a.

(Въ погоню за умомъ легко утратить умъ)...

Поневоля подѣ-часъ приходитъ на мысль, что тотъ или другой пассажъ своей книги авторъ не списалъ съ натуры, а слышалъ въ корридорѣ отъ вѣрнаго человѣка, или, пожалуй, даже придумалъ самъ, конечно съ благою цѣлью усилить впечатлѣніе, рѣзче

оттѣнить тотъ или другой штрихъ рисуемаго имъ изображенія. Во многихъ другихъ случаяхъ намъ чудилось, будто авторъ добровольно напускалъ на себя извѣстнаго рода куриную слѣпоту, т. е. по просту не хотѣлъ видѣть до конца наблюдаемаго имъ явленія, такъ какъ при этомъ оно должно бы было неизбѣжно потерять свою этнографическую пикантность, становилось-бы очень простымъ и будничнымъ явленіемъ, а нашему автору нуженъ былъ курьезъ. Порою подобныя сдѣлки добросовѣстнаго наблюдателя съ остроумнымъ рассказчикомъ въ М. О'Реллѣ объясняются не одними только стилистическими соображеніями, а своего рода публицистическимъ умысломъ: авторъ нерѣдко преувеличиваетъ ту или другую черту рисуемаго имъ портрета не потому, чтобы онъ дѣйствительно считалъ ее присущею своему герою, а только потому что недостатокъ этой черты въ своихъ собственныхъ соотечественникахъ кажется обиднымъ для его патріотическаго самолюбія. Это случается съ нимъ неизбѣжно каждый разъ, когда рѣчь зайдетъ о пресловутой самостоятельности Джонъ Булля, объ его привычкѣ всего ждать только отъ себя и не терпѣть надъ собою никакой непрошенной опеки, даже и благонамѣренной. Черта эта, безспорно, очень похвальна и симпатична, но зачѣмъ-же умышленно закрывать глаза, или даже благодушно умиляться, въ тѣхъ, далеко неисключительныхъ, случаяхъ, когда излюбленный О'Реллемъ оригиналъ доведетъ эту похвальную черту за тотъ предѣлъ, за которымъ она становится простою грубостью, преклоненіемъ передъ успѣхомъ и силою, диллетантизмомъ безцѣльно побѣждаемыхъ трудностей, или-же просто чепухою. Приѣмъ этотъ имѣетъ еще другія, довольно существенныя, неудобства. Такъ-какъ типическія черты Англіи, стоящей по сю сторону ценза респектабельности, давнымъ-давно уже наблюдались и пересказывались многими, то французскому автору нерѣдко приходится просто облекать въ нѣсколько новую щеголеватую форму старыя общія мѣста, а не то и прямо пересказывать анекдотъ, который и вы и я уже слышали въ своемъ дѣтствѣ. — «Милостивый государь!» кричитъ пылкій французъ степенному англичанину, молчаливо курящему сигару у камина, у котораго самъ онъ грѣетъ свою спину: «милостивый государь!» — «Что вамъ угодно?» — «Вы уронили искру себѣ на панталоны». — «А вамъ какое дѣло: у васъ уже четверть часа тлѣютъ фалды сюртука, я это вижу, но не надоѣдаю вамъ изъ-за этого». — Это можетъ быть смѣшно, но недостаточно ново, а подобныхъ повторовъ въ книгѣ О'Релля читается не мало.

За всѣмъ тѣмъ «Джонъ Булль и его островъ» читается съ удовольствіемъ и не безъ интереса. Кое-что новое и заслуживаю-

щее вниманія автору все-же удалось подмѣтить. Особенно хорошо онъ умѣетъ выставить на видъ въ сотнѣ мелочныхъ, несомнѣнно срисованныхъ съ натуры подробностей, то замѣчательное отсутствіе официальнойности, ненужныхъ усложненій, которое позволяетъ англичанину чувствовать себя дѣйствительнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ, на улицѣ, въ клубѣ, въ музеѣ, въ публической библіотекѣ и въ каждомъ другомъ общественномъ мѣстѣ. Англичанинъ на школьной скамейкѣ привыкъ уже чувствовать себя болѣе самостоятельнымъ, болѣе полноправнымъ гражданиномъ, чѣмъ иной французскій сановникъ, готовый, за неимѣніемъ болѣе непосредственнаго начальства надъ собою, дрожать передъ такими фикціями и отвлеченіями, какъ «*que dira t-on?!*» и «*tout le monde.*» Head-master, т. е. директоръ англійской школы, получаетъ больше чѣмъ министерское жалованье, но онъ не изображаетъ изъ себя неприступнаго сановника и считаетъ своею первою обязанностью знать каждаго воспитанника по имени и въ лицо... «Не въ лицо только», прибавляетъ игривый французскій авторъ, — «такъ какъ на его обязанности лежитъ также сѣчь лѣнивыхъ и шалуновъ. Тѣмъ возмущается этимъ и справедливо замѣчаетъ, что во Франціи послѣдній педелль съ жалованіемъ въ восемьсотъ или девятьсотъ фравковъ въ годъ не увидился-бы до такой роли. М. О'Релль готовъ согласиться, что сѣчь, пожалуй, излишне; но онъ спѣшитъ отвлечь ваше вниманіе въ другую сторону. За то,—говоритъ онъ,—въ Англійи воспитаніе способнаго ребенка отъ начала до конца не стоитъ ни гроша его родителямъ. Хорошо выдержанный экзаменъ въ любой школѣ легко доставляетъ стипендію до самаго окончанія курса, а затѣмъ уже школа сама почитаетъ себя счастливою, если за плату отъ 80 до 100 фунт. въ годъ она можетъ выставить отъ себя въ Оксфордскій или Камбриджскій университетъ такого изъ своихъ питомцевъ, который можетъ сдѣлать ей честь своими успѣхами.

То-же отсутствіе официальнойности замѣчаетъ О'Релль и въ другихъ сферахъ общественной жизни. Англичанинъ привыкъ, чтобы ему вѣрили на слово не только въ его кабинетѣ или въ салонѣ его пріятелей, но также и въ канцеляріи, съ которою ему приходится порою имѣть дѣло. Солгавшій въ частной жизни просто выбрасывается за дверь, какъ мазурикъ; солгавшій въ дѣлѣ общественномъ подвергается суду какъ клятвопреступникъ. Любая неопозоренная женщина можетъ спасти отъ казни убійцу, заявивъ передъ присяжными, что онъ былъ въ ея спальнѣ въ то время, когда совершилось преступленіе. Alibi должно считаться доказаннымъ, хотя-бы всѣ улики были противъ того. Вообще

Джонъ Буллъ любитъ щеголять своимъ уваженіемъ къ женщинѣ. Дѣвушка на улицѣ Лондона, даже глухою ночью, по увѣренію М. О'Релль, рискуетъ гораздо меньше, чѣмъ мужчина. Ее въ худшемъ случаѣ могутъ только ограбить. Для мужчины-же во сто разъ опаснѣе чѣмъ встрѣтиться съ однимъ изъ тѣхъ risk-rocket'овъ, которыхъ Лондонъ воспитываетъ на цѣлый свѣтъ, — очутиться наединѣ въ вагонѣ желѣзной дороги или на улицѣ съ особою прекраснаго пола. Она можетъ крикнуть полисмена и обвинить его въ «безчестныхъ предложеніяхъ». Самое лучшее въ такихъ случаяхъ откупиться, чтобы избавиться, по крайней мѣрѣ, отъ издержекъ и неприятностей суда. Подобнаго рода искательницы приключеній, а также агенты всякаго рода миссіонерскихъ и религіозныхъ обществъ составляютъ, по свидѣтельству французскаго автора, язву англійской жизни. способную повергнуть неопытнаго туриста въ бездну золь, рѣшительно немислимую во всякой другой, хотя-бы гораздо менѣе свободной и просвѣщенной, странѣ. Очень интересны главы О'Релль, посвященныя вообще развитію религіозной жизни и благочестивыхъ обществъ въ Англіи.

По странному противорѣчію, Джонъ Буллъ, окружающій первую встрѣчную особу прекраснаго пола на улицѣ или во всякомъ иномъ проходимомъ мѣстѣ почетомъ, пожалуй даже и излишнимъ, не оказываетъ ей и самаго умѣреннаго уваженія съ тѣхъ поръ какъ она стала его женою. Привычка убивать своихъ женъ каминными щипцами или ударами сапога въ животъ можетъ считаться классическою въ нижнихъ слояхъ респектабельнаго англійскаго общества, и суды относятся обыкновенно къ такого рода преступленіямъ съ возмутительною снисходительностію. Въ кружкахъ болѣе благовоспитанныхъ дѣло рѣже доходитъ до смертоубійства; однако, участь мистрисъ Джонъ Буллъ оказывается и тамъ далеко незавидною. М. О'Релль выставляетъ на видъ легкость, съ которою англичане женятся и разводятся, благодаря тому отсутствію официальности англійской жизни, о которомъ уже было говорено; но онъ забываетъ прибавить, что эта легкость развода существуетъ здѣсь единственно для мужей... Впрочемъ, вообще эта сторона дѣла задѣта нашимъ авторомъ только очень поверхностно и вскользь...

Судя по портрету, нарисованному остроумнымъ французскимъ писателемъ, Джонъ Буллъ-эсквайръ представляется намъ провинціальнымъ дядюшкою, неулыжимъ и грубоватымъ, склоннымъ преклоняться передъ успѣхомъ и силою, въ чемъ-бы она ни проявлялась, но добродушнымъ, смѣлымъ безъ рыцарства, могучимъ атлетомъ безъ граціи, однако нелишеннымъ нѣкоторой грубой кра-

соты. Самые существенные его пороки—самодовольство, лицемеріе и ханжество. Общій колоритъ живописи О'Релля все-же крайне благодушный, и авторъ покинулъ Англiю съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ ней «солнце,—конечно, въ переносномъ смыслѣ слова—свѣтитъ для всѣхъ», что въ ней привольное поприще для той «competition», которая не позволяетъ зѣвать и предаваться мечтательной чувствительности, которая заставляетъ каждаго до крайней крайности напрягать свои нервы и мышцы, но въ которой все-же «способнѣйшій переживаетъ») — заблужденіе, легко объяснимое тѣмъ, что авторъ—какъ уже сказано—ограничилъ свой кругозоръ сферами одной только англійской респектабельности.

Экторъ Франсъ провелъ въ той же Англiи то-же самое десятилѣтіе, но онъ вынесъ изъ нея совершенно иного рода впечатлѣнія; онъ принимается за перо съ цѣлю (такъ выражается онъ самъ въ предисловіи къ своимъ «*Va-nu-pieds*») «сорвать со старой Англiи личину ложной добродѣтели, ложной нравственности, ложной стыдливости, которою она прикрываетъ свои гнойныя язвы,—плащъ библейской суровости, которымъ она драпируетъ свою языческую наготу», чтобы обнаружить пропасти, «вырытыя подъ ея высокомеріемъ, подъ ея нахальнымъ богатствомъ, въ которыхъ, какъ въ котлѣ макбетовскихъ вѣдьмъ—творятся дѣла, не имѣющія названія и возмущающія до глубины души сыновъ развратной Франціи, которую чопорные англиканцы наивно считаютъ за новѣйшій Вавилонъ». Дѣло въ томъ, что авторъ «Лондонской голытьбы», въ противоположность Максу О'Реллю, избралъ своею спеціальностью ту «отверженную Англiю», о которой была рѣчь на первыхъ страницахъ этого очерка, по которой, конечно, невозможно было бы нарисовать собирательнаго портрета Джонъ Буль-эсквайра, но который представляетъ гораздо болѣе благодарное поприще для наблюденій и изслѣдованій, такъ какъ она въ себѣ одной вмѣщаетъ цѣлый самостоятельный и почти еще вовсе неизвѣданный міръ. Это міръ дикарей, незнающихъ осѣдлой жизни, а перекочевывающихъ ежедневно изъ одного рабочаго дома въ другой,—какъ тѣ *tramps*, которыхъ статистики мы не знаемъ, но которые уже насчитываются тысячами, если не десятками тысячъ,—или ютящихся въ пещерѣ подъ большою дорогою,—какъ *маленькій Дикъ со своимъ хозяйствомъ*, вдохновившій Э. Франса на прекрасную идиллію въ реалистическомъ стилѣ. Это міръ дикарей, чуждыхъ всякихъ религіозныхъ и нравственныхъ представленій, гражданскихъ и семейныхъ учреждений только тѣмъ и разнящихся отъ

людоѣдовъ Полинезіи, что живутъ не на неприступныхъ островахъ, въ роскошномъ климатѣ, среди океаническаго простора, а въ душномъ East-End'ѣ, въ зловонныхъ закоулкахъ Drgy Lane'a или Petticoat Lane'a, среди богатѣйшей и утонченнѣйшей цивилизаціи, сложившейся не для нихъ и не про нихъ: они лежатъ костями подъ ея спудомъ, какъ тѣ рабы, которыхъ бирманскій императоръ погребаетъ живыми въ фундаментѣ своего дворца, думая эту кровавою жертвою обезпечить его отъ бурь и землетрясеній.

Книга Эктора Франса, слишкѣмъ 300 страницъ убористаго шрифта, состоитъ изъ множества небольшихъ разсказовъ и очерковъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою, кромѣ внутренняго единства содержанія. Нѣкоторые изъ нихъ уже появлялись въ прошломъ году въ парижской газетѣ «Reveil» и тогда уже обратили на себя общее вниманіе. Разобраться рецензенту въ такой книгѣ очень нелегко: пѣлый томикъ представляется чѣмъ-то въ родѣ портфеля, наполненнаго интересными этюдами, которые писалъ съ натуры талантливый художникъ и въ то-же время мыслящій человѣкъ, очень хорошо понимавшій смыслъ наблюдаемыхъ и изображаемыхъ имъ явленій. Слишкѣмъ многіе изъ этихъ набросковъ въ своей простотѣ достигаютъ до высокой художественности въ макарскомъ родѣ.

За невозможностью передать, даже въ сжатомъ извлеченіи, все интересное содержаніе этой книги, мы позаимствуемъ изъ нея только нѣсколько яркихъ иллюстрацій, способныхъ придать немного плоти и крови уже извѣстныхъ намъ измышленіямъ «радикальной программы» и новѣйшихъ журналовъ о лондонскихъ бѣднякахъ. Хотите получить нѣкоторое представленіе о тѣхъ жилищахъ, послѣ посѣщенія которыхъ пасторъ Мэрнсъ испускаетъ свой «горькій крикъ», надѣлавшій такъ много шума,—жилищахъ, гдѣ, по выраженію Эктора Франса, «у васъ мгновенно испаряются въ охватившей васъ смрадной мглѣ гуманныя мечтанія, которыя вы, быть можетъ, лелѣяли съ самыхъ раннихъ лѣтъ,—гдѣ отъ проmozглыхъ стѣнъ вѣетъ на васъ безнадежными прогрессіями Мальтуса?».

Проникаемъ вмѣстѣ съ французскимъ авторомъ въ «семейный номеръ» одного изъ тѣхъ отелей отверженнаго Лондона, гдѣ меблированныя комнаты отдаются по два и по три пенса въ сутки, т. е., приблизительно, отъ 5 до 7-ми копѣекъ. Петролевая лампа больше чадитъ, чѣмъ освѣщаетъ низкую комнату, переполненную удушающими миазмами и заваленную грязнымъ тряпьемъ. У камина отвратительнаго вида старуха готовитъ какую-то черную

похлебку, отъ времени до времени прерывая свою стряпню порывами удушливаго кашля. Почти половина комнаты занята широкою и высокою желѣзною кроватью, на которой глазъ посѣтителя не безъ труда различаетъ, наконецъ, человѣческую фигурку: это оказывается больная дѣвочка. Отецъ еще въ раннемъ дѣтствѣ сломалъ ей ногу, такъ что она съ трудомъ можетъ двигаться только на костыляхъ. Подлѣ нея молодая еще женщина въ одной коротенькой юбкѣ на всей своей стройной особѣ моетъ въ шайкѣ снятую ею съ себя рубаху. Лондонская жизнь развиваетъ въ людяхъ привычку встрѣчаться носъ къ носу, толкать другъ друга локтями, какъ-будто даже вовсе не замѣчая, что подлѣ васъ находится живой человѣкъ. Такъ и здѣсь: авторъ проникаетъ въ чужую квартиру подъ первымъ попавшимся предлогомъ, но никто не смущается его непрошеннымъ посѣщеніемъ, никто не замѣчаетъ его присутствія, и только изнывающая отъ скуки больная дѣвушка добродушно вступаетъ съ нимъ въ оживленный и поучительный разговоръ... «Это ваша сестрица тамъ стираетъ?» спрашиваетъ авторъ... — «Да, а вотъ та, что стряпаетъ,—наша бабушка, папашина мать». — «Что-же, сестра ваша замужемъ?» — «О да, у нея очень много мужей. Съ тѣхъ поръ, какъ папаша отправился, мужчины отъ нея почти не выходятъ... У меня тоже было-бы много мужчинъ, если-бы я не была хромая, и они приносили-бы денегъ», прибавляетъ дѣвочка, при чемъ глаза ея оживляются и сверкаютъ... Но вонь становится невыносимою; посѣтитель не въ силахъ скрыть одолѣвающаго его отвращенія... «Это папаша такъ воняетъ», поясняетъ дѣвочка. — «Вѣдь вы-же сказали, что онъ отправился». — «Ну да, отправился... На тотъ свѣтъ отправился. Онъ здѣсь, подъ кроватью; можете посмотреть. Пятый день уже лежить; но завтра, наконецъ, снесутъ его на кладбище»...

Лондонъ, собственно говоря, не имѣетъ особаго нищенскаго квартала. Нищета здѣсь гнѣздится болѣе или менѣе вездѣ, нерѣдко въ тѣснѣйшемъ сосѣдствѣ самыхъ богатыхъ дворцовъ и роскошныхъ зданій, въ узкомъ кирпичномъ мѣшкѣ, едва заслуживающемъ названія переулка, мимо котораго вы можете проходить ежедневно по нѣскольку разъ, даже не подозрѣвая вовсе его существованія. Въ такъ называемомъ East-End'ѣ, лежащемъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Суті, такихъ закоулковъ и трущобъ, быть можетъ, въ дѣйствительности окажется не больше, чѣмъ въ прочихъ, болѣе фешіонбельныхъ, частяхъ; но респектабельная Англія не любитъ селиться тамъ: тамъ вовсе не существуетъ роскошныхъ дворцовъ и великолѣпныхъ публичныхъ зданій, а потому голытьба чувствуетъ себя какъ-будто больше хозяйскою въ этой восточ-

ной части города. Здѣсь она не только мучительно коротааетъ свой вѣкъ въ трудной борьбѣ за существованіе. въ смрадныхъ подвалахъ съ заплесневѣлыми стѣнами, въ деревянныхъ будкахъ, сколоченныхъ изъ шатающихся гнилыхъ досокъ, сквозь которыя свободно проникаетъ ядовитый, цвѣта гороховаго супа, туманъ и гуляетъ холодный морской вѣтеръ, — здѣсь она развертывается во всей своей прелести, порою веселится, кутить, своеобразнымъ веселіемъ своимъ производя подъ часъ еще болѣе удушающее впечатлѣніе, чѣмъ самымъ своимъ страданіемъ. Послѣдуемъ за французскимъ авторомъ въ его вечернихъ прогулкахъ по закоулкамъ между White-Chapel и Bishopsgate. Не аборигену этой мѣстности пускаться одному въ такія экскурсіи, конечно, нельзя; но едва-ли найдется на столько храбрый *бобби* (народное названіе полицмена), чтобы проводить васъ туда: онъ знаетъ, что самый невинный изъ жителей этой мѣстности видитъ въ немъ своего заклятаго врага, а потому онъ иначе и не отваживается проникнуть туда, какъ при исполненіи служебной обязанности и въ полной силѣ.

«Теперь, сэръ, мы можемъ сказать, что вступили въ самое гнѣздилище разврата и нищеты», — поясняетъ французскому автору переодѣтый полицейскій агентъ, услужливо сопровождающій его въ одной изъ такихъ прогулокъ, въ вечеръ подъ Рождество: — «если-бы я былъ при формѣ, меня растерзали-бы на клочки. Видите этотъ уголъ, сэръ: его называютъ угломъ ножевыхъ ударовъ; а тутъ сейчасъ-же и дождь висѣльниковъ. Вотъ этотъ public-house (трактиръ), направо, былъ сборнымъ пунктомъ *удушителей*, о которыхъ вы, вѣроятно, изволили слышать. Теперь эти времена прошли; его посѣщаютъ почти одни только заурядные воры; сколько-нибудь крупные преступники ловятся здѣсь уже очень рѣдко...»

Посѣтители заходятъ въ первый попавшійся public-house, гдѣ East-End'ская голытьба собралась праздновать по-своему петту Christmass (веселое Рождество)... Многіе одѣты порядочно и даже не безъ признаковъ нѣкоторой роскоши. Низкіе черепа, косоватые глаза, широчайшія челюсти, отвислыя уши и т. п. признаки антропологическаго вырожденія попадаютъ на каждомъ шагу. Мужчины и женщины, часто красивыя, но съ звѣрскимъ или съ отупѣлымъ выраженіемъ лицъ, тѣсятся у залитыхъ водкою и джиномъ столовъ, входятъ и выходятъ кричать, но пуще всего пьютъ, безъ жажды, ради единственной потребности наполниться. Одни лежатъ уже пластами, производя впечатлѣніе бычачьихъ тушъ на прилавкѣ мясника; другіе, съ помраченнымъ уже взоромъ, со слюнявыми губами, издають нечленораздѣльные звуки, въ которыхъ почти уже невозможно различить тотъ-же припѣвъ, который за-

бокалами шампанскаго и за роскошно сервированнымъ столомъ горланять въ этотъ-же самый часъ достопочтенные лорды аристократическаго West-End'a:

Christmass comes but ones a year,
And when he comes he brings good cheer! *).

Сквозь шумъ и гамъ вдругъ раздается чуть слышно глухимъ, страннымъ голосомъ произнесенное привѣтствіе: Merry Christmas, happy new year to all (веселое Рождество, счастливый новый годъ всѣмъ!) Его никто не слышитъ. Привѣтствіе это произноситъ высокій мужчина, одѣтый въ отрепья чернаго скюртука, правый рукавъ котораго болтается пустой, за отсутствіемъ руки, утраченной неизвѣстно гдѣ. Но всего ужаснѣе лицо загадочнаго посѣтителя, непомѣрно вздутое, испещренное непонятными рубцами и шрамами.

Снявъ шляпу и обнаруживъ голый черепъ, незнакомецъ подошелъ ко мнѣ.—«Угодно вамъ испробовать свой кулакъ, сэръ?»—Я не понималъ.—«Потрудитесь ударить меня кулакомъ въ лице изо всей мочи».—Да зачѣмъ-же?—«Чтобы дать мнѣ выиграть шесть пенсовъ, сэръ. У меня дома жена ждетъ въ нетопленной комнатѣ, и ребятишки кричать, требуютъ рождественскаго пуддинга...» Но его уже замѣтили. «Эй, Джо! Вздутый Джо!» раздаются радостные крики со всѣхъ сторонъ... Рослый дѣтина бычачьяго вида, слегка покачиваясь отъ выпитаго джина, направляется къ нему: «По чемъ сегодня?» лаконически спрашиваетъ онъ.—«Шесть пенсовъ, мистеръ Пуффинъ; но, вы знаете—я не хочу начинать съ васъ».—«Чортъ возьми! шесть пенсовъ; можно бы и сбавить подь Рождество, для потѣхи добрыхъ малыхъ».—«А какъ-же быть со старухой, сэръ, и съ пуддингомъ для ребятишекъ?» Находится любитель, маленькій и чахлый мистеръ Спарроу. Онъ платитъ шесть пенсовъ; Джо радостно присѣдаетъ, чтобы «благодѣтель» могъ достать до его лица...—«Теперь моя очередь», радостно вопить Пуффинъ; Джо смущается:—«мистеръ Пуффинъ! Вы знаете—послѣ васъ я уже не могу больше работать; пусть прежде другіе развлекаются... Или... или... заплатите мнѣ цѣлый шиллингъ».—«Шиллингъ—хорошо; только я буду бить два раза».—«Будьте разсудительны, мистеръ Пуффинъ. Шиллингъ за два раза, съ вашимъ кулакомъ! Положите, по крайней мѣрѣ, шиллингъ и шесть пенсовъ».—«Да, Пуффинъ, будьте разсудительны, вступается Спарроу,—вспомните, вѣдь нынче Рождество. Не

*) Рождество приходитъ только одинъ разъ въ годъ, а когда оно приходитъ, оно приноситъ съ собою вутежъ.

язычники-же мы въ самомъ дѣлѣ...» Должно-ли досказывать, что Вздутый Джо уходитъ изъ таверны съ лицомъ еще болѣе вздутымъ, лишившись еще двухъ зубовъ, но довольный и счастливый тѣмъ, что такъ скоро заработалъ въ этотъ праздничный вечеръ цѣлыхъ три шиллинга, на которые онъ спѣшитъ купить стаканъ джина женѣ и кусокъ рождественскаго пуддинга ребятишкамъ...

Эктора Франса въ самой Англiи обвиняли въ томъ, будто онъ не только преувеличиваетъ безотрадныя стороны изображаемой имъ жизни, но что онъ пересказываетъ не дѣйствительно подмѣченное имъ самимъ съ натуры, а ужасы, вычитанные имъ у англiйскихъ-же писателей, главнѣйшимъ образомъ у Диккенса и Гринвуда, упуская при томъ изъ вида, что дѣйствительность съ тѣхъ поръ значительно измѣнилась къ лучшему и что оба упомянутые беллетриста, независимо отъ художественнаго своего дарованiя, приобрѣли себѣ безсмертныя права на признательность своихъ соотечественниковъ тѣмъ именно, что имъ-то новѣйшая Англiя и обязана всего болѣе своимъ освобожденiемъ отъ ими подмѣченныхъ золъ. Когда появился, первоначально въ формѣ фельетона, рѣзкій Франса о томъ, какъ матери предлагаютъ въ продажу, открыто на лондонскихъ улицахъ, своихъ дѣтей, преимущественно дѣвочекъ лѣтъ отъ восьми до четырнадцати, то какой-то Revegard, по имени Годсонъ, написалъ ему негодующее письмо, обвиняя его въ клеветѣ. Почтенный пасторъ признаетъ, что лѣтъ двадцать или двадцать-пять тому назадъ въ Лондонѣ, точно, существовали особые рынки:—Spitalfield и Bethnal-Green, на которыхъ совершались подобнаго рода сдѣлки, имѣвшiя, впрочемъ, характеръ скорѣе долгосрочныхъ наймовъ въ услуженiе, а не настоящей продажи и купли. Въ самой Англiи Гиксонъ, во Францiи-же зять Викторъ Гюго, Леонъ Фоше, тогда-же обратили вниманiе публики на это скандальное явленiе, вслѣдствiе чего такiя торгoвыя операцiи были строго запрещены закономъ, и полицiя долго слѣдила съ особенною зоркостью за Спитальфильдомъ. Все это вполне справедливо, и Экторъ Франсъ не утверждаетъ, будто онъ видѣлъ въ Лондонѣ особые рынки, предназначенные для этой цѣли, какъ это водилось въ добрыя старыя времена. Дѣло, однако-же, очень мало выигрываетъ или измѣняется отъ того, что теперь подобная купля-продажа сосредоточивается не въ какомъ-нибудь Спитальфильдѣ, а ведется болѣе или менѣе повсюду, преимущественно на главныхъ уличныхъ или площадныхъ центрахъ проституцiи, или-же въ тѣхъ кабакахъ и тавернахъ, которыя служатъ поприщемъ «работы» какихъ-нибудь злополучныхъ артистовъ, въ родѣ Вздутаго Джо, или и еще худшихъ

нецензурныхъ зрѣлищъ. Очень еще недавно знаменитое дѣло группы маленькихъ акробатовъ, объѣхавшихъ полъ-свѣта подъ фантастическимъ арабскимъ именемъ Бена-Зугъ-зугъ, дало случай доказать передъ судомъ, что торговля сдѣлками подобнаго рода вовсе не прекратилась съ упраздненіемъ Bethnal-Green и Spitalfield. Разумѣется, записи совершались не въ формѣ купчихъ крѣпостей, которыя и не имѣли-бы законной силы, а въ видѣ долгосрочныхъ наймовъ, на десять, на двѣнадцать или болѣе лѣтъ, т. е. совершенно такъ-же, какъ вербуются китайцы, продаваемые въ Перу, но только съ тою существенною разницею, что здѣсь контрагентами, съ одной стороны, являются малолѣтніе, которымъ на цѣлыя пятилѣтія и болѣе не присвоивается вовсе никакого жалованья, а впослѣдствіи—по одному фунту стерлинга въ годъ.

Книга Э. Франса, на нашъ взглядъ, интересна всего прежде своею правдивостію, а также и тѣмъ, что она даетъ намъ картину современной Англіи именно такую, какою она представляется именно въ текущій моментъ. послѣ всѣхъ тѣхъ, дѣйствительно громадныхъ, улучшеній, которыя были здѣсь осуществлены со времени Диккенса и Гринвуда. Въ авторѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ предвзятаго пессимизма и желанія, ради литературнаго эффекта, рисовать чорта чернѣе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Франсъ безъ труда признаетъ, что Англія значительно превосходитъ всѣ европейскія государства грандіозностію мѣръ, принимаемыхъ здѣсь и обществомъ, и частною инициативою, для борьбы противъ пауперизма. Если и при ея, почти невѣроятныхъ, издержкахъ на этотъ счетъ, результаты въ концѣ концовъ получаются все-же очень плачевные, то становится яснымъ до очевидности, что самый методъ оказывается негоднымъ или, по меньшей мѣрѣ, несоотвѣтствующимъ размѣрамъ зла.

Рядомъ съ бездною удручающихъ впечатлѣній, «Лондонская Голытьба» въ разсказахъ французскаго изгнанника оставляетъ и одно, далеко не безотрадное. Разсказывая исторію недавняго улучшенія англійскихъ work-house'овъ, бывшихъ еще такъ недавно живыми могилами или прокустовыми ложами для своихъ обитателей, авторъ обращаетъ наше вниманіе на ту благую роль, которую играло въ этомъ дѣлѣ вольное печатное слово. Достаточно было нѣсколькихъ словъ Диккенса, чтобы начинались оффиціальныя слѣдствія, назначались правительственныя комиссіи, волновались обѣ камеры и т. п. Когда-же этого всего оказывалось недостаточнымъ, то являлись журналисты и государственные люди, которые не гнушались покрываться рубищемъ и поселиться

на цѣлыя недѣли въ этихъ самыхъ work-hou'seahъ, про которые требовалось разузнать истину... Какъ-бы ни было велико зло, мы не имѣемъ основанія отчаяваться за страну, умѣющую такъ близко принимать къ сердцу страданія своихъ обдѣленныхъ гражданъ, страну, въ которой еще и въ настоящую минуту министры выражаются такимъ языкомъ, какъ Чемберленъ.

L. M.

НОВЫЯ КНИГИ.

М. Альбовъ. Повѣсти. Спб. 1884.

Жалобы на отсутствіе среди современныхъ молодыхъ беллетристовъ сильныхъ талантовъ рѣшительно становятся общимъ мѣстомъ. Не мѣшало-бы разобратъ въ этихъ жалобахъ. Если онѣ справедливы въ фактическомъ смыслѣ, то откуда это странное внезапное оскудѣніе у насъ литературныхъ силъ? Не вырождаемся-ли мы? Или, быть можетъ, наши таланты несмотря на призваніе, посвящаютъ себя другимъ сферамъ дѣятельности? Все это вопросы интересные, которые заслуживаютъ полного вниманія. Если-же эти жалобы несправедливы, то чѣмъ-же объяснить ту категоричность и то упорство, съ которыми онѣ высказываются?

Дыму безъ огня не бываетъ. Въ жалобахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, есть правда, но правда не полная, односторонняя. Совершенно справедливо, что ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ не далъ такого произведенія, которое обѣщало-бы долгую жизнь и могло-бы занять мѣсто въ исторіи литературы. Совершенно несправедливо, что это происходитъ отъ безсилія, отъ неумѣнія, отъ бездарности. Прочнымъ, долговѣчнымъ художественнымъ произведеніемъ могъ-бы явиться теперь только общественный романъ, вродѣ, напримѣръ, знаменитаго романа Шильбагена «Одинъ въ полѣ не воинъ». Но, скажите по совѣти, пришла-ли для него пора? Мы не о цензурныхъ условіяхъ говоримъ теперь. Мы намекаемъ на то, что сама наша дѣйствительность, смутная, неопредѣленная, сбивчивая, не даетъ нужныхъ матерьяловъ для романа. Общественный романъ долженъ быть непременно проникнуть и освѣщенъ какой-нибудь широкой синтетической идеей, а гдѣ взять такую идею, когда жизнь плетется черезъ пень-колоду, когда она, по образному выраженію сатирика, представляется какой то храминой, на воротахъ которой написано: «галиматья». Русскій мыслящій человѣкъ можетъ сказать-теперь, пародируя Сократа: «я понимаю только то, что ничего не понимаю». Мы не

столько мыслимъ о современной дѣйствительности нашей, сколько гадаемъ о ней, потому что, въ самомъ дѣлѣ, «ничего въ волнахъ не видно».

Это, впрочемъ, слишкомъ обширная тема, которую мы здѣсь только намѣчаемъ для своей специальной цѣли. Дѣло въ томъ, что талантъ г. Альбова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Съ другой стороны также не подлежитъ сомнѣнію, что «повѣсти» г. Альбова совсѣмъ не повѣсти, а какіе-то странные отрывки изъ повѣстей, что-то такое не имѣющее ни начала, ни конца. Съ только что установленной нами точки зрѣнія, въ этомъ обстоятельстве нѣтъ ничего удивительнаго. Какъ всякій талантливый писатель, г. Альбовъ даетъ лишь то, что самъ получаетъ отъ жизни а такъ какъ онъ, какъ и всѣ мы, получаетъ отъ нея впечатлѣнія смутныя, факты отрывочныя, неопредѣленные «образы безъ лицъ», то нечего съ него и спрашивать.

Справедливость требуетъ замѣтить, однакоже, что это объясненіе, снимающее всякую отвѣтственность съ такого, напримѣръ, писателя какъ Гл. Успенскій, примѣнимо къ г. Альбову только въ половину. Всѣ «очерки», эскизы и наброски Гл. Успенскаго—въ особенности позднѣйшаго происхожденія—отличаются идейнымъ, общественнымъ, или, если угодно, тенденціознымъ характеромъ. Г. Альбовъ стоитъ на другой почвѣ, на почвѣ анализа внутренняго міра личности. Онъ не публицистъ, какъ Успенскій, онъ психологъ, онъ не защищаетъ и не обвиняетъ, а безпристрастно анализируетъ. Именно поэтому мы въ правѣ были-бы ожидать отъ него большей цѣльности, стройности и законченности въ его работахъ. Безъ сомнѣнія, хаотическое состояніе общественной жизни вносить разныя пертурбаціи и въ міръ индивидуальнаго существованія, отнимаетъ у человѣка нравственное равновѣсіе и т. д... Но очевидно, что все это, такъ сказать, отраженныя явленія, путаница которыхъ гораздо менѣе сложна, нежели путаница общественныхъ нормъ.

Г. Альбовъ не столько психологъ, сколько психіатръ (одинъ изъ его очерковъ даже прямо названъ «психіатрическимъ этюдомъ»). Онъ изыскиваетъ аномаліи, онъ любитъ изображеніе странныхъ характеровъ, необыкновенныхъ положеній, фантастическихъ или уродливыхъ образовъ. Въ его анализѣ, иногда довольно глубокомъ, есть что-то болѣзненное, болѣзненно-нервное; его манера живо напоминаетъ манеру Достоевскаго, вліяніе котораго на г. Альбова очевидно. Возьмемъ, напримѣръ, очеркъ «День итога». Герой очерка напоминаетъ собою частью Раскольникова, а частью героя

«Записокъ изъ подполья»: такія-же странныя мысли, неожиданныя рѣшенія, нездоровыя мечты, то-же полуфантастическое смѣшеніе ума сильнаго и оригинальнаго съ самыми несомнѣннымъ безуміемъ. Мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ одного монолога Глазкова (фамилія героя), монолога, въ которомъ и личность героя, и писательская манера самого автора выразилась довольно рельефно. Глазковъ громить (ни съ того ни съ сего, какъ и все, впрочемъ, что онъ дѣлаетъ) своихъ товарищей:

«Знаете-ли вы, я страшно гордъ? Мнѣ хотѣлось пощекотать свою гордость. Я думалъ: это вѣдь въ миниатюрѣ все русское общество, ерго—сборище разныхъ типовъ людскаго безсилія... Все это мечется, бьется въ жизненной тинѣ, подъ разными клячками,—и носители идеаловъ, и просто карманники. Все это лѣзетъ изъ кожи въ погоню за какимъ-нибудь вздоромъ, въ чемъ каждый полагаетъ свое личное счастье, и все это еводится лишь къ одному удовлетворенію своего самолюбія... Господи, какъ все это мелко и пошло!.. Вскарabalся на вершочекъ повыше—и счастливъ! Смотрите, дескать, какой я молодець!.. О мелкія, мелкія души! Вамъ только-бы лишь по вершочкамъ... Гдѣ вамъ широко хватать? Рѣшитесь-ли вы на достиженіе чего-нибудь большаго, на достиженіе такого блаженства, отъ котораго захватило-бы духъ, такого блаженства, больше и выше котораго даже самъ организмъ-бы не вынесъ?! Въ состояніи-ли вы даже себя и представить его? Знаете-ли, знаете-ли вы, про что говорю я?.. *Блаженство поклониться себѣ*—вотъ оно, это самое... Выше его уже ничто быть не можетъ!

Онъ говорилъ точно въ чаду, весь трясаясь и пылая. Точно изнутри его рвалось что-то своей собственной силой, и онъ отдавался безволюно. Широко раскрытые глаза глядѣли восторженно вдаль, точно тамъ передъ ними волшебныя міры раскрывались...

— А главное, вѣдь это не трудно, совсѣмъ вѣдь не трудно! Силы не нужно. Напротивъ! Безсиліе нужно. Въ томъ весь секретъ. Въ безсиліи сила! Чѣмъ больше безсилія, тѣмъ наслажденіе выше! «Блаженни нищій духомъ»—вотъ это самое! Что возбуждаетъ въ тебѣ презрѣніе къ себѣ, то обрати въ свою гордость! Нужно только узнать, что именно нужно... Испытать сперва слѣдуетъ. Чему противится все твое существо, что для тебя тяжелѣй, отвратительнѣй—все равно, что-бы ни было—только непремѣнно, чтобы это было единственное, отвратительнѣйшее изъ всѣхъ твоихъ отвращеній—въ томъ и блаженство! Весь секретъ въ переломѣ. Чѣмъ острѣе боль первой минуты, тѣмъ громаднѣй блаженство послѣдующей... Минута, одна только минута... Передъ нею страданье, а за нею хаосъ и ничтожество—но одна она, эта самая, стоитъ всей жизни!..» (99).

Г. Альбовъ поступилъ очень предусмотрительно, назвавши свой очеркъ «психіатрическимъ этюдомъ». Его герой,—очевидно, душевно-больной человѣкъ, и съ этой точки зрѣнія «этюдъ» имѣетъ свой спеціальныи интересъ. Нужно замѣтить при этомъ, что свой анализъ—точнѣе сказать, діагнозъ—авторъ производитъ очень тщательно, такъ что передъ читателемъ развертывается очень живая картина страданій человѣка, помѣшавшагося на обожаніи собствен-

наго «я». Послѣ этого понятенъ и сумасшедшій монологъ героя, это прославленіе «блаженства поклониться самому себѣ», понятна и эта замысловатая «сила безсилія». Глазковъ справедливо говоритъ о себѣ (разумѣется, только самому-же себѣ), что онъ «собственно аномалія, несоединимое сочетаніе стремленій орла съ суммою силъ божьей коровки». Вообще мизерное самогрызеніе героя, перемежающееся со взрывами самой нелѣпой гордости, его мучительныя и мучительскія отношенія къ любящей его женщинѣ—простой, честной и преданной душѣ—его, наконецъ, смерть, столь-же безобразная и дикая какъ и его жизнь—все это изображено очень ярко, такъ что отъ многихъ страницъ не отказался-бы самъ Достоевскій. Почти такимъ-же патологическимъ характеромъ отличается и «повѣсть», довольно странно озаглавленная «О людяхъ, взыскующихъ града», по крайней мѣрѣ вторая ея часть, героиня которой, нѣкая Лизавета Арсѣевна Ремнищева, тоже предается вѣчному самоистязанію и самогрызенію, на манеръ Глазкова. Она копается въ воспоминаніяхъ, вмѣсто того, чтобы постараться отдѣлаться отъ нихъ, такъ какъ пріятнаго въ нихъ очень мало, а грязнаго и позорнаго, напротивъ, очень много, и какъ всѣ болѣзненные и изуродованныя натуры, находятъ какое-то наслажденіе въ этомъ пустомъ занятіи. Несмотря на всю отрывочность и шерехватость изложенія, «повѣсть» г. Альбова производитъ довольно сильное впечатлѣніе, не меньшее чѣмъ и его «этюды», и читатель окончательно убѣждается въ недюжинномъ художественномъ дарованіи автора.

Но отдавая полную справедливость таланту г. Альбова, мы не можемъ не выразить нѣкоторыхъ недоумѣній по поводу самыхъ темъ, избираемыхъ авторомъ. Г. Гончаровъ, въ одномъ изъ своихъ критическихъ этюдовъ, утверждалъ, что вся суть дѣла заключается въ талантѣ художника, что разъ этотъ талантъ имѣется въ наличности, художественное произведеніе будетъ непременно содержательно, будетъ говорить о жизни—«все равно о какой». Если-бы этотъ эстетическій взглядъ былъ вѣренъ, намъ ничего не оставалось-бы, какъ засвидѣтельствовать о мастерствѣ г. Альбова и пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ. Но мы смѣемъ думать, что вопросъ о талантѣ и его размѣрахъ одно дѣло, а вопросъ о содержаніи произведенія—совсѣмъ другое дѣло. Прелестнѣйшее, граціознѣйшее стихотвореніе «Для береговъ отчизны дальней» безъ всякаго сравненія красивѣе, изящнѣе, прямо—талантливѣе стихотворенія «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной», но общественное и литературное (не эстетическое) значеніе ихъ далеко не одинаково. За вопросомъ *какъ* написано—не слѣдуетъ забывать

болѣе существеннаго вопроса о томъ, что описано. Противъ такого критерія г. Альбовъ, надѣмся, ничего не можетъ имѣть. А если такъ, то онъ не удивится и тому, что его талантливыя работы оставляютъ въ концѣ концовъ тяжелое чувство неудовлетворенности. Читателю произведеній г. Альбова хочется задать старый вопросъ поэта: «съ кого они портреты пишутъ? Гдѣ разговоры эти слышать?» Не въ какихъ либо преувеличеніяхъ или погрѣшностяхъ противъ фактической правды упрекаемъ мы г. Альбова: ничего невѣроятнаго онъ не рассказываетъ и съ почвы чистаго реализма никогда не сходитъ. Только неужели въ нашей жизни господя Глазковы и госпожи Ремнищевы играютъ такую замѣтную роль, что на нихъ стоить сосредоточивать вниманіе? Эти люди несчастны—положимъ. Но ихъ несчастіе—чисто личная ихъ бѣда, съ которой они пусть какъ знаютъ справляются. Они страдаютъ не потому, что жизнь неудовлетворительна, а потому, что сами они плохи. Они дышатъ зараженной, ядовитой атмосферой, потому что боятся какой бы то ни было вентиляціи, добровольно закупориваются въ раковинѣ и, кромѣ своихъ затѣйливыхъ чувствій, ничѣмъ, въ сущности, не интересуются. Съ нашей жизнью, съ нашими интересами, съ нашей судьбою они связаны никакими нитями. Ими управляетъ не идея, которая всегда имѣетъ право на вниманіе, а простая манія, которая можетъ имѣть интересъ только для специалистовъ. Если у васъ вѣчно болятъ зубы, ваше существованіе, конечно, очень жалко и способно внушить состраданіе, но скажите, ради Бога, чѣмъ, кромѣ совѣта обратиться къ дантисту, окажемъ мы помощь вамъ? И въ какомъ отношеніи могутъ быть поучительны для насъ ваши горькія и искреннія жалобы на докучливую боль?

Мы ничего не хотимъ навязывать ни художнику вообще, ни г. Альбову въ частности. Пусть каждый остается самимъ собой, изображаетъ то, что его интересуетъ, говорить о томъ, о чемъ хочется ему говорить. Если духовная организація художника такова, что его привлекаютъ къ себѣ не типы, а исключенія, не нормы, а аномаліи, не здоровые, а больные люди—съ этимъ дѣлать нечего, потому что противъ природы не пойдешь. Но къ г. Альбову это соображеніе непримѣнимо, доказательствомъ чему служитъ его «хроника», называющаяся «Конецъ Невѣдомой улицы». Скрыпучей, ноющей психологіи à la Достоевскій въ этой «хроникѣ» нѣтъ и тѣни. Это хроника сѣрой жизни заурядныхъ людей, но написанная такъ живо, съ юморомъ, съ большою и мѣткою наблюдательностью, съ такимъ вообще знаніемъ предмета, что у васъ невольно является мысль, что къ этому, т. е. чисто жанровому роду

письма и призванъ именно г. Альбовъ. И мы горячо желаемъ г. Альбову твердо стать на этотъ путь, не потому только, что мы считаемъ его вообще болѣе правильнымъ путемъ, а главнымъ образомъ потому, что, какъ мы убѣждены, г. Альбовъ почувствуетъ себя на немъ болѣе *chez soi*, нежели въ дебряхъ разныхъ психологическихъ тонкостей и хитростей. Жанристъ изъ г. Альбова выработается превосходный.

Сочиненія И. Лажечникова. Томъ первый. Посмертное полное изданіе. Спб. 1884.

Извѣстная книгопродавческая фирма Вольфа затѣяла довольно грандіозное предпріятіе: подъ общимъ названіемъ «русскіе бе ле-тристы» издать сочиненія нашихъ «классиковъ», сопровождая ихъ критическими, біографическими и библіографическими указаніями. Эту послѣднюю работу, трудную, копотливую, скучную, самоотверженно взялъ на себя г. Венгеровъ.

Такимъ образомъ, людямъ, изучающимъ нашу литературу и ея исторію, очень облегчается ихъ задача. Изданіе Вольфа обѣщаетъ быть очень полнымъ и толковымъ, а въ г. Венгеровѣ читатели имѣютъ очень надежнаго руководителя. Г. Венгеровъ отнесся къ своей критико-біографической задачѣ съ серьезностью и добросовѣстностью, дѣлающими ему большую честь. Достаточно сказать, что его критико-біографическій этюдъ о Лажечниковѣ занимаетъ двѣнадцать печатныхъ листовъ, и это не отъ многоглаголанія автора, а отъ крайней его щепетильности, въ силу которой онъ считаетъ невозможнымъ обойти даже мелкіе и мельчайшіе факты. Точка зрѣнія г. Венгерова, какъ оно и слѣдуетъ, чисто историческая. Всякому понятно, что въ своемъ положеніи критико-біографа г. Венгеровъ и не могъ смотрѣть иначе, и мы недоумѣваемъ, почему авторъ этюда проявляетъ весьма замѣтную раздражительность, защищая отъ кого-то свои приемы, свой методъ. Онъ говоритъ: «мы въ разборѣ произведеній Лажечникова стараемся по возможности много приводить отзывовъ о нихъ современниковъ и по возможности удерживаться отъ критики съ точки зрѣнія современныхъ требованій искусства. Если вообще говорится, что *la critique est aisée, mais l'art est difficile*, то еще болѣе легкою вещь является критика заднимъ числомъ. Но насколько такая критика легка, настолько-же она и бессмысленна, потому что отъ всякаго писателя можно требовать только то, что вытекаетъ изъ условій того или другаго фазиса литературнаго развитія. Если на всю всемірную литературу можно насчитать какой-нибудь

десятокъ именъ, къ которымъ не нужно примѣнять никакой исторической критики, то незначительность этого исключенія только оправдываетъ вѣрность общаго правила. Кромѣ того, специально по отношенію къ русской литературѣ, не нужно забывать уже отмѣченной нами кратковременности литературныхъ періодовъ и быстроту умственного роста нашего. За пятьдесятъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ центральной поры литературной дѣятельности Лажечникова, мы сдѣлали такіе гигантскіе шаги къ сферѣ духовной производительности; робкими учениками вступали мы въ тридцатыхъ годахъ въ тотъ самый храмъ европейской литературы, въ которомъ мы теперь такіе-же полноправные хозяева, какъ и всѣ остальные заматерѣлые въ цивилизаціи народы. Ясно, что при такихъ условіяхъ историческая критика дѣлается вдвое обязательнѣе».

Трудно понять, изъ-за чего такъ горячится г. Венгеровъ. Историческая критика имѣетъ свои функціи, публицистическая критика—свои, и дѣлить имъ между собою рѣшительно нечего. Это два разныхъ департамента одного министерства. То-есть, если угодно, намъ было-бы о чемъ поспорить съ г. Венгеровымъ, но поспорить все-таки не о фактѣ, а о выводахъ изъ него. Г. Венгеровъ, съ своей исторической точки зрѣнія, утверждаетъ, что Лажечниковъ для своего времени былъ очень замѣчательный писатель: мы вполне присоединяемся къ этому мнѣнію. Но далѣе, всѣмъ своимъ этюдомъ, г. Венгеровъ говоритъ: такъ какъ Лажечниковъ былъ для своего времени *замѣчательнымъ* писателемъ, то современному читателю необходимо познакомиться съ нимъ. На это мы скажемъ: такъ какъ Лажечниковъ былъ для *своего времени* замѣчательнымъ писателемъ, то современному читателю нѣтъ никакой надобности знакомиться съ нимъ. Надо-же, въ самомъ дѣлѣ, понимать это различіе. Съ исторической точки зрѣнія, и Кантемиръ, и Ломоносовъ, и Херасковъ, и Державинъ, и самъ Тредьяковскій—замѣчательные писатели, но хорошъ-бы былъ тотъ современный критикъ, который, радѣя объ умственныхъ интересахъ читателя, пригласилъ-бы его углубиться въ изученіе «Телемахида». Вѣдь самъ же г. Венгеровъ справедливо говоритъ, что въ идейномъ и, въ частности въ литературномъ отношеніи, мы растемъ весьма быстро. Прямой выводъ изъ этого факта тотъ, что произведенія многого множества нашихъ «замѣчательныхъ» писателей для современнаго читателя не имѣютъ и не могутъ имѣть ни развивающаго вліянія, ни воспитательнаго значенія.

Къ сожалѣнію, тоже слѣдуетъ сказать о Лажечниковѣ, сколько-бы ни ратовалъ за него г. Венгеровъ. Случайно, изъ всѣхъ рома-

новъ Лажечникова, мы не были знакомы какъ разъ съ «Послѣднимъ Новикомъ», составляющимъ содержаніе этого тома «сочиненій». Обратившись къ чтенію, мы, откровенно сознаемся, не имѣли силъ довести его до конца: этотъ романъ, имѣвшій «въ свое время» огромный успѣхъ, дѣйствуетъ теперь не хуже хлорала. Это ужъ какъ будетъ угодно панегиристу Лажечникова—г. Венгеру.

О подготовкѣ рѣдителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей. Четыре публичныя лекціи г. *Н. Дебольскаго*. С.-Петербургъ, 1883.

Г. Дебольскій сталъ довольно часто мелькать передъ глазами публики, но сомнѣваемся, чтобы это нужно было ему или ей. Эти четыре публичныя лекціи не прибавляютъ рѣшительно ничего новаго къ тому, что уже повѣдалъ намъ г. Дебольскій нѣсколько лѣтъ назадъ. Онъ остается неизмѣннымъ философомъ національной идеи и все тѣмъ-же метафизикомъ самобытности.

Какъ во всѣхъ своихъ писаніяхъ, такъ и теперь, г. Дебольскій держитъ своихъ читателей въ наилучшемъ настроеніи до половины книги, побуждая ихъ соглашаться съ собой и одобрять его. Его общая характеристика дѣяній и стремленій нашей современности, представляющей царство «грубаго эмпиризма», не лишена мѣткости и правды. Грубый, нутряной эмпиризмъ—это нѣсколько общее, но вѣрное опредѣленіе основной тенденціи нашего времени,—времени возобладавшей у насъ стихійности и нахально-самоувѣренной бездарности, не понимающей и не признающей, кромѣ ударяющаго по лбу отдѣльнаго, голаго факта, ничего, никакой науки, никакой критики, никакихъ идеаловъ, никакой литературы. Точно также читатель, вѣроятно, будетъ стоять на сторонѣ г. Дебольскаго во все время, пока онъ говоритъ о неудовлетворительности нашего воспитанія, о томъ, что подготовка къ нему не можетъ ограничиваться только изученіемъ педагогики и психологіи и что воспитателямъ необходимо еще выработать себѣ нравственный идеаль. Однако, съ этого идеала г. Дебольскій уже начинаетъ преподносить читателямъ, сперва понемножку, а потомъ въ постоянно возрастающихъ дозахъ, рядъ очень сомнительной доброкачественности сентенцій, завершающійся совершенно дикимъ финаломъ. Объясняя, что такое нравственный идеаль, г. Дебольскій беретъ, повидимому, довольно высокую ноту. «Нравственный идеаль, говоритъ онъ, есть нормальный строй общества, то состояніе государства, церкви, семьи, собственности, которое служитъ *конечнымъ предѣломъ* чловѣческаго прогресса» (стр. 24). Требования, которыя г. Деболь-

скій ставить родителямъ, какъ видимъ, слишкомъ даже обширныя: онъ мирится только съ такимъ идеаломъ, въ которомъ выражается, путя сказать, конечный предѣлъ человѣческаго прогресса. Легко-ли, возможно-ли уму простого смертнаго выработать себѣ такой идеаль. Изъ болѣе опредѣленныхъ объясненій г. Дебольскаго читатель, однако, лишній разъ можетъ убѣдиться, сколько ординарнаго и мелкаго таится иногда подъ покровомъ высокопарнаго философскаго фразерства. Вопросы объ идеалахъ, объ «историческомъ эволюціонизмѣ» о конечномъ предѣлѣ человѣческаго прогресса разрѣшаются г. Дебольскимъ такъ просто, какъ читатель и не ожидалъ, конечно. «Слѣдовательно, говорить онъ, идеальными формами общественной жизни должны считаться такія формы, которыя обезпечиваютъ ей наибольшій просторъ и наибольшее согласіе (?): государственная власть, въ которой выражается историческое (?), свободное всенародное единеніе, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточена въ живомъ и содержательномъ образѣ человѣка—державнаго правителя народа, а не въ отвлеченномъ правилѣ, ничего не говорящемъ человѣческому чувству; истинная христіанская церковь, ученіе которой побуждаетъ къ изслѣдованіямъ и успѣхамъ науки, и которая проникнута, поэтому, свободою и единствомъ разума и истины; семья, построенная на началахъ любви и полного нравственнаго равенства членовъ ея, но проникнутая всѣмъ тѣмъ своеобразіемъ и различіемъ, которыя вложены самою природою въ существа разныхъ половъ; экономическій строй, въ которомъ честный и производительный трудъ обезпечиваетъ трудящагося— вотъ идеаль, стремленіе къ которому возводится въ обязанность человѣка ученіемъ историческаго эволюціанизма» (стр. 53). Г. Дебольскій вполне ошибается, выдавая это за откровеніе своей философіи: все это очень старо и давнымъ давно положено у насъ на ноты. Философы издавна отличаются любезнымъ, почтительнымъ и услужливымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, и первый г. Дебольскій покорно склоняетъ предъ ней свое чело и отдаетъ ей на служеніе свою шпагу. Гегель давно сказалъ: «все разумное дѣйствительно, и все дѣйствительное разумно», и этимъ маленькимъ *bon mot*, открывшимъ ему, конечно, доступъ въ среду *Geheimsrath'овъ*, онъ превосходно характеризовалъ мелкодушіе своей собственной философіи и философіи тѣхъ маленькихъ гегелятъ, которые пошли отъ него и, время-отъ-времени, являются и у насъ въ миниатюрномъ образѣ. За весьма рѣдкими исключеніями, метафизики и философы никогда не шли впереди жизни и своего вѣка, они формулировали только то, что есть;—творчества имъ всегда недоставало, и они чуждались его, находя болѣе безопаснымъ жить въ мирѣ съ дѣй-

ствительностью, грѣться подъ ея теплымъ крыломъ и славословить ее, чѣмъ смѣло поднять бросаемую ею всѣмъ честнымъ людямъ перчатку. И совершенно ничего нельзя было-бы имѣть противъ этихъ господъ, еслибъ они знали свое мѣсто и не лѣзли въ герои, а то, какъ увидить что г. Дебольскій въ жизни, онъ сейчасъ говоритъ: такъ и надо, да еще непремѣнно станеть на, возвышенную точку зрѣнія и во что-бы то ни стало подбереть философскую санкцію. Съ нѣкоторыхъ поръ, какъ извѣстно, среди разныхъ испосланныхъ намъ испытаній, воскресаетъ у насъ, въ качествѣ подновленнаго устоя нашей шаткой дѣйствительности, принципъ національности, и г. Дебольскій тотчасъ говоритъ: такъ и надо. И не только это онъ говоритъ, но онъ полагаетъ этотъ принципъ въ основу своего «нравственнаго идеала» и увѣряетъ, что для того, чтобы достигнуть конечнаго предѣла прогресса, слѣдуетъ осуществлять этотъ идеалъ только относительно своей національности, только въ ея интересахъ, а остальные націи—какъ знаютъ, конечно. Если-бы только г. Дебольскій не являлъ намъ всею своею книгою зрѣлища крайняго умственнаго безсилія, въ его разсужденіяхъ можно было-бы видѣть самую злостную и недобросовѣстную подтасовку идей. Но онъ такъ наивенъ въ своей несообразительности, что его невозможно заподозрить въ неискренности. Вотъ главная нить его идей. Общественная нравственность не можетъ остановиться на христіанскомъ альтруизмѣ, потому-что альтруизмъ... но мы чрезвычайно затрудняемся подчинить себя хотя-бы на время логикѣ г. Дебольскаго. Христіанскій альтруизмъ учитъ людей любить другъ друга, но этого мало, т. е. этого много, очевидно, хочетъ сказать г. Дебольскій, — надо любить только членовъ своей народности. Но такого правила нѣтъ ни въ какомъ нравственномъ кодексѣ... Для г. Дебольскаго, однако, это не бѣда: если нѣтъ такого правила, говоритъ онъ, такъ мы его сейчасъ введемъ,—на то и существуютъ услужливые и догадливые философы, чтобы раскрывать свои объятія всякому поддерживаемому какимъ-либо авторитетомъ факту дѣйствительности. Дѣло это облаживается г. Дебольскимъ очень быстро. Если христіанскій альтруизмъ не предписываетъ намъ любить только своихъ соотечественниковъ, то и не надо намъ его,—значитъ онъ отжилъ свой вѣкъ. Но пусть г. Дебольскій на этотъ разъ самъ скажетъ за себя: онъ неподражаемъ въ этихъ, наприжѣръ, строкахъ: «Гдѣ открывается въ началахъ христіанства основаніе предпочитать мою народность ближнему вообще, предпочитать въ такой степени, что въ интересахъ этой народности,—для меня является обязанность даже убивать моего ближняго?» (стр. 43).

Обязанность убивать ближняго—Боже мой, откуда такая кровожадность, такая готтентотская свирѣпость въ столь просвѣщенно-ѣ философѣ? Съ человѣкомъ, у котораго такія милыя обязанности, страшно, казалось-бы, встрѣтиться на улицѣ, а между тѣмъ, справедливо будетъ, какъ мы полагаемъ, признать, что, когда самъ философъ сочинялъ свою человѣкоубійственную философію, у него у самого душа была не на мѣстѣ отъ страха. Для того, чтобы имѣть мужество не соглашаться со всѣми безъ разбора фактами жизни, чтобы умѣть стать впереди ея и, по крайней мѣрѣ, не ползать предъ нею на четверенькахъ, надо обладать въ некоторомъ творчествомъ мысли, противопоставлять существующему кое-что свое, а не ограничиваться формулированіемъ дѣйствительности и выраженіемъ ея въ терминахъ «интуитивнаго» разума, какъ это и дѣлаютъ—почти всѣ философы. Г. Дебольскій, какъ и всѣ сродные ему философы, крѣпко обиженъ судьбой по части этой творческой и критической мысли,—отсюда, и не изъ какого больше источника не можетъ происходить его привычка падать ницъ передъ всякимъ мало-мальски крикливо заявившимъ о себѣ явленіемъ жизни, отсюда его неумѣнье найти хоть одно слово противорѣчія ея безобразнѣйшимъ фактамъ. Философскій разумъ его съежился предъ нахальствомъ кучки газетчиковъ, которые и сами-то шумѣли и неистовствовали, такъ сказать, изъ конфуза, что изъ всего хора осталось ихъ какое-то счастливое тріо и что вокругъ нихъ образовалась пустота и воцарилась могильная тишина, которую надо покрыть какимъ-нибудь гамомъ и крикомъ. А г. Дебольскій принялъ все это за чистую монету и сейчасъ понесъ свою философію на подмогу газетчикамъ, выслуживавшимъ свое существованіе; вмѣстѣ съ ними и онъ принялся заливать русскимъ квасомъ жажду общечеловѣческой жизни и смаковать грязь родного домостроя. Но отчего, можетъ быть, спросить насъ г. Дебольскій, мы не хотимъ допустить, что онъ философствуетъ въ этомъ случаѣ въ свою голову, за свой счетъ, и не подчиняется никакимъ стороннимъ внушеніямъ? Собственно говоря, мы отнюдь и не посягаемъ на самостоятельность его идей,—надо быть именно имъ, философомъ его пошиба, умѣющимъ только формулировать дѣйствительность и потому способнымъ только трепетать предъ нею, чтобы сочинить все то, что мы находимъ въ его книжкѣ. Но по самому складу своего мышленія, онъ всегда можетъ очутиться въ наилучшемъ или наихудшемъ сообществѣ, смотря по тому, гдѣ громче кричать, гдѣ ярче вѣшнее и столь часто призрачное выраженіе силы. Несамостоятельность—его чисто внутренняго происхожденія, результатъ органическаго порока мысли; но никакъ не

сознательнаго разчета, въ которомъ совершенно неосновательно было-бы укорять его. Философія его—врагъ его, и особенно философія, обращенная на общественные вопросы и социальную-политическую дѣйствительность. Человѣкъ можетъ не обидѣть мухи, когда онъ у себя дома и чувствуетъ, что онъ самъ себѣ г. споданъ, а на бумагѣ, посмотрите, какъ дикъ и кровожаденъ г. Дебольскій. На бумагѣ онъ доходитъ до «обязанности убивать своихъ ближнихъ», когда сторонняя рука ставитъ людей другъ противъ друга для выполненія той великой неправды, которая называется войной. Мы не сомнѣваемся также, что г. Дебольскій, какъ обыкновенный человѣкъ, а не какъ философъ, разсуждаетъ гораздо умнѣе, чѣмъ въ своей книжкѣ. Онъ доходитъ, напримѣръ, въ своемъ національномъ самохвальствѣ до такого абсурда, что увѣряетъ, будто идеаль общечеловѣческой культуры, можетъ воплотиться только въ русской народности, такъ какъ ея внутреннее содержаніе до сихъ поръ ничѣмъ не занято и представляетъ пустоту. Вотъ его подлинныя слова: «И стать такимъ полнымъ вмѣстилищемъ общечеловѣческой культуры изъ всѣхъ современныхъ народностей, наиболѣе способна наша, русская, народность. Принадлежа къ высшей, даровитѣйшей части человѣчества, къ арийскому колѣну, она вмѣстѣ съ тѣмъ есть наименѣе цивилизованная его часть, т. е. иначе, такая часть, въ которой наименѣе приурочены извѣстныя ограниченныя и стѣсняющія развитіе привычки» (стр. 54). Какъ хорошо быть русскимъ: у него даже невѣжество есть признакъ способности и даровитости! По логикѣ г. Дебольскаго выходитъ, что если ваши карманы пусты, вы счастливѣе всякаго Ротшильда, потому что у васъ есть куда вмѣстить богатство, а у этого бѣднаго еврея не найдется даже маленькаго пустого кошелька. Истинно философскій взглядъ на вещи... Очевидно, что русская народность, для того, чтобы быть достойной похвалы г. Дебольскаго, должна вѣчно «оставаться in statu quo», вѣчно быть наименѣе цивилизованной частью человѣчества: лишь только она сдѣлаетъ твердый шагъ по пути культуры, она приобрѣтаетъ «стѣсняющую ея развитіе привычку». О западно-европейскихъ націяхъ г. Дебольскій полупрезрительно замѣчаетъ, что онѣ развили въ себѣ начала общечеловѣческой культуры «съ большею или меньшею односторонностью» и въ видѣ «неподатливомъ для измѣненія». Но то-ли дѣло мы? «Мы-же, говоритъ г. Дебольскій, будучи до сихъ поръ преимущественно только зрителями этого (западно-европейскаго?) развитія, вбираемъ въ свое сознаніе всѣ его результаты и предлагаемъ ихъ своей жизни въ видѣ связанной и всесторонней энциклопедіи. Въ этомъ и состоитъ на-

ша самобытность» (стр. 55). Т. е. въ чемъ-же? Въ этомъ чужедномъ усвоеніи плодовъ европейской культуры, безъ всякаго активнаго участія въ ней? Благородное назначеніе, счастливый удѣлъ! «Поселить въ подростящемъ поколѣннн вѣру въ такую цѣль русскаго народнаго развитія и снабдить его всей широтой образованія, нужнаго для достиженія этой цѣли, такова, по моему мнѣнію, задача современной русской педагогикн» (ib). Нѣтъ ужъ, позвольте, г. Дебольскій; на бумагѣ, куда ни шло, расчеркивайтесь во всю ширь, бумага все стерпитъ, а такой философъ, какъ г. Дебольскій, съ прирожденной тенденціей къ оппортунизму, все напишетъ, но что касается подростящаго поколѣннн и вселенія въ него вѣры въ чужедность русской народности, то ужъ это оставьте и, Бога ради, подальше отъ живого дѣла воспитанія съ своей мертворожденной и заячьей философией. Но еще-бы лучше для г. Дебольскаго оставить вовсе свою оппортунистскую философію и не изводить на нее бумагу—даръ Божій. Трудно это для него—сознаемъ; но авось, его посѣтитъ чудный мигъ просвѣтлѣннн и, проникнувъ глубокимъ взоромъ дѣйствительность, снѣ убѣдится, что ея наружность весьма обманчива и что ея сила не тамъ, не въ тѣхъ углахъ, гдѣ скопляется пѣна, гдѣ производится искусственный шумъ отъ топтанія на одномъ мѣстѣ, отъ выкрикиванія во все горло однихъ и тѣхъ-же словъ: «мы, русскіе, наша Россія, кислый квасъ и т. д.» «Наша», т. е. истинная, Россія носить болѣе привлекательный и благородный обликъ, крѣпче ея сила и мощь, и ее то мы и желаемъ г. Дебольскому прозрѣть и глубже запечатлѣть въ своей душѣ.

С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уни. 1388—1569 г. СПБ. 1883.

Демидовъ Санъ-Домато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. СПБ. 1883.

Спеціальныя и кропотливыя изслѣдованія, усердное собираніе цифръ и фактовъ, разныя правительственныя комиссіи, —вся эта суетливая и тревожная работа, возбужденная еврейскимъ вопросомъ, поддерживаетъ къ нему всеобщій интересъ, но не даетъ ни малѣйшей надежды на его правильное рѣшеніе. Плохо вѣрится въ плодотворность этой работы, и при всей ея обстоятельности она можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе. Еврейскій вопросъ есть прежде всего вопросъ общихъ принциповъ, и потому его ни-

«Дѣло» № 1, 1884 г., II. 6

какъ нельзя уложить въ самое многотомное специальное сочиненіе. Языкъ цифръ здѣсь мало умѣстенъ, логика юриста или историка оказывается слишкомъ блѣдной и слабой. Г. Бершадскій написалъ претолстую книжку, въ которой разсказана въ мельчайшихъ подробностяхъ исторія литовскихъ евреевъ съ 1388 по 1569 г. Что онъ хотѣлъ сказать этой невѣроятной массой деталей и этими сухими архивными пергаменатами? Если онъ полагалъ, что читатель, интересующійся еврейскимъ вопросомъ, найдетъ въ себѣ мужество осилить его трудъ, онъ вполне ошибся; рѣшительно немислимо, чтобы при чтеніи его книги не слипались глаза, чтобы бодрствовалъ умъ и шевелилось какое-нибудь чувство. А между тѣмъ г. Бершадскій написалъ свою книгу для уясненія еврейскаго вопроса, и вовсе не спроста обратился для этого къ мертвой старинѣ, минуя жгучую, животрепещущую современность. У него есть что-то въ родѣ теорій насчетъ важности и необходимости предпринятыхъ имъ снотворныхъ изслѣдованій. Объ обыкновенныхъ смертныхъ, писавшихъ по еврейскому вопросу, онъ говоритъ, что они «кропотливой работѣ по источникамъ предпочитаютъ беззаботное плаваніе подѣ флагомъ либеральныхъ или консервативныхъ доктринъ» (стр. 66), однако несравненно разумнѣе, конечно, плавать подѣ флагомъ, вмѣстѣ съ читателями, чѣмъ тонуть одному, захлебываясь архивной пылью. Онъ говоритъ далѣе, что «въ настоящее время ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка и гражданина, по своей крайней неопредѣленности и *бездоказательности* (sic), замѣнено въ государственной теоріи иными исходными началами», (ib.), а потому онъ оставляетъ это ученіе, точно также, какъ и консервативную доктрину о провиденціальномъ назначеніи каждой націи. «Поэтому, говоритъ онъ, оставивъ совершенно въ сторонѣ литературу корреспонденцій, *общихъ мѣстъ и взглядовъ*, мы обратимся къ серьезнымъ сочиненіямъ на иностранныхъ языкахъ и пр.» (стр. 67). Выражая такое намѣреніе сойти съ почвы общихъ взглядовъ, г. Бершадскій обнаруживаетъ глубокое непониманіе сущности еврейскаго вопроса, который есть прежде всего нерѣшенное «общее мѣсто», ибо дѣло идетъ о цѣломъ народѣ. Никакія частныя изслѣдованія, историческія, юридическія, экономическія, не могутъ сильнѣе свидѣтельствовать въ пользу евреевъ, чѣмъ общее убѣжденіе, что имъ, какъ и всѣмъ людямъ, принадлежатъ неотъемлемыя человѣческія права, съ поправія которыхъ и начинается еврейскій вопросъ. Еврейскій вопросъ есть вопросъ каждаго человѣка и вопросъ всѣхъ націй, всѣхъ народовъ, и только въ видѣ такого огромнаго «общаго мѣста» онъ можетъ быть правильно разсматриваемъ. Главный узелъ этого вопроса

общая бѣда всѣхъ націй, состоитъ въ томъ, что образовался и окрѣпъ взглядъ, по которому «прирожденныя права человѣка и гражданина» могутъ быть отнимаемы и раздаваемы, что ихъ надо заслуживать предъ государствомъ и доказывать ихъ необходимость еще иными какими-то аргументами и спеціальными изслѣдованіями, кромѣ единственно законнаго въ этомъ случаѣ аргумента *ad hominet*. Изслѣдователи, зарывающіеся въ частныя детали, упускаютъ въ еврейскомъ вопросѣ самое главное, они не замѣчаютъ, что въ немъ самое ужасное и роковое именно то, что вообще возможенъ вопросъ: что нужно *сдѣлать*, какъ поступить съ цѣлой націей. Знакомясь съ исторіей евреевъ, хотя-бы по сочиненію г. Бершадскаго, а также съ различными государственными законодательными мѣропріятіями относительно ихъ, описанными у г. Демидова Санъ-Донато, мы приходимъ къ выводу, что всѣ злословія, всѣ антипатичныя свойства евреевъ, все фальшивое, ненормальное и бѣдственное въ ихъ положеніи зависятъ отъ того, что они—нація, въ конецъ закомандованная, изломанная и исковерканная государствомъ. Въ еврействѣ нѣтъ живого мѣста нетронутаго, не пораненнаго тяжко, пожалуй даже неизлечимо, ничѣмъ не ограниченной, безшабашной и своевольной административной ломкой, которая дѣйствовала въ сущности одинаково деморализующимъ образомъ, выражалась-ли она явными репрессіями или принимала обманчиво-благообразную форму тѣхъ «привилегій», которыя издавна раздавались евреямъ польскими королями. Конечно, не одни евреи, но и остальная часть населенія служила государству ареной для всевозможныхъ экспериментовъ и для безграничнаго властвованія, но это отнюдь не возраженіе, а, напротивъ, подтвержденіе того, что еврейскій вопросъ есть общій вопросъ всего населенія, всей страны. Какъ надъ евреями, такъ и надъ остальною массою населенія всегда висѣлъ тотъ-же злополучный вопросъ: куда ее повернуть, во что запрячь или какъ осѣдлать; и въ томъ и въ другомъ случаѣ, за націей не признавалось собственной воли, тѣхъ «прирожденныхъ правъ человѣка и гражданина», о которыхъ упомянулъ г. Бершадскій. Еврейскій вопросъ, какъ онъ сложился на сѣверо и юго-западной окраинѣ, есть результатъ давно начавшагося *двойного* процесса закрѣпощенія какъ евреевъ, такъ и христіанскаго населенія, въ средѣ котораго они жили. Сами по себѣ евреи, несмотря на всѣ вынесенныя ими бѣдствія и невзгоды, несмотря на свое безправіе и страшную бѣдность, не могли-бы сдѣлаться для христіанскаго населенія столь ненавистными, если-бы и само это населеніе не было доведено почти

до той-же крайней степени обѣднѣвія, униженія и безпомощности. Судьба евреевъ и совмѣстно жившихъ съ ними христіанъ почти одинакова; вся разница лишь въ томъ, что евреи, находясь въ болѣе близкомъ и тѣсномъ соприкосновеніи съ административною властью, будучи всегда у нея на виду, меньше имѣли возможности жить по своей волѣ, чаще подвергались пинкамъ и толчкамъ и быстрѣе и дѣйствительнѣе раззорялись матеріально. Если еще принять во вниманіе, что государство, неограниченно властвуя надъ еврействомъ, привело еще и къ образованію кагаловъ, первоначальная цѣль которыхъ заключалась въ собираніи и распредѣленіи государственныхъ сборовъ съ евреевъ, что деспотизмъ этихъ кагаловъ бодрствовалъ дежно и почно надъ евреями, что ими вообще только лѣнивый не командовалъ, не обиралъ ихъ и не подавлялъ въ нихъ человѣческаго достоинства, то уже отсюда видно, что евреи должны быть нѣсколько болѣе испорчены пройденною ими великою школою обѣдствій, безправія и униженія, чѣмъ христіанское населеніе. Населеніе это можетъ указать на вынесенное имъ вѣрнопостное право, на постоянный гнетъ налоговъ, на продолжающуюся административную опеку, — все это справедливо, и оттого-то обезземленное крестьянство представляетъ самую удобную почву для эксплуатаціи, но оно во всякомъ случаѣ сильнѣе и не столь разслаблено, какъ евреи, оно несравненно богаче и зажиточнѣе еврейской *массы*, хотя она и эксплуатируетъ его; земледѣліе даетъ ему силу держаться своего положенія и кое-какъ мириться съ нимъ. Но что оставалось-бы дѣлать крестьянству, если-бы его обѣдствія увеличились и дошли-бы до той-же мѣры, какъ и у евреевъ, если-бы оно платило двойные налоги, если-бы оно было обезземелено, какъ и евреи, которые, по свидѣтельству многихъ изслѣдователей, встрѣчали въ государствѣ важнѣйшую помѣху къ занятію земледѣліемъ, вовсе не чуждымъ ихъ склонностямъ? Нѣтъ сомнѣнія, что крестьянство, при такомъ предположеніи, очень близко подошло-бы къ евреямъ. Факты показываютъ, что достаточно было-бы только приурочить населеніе къ торгово-промышленной дѣятельности, чтобы оно въ конецъ измощенничалось. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить русскіе купцы и торговцы. Они далеко не находятся въ томъ жалкомъ и безпомощномъ положеніи, какъ евреи, они не скучены въ одномъ мѣстѣ и не знаютъ черты осѣдлости, а между тѣмъ едва-ли можно найти болѣе низкій уровень нравственности, чѣмъ въ русскомъ торговомъ сословіи. Г. Демидовъ Санъ-Дonato вполне правъ въ своихъ указаніяхъ на русскихъ торговцевъ. Что неблаговидные приемы—или, выражаясь проще, обманъ во всѣхъ его видахъ, дѣйствительно практикуется евреями-

торговцами—это вѣрно, также вѣрно и то, что существуетъ русская торговая пословица: «не обманешь—не продашь», въ которой выражается основной принципъ такъ называемой «торговой нравственности», одинаково исповѣдуемый значительно частью коммерческаго люда, безъ различія національностей» («Евр. вопросъ въ Россіи», стр. 80).

Всѣ эти общія соображенія легко было-бы подтвердить множествомъ фактическихъ данныхъ, если-бы только намъ позволяло мѣсто. Мы желали указать только на то, что еврейскій вопросъ,—вопросъ, такъ сказать, двусторонній, касающійся въ равной мѣрѣ какъ евреевъ, такъ и крестьянскаго населенія, и что онъ возникъ отъ нарушенія по отношенію къ обѣимъ сторонамъ общихъ принциповъ справедливости и прирожденныхъ всякой націи общечеловѣческихъ правъ. Раздѣляетъ-ли г. Бершадскій или нѣтъ такую точку зрѣнія, мы не знаемъ, такъ какъ онъ совершенно игнорируетъ въ своемъ сочиненіи всякіе общіе взгляды; изслѣдованіе-же г. Демидова Санъ-Дonato гораздо шире охватываетъ еврейскій вопросъ, но кажется корень его онъ видитъ въ системѣ репрессій, которымъ подвергались одни только евреи. Особенный интересъ въ книгѣ г. Демидова представляетъ очеркъ русскаго законодательства о евреяхъ, рисующій въ весьма непривлекательныхъ чертахъ отношеніе нашего государства къ евреямъ и хорошо подтверждающій все вышесказанное нами по этому поводу. Собственно экономическая сторона его изслѣдованія значительно слабѣе; ей посвященъ всего лишь десятокъ страницъ. Объ этомъ приходится пожалѣть, такъ какъ хорошій экономическій анализъ могъ-бы освѣтить нѣкоторыя черты въ еврейскомъ вопросѣ яркимъ и интереснымъ свѣтомъ.

С. А. Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ. Москва. 1884.

Книга, предлагаемая г. Приклонскимъ, составилась изъ его статей, печатавшихся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ концѣ 1879 и въ началѣ 1880 годовъ, подъ заглавіемъ «Письма объ Олонецкой губерніи». Письма эти, какъ говоритъ авторъ, были написаны на досугѣ, во время бездѣлья. «Затѣмъ наступила пора, когда авторъ былъ поглощенъ другими работами до такой степени, что не могъ и думать объ отдѣльномъ изданіи писемъ. Да и читателямъ было не до нихъ. Въ это время у всѣхъ было много дѣла, много насущныхъ, широко поставленныхъ вопросовъ». Теперь, когда пора этихъ вопросовъ кончилась, у автора снова наступилъ

досугъ, и «Письма», написанныя отъ бездѣля, онъ издаетъ отдѣльной, книжкой тоже отъ бездѣля, издаетъ потому, что русское общество переживаетъ время давно небывалаго литературнаго оскудѣнія.

Мы не совсѣмъ понимаемъ, почему г. Приклонскій прибѣгаетъ къ такимъ страннымъ оговоркамъ. И неужели онъ серьезно думаетъ, что книги пишутся и издаются только отъ бездѣля? Конечно, есть такія книги и такіе авторы, которые могутъ и совсѣмъ не существовать, и отъ ихъ отсутствія въ жизни не образуется пустоты. Но если рѣчь заходить о «насушномъ дѣлѣ» и «широко поставленныхъ вопросахъ», то какимъ-же образомъ изслѣдованіе народной жизни можетъ оказаться бездѣлемъ? Мы думаемъ, что оговорки г. Приклонскаго больше ничего, какъ неудачно выраженная скромность, вслѣдствіе боязни, что «цеховые ученые найдутъ его книгу черезъ-чуръ легкомысленною, а обыкновенные читатели — слишкомъ скучною». И съ этимъ мы не можемъ согласиться. Да и что такое цеховой ученый и обыкновенный читатель? Изслѣдованіе народной жизни не есть «наука», это только матеріалъ для нея и, какъ отъ матеріала, отъ него требуется правдивость и точность одинаково для всѣхъ, какъ для ученыхъ, такъ и неученыхъ. Конечно, для ученыхъ допускается и скучное изложеніе, а для «обыкновенныхъ» читателей оно считается неудобнымъ. Но вѣдь если г. Приклонскій своими «письмами объ Олонецкой губерніи» обратилъ на себя вниманіе не только обыкновенныхъ читателей, но и журналистики и составилъ себѣ почтенное имя, то его оговорка не является-ли вдвойнѣ излишней?

Край, описываемый г. Приклонскимъ, настолько своеобразенъ и не похожъ на коренную, среднюю Россію, что читатель чувствуетъ себя какъ-бы въ особой части свѣта. Здѣсь все особенное — и природа, и люди, и понятія, и отношенія. Здѣсь и до сихъ поръ челоуѣка одолеваетъ еще природа, и, подавляемый ею, онъ нерѣдко опускаетъ руки, какъ, напримѣръ, въ борьбѣ съ дикими звѣрями, болотами и лѣсами. Здѣсь вы можете наблюдать какъ-бы застывшія формаціи народной культуры, начиная съ первобытнаго земледѣлія и кончая высшей крестьянской цивилизаціей. То вы переноситесь въ одиннадцатое столѣтіе и видите первобытнаго славянина, едва вступающаго въ періодъ осѣдлости и расчищающаго себѣ мѣсто въ лѣсу, какъ какой-нибудь американскій піонеръ, то такъ-же внезапно васъ окружаютъ удобства крестьянской цивилизаціи XIX столѣтія и васъ гостеприимно приглашаютъ въ крестьянскую избу, уставленную мягкой

мебелью и украшенную зеркалами, гдѣ радушный хозяинъ угощаетъ шампанскимъ и пряниками «на заѣдку».

Въ Олонецкой губерніи, какъ и на всемъ дальнѣйшемъ сѣверѣ, еще и до сихъ поръ существуетъ «огневое» хозяйство, начало которому положили въ XI вѣкѣ первые славянскіе колонисты. Рядомъ съ этимъ выступаютъ и болѣе совершенныя формы земледѣлія съ установившеюся трехпольною системою, и, наконецъ, есть мѣстности, гдѣ свершается еще глухая переходная борьба старыхъ формъ земледѣльческаго быта съ новыми. Передъ вами какъ-бы застывшая исторія девяти вѣковъ съ ея многообразными наслоеніями переходныхъ моментовъ, которыми выразилось народное бытовое социальное строительство, всегда находившееся въ непосредственной зависимости отъ характера и размѣра побѣдъ человѣка надъ природою. Не изучивъ этой «геологіи», нельзя понять ни началъ теперешняго социальнаго устройства крестьянъ, ни существующей у нихъ системы землевладѣнія. Напримѣръ, по общимъ великорусскимъ понятіямъ, деревней называется отдѣльный поселокъ, здѣсь-же деревней зовется извѣстная совокупность поселковъ, починковъ, дворовъ, которые тянутся къ одной общей землѣ. «Разъ, рассказываетъ г. Приклонскій, я остановился въ деревнѣ Шелтопорогѣ, чтобы перемѣнить верховую лошадь. Эта деревня хотя и небольшая, но, все-таки, состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, построенныхъ рядомъ, словомъ — какъ слѣдуетъ быть русской деревнѣ. Оставивъ Шелтопорогъ, я не успѣлъ проѣхать версту или двѣ по усѣянному камнями берегу Выга, какъ встрѣтилъ новое поселеніе, изъ двухъ или трехъ дворовъ.

— Это что за деревня?—спрашиваю проводника.

— Тотъ-же Шелтопорогъ.

— Въдъ это особая деревня!

— Нѣтъ, деревня одна—Шелтопорогъ, только тамъ жительство и тутъ жительство,—въ томъ вся разница.

Провѣзавши еще версты четыре или пять, встрѣчается новенькая, недавно выстроенная избышка.

— Это что?

— А все Шелтопорогъ.

— Почему-же вы не дадите особаго названія этой деревнѣ?

— Какая-же тутъ деревня?!—усмѣхнулся проводникъ.

— Что-же это, какъ не деревня?

— Такъ,--жительство, «атера... {А деревня у насъ одна—Шелтопорогъ.

Такия группы селеній составляютъ обычное явленіе въ Олонецкой губерніи, и официально каждый поселокъ признается отдѣльной деревней; крестьяне-же не признаютъ ихъ такими и объясняютъ, что чиновники, для своихъ надобностей, прозвали поселки деревнями. Деревня въ Олонецкой губерніи есть міръ, образу-

щій одну «суему» (мірская сходка), и такъ какъ въ маленькой деревнѣ «міра не наберешь», какъ выражаются крестьяне, то олонецкій міръ обнимаетъ цѣлую группу селеній и часто состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, издавна, естественнымъ путемъ, слившихся въ одно цѣлое. Въ великорусскихъ губерніяхъ замѣчается обратное явленіе. Такую-же своеобразность сѣвернаго края составляютъ общины-волости, когда поземельными владѣльцами являются нѣсколько сельскихъ группъ. Волость—это единственный хозяинъ земли, а волостные крестьяне не болѣе, какъ работники на этой землѣ, но работники равноправные, пользующіеся землею каждый отдѣльно и въ то-же время всѣ сообща. Эта форма землевладѣнія тоже неизвѣстна центральной Россіи.

Вообще, сѣверный край, незнавшій крѣпостнаго права, сохранилъ въ себѣ многія первобытныя черты, которыя могли-бы служить незамѣнимыми и драгоцѣнными указателями не только при изученіи вообще народнаго быта и его свободныхъ историческихъ перемѣнъ, но и для выработки руководящихъ принциповъ въ земскихъ и административныхъ отношеніяхъ къ народу. Теперь-же, при общемъ невѣдѣніи бытовой особенности сѣверянъ, департаментскія инструкціи, составляемыя по великорусскимъ или другимъ «культурнымъ» образцамъ, вносятъ насильственную ломку въ естественный ростъ народной жизни, нерѣдко безъ всякой нужды уничтожая то, надъ выработкой чего народъ думалъ и трудился, можетъ быть, тысячу лѣтъ. Такъ случилось, напримѣръ, съ волостной общиной.

Какъ фактъ своеобразности края, служащей показателемъ того, какимъ образомъ слагались внутреннія народныя отношенія путемъ, такъ сказать, «естественнаго подбора», безъ участія «Москвы» и крѣпостнаго права, можетъ служить «сельскій богачь». Въ великорусскихъ губерніяхъ «богачь» народился послѣ крѣпостнаго права, до этого-же времени единственнымъ эксплуататоромъ былъ помѣщикъ, которому было вовсе невыгодно допускать къ своему крестьянину стороннихъ хищниковъ. На сѣверѣ-же «сельскій богачь» есть старое явленіе, органической продуктъ, извѣстная нравственная сила, подчиняющая себѣ крестьянскую массу умственнымъ превосходствомъ. «Народная масса на сѣверѣ 200 лѣтъ отстаивала старовѣріе, и во главѣ старовѣровъ стояли сельскіе богачи. Поэтому народъ привыкъ смотрѣть на нихъ какъ на своихъ вождей и руководителей. Онъ добровольно обогащалъ ихъ своимъ трудомъ, работалъ на нихъ за самое ничтожное вознагражденіе и утѣшался мыслью, что приноситъ жертву великому дѣлу». Никакого подобнаго прошлаго не стоитъ за плечами великорусскаго дере-

венскаго богача. Ни за какое народное дѣло онъ никогда не стоялъ, никакихъ историческихъ заслугъ передъ народомъ онъ не проявилъ, и никакой нравственной связи съ народомъ, которая-бы могла прикрыть его эксплуатацію, онъ не имѣеть. Сознывая свою отчужденность, онъ стремится покинуть деревню, переселиться въ городъ, тогда какъ сѣверный богачъ, напротивъ, старается перенести въ деревню городскія удобства и городскую цивилизацію. Онъ строитъ себѣ въ деревнѣ хорошій домъ, иногда оконъ въ дѣсять на улицу, кроетъ его желѣзомъ, окрашиваетъ яркой краской, и передъ домомъ врываетъ высокую мачту, на которой развѣвается флагъ, когда хозяинъ бываетъ дома.

Сознаніе личнаго достоинства у сѣверныхъ крестьянъ, не знавшихъ крѣпостнаго права, до такой степени развито, что, напр., домашняя прислуга, помогая вамъ раздѣться, какъ родному или своему знакомому, протянетъ вамъ свою руку и ласково пожметъ вашу. Крестьянинъ, встрѣчаясь съ становымъ или исправникомъ, непременно жметъ имъ руку. «Мнѣ самому, говоритъ г. Приклонскій, приходилось видѣть, какъ крестьяне протягивали руку губернатору и были очень сконфужены, не встрѣчая съ его стороны желанія отвѣчать рукопожатіемъ». Эта привычка равенства во внѣшнихъ отношеніяхъ уже сразу показываетъ, что между сельскимъ богачемъ и его работниками существуютъ совсѣмъ иныя отношенія, чѣмъ въ средней Россіи. Нѣсколько идеализируя олончанина, г. Приклонскій замѣчаетъ, что сѣверный «богатѣй» умѣеть держать людей въ экономической зависимости, не стирая человеческой личности, оставаясь экономически сильнымъ между равными.

Сельскій богачъ—человѣкъ умный и всегда грамотный. У него водятся и книжки, которыя онъ не прочь почитать «отъ нечего дѣлать». Чаще всего попадаются старинныя книги, которыя покупаются по дешевой цѣнѣ въ Петербургѣ—историческія, а иногда даже и философскія. Газета тоже проникла къ сельскимъ богачамъ и черезъ нихъ нашла доступъ къ крестьянской массѣ. Конечно, выписываются чаще всего мелкія, дешевыя газеты, но выписывался и «Голось». Съ особенной силой пробудился интересъ къ чтенію газетъ во время сербской войны. «Когда потомъ началась русско-турецкая война, говоритъ г. Приклонскій, въ крестьянахъ пробудился еще болѣе близкій имъ интересъ къ военнымъ событіямъ. вмѣстѣ съ извѣстіями объ ужасахъ Плевны и Шипки, стали ходить въ народѣ разные слухи о широкихъ внутреннихъ реформахъ, которыя, будто-бы, начнутся тотчасъ по окончаніи войны. Теперь газеты еще болѣе распространились между крестьянами,

благодаря сельскимъ богачамъ, которые имѣли средства выписывать ихъ».

Такимъ образомъ, олонецкій богачъ является извѣстной культурной силой и въ то-же время начинаетъ обнаруживать жажду общественной дѣятельности, которая на первыхъ порахъ выразилась въ помощи развитію крестьянской массы, преимущественно посредствомъ школьнаго образованія. Самыя лучшія народныя школы Олонецкой губерніи устроены богатыми крестьянами. По словамъ г. Приклонскаго, богачи не уединяются отъ крестьянъ, не замыкаются въ свой тѣсный кружокъ, но находятся въ общеніи съ бѣдными. Контрастъ между тѣми и другими, конечно, рѣзокъ, но нѣтъ антагонизма, какъ это водится въ средней Россіи. Дай Богъ, чтобы это было такъ.

Сдѣланныхъ извлеченій, мы думаемъ, совершенно достаточно, чтобы возбудить въ читателѣ интересъ къ книгѣ г. Приклонскаго. Книга эта интересна не потому, что мы переживаемъ время «давно небывалаго литературнаго оскудѣнія», а потому что даетъ полезное знаніе, знакомитъ съ своеобразною жизнію цѣлаго края, края вообще мало извѣстнаго, а между тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе любопытнаго и поучительнаго, чѣмъ средняя Россія, на которую направлено преимущественное вниманіе. Конечно, средняя Россія «культурнѣе» и на ней отразились сильнѣе жестокіе удары русской исторической судьбы, но за то Сѣверъ цѣльнѣе и свободнѣе и въ немъ сохранился полнѣе челоуѣкъ.

Исторія XIX вѣка. До 18 Брюмера. Мишле. Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. К. Цебриковой. С.-Петербургъ. 1883.

Исторія Мишле настолько извѣстна и имя автора ея настолько почтенно, что едва ли книга эта нуждается въ новой рекомендаціи. Поэтому мы думаемъ, что исполнимъ вполне свою обязанность, если, въ виду цѣли изданія — въ пользу вышихъ женскихъ курсовъ — пожелаемъ переводу г-жи Цебриковой успѣха болѣе чѣмъ обыкновеннаго.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Отчего у насъ такіе печальные „итоги“. Что такое образованіе и для чего оно нужно? Когда мы были образованнѣе—теперь иль 25 лѣтъ назадъ? Отчего могло случиться, что „шестидесятники“, двадцать пять лѣтъ стоящіе у дѣлъ и двадцать-пять лѣтъ воспитывавшіеся для новыхъ условий, оказались ниже освободительныхъ идей шестидесятихъ годовъ. Чѣмъ наше полуобразованіе отразилось на практикѣ. Что нужно и въ чемъ искать поправку.

Читая въ газетахъ печальные «итоги» 1883 года, волей-неволей спрашиваешь себя «да отъ чего-же все это такъ»? А оттого все это такъ, отвѣчаетъ «Русь», что наша интеллигенція творить только «историческія глупости». Предполагая, что «Русь» разрѣшаетъ вопросъ вообще, не дѣлая исключенія и безъ разбору свою и другихъ подходящихъ къ ней органовъ, мы, конечно, не имѣемъ ничего противъ такого рѣшенія. Но вопросъ, во всякомъ случаѣ, такъ просто не исчерпывается и мы считаемъ его на столько важнымъ и серьезнымъ, что думаемъ вдаться въ нѣкоторыя подробности.

Если читатель признаетъ, что образованіе формируетъ въ человѣкѣ силы и даетъ средство для борьбы съ жизнью, то онъ долженъ будетъ согласиться, что двадцать-пять лѣтъ назадъ мы были гораздо образованнѣе, чѣмъ нынче. Теперешняя жизнь и cadaго отдѣльнаго человѣка, и все общество застаетъ врасплохъ и на каждомъ шагу преподноситъ сюрпризы, или ставитъ задачи, совершенно превышающія силы нашего современнаго общественнаго мышленія. Въ до-реформенную эпоху — все это было иначе. Худо или хорошо, но русская жизнь и русское общество представляли тогда нѣчто цѣльное, законченное, состоявшее изъ опредѣленныхъ «клеточекъ» или общественныхъ слоевъ, жизнь которыхъ укладывалась въ точныхъ рамкахъ и не заключала въ себѣ никакихъ неразрѣшенныхъ задачъ и не выдвигала сурпризовъ, которые кого-бы то ни было ставили въ недоумѣніе. Путь жизни былъ точенъ и опредѣленъ, каждый зналъ, хорошо номеръ лотерейнаго билета, который ему вынула судьба при рожденіи,

и бралъ сейчасъ-же свой выигрышь, не покушаясь на билетъ со-сѣда. Мужикъ зналъ свою избу и дальше избы никуда не загля-дывалъ, если по лотейренному билету ему достался «баринъ», то онъ только и зналъ этого барина, другому достался окружной на-чальникъ, третьему удѣльный депутатъ или управляющій конторой, и кругъ мужицкой судьбы окончательно замыкался въ этихъ пре-дѣлахъ. Пошелъ мужикъ въ солдаты, онъ тоже очень хорошо зналъ, что это значить и что его ждетъ черезъ двадцать-пять лѣтъ, если раньше не убьютъ на войнѣ. Родился-ли кто «баринкомъ» — тоже не предвидѣлось никакихъ сомнѣній на счетъ будущаго: военный корпусъ, отставка въ чинѣ поручика, для человѣка нечестолюбиваго, затѣмъ деревня, женитьба, воспи-таніе дѣтей или же военная и гражданская карьера. Все вполне зависѣло отъ того, что захотѣлъ человѣкъ; даже и думать не нуж-но было — выбралъ путь по вкусу и иди имъ точно по столбовой дорогѣ, зная навѣрное, какіе встрѣтишь верстовые столбы. Въ послѣднемъ № «Русскаго Архива» помѣщены необыкновенно инте-ресныя письма Императора Николая къ гр. Бенкендорфу. Отъ нихъ вѣетъ такимъ спокойствіемъ, опредѣленностію и чувствомъ законченности, что просто изумляешься простотѣ задачъ, какія выдвигала правль того времени. Отъ 24 мая 1837 г. Государь пи-шетъ: «Въульте, я не имѣю сообщать вамъ ничего новаго». Отъ 5 іюня: «Здѣсь (въ Петербургѣ) ничего новаго. Все благополучно, войска въ превосходномъ состояніи, и лѣто, повидимому установ-ляется. Сегодня мы отдали послѣднія почести бѣдному Сукину (комендантъ Петропавловской крѣпости)... Во время церемоній, въ то время, какъ тѣло провозили мимо войскъ, произошелъ взрывъ пороха, который поразилъ шесть на повильонѣ адмиралтейства, передъ моими окнами, разсѣкъ шесть, но не коснулся повильона. Я принимаю это за хорошее предзнаменованіе для нашего флота». Отъ 19 іюня: «Англійскій-то король умеръ! Его замѣстила коро-лева Викторія, а герцогъ Кумберландскій сдѣлался королемъ Га-новерскимъ. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Орловъ узѣзжаетъ 26 го въ Лондонъ, чтобы привѣтствовать новую королеву; съ чѣмъ-то онъ оттуда воротится! Донесеніе Вельяминова сообщаетъ о но-выхъ низостяхъ англичанъ. Борьба идетъ горячая, но мы подвигаемся впередъ... Вотъ мои новости». Отъ 25 іюня: «На дняхъ я приказалъ бить въ лагерь тревогу, которая превосходно удалась; только на возвратномъ пути мы промокли до костей такъ, какъ прежде мнѣ еще почти никогда не случалось. Вчера я имѣлъ из-вѣстія отъ моего сына, который продолжаетъ свое путешествіе очень успѣшно и былъ очень доволенъ моимъ пребываніемъ въ

Оренбургѣ, гдѣ всѣ классы населенія приняли его наилучшимъ образомъ. Мнѣ говорятъ, что имъ довольны, и это дѣлаетъ меня счастливымъ. Вчера здѣсь происходило открытіе театра, которое очень хорошо удалось; зала прелестна; во французской труппѣ есть новые актеры, дѣйствительно прекрасные. Сегодня все идетъ необыкновенно... Завтра я отправляюсь въ Красное Село... Затѣмъ отдыхъ до 1-го. Потомъ опять все пойдетъ своимъ чередомъ». Въ письмахъ характерны именно выраженія: «все идетъ по обыкновенію», «все благополучно», «я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго», «все пойдетъ своимъ чередомъ». Эти выраженія важны именно потому, что исходятъ отъ Императора Николая, лица во внутренней и внѣшней политики Россіи того времени несомнѣнно самаго авторитетнаго.

И дѣйствительно, вся внутренняя русская жизнь шла тогда «по обыкновенію», «своимъ чередомъ», какъ заведенная машина, снабженная превосходнымъ изоляторомъ. Не замѣчалось, да и въ дѣйствительности не было ничего лихорадочнаго, торопливаго, нервнаго и безпокойнаго ни въ области мысли, ни въ области практическихъ отношеній. Нужды было немного и удовлетвореній для нихъ требовалось немного. Литературы не было, вмѣсто нея была книжная торговля, какъ иронизировалъ Семеновскій. Печати тоже не было, а были «Сѣверная Пчела», да академическія «Московскія» и «Петербургскія» вѣдомости. Высшая публика читала французскія книжки, средняя — пробавлялась «Библіотекой для чтенія», и романами Лажечникова и Загоскина. Экономическія нужды высшаго порядка удовлетворялась тоже просто, потому что были такъ-же ограничены, какъ и нужды умственныя. Железныхъ дорогъ не было, кромѣ игрушечной, Царскосельской; пароходство замѣнялось «коноводными машинами», даже шоссе соединяли только самыя большіе города; понятно, что надобностямъ такихъ «путей сообщеній» удовлетворяли вполне 10—15 инженеровъ, выпускавшихся ежегодно изъ института инженеровъ путей сообщенія. Фабрикъ, заводовъ, мануфактуръ было тоже мало. Для мужицкаго населенія они не работали, да и для «господъ» работали только частью, потому что снабженіе шло въ громадномъ размѣрѣ изъ-границы. Оттуда-же являлись техники, машинисты, мастера, управляющіе для помѣщичьихъ имѣній? Когда на Волгѣ явилось первое пароходство, то даже вочегаровъ выписывали изъ Англіи. Понятно поэтому, что технологическій институтъ и институты сельско-хозяйственные не могли имѣть особеннаго значенія и охотниковъ къ себѣ не привлекали. Только корпуса да гимназіи составляла выдающіяся воспитательныя заведе-

нія, потому что снабжали Россію офицерами и чиновниками для государственной службы. Въ этихъ заведеніяхъ и заключался центръ тяжести тогдашняго образованія, на которое Императоръ Николай обращалъ большое вниманіе. Программы тогдашнихъ корпусовъ и гимназій ничѣмъ не отличались отъ нынѣшнихъ; нынче стали лучше учебники—это правда, но число предметовъ, порядкомъ ихъ распредѣленія остались тѣ же, и тѣмъ государственнымъ надобностямъ, которымъ должны были удовлетворять учебныя заведенія до-реформеннаго времени они удовлетворяли вполнѣ совершенно и вполнѣ имъ соответствовали. Отъ заведеній требовалось, чтобы они приготовляли по спеціальнымъ программамъ спеціальныхъ людей для военной службы, для администраціи и для другихъ казенныхъ надобностей, напр., лѣсничихъ для казенныхъ лѣсовъ, горныхъ инженеровъ для казенныхъ горныхъ заводовъ и золотыхъ и серебрянныхъ промысловъ, принадлежавшихъ кабинету Его Величества, строителей казенныхъ шоссе и казенныхъ зданій—и всѣмъ этимъ надобностямъ заведенія того времени и удовлетворяли.

Такое-же равновѣсіе существовало и въ другихъ сферахъ государственнаго хозяйства. Канкринъ для того времени былъ превосходнѣйш^{опъ} министромъ финансовъ, какого потомъ уже не было. Онъ организовалъ систему государственнаго кредита, бывшую очень удобной для правительства, онъ урядочилъ таможенный баллансъ, привелъ въ порядокъ финансы и довелъ курсъ до такой высоты, что въ Москвѣ за рублевую бумажку давали 1 р. 15 к. серебромъ. Россія при Канкринѣ могла дать Франціи 50 м. въ долгъ. Это такіе результаты, которые служили лучшимъ доказательствомъ, что система Канкринна соответствовала вполнѣ условіямъ, обстоятельствомъ и требованіямъ времени. Императоръ Николай имѣетъ полное право гордиться образцовымъ внѣшнимъ порядкомъ, который при немъ установился, въ особенности въ виду того политическаго обаянія, которое производило на Европу Россія. Намъ боялись и на Западѣ и на Востокѣ. Россія вездѣ явилась хранительницей мира и устоевъ и по простой аналогіи Императоръ Николай имѣлъ полное основаніе думать, что система, дающая такіе превосходные результаты для Россіи, должна ихъ дать и для другихъ народовъ. Изображая Россія шестую часть свѣта, изолированную отъ остальнаго міра океанами, морями, непроходимыми пустынями, она въ своемъ окристаллизованномъ видѣ, могла бы просуществовать вѣка безъ всякихъ внутреннихъ перемѣнъ. Но такихъ раздѣляющихъ морей и океановъ не оказалось; случилась Крымская война и вмѣстѣ съ нею обнаружилось, что кромѣ

общественныхъ идей, которымъ вполне соотвѣтствовалъ предъидущій внутренній распорядокъ, существуютъ и другія общественныя идеи, представителемъ которыхъ явился Императоръ Александръ II, задумавшій этимъ идеямъ дать соотвѣтственныя формы.

Немногимъ изъ современниковъ было ясно, какія страшно-громадныя перемѣны, какую ломку всего установившагося вѣками быта и соотвѣтствующихъ подробностей вызываетъ коренная мѣра, скрывавшаяся подъ скромнымъ названіемъ «улучшенія быта крестьянъ». И теперь-то еще понимаютъ это очень немногіе и только въ этомъ причина, что поколѣніе, созданное реформами, оказалось далеко ниже своихъ общественныхъ обязанностей. У насъ привыкли говорить о людяхъ шестидесятыхъ годовъ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, сваливая въ одну кучу все, что попадалось подъ руку. Но нужно-же, наконецъ, установить разницу, отдѣлить плевелы отъ пшеницы и различить хвостъ отъ головы. Идеинные представители шестидесятыхъ годовъ изображали очень небольшую группу, не особенно увеличившуюся и за все послѣдующее время. Ихъ идеи и идеалы и съ самаго начала не встрѣтили достаточнаго практическаго осуществленія, и только въ этомъ и причина, что «руки», которымъ пришлось проводить реформы въ жизнь, вызвали столько нарѣканій на самыя идеи реформъ. Необыкновенно важнымъ фактъ, что вся та масса молодежи, которая фигурировала въ студентскихъ исторіяхъ шестидесятыхъ годовъ, читала такъ жадно журналы и газеты того времени, росла умственно на «новыхъ книжкахъ», и которая дала громадный численный контингентъ «новыхъ» дѣятелей и исполнителей во всѣмъ новомъ внутреннемъ самоуправленіи, выдвинула массу новыхъ литературныхъ рабочихъ и публицистовъ — въ цѣломъ оказались сѣрой собирательной посредственностію или еще того хуже — совсѣмъ измѣнила свою умственную и нравственную физіономію и не обнаружила ни нравственной энергіи, ни умственной послѣдовательности въ качествѣ общественныхъ и земскихъ дѣятелей и публицистовъ. Цѣлое поколѣніе шестидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ верховъ, не создало изъ себя никакой общественной или умственной силы, соотвѣтствовавшей высотѣ реформаціонныхъ идей, которыя вызвали къ жизни это поколѣніе и вручили ему практику новаго дѣла. Для моралистовъ, возлагавшихъ такъ много надеждъ на силу и энергію личности, это очень полезный общественный урокъ.

Но урокъ урокомъ, а какая-же причина, что цѣлое поколѣніе, заполнившее всю сферу новой практической дѣятельности и фигурирующее въ ней двадцать-пять лѣтъ, не дало людей, и чѣмъ дальше, тѣмъ общественный уровень поколѣнія падаетъ все ниже и ниже.

Причина этого только въ томъ, что образованіе всего этого поколѣнія неизмѣримо ниже того, чѣмъ оно долженъ быть, и вовсе не соотвѣтствуетъ новымъ условіямъ, создавшимся освобожденіемъ и послѣдующими реформами. Въ дореформенную эпоху люди знали относительно больше, теперь они знаютъ относительно меньше, тогда люди были господами обстоятельствъ, теперь обстоятельства стали господами людей. Тогдашній человѣкъ, пройдя программу гимназіи и военно-учебнаго заведенія, былъ вполне готовъ для жизни, теперешняя-же программа не даетъ и половины того, что нужно знать. Тогдашнія знанія вполне изчерпывались программными науками, теперь-же явились новыя знанія, которыя тогда вовсе и не существовали. При прежнемъ остойчивомъ бытѣ «камералистъ», подготовленный университетомъ для службы по министерству государственныхъ имуществъ, стоялъ на вершинѣ знанія, котораго ему въ должности окружнаго начальника и примѣнять было не къ чему; теперь исключительно камеральныя знанія являются «вершками», потому что требуется знаніе народной жизни, и въ этомъ знаніи покоится центръ тяжести внутренней «политики». Тогда «политикой» назывались только внѣшнія отношенія, внутренней-же политики не было, а было простое исполненіе предписаній, инструкцій и т. д. Теперь-же обнаружилась такая масса разнообразныхъ тенденцій и стремленій осуществить ихъ на практикѣ, что, не говоря про публицистовъ и земцевъ, но даже чиновники, банковые и промышленные дѣльцы обязательно должны держаться какой-нибудь политики. Тогда никакого идеала не существовало, кромѣ идеала порядка и общаго расплывающагося гуманнаго идеала, теперь, кромѣ общаго нравственнаго идеала, явился еще и общественный идеалъ, заключающійся въ цѣльномъ, законченномъ и послѣдовательномъ представленіи всѣхъ условій, требованій и причинъ, создающихъ общественную гармонію. Такъ какъ этотъ идеалъ не изчерпывается ни гимназической, ни университетской программой, то и создался неизвѣстный прежде запросъ на чтеніе и преимущественно въ такихъ областяхъ вѣдѣнія, которыя даютъ матеріалъ для общественнаго міровоззрѣнія. Гимназистъ, кадетъ и студентъ дореформенной эпохи удовлетворялся вполне «Библиотекой для чтенія» и не шелъ дальше простой литературной начитанности, теперь-же онъ и въ литературномъ чтеніи ищетъ только идей, а чисто литературное чтеніе стало достояніемъ вовсе не существовавшаго тогда слоя публики, ищущей своего умственнаго развитія въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и въ чтеніи романовъ. Этотъ слой сталъ теперь много шире, хотя и много мельче, но за то надъ

нимъ поднялся тоже небывалый тогда слой интеллигенціи, къ которому применила молодежь высшихъ заведеній. Для этой сознательной молодежи, формирующей себѣ общественные идеалы, потребовалось новое чтеніе и имъ явилось то новое знаніе, котораго тогда вовсе и не существовало. Тогда можно было прожить благополучно цѣлый вѣкъ и слыть передовымъ челоуѣкомъ, зная только, что мужикъ живетъ въ деревнѣ и пахетъ землю, теперь-же волей-не волей приходится очень томиться умственно, чтобы узнать, что такое «мужикъ». Этому невѣдомому мужику посвящается двадцать-пять лѣтъ самой настойчивой работы мысли и пытливыхъ изслѣдованій. Труды эти раскинуты въ массѣ журналовъ, газетъ, отдѣльныхъ книгъ и земскихъ статистическихъ и другихъ работъ. Если всѣ эти труды собрать въ одну кучу, то они составятъ тысячи томовъ. Самый смѣлый умъ растеряется въ этой массѣ матеріала и не подведетъ ей итоговъ. А для общаго развитія нужны именно итоги и выводы, требуется такъ называемое послѣднее слово науки. Въ началѣ реформъ это понималось отлично и вотъ почему журнальныя силы направились тогда почти исключительно на популяризацію. Популяризація обнимала преимущественно общіе научные вопросы, давали общественно-идейное содержаніе, направляя мысль въ область «политики»; рядомъ съ этимъ и на основаніи общихъ идей шло выясненіе коренныхъ устоевъ народной жизни и экономическихъ отношеній народа. Тутъ впервые встали передъ русской интеллигенціей невѣдомыя ей никогда понятія: община, общинная жизнь, передѣлы земли, круговая порука, крестьянскій міръ, отхожіе промыслы, кустарное производство, земско-областное управленіе, вѣче и народоправство, земскіе соборы и т. д. и т. д. Эта новая, небывалая и ни въ какихъ учебникахъ, программахъ и курсахъ незначущаяся наука сразу и настолько жизненно энергично предъявила свои права, что вполне овладѣла умами и дала направленіе растущей мысли. И вотъ настало то томительное и безнадежное состояніе, когда все умственно-лучшее, что создавала Россія, жадно спрашивало «что читать»?», когда составлялись списки книгъ, сочиненій, журнальныхъ статей, которые должны были удовлетворить этой жаднѣ знанія. Но книгъ, сочиненій и журнальныхъ статей оказывалась такая масса, что и цѣлой челоуѣческой жизни не достало-бы на ихъ прочтеніе. Что-же было дѣлать, гдѣ было взять знаній, какой факультетъ, какая учебная программа вмѣщала въ себѣ эти новыя науки, безъ которыхъ до-реформенная Россія могла обходиться, а послѣ реформенная жить не могла? Одно время, подъ вліяніемъ этого запроса, явилась-было попытка создать новую науку: «отечествовѣдѣніе» или «ро-

диновѣдѣніе». Но попытка такъ и осталась попыткой и такою науки, изъ которой-бы каждый могъ почерпнуть знаніе Россіи, у насъ не имѣется и этой науки нигдѣ не преподается. Въ большихъ городахъ, какъ Петербургъ, — и то не всякій, — имѣлъ какую-нибудь возможность пополнять свои знанія, а въ провинціи? И приходилось людямъ ограничиваться кое-чѣмъ, всякими обрывками знаній, читать нерѣдко такихъ авторовъ или изслѣдователей, которые вносили только путаницу и застыть на этой путаницѣ, не выяснивъ себѣ истины. Двадцать-пять лѣтъ шло это урывчатое и беспорядочное умственное воспитаніе молодежи и не молодежи, и общественные слои комплектовались всякими полужнайками, нерѣдко не имѣвшими не только главныхъ точныхъ знаній, но и точныхъ общихъ представленій. И затѣмъ, когда, благодаря только общему полуобразованію, наши внутреннія дѣла запутывались все болѣе и болѣе, явилось неизвѣстно откуда заключеніе, что намъ нужно знать еще меньше, чѣмъ мы знаемъ, и думать еще меньше, чѣмъ мы думаемъ. Но чего-же еще меньше, когда мы именно только потому и прижали сами себя къ стѣнѣ, что мало знаемъ и только потому не можемъ справиться ни съ своей личной, ни съ своей общественной жизнью.

Вотъ, напр., фактъ, сообщаемый «Русск. Вѣд.». «Съ недѣлю тому назадъ, въ Баку, нѣкто Ефименко пришелъ въ лавку, спросилъ подъ предлогомъ покупки револьверъ и зарядивъ его, тутъ-же выстрѣлилъ себѣ въ високъ, къ ужасу прикащиковъ». Газета говоритъ, что Ефименко былъ молодой человекъ изъ такъ называемыхъ «неудачниковъ», и прибавляетъ: «должно быть жизнь была уже слишкомъ въ тягость, если человекъ такъ быстро, такъ легко съ нею разстался». Такихъ случаевъ въ дореформенной Россіи не бывало, тогда люди стрѣлялись изъ мотивовъ «чести», но никогда не лишали себя жизни отъ неудачности. Теперь-же самоубійство, отъ невозможности найти себѣ мѣсто въ природѣ, стало однимъ изъ обыкновенныхъ мотивовъ. Тогда поднимали на себя руки солдаты и крестьяне отъ невыносимой дисциплины или жестокости господъ. Теперь этотъ мотивъ исчезъ и самоубійство перешло въ слой разночинцевъ, поставляющій главный контингентъ неудачниковъ, т. е. такихъ людей, которые развелись большею частію путемъ априорнаго мышленія, рѣдко сходявшагося съ тою дѣйствительностію, которая затѣмъ окружала человека. Вступая въ жизнь съ своей «личной» программой, человекъ хотѣлъ подчинить себѣ все окружающее, но настоящихъ средствъ для борьбы онъ съ собою въ жизнь не вносилъ. И понятво, что сила большая подавляла силу меньшую. Это исторія такая-же старая, какъ и міръ, и у насъ она

должна была непременно повториться въ такой моментъ перелома мысли, какой представляло освобожденіе крестьянъ. Освободились не одни помѣщичьи крестьяне, съ ними освободился и вообще человѣкъ. Поэтому понятно, что «личность» потребовала своихъ правъ и начала борьбу за индивидуальность. Логическій социалъно-политическій выводъ изъ этого требованія очень простъ — человѣкъ не только имѣетъ право, но и долженъ устраивать свою собственную жизнь. Практической-же выводъ тоже простъ: человѣкъ для выполненія своей задачи долженъ имѣть соотвѣтственныя силы, т. е. энергію и знаніе. Кончая самоубійствомъ, человѣкъ очевидно отказывается отъ теоріи личности и подчиняется теоріи фатализма. Новая Россія дала большой контингентъ лицъ, которыя отступали отъ борьбы съ жизнію послѣ первыхъ неудачъ; не всѣ они кончали самоубійствомъ, не всѣ они «сломились» и стали «могильными памятниками». Фактовъ приводитъ не зачѣмъ и пожалуй только потому, что ихъ слишкомъ много и изъ года въ годъ повторялись они въ теченіи двадцатипяти лѣтъ. Конечно, было не выноσιμο трудно, если человѣкъ кончалъ такъ рѣшительно, какъ Ефименко. Но общій складъ русской жизни помогаль больше этому выходу, чѣмъ другому. Освободительное движеніе не оказалось достаточно широкимъ и въ борьбѣ за индивидуальность пало немало. Въ томъ, что освободительное движеніе не оказалось достаточно послѣдовательно и больше посулило мысли, чѣмъ дала возможностей для дѣла, лежитъ центръ тяжести нашего вопроса.

Именно любопытно, какъ даже въ общихъ вопросахъ, практика и дѣльцы послѣдняго двадцатипятилѣтія, повидимому, выросшіе на идеѣ освобожденія, повернули фронтъ и встали поперекъ самимъ себѣ. Въ такимъ вопросамъ принадлежитъ, на примѣръ, оконченный, казалось, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вопросъ о самобытности, снова нашедшій себѣ защитниковъ въ большинствѣ прессы. Никогда еще наша печать не отличалась такимъ невѣжествомъ и полужнаніями, какъ нынѣшняя. Въ общемъ хорѣ фальшиваго патриотизма и виланья немногіе вѣрные голоса нынче уже неслышны и полуобразование проникшее въ печать съ авторитетной самоувѣренностію высказываетъ такія «самобытныя» мысли, для высказанія которымъ требуется мужество очень большого невѣжества. Вѣдь публицисты теперешней «кричащей» печати гдѣ-нибудь да учились, и конечно у насъ существуютъ такія «высшія» заведенія, гдѣ обучаютъ основамъ экономической науки, говорятъ что-нибудь и объ экономическомъ положеніи Россіи, объ ея промышленности, торговлѣ, обо всемъ томъ, что нужно знать, чтобы судить правильно о русской практической

экономикѣ. Слава богу, двадцать-пять лѣтъ мы жуемъ и пережевываемъ нашу отечественную экономику и неужели все это дѣлалось «такъ». По истинѣ замѣчательный поворотъ мысли съ тѣхъ поръ, какъ мы захотѣли думать «самобытно».

Вотъ, напримѣръ, какъ мы разрѣшаемъ теперь общій вопросъ о свободѣ въ примѣненіи къ отечественной промышленности и торговлѣ. Послѣ всесторонней оцѣнки дореформеннаго быта, наше общественное сознание остановилась на признаніи руководящимъ принципомъ внѣшней торговли свободныхъ началъ. Пошлины приняла фискальный характеръ и только частію покровительственный. Это было сдѣлано въ виду пользы «всѣхъ». Но вотъ стяжательные инстинкты, аппетитамъ которыхъ свободная торговля все-таки ставила нѣкоторый предѣлъ, высматривая въ разнообразныхъ общихъ принципахъ, въ которыхъ путается теперешнее русское человѣчество, себѣ подсобниковъ, остановились на патріотизмѣ, самобытности и націонализмѣ, и подъ прикрытіемъ ихъ повели свой походъ. Къ чему бы ни стремились теперешніе стяжательные инстинкты, стремленіе это всегда прикрывается національнымъ благомъ, подъ которымъ слѣдуетъ понимать, конечно, выгоды только извѣстныхъ единицъ. Между прочими подобными «национальными» вопросами выплылъ въ послѣднее время и вопросъ о покровительствѣ русской каменноугольной промышленности. Нашимъ углепромышленникамъ, конечно, будетъ выгодно, если на иностранный уголь наложится пошлина. Но что-же выиграютъ «всѣ», напримѣръ рабочіе въ каменноугольныхъ копанияхъ и остальные потребители, если таможенная пошлина разовьетъ у насъ каменноугольное производство и промышленники, не встрѣчая соперничества болѣе дешеваго иностраннаго, угля стануть продавать свой гораздо дороже. Прежде всего для чего намъ каменноугольная промышленность? Неужели каторжный трудъ углекоповъ такое счастье, что его необходимо навязать силой нашему рабочему? И слава богу, что наша нужда, какъ она ни велика, еще не гонитъ крестьянина въ рудники. Чѣмъ дальше онъ будетъ отъ нихъ уберезенъ, тѣмъ для него лучше. Значитъ съ этой стороны казалось бы и съ національной точки зрѣнія можно-бы намъ пообождать съ собственной каменноугольной промышленностію. Во-вторыхъ, зачѣмъ намъ «свой» дорогой уголь, вмѣсто чужого дешеваго, и какъ отразится дороговизна угля на интересахъ тѣхъ, кто угля ломать не будетъ? Пошлина на уголь подниметъ цѣну угля привознаго и уголь вообще вздорожаетъ гораздо больше наложенной на него пошлины. Дороговизна угля подниметъ цѣну всѣхъ производствъ, дѣйствующихъ паровымъ двигателемъ, а какія-же

производства имъ не пользуются! Желѣзныя дороги и пароходы тоже почувствуютъ давленіе вздорожавшаго угля и постараются перенести это давленіе на пассажировъ и грузы. Это повышение должны будутъ оплатить всѣ потребители безъ исключенія, слѣдовательно, и тотъ самый народъ, въ «національныхъ» интересахъ котораго углепромышленники желаютъ развить у насъ собственную каменноугольную промышленность и открыть для «народа» новый источникъ заработка. И кто-же этотъ «народъ», о которомъ такъ пекутся углепромышленники? Народъ этотъ составляютъ нѣсколько сотенъ рабочихъ, которые если живутъ плохо безъ угольной промышленности, то и съ нею не стануть жить лучше, а между тѣмъ милліоны потребителей и въ томъ числѣ и сотни новыхъ углекоповъ будутъ платить за все дороже и одни углепромышленники останутся въ барышахъ.

Тонкая вещь идея «націонализма» и «самобытности» и изумляешься въ ней не тому, что люди съ хищническими инстинктами превратили такую повидимому благородную идею въ ножницы для стрижки, а изумляешься добродушной кротости и умственной наивности съ какою люди позволяютъ себя стричь. Вотъ ужъ по истинѣ «Dummheit ist wirklich eine Gottes Gabe, doch misbrauchen darf man sie nicht», какъ увѣряютъ сказаль про насъ русскихъ Бисмаркъ. Впрочемъ еще до Бисмарка высказаль ту же мысль, Бёрне, а до Берне — Шиллеръ; говорили они о нѣмцахъ — и нѣмцы съ тѣхъ поръ поумнѣли. Есть слѣдовательно и для насъ утѣшеніе въ будущемъ. Что-же касается настоящаго, то мы предлагаемъ читателю слѣдующую выписку изъ 6 № «Рус. Вѣдомостей». Приводимъ ее цѣликомъ.

«Въ № 1-мъ «Руси» помѣщена статья г. Талицаго: «Древенскія мысли о золотой рентѣ», которая (т. е. статья), по замѣчанію редакціи, «въ сущности единомысленна съ статьями о золотой рентѣ финансиста «Московскихъ Вѣдомостей». По этому поводу редакція заявляетъ о своемъ сочувствіи теперешнему направленію «Московскихъ Вѣдомостей» по вопросамъ экономическимъ и замѣчаетъ, что то, что писалось по вопросу о рентѣ въ газетѣ г. Каткова — «не слова, а поступки; это — или развѣнчаніе вредной финансовой системы, раззорившей Россію, или колебаніе довѣрія къ властямъ, — середины тутъ мы не видимъ, если только писанное было писано сознательно, а не въ галлюцинаціи; послѣдняго же мы не въ правѣ предполагать. Даже въ Петербургѣ взглянули на эти статьи серьезнѣе обыкновеннаго. Онѣ произвели на всѣхъ самое сильное впечатлѣніе и по слухамъ, идущимъ изъ достойныхъ вѣры источниковъ, вызвали

ревизию, въ которой, какъ ожидаютъ, и будетъ на-дняхъ приступлено со стороны государственнаго контроля». Вотъ, слѣдовательно, какимъ влияніемъ пользуется газета г. Каткова., замѣчаютъ «Р. В.»- Любопытно, однако, знать, къ чему приведутъ «поступки» этой газеты,—окажется-ли въ результатѣ ревизіи, что они «развѣнчали вредную финансовую систему, разорившую Россію» и что изъ того въ концѣ-концовъ воспослѣдуетъ. Обратимся, однако, къ статьѣ г. Талицаго. Сущность ея заключается въ томъ, что паденіе курса русскаго рубля не только не вредно, напротивъ того, въ высшей степени «благодѣтельно». Въ доказательство указывается на увеличеніе нашего вывоза, въ первые годы послѣ войны, на то, что съ этого времени начинается развитіе русскаго машиностроенія (паровыхъ молотилокъ и плуговъ), русской желѣзнодорожной промышленности и, въ то же время, сокращеніе потребленія иностранныхъ товаровъ... «Пусть поднимется бумажный рубль—и весь этотъ прогрессъ пойдетъ прахомъ, а пусть онъ упадетъ еще—и наши товары наводняютъ собой Европу, наши Марковы, Соболевы, Ильины будутъ посылать свои экипажи въ Европу, наши Шредеръ и Беккеръ устроятъ магазины въ Вѣнѣ и Парижѣ и т. д. Руководясь такими взглядами, авторъ естественно, весьма встревоженъ тѣмъ, что «наше финансовое управленіе поставило своимъ идеаломъ, рано или поздно, возстановить въ Россіи металлическое обращеніе». «Неужели возможно спрашиваетъ онъ въ испугѣ, чтобы рубль опять сталъ 4 франка какъ это было когда-то? Неужели кто-нибудь, любящій свою родину, можетъ желать стать на дорогѣ ея начавшемуся экономическому возрожденію?». Авторъ, вообще, большой оптимистъ; для него, напримѣръ, крайне низкія цѣны на хлѣбъ—положительное благодѣяніе. Онъ сладко мечтаетъ о томъ, какъ нашъ народъ, не имѣя возможности продать свою пшеницу и рожь, будетъ есть первую самъ, а вторую—скармливать скоту, какъ онъ будетъ вывозить вмѣсто хлѣба масло, сало, скоть, свиней. сыръ, будетъ будетъ ѣсть, наконецъ, говядину самъ, какъ установится правильный обмѣнъ между промышленнымъ сѣверомъ и сельско-хозяйственнымъ югомъ и т. д. Короче сказать, чѣмъ болѣе у насъ будетъ бумажекъ и чѣмъ ниже будетъ стоять наша валюта, тѣмъ лучше и выгоднѣе для народа, и по этому рецепту остается только спускать помаленьку Россію къ банкротству, чтобы достигнуть ея высшаго процвѣтанія... Можно было-бы думать, что все это не что иное, какъ иронія, если-бы имя издателя «Руси» не давало достаточной гарантіи, что сказанное—сказано вполне искренно»...

И въ самомъ дѣлѣ, что-же это такое—галлюцинаціи или ка-

кое-то гипнотическое писаніе? Мы допускаемъ, что г. Талицкій можетъ имѣть какія ему угодно «деревенскія мысли», но вѣдь г. Аксакову, какъ редактору, обязательно думать по городскому. Ему обязательно знать и о международныхъ сношеніяхъ и о международномъ рынкѣ и о международномъ производствѣ, обязательно знать, что выражаетъ собою курсъ и какъ отражается на карманѣ перваго производителя, если за трудъ, который стоитъ ему одинъ рубль, ему платятъ 60 копѣекъ. То, что говоритъ г. Талицкій, даже вовсе и не ново: такъ давно разсуждаютъ «націоналисты» и «самобытники» изъ землевладѣльцевъ и мелкихъ кулаковъ. Только вопросъ въ томъ, будетъ-ли нашъ крестьянинъ ѣсть самъ свою пшеницу, а рожью кормить скотъ, если при полномъ упадкѣ рубля мы совсѣмъ закроемъ свои порты отъ Европы. Увлекаясь маниловскими мечтами, г. Талицкій перебрасываетъ мостъ между «промышленнымъ сѣверомъ» и «сельскохозяйственнымъ югомъ» и съ умиленіемъ смотритъ, какъ плывутъ караваны съ хлѣбомъ на сѣверъ, а съ сѣвера плывутъ караваны на югъ... но съ чѣмъ? Ужъ конечно не съ тѣми 206.021,245 р. которые намъ нужны для платежей по займамъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, показаннымъ въ государственной росписи на 1884 годъ. Г. Талицкій или точнѣе г. Аксаковъ и публицисты «Руси» серьезно думаютъ, что если мы оградимся стѣною отъ запада, то сейчасъ же поумнѣемъ и разбогатѣемъ. Кажется за этой стѣной мы уже высидѣли 800 лѣтъ до Петра Великаго. Право довольно и порабы насъ пощадить отъ этой тюрьмы. Въ деревни г. Талицкому можетъ быть это не такъ замѣтно, но вотъ что говоритъ министръ финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, сопровождающемъ государственную роспись. Одна изъ причинъ приостановки роста государственныхъ доходовъ въ 1883 г. и затрудненій испытанныхъ промышленностью и торговлею—кроется въ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, вызванномъ соперничествомъ Америки и Индіи, выбивающей насъ съ европейскихъ рынковъ. Это соперничество вызвало застой въ нашей хлѣбной торговлѣ, застой сократилъ денежныя полученія, уменьшеніе денегъ у землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ заставило ихъ уменьшить покупки мануфактурныхъ произведеній, уменьшеніе сбыта вынудило сократить мануфактурное и другія промышленныя производства, сокращеніе производствъ потребовало уменьшенія числа рабочихъ, и такимъ образомъ только небольшое уменьшеніе нашихъ сношеній съ Европой вызвало состояніе близкое къ промышленному и сельскохозяйственному кризису. Что-же случится съ Россіей, если гг. Аксаковъ и Талицкій выстроятъ глухую китайскую стѣну? Имъ сейчасъ рисуется мостъ, перекину-

тый съ сѣвера на югъ и взаимно текущее благосостояніе и богатство, при которомъ крестьяне ничего больше не дѣлаютъ, какъ ѣдятъ пшеничныя булѣи, а скотъ—печеные ржанна хлѣбы съ солью. Но случается-ли это? Изъ того-же доклада министра финансовъ мы узнаемъ, что хотя послѣдствія измѣненій, сдѣланныхъ къ тарифѣ въ 1882 г. и усилилъ вывозъ русскихъ издѣлій за границу, и вмѣстѣ съ тѣмъ «возникло не мало новыхъ предпріятій и получили большее развитіе уже существующія», но «съ сожалѣнію, должно признать, что покровительство, оказанное производству, способствовало доселѣ водворенію новыхъ отраслей промышленности болѣе на окраинахъ, чѣмъ въ средоточіи Россіи, и что не всѣ покровительствуемыя отрасли производства довели цѣны своихъ произведеній до умѣренныхъ размѣровъ». Перевѣдя этотъ осторожный и сдержанный языкъ министра финансовъ на обыкновенную рѣчь, пришлось-бы сказать, что покровительство, о которомъ такъ хлопочатъ, кромѣ гг. Аксакова и Талицкого, каменноугольные и всякіе другіе промышленники, прикрываясь флагомъ «націонализма», привело къ результатамъ обратнымъ. Собственно русская промышленность не возникла, или, какъ выражается министръ финансовъ, новыя отрасли не водворились въ средоточіи, а водворились онѣ на окраинахъ, т. е., благодаря паденію курса и поднятому тарифу, «на окраины» или главнѣе преимущественно въ привислянскихъ губерніяхъ явились нѣмцы изъ-за границы и построили разныя фабрики. При чемъ-же тутъ наша «самобытность» и «національность», когда льготами, предоставляемыми русскимъ промышленникамъ, они не пользуются, имъ пользуются ими какъ разъ тѣ самыя нѣмцы, противъ которыхъ ведется походъ. Но этого мало. Спрашивается еще, для чего дѣлается поощреніе «національной» промышленности? Конечно, для общей національной выгоды. Гдѣ-же эта выгода, когда «поощренные» промышленники немедленно-же стали продавать все дороже, чѣмъ до поощренія, или какъ и опять деликатно выражается министръ финансовъ: «не всѣ покровительствуемыя отрасли производства довели цѣны своихъ произведеній до умѣренныхъ размѣровъ». Въ сущности, значитъ неумѣренные размѣры барышей, поощренныхъ промышленниковъ, и на этотъ разъ, конечно, нѣмецъ, нарочно пріѣхавшихъ въ Россію за ними, были собраны по пословицѣ «съ міру по ниткѣ». Нѣмцы собрали русскія копѣйки и превратили ихъ въ нѣмецкія марки и положили къ себѣ въ карманъ, а мы изобразили изъ себя дѣтушекъ, которымъ преподнесли гороховый кисель:

«Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!»

Этого-ли хотятъ «искренніе» политики націонализма, превращающаго его въ нашу государственную программу. И чѣмъ прежнія основныя понятія оказались хуже? Говорятъ, что ими маскировались «капиталистическія» тенденціи, а народу доставался «овсяный кисель», но развѣ «національное» направленіе что-нибудь измѣнило и капиталистическіе аппетиты чего-нибудь испугались или устыдились? Ничего этого не случилось и не случится, а явилась только двойственность въ основахъ, руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ, и утраченное единство отразилось на кутермѣ понятій и противорѣчающихъ поступкахъ. Мы устанавливаемъ только фактъ и не вдаемся въ философію начала всѣхъ началъ. Для общественнаго сознанія пока совершенно достаточно, что мы находимся въ моментѣ полубразованія и что только это полубразованіе и причиною, что нащупывая основныя, руководящія идеи, мы можемъ такъ быстро и рѣзко разстаться съ одною и ухватиться за другую—точно перчатки мѣняемъ. Эта перемѣна идей не ограничивается только тѣмъ, что вы сегодня читаете въ газетѣ одно, а завтра въ той-же газетѣ читаете совсѣмъ противоположное, не ограничивается одними деревенскими «мыслями»; рядомъ съ мыслями идутъ такіе поступки и эксперименты, что, напримѣръ, закрываются фабрики, что жизнь становится для всѣхъ дороже, никто не увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ, никто не чувствуетъ своей воли и каждого закручивать какой-то вихрь. Нужно думать, что если бы поколѣніе «шестидесятниковъ», ставшее въ эти двадцать-пять лѣтъ у всѣхъ дѣль, не отошло отъ общихъ освободительныхъ идей, на которыхъ оно росло, то ничего-бы этого не было и ничего не приходилось поправлять. Приведу вотъ какой фактъ въ доказательство

На сѣверѣ Россіи, въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, существуютъ совсѣмъ особыя формы землевладѣнія, уже пережитыя средней Россіей. «Здѣсь очень часто случается, говорить г. Приклонскій («Народная жизнь на сѣверѣ»), что лѣсная земля состоитъ во владѣніи цѣлой группы селеній, нераздѣльно пользующихся ею для разработки подсѣкъ. Въ то-же время, часть постоянныхъ угодій періодически передѣляется между крестьянами каждаго отдѣльнаго селенія этой группы, а другая часть угодій никогда не подвергалась передѣлу и остается въ личномъ владѣніи крестьянъ. Есть и такія мѣстности, гдѣ еще ни разу не бывало общественнаго передѣла постоянныхъ угодій. Но, не смотря на такое видимое разнообразіе формъ землевладѣнія, общинное владѣніе въ собственномъ смыслѣ можно назвать преобладающимъ типомъ, подъ который болѣе или менѣе удачно и близко подогнаны остальные формы, уцѣлѣвшія изъ древности...» «Чаще всего

волостное владѣніе уживается рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ и такъ приспособляется къ нему, что оба сливаются между собою почти до безразличія. Въ этомъ случаѣ постоянныя угодья принадлежатъ каждому селенію отдѣльно, а лѣсъ остается въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлой группы селеній. Иной разъ случается, что не только лѣсъ, но и покосы остаются въ волостномъ владѣніи и кое-гдѣ, какъ на примѣръ, въ Туксинскомъ обществѣ, выработана даже волостная организація труда для эксплуатаціи сѣнокосовъ. Все это показываетъ, замѣчаетъ г. Приклонскій, что волостное владѣніе отличается чрезвычайною способностію приспособляться къ разнообразнымъ условіямъ, развиваться и совершенствоваться». Эта способность волостнаго владѣнія къ приспособленію и видоизмѣненію побуждаетъ желать сохраненія поземельной волостной организаціи, но, къ сожалѣнію, ее стали разрушать искусственно, выдачей владѣнныхъ записей на отдѣльныя селенія. Волостное владѣніе не капризъ, не выдумка «глупыхъ» мужиковъ, не понимающихъ, что для нихъ лучше; оно сложилось исторически, оно одно изъ переходныхъ культурныхъ формъ, неизбѣжныхъ и неустранимыхъ и необходимыхъ для сѣвера еще и въ настоящее время и только по этому и существующихъ. Не понадобится оно народу—исчезнетъ и само, теперь же оно служитъ не только для уравнинія земли, но и для заселенія края, потому что при волостномъ владѣніи не можетъ встрѣтиться никакихъ препятствій для переселенія крестьянъ изъ малоземельныхъ деревень въ многоземельныя для образованія починковъ и выселковъ. Стоитъ только обвести чертой каждую отдѣльную деревню, что-бы это культурное движеніе остановилось и жизнь застыла. Кромѣ этой главной особенности сѣвера, въ его аграрныхъ понятіяхъ есть еще не мало мелкихъ особенностей въ его представленіи о собственности, о куплѣ и продажѣ, о правѣ выкупа, которыя во многомъ и до сихъ поръ не изслѣдованы и неопредѣлены. Однимъ словомъ, это такой «чужой монастырь», куда-бы или совсѣмъ не слѣдовало входить съ «своимъ уставомъ», или по крайней мѣрѣ съ очень большою осторожностію. И это было тѣмъ легче, что общій принципъ свободы, положенный въ основаніи всѣхъ реформъ именно требовалъ возможнаго устраненія всякаго вмѣшательства. Это былъ наиболѣе разумный принципъ, при которомъ только и было возможно устраненіе ошибокъ, происходящихъ отъ незнанія. Но петербургское и московское руководящее общественное мнѣніе, не усвоившее достаточно основной принципъ реформъ, считало себя вѣроятно безошибочнѣе культурно-исторической логики народа. Воспитавшись на крѣпостныхъ

порядкахъ средней Россіи, оно хотѣло поправить ими «ошибки» сѣвера, и изъ Петербурга явились землемѣры съ инструкціями и жестоко переломали сѣверную волостную общину владѣнными записями по селеніямъ. Теперь кажется, уже поняли эту ошибку, а инструкціи измѣнены. Но мы говоримъ не о частностяхъ, а объ основахъ общественныхъ отношеній и о тѣхъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ, которыя происходятъ отъ неопредѣленности принциповъ и недостаточно сознательнаго къ нимъ отношенія. Принципъ свободы и невмѣшательства до сихъ поръ былъ у насъ только красивой фразой, тогда какъ главная его практическая сущность заключается въ томъ, что онъ спасаетъ не только отъ ошибокъ, иногда неисправимыхъ, но и отъ необходимости передѣлокъ. До сихъ-же поръ у насъ практиковался другой порядокъ. Сошлюсь опять на сѣверъ, о которомъ существуютъ у насъ самыя смутныя знанія: можно даже сказать, что мы о немъ ровно ничего не знаемъ. Утонувшій въ громадныхъ лѣсахъ и болотахъ, онъ и до сихъ поръ изображаетъ собою какую-то первобытную страну, въ которой все иначе, все непохоже на среднюю Россію безлѣсную, безболотную, тѣсную и выработавшую себѣ точную физиономію подъ давленіемъ крѣпостнаго права. Казалось-бы, что такой своеобразный край прежде всего нужно изучать, а если онъ не извѣстенъ, то предоставить ему возможность самому установить гармонію отношеній, устраняя только помѣхи; всякое-же точное, опредѣленное, положительное дѣйствіе, основанное на незнаніи или знаніи, взятомъ со стороны, уже никакъ-бы не должно имѣть мѣсто. Вѣдь были-же мы недовольны, что къ намъ пересаживались цѣликомъ нѣмецкіе порядки. Но развѣ для сѣвера порядки, взятые цѣликомъ изъ средней Россіи, не тѣ-же нѣмецкіе порядки? И развѣ мы не такъ-же поступаемъ со всѣми нашими окраинами, постоянно покушаясь превратить и Сибирь, и Кавказъ, и Малороссію, и Новороссію, и западныя губерніи въ среднюю Россію? Что-же отъ этого происходитъ? А то, что подъ скороспѣлымъ вліяніемъ минуты, мы обобщаемъ какую-нибудь частность, напутаемъ, напортиемъ, разстроимъ цѣлый край—или, какъ въ Архангельской губерніи, примемъ всѣ мѣры къ уничтоженію волостнаго владѣнія землею, а затѣмъ начинаемъ поощрять образованіе новыхъ поселковъ, разрѣшаемъ свободныя переселенія на пустыя мѣста и право дѣлать лѣсныя расчистки, которыя только что стѣсняли, или стараемся насадить культуру, которую сами уничтожили.

Можетъ быть еще никогда не было такъ нужно установить общіе основы нашихъ внутреннихъ отношеній, какъ нынче и утвердить въ чистотѣ идеи шестидесятыхъ годовъ, недостаточно усвоен-

ныя «шестидесятниками», ставшими практическими ихъ осуществителями. Въ вѣрности этого заключенія можно еще разъ убѣдиться по поводу нападокъ на новые суды. Отъ частныхъ споръ перешель къ основаніямъ и смутилъ многихъ слабыхъ и нетвердыхъ. Намъ недавно пришлось слышать челоувѣка ужъ немолодого, изъ новыхъ и еще писателя, сбитаго съ толку газетными нападками на теперешніе суды. Какъ-же легко сбить тѣхъ, мысль которыхъ не прошла солидной школы освободительныхъ идей шестидесятыхъ годовъ, и росла на поколебавшихся понятіяхъ болѣе близкаго къ намъ времени. Изъ послѣднихъ судебныхъ случаевъ, давшихъ поводъ къ нападеамъ не только на суды, но даже на «общественную совѣсть», послужило оправданіе родственниковъ Мельницкаго и оправданіе Свиридова. Но «общественную совѣсть» нельзя судить изъ редакціоннаго кабинета, когда самъ не сидѣлъ на судѣ, или на скамьѣ присяжныхъ. Тутъ нужно не осуждать судъ или присяжныхъ, а понять ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ передъ вами разбирается дѣло родственниковъ Мельницкаго; они неоспоримые укрыватели, но вѣдь они его сыновья, дочери, родные! Что подсказала-бы вамъ ваша общественная совѣсть, если-бы сынъ и дочь явились доносчиками на отца? И не изъ чугуна-же присяжные, это живые люди, которые лучше могутъ понять драму, происходящую передъ ихъ глазами, чѣмъ тѣ, которые ея не видятъ и пишутъ на основаніи фактовъ «очищенныхъ» отъ «несущественныхъ» подробностей. Сплошь и рядомъ именно эти несущественныя подробности и служатъ основаніемъ для оправданія, которое обыкновенно встрѣчается публикой одобреніемъ, а суровые приговоры судовъ всегда производятъ подавляющее впечатлѣніе. Такова уже наша славянская, прощающая натура и нашъ взглядъ на уголовную судьбу, взглядъ фаталистическій, но выработавшійся исторически и, между прочимъ, очень мѣтко выражаемый поговоркой: «отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся». Вотъ, на примѣръ, такой фактъ. Въ прошедшемъ году, въ одномъ изъ провинціальныхъ судовъ, не припомнимъ какомъ, судился за убійство крестьянинъ Пичугинъ, бѣжавшій изъ каторжной работы. Предъ зрителями стоялъ высокій мужчина, брюнетъ, отличающійся атлетическимъ тѣлосложеніемъ. На судѣ онъ объявилъ, что изъ Сибири шель цѣлые 2 съ пол. года, терпѣлъ и голодъ, и холодъ во все это время. Въ Сибирь онъ сосланъ былъ по приговору симбирскаго окружнаго суда за убійство, на 17 лѣтъ въ каторжныя работы. Годъ проработалъ онъ, а потомъ тоска по родинѣ, семействѣ, наконецъ, тяжелое положеніе каторжника, вообще, вынудили его бѣжать изъ Сибири. На родинѣ онъ прожилъ всего

нѣсколько мѣсяцевъ и убилъ писаря, вслѣдствіе ссоры съ нимъ. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ онъ рассказывалъ суду очень спокойно. — «Взялъ я ножъ, говорилъ онъ, — да и пырнулъ ему прямо въ пузо, такъ что кишки иида вывалились у него изъ нутра-то. Больно ужъ онъ меня раздосадовалъ!» Вердиктомъ присяжныхъ онъ признанъ виновнымъ въ совершеніи убійства, безъ всякаго снисхожденія. На этомъ основаніи, судъ приговорилъ его: съ причисленіемъ прежнихъ 16 лѣтъ, по приговору симбирскаго окружнаго суда, еще на 16 лѣтъ въ каторжныя работы, съ тѣмъ, чтобы, по прибытіи на мѣсто каторги, ему дано было 80 ударовъ плетми.

Довольны вы этимъ приговоромъ или-же чувствуете, что въ этомъ дѣлѣ что-то не досказано, есть что-то умолчанное, что въ темпераментѣ Пичугина чувствуется кака-то «судьба». И это-же почувствовала и публика. Когда предсѣдатель прочелъ резолюцію, то многіе изъ публики плакали, особенно дамы. Плакали и родственники осужденнаго, въ числѣ которыхъ находились его три взрослыхъ сына и дочь, дѣвочка лѣтъ 12—13. Этой послѣдней въ публикѣ собрано было около десяти рублей.

Есть случаи еще менѣе ясныя, при которыхъ происходитъ какая-то тайная нравственная борьба между судомъ и присяжными. Въ тамбовскомъ судѣ судилась крестьянка за истязаніе малолѣтней падчерицы. На рѣшеніе присяжныхъ былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: виновна-ли подсудимая въ томъ, что наносила постоянные побои своей падчерицѣ и искусила ей пальцы, чѣмъ причиняла продолжительныя и жестокия мученія? Присяжные дали слѣдующій отвѣтъ: «Да, виновна, но истязаній не причиняла». Тогда предсѣдательствующій разъяснилъ присяжнымъ, что въ вопросѣ, поставленномъ имъ судомъ, слова «истязанія» не значится, а потому они и не имѣли основанія отвергать этотъ признакъ. Тогда присяжные измѣнили отвѣтъ такимъ образомъ: «да виновна, но *постоянныхъ* побоевъ не наносила, пальцевъ не кусала и мученій не причиняла». На основаніи этого вердикта судъ призналъ подсудимую виновною въ нанесеніи падчерицѣ легкихъ побоевъ, но такъ какъ потерпѣвшая жила при отцѣ, которому и принадлежало право возбужденія преслѣдованія—чего въ данномъ случаѣ не было,—то обвиняемую наказанію не подвергать.

Или въ Калугѣ былъ случай, когда присяжныхъ спросили, виновенъ-ли такой-то въ кражѣ, а они отвѣтили: «да, виновенъ, но безъ намѣренія». А сколько такихъ случаевъ, когда передъ судомъ фигурируютъ положительно невинные. Вотъ, напримѣръ, въ камерѣ петербургскаго мирового судьи обвиняется въ нарушеніи паспортнаго устава мѣщанка Степанова.

- Степанова будете? спрашиваетъ ее судья.
- Сте...е...е...панова, отвѣтаетъ обвиняемая.
- Больны вы?
- Еле, еле хожу.
- Сколько вамъ лѣтъ?
- Не помню.
- А родились въ которомъ году?
- Вотъ, когда французъ въ Москву пришелъ, такъ я тоже дѣйствовала ..

Мнѣ тогда было 22 года...

- Значить, вамъ 93 года?
- Должно быть такъ.
- Васъ полиція обвиняетъ за непрописку паспорта...
- Да когда не на что прописаться...
- Денегъ, значить, нѣтъ?
- Ёсть нечего—хоть умереть бы,—плачетъ Степанова.
- Полиція на васъ еще штрафъ въ два рубля наложила,—продолжаетъ судья.
- Христось съ ней! Гдѣ я ихъ возьму?

Мировой судьи, разрѣшая дѣло по убѣжденію своей совѣсти, постановилъ: Степанову отъ суда освободить, а штрафъ, полиціей наложенный,—сложить.

- Значить, ничего не будетъ?—спрашиваетъ Степанова.
- Ничего... Стушай, бабушка, съ Богомъ,—говоритъ судья.

Степанова, тутъ-же упала передъ образомъ на колѣни. Публика обступила ее и стала давать ей деньги.

Или, напримѣръ, такія дѣла, которыя поступаютъ въ окружныя суды вслѣдствіе привиллегій. Такъ дворянамъ предоставлено право судиться за простыя кражи не у мировыхъ судей, а судомъ присяжныхъ, т. е. въ случаѣ обвинительнаго приговора подвергаться лишенію правъ состояній. Отъ этой «привиллегіи» возникаютъ напримѣръ такія дѣла. Въ прошедшемъ году, по словамъ «Южнаго Края», въ харьковскомъ судѣ присяжные засѣдатели судили одного мальчика-дворянина за кражу голубя, стоящаго копѣекъ восемьдесятъ, а старика-пропойцу—за похищеніе кусочка цвѣтнаго коврика, стоимостью тоже въ нѣсколько копѣекъ. Въ сентябрѣ, въ томъ-же харьковскомъ окружномъ судѣ, разсматривалось подобное-же дѣло, еще съ большею характерностью и яркостью. Дворянинъ Макаровъ обвинялся въ похищеніи у какой-то акушерки 8 папирось. «Преступнику» этому лѣтъ 13 и онъ съ марта (т. е. 4 мѣсяца) находится подъ стражею. Мѣра эта, говорятъ, вызвана тѣмъ, что его неоднократно судили за воровство.

Или, во время министерства графа Палена, судебныя уставы были дополнены постановленіями, уничтожающими коренное свойство мирового судопроизводства—безвозмездности. Результаты этого сейчасъ-же сказались уменьшеніемъ дѣлъ у мировымъ судей. «Уменьшеніе это, говоритъ «Русскій Курьеръ», главнымъ образомъ отразилось на интересахъ малосостоятельныхъ лицъ, въ осо-

бенности нуждающихся въ правосудіи. Для рабочаго класса, напр., вынужденнаго очень часто у насъ, въ Москвѣ обращаться къ содѣйствию суда, для огражденія отъ притѣсненій со стороны нанимателей, въ видѣ неуплаты заработанныхъ денегъ или задержанія паспортовъ,—требованіе уплаты пошлинъ при самой подачѣ исковаго прошенія или заявленія словесной жалобы является почти равносильнымъ отказу въ правосудіи. Рабочему, обращающемуся къ суду съ подобною просьбою, въ большинствѣ случаевъ, не только негдѣ взять тѣхъ десяти копѣекъ, которыя обязательно для него представить за исковое заявленіе, но даже неначто и прокормиться до удовлетворенія его просьбы. А между тѣмъ, правила о взиманіи пошлинъ и сборовъ предоставляютъ мировому судѣ или совѣмъ освобождать отъ нихъ неимущихъ тяжущихся, или же взыскивать ихъ въ послѣдствіи по рѣшеніи дѣла. Подобное допускаемое закономъ исключеніе не можетъ, по нашему мнѣнію, найти болѣе правильнаго и справедливаго примѣненія, какъ именно въ дѣлахъ рабочихъ съ нанимателями. Установленіе такого порядка, въ особенности у насъ, въ столицѣ, гдѣ жизнь крайне дорога, не только не противорѣчило-бы основнымъ принципамъ нашихъ знаменитыхъ судебныхъ уставовъ, а напротивъ, вполне согласовалось бы съ ними доставленіемъ для всѣхъ слоевъ населенія суда скорого и доступнаго.

Эти отрывочные факты мы привели для того, чтобы показать, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать неудовлетворительности нашихъ судовъ. Но газеты, подкапывающіяся подъ судъ, дѣлаютъ совсѣмъ не то. Обрушиваясь сначала только на 'судей, они въ послѣднее время ушли такъ далеко, что стали уже отрицать «компетенцію общественной совѣсти», иначе сказать самый институтъ присяжныхъ. И главный поводъ къ этому дало оправданіе Свиридова. Но позвольте, господа, вѣрно-ли вы оцѣнили общественную совѣсть присяжныхъ, были вы сами на судѣ, извѣстно вамъ, что побудило присяжныхъ постановить оправдательный вердиктъ, слышали вы ихъ совѣщаніе, извѣстно вамъ о чемъ они препирались цѣлый часъ, прежде чѣмъ вынести свой приговоръ? Ключъ къ отвѣту на эти вопросы даютъ частію «Русскія Вѣдомости», въ которыхъ мы находимъ вотъ что: «Присяжные засѣдатели, послѣ часового совѣщанія, на вопросы о доказанности произведенныхъ Свиридовымъ растратъ, каждая на сумму свыше 300 р. отвѣчали утвердительно; на вопросы-же о виновности всѣхъ обвиняемыхъ дали отрицательные отвѣты. Многочисленная публика, какъ одинъ человекъ, разразилась аплодисментами и криками: «Браво! Прекрасно! Справедливо!» -- Чему вы рукоплещете?

спросилъ я своего сосѣда, старика лѣтъ 60-ти.—Справедливости, выраженной свободно. 14 мѣсяцевъ назадъ, насъ собрали въ общее собраніе членовъ общества взаимнаго кредита, рассказали о растратѣ, не позволили сказать никому изъ членовъ ни единого слова; заставили только насъ молча рукоплескать риторикѣ г. Эйсмана и потомъ кричали, что наши бараны апплодисменты были выраженіемъ общественнаго мнѣнія! Какъ-же! Вотъ оно гдѣ общественное мнѣніе, здѣсь! Совѣтъ присяжныхъ высказалась здѣсь совершенно свободно, безъ угрозъ, безъ подкупа. Не виновень! Почему? Потому что всѣ виновны!» Мѣй собесѣдникъ, говорить корреспондентъ, оказался человѣкомъ съ высшимъ образованіемъ и въ большихъ чинахъ... Между присяжными, старшина и значительная часть присяжныхъ состоятъ членами общества взаимнаго кредита.»

Присяжные не отвергли растраты, они только измѣнили центръ тяжести обвиненія, умолчавъ, на кого его слѣдуетъ перенести, потому что это не входило въ ихъ компетенцію. Подобныхъ незаконченныхъ дѣлъ въ нашихъ судахъ не мало, присяжные отвѣчаютъ лишь вполнину, потому что цѣлаго отвѣта отъ нихъ никто не спрашиваетъ. Въ этихъ случаяхъ именно и сказывается полнѣе всего общественная совѣсть, не позволяющая кинуть камень обвиненія въ одного, когда онъ ведется фатальнымъ образомъ, всей обстановкой, въ которой дѣйствуетъ къ общественному правонарушенію. Что-же въ такомъ случаѣ дѣлать? Ужь, конечно, только не то, что дѣлала наша печать, очутившаяся въ комическомъ положеніи Собакевича, тыкавшего вилкой въ маленькую рыбку. Всѣ накинулись на г. Мищенко, бывшего старшиной присяжныхъ, и «Кіевлянинъ» позволилъ себѣ даже сказать, что послѣ вердикта присяжныхъ по дѣлу Свиридова, «нельзя посылать своихъ сыновей слушать лекціи» у такого профессора, какъ г. Мищенко. Но это были только «слова», а скоро г. Мищенко пришлось испытать на себѣ и поступки. Онъ обратился въ кіевское общество взаимнаго кредита—то самое, которое десять лѣтъ не видѣло и не знало, что дѣлаетъ у него Свиридовъ,—съ просьбой о выдачѣ ссуды подъ залогъ дома, хотя въ выдачѣ ссуды не представлялось рѣшительно никакихъ препятствій, но послѣдовалъ отказъ только потому, что Свиридовъ былъ оправданъ. Мы не знаемъ, насколько вѣрны эти слухи, но вполнѣ согласны съ общими соображеніями, высказанными по поводу ихъ «Русскими Вѣдомостями». «Одна мысль о томъ, говорить газета, что присяжные при постановкѣ вердиктовъ должны будутъ впредь руководствоваться не внушеніемъ своей совѣсти, не выводами своего вну-

тренняго убѣжденія, а сторонними соображеніями о томъ впечатлѣніи, которое можетъ вердиктъ ихъ произвестъ на то или другое лицо, способна исказить въ самомъ корнѣ это учрежденіе. Оно неминуемо превратится въ смѣшную пародію, какъ только утратитъ свое величайше достоинство и незамѣнимое преимущество, которое состоитъ въ томъ, что вердикты его внушаются свободнымъ голосомъ чистой совѣсти».

Дѣйствительно, страшное дѣло, если присяжнымъ придется поддѣлываться къ мнѣніямъ, а не слушаться только своего нравственнаго убѣжденія. Въ большихъ центрахъ, какъ Петербургъ, Москва, давленію частныхъ мнѣній обнаружится довольно трудно, но въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, давно прославившіяся своими дѣльцами и воротилами, сказать, если не прямо, то хотя косвенно, «это вы господа виноваты въ безобразіяхъ нашего общественнаго управленія» — будетъ рискованно и опасно. Спасти достоинство и независимость суда въ настоящемъ случаѣ можно только однимъ: взыскать съ присяжныхъ, позволившихъ себѣ огласку того, что происходило на совѣщаніи, ибо вмѣсто того, чтобы гордымъ молчаніемъ отвѣтить на крики кіевскихъ воротилъ, присяжные унизили себя до косвеннаго оправданія въ газетахъ. Это фактъ наиболѣе грустный и печальный, еще болѣе подтверждающій нашу мысль о томъ, что, выступая въ роли общественныхъ дѣятелей, мы, руки великихъ идей, служившихъ основаніемъ реформъ, стоимъ ниже своего дѣла, а представители теперешней газетной печати являютъ образчики такой общественной непроницательности, которую въ лучшемъ случаѣ можно объяснить только недостаточнымъ ихъ образованіемъ. Голодный и ищущій ждетъ хлѣба, и ему даютъ камень. Какое-же общественное мнѣніе можетъ образоваться въ такой школѣ, и чему научится подрастающая интеллигенція, которая смѣнить дѣйствующее въ настоящее время поколѣніе? Въ особенности вопросъ этотъ не мѣшало-бы предложить себѣ газетнымъ представителямъ національности и самобытности, которые, и между ними больше всего «Русь», кормятъ алчущихъ и жаждущихъ камнями. Одинъ изъ студентовъ кіевской духовной академіи (г. Ростовскій) написалъ недавно кандидатское сочиненіе на тему: «Секта штундистовъ въ южно-русскихъ епархіяхъ». Авторъ, между прочимъ, задаетъ себѣ вопросъ: отчего это малорусскій народъ искони преданный православію, вдругъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ заразился раціоналистическимъ ученіемъ. По его мнѣнію, въ данномъ случаѣ играло первенствующую роль освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Послѣ 19-го февраля 1861 г. народъ «почувствовалъ свою личность, понялъ

прелестъ духовной жизни и свободы»; у него явились новые вопросы и потребности; а между тѣмъ духовенство не было подготовлено къ отвѣтамъ на эти вопросы. По сосѣдству съ малорусскимъ населеніемъ оказались нѣмецкіе колонисты, анабаптисты и менониты. Такимъ образомъ, религіозная судьба значительной доли малорусскаго населенія была рѣшена: они дѣлаются сектаторами.

Совершенно также поступила съ русскою жизнію не только собственно народной, но и вообще, дѣйствующая практическая интеллигенція, она стала не поддержкой новымъ стремленіямъ освобожденной жизни, а препятствіемъ; у нея не нашлось ни отвѣтовъ, ни разрѣшеній, ни знаній, ни образованія. Во всѣхъ случаяхъ, требующихъ практическихъ разрѣшеній она поступала совершенно такъ же, какъ поступали со штундою кievскія свѣтскія и духовныя власти.

Какой же выходъ изъ всего этого. Признаемся, что при всемъ теоретическомъ убѣжденіи въ томъ, что тьма всегда смѣняется свѣтомъ, что даже самое грубое невѣжество не было никогда въ состояніи остановить прогрессивнаго роста общества, мы не видимъ скорого выхода изъ того момента полуобразованія, въ которомъ находится наша дѣйствующая печать и наша дѣйствующая практическая интеллигенція. Мы знаемъ только, что это полуобразование, безсильное передъ теоретическими и практическими задачами жизни, можетъ внести въ нее много ошибокъ, на примѣры которыхъ мы частію указали; она можетъ проявиться даже въ такихъ злобѣщихъ фактахъ, какъ напримѣръ отношеніе кievскаго «общественнаго» мнѣнія къ суду надъ Свиридовымъ. Единственное, что пока можно желаетъ, — чтобы для воспитанія общественнаго мнѣнія у насъ явились новые газетные органы, съ болѣе высокимъ уровнемъ пониманія общественныхъ интересовъ и вообще съ высшимъ уровнемъ образованія и мысли, чѣмъ печать дѣйствующая, или ужь слишкомъ оппортунистская или слишкомъ оттягивающая внизу

Н. Ш.

Туманные стороны английской политики.

(Политическая и социальная хроника).

I.

Новый годъ начался въ Англии довольно мрачнымъ образомъ. Судя по отчетамъ метеорологическихъ станцій, густой туманъ обволакивалъ страну, подобно обширному, пропитанному сыростью, савану. Такое зрѣлище, въ началѣ года, многимъ внушило печальныя предчувствія. Уже 1883 годъ получилъ названіе «сѣраго года», какое-же прозвище ожидаетъ 1884-й? Прошлый годъ можно было упрекнуть въ томъ, что онъ не породилъ ни одной великой реформы, ни одного великаго дѣянія, и при томъ никогда еще, въ теченіи всего нынѣшняго вѣка, не погибало на эшафотѣ такого количества жертвъ. Но, можетъ быть, результатомъ этихъ суровыхъ мѣръ явилось спокойствіе и палачь уступить, наконецъ, мѣсто реформатору?

На этотъ вопросъ послѣдили отвѣтити событія. Первый день новаго года ознаменовался большимъ и весьма кровавымъ побоищемъ между оранжистами и націоналистами. Обѣ соперничающія партіи созвали одновременно митингъ *monstre* въ Дэнморѣ, въ тиронскомъ графствѣ. Оранжисты распорядились какъ нельзя лучше. Ни разу еще, за послѣднія десять лѣтъ, не видѣли въ Уольстерѣ болѣе многочисленнаго собранія подъ открытымъ небомъ. За двадцать миль въ окружности собрались сюда толпы почтенныхъ, но нѣсколько приверженныхъ къ насилію англичанъ, во всемъ блескѣ организаціи: со знаменами, значками, шарфами, палками, съ камнями въ карманахъ и даже съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Не менѣе расположенные къ дракѣ, не менѣе склонные, въ сущности, къ насилію, но несравненно болѣе осторожные, націоналисты рѣшили отказаться отъ всякихъ иныхъ виѣшнихъ знаковъ, кромѣ зеленой ленточки на шляпахъ и въ петлицахъ, и явились безъ знаменъ, безъ музыки. Глядя на иныхъ, можно было принять ихъ

за ягнать предъ лицомъ голодныхъ волковъ. Это была, во всякомъ случаѣ, тактика весьма искусная и обезпечивающая за ними общественное сочувствіе.

Кромѣ этихъ двухъ враждебныхъ группъ, на сценѣ была и третья. Предвидя неизбежное столкновение между оранжистами и націоналистами, гражданскія и военныя власти приняли всевозможныя мѣры предосторожности. Около тысячи человѣкъ пѣхоты, столько-же констэблей, два гусарскихъ эскадрона поставлены было на ноги. Оранжистскій митингъ долженъ былъ собраться за-городомъ, націоналистскій въ самомъ городѣ, на противоположномъ концѣ его, и чтобы помѣшать встрѣтиться обѣимъ партіямъ, всѣ центральныя пути сообщенія были заняты войсками. Но эти мѣры оказались бесполезными.

Постановивъ рѣшеніе, порицающее правительство за то, что оно «дозволило гомерулерамъ устраивать мятежныя сходбища въ графствѣ Уольстеръ», оранжисты выстроились въ колонну, обошли городъ и, разстроивъ этимъ планъ властей, скоро очутились лицомъ къ лицу со своими противниками. Столкновение произошло на лугу и было ужасно. Дѣятельное участіе въ драгѣ принимали со стороны оранжистовъ полковникъ Стурдъ Кноксъ—президентъ митинга, подполковникъ Лоури, маіоръ Стаундерсонъ, виконтъ Коль, графъ Каледонъ. Парламентъ имѣлъ въ ней также блестящихъ представителей: виконта Крихтона, сэра Макортнея, лорда Джорджа Гамильтона, лорда Клавдія Гамильтона, маіора Бересфорда. Даже представители магистратуры не задумались вмѣшаться въ свалку цѣлою группою, первое мѣсто въ которой занимали: маіоръ Везей, маіоръ Ошиплэкъ и другіе.

Драка продолжалась уже съ полчаса и должна была окончиться печально для націоналистовъ, такъ какъ ихъ было всего двѣ тысячи противъ двадцати тысячъ оранжистовъ. Наконецъ, среди криковъ сражающихся раздается отдаленный топотъ кавалерійскихъ эскадроновъ. Гусары атакуютъ нѣсколько разъ, подъ градомъ камней, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ. Пѣхота и полиція подоспѣваютъ въ свою очередь. Каждый дѣйствуетъ самымъ либеральнымъ образомъ,—кто штыкомъ, кто саблею, кто палкою. Обмѣнялись и пистолетными выстрѣлами. На свою бѣду, войска арестовали нѣсколько человѣкъ: тогда оранжисты и націоналисты мгновенно соединились, чтобы освободить арестованныхъ, и утихавшая уже борьба возобновилась съ новымъ остервеніемъ. Подкрѣпленія становились необходимыми. Внезапное появленіе на полѣ сраженія уланскаго эскадрона рѣшило дѣло, и власти удержали за собою поле сраженія, на которомъ оказалось не мало жертвъ. Насчиты-

вають до пятидесяти пострадавшихъ, и изъ нихъ человекъ шесть весьма тяжело раненныхъ. Двое умерло на другой-же день.

Это происшествіе даетъ понятіе о настроеніи умовъ. Страсти возбуждены болѣе, чѣмъ когда-либо.

Важнѣйшій изъ стоящихъ на очереди вопросовъ есть вопросъ объ избирательной реформѣ. Въ концѣ прошлаго года, по этому поводу возникла большая агитація, и 2,500 делегатовъ отъ 500 радикальныхъ обществъ съѣхались въ Лидсѣ для обсужденія этой реформы.

Лидскій съѣздъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Джонъ Морлей, принялъ, послѣ весьма оживленныхъ и страстныхъ преній, три важныя рѣшенія. Первое изъ нихъ подтверждало необходимость поставить на очередь, въ первую-же сессію, избирательную реформу. Второе требовало уравниенія въ правахъ городовъ и деревень. Въ 1867 году условія ценза были понижены для мѣстечекъ, — въ настоящую минуту дѣло идетъ о предоставленіи такихъ-же преимуществъ и сельскимъ обществамъ. Этотъ шагъ по направленію къ полному уравниенію въ широкой мѣрѣ увеличить число подающихъ голосъ, и такимъ образомъ демократія перестанетъ быть въ Англіи однимъ пустымъ словомъ, пріобрѣтя въ свои руки мощное оружіе для борьбы съ аристократіей. Третье рѣшеніе имѣло въ виду новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, являющееся прямымъ слѣдствіемъ расширенія права подачи голоса. Избирательная карта Великобританіи представляетъ цѣлый рядъ неожиданностей для всякаго, кому дороги логика и справедливость. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для единогласнаго избранія депутата нужно не болѣе 142 голосовъ; въ другихъ округахъ на одного депутата приходится болѣе 20,000 избирателей. Такія-же странныя несообразности представляютъ и права на избираемость: въ одномъ англійскомъ или шотландскомъ мѣстечкѣ достаточно для этого занимать цѣлый домъ, а въ Ирландіи этотъ домъ долженъ приносить по крайней мѣрѣ сто франковъ годового дохода. Большое разнообразіе замѣчается и въ способахъ выборовъ. Въ однихъ мѣстностяхъ выборы происходятъ по спискамъ, въ другихъ они — поименные.

Не подлежитъ сомнѣнію, что билль, болѣе или менѣе отвѣчающій этимъ требованіямъ, будетъ представленъ палатѣ немедленно по ея созваніи и, въ противоположность прежнимъ, этотъ билль будетъ касаться всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствъ, то-есть не будетъ исключать Ирландію. Консерваторы не преминули возвѣстить заранее о томъ, какой пріемъ они готовятъ столь важному преобразованію. Въ особенности-же они намѣреваются соеди-

нить всѣ свои усилія противъ статьи о распространеніи расширенія избирательнаго права и на Ирландію. Въ этомъ отношеніи, тори несомнѣнно рассчитываютъ на разногласія, существующія въ либеральной партіи, и будутъ оказывать сопротивление до послѣдней крайности, то-есть воспользуются своимъ несомнѣннымъ и непоколебимымъ большинствомъ въ палатѣ лордовъ, чтобы отвергнуть предложенную мѣру. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, это столкновеніе могло-бы разрѣшиться только однимъ способомъ, а именно, обращеніемъ къ странѣ путемъ общихъ выборовъ. Но это врядъ-ли возможно. Нельзя отрицать, что въ ирландскомъ вопросѣ Гладстонъ идетъ гораздо дальше большинства англійскихъ избирателей и, слѣдовательно, едва-ли можетъ рассчитывать на ихъ поддержку, если-бы пришлось распустить палату и произвести новые выборы. По всей вѣроятности, онъ принужденъ будетъ въ концѣ-концовъ уступить, и избирательная реформа отправится въ долгій ящикъ, гдѣ уже лежитъ такъ много другихъ реформъ, отвергнутыхъ лордами.

Впрочемъ, реформа будетъ только отложена, а пока ирландская агитация можетъ лишь выиграть отъ этого, и популярность Парнелля увѣнчается новымъ престижемъ. Эта популярность несомнѣнно возрасла въ теченіи прошедшаго года. На него обращено всеобщее вниманіе и самые враждебные органы преклоняются предъ его несомнѣннымъ могуществомъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ своихъ «Times» дала портретъ знаменитаго агитатора, и если это изображеніе не совсѣмъ лестно, во всякомъ случаѣ оно знаменательно. «Всегда неблагоразумно», замѣчаетъ органъ лондонскаго Сити, «цѣнить противника ниже его дѣйствительной стоимости, и дарованія Парнелля, если и не бросаются въ глаза, то безъ сомнѣнія, значительны. Онъ не выказалъ ни одного блестящаго или привлекательнаго качества въ своей общественной дѣятельности; онъ рѣшительно лишенъ ораторскаго дара, и въ его безцвѣтныхъ рѣчахъ мысль очень рѣдко прорѣзываетъ массу общихъ мѣстъ, ихъ наполняющихъ. Но его политическій тактъ, его полное хладнокровіе, презрѣніе къ общественному мнѣнію, неразборчивость, которая можетъ сравниться развѣ съ безцеремонностью какого-нибудь Наполеона,—все это даетъ ему большое преимущество не только надъ англійскими противниками, неспособными руководствоваться подобными политическими правилами, но и надъ его товарищами, которые не въ силахъ съ нимъ соперничать, по крайней мѣрѣ въ парламентѣ, по недостатку въ нихъ самообладанія, терпѣнія и хитрости».

Другія газеты относятся къ нему еще строже. Недавно «Pall

Mall Gazette не признавала за Парнелемъ «ни краснорѣчія, ни ума, ни энтузіазма, ни обаянія выдающейся личности, ни престижа высокаго общественнаго положенія». Въмѣстѣ съ тѣмъ Парнелль одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ палаты общинъ и его дебютъ въ парламентѣ не только оказался неудачнымъ, но оставилъ рѣшительно неблагоприятное впечатлѣніе въ умахъ тѣхъ, кто избралъ его своимъ борцемъ. Нѣкоторые вожди партіи гомерулеровъ относились къ нему съ недовѣріемъ; не разъ онъ вредилъ себѣ или тѣмъ, что было имъ высказано, или тѣмъ, что онъ отказывался ссазать, а между тѣмъ, этотъ человекъ достигъ, въ настоящую минуту, апогея своего могущества и популярности.

Ирландія поднесла ему національный подарокъ, — значительную сумму денегъ, — и во время банкета по этому случаю Парнелль высказалъ свои надежды и свою программу. Положеніе его слишкомъ сильно, мѣры слишкомъ цѣлесообразны, успѣхъ кажется ему слишкомъ обезпеченнымъ, для того, чтобы онъ давалъ себѣ трудъ скрывать это. Ирландская партія увѣрена, что на будущихъ выборахъ удвоить силы, которыми располагаетъ въ нижней палатѣ, и тогда, имѣя въ своемъ распоряженіи 84 голоса, она можетъ держать въ рукахъ все министерство. Англій придется подписать условія, которыя продиктуетъ ей Ирландія.

Условія эти формулированы заранѣе. Отъ нея потребуютъ отказа отъ эмиграціи, этого плачевнаго средства для облегченія нищеты, отмѣны исключительныхъ законовъ, нѣкоторыхъ уступокъ, касающихся мѣстнаго самоуправленія. Это будетъ только первою ступенью. Остальное придетъ въ свое время, и это остальное, истинная цѣль, которая преслѣдуются давно, — національная независимость съ отдѣльнымъ парламентомъ.

Но чтобы получить точное опредѣленіе того, что гомерулеры разумѣютъ подъ именемъ независимости Ирландіи, необходимо выйти изъ предѣловъ парламента. На своихъ собраніяхъ, въ особенности въ Америкѣ, гдѣ ораторы высказываются совершенно свободно, они, не колеблясь, заявляютъ, что «не удовлетворятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено послѣднее звено, связующее Ирландію съ Англійей». Но это еще не все. Для того, чтобы Англія знала, въ какія отношенія станетъ къ ней новообразовавшееся государство, одинъ изъ адъютантовъ Парнелля, Секстонъ, публично заявляетъ, что между Англійей и Ирландіей существуетъ только одно преобладающее и неизмѣнное чувство, а именно — ненависть».

Послѣднія репрессивныя мѣры могли только усилить ее. Не успѣло извѣстіе о смерти О'Доннелля дойти до Нью-Йорка, какъ

уже феніанское общество этого города собралось на *mass meeting* въ Кларендонъ-Галлѣ и единогласно вотировало самыя недвусмысленныя резолюціи, изъ которыхъ приводимъ слѣдующее: «Мы, члены мангаттанскаго общества феніанскаго братства, обращаемся къ ирландцамъ всего міра... Мы клянемся напрягать нашу энергію до той минуты, пока не раздавимъ врага, обращающаго въ ничто законы цивилизаціи, и не перестанемъ искать средствъ для уничтоженія этого врага до той поры, пока Ирландія не освободится отъ него своей почвой».

Далѣе профессоръ и мануфактуристъ, полурусскій, полуамериканецъ, Месровъ, попросилъ слова и сказалъ: «Что вы мнѣ дадите за то, чтобы я съегъ Лондонъ, сверху до низу? Если ирландскіе фермеры Соединенныхъ Штатовъ захотятъ помочь мнѣ и этимъ исполнять свой долгъ, то въ 1884 году камня на камнѣ не останется отъ этого логовища аристократовъ и кровопійцъ Ирландіи, которое зовется Лондономъ».

Послѣдовали продолжительныя рукоплесканія. Затѣмъ говорилъ О'Донованъ Росса, который заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Англійскому народу извѣстно, что еслибы мы могли, мы готовы были-бы схватить и низринуть на страну его все пламя ада; но черезъ нѣсколько дней вы увидите, что Ирландія не одна ведетъ борьбу противъ Англіи. Тронъ ея разлетится въ дребезги и обломки ея короны разсыяны будутъ на всѣ четыре поднебесные вѣтра!»

Изъ этого видно, каково положеніе вещей. Англія не можетъ усмирить Ирландію силою, что она уже много разъ пыталась сдѣлать; она не желаетъ также согласиться на ея требованія. Дѣлаются только полууступки, вырываемыя съ большимъ трудомъ у палаты лордовъ. А такъ какъ этимъ мѣрамъ недостаетъ необходимой послѣдовательности, такъ какъ онѣ не связаны во-едино никакимъ общимъ планомъ, то онѣ и остаются безсильными и не даютъ ожидаемаго результата, производя лишь всеобщее недовольство.

Какъ-бы то ни было, можно предвидѣть день, когда у Ирландіи будетъ свой парламентъ, который кончитъ тѣмъ, что осуществитъ политическое отдѣленіе этихъ двухъ острововъ. Какъ продолжительна будетъ борьба и какими она будетъ сопровождаться конвульсіями—это, конечно, трудно предсказать. Но несомнѣнно то, что эта вчерашняя утопія уже и теперь является въ видѣ неизбѣжной дѣйствительности.

Конечно, это весьма печальная перспектива для ирландофобовъ и глубокое униженіе для британской гордости. Тѣмъ не менѣе съ этимъ придется примириться. Зато тѣ, кто такъ злоупотре-

треблялъ ученіемъ о неизбѣжно жестокихъ требованіяхъ политики, узнають и другую не менѣ несомнѣнную истину, а именно, что эти «жестокія требованія» часто влекутъ за собою очень жестокія шреватности.

II.

Главный предметъ заботъ англійскаго правительства составляетъ, однако, въ настоящую минуту, не Ирландія и не парламентская борьба предстоящей сессіи, а египетскій вопросъ, менѣ рѣшенный и болѣе затруднительный, чѣмъ когда-либо.

Истребленіе арміи Гисса-паши имѣло слѣдствіемъ не только потерю двухъ суданскихъ провинцій, но нанесло самый серьезный ущербъ англійскому господству на берегахъ Нила. Но прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе этихъ послѣдствій, напомнимъ печальныя перипетіи этой пагубной экспедиціи.

Она была рѣшена въ началѣ прошедшаго года. Подъ покровомъ усмиренія Судана, имѣлось, на самомъ дѣлѣ, въ виду открыть чрезъ Египетъ путь въ центральную Африку. Проектъ разбивался на три статьи: 1) Приучить, прежде всего Суакимскій портъ на Красномъ морѣ къ присутствію англійскихъ судовъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ англійскій военный корабль постоянно возвращался къ Суакиму, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ: 2) Провести желѣзную дорогу изъ Суакима къ Берберу, на правомъ берегу Нила, и при первомъ удобномъ случаѣ занять Суакимъ. Проекты и смѣты этой желѣзной дороги давно уже находятся въ рукахъ египетскаго правительства. 3) По усмиреніи Судана, путемъ-ли вооруженной силы, или, въ случаѣ необходимости, посредствомъ сдѣлки съ махди, ввѣрить управленіе краемъ англійскому сановнику, впредь до новыхъ распоряженій, смотря по обстоятельствамъ, которыя представятся. Такой сановникъ былъ уже намѣченъ, а именно—генераль Гиксъ.

Въ Египтѣ эти намѣренія Англіи были ясны для всѣхъ. Правительство хедива весьма отчетливо сознавало ихъ; но протекторатъ, которому приходилось подчиняться, до такой степени разстроилъ всѣ его пружины и уничтожилъ силу сопротивленія, что его самого вовлекли въ экспедицію, которая, какъ онъ былъ въ томъ увѣренъ ранѣе, обернется противъ него самого. Ни въ одной «Синей Книгѣ» не появятся цифры громаднхъ жертвъ задуманной и руководившейся Англіей экспедиціи. Есть вопросы, которые единодушно замалчиваются и англійской печатью и англійскою трибуною. Но, за отсутствіемъ официальныхъ документовъ, можно

составить себѣ понятіе объ этихъ затратахъ уже по тому одному, что дѣйствительный составъ арміи простирался до 11,000 чело-вѣкъ, 8,000 верблюдовъ, 5,000 лошадей и 4 артиллерійскихъ бат-тарей, изъ которыхъ одна была вооружена крупновскими пушками и 6-ю митральезами.

Командовавшій экспедиціей генераль Гиксъ былъ получавшимъ пенсію полковникомъ англо-индійской арміи и незадолго предъ тѣмъ поступилъ на египетскую службу. Главный штабъ его состо-ялъ изъ двѣнадцати европейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ двухъ нѣмцевъ, — остальные были англичане. Три журналиста со-провождали экспедиціонный корпусъ: корреспондентъ «Daily News», О'Донованъ, корреспондентъ лондонскаго иллюстрированнаго жур-нала «Graphic» и корреспондентъ одного также иллюстрирован-наго нѣмецкаго изданія.

Малоизвѣстный марабутъ, противъ котораго повелъ свою ар-мію генераль Гиксъ, казалось, ни по происхожденію, ни по образо-ванію не былъ созданъ для такой чести. Подобно большей части му-сульманскихъ религіозныхъ агитаторовъ, суданскій махди вышелъ изъ бѣднаго и незнатнаго семейства. Отецъ его занимался плот-ничьимъ ремесломъ въ селеніи провинціи Донгола. Обремененный многочисленнымъ семействомъ, онъ отдалъ меньшаго сына своего Мохамеда-Ахмеда въ ученье къ кожевнику, дядѣ его Шерифъ-Эль-Дину, жившему въ Сеннарѣ. Не отличавшійся мягкостью нра-ва, дядя поколачивалъ племянника. Юный Мохамедъ-Ахмедъ, который и есть нынѣшній махди, въ одинъ прекрасный день бѣжалъ въ Хартумъ, гдѣ поступилъ въ школу къ одному знамени-тому дервишу того края. Школа эта принадлежала къ числу тѣхъ духовныхъ учрежденій, которыхъ такъ много въ мусуль-манскомъ мірѣ. Здѣсь будущій пророкъ выучился читать, писать и научился толковать коранъ. Позднѣе онъ былъ ученикомъ дру-гихъ дервишей и, наконецъ, применилъ къ славившемуся въ Кенхѣ учителю, по имени Нуръ-Эль-Дину (свѣтъ вѣры). Въ 1870 г. онъ былъ принятъ въ братство дервишей. Тогда онъ удалился на Нильскій островокъ Аббу, близъ Кенха, и вырылъ себѣ тамъ пе-щеру, куда уходилъ по временамъ, чтобъ предаваться всякаго рода благочестивымъ упражненіямъ: молитвѣ, посту, восторжен-ной неподвижности и проч.

Вѣсть о его святой жизни быстро разнеслась по странѣ; онъ сталъ собирать вокругъ себя учениковъ и, чтобы усилить къ себѣ уваженіе, взялъ въ жены четырехъ дочерей именитыхъ лю-дей. Довольно, повидимому, вѣтренный, но строго чтущій коранъ, не разрѣшающій своимъ вѣрнымъ большаго количества женъ, онъ,

отъ-времени-до-времени, разводился съ ними и вступалъ въ новыя союзы.

До сихъ поръ, Мохамедъ-Ахмедъ довольствовался ролью святаго и ничѣмъ не обнаруживалъ своего позднѣйшаго призванія. Но вдругъ, къ концу 1881 г. на него сошла божья благодать и онъ немедленно извѣстилъ всѣхъ знакомыхъ ему дервишей, что ему явился Магометъ и указалъ на него, какъ на обѣщаннаго имъ пророка, реформатора ислама, который введетъ всеобщее равенство, равныя для всѣхъ права, мировую религію и общность имущества. Нѣсколько человекъ отозвалось на его призывъ. Онъ подтверждалъ свою миссію нѣкоторыми признаками: именемъ своимъ, тѣмъ, что правая рука его была длиннѣе лѣвой, шрамомъ на правой щекѣ и тому подобнымъ. Нашлись, однако, и скептики, въ томъ числѣ одинъ изъ самыхъ ученыхъ и вліятельныхъ въ Донголѣ шейховъ, Мохамедъ-Салей. Получивъ приказъ собрать адептовъ и присоединиться къ нему близъ Аббы, современный Ома Невѣрный объявилъ его съумасшедшимъ и отправилъ его посланіе египетскому правительству. Реуфъ-паша, бывшій въ то время суданскимъ губернаторомъ, приказалъ Мохамеду явиться въ Хартумъ, а такъ какъ онъ отказывался повиноваться, то отправленъ былъ на пароходѣ вооруженный отрядъ, чтобы арестовать пророка. Но для чего-же и быть пророкомъ, если васъ могутъ схватить, какъ перваго встрѣчнаго? Люди, которымъ поручено было арестовать его, нашли его окруженнымъ толпою вѣрныхъ, встрѣтившею ихъ какъ нельзя хуже, такъ что ни одинъ изъ губернаторскихъ солдатъ не остался въ живыхъ. Вторая такая-же миссія не имѣла лучшей участи. Эти успѣхи привлекли къ мятежнику большое число сторонниковъ.

Дойдя до южной части Кордофана, онъ овладѣлъ нѣсколькими селеніями въ окрестностяхъ Обейды, учредилъ тамъ *джеммâу* (собраніе) и сталъ открыто проповѣдывать возстаніе противъ власти хедива. Возбужденное имъ движеніе сдѣлалось вскорѣ такимъ грознымъ, что въ мартѣ 1882 г. Юсуфъ-паша принужденъ былъ выслать противъ него 3,000-ный корпусъ съ 1,000-ю верблюдомъ. Но, между тѣмъ какъ экспедиція плыла вверхъ по Нилу, дружественное махди племя произвело внезапное нападеніе на городъ Сеннаръ, лежащій на разстояніи десяти дней пути къ юго-востоку отъ Хартума и привело въ ужасъ этотъ городъ. Такъ началъ свою дѣятельность Мохамедъ-Ахмедъ, новый махди. Въ качествѣ махди, то-есть божьяго вѣстника, онъ въ сентябрѣ истекшаго года разослалъ всѣмъ египетскимъ шейхамъ прокламацію, призывая ихъ «къ войнѣ противъ невѣрныхъ турокъ».

Это воззваніе произвело такое впечатлѣніе, что египетское правительство нашло нужнымъ обратиться къ ученымъ самой знаменитой изъ исламическихъ богословскихъ школъ, а именно Эль-Ацарской, съ цѣлью получить фетву (постановленіе), которая бы разрушила вліяніе лжепророка.

Прежде всего надлежало рѣшить, дѣйствительно-ли слѣдуетъ ожидать появленія махди, посланнаго Богомъ и покровительствуемаго Магометомъ, въ видахъ поддержанія истинной вѣры и борьбы съ невѣрными. Второй вопросъ касался способовъ опредѣленія истиннаго махди. Третій, наконецъ, заключался въ томъ, чтобы узнать: отвѣчаетъ-ли этому опредѣленію Мохамедъ-Ахмедъ. На первый вопросъ фетва не колеблясь отвѣчала утвердительно. Наиболѣе уважаемыя духовныя книги подтверждаютъ появленіе новаго пророка. «Этотъ пророкъ, говорится въ фетвѣ, — выйдетъ изъ Медины и бѣжить по направленію къ Меккѣ».

Высокіе представители народа признаютъ его махди. Это провозглашеніе произойдетъ между Рекомъ и Эль-Мокономъ, послѣ смерти царствующаго тогда калифа и послѣ большого совѣщанія, созваннаго для назначенія другого калифа. Тогда захотятъ предложить этотъ титулъ махди, но онъ откажется отъ него, вмѣсто того, чтобы призывать людей къ дарованію ему титула калифа. Изъ всѣхъ этихъ признаковъ ни одинъ не можетъ быть примѣненъ къ суданскому лже-махди, слѣдовательно, онъ и не долженъ считаться ожидаемымъ пророкомъ. Истинный махди явится только послѣ смерти калифа.

«Всѣмъ извѣстно, что нынѣшній калифъ (т. е. султанъ) былъ провозглашенъ именитыми людьми народа, князьями, учеными и всѣмъ населеніемъ мусульманскихъ странъ. Слѣдовательно, невозможно провозгласить другого, пока онъ существуетъ». Опровергнувъ, такимъ образомъ, завѣренія «обманщика», фетва приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Итакъ лже-махди солгалъ, а великій пророкъ сказалъ: «Тотъ, кто лжетъ съ «предумышленіемъ», свергнутъ будетъ въ огонь навѣки». Этотъ каноническій приговоръ надъ главою мятежниковъ былъ розданъ мусульманамъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Должно полагать, что въ настоящее время многіе изъ авторовъ этого документа были-бы очень не прочь взять назадъ свою подпись.

Я ничего не сказалъ, и не безъ причины, о наружности пророка. Говорятъ, что онъ средняго роста, очень худъ, съ прекрасною черною бородою. Но, я полагаю, что тѣ, кто нарисовалъ этотъ его портретъ, такъ-же много знаютъ объ оригиналѣ, какъ и я. Прибавляютъ, что онъ въ высочайшей степени обладаетъ

даромъ примирять враждующія племена и привлекать ихъ на свою сторону.

Если мы не имѣемъ удовольствія быть лично знакомыми съ махди, то, по крайней мѣрѣ, имѣли случай встрѣчать того, кого онъ сдѣлалъ своимъ адъютантомъ и кто имѣетъ на него большое вліяніе. Это французъ, по имени Суліэ. Сынъ алжирской уроженки, онъ, повидимому, сохранилъ въ своихъ жилахъ значительную долю африканскаго зноя, порождающаго пламенное воображеніе. Въ 1870 г. онъ только-что вышелъ изъ лица, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ. Онъ записался въ волонтеры и принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Это былъ въ то время красивый юноша, лѣтъ 18-ти, невысокаго роста, но стройный, съ черными, огненными глазами и увлекательною рѣчью. Онъ питалъ къ нѣмцамъ глубокую ненависть, которая не могла, однако, сравниться съ его нелюбовью къ англичанамъ. По его мнѣнію, именно англичане причинили Франціи столько зла. Бисмаркъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, только ихъ орудіемъ. Ихъ макіавеллистическая дипломатія воспользовалась Германіей для того, чтобы насъ уничтожить.

Позднѣе Суліэ поступилъ въ горное училище, а оттуда, въ 1876 г., въ школу правовѣдѣнія. Въ его бесѣдахъ и письмахъ замѣчалась постоянная идѣе fixe: война съ Англійей. Онъ неустанно возвращался къ этому предмету: «Delenda Britannia», говорилъ онъ, перефразируя слова Катона. Возвратившись въ Алжиръ, онъ однажды исчезъ. Его семейство искало его повсюду. Наконецъ, мать получаетъ отъ него письмо, присланное изъ лагеря Араби. Во время кампаніи онъ имѣлъ случай познакомиться съ махди, въ Обейдѣ, и когда увидѣлъ, что Египетъ и Араби—въ рукахъ враговъ его, англичанъ, онъ направляется въ глубину степи, къ Хартуму. Тамъ онъ вступаетъ въ сношенія съ марабутами, и когда Мохамедъ-Ахмедъ вышелъ изъ своей ещеры, чтобъ объявить священную войну, Суліэ привѣтствовалъ его съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ ранѣе встрѣтилъ Араби-Пашу.

III.

Выступивъ въ походъ въ февралѣ 1883 г., экспедиціонный корпусъ генерала Гикса пришелъ въ Хартумъ въ началѣ марта. Въ это время махди занималъ Кордофанъ и Обейду, грозя самому Хартуму, такъ какъ силы его были сосредоточены вдоль береговъ Бѣлаго Нила. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ приготовленіяхъ; было и нѣсколько небольшихъ стычекъ, въ которыхъ англичане приписывали себѣ побѣду. Серьезныя военныя дѣй-

ствія должны были начаться только въ сентябрѣ. Въ назначенный срокъ весь обозъ и запасы сосредоточены были въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ Омдурманѣ, противъ Хартума. Лошади, мулы, верблюды, водоёмы, провіантъ, все было готово. 8-го сентября генераль Гиксъ дѣлалъ смотръ всему экспедиціонному корпусу въ полной походной формѣ. Въ тотъ-же день первый батальонъ вышелъ изъ укрѣпленнаго лагеря. 24-го прибылъ онъ въ Дуэмъ, послѣ чрезвычайно труднаго перехода. Начиная съ 10 часовъ утра, жаръ становился нестерпимымъ. Шли степью, гдѣ, кромѣ песковъ, видѣлись только небольшіе колючіе кустарники. Только разъ увидѣли оазисъ, съ травою и нѣсколькими зелеными деревьями, да гряду невысокихъ холмовъ. Это было единственнымъ отдыхомъ въ теченіи двѣнадцати дней пути, а впереди ожидали еще болѣе тяжкія испытанія.

Прусскій майоръ Зекедорфъ, этотъ превосходный офицеръ, приводившій въ удивленіе и остолбенѣніе арабовъ своимъ высокимъ ростомъ и храбростью, писалъ на другой день одному изъ своихъ пріятелей: «мы пришли въ Дуэмъ, укрѣпленный постъ, на берегу Нила, который и будетъ служить намъ операціоннымъ базисомъ. Могу васъ увѣрить, что ничего пріятнаго насъ не ожидаетъ. Лжепророкъ приготовляетъ намъ тяжелыя затрудненія. Онъ располагаетъ пятнадцатью тысячами хорошихъ ружей, заряжающихся съ казенной части, и четырнадцатью пушками. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи два укрѣпленныхъ города: Обейду и Бору; сверхъ того, у него имѣется многочисленная и превосходная кавалерія, а каждый изъ его людей, благодаря фанатизму, сдѣлался героемъ, чего мы не можемъ сказать о нашихъ солдатахъ.

«Мнѣ пришлось набюхать египтянъ въ трехъ сраженіяхъ, и я знаю, что надо чертовски долго искать, чтобъ найти, въ ихъ рядахъ храбреца. Къ тому-же ощущается недостатокъ въ водѣ: всѣ колодцы на нашемъ пути были уничтожены; мы принуждены покинуть берега Нила, а другихъ рѣкъ не предвидится. Мы можемъ взять съ собою воды только на одни сутки, и это еще хорошо, такъ какъ у насъ одиннадцать тысячъ человѣкъ и восемь тысячъ верблюдовъ, не считая лошадей и муловъ». Къ этому перечисленію слѣдовало-бы еще прибавить личную свиту офицеровъ, которые забирали по дорогѣ все, что могли. У майора, на примѣръ, было три лошади, семь верблюдовъ, корова его, по имени Роза, и любимая собака, кличкой Кремеръ. Послѣдней фразою его письма было: «Если Богу угодно, мы будемъ въ Обейдѣ чрезъ пять недѣль... если не умремъ до той поры отъ жажды». Вопросъ о продовольствіи также не представлялъ ничего успокоительнаго. «Суда

по извѣстіямъ, полученнымъ сегодня», прибавлялъ тотъ-же маіоръ въ *post scriptum*ѣ, «въ Кордофанѣ и теперь уже не имѣется достаточнаго для жителей количества съѣстныхъ припасовъ. Что же будетъ, когда придетъ туда вся масса нашихъ войскъ?» И далѣе: «Все еще можетъ уладиться, если наша кавалерія своевременно извѣститъ насъ объ атакаѣ арабовъ. Но если имъ удастся застигнуть насъ въ расплохъ, то можно ожидать всего худшаго, и если мы будемъ разбиты хоть разъ, ни одинъ человѣкъ изъ нашей арміи не вернется; затѣмъ мятежъ вспыхнетъ по всему Судану; Хартумъ будетъ потерянь, и тогда люди крѣпко убѣдятся, что лжепророкъ—самый настоящій пророкъ».

Не у одного маіора Зекендорфа были мрачныя предчувствія; они повторяются и въ письмѣ О'Донована, корреспондента «Daily News», къ одному знакомому. О'Донованъ предпринималъ для своей гезеты уже восьмой походъ, и, слѣдовательно, деморализовать его было не легко. «Пишу эти строки», сообщалъ онъ, «при такихъ условіяхъ, которыя ставятъ меня такъ близко къ смерти, какъ только возможно, если человѣкъ не находится наканунѣ казни или не боленъ смертельно болѣзною. Ближайшее извѣстіе, которое получитъ вами изъ этой части свѣта, очень можетъ быть, увѣдомитъ васъ, что и меня постигла участь всякой плоти; но если мнѣ суждено быть проткнутымъ копьемъ, шириною въ лопату, и умереть отъ этого, то и это предпочель-бы я медленному и постепенному умиранію, которому подвергаются здѣсь столь многіе люди. Мы находимся на разстояніи 1.500 миль отъ Каира, среди дикой, неизслѣдованной мѣстности; египетскую армію, при которой я нахожусь на берегахъ Нила, ожидаетъ только одна перспектива—ужасающей битвы въ открытомъ полѣ. Непрiятель, котораго мы имѣемъ предъ собою, такой-же дерзкій, такой-же жестокій, какъ зулусы, съ тѣмъ различіемъ, что онъ лучше вооруженъ, между тѣмъ какъ наша армія та самая, которая обратилась въ бѣгство при Тель-Эль-Кэбирѣ предъ горстью англійскихъ солдатъ. Мы принуждены двигаться постоянно сомкнувшись въ карѣ, имѣя посрединѣ нашъ багажъ и нашихъ верблюдовъ, безпрестанно опасаясь внезапнаго нападенія непріятельской кавалеріи, и такимъ образомъ мы можемъ дѣлать въ день не болѣе 10 миль, тѣмъ болѣе, что стоятъ сильныя жары.

«Намъ нужно четыре дня, чтобы добраться отъ одного колодца до другого, и когда мы достигаемъ мѣста, гдѣ ожидали получить воду, находимъ колодцы наполненными камнями, землю и даже трупами людей и верблюдовъ; тогда приходится скакать назадъ, оттуда мы только что пришли, имѣя съ фланговъ непріятельскую

кавалерію, всегда готовую воспользоваться случаемъ для атаки. Ты знаешь, что многолѣтній опытъ ознакомилъ меня со всякаго рода опасностями, даже совершенно экстренными, но могу тебя увѣрить, что и для меня ужасно имѣть предъ собою всѣ эти смертельныя опасности, вдали отъ цивилизованнаго міра, при условіяхъ, когда нельзя ждать пощады, и въ обществѣ мокрыхъ куртъ, ежеминутно готовыхъ обращаться въ бѣгство и покинуть васъ въ самую роковую минуту». Таковы послѣднія прамія извѣстія, которыя были получены изъ египетскаго экспедиціоннаго корпуса. Письмо помѣчено было 10 октября.

Между тѣмъ какъ армія Гикса-паши проникала все глубже въ степь, непріятель постоянно отступалъ. Только 3 ноября, въ окрестностяхъ Обеиды, войска махди выказали готовность къ битвѣ. Они состояли, судя по официальнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Каира, изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились дервиши, бедуины, мулаты и регулярные солдаты: мы уже видѣли, что большая часть послѣднихъ имѣла хорошія ружья. При началѣ сраженія, дервиши ходили предъ фронтомъ, объявляя, что махди побѣдитъ, съ помощью Бога. Затѣмъ регулярныя войска лжепророка начали атаку. Сперва успѣхъ былъ на оборонѣ египтянъ, но завлеченные въ ущелье, именуемое Касгатъ, они попали въ приготовленную тамъ засаду. Условія мѣстности не позволили солдатамъ Гикса-паши сохранить свой боевой порядокъ. Они должны были сражаться небольшими кучками, которыя окружались арабами. Положеніе арміи было таково, что она не могла пользоваться своими пушками. Египетскіе солдаты, надъ которыми прежде такъ много смѣялись европейцы, вели неравномѣрную битву цѣлыхъ три дня. Вся египетская армія была перебита, за исключеніемъ нѣмца-рисовальщика и погонщика верблюдовъ Мехмета-Али. Изъ всего генеральнаго штаба, Гиксъ-паша палъ послѣднимъ.

Послѣ сраженія солдаты махди подобрали 150 раненыхъ египтянъ. Отданъ былъ приказъ обращаться съ ними хорошо. Головы убитыхъ офицеровъ генеральнаго штаба были отрѣзаны и затѣмъ воткнуты надъ главными воротами Эль-Обейды. Араби рѣшили поставить памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ генераль Гиксъ, чтобы отдать должное военной доблести своего врага.

Махди не разсчитываетъ ограничиться завоеваніемъ Судана. Онъ намѣревается перебросить свои фанатическіе легіоны изъ пустыни въ Египетъ. Онъ хочетъ также наложить руку на Мекку

и Медину. Въ маѣ прошедшаго года, въ благодарственномъ письмѣ къ вадайскому султану, приславшему ему оружіе и боевыя снаряды, Мохамедъ - Ахмедъ говорилъ: «Возстановивъ престолъ мой въ Кагирѣ (Каирѣ), я перенесу въ Аравію мечъ вѣрн, вложенный въ правую руку мою пророкомъ, для защиты его ученія. Я буду молиться въ Мединѣ, на гробницѣ пророка, объ обращеніи невѣрныхъ, и сдѣлаю этотъ городъ своею резиденціей, какъ стражъ этой святой гробницы. Я желаю посвятить остатокъ дней моихъ служенію Магомету, имя котораго ношу я, недостойный рабъ его, и тамъ, вблизи отъ его праха, избрать жилище души моея для вѣчнаго покоя».

Замѣтите, что 1301 г. мусульманской гиждры (эры), годъ, на который указываютъ астрологи, пророки и мусульманскіе кабалисты, какъ на начало славной и побѣдоносной эры для ислама, начался именно 2 ноября (первый день магометанскаго мѣсяца могарема), то-есть въ тотъ день, когда началось сраженіе, уничтожившее всею армію Гикса-паши. Вотъ совпаденіе, которое не преминетъ вызвать въ мірѣ мусульманъ большое волненіе. Всѣ съ восторгомъ будутъ привѣтствовать новую звѣзду, возсіявшую надъ Суданомъ, и стануть ждаты отъ побѣдоноснаго махди возстановленія въ Мединѣ калифата, во всемъ его древнемъ блескѣ и могуществѣ.

Такая случайность едва-ли понравится константинопольскому султану, правамъ котораго на титулъ калифа грозитъ теперь серьезная опасность. Султаны *фактически* носятъ этотъ титулъ только съ 22 октября 1517 г., т. е. со дня вступленія въ Каиръ побѣдоносной арміи Селима I и паденія послѣдняго египетскаго калифа, а *по праву*—только съ 4 декабря того-же года, съ того дня, когда Сслимъ I послалъ великому визирю гатти-шерифъ, въ которомъ объявлялъ ему, что вмѣстѣ съ властью, землями и войсками калифа, онъ принимаетъ и титулъ его. Несмотря на все это, не безъ труда удалось побѣдителю заставить признать за собой этотъ титулъ. Уважаемые специалисты магометанскаго каноническаго права находили, что недостаточно обладать двумя священными городами, но необходимо быть еще и истиннымъ сыномъ Измаила, то-есть арабомъ. Знаменитый комментаторъ шейхъ Абдаллахъ утверждаетъ это въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ «Море свѣта». «Путеводитель вѣрнаго» и «Рай и Мечъ», авторы которыхъ не менѣе авторитетны, выражаютъ такое-же мнѣніе. Эти ученые толкователи увѣряютъ также, что калифъ долженъ имѣть свою резиденцію или въ Меккѣ, или въ Дамаскѣ.

Само собою разумѣется, что въ этомъ, какъ и во всѣхъ про-

чихъ дѣлахъ, истина, въ концѣ-концовъ, очутится на сторонѣ меча.

IV.

Суданскія событія, какъ легко можно себѣ представить, произвели потрясающее впечатлѣніе въ Лондонѣ. Къ тому-же, извѣстіе о пораженіи получено было вслѣдъ за ложнымъ слухомъ, сообщавшимъ, что генераль Гиксъ одержалъ блистательную побѣду и занялъ своими войсками Обеиду. Въ первую минуту думали только о размѣрахъ этой ужасающей гекатомбы. «Перерѣзано около пятнадцати тысячъ человѣческихъ существъ, и остался въ живыхъ, какъ въ легендѣ, только одинъ человѣкъ, для подтвержденія участи, постигшей остальныхъ. И въ числѣ этихъ мертвыхъ—до тридцати англійскихъ офицеровъ, имѣвшихъ друзей во всей англійской арміи и еще вчера стоявшихъ въ рядахъ, на службѣ старой Англій». Въ такомъ тонѣ скорбѣли англійскія газеты. Съ тѣхъ поръ цифры нѣсколько уменьшились: число англійскихъ офицеровъ упало на десять, а число египетскихъ солдатъ спустилось до 11 тысячъ, легендарный уцѣлѣвшій оказался не однимъ избѣгнувшимъ смерти, такъ какъ спасся отъ нея еще и вожакъ верблюдовъ. Но такія утѣшенія не могли показаться достаточными.

За скорбными изліяніями послѣдовали соображенія о политическихъ послѣдствіяхъ. Какъ ни увѣряли нѣкоторые органы печати, что когда полковникъ Гиксъ поступилъ на службу къ хедиву, бывшій въ то время въ Каирѣ лордъ Дюфферинъ, озабочился оговорить, что англійское правительство ни въ какомъ случаѣ не признало-бы себя солидарнымъ съ суданскою экспедиціей,—общественный здравый смыслъ, несмотря на отсутствіе точныхъ свѣдѣній объ этихъ переговорахъ, оказался сильнѣе всякихъ дипломатическихъ тонкостей и оговорокъ, и каждый почувствовалъ, что на Англію падаетъ серьезная отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Это до такой степени справедливо, что, при первомъ извѣстіи о катастрофѣ, адмиралтейство послало приказаніе адмиралу, командующему индоостанской эскадрой, отправить войска въ Суакимъ и оказывать египетскимъ властямъ всякую возможную поддержку. Съ другой стороны, отданъ былъ приказъ прекратить очищеніе Каира отъ британскихъ войскъ, и англійскимъ батальонамъ, уже совершенно готовымъ къ отъѣзду, объявлено было, что они остаются. Общественное мнѣніе ни на минуту не сомнѣвалось даже въ томъ, что для того, чтобы остаться вѣрной своей миссіи, Англія должна отправить армію въ Суданъ, хотя-бы для того, чтобы прекратить торговлю неграми, центральнымъ рын-

комъ которой служить эта провинція, ибо торговля людьми будетъ процвѣтатъ болѣе чѣмъ когда-либо, если египтяне окончательно покинуть Дарфуръ и Кордофанъ. Но это значило-бы идти уже слишкомъ далеко. Соображенія нравственнаго свойства имѣютъ весьма слабый вѣсъ въ рѣшеніяхъ Англій. Но если она находитъ естественнымъ нарушеніе обязательствъ, налагаемыхъ на насъ гуманностью, за-то она сильно дорожитъ тѣми, которыя касаются ея интересовъ, и нетрудно было предвидѣть, что правительство королевы не только не покинетъ Египта, но еще и воспользуется всѣмъ случившимся для болѣе окончательнаго утвержденія своего протектората.

Впрочемъ, намѣренія кабинета должны были вскорѣ обнаружиться. Положеніе становилось, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе критическимъ. Египетъ волновался; иностранныя державы заговорили о вмѣшательствѣ. Необходимо было принять окончательное рѣшеніе. Послѣ молчанія, длившагося болѣе мѣсяца, побуждаемый къ объясненіямъ кабинетъ не могъ долѣе въ нихъ отказывать. Не ожидая окончанія новогоднихъ каникулъ, министры поспѣшно вернулись въ Доунингъ-Стритъ, вызванные телеграммою. Послѣ двухъ продолжительныхъ совѣщаній кабинетъ установилъ содержаніе своего отвѣта хедиву, и этотъ отвѣтъ можетъ быть резюмированъ такъ: англійское правительство совѣтуетъ Тевфику и его министрамъ безусловно отказаться отъ Судана и общаетъ свою поддержку для защиты остальныхъ египетскихъ границъ. Что касается предоставленія Судана Турціи, министерство Гладстона ничего не будетъ имѣть противъ этого, подъ условіемъ, что Турція возьметъ на себя всѣ расходы по этому приобрѣтенію и сдѣлаетъ Суакимъ исключительнымъ базисомъ своихъ операцій. Иначе говоря, Гладстонъ, съ одной стороны, соглашается на турецкое вмѣшательства, а съ другой отказываетъ въ немъ, ставя ему совершенно невозможныя условія. Вслѣдствіе этого извѣстія, возбужденіе и тревога въ египетской столицѣ достигли высочайшей степени. Вопросъ, поднятый рѣшеніемъ англійскаго кабинета, простирается несравненно далѣе отказа отъ двухъ суданскихъ провинцій или ихъ защиты. Это рѣшеніе выясняло точный смыслъ нынѣшней политики Англій, состоящей исключительно въ стѣснительномъ и постоянномъ вмѣшательствѣ во всѣ внутреннія дѣла Египта и въ настойчивомъ отказѣ отъ отвѣтственности, налагаемой такимъ вмѣшательствомъ. Въ политическомъ, такъ-же какъ въ финансовомъ отношеніи, во внутренней администраціи такъ-же какъ и на границахъ, Египетъ осужденъ на полное безсиліе. Туземное

правительство, государь и министры сдѣлались смѣшными въ глазахъ населенія послѣ того, какъ полтора года тому назадъ англійское правительство запретило имъ самостоятельную дѣятельность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ своей стороны, отказывается въ матеріальной помощи, во всѣхъ критическихъ случаяхъ.

Прошеніе объ отставкѣ, врученное хедиву Шерифомъ-пашей, имѣетъ именно значеніе протеста противъ такого положенія вещей. Суданскія дѣла послужили только предлогомъ. Подавшій въ отставку министръ выразилъ въ этомъ случаѣ мнѣніе всего Египта, заявляющаго предъ цѣлою Европою объ унижительномъ положеніи, въ которое онъ поставленъ Англійей, и возстающаго противъ политики, программа которой выражается въ словахъ: «Египетъ египтянамъ», а на дѣлѣ приводитъ къ тому, что «Египетъ принадлежитъ англичанамъ». Письмо, въ которомъ удаляющіеся министры объявляютъ Тевфику-пашѣ о своемъ выходѣ въ отставку, составлено такъ: «Рескриптомъ 1878 г. условлено, что вы будете управлять чрезъ вашихъ министровъ и вмѣстѣ съ ними. Но вы правите не вмѣстѣ съ ними, а съ Англійей и чрезъ ея посредство. Мы являемся только куклами въ рукахъ Доунингъ-Стрита. Довольно униженія и рабства. Мы удаляемся». Такимъ образомъ, предъ Гладстономъ ставится слѣдующая дилемма: или англійское правительство должно взять отвѣтственность и все бремя управленія Египтомъ, или-же оно выведетъ оккупационный корпусъ и предоставитъ странѣ раздѣлываться со своими затрудненіями, какъ знаетъ.

Весьма вѣроятно, что этотъ протестъ министерства, явившійся послѣ полугодового терпѣнія, возникъ не самъ собою въ умѣ бывшихъ министровъ, а былъ имъ внушенъ со стороны. Такія внушенія могли явиться только изъ Парижа, Рима или Константинополя.

Эти соображенія, въ связи съ усилъхами махди, еще болѣе содѣйствуютъ обостренію положенія. Отвѣтъ англійскаго правительства, впрочемъ, не заставилъ себя долго ждать. Бразды правленія ввѣрены были кабинету съ Нубаромъ-пашею во главѣ и съ непосредственными представителями *Foreign Office*'а въ числѣ членовъ. Всѣ новые министры, безъ исключенія, готовы, впрочемъ, исполнять приказы, которые будутъ приходиться изъ Соединеннаго Королевства. Такимъ образомъ, ближайшимъ слѣдствіемъ кризиса было устраненіе двусмысленности, освобожденіе англійскаго протектората отъ окутывавшаго его тумана и освященіе полнаго торжества англійской политики въ долинѣ Нила.

Рядомъ съ этимъ первымъ результатомъ, существуетъ и дру-

гой, менѣ замѣтный въ настоящую минуту, но который проявится позднѣе при первомъ благопріятномъ случаѣ. Я подразумѣваю возрожденіе національной партіи. Занявъ постъ египетскаго премьера, Нубаръ тѣмъ самымъ даровалъ Египту новаго Араби, новую партію недовольныхъ патріотовъ, новыя дрожжи для революціи. Павшій министръ Шерифъ-паша отнынѣ воплотитъ въ себѣ стремленія феллаха къ независимости, стремленія египтянина освободиться отъ чужеземнаго владычества.

Въ настоящее время, Англія не замѣчаетъ этой опасности и съ пренебреженіемъ отнеслась-бы къ ней, еслибы и замѣтила, говоря себѣ, что для подавленія всякой инсurreкціонной попытки у нея имѣется средство, котораго не было ранѣе, во время арабистскаго движенія, а именно: легіонъ англійскихъ чиновниковъ въ египетской администраціи и англійскія войска, стоящія въ Каирѣ. Все это неоспоримо вѣрно. Но зато не менѣе достовѣрно превосходство личности Шерифа-паши надъ Араби и большая вѣсность мотивовъ, на которые онъ можетъ сослаться. Араби былъ малоизвѣстнымъ полковникомъ; Шерифъ имѣетъ за собою долгое прошлое уважаемаго государственнаго дѣятеля и сверхъ того престижъ отреченія, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Араби возставалъ противъ англо-французскаго контроля, который, несмотря на свои многочисленныя ошибки, далъ по крайней мѣрѣ, Египту довольно продолжительный отдыхъ и сравнительное благоденствіе. Шерифъ будетъ возставать противъ англійскаго контроля, который, обѣщавъ Египту всякія блага, посѣялъ разстройство въ его финансахъ, равнодушно присутствовалъ при истребленіи его арміи и нравственно доставилъ возможность махдіи отнять у него двѣ провинціи.

Если Англія имѣетъ болѣе шансовъ въ своей игрѣ чѣмъ, въ 1881 г., то и національная партія можетъ похвалиться тѣмъ-же. Поэтому проникательные люди уже и теперь обвиняютъ лорда Грэнвилля за то, что, увеличивъ въ настоящую минуту свою дѣйствующую силу въ Египтѣ, онъ пробудилъ на завтра соперничающую и не менѣе грозную силу, чѣмъ та, которая разразилась въ 1881 г.

Но и общечеловѣческіе вопросы составляютъ менѣе ничтожную величину чѣмъ то кажется съ перваго взгляда. Заставляя египтянъ сложить оружіе Англія возбуждаетъ новую борьбу между цивилизаціей и варварствомъ въ восточной Африкѣ. Это новый восточный вопросъ, появляющійся на африканскомъ горизонтѣ. Подобно Англіи, Франція и Италія имѣютъ подданныхъ, которыхъ имъ придется охранять въ самомъ Суданѣ, а за предѣлами Су-

дана у нихъ есть владѣнія, которыя онѣ должны защищать противъ мусульманскаго фанатизма. Когда священная война торжествующаго махдіи и триполійскаго союзника его Эль-Сенусси будетъ грозить Ассабу, Алжиріи и Тунисскимъ владѣніямъ, что можетъ сказать Англія, если та или иная изъ державъ, а можетъ быть и обѣ вмѣстѣ, предпримуть, во имя опасности, грозящей цивилизаціи, новый крестовый походъ противъ вертепа мусульманскаго рабовладѣльчества и фанатизма?

Уже объятый безумною паникою «Standard» восклицала на дняхъ: «Въ тотъ день, когда трехцвѣтное знамя будетъ развѣваться надъ Хартумомъ, оно не замедлитъ появиться и въ Каирѣ, рядомъ съ *Union Jack*'омъ». Англійская газета нѣсколько поторопилась своими страхами. Но, какъ-бы то ни было, такое происшествіе можетъ случиться когда нибудь съ этимъ или инымъ флагомъ. Въ тотъ день Джонъ Буль пожалѣетъ о томъ, что слишкомъ поздно понялъ, что политика интересовъ можетъ и не противорѣчить политикѣ гуманизма.

Жина.

По поводу статьи «Обыкновеннаго Читателя» о моей «Реформѣ логики» въ августовской и сентябрьской книжкахъ «Дѣла» за 1883 г.

Нѣкоторые друзья спрашиваютъ меня, буду-ли я отвѣчать на статью «Обыкновеннаго Читателя» о моей книгѣ, недавно напечатанную въ «Дѣлѣ». Кое-что я желалъ-бы отвѣтить моему рецензенту, но предупреждаю заранѣе, что полного и отчетливо организованнаго отвѣта дать ему я не въ состояніи. Онъ затронулъ въ статьѣ своей столько важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ скользить по нимъ такъ легко и небрежно и такъ мало стремится къ законченности въ ихъ обсужденіи, что я, увѣ, самъ многихъ намековъ его совершенно не понималъ и во многихъ случаяхъ остался въ невѣдѣніи о томъ, въ чемъ собственно мы съ «Обыкновеннымъ Читателемъ» расходимся и къ чему онъ клонитъ свои разсужденія. Одно для меня выяснилось съ полною достовѣрностью, а именно, что мой рецензентъ совершенно некстати скромничаетъ и напрасно называетъ себя «Обыкновеннымъ Читателемъ», будучи на самомъ дѣлѣ специалистомъ, и притомъ весьма серьезнымъ. Я говорю это безъ всякой ироніи и даже убѣжденъ, что и я, будучи специалистомъ, многому могъ-бы научиться отъ этого quasi-неспециалиста, и потому начну съ слѣдующаго разъясненія. Напрасно мой рецензентъ вообразилъ себя, что я разумѣю подъ «специалистами» только официальныхъ представителей кафедръ философіи въ университетахъ. Между послѣдними есть такіе специалисты, которымъ давно пора было-бы наложить на уста свои обѣтъ молчанія или которымъ не мѣшало-бы поучиться еще у таковыхъ неспециалистовъ по философіи, какими являются, при указанномъ выше критеріѣ, напр. физиологъ Сѣменовъ, историкъ и юристъ Кавелинъ, литераторъ Лесевичъ, авторъ «Писемъ о научной философіи», и другіе наши современники. Всѣхъ этихъ добровольныхъ философовъ я считаю именно тѣми специалистами, которые могутъ скорѣе всего понять и оцѣ-

нить мою книгу, а изъ официальныхъ философовъ нашего отечества представляются мнѣ таковыми лишь очень немногіе. «Обыкновенный Читатель» «Дѣла», по моему мнѣнію, и есть одинъ изъ специалистовъ перваго разряда, и по нѣкоторымъ признакамъ я даже узналъ въ немъ одного изъ наиболѣе начитанныхъ и передовыхъ нашихъ неофициальныхъ философовъ, составившихъ себѣ почтенное имя въ литературѣ философіи. Но я его не назову, ибо уважаю его incognito. Спрошу его только, зачѣмъ онъ морочить читателей и представляется самымъ зауряднымъ читателемъ? Въдъ изъ самой рецензіи его ясно, что онъ основательный знатокъ специальной философской литературы, а изъ небрежного тона, съ какимъ онъ бросаетъ разныя историческія справки и критическія замѣчанія свои, видно, что онъ не только начитанъ въ философской литературѣ, но имѣетъ и собственные, опредѣленные воззрѣнія на каждый предметъ. Къ чему-же было надѣвать на себя маску? Не для того-ли только, чтобы уличить меня въ нѣкоторыхъ мнимыхъ противорѣчіяхъ, которыя тотчасъ исчезнутъ, какъ только мы признаемъ, что рецензентъ мой «специалистъ». Впрочемъ, положимъ даже, что я преувеличилъ трудность пониманія своей книги *) и подъ видомъ неудобопонятнаго специального сочиненія далъ общепонятное. Мнѣ кажется, что это лучше, чѣмъ наоборотъ: назвать себя «Обыкновеннымъ Читателемъ» и напустить такого тумана, что и иной специалистъ ногу переломить. А тумана много, особенно въ первой части рецензіи. Первые 15 страницъ ея посвящены уличенію меня въ противорѣчіяхъ въ опѣнкѣ значенія моего труда и методовъ его построенія. Но эту часть статьи «Обыкновеннаго Читателя» я почти пройду молчаніемъ. Дѣло въ томъ, что авторъ тутъ ловитъ меня исключительно на словахъ, а такъ какъ слова вещь весьма относительная, то ясно, что стоить

*) Сдѣлалъ я это исключительно изъ скромности: когда я перечитывалъ свою книгу, она казалась мнѣ крайне скучною и сухою. Поэтому я и вздумалъ предостеречь противъ чтенія ея читателей, ненавидящихъ сухое научное изложеніе. Тѣмъ лучше, если я ошибся. Притомъ не надо забывать, что моя логика есть *диссертация* на ученую степень. Къ диссертациямъ ученые наши ареопаги предъявляютъ совершенно особыя требованія, которымъ отчасти приходится подчиняться. Оправдывая сухость своей книги, я именно намекалъ на то, что она написана при особыхъ условіяхъ и не вполне соответствуетъ моему собственному идеалу ученаго сочиненія, вполне совпадающему съ идеаломъ Тиндаля. Оканчивая свой трудъ, я далъ зарокъ уже никогда не писать иначе, какъ вполне популярно, ибо кастовыя тенденціи многихъ нашихъ официальныхъ ученыхъ мнѣ глубоко ненавистны. Кстати замѣчу здѣсь по поводу конца статьи моего рецензента (II, 27), что особыя международныя техническіе научныя термины я признаю желательными лишь рядомъ съ общепонятнымъ народными, а не взамѣнъ ихъ.

слегка измѣнить смыслъ одного или двухъ изъ нихъ, чтобы вся гармонія системы словъ нарушилась. Такъ именно и поступаетъ мой рецензентъ. Мы съ нимъ различно понимаемъ выраженіе «довѣріе къ силамъ человѣческаго ума», и вмѣсто, того, чтобы брать это выраженіе въ томъ значеніи, въ какомъ я его разумѣю, рецензентъ мой подкладываетъ подъ него иное, свое собственное, значеніе. Въ результатѣ, конечно, оказывается сумбуръ. Предостерегая противъ излишняго, «довѣрія къ силамъ человѣческаго ума», я разумѣю довѣріе къ силамъ ума не своего собственного, а «чужаго», объективнаго ума, а потомъ совершенно послѣдовательно предлагаю каждому довѣрять только силамъ собственной своей мысли. Критикъ мой, напротивъ, дѣлаетъ видъ, что я съ самаго начала разумѣю довѣріе человѣка къ силамъ своего ума (ср. стр. 4, внизу), и оттого я, конечно, оказываюсь повиненъ въ противорѣчьи съ самимъ собою. Если-же вездѣ давать словамъ моимъ то значеніе, которое я имъ даю и которое ясно изъ общей связи моихъ разсужденій, то, конечно, каждый читатель признаетъ, что я совершенно точно опредѣлилъ, какіе виды довѣрія къ силамъ человѣческаго ума безусловно незаконны, и какіе условно законны. Точно также ясно, въ какое отношеніе я себя ставлю къ предшественникамъ: я признаю, что въ частностяхъ могу совпадать съ ними въ выводахъ, но въ общемъ, въ общей системѣ моихъ выводовъ и ихъ выводовъ очень мало сходства. Моя логика несомнѣнно отрицаетъ прежнія логическія системы (правильно или нѣтъ—это другой вопросъ) и потому, вкратцѣ разобравъ въ введеніи основныя черты этихъ системъ, я въ дальнѣйшемъ изложеніи освобождаю себя отъ непроизводительнаго (съ моей точки зрѣнія) труда ссылокъ на предшественниковъ. Въ чемъ тутъ противорѣчіе, признаюсь, я не понялъ *).

*) Между прочимъ, мой критикъ, кажется, путаетъ вездѣ вопросы *изложенія* и *ислѣдованія*. Я сначала говорю объ условіяхъ *ислѣдованія* научныхъ вопросовъ и тутъ признаю, конечно, необходимость основательнаго знакомства съ прошедшимъ науки, при полной самостоятельности отъ внѣшняго вліянія авторитетовъ, т. е. предлагаю то-же, что и мой критикъ на стр. 10. Потомъ я перехожу къ вопросу о внѣшней формѣ *изложенія* моихъ выводовъ и прихожу къ тому результату, что такъ какъ *ислѣдованія* мои, начавшіяся, конечно, *съ того пункта*, гдѣ окончились *ислѣдованія* моихъ предшественниковъ, привели меня въ концѣ концовъ къ совершенно новымъ результатамъ и къ отрицанію правильности основныхъ тезисовъ прежней науки логики, то было-бы излишне указывать во всѣхъ частныхъ случаяхъ на случайныя совпаденія моихъ взглядовъ со взглядами другихъ *ислѣдователей* упомянутой науки. Этого-то различія въ отношеніи моемъ къ задачамъ *ислѣдованія* и къ задачамъ *изложенія* рецензентъ мой и не замѣчаетъ.

существуетъ противорѣчіе между моимъ утвержденіемъ, что старая теорія ассоціаціи несовершенна и требуетъ расширенія, и утверженіемъ профессора Троицкаго, что она совершенна и достаточно широка. Я даю совѣмъ иные принципы теоріи ассоціаціи, чѣмъ какіе ставились моими предшественниками. Если мои новые принципы вѣрны, то сужденіе профессора Троицкаго, высказанное въ 1867 г., было въ то время все-таки такъ-же законно, какъ мое утверженіе, высказанное въ 1883 г.: профессоръ Троицкій не могъ предвидѣть предстоявшей черезъ 15 лѣтъ попытки вновь переработать теорію ассоціаціи. Если же мои принципы невѣрны, то это слѣдовало доказать, а между тѣмъ мой критикъ вовсе и нигдѣ болѣе не касается моей теоріи ассоціаціи. Точно то-же относится и къ ссылкѣ моего рецензента на авторитеты Ферри и французской академіи. На западѣ моя теорія ассоціаціи никому неизвѣстна, и потому никто и не могъ принять ее въ соображеніе. Поэтому опять вопросъ сводится лишь къ тому: вѣрна-ли она. Только основательное опроверженіе ея можетъ подорвать утверженіе мое, что старая теорія ассоціаціи несовершенна и что она требуетъ расширенія. Къ сожалѣнію, такого опроверженія я напрасно ждалъ отъ «Обыкновеннаго Читателя». Онъ касается разныхъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ моемъ трудѣ, а главныхъ основъ его, лежащихъ именно въ новой теоріи ассоціаціи, вовсе не разбираетъ.

Прежде всего авторъ рецензіи не удовлетворенъ моей теоріей «психическаго оборота» и въ особенности моимъ ученіемъ о зависимости воли отъ чувства, противопоставая ему болѣе правильное, по его мнѣнію, ученіе Геринга и Вундта о зависимости чувства отъ воли. Въ сущности единственный, весьма старый, доводъ въ пользу этого послѣдняго ученія, который онъ приводитъ, заключается въ томъ, что удовлетвореніе или неудовлетвореніе воли порождаетъ чувство удовольствія или страданія. Но этотъ доводъ моей теоріи оборота вовсе не опровергаетъ. Я не разъ уже указывалъ печатно (напр. въ статьѣ «Еще по поводу психологіи чувствованій». Кіевъ 1881), что именно теорія психическаго оборота и объясняетъ всего лучше упомянутое явленіе: направленіе воли нашей обуславливается тѣмъ или другимъ чувствомъ; это направленіе воли вызываетъ тѣ или другія движенія или дѣйствія наши, которыя, измѣняя отношеніе къ намъ среды, тѣмъ самымъ служатъ источникомъ для новыхъ ощущеній и чувствъ, являющихся, такимъ образомъ, очевидно косвенными результатами тѣхъ или другихъ хотѣній нашихъ. Но чувства являются зависимыми отъ хотѣній, составляющихъ содержаніе *предшествую-*

щихъ психическихъ оборотовъ, въ *данныхъ* же оборотахъ они въ такой-же степени предшествуютъ развитію новыхъ хотѣній и ихъ обуславливаютъ, какъ прежнія наши чувства обуславливали прежнія наши хотѣнія, прежніе акты нашей воли. Поэтому теорія оборота предполагаетъ и объясняетъ не только зависимость воли отъ чувства, но и обратную зависимость чувства отъ воли. Старая-же теорія, которую излагаетъ мой рецензентъ, напираетъ только на зависимость чувства отъ воли. Слѣдовательно, она гораздо уже и одностороннѣе теоріи психическаго оборота. Но этого мало: въ своей обычной постановкѣ она не только односторонняя, но и невѣрна: она предполагаетъ, что воля можетъ зародиться въ сознаніи или вообще въ организмѣ, какъ *deus ex machina*—безъ всякаго мотива, ибо единственнымъ и конечнымъ мотивомъ воли можетъ быть только чувство *). Если это отвергнуть то придется признать волю *прирожденной* и прибѣгнуть для объясненія этого факта къ тѣмъ мистическимъ и метафизическимъ гипотезамъ о волѣ, какъ сущности вещей, которыя лежатъ въ основѣ системы Шопенгауэра и его послѣдователей. Поэтому, напрасно къ этой системѣ мой критикъ относится съ пренебреженіемъ: только въ ней послѣдовательно и проводится теорія зависимости чувства отъ воли: если воля не зависитъ отъ чувства, то она *прирождена* организму и составляетъ внутреннюю сущность психическаго начала, его одушевляющаго,—если-же воля не *прирождена* она можетъ зародиться только въ чувствѣ **). Съ другой, стороны, та же теорія зависимости чувства отъ воли утверждаетъ совершенно невѣрно, что ни одно чувство не можетъ зародиться безъ участія воли. Мы-же утверждаемъ, что если большая часть чувствъ и имѣетъ связь съ хотѣніями, составляющими моментъ предшествующихъ психическихъ оборотовъ, то тѣмъ не менѣе есть и такія чувства, которыя ни къ какимъ хотѣніямъ *прирождены* быть не могутъ. Есть чувства или, лучше сказать, чувствованія (удовольствія и страданія), которыя обуславливаются чисто органическими причинами: состояніемъ нашихъ тѣаней въ мо-

*) Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ волею, повидимому, руководятъ *идли*, при болѣе внимательномъ анализѣ легко открыть, что собственно ее направляютъ не самыя эти идеи, а связанныя съ ними *идеальныя чувства*.

**) Всякая воля, всякое хотѣніе направлены въ концѣ концовъ къ установленію или устраненію дѣйствія на насъ какого нибудь элемента окружающей среды, но для того чтобы предпочитать воздѣйствіе на насъ предмета отсутствію или прекращенію такого воздѣйствія или наоборотъ, мы очевидно должны уже были испытать удовольствіе или страданіе въ связи съ дѣйствіемъ его на насъ. Эти-то чувства и обуславливаютъ направленіе каждаго нашего хотѣнія.

ментъ дѣйствія на насъ среды. Если намъ пріятно услышать неожиданные гармоническія звуки флейты чрезъ открытое окно, мимо котораго мы случайно проходимъ, то это не значитъ, что мы *хотѣли* услышать эти звуки и что это хотѣніе наше удовлетворено. Доказательство, что мы ничего въ этомъ случаѣ не хотѣли, состоитъ въ томъ, что если-бы мы прошли пять минутъ раньше и не услышали этихъ звуковъ, то никакого страданія не испытали-бы. Есть масса удовольствій, лишеніе которыхъ проходить для насъ незамѣтнымъ и не ведетъ къ страданіямъ.

Точно также есть страданія, отсутствіе которыхъ не вызываетъ въ насъ противоположнаго чувства—удовольствія. Напр, если, бы человекъ, споткнувшійся на ходу и сломавшій себѣ при паденіи ногу, не споткнулся и не подвергся такому несчастью и соотвѣтствующимъ ему страданіямъ, то онъ-бы не испыталъ отъ этого никакого особеннаго удовольствія. Да и неужели онъ страдаетъ отъ перелома ноги только потому, что *хотѣлъ* не упасть и не переломить себѣ ногу и что этотъ актъ воли его оказался *неудовлетвореннымъ*? Теорія зависимости всякаго чувства отъ воли положительно ведетъ къ абсурдамъ. Я утверждаю также, что воля и чувство существуютъ только какъ феномены *сознанія*: понятіе *безсознательной воли* или *безсознательнаго чувства*—абсурдъ, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія, могутъ быть даны только *условія* для чувства и воли, самой-же воли и чувства еще нѣтъ. Теорія же, которую защищаетъ мой противникъ, утверждаетъ непремѣнно, что существуетъ воля безсознательная. Это все равно, что утверждать существованіе «неорганическаго организма», т. е. утверждать, что неорганическая матерія, представляющая собою всѣ условія для послѣдующаго развитія изъ нея организмовъ, есть уже ео ipso совокупность организмовъ, но въ скрытомъ видѣ... По моему мнѣнію, возможны только *степени* сознательности воли и извѣстный *минимум* этой сознательности, но тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ сознанія, нѣтъ и воли. Воля есть понятіе специально *психологическое*, обозначающее извѣстную группу феноменовъ сознанія *).

*) Замѣчу, впрочемъ, что воля, не будучи никогда *безсознательною*, можетъ быть тѣмъ не менѣе *слепюю*. Другими словами, ощущая въ себѣ хотѣніе, мы можемъ и не сознавать ясно его конечныхъ причинъ, а слѣдовательно и конечныхъ цѣлей: намъ можетъ казаться, что мы хотимъ одного, между тѣмъ какъ на дѣлѣ стремимся къ другому и лишь въ этомъ другомъ можемъ найти настоящее удовлетвореніе своему хотѣнію. Это бываетъ тогда, когда хотѣніе наше смутно, т. е. слабо сознательно. Но все-таки хотѣть всегда значитъ *ощущать*, т. е. смутно или ясно *сознавать* въ себѣ какой-то *недостатокъ*, какое-то *страданіе*, которое требуется устранить, а потому всякое хотѣніе есть феноменъ *сознанія*. Безсознательная воля есть чисто метафизическій (т. е. произвольный) поступать.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мой рецензентъ едва-ли серьезно опровергъ мою теорію психическаго оборота, а слѣдовательно и всѣ приложенія ея къ теоріи познанаія. А затѣмъ замѣчу еще, что я вовсе нигдѣ не утверждаю, что уклоненіе отъ вѣрнаго пути къ познанію можетъ быть приписано лишь «дурной волѣ» или «равнодушію къ истинѣ». Это только часть причинъ, ведущихъ къ заблужденіямъ. А затѣмъ послѣдняя глава въ моей книгѣ посвящена именно доказательству, что главныя причины заблужденій ума лежатъ въ фактѣ *незнанія*, который можетъ быть совершенно независимъ отъ воли субъекта.

Во второй части рецензіи мой противникъ нападаетъ главнымъ образомъ на мое отождествленіе (?) *умственной* и *познавательной* дѣятельности. Но всѣ эти нападенія привели меня только къ тому выводу, подрѣпляемому, впрочемъ, и другими соображеніями, что мой критикъ не прочиталъ мою книгу основательно и внимательно, а только перелисталъ или просмотрѣлъ ее, и потому многого въ ней не понялъ или цонялъ многое только на половину. Я утверждаю, напр., что всякая умственная дѣятельность есть моментъ познавательный, а мнѣ приписывается утвержденіе, что всякая познавательная дѣятельность вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ умственной дѣятельности. Самъ рецензентъ, развивая свой тезисъ, справедливо замѣчаетъ, что если вѣрно, что всякій алмазь есть углеродъ, что наука есть воспріятіе, то на этомъ основаніи еще не слѣдуетъ, обратно, что всякій углеродъ есть алмазь и всякое воспріятіе—наука. Зачѣмъ-же онъ мое утвержденіе, безъ моего полномочія, переворачиваетъ на изнанку? Я-же прямо говорю, что въ познавательной дѣятельности—*три момента*, изъ которыхъ только одинъ соотвѣтствуетъ понятію умственной дѣятельности,—а отсюда уже ясно, что понятіе познавательной дѣятельности ниже понятія умственной и что *отождествлять* я ихъ не могу. Затѣмъ мой рецензентъ не замѣчаетъ, какъ искусственно и неправильно служивается имъ понятіе познавательной дѣятельности. Онъ признаетъ повидимому; что *познаніемъ*, можетъ быть названа только наука, и даже метафизика, по его мнѣнію, не подходитъ подъ это понятіе. Но на какомъ основаніи онъ такъ думаетъ? Я думаю, что не только метафизика, но и астрологія и алхимія, о которыхъ онъ говоритъ, вполнѣ подходятъ подъ понятія познанаія, познавательной дѣятельности. Иначе начало познанаія придется приурочить къ извѣстному, очень позднему моменту, чуть-ли не къ XVII или даже XVIII вѣку, и утверждать, что Сократы, Платоны и Аристотели не познавали. Я вообще не пони-

маю противоположенія «обыденнаго мышленія» и «познаванія». Ребенокъ съ первыхъ дней жизни *познаетъ*, животныя и дикари тоже *познаютъ*, и если есть крупное различіе въ результатахъ познавательной дѣятельности какого-нибудь младенца и дикаря, съ одной стороны, и нѣмецкаго ученаго Гельмгольца—съ другой, то все-таки дѣйствія обоихъ въ концѣ концовъ подходятъ подъ одну широкую идею «познавательной дѣятельности», которая можетъ быть неметодической и методической. Или мой рецензентъ еще вѣрнѣе что познаваніе есть особаго рода священнодѣйствіе, которе въ правѣ совершать лишь особые жрецы, предопредѣленные къ тому рожденіемъ и судьбою? Я думаю, что всякій человѣкъ, у котораго подъ вліяніемъ любыхъ впечатлѣній происходятъ новыя образованія въ мозгу, eo ipso познаетъ и что особыхъ центровъ, управляющихъ познавательною дѣятельностью человѣка, въ противоположность просто умственной, въ мозгу нашемъ не обрѣтается *). Да, впрочемъ, пусть мой рецензентъ, называющій себя «обы-

*) Главная ошибка, которую совершаетъ «Обыкновенный Читатель», при оцѣнкѣ отношеній мышленія и познанія, заключается, повидимому, въ томъ, что познавательную дѣятельность онъ признаетъ непременно *достигающей* сознательно поставляемыхъ ею *цѣлей*. Но можетъ-ли естественная наука о познавательныхъ процессахъ становиться на эту точку зрѣнія? Можетъ-ли она выходить изъ предположенія напр., что *современное* научное познаніе достигаетъ вполне свихъ цѣлей—познать истинныя отношенія вещей. Понятіе *цѣли* не должно вообще входить въ расчетъ при анализѣ процессовъ природы. Если-бы наука о познаніи была въ правѣ различать обыденное мышленіе, какъ недостигающее цѣлей познанія, отъ научной познавательной дѣятельности, какъ достигающей этихъ цѣлей, то на томъ-же основаніи физиологія должна была-бы различать процессы пищеваренія, не достигая цѣлей правильнаго питанія организма, отъ процессовъ пищеваренія, достигающихъ этихъ цѣлей и представляющихъ собою, следовательно, какъ-бы особый комплексъ процессовъ въ организмѣ. Но физиологія на эту точку зрѣнія никогда не становится, ибо анализъ цѣлей и степени ихъ достиженія ни въ какую науку о процессахъ природы не входитъ. Сущность этихъ цѣлей и способовъ ихъ достиженія входитъ въ оцѣнку теорій искусствъ, и, если мы въ предисловіи упомянули о различіи истинной науки отъ простой системы мыслей, то именно съ практической точки зрѣнія теоріи искусства познанія. Для науки-же о познаніи всякая система мыслей есть такой-же законный продуктъ познавательной дѣятельности, хотя-бы и низшей, несовершенной, не вполне организованной (а потому и не приведшей къ совершеннымъ результатамъ), какъ и истинная наука. Да и кто можетъ ручаться, что мы уже обладаемъ истинной наукой, совершеннымъ (хотя-бы въ извѣстныхъ частяхъ своихъ) знаніемъ? Не обзовутъ-ли мыслители 25-го вѣка и нашу науку метафизичной, схоластикой или какой-нибудь другой пренебрежительной кличкой, какъ мы называемъ схоластикой и метафизикой науку XII—XVII вѣковъ. Различіе психологіи и науки о познаніи состоитъ вовсе не въ томъ, что психологія изслѣдуетъ мышленіе, не достигающее цѣлей познанія, а наука о познаніи—мышленіе, достигающее этихъ цѣлей. Различіе ихъ въ томъ, что

кновеннымъ читателемъ», а не специалистомъ, скажетъ только, чѣмъ онъ занимается въ своей статьѣ—обыденнымъ-ли мышленіемъ или познавательною дѣятельностью?

Критика моей классификаціи моментовъ познавательной дѣятельности на различныхъ ступеняхъ сознанія (стр. 5 и слѣд.) тоже не совсѣмъ удачна. Неужели мой рецензентъ не видитъ признаковъ «эксперимента» въ наблюденіяхъ астрономовъ надъ небесными тѣлами, помощью *телескоповъ*? Тамъ, гдѣ есть организованное и прибѣгающее къ искусственнымъ орудіямъ и приемамъ наблюденіе, оно и называется экспериментомъ. Поэтому я утверждаю вновь, что экспериментъ есть «методическое наблюденіе» и характеристическій признакъ *всякой науки* (не выключая и такіа несовершенныя науки, какъ психологія). Затѣмъ, если вѣрно, что въ наблюденіи и экспериментѣ отражается дѣятельность центровъ, то все-таки несомнѣнно, что это такіе-же *периферическіе* процессы, какъ и воспріятіе, ибо, какъ признаетъ послѣ самъ мой противникъ, не только воспріятія, но и простыя съ виду ощущенія сложны и являются продуктомъ извѣстныхъ центральныхъ процессовъ сочетанія вовсе непримѣтныхъ для сознанія впечатлѣній. Тутъ кстати замѣчу, что критика моей теоріи *атомовъ* сознанія (стр. 12 и слѣд.) опять доказываетъ, что почтенный рецензентъ мой плохо прочиталъ мою книгу и не понялъ меня. Въ главѣ III я именно напираю на то, что подъ атомами сознанія слѣдуетъ разумѣть не простѣйшія сознательныя ощущенія, а ихъ бессознательно-раздѣльныя и неопредѣлимые никакими ясными признаками ингредиенты. Слѣдовательно, онъ доказываетъ то-же, что и я, и сражается съ вѣтряной мельницей, воображая, что имѣетъ дѣло съ одушевленнымъ противникомъ.

И такъ, если *ощущеніе* есть периферическій процессъ, то въ такой-же степени периферическими слѣдуетъ признать и болѣе сложные процессы воспріятія, наблюденія и эксперимента: въ концѣ концовъ, пожалуй, всѣ эти процессы *центральны*, ибо вообще сознаніе есть функція центровъ, а не периферіи. Но наука различаетъ сознаніе, обращенное на переработку внутренняго своего содержанія, уже составляющаго *неотъемлемое* его достояніе, отъ сознанія, обращеннаго на вѣшнюю среду и находящагося во взаимодействіи съ нею при помощи органовъ чувствъ. Такія опе-

психологія изслѣдуетъ содержаніе мышленія, *идеи*, въ ихъ составныхъ элементахъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по качеству и количеству, наука же о познаніи изслѣдуетъ самыя *процессы* образованія идей и ихъ выраженія въ словесныхъ символахъ. Психологія есть анатомія мысли, логика—физиологія мысли.

раціи сознанія, имѣющія задачей приобрѣтеніе новыхъ матеріаловъ для работы, а орудіемъ — чувствующую периферію нашего тѣла, и называются *периферическими*, а экспериментъ развѣ возможенъ безъ участія глаза и другихъ органовъ чувствъ? *) Слѣдовательно. всѣ возраженія моего рецензента противъ разграниченій моихъ, приведенныхъ имъ на стр. 5—6, суть только придирки къ словамъ **).

Насчетъ его поученій по поводу отсутствія рѣзкихъ границъ между людьми здоровыми умственно и помѣшанными, скажу опять, что они не идутъ къ дѣлу. Я и самъ такихъ рѣзкихъ границъ не признаю и, тѣмъ не менѣе, теоретически совершенно въ правѣ поставить предположеніе, что есть черта, отдѣляющая болѣе или менѣе здоровую умственную организацію отъ явно больной. Въ каждомъ *отдѣльномъ* познавательномъ актѣ, иллюзія объясняется или ненормальнымъ состояніемъ *даннаго* нервнаго аппарата (если-бы даже человекъ вообще и не былъ вовсе помѣшанъ) или другими причинами, обуславливающими фактъ ненаблюдения. Оттого я и говорю на стр. 329 вовсе не о помѣшательствѣ, а лишь о двухъ возможныхъ состояніяхъ нервной системы, нормальномъ и ненормальномъ, каковыя состоянія могутъ столько-

*) Совершенно тѣ-же соображенія относятся и къ возраженію моего рецензента противъ отнесенія именъ, названій, терминовъ къ продуктамъ периферическихъ познавательныхъ движеній. Центральные процессы, участвующіе въ ихъ образованіи, имѣютъ тоже иной смыслъ, чѣмъ центральный процессъ переработки идей, а именно—тоже направлены на внѣшнюю среду и имѣютъ орудіемъ своимъ *двигательную* периферію, почему я и назвалъ ихъ периферическими.

**) Кстати, по вопросу о мѣстѣ метафизики, какъ ступени познавательной дѣятельности, пусть рецензентъ мой справится съ стр. 44—45 моего введенія и стр. 242—250 текста, гдѣ я дѣлаю новое разграниченіе ступеней методическаго познанія (ср. также стр. 225—228). Стр. 6-я второй части его статьи заставляетъ меня думать, что онъ не читалъ упомянутыхъ мѣстъ моего сочиненія.—Затѣмъ, по поводу сомнѣній его въ возможности вліянія на научно-дисциплинированные умы разныхъ поэтическихъ фантазій (стр. 10—11), замѣчу, что, во-1-хъ, возможности *противодѣйствія* научныхъ идей этому вліянію я нигдѣ не отрицалъ, ибо признаю его самъ не только возможнымъ, но и необходимымъ, почему и говорю о такомъ вліяніи только въ примѣненіи къ людямъ, стоящимъ внѣ науки; во 2-хъ, несмотря на признаніе возможности и пользы такого противодѣйствія научныхъ идей «всякой фантастикѣ и галиматѣ», я думаю, однако, что на дѣлѣ очень немногіе ученые способны совершенно освободиться отъ вліянія на ихъ мысль постороннихъ наукъ воспріятій. Не даромъ и между солидными въ другихъ отношеніяхъ учеными находятъ себѣ столькокихъ адептовъ спиритизмъ и разныя другія мистическія доктрины, не говоря уже о ходячихъ суевѣріяхъ и предрассудкахъ, которыми заражена масса ученыхъ мужей, даже изъ числа естествоиспытателей.

же относиться ко всей нервной системѣ, сколько и къ отдѣльнымъ ея частямъ. Странно вообще, когда критикъ, произвольно замѣнивъ одно понятіе другимъ, начинаетъ критиковать не то понятіе, съ которымъ имѣлъ дѣло авторъ, а свое собственное, произвольно подставленное.

Въ заключеніе, еще одно замѣчаніе: въ опроверженіе моей теоріи происхожденія заблужденій изъ незнанія, ненаблюденія мой рецензентъ приводитъ, между прочимъ, теорію италіянскаго психолога Тито Пиньяоли объ «антификаціи», какъ приемъ мысли, обуславливающимъ обширный рядъ заблужденій человѣка. Но неужели эта теорія «антификаціи» меня опровергаетъ? Развѣ тотъ же приемъ антификаціи не объясняется вполне удовлетворительно изъ того-же факта незнанія и ненаблюденія? Пусть рецензентъ мой объ этомъ подумаетъ, — и онъ убѣдится, что мудреный терминъ Виньяоли обозначаетъ только извѣстный разрядъ фактовъ того-же общаго порядка, къ которому относятся и разобранные мною.

Вотъ рядъ замѣчаній на замѣчанія. »Обыкновеннаго Читателя». Могъ-бы и я, конечно, сказать еще очень многое по поводу его статьи, но если онъ нашелъ возможнымъ въ своей рецензіи обойти молчаніемъ самыя крупныя положенія моей книги, то я тѣмъ съ большимъ правомъ могу умолчать въ своемъ отвѣтѣ о различныхъ мелкихъ неточностяхъ и неумѣстныхъ разсужденіяхъ его. Я болѣе въ правѣ сказать: пощадите читатель! Раскрывать разныя противорѣчія, неточности и логическіе промахи въ бойко, но небрежно написанной рецензіи — задача слишкомъ непроизводительная.

Засимъ поблагодарю своего рецензента за то, что онъ меня все-таки похвалилъ и по головкѣ погладилъ, и прибавлю, что къ интересующему его вопросу о значеніи *философіи* и объ отношеніи ея къ наукѣ будетъ имѣть отношеніе приготовляемая мною къ печати статья о классификаціи наукъ. Я думаю, что мнѣ все-таки рано или поздно удастся убѣдить его и другихъ добросовѣстныхъ «специалистовъ», что научная философія, какъ особая научная специальность, невозможна.

Николай Гротъ.

Одесса, 1 ноября 1883 г.

ОТВѢТЪ Г. ГРОТУ.

Въ замѣткахъ нашихъ о книгѣ г. Грота мы высказали наше искреннее сочувствіе анти-метафизическому направленію автора и заявили, что, «несмотря на всѣ несогласія наши съ почтеннымъ авторомъ, мы высоко цѣнимъ, однако-же, научное направленіе его труда и искренно желаемъ ему полнаго и блистательнаго успѣха въ борьбѣ съ умопомрачающею и жизнеубивающею метафизикою». И далѣе мы прибавили, что «уже при чтеніи его первой работы мы радовались появленію новаго и сильнаго врага того направленія, которое отклоняетъ мысль отъ плодотворной дѣятельности и устремляетъ ее въ область безщечальнаго созерцанія и утомительно-безплодной любознательности». Если-же сочувствіе наше автору ограничилось лишь этими заявленіями, то это произошло оттого, что намъ приходилось отдать должное лишь наименованію направленія, которое провозглашалъ авторъ и таланту самого автора, а затѣмъ вести борьбу не только противъ тѣхъ или другихъ положеній его, но главнымъ образомъ противъ его гелертерской манеры и всего вообще мертвенно-академическаго характера его труда. Въ приемахъ и мѣстахъ прорывающейся тенденціи автора мы усмотрѣли проявленіе того заскорузлаго буквѣдства, которое само по себѣ стоитъ всякой метафизики и вполне способно пришибить жизненное значеніе науки, не менѣе любой метафизики. Своею неистовою погоней за всякого рода бесполезными трудностями, своею страстью затемнять простѣйшіе вопросы, своимъ предпочтеніемъ мудреной терминологіи и маловразумительныхъ хитросплетеній всему простому и ясному, своею слабостью къ симметріи и безхарактернымъ дѣленіямъ, подраздѣленіямъ и переподраздѣленіямъ авторское гелертерство можетъ, пожалуй, оказаться вреднѣе чѣмъ самая дикая метафизика... Въ самомъ дѣлѣ, отъ науки ждуть у насъ добра и правды для жизни, а метафизику можно считать уже совсѣмъ отпѣтою; по крайней мѣрѣ, наши метафизическія синицы моря не зажгли и изнываютъ въ

одинокствѣ въ своихъ Wolkenkuckuschheim'ахъ. Диссертація г. Грота, хотя и отличается какъ небо отъ земли отъ элюкубрацій какого-нибудь г. Страхова, несомнѣнно представляетъ, однако-же, одно изъ проявленій того отмахивающагося отъ толпы «заравпанскаго» гелертерства, которое живому человѣку нѣсколько трудно привѣтствовать радостными возгласами, особенно-же, если плоды этого гелертерства послѣ десятилѣтняго созрѣванія являются передъ нами съ тѣми колючками, которыя дѣлаютъ ихъ для насъ настолько недоступными, насколько это оказалось доступно самому ихъ автору. Разверните диссертацію: здѣсь съ первой страницы объявляется, что книга написана для специалистовъ и стоитъ выше пониманія обыкновеннаго читателя. И въ самомъ дѣлѣ: изложеніе ея сжато до послѣднихъ предѣловъ возможности, выраженіе мыслей сведено на minimum словъ, разъясняющіе примѣры приведены, такъ сказать, въ обрѣзъ, языкъ тяжелъ, взъерошенъ причудливыми терминами, формулами, схематическими чертежами, вычурными знаками и всевозможными камнями преткновенія, какіе только можно было изобресть... Вообще, волшебная область реформы логики старательно обставлена рогатками и шлахбаумами и обнесена своего рода контръ-валаціонною линією, — все противъ вторженія въ нее обыкновеннаго читателя. Не ясно ли, что вся эта фортификація въ корнѣ убиваетъ благотворное значеніе избраннаго авторомъ анти-метафизическаго направленія и сводитъ его къ тому-же, за что не мало была осуждаема метафизика:—къ служенію тѣсному кружку ушедшихъ въ свою скорлупу буквоѣдовъ, къ оторванности отъ жизни праздномыслящихъ поклонниковъ мудреной абракадабры, къ учено-аскетическому отшельничеству поборниковъ безначальнаго созерцанія, къ наивному самодовольствію ученыхъ пискарей, погружающихся въ искусственную муть бесплодныхъ умозрѣній, къ высокомѣрью заносчивыхъ педантовъ, всѣми силами отбивающихся отъ наплыва запросовъ дня и требованій жизни... Тяготѣніе ко всѣмъ этимъ перламъ и алмантамъ современной каббалы одинаково ненавистно обыкновенному читателю — преподносится-ли оно ему подъ приправой научной или метафизической. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ усматриваетъ одинъ лишь миражъ и не увлекается сулимыми ему приманками.

Но—не пропустимъ важной характеристической черты — если бы рвеніе г. Грота не перевалило черезъ край, если-бы онъ не дошелъ до того, что представилъ себѣ даже своимъ товарищеспециалистовъ знающими лишь только многое (а не все), что имъ слѣдуетъ знать для пониманія книги. и если-бы онъ на этомъ

основаніи не взялъ на себя трудъ порастолковать имъ то, другое, и при этомъ не пересолилъ, то изложеніе книги осталось-бы однороднымъ и не испещрилось-бы пережевываніемъ азбучностей, но зато ее бы, пожалуй, не смогли понять и специалисты, и автору въ самомъ дѣлѣ удалось-бы достигнуть кульминаціоннаго пункта геллертерства: онъ приобрѣлъ-бы право утверждать, что книга его написана имъ для самого себя.

Теперь онъ старается увѣрить насъ — если мы вѣрно поняли его мысль — что онъ не столько на самомъ дѣлѣ старался сдѣлать свою книгу недоступною для обыкновенныхъ читателей, сколько преувеличилъ, быть можетъ, свое заявленіе о ея недоступности; онъ утверждаетъ при этомъ, что поступилъ такъ изъ скромности. Положимъ, что это и такъ; подъ этою скромностію, однако-же пришлось сдѣлать подпись, и—главное — сочиненіе г. Грота остается и изъ него можно видѣть ясно, что если заявленіе его перехватило черезъ край, то все-же таки желаніе его быть непонятнымъ для обыкновеннаго читателя было очень интенсивно. Правда, исполненіе этого желанія было невыдержано: авторъ слишкомъ увлекся мыслью о неподготовленности къ его реформѣ самихъ специалистовъ; по этой причинѣ получилось произведеніе, о которомъ самъ авторъ не могъ рѣшить—доступно-ли оно обыкновенному читателю или нѣтъ. На стр. XIII предисловія онъ утверждаетъ одно, на стр. XVII—другое. Что-же касается самого намѣренія, которое авторъ старается теперь стушевать, то это-же изъ читателей его диссертации можетъ имѣть тутъ хоть малѣйшія сомнѣнія? Возьмемъ, напримѣръ, хоть вопросъ о терминологіи, который представляется теперь г. Гротомъ въ такомъ смягченномъ видѣ; въ рѣшеніи этого вопроса, «какъ солнце въ малой каллѣ водѣ», отражается то безшабашное стремленіе къ ученой тарабарщинѣ, отъ котораго г. Гротъ теперь такъ отрещивается. Здѣсь совершенно прямо высказывается явное предпочтеніе интересамъ какой-то науки будущаго современныхъ живыхъ интересовъ людей, жаждущихъ просвѣщенія. На стр. 237 онъ ссылается на мнѣніе свое по этому вопросу, высказанное ранѣе, въ другомъ сочиненіи автора—«О психологіи чувствованій», какъ на такое, отъ котораго онъ не отступилъ ни на шагъ. Раскроемъ-же «Психологію чувствоній» и посмотримъ, что здѣсь говорится. Тутъ весьма недвусмысленно утверждается, что авторъ считаетъ всякую попытку выработать національную терминологію нелѣпою и бесплодною и не только не намѣренъ замѣнять иностранныя термины русскими, но расположенъ и существующіе уже русскіе термины замѣнить ка-кими-нибудь техническими названіями классическаго корня. Онъ,

правда, согласенъ упоминать русскіе переводы иностранныхъ терминовъ, «но эти переводы—слѣшить прибавить онъ тотчасъ-же—будутъ имѣть исключительную цѣлью «наглядность (?) пониманія» и не помѣшаютъ вамъ употреблять потомъ, въ большинствѣ случаевъ, приведенныя иностранныя техническія выраженія» (стр. 487). Мы не станемъ останавливаться на послѣдствіяхъ авторскаго принципа въ установленной научной терминологіи, гдѣ—въ геометріи, напримѣръ,—были-бы отодвинуты на задній планъ такіе термины, какъ прямой уголъ, касательная, сѣкущая, кругъ, шаръ и т. п., или въ астрономіи—термины: вращеніе, обращеніе, равенство, солнцестояніе и т. д., или въ химіи—кислота, окись, закись, перекись и т. д. Мы обратимъ вниманіе лишь на то, что снисхожденіе къ русскимъ терминамъ, выраженное въ приведенныхъ выше словахъ автора, только усиливаетъ его презрѣніе къ нимъ и очень ужъ напоминаетъ тѣ «крохи, бросаемыя со стола блаженныхъ», о которыхъ говоритъ Давге въ своемъ «Convito»,—крохи, попадающія отъ пища ангельской тѣмъ несчастнымъ, пища коихъ одна и та-же, что у скота... Затѣмъ мы проходимъ молчаніемъ и странное смѣшеніе авторомъ «національной науки» и «національной терминологіи», которое идетъ у автора рядомъ съ приведеннымъ выше заявленіемъ, и замѣтимъ только, что во всемъ этомъ всего менѣе можно было замѣтить и самомаѣйшее даже отвращеніе къ напусканію гелертерскаго тумана.

Справедливо замѣчено было однимъ историкомъ литературы что «начинающаго книгу слѣдуетъ считать ученикомъ оканчивающаго ее». (*Theophilo Braga. Manual da Historia da Litteratura Portugueza desde as suas origens até ao presente. 1875. p. VII*). И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что, *оканчивая свой трудъ, г. Гротъ далъ зарокъ уже никогда не писать иначе, какъ вполне популярно, ибо кастовыя тенденціи многихъ нашихъ официальныхъ ученыхъ ему глубоко ненавистны*. Фактъ этотъ имѣетъ для насъ основначальное значеніе. Если-бы мы могли предвидѣть такое превращеніе, если-бы мы могли знать напередъ, что никогда ужъ не услышимъ отъ г. Грота маловразумительныхъ намъ, обыкновеннымъ читателямъ, рѣчей, то мы, конечно, отказались-бы отъ надгробнаго слова надъ гелертерствомъ, скончавшимся отъ самоубійства, и терпѣливо стали-бы ждать грядущихъ популярныхъ сочиненій, которыя, быть можетъ, принесли-бы много полезнаго для насъ. т. е. толпы, къ которой мы себя причисляемъ и не можемъ не причислять.

Теперь-же, пока популярныя сочиненія эти еще въ будущемъ, обратимся къ тѣмъ вопросамъ, которые были подняты сочиненіями

уже существующими и намъ извѣстными, и попытаемъ отвѣтить на представленныя г. Гротомъ возраженія.

Полемическое искусство не принадлежитъ къ числу сильныхъ сторонъ таланта г. Грота. Обнаружилось это ясно при спорѣ его съ г. Козловымъ, спорѣ, о которомъ мы имѣли уже случай говорить. Слабая эта сторона довольно явственно проглядываетъ и въ возраженіи г. Грота на наши замѣтки, какъ мы сейчасъ и будемъ имѣть случай убѣдиться.

Мы не станемъ долго останавливаться надъ формой полемики. Отмѣтимъ только мимоходомъ испещряющія ее выраженія: «абсурдъ», «неумѣстное разсужденіе», «путаница», «борьба съ мельницами» и т. п. Осмѣянный Альбертомъ Лани устремленный горѣ указательный перстъ педагога сказался тутъ во всей своей прелести. Но не станемъ смущаться и начнемъ возражать, хотя это и было-бы—выражаясь въ прадѣдовскомъ «штилѣ»—«дерзновенію подобно».

Читая замѣчанія г. Грота, нельзя не остановиться на томъ, что противорѣчіе нашихъ взглядовъ его воззрѣніямъ онъ старается представить противорѣчіемъ *общепризнаннымъ* научнымъ истинамъ, и всѣ свои утвержденія представляетъ какъ-бы отъ имени самой науки. Этимъ чисто - адвокатскимъ приѣмомъ г. Гротъ рассчитываетъ, конечно, произвести извѣстное впечатлѣніе на читателя и поставить себя въ его глазахъ на какую-то недосыгаемую высоту научной непогрѣшимости. Удаченъ-ли, однакоже, выборъ такого приѣма въ научной полемикѣ? Сейчасъ мы это увидимъ.

Допустимъ, что занятое г. Гротомъ положеніе дѣйствительно представляетъ нѣчто въ родѣ неприступной крѣпости. Что-же? Положимъ-ли мы оружіе, или ринемся на этотъ философскій Гибралтаръ? Ни то, ни другое: мы не станемъ брать крѣпость г. Грота ни приступомъ, ни осадой а попробуемъ ее обойти. Мы увѣрены, что, заручившись надежными союзниками, мы легко обнаружимъ фиегивность неприступности, которою насъ пугаютъ, и не потратимъ много времени. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенный читатель не тѣится выставлять свои собственныя теоріи; онъ довольствуется чужими, лишь-бы онѣ были прочно установлены, и придерживается ихъ до тѣхъ поръ, пока не явятся лучшія. Во всякомъ случаѣ, онъ считаетъ себя вполне благополучнымъ, когда можетъ указать на благонадежныя источники и обнаружить при этомъ, что въ виду всякаго новшества онъ является не новорожденнымъ младенцемъ, которому впервые приходится испытывать впечатлѣнія философскаго бытія, но обремененнымъ нѣкоторымъ багажемъ путникомъ, который, не кидаясь опрометью на новыя

товарь, роется прежде въ своемъ скарбѣ и старается рѣшить, нѣтъ-ли у него уже въ запасѣ чего-нибудь равноцѣннаго, а то, пожалуй, и лучшаго.

Такъ, напрямѣръ, въ вопросѣ, съ котораго мы думаемъ начать нашу отвѣдь, а именно въ вопросѣ объ опредѣленіи психологіи и логики, а также и ближайшихъ—соприкасающихся съ нимъ, мы можемъ сопоставить воззрѣнія г. Грота съ воззрѣніями другихъ спеціалистовъ и прежде всего убѣдиться хоть въ томъ, что на безапелляціонныя, повидимому, сентенціи г. Грота на самомъ дѣлѣ существуетъ еще апелляція. Такъ, когда онъ провозглашаетъ что психологія есть то-то, а логика—то-то, мы сразу видимъ, что все это представляется страннымъ только до тѣхъ поръ, пока остается неизвѣстнымъ, что такъ говорить именно г. Гротъ и что оппонирующій ему обыкновенный читатель вовсе не остается совсѣмъ изолированнымъ, какъ та шахматная фигура, которая навлекаетъ партіи мать. Когда-же окажется, что дѣло обстоитъ именно такъ, то явится возможность посравнить мнѣнія союзниковъ обыкновеннаго читателя съ мнѣніями г. Грота, поразмыслить о ихъ соотносительной стоимости и—чего не бываетъ—стать не на сторону г. Грота.

Обратимся теперь къ первому нашему союзнику, бывшему доценту философіи лейпцигскаго университета, Карлу Герингу, и начнемъ съ его опредѣленія теоріи познанія, въ связи съ которымъ намъ яснѣе стануть опредѣленія психологіи и логики.

Герингъ считаетъ теорію познанія *наукою*, устанавливающей правила, примѣненіе которыхъ должно привести къ осуществленію познанія. Теорія познанія съ этой точки зрѣнія является наукою не описательною, т. е. она не описываетъ какимъ образомъ совершается *естественный ходъ мышленія*, не открываетъ *естественныхъ законовъ мышленія*, но указываетъ, *какъ должна идти мысль для достиженія цѣлей познанія*, и, слѣдовательно, даетъ нормальныя или руководящія законы мышленія. По этой причинѣ она есть формальная наука или, какъ Герингъ называетъ ее, демонстративная. Теорія познанія, какъ демонстративная наука, всего прежде имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль, именно—цѣль познанія, и только по отношенію къ этой цѣли находитъ подтвержденіе своего значенія, какъ науки. Но такъ какъ цѣль эта ставится по свободному рѣшенію людей, то, подобно другимъ чловѣческимъ цѣлямъ, она и задается измѣненіемъ или улучшеніемъ естественнаго теченія вещей и такимъ образомъ опредѣляетъ и другую сторону отношеній къ служащей ей наукѣ, а именно—въ устраненію заблужденій, неизбѣжныхъ при естественномъ ходѣ

мышления. Такая постановка задачъ теоріи познанія необходимо предполагаетъ знаніе естественныхъ заблужденій недисциплинированнаго ума и, слѣдовательно, науку, изучающую естественные законы мышленія; эта описательная наука есть психологія, которую и слѣдуетъ поэтому разсматривать какъ закономѣрное и необходимое основаніе теоріи познанія. Что-же касается логики, то Гёрингъ разсматриваетъ ее какъ составную часть теоріи познанія, вырабатывающую понятія, сужденія и умозаключенія изъ матеріала, доставляемаго теорією познанія, и потому не могущую существовать независимо отъ теоріи познанія. (C. Göring. System der kritischen Philosophie. I. S. 38—39; 306—307).

Опредѣленіе теоріи познанія, психологіи и логики, устанавливаемое Гёрингомъ, и вытекающій изъ этого опредѣленія взглядъ на отношеніе обыденнаго мышленія къ познанію вовсе не ведетъ, какъ видно изъ предшествовавшаго, къ тѣмъ несообразностямъ, которыя представляются столь непзбѣжными въ этомъ случаѣ для г. Грота. Идея развитія легко разрѣшаетъ всё мнимыя, будто-бы здѣсь кроющіяся, трудности и выводитъ вопросъ на ту прямую дорогу, на которой, къ превеликой радости обыкновеннаго читателя, не встрѣчается ни безконечныхъ загоронокъ, отгоронокъ и перегородокъ, ни той аракеевской симметріи, которая одною присушею ей смертоносною скукою придаетъ корнямъ ученія немощный избытокъ горечи. Выходъ на эту прямую дорогу мы совершимъ при помощи второго союзника нашего, профессора философіи мессинскаго лица, Серджи, который разсматриваетъ занимающій насъ вопросъ въ своемъ курсѣ психологіи. Пояснивъ, что натуральныи процессъ мышленія не можетъ по справедливости называться разумнымъ, Серджи указываетъ на тѣ первобытныя племена, которыя находятся на такой низкой степени развитія, что не могутъ даже составить себѣ полнаго представленія о внѣшнихъ предметахъ, не имѣютъ никакой идеи о выпуклости предметовъ и о перспективѣ, не умѣютъ считать далѣе трехъ или четырехъ, неспособны мыслить какую бы то ни было отвлеченную идею и вообще незнакомы съ процессомъ отвлеченія. «Для такихъ людей—говоритъ онъ—открытіе отношеній между предметами и тѣмъ болѣе отношеній между отношеніями—невозможно, и тѣмъ менѣе возможно для нихъ выраженіе этихъ отношеній въ опредѣленныхъ и послѣдовательныхъ предложеніяхъ. Умственные условія первобытныхъ народовъ не одинаковы, однако-жь; умственные процессы не всегда у нихъ такъ просты; существуетъ много степеней психическаго развитія у различныхъ расъ и племенъ, и въ этомъ отношеніи можно-бы открыть чувствительную постепен-

ность, начиная съ самой низшей, до той, на которой находится образованный европеецъ. Въ этой скалѣ развитія сказался-бы съ чрезвычайною легкостью и точностью не только законъ психическаго развитія, но рядомъ съ нимъ и другой законъ — законъ наследственности, тѣсно связанный съ закономъ развитія. Отдѣльныя личности расъ, стоящихъ въ умственномъ отношеніи на высокой степени, не начинаютъ развитія своего съ самой низжайшей ступени, но обладаютъ сравнительно высшей организаціей — результатомъ психо-органическаго развитія расы. Можно сказать поэтому, не рискуя впасть въ ошибку, что человѣкъ *сталъ разумнымъ, но первоначально не былъ таковымъ*, и что въ расахъ высшихъ человѣкъ родится разумнымъ только органически и переходитъ затѣмъ, при помощи упражненія и развитія соответственныхъ органовъ, отъ жизни зачаточной и младенческой — къ зрѣлой». Приведа затѣмъ примѣръ, подтверждающій это воззрѣніе, Серджи приходитъ къ тому окончательному заключенію, что различіе между расами въ умственномъ отношеніи слѣдуетъ считать не только количественнымъ, но и качественнымъ, — заключеніе, на важности котораго нѣтъ, конечно, надобности останавливаться. (*G. Sergi. Elementi di psicologia. 1879 p. 254—7*).

Если затѣмъ мы обратимся къ анатомо-физиологическимъ основамъ процесса мышленія, то здѣсь на помощь намъ явится третій нашъ союзникъ, вѣнскій профессоръ Мейнертъ, знаменитѣйшій изъ современныхъ специалистовъ по экспериментальной психологіи, и объяснить намъ, что хотя онъ и принимаетъ, вмѣстѣ съ Вундтомъ, что умозаключеніе есть основная логическая дѣятельность, тѣмъ не менѣе повсемѣстность причинныхъ соединеній въ мозгѣ сама по себѣ еще не даетъ, по мнѣнію Мейнерта, логическаго мышленія; субъективныя соединенія могутъ и не основываться на внѣшней связи вещей. «Импульсъ къ логической формѣ мышленія, говоритъ онъ далѣе, — дается только фактомъ совпаденія какого-нибудь субъективнаго соединенія съ зависимостью вещей другъ отъ друга. *Въ строеніи мозга нѣтъ никакихъ элементовъ, превращающихъ чисто-субъективныя умозаключенія въ логическую дѣятельность. Строеніе мозга весьма благоприятствуетъ разнымъ бесполезнымъ соединеніямъ, напр., въ родѣ соединенія образа луны съ движеніемъ задуванія; въ мозгѣ ребенка подобнымъ соединеніямъ нѣтъ числа»* (*T. Мейнертъ. Механика душевной дѣятельности. Перев. В. Кавдинскаго. 1880. См. также: Th. Meynert. Ueber Fortschritte im Verständniss der krankhaften psychischen Gehirnzustände. 1878. S. 31 und folg.*).

Насъ очень соблазняетъ еще новая книга страсбургскаго про-

фессора Виндельбанда — «Präludien», 1884 — тѣмъ обиліемъ мѣткихъ и характеристическихъ чертъ, которыми она могла-бы снабдить нашъ бѣглый эскизъ, но мы боимся удлиннять его, тѣмъ болѣе, что многое пришлось-бы повторять, только на иной ладъ. Существенное-же и теперь достаточно уже выяснилось. Такъ, очевидно стало, конечно, что мы не имѣемъ никакой нужды отвергать существованія разрозненныхъ знаній у обыденнаго мышленія, но что независимо отъ нихъ предъ нами отчетливо возникаетъ типъ этого рода мышленія въ отличіе отъ типа научнаго познанія. Типъ этотъ опредѣляется общею совокупностью присущихъ ему основныхъ чертъ, а не частными и второстепенными штрихами. Подобно тому, какъ типъ мѣстности, степной, напимѣръ, или гористой, опредѣляется помимо случайныхъ деревьевъ или разбросанныхъ равнинъ. Что-же касается до опредѣленія того историческаго момента, съ котораго слѣдуетъ считать народженіе научнаго типа, то и этотъ вопросъ, вполне согласно съ приведенными выше основаніями, рѣшенъ уже страббургскимъ профессоромъ Лаасомъ, къ сочиненію котораго «Idealismus und Positivismus» мы и отсылаемъ любознательнаго читателя. О точкѣ зрѣнія 25-го вѣка у насъ не можетъ быть рѣчи потому, что оцѣнку явленій умственной жизни мы считаемъ возможной лишь съ той точки зрѣнія, которая дается намъ живою дѣйствительностью, т. е. даннымъ моментомъ развитія научнаго знанія; разсуждать-же о томъ, что было-бы, если-бъ всего того, что есть вокругъ насъ, не было-бы, мы считаемъ по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ.

Въ заключеніе этой группы замѣтокъ скажемъ еще два слова и по вопросу о цѣляхъ въ наукѣ, о которыхъ, какъ оказывается изъ приведенныхъ указаній, не отказываются говорить и ученые спеціалисты. И это происходитъ по той простой причинѣ, что ученые эти различаютъ, надо полагать, науки абстрактныя отъ наукъ конкретныхъ. Эти послѣднія, какъ извѣстно, считаются «основами дѣятельности», и не говорятъ въ нихъ о цѣляхъ—мудрено. Обо всемъ этомъ, какъ-то: о различіи абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, различіи конкретныхъ наукъ и теорій искусствъ и т. д. было достаточно говорено уже въ нашей литературѣ и еще входитъ въ эти пренія было-бы излишне. Замѣтимъ только, что сравненіе мышленія и пищеваренія никакъ не можетъ дать серьезной параллели между двумя этими функціями за отсутствіемъ сознанія у органовъ пищеваренія и невозможности существованія такихъ желудочно-кишечныхъ явленій, которыя соответствовали бы явленіямъ психическимъ. Нѣтъ явленій — нѣтъ и наукъ.

ихъ изучающихъ; не должно быть и никакихъ толковъ, абутирующихъ въ это пустое мѣсто.

Нашъ отвѣтъ на общую совокупность вопросовъ, связанныхъ съ утверждаемымъ нами смѣшеніемъ у г. Грота психологіи, теоріи познанія и логики былъ-бы неполонъ, если-бы мы прошли молчаніемъ взглядъ г. Грота на научное значеніе эксперимента. «Неужели—говоритъ онъ—мой рецензентъ не видитъ признаковъ «эксперимента» въ наблюденіяхъ астрономовъ надъ небесными тѣлами помощью телескоповъ? Тамъ, гдѣ есть организованное и прибѣгающее къ искусственнымъ орудіямъ и приемамъ наблюденіе, оно и называется экспериментомъ. Поэтому я утверждаю вновь, что экспериментъ есть «методическое наблюденіе» и характеристическій признакъ *всякой науки* (не выключая и такія несовершенныя науки, какъ психологія)». Мы очень хорошо понимаемъ такое упорное отстаиваніе мнѣнія, крушеніе котораго повлечетъ за собою и всю симметрическую схему познавательной дѣятельности—одинъ изъ краеугольныхъ камней «реформы». Намъ очень жаль, однакоже, что новые доводы автора представляются намъ все-же неубѣдительными и какъ будто только и мѣтящими на прилаживаніе злополучнаго «эксперимента» къ схемѣ, въ которой, на нашъ взглядъ, онъ что-то не крѣпко держится. Конечно, если авторъ прикажетъ ему, онъ будетъ держаться, но въ глазахъ специалистовъ естествознанія, да едва-ли не всего читающаго свѣта, останется убѣжденіе, что экспериментомъ называется такое наблюденіе, при которомъ изучается не тотъ или другой существующій въ природѣ случай, а случай искусственно получаемый посредствомъ цѣлесообразнаго сопоставленія обстоятельствъ, или случай, такъ сказать, вновь создаваемый. Поэтому мы утверждали и утверждаемъ, что экспериментъ въ астрономіи невозможенъ и что наука эта не въ состояніи протиснуться поэтому въ схему на указанное ей мѣсто, почему схема или должна обойтись безъ нея, или повиниться въ своей искусственности и потерпѣть за оную кару эфемерности.

Теперь, когда нашъ взглядъ на разматриваемую группу вопросовъ очертился во всей его рѣзкой противоположности взгляду г. Грота, мы можемъ спросить всякаго, прослѣдившаго за ходомъ нашихъ аргументовъ, остались-ли мы внѣ науки, отдѣляясь отъ г. Грота, или благополучно въ ней пребывали и пребываемъ? Если имена нашихъ союзниковъ имѣютъ какое-нибудь значеніе, то обыкновенный читатель, кажется намъ, имѣетъ право мечтать, что онъ здраво и невредимо сидитъ въ той самой крѣпости, въ

которую думали его не пустить, и эту мечту едва ли удастся отнять у него такъ легко, какъ могло, пожалуй, казаться.

Теперь, когда для читателя выяснилось то различіе, которое мы дѣлаемъ между предметомъ психологіи и — логики, между обыденнымъ мышленіемъ и познаваніемъ, ему легко будетъ оцѣнить и дальнѣйшій ходъ нашихъ возраженій противъ ближайшихъ послѣдствій смѣшенія понятій, поддерживаемаго г. Гротомъ. Такъ по вопросу о заблужденіяхъ и иллюзіяхъ мы въ замѣткахъ нашихъ предъявили ему требованія, основательность которыхъ онъ отвергаетъ, но которыя мы и теперь не отказываемся отстаивать. Если бы г. Гротъ, подобно Ст. Миллю, утверждалъ, что «логика изучаетъ наши умственные отправленія, лишь насколько они доставляютъ знаніе намъ самимъ и даютъ намъ же возможность пользоваться этимъ знаніемъ», (Дж. Ст. Милль. Система логики. Изд. 2, I. Стр. 5), то мы допустили-бы, конечно, возможность и для него по вопросу о заблужденіяхъ держаться извѣстныхъ узкихъ рамокъ, но такъ какъ г. Гротъ имѣетъ въ виду «сдѣлать изъ логики науку естественную, одну изъ наукъ объ организмѣ чело-вѣка» и подводитъ подъ понятіе «познавательной дѣятельности» не только то, что и мы считаемъ таковымъ, но еще и то, что мы, вслѣдъ за Миллемъ, считаетъ лишь «умственнымъ отправленіемъ», то мы и считаемъ себя въ правѣ требовать отъ него значительнаго расширенія въ постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и, между прочимъ, вопроса о заблужденіяхъ, въ который самъ г. Гротъ счелъ нужнымъ включить чисто-психологическій вопросъ объ иллюзіяхъ. Разногласіе наше начинается со взгляда на значеніе раздѣлительной черты между здравымъ разумомъ и областью патологическихъ явленій. Степень рѣзкости этой черты есть, конечно, понятіе относительное; сопоставленія, приведенныя въ нашей статьѣ, доказали однакоже, какъ мы полагаемъ, что г. Гротъ не только проводитъ ее слишкомъ рѣзко, но и видитъ ее тамъ гдѣ современные спеціалисты вовсе ее не замѣчаютъ. Теперешнее объясненіе г. Грота нисколько не улучшаетъ прежняго его рѣшенія этого вопроса. Не говоря о томъ, что выраженіе «*болѣе или менѣе здоровая умственная организація*» не совсѣмъ-то понятно, а различеніе *ненормальнаго* умственнаго состоянія отъ *патологическаго* и совсѣмъ загадочно, самая ссылка на возможность теоретическаго установленія разграничивающей черты не удовлетворяетъ насъ потому, что мы понять ее не можемъ, не переходя съ точки зрѣнія г. Грота на точку зрѣнія Геринга и Милля. И дѣйствительно, всѣ представители науки о чело-вѣческомъ организмѣ единогласно утверждаютъ, что такой черты *не существуетъ*. Вотъ

туть-то и является сама собою необходимостью въ помощи значительнаго и важнаго контингента специалистовъ по изученію организма человѣческаго—гг. психіатровъ, призывъ которыхъ г. Гротъ считаетъ излишнимъ, находя, что наши «поученія»—т. е. по просту справки въ области психіатріи—не идутъ къ дѣлу. А мы, какъ на зло, узнаемъ съ разныхъ сторонъ, что психіатры въ новѣйшее время съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ посвящали свои труды тому вопросу, о которомъ теперь идетъ рѣчь; волеяневолей приходится принять къ свѣдѣнію ихъ мнѣнія, какъ мнѣнія специалистовъ,—тогда само собою и обнаружится, идутъ-ли мнѣнія эти къ дѣлу или нѣтъ.

Одинъ терминъ «аналогіи помѣшательства» самъ по себѣ ужъ очень краснорѣчивъ. Изслѣдуя эти аналогіи, Крафтъ-Эбингъ указываетъ на шаткость границъ здраваго и больного ума и останавливается, между прочимъ, на поразительномъ типѣ того рода людей, сужденія о которыхъ обыкновенно различествуютъ до такой степени, что колеблются между приравниваніемъ ихъ геніямъ, или сопричисленіемъ къ сумасшедшимъ. (*D-r R. v. Krafft-Ebing. Lehrbuch der Psychiatrie, I, S. 31 u. f.*). Эта аналогія между безумными и тѣми, коихъ считаютъ «учителями знающихъ» (*i maestri di color che sanno*) проведена съ особенною послѣдовательностью и разработана съ наибольшою полнотою извѣстнымъ психіатромъ Ломброзо. Въ его монографіи «Genio e Follia» приведена масса самыхъ поразительныхъ и неожиданныхъ сближеній. Читая ее, мы видимъ, что и истина, и заблужденіе являются вѣдренными съ особенною силою у геніевъ и помѣшанныхъ, что возбудимость тѣхъ и другихъ имѣетъ множество общихъ имъ обоимъ чертъ сходства, что поэтическое вдохновеніе и энтузіазмъ геніевъ очень часто переходятъ непосредственно въ галлюцинаціи, (*Genio e Follia. 4 edizione. Cap. II*), что меланхолія—т. е. совершенно определенное патологическое состояніе—часто служила основаніемъ, на которомъ развивалось міросозерцаніе великихъ мыслителей и поэтовъ (*id. p. 125*).

Если мы вдумаемся въ эти сближенія и аналогіи, если, не ограничиваясь однимъ, двумя сочиненіями, о нихъ трактующими, мы оглянемъ всю обширную литературу вопроса: Лелю, Моро, Гагена, Ю. Б. Мейера, П. Якобія, то убѣдимся, конечно, что игнорированіе психіатріи при изученіи мышленія и познаванія можетъ оказать крайне вредное вліяніе. «Ни одинъ профессоръ метафизики или психологіи не можетъ претендовать на знаніе элементовъ того, чему онъ обучаетъ, пока онъ не ознакомился съ явленіями помѣшательства, идиотизма и эпилепсіи—говоритъ Гальтонъ въ своемъ

новомъ «Исслѣдованіи человѣческихъ способностей». — Онъ долженъ изучить проявленія болѣзни и врожденнаго помѣшательства столько-же, какъ и здороваго состоянія и высшаго умственнаго развитія». (*F. Galton. Inquiries into human faculty. 1883, p. 68*). Будемъ надѣяться, что все болѣе и болѣе возрастающая масса психіатрическихъ исслѣдованій будетъ служить лучшимъ подкрѣпленіемъ этой мысли и убѣдить г. Грота, что взятая имъ на себя задача едва-ли разрѣшится, если онъ будетъ продолжать считать справки въ области психіатріи неудачными къ дѣлу.

Поятное дѣло, конечно, что всякій новый матеріалъ всего прежде долженъ быть прочитанъ и что ранѣе о немъ и говорить не стоить. Теперь, напримѣръ, г. Гротъ совѣтуетъ намъ подумать объ указанной нами идеѣ «антификаціи» Виньоли и выражаетъ надежду, что мы додумаемся до объясненія этой идеи все тѣмъ-же фактомъ «ненаблюденія и незнанія». Если-бы ранѣе, чѣмъ давать этотъ совѣтъ, г. Гротъ потрудился узнать, что Виньоли усматриваетъ процессъ антификаціи прежде всего у животныхъ, то—надо полагать—мы-бы остались безъ очень неудачнаго совѣта. Замѣтимъ еще кстати, что терминъ «антификація» ничего мудренаго не представляетъ; по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не мудренѣе столь милыхъ сердцу г. Грота «эвакуація» и «аккумуляція». Слово «антификація» выработано изъ самаго обыкновеннаго слова *идентификація* и, слѣдовательно, въ *болѣе сложной формѣ* существовало уже давно.

Перейдемъ теперь къ вопросамъ второстепеннымъ и постараемся быть сколь возможно болѣе краткими.

Г. Гротъ говоритъ, что мы путаемъ вопросъ изложенія и исслѣдованія, а потому и толкуемъ неправильно его отношеніе къ предшественникамъ, представленное въ его сочиненіи съ полною ясностью. Возраженіе это—какъ мы думаемъ—вызвано лишь однимъ нежеланіемъ г. Грота понять наши замѣчанія. Намъ не столько интересовалъ вопросъ о томъ, какъ онъ излагаетъ свой предметъ, сколько другой, болѣе важный, а именно: вопросъ о томъ, какъ оцѣниваетъ г. Гротъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Рѣшеніе этого послѣдняго подавало намъ надежду на возможность облегчить для себя пониманіе и оцѣнку сочиненія самаго г. Грота. Разсматривая этотъ вопросъ, мы прежде всего не могли не указать на явное противорѣчіе, встрѣченное нами у автора: на стр. XIV предисловія у него говорится о «весьма солидныхъ новѣйшихъ писателяхъ по логикѣ», а на стр. 22—23 текста утверждается, что настоящее логики до того хаотично, что даже задачи будущаго еще вовсе неопредѣлены. Тутъ, очевидно,

сколько ни различай изложеніе отъ изслѣдованія, а солидности писателей, производящихъ только хаосъ, все-же не поймешь. Входя ближе въ обслѣдованіе вопроса, мы старались пояснить, что расширеніе теоріи ассоціаціи невозможно, такъ какъ она достигла уже максимума возможной для нея широты, т. е. была уже приложена ко всѣмъ безъ исключенія психическимъ явленіямъ. Затѣмъ и по вопросу объ усовершенствованіи этой теоріи мы искали возможности согласить противорѣчивыя заявленія г. Грота, который, съ одной стороны, имѣлъ видъ получающаго богатое наслѣдство готовой теоріи, требующей только улучшенія, а съ другой представлялся не получающимъ ровно ничего, такъ какъ все прошлое логики будто-бы было до того никуда негодно, что всю работу приходилось начинать снова, на совершенно новыхъ основаніяхъ. при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ» (стр. 22). Видя какъ злосчастная теорія ассоціаціи то признается за нуль, то полагается во главу угла новаго зданія, мы и считали себя въ правѣ предложить вопросъ: «дѣйствительно-ли старая теорія ассоціаціи такая ужъ несовершенная. и, въ особенности, требуется-ли ея расширеніе?» Не очевидно-ли, что отвѣтъ на этотъ вопросъ ужъ потому долженъ былъ явиться независимо отъ степени совершенства работы г. Грота, - что и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, состоитъ-ли эта работа въ усовершенствованіи старой теоріи или въ замѣщеніи ея чѣмъ-то совершенно новымъ.

Такъ какъ мы не касались вопроса о достоинствѣ теоріи г. Грота, предоставляя его вполне компетентности специалистовъ, и ограничились одними замѣчаніями на служація ей основныя психологическія положенія, то и на этотъ разъ, оставляя вопросъ этотъ неразрѣшеннымъ мы, для поясненія только-что высказанной мысли объ отношеніи теоріи г. Грота къ теоріямъ ей предшествовавшимъ, обратимся къ аналогическому сопоставленію, заимствованному изъ другой области знанія. Извѣстно, что Кювье не допускалъ объясненія всѣхъ измѣненій, которыя претерпѣла земля въ теченіи своей прошедшей жизни, однимъ только нынѣ дѣйствующими причинами, а потому и считалъ нужнымъ выдвинуть свою теорію катаклизмовъ. Ляйбл разрушилъ эту теорію, показавъ, что она была слишкомъ щедра на трату силъ и слишкомъ скупа на время; онъ доказалъ, что тихая, спокойная, но неутомимая энергія, не прекращавшаяся въ теченіи ряда вѣковъ, и произвела именно всѣ тѣ измѣненія, которыя теперь такъ поражаютъ насъ. Но теорія Ляйбля не охватывала всѣхъ явленій жизни земли: она объясняла измѣненія природы неорганической, но измѣненія природы

органической объяснить не могла,—она была вѣрна, но недостаточно широка. Дарвинъ, какъ извѣстно, пополнилъ эту теорію и создалъ подтвержденіе ея именно тамъ, гдѣ до него видѣли слабую ея сторону, и теорія катаклизмовъ, державшаяся еще въ палеонтологіи, была окончательно вытѣснена и изъ этого послѣдняго своего убѣжища.

На этомъ примѣрѣ мы ясно видимъ, какимъ образомъ, при переходѣ отъ теоріи Кювье къ теоріи Ляйэля-дарвиновской, совершается полное устраненіе первой и полная выработка занова второй; теорія катаклизмовъ не расширяется, такъ какъ расширять ее было некуда, — она охватывала *всю* явленія органической и неорганической природы, — а устраняется. Затѣмъ передъ нами уже ходъ роста и расширенія новой теоріи. При переходѣ отъ Ляйэля къ Дарвину, теорія остается и только совершенствуется, раздвигается, пополняется. Спрашивается теперь, съ которымъ изъ двухъ переходовъ, совершившихся въ области геологическихъ теорій, имѣетъ аналогію переходъ совершенный въ логикѣ г. Гротомъ: относится ли онъ къ своимъ предшественникамъ какъ Ляйэль къ Кювье, или какъ Дарвинъ къ Ляйэлю? Теперь, кажется, вопросъ ясенъ, только отвѣтить на него не легко, такъ какъ едва-ли можно настаивать на возможности расширенія отвергнутаго.

Точно также мы не спутали, а только не были въ состояніи распутать и другого вопроса,—вопроса о довѣрїи къ авторитетамъ. Мы вездѣ цитировали самый текстъ и избѣгали пересказовъ; приведенныя же нами цитаты обнаружили, что, г. Гротъ одновременно утверждалъ, что довѣрять слѣдуетъ только собственной мысли и что «индивидуальная мысль, по самымъ законамъ природы, — мысль болѣе или менѣе ограниченная, замѣнутая въ извѣстные предѣлы, зависящіе отъ условій индивидуальнаго развитія даннаго человѣка». Теперь, благодаря его комментаріямъ, выходитъ, что противорѣчїя здѣсь никакого нѣтъ; но мы спрашиваемъ, не смахиваютъ-ли такіе комментаріи на извѣстную подпись, сдѣланную малороссомъ подъ неудавшимся ему изображеніемъ льва?

Не знаемъ, нужно-ли намъ остановиться еще надъ вопросомъ о совращеніи ученыхъ въ спиритизмъ. Дѣло въ томъ, что ученые эти — вѣдь специалисты только своей *части науки*, а наука во всей ея цѣлости, т. е. *научная философія*, одна только и опредѣляющая *научное міропониманіе*, имъ — какъ то само собою и очевидно — чужда. Но, къ счастью или къ несчастью, мы тутъ вступаемъ въ область преній о такомъ предметѣ, о которомъ мы говорили довольно и для возвращенія къ которому необходимы нѣсколько болѣе сильныя побужденія.

Остается еще разсужденіе о волѣ, ея безсознательности, слѣпотѣ, соотношеніи къ чувству и тому подобныхъ матеріяхъ. Обо всемъ этомъ мы говоримъ только тогда, когда считаемъ невозможнымъ не говорить да и не слишкомъ ужь озабочены мыслью о краткости. Теорія воли не наша и полемизировать оней прежде всего слѣдуетъ не на основаніи нашихъ краткихъ набросковъ. О теоріи этой писано такъ много, что еслибы мы стали пытаться резюмировать хоть самое существенное на одной, двухъ страницахъ полемической статьи, то навѣрно опять рисковали-бы заслужить упрекъ въ темнотѣ, незаконченности, бѣглости изложенія и т. п. Да наконецъ, что-же изъ того, если указанная нами теорія воли и неудовлетворительна? Теорія г. Грота ровно ничего не выиграетъ оттого, что мы не умѣемъ подыскать лучшей взамѣнъ ея, а мы останемся при убѣжденіи, что намъ удалось доказать слабость обоснованія и нѣкоторыя прорѣхи въ этой насквозь пропитанной гелертерствомъ и страдающей противорѣчіями мудреной теоріи. Съ насъ и этого довольно, такъ какъ мы задаемся скромными цѣлями: не притязая на самостоятельное творчество, мы только ищемъ такихъ руководящихъ началъ для мысли и жизни, которыя съ пользою для себя и себѣ подобныхъ могъ-бы усвоить.

Обыкновенный Читатель.

О случайности въ жизни и исторіи.

E pur se muove!

Взглядъ мой на случайность въ исторіи, который изложенъ въ книгѣ *Основные вопросы философіи исторіи* (т. II, стр. 198—209), сдѣлался предметомъ критической статьи г. Ленскаго подъ заглавіемъ *Случайность и необходимость въ исторіи*, помѣщенной въ журналѣ «Дѣло» за ноябрь 1883 г.

Мой почтенный критикъ усматриваетъ въ моемъ взглядѣ «заблужденіе», настолько глубокое, что, по его мнѣнію, мое ученіе можетъ потерять всю свою силу, «вслѣдствіе этого взгляда, — и съ цѣлью защитить меня отъ самаго меня», онъ написалъ самую статью свою (стр. 3). Кроме того, г. Ленскій находитъ мои соображенія по этому вопросу сбивчивыми и запутанными въ то самое время, какъ другой мой критикъ, г. Слонимскій, наоборотъ, нашелъ, что случайность понята мною «не въ вульгарномъ, а строго научномъ смыслѣ» (статья *Законы исторіи и социальный прогрессъ* въ «Вѣстникѣ Европы» за ноябрь 1883 г., стр. 263). Я полагаю, что возраженія, сдѣланныя мнѣ г. Ленскимъ, суть результатъ нѣкотораго недоразумѣнія, происходящаго отъ различнаго пониманія нами термина «необходимость» и отъ различія выводовъ, которые можно сдѣлать изъ принципа случайности для практической жизни.

Необходимымъ мы называемъ то, что не можетъ быть иначе, противоположное чему невозможно. Есть необходимость и необходимость: одно не можетъ быть иначе по существу дѣла, по самой природѣ вещи, другое не можетъ быть иначе, потому что такъ сложились всѣ обстоятельства. Наприм., лишеніе пищи необходимо вызываетъ смерть, ибо на это есть достаточныя основанія въ коренныхъ свойствахъ органической жизни, нуждающейся въ возмѣщеніи потраченнаго на ея процессы вещества: это — необходимость *номологическая*. Иной случай представляетъ изъ себя единичное явленіе, которое не могло быть инымъ не въ силу природы вещей, а въ силу обстоятельствъ, которыхъ могло-бы и не быть: для

того. чтобы кто-либо, Иванъ или Петръ, умеръ съ голоду, нужны особыя причины, которыя необходимо привели его къ этому голоданію и его необходимому результату; Иванъ или Петръ могъ-бы и не умереть, если бы обстоятельства ему дозволили получить кусокъ хлѣба: это — случай необходимости *феноменологической*. Другими словами, есть необходимость внутренне-неизбѣжная, безусловная, имѣющая силу закона природы, и есть необходимость не неизбѣжная, условная, не имѣющая силы закона природы: *что-бы мы ни дѣлали*, человѣкъ, лишаемый пищи въ какой-бы то ни было формѣ, необходимо умереть, измѣнить этого мы не можемъ, но человѣка, которому грозитъ голодная смерть, мы можемъ спасти. *если дадимъ ему достаточное количество пищи*. Смерть, какъ результатъ лишенія пищи, вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ органическаго бытія вообще; голоданіе, грозящее смертію и даже къ ней приводящее, можетъ быть только слѣдствіемъ разныхъ условий, въ которыя поставленъ тотъ или другой организмъ. Необходимость перваго рода есть, повторяю, законъ природы: съ этой точки зрѣнія необходимо то, что по природѣ вещи иначе быть не можетъ, противоположное чему невозможно по существу дѣла. и тутъ для случайности мѣста нѣтъ. Необходимость второго рода не есть законъ природы, т. е. необходимымъ мы называемъ здѣсь то, что не могло быть иначе, противоположное чему было невозможно въ силу достаточныхъ на то оснований въ существованіи извѣстныхъ причинъ, совокупность которыхъ должна была привести къ такому, а не иному результату, — но чего не было-бы, если-бы обстоятельства сложились другимъ образомъ. Но условная необходимость предполагаетъ и условную случайность. Объяснимся. Безусловно необходимо то, что не можетъ быть иначе по существу дѣла, по основнымъ и кореннымъ свойствамъ вещи; условно необходимо то, что таково не по существу дѣла, т. е. то, что *могло-бы* быть иначе при другихъ условіяхъ, не составляющихъ неотъемлемой природы вещи, ея основныхъ и коренныхъ свойствъ. *Только такой необходимости я противопоставляю случайность*. «Случайнымъ, сказано въ моей книгѣ (т. I. стр. 198—199), мы называемъ совпаденіе во времени причинно между собою несвязанныхъ явленій. Каждое явленіе необходимо по отношенію къ своей причинѣ и случайно по отношенію ко всему остальному, съ чѣмъ совпадаетъ въ пространствѣ и времени. Поэтому все случайное таково только относительно: оно необходимо по отношенію къ своей причинѣ и необходимо по отношенію къ другимъ». Человѣкъ внезапно умираетъ на улицѣ отъ разрыва сердца: онъ дажно уже носилъ въ себѣ причину своей смерти,

она была необходимымъ результатомъ другихъ причинъ, лежавшихъ въ организаціи этого человѣка, тутъ нѣтъ случайности. Но вотъ совершенно здороваго человѣка, который могъ - бы прожить не одинъ десятокъ лѣтъ, убиваетъ на улицѣ кирпичъ, оторвавшійся отъ карниза: убитый не носилъ въ себѣ зародыша смерти, его смерть была результатомъ встрѣчи въ данномъ мѣстѣ и въ данное время двухъ независимыхъ одинъ отъ другого причинныхъ рядовъ, т. е. одинъ рядъ причинъ поставилъ человѣка въ данный моментъ на данный пунктъ, и совсѣмъ иной рядъ причинъ заставилъ въ этотъ моментъ и въ этомъ пунктѣ упасть кирпичъ; ни рядъ причинъ, приведшій убитаго на мѣсто его неожиданной кончины, ни тотъ, который свалилъ на голову убитаго камень, не заключали въ себѣ, каждый въ отдѣльности взятый, зародыша смерти, и совпаденіе ихъ для произведенія печальнаго результата мы не можемъ объяснить себѣ изъ одной общей причины, которая дала начало двумъ параллельнымъ рядамъ. Чтобы, сомневающимся снова, они могли убить человѣка, — не можемъ не восходя къ недоступной для насъ «причинѣ всѣхъ причинъ» или не ссылаясь на черезъ-чуръ абстрактный принципъ всеобщей необходимости. Смерть умершаго отъ разрыва сердца необходима по отношенію къ своей причинѣ, т. е. къ внутреннему процессу, совершавшемуся въ организмѣ; смерть убитаго кирпичемъ не необходима по отношенію къ тѣмъ причинамъ, которыя заставили свалиться съ высоты тяжелое тѣло. Идя далѣе, мы найдемъ, что есть причинные ряды, находящіеся во взаимодействіи, и есть причинные ряды, только сосуществующіе: одно дѣло — разговоръ двухъ лицъ, въ которомъ можно найти необходимую связь между отвѣтами и вопросами, заявленіями и возраженіями, и другое дѣло — два лица, говорящія одновременно, но другъ друга не слушающія: ихъ слова будутъ связаны между собою лишь одновременноностью, а не взаимной причинностью, и если при этомъ какъ-нибудь выйдетъ, что одинъ какъ будто отвѣтитъ на мысль другого, то такое совпаденіе мы назовемъ случайностью. Вотъ та основная мысль, которая проводится на указанныхъ страницахъ моей книги. Однимъ словомъ, понятіе случайности я противопоставляю не безусловной необходимости, вытекающей изъ природы вещи, а необходимости условной, т. е. обусловленной извѣстнымъ взаимодействіемъ причинныхъ рядовъ, или обстоятельствъ, и самому этому понятію придаю относительное значеніе. «Абсолютной случайности нѣтъ, говорю я, ибо ею была-бы только свобода воли, которой приписываютъ способность начинать рядъ измѣненій безъ достаточныхъ оснований» (I, 199).

Г. Ленскій, критикуя мой взглядъ на случайность, противопу-

лагаеть ее другому, номологическому понятію необходимости, а не феноменологическому, которому противопологаю я въ своей книгѣ, говоря о случайности въ исторіи, какъ совокупности извѣстныхъ явленій. Понятно, что должно было возникнуть недоразумѣніе. «Безусловно, заявляетъ онъ, отрицая случайность въ исторіи, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ въ ней царство закона» (стр. 13). Съ моей точки зрѣнія одно другому не противорѣчитъ: одинъ рядъ причинъ заставилъ меня задѣть на своемъ пути предметъ, который стоялъ тутъ вслѣдствіе другого ряда причинъ, паденіе предмета было случайнымъ результатомъ встрѣчи неловкости проходившаго и неосторожности поставившихъ предметъ на дорогѣ, т. е. двухъ причинъ, взаимно не обусловливавшихся, но паденіе предмета совершилось по «закону»: центръ тяжести оказался ниже точки опоры, предметъ направился къ центру земли, а не полетѣлъ вверхъ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ мой почтенный критикъ говоритъ о необходимости пзмѣнчивости, какъ общаго основного свойства соціальной жизни, и только въ этомъ смыслѣ вводитъ принципъ необходимости въ общественную науку (стр. 14 — 15). Въ своей книгѣ я равнымъ образомъ доказываю *эту* необходимость (II, 297 и сл.), но не ей противопологаю случайность, а необходимости связи явленія съ своей причиной. называя случайнымъ совпаденіе двухъ явленій, изъ которыхъ одно не обусловлено причиной другого. Кстати я не понимаю, почему г. Ленскій находитъ, что «подчинять общество новой необходимости — необходимости эволюціи — совершенно неосновательно»: эволюція въ концѣ-концовъ сводится на ту-же измѣнчивость, и если мой критикъ видитъ въ эволюціи нѣчто, не допускающее «внезапныхъ и неожиданныхъ метаморфозъ» (стр. 19), то я именно свое понятіе объ эволюціи дополняю понятіемъ о кризисахъ (II, 279 и слѣд.), и какъ-разъ каждый кризисъ, каждая внезапная и неожиданная метаморфоза по отношенію къ одной эволюціи (къ одному причинному ряду) есть случайность или бываетъ случайностью, такъ какъ представляетъ изъ себя нарушеніе одной эволюціи другою (въ родѣ того, какъ нарушеніе движенія человѣка движеніемъ сорвавшагося кирпича въ нашемъ примѣрѣ). Случайное и неожиданное, непредвидѣнное часто почти синонимы. Или вотъ еще примѣръ: въ одномъ мѣстѣ своей книги я говорю о случайномъ въ появленіи на сценѣ исторіи выдающихся личностей, а мой критикъ выводитъ ихъ необходимость, но опять номологически, т. е. не изъ того, что по предустановленной гармоніи для каждаго времени родится такой человѣкъ, какой ему нуженъ (какъ думалъ Гегель), а изъ необходимости разнообразія личностей (стр. 20), т. е. изъ общаго свойства органической природы, по которому

даже двухъ тождественно сходныхъ листьевъ въ природѣ нѣтъ. Наконецъ, я укажу еще одно мѣсто въ статьѣ г. Ленскаго, гдѣ онъ говоритъ, что приятно думать, будто всѣ наши дѣйствія—случайность, а не природа, не сущность вещей (стр. 12). Замѣтьте это противоположеніе. У меня его нѣтъ: въ природѣ вещей есть, по моему мнѣнію, стороны намъ благоприятныя и неблагоприятныя, а что касается до тѣхъ или другихъ бѣдствій или удачъ, то онѣ безразлично бывають и необходимы, и случайны, смотря по своимъ реальнымъ причинамъ: бѣдствія, которыя претерпѣвало населеніе Римской имперіи въ эпоху паденія, были необходимыми слѣдствіемъ всей ея исторіи, такъ ужь сложившейся, но по отношенію къ нимъ, бѣдствія, которыя сопровождали нашествіе гунновъ, были случайны, ибо причинъ этого нашествія нужно искать внѣ исторіи Римской имперіи. Прибавлю еще, что, говоря о необходимости, я никогда не употребляю этого слова съ оттѣнкомъ долгаго, къ чему мой почтенный критикъ обнаруживаетъ склонность: онъ напр.,—весьма справедливо, впрочемъ, —нападаетъ на нѣкоторыхъ философовъ исторіи за идею, что «такое-то явленіе, составляющее явное зло въ жизни общества, необходимо, тогда какъ это явленіе необходимо подлежитъ измѣненію» (стр. 16). Необходимое есть то, что имѣетъ достаточныя основанія въ причинахъ его произведшихъ, и въ этомъ только смыслѣ я употребляю терминъ (оставляя въ сторонѣ номологическое его употребленіе); но необходимымъ можно назвать и то, что нужно въ виду тѣхъ или другихъ цѣлей: если философы исторіи защищаютъ явное зло, какъ нѣчто должное, они неправы, но если ссылка на необходимость дѣлается ради объясненія существованія зла (которое, конечно, подлежитъ уничтоженію), то дѣло другое. Г. Ленскій спрашиваетъ, неужели и капитализмъ, по-моему, случайность и я, конечно, отвѣчу, что онъ необходимость, ибо объясняется изъ общихъ причинъ западно-европейской исторіи. Какъ относиться къ нему—другой вопросъ, но фактъ нужно признать фактомъ и рѣшить развился-ли онъ органически изъ всей совокупности условій жизни или явился извнѣ, какъ извнѣ, наприм., пришла для человѣка, убитаго кирпичемъ, причина его смерти.

Читателю теперь будетъ понятно, почему въ статьѣ г. Ленскаго возникло недоразумѣніе относительно моего взгляда на случайность въ исторіи. Мой критикъ имѣетъ въ виду необходимость, вытекающую изъ природы вещей, я—необходимость, обусловленную сѣпленіемъ обстоятельствъ. Необходимость первого рода, безусловная по содержанію, условна по формѣ своего выраженія: если дано А, то результатомъ его непременно должна быть В. Необходимость второго рода, условная по содержанію, по формѣ

своего выраженія, сводится къ констатированію причинной связи между двумя фактами: такое-то А было причиной такого-то В. Психологія и соціологія, какъ науки номологическія, изслѣдующія законы явленій, говорятъ о необходимостяхъ первого рода; исторія, какъ наука феноменологическая, т. е. повѣствующая о явленіяхъ, занимается необходимостями второго рода. Это не значитъ, чтобы одні необходимы противорѣчили другимъ, чтобы историческіе факты можно было раздѣлить на двѣ категоріи: всѣ эти факты одинаково необходимы, такъ какъ всѣ имѣютъ достаточныя основанія въ своихъ причинахъ, и во всѣхъ, нихъ одинаково проявляется дѣйствіе психологическихъ и соціологическихъ законовъ. Другими словами, каждый фактъ необходимъ, потому что для него въ дѣйствительности всегда есть извѣстная причина, съ которою онъ находится въ органической связи (смерть отъ разрыва сердца) или въ связи механической (смерть отъ паденія кирпича), и потому что по закону природы извѣстная причина всегда должна имѣть извѣстное слѣдствіе (разрывъ сердца причиняетъ смерть, разможеніе головы камнемъ причиняетъ смерть), но законъ природы выражаетъ только потенциальную необходимость, которая переходитъ въ дѣйствительность лишь тогда, когда для этого складываются обстоятельства, что зависитъ либо отъ болѣе или менѣе постояннаго и долговременнаго взаимодействія двухъ или нѣсколькихъ причинныхъ рядовъ, тѣсно связанныхъ между собою, либо отъ случайной встрѣчи двухъ или нѣсколькихъ причинныхъ рядовъ, бывшихъ сначала между собою несвязанными. Въ обоихъ нашихъ примѣрахъ человѣка, умершаго отъ разрыва сердца, и человѣка, убитаго кирпичемъ, все происходило по законамъ природы, т. е. каждая причина вызвала свое слѣдствіе: на кирпичъ дѣйствовала сила тяжести, кирпичъ оторвался потому, что сила тяжести оказалась больше силы, прикрѣплявшей кирпичъ къ зданію, кирпичъ этотъ падалъ по извѣстному въ физикѣ закону, онъ проломилъ черепъ проходившаго мимо человѣка по тому-же закону, по которому булатъ дробитъ стекло, и медики точно также найдутъ, почему человѣкъ съ пробитымъ черепомъ не могъ жить. Такимъ образомъ фактъ во всей сложности можетъ быть объясненъ научными законами, но вся его сложность нуждается еще въ объясненіи отдѣльныхъ его элементовъ изъ массы условій, которыя даны были въ дѣйствительности и безъ которыхъ не было-бы мѣста для дѣйствія всѣхъ законовъ, въ концѣ концовъ убившихъ человѣка; кирпичъ упалъ, потому что каменщикъ его плохо прикрѣпилъ, а случилось это потому-то и потому-то; онъ проломилъ черепъ, потому что въ моментъ его паденія проходилъ мимо человѣка, а проходилъ онъ мимо потому-

то и потому-то. Согласитесь, что рядъ причинъ, заставившихъ каменьщика дурно прикрѣпить камень, и рядъ причинъ, заставившихъ убитого проходить мимо, когда падалъ камень, суть два параллельные ряда, и что встрѣча ихъ, т. е. паданіе камня на голову убитого, совершенно случайна: фактъ во всей своей сложности случаенъ, а между тѣмъ все въ немъ происходило по законамъ. Мы могли-бы идти далѣе: мы могли-бы, напр., объяснить случайностью дурное прикрѣпленіе кирпича, положимъ, тѣмъ, что когда рабочій его прикрѣплялъ, вниманіе его было отвлечено проходившими мимо съ музыкой солдатами; мы могли-бы объяснить прохожденіе убитого по улицѣ, гдѣ съ нимъ произошло несчастіе, случайной встрѣчей съ знакомымъ, который отклонилъ его отъ прежде намѣченнаго пути, и оба эти факта опять-таки произошли по законамъ: рѣдкое явленіе обращаетъ на себя больше вниманія, чѣмъ обычное, и рабочій изъ-за музыки забылъ о своемъ кирпичѣ, который и оказался дурно прикрѣпленнымъ; человѣкъ повинуется болѣе сильному влеченію, а желаніе убитого поговорить по дорогѣ съ пріятелемъ было сильнѣе, чѣмъ желаніе идти скорѣе своей прежней дорогой. Законы такимъ образомъ вездѣ проявили свою силу, а между тѣмъ все происходило такъ случайно. Такъ и въ исторіи обществъ бываетъ, и случайности не исключаютъ законовъ, какъ законы не исключаютъ случайности. Такъ какъ мой критикъ понимаетъ терминъ необходимость въ иномъ смыслѣ, нежели я, то естественно мой взглядъ, по которому нѣтъ историческихъ законовъ, а есть законы психологическіе и соціологическіе, долженъ былъ быть истолкованъ не такъ, какъ я понимаю дѣло: я только утверждаю, что нѣтъ специальныхъ законовъ, которые объяснили-бы намъ такіе факты, какъ прохожденіе полка съ музыкой въ то время, когда прикрѣплялся злополучный кирпичъ, какъ встрѣча убитого съ знакомымъ, направившая его на злополучное мѣсто, какъ паденіе кирпича на голову прохожаго, а не минутой раньше или позже. Между тѣмъ, по представленію г. Ленскаго выходитъ, будто-бы у меня «фактическое содержаніе исторіи подчиняетъ законамъ психологіи и соціологіи *только отчасти*» (стр. 5), будто-бы у меня «одна половина фактовъ соціологической и психологической природы, а другая—Богъ знаетъ какой» (стр. 6). Совѣмъ нѣтъ: у меня *все* факты *цѣликомъ* признаются подчиненными законамъ, я только отрицаю существованіе специально-историческихъ законовъ для нѣкоторыхъ определенныхъ, т. е. индивидуальныхъ фактовъ. Но выводъ г. Ленскаго для меня объясняется просто: мой почтенный критикъ имѣетъ въ виду не ту необходимость, о которой говорю я, и видя, что я многіе факты называю случайными,

думаетъ, что этимъ я изъемлю ихъ изъ-подъ власти законовъ. Понятно, что съ той точки зрѣнія, на которую онъ сталъ, мои соображенія должны были показаться ему сбивчивыми и запутанными: дѣло въ томъ, что въ одно и то-же слово мы владычаемъ различный смыслъ. «Безусловно отрицая случайность въ исторіи, говоритъ г. Ленскій, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ въ ней царство закона». Я очень хорошо понимаю, что хотѣлъ сказать мой критикъ, и съ извѣстной точки зрѣнія онъ правъ, что не мѣшаетъ мнѣ выставить другой тезисъ, и я надѣюсь, что читатель послѣ сдѣланныхъ разъясненій съ нимъ согласится. Этотъ другой тезисъ, диаметрально противоположный тезису г. Ленскаго: «безусловно утверждая случайность въ исторіи, мы тѣмъ самымъ не отрицаемъ въ ней, однако, царства законовъ».

Г. Ленскій возражаетъ противъ моего взгляда и съ другой точки зрѣнія. Тутъ мы имѣемъ рядъ аргументовъ *ad hominem*: но словамъ моего критика, отъ этого взгляда «мое ученіе можетъ потерять всю свою силу». Позволяю себѣ усумниться въ этомъ и вотъ почему. Г. Ленскій находитъ, что съ теоріей случайностей въ исторіи «невозможно примириться, ибо въ ней гибель науки, смерть крутической мысли» (стр. 3): «принципъ случайности, поясняетъ онъ, не долженъ ограничивать и стѣснять нашу умственную работу и, скажемъ, нашу практическую дѣятельность» (стр. 4). Ну, а если случайности существуютъ все-таки? Самъ г. Ленскій допускаетъ «внезапныя и неожиданныя метаморфозы» въ жизни общества, а развѣ отсюда далеко до случайностей? Именно случайно то, что не предвидится: медикъ, освидѣтельствовавъ чело-вѣка съ больнымъ сердцемъ, можетъ предвидѣть смерть его, зародышъ которой онъ носитъ въ своемъ организмѣ, но смерть отъ сорвавшегося кирпича есть нѣчто непредвидимое, случайное. Разъ существуютъ такія случайности, намъ приходится съ ними считаться и въ наукѣ, и въ жизни. Наукѣ вообще, въ частности исторіи, остается «изобразить всю сѣть одна другую обуславливающихъ случайностей, классифицировать ихъ по степени важности въ общей ихъ совокупности, связать ихъ причинною связью, объяснивъ внутреннюю необходимость результата случайнаго совпаденія двухъ обстоятельствъ» (*Основные вопросы*, I, 202). На то мыслящая личность и мыслить, чтобы понять въ пришломъ неизбѣжность данныхъ въ немъ случайностей, т. е. установить ихъ относительную необходимость. Принципъ случайности, говоритъ г. Ленскій, «претитъ всѣмъ навыкамъ мыслящей личности» (стр. 11), но потому-то мы и не признаемъ абсолютной случайности, а стараемся ее объяснить сведеніемъ на извѣстные причинные ряды. Конечно, мы не въ состояніи дойти до послѣднихъ основаній не-

обходимости той или другой случайности, не уходя «въ непонятную для конечнаго ума безконечность, гдѣ всѣ причины соединены въ одной причинѣ» (*Осн. вопр.*, I, 202): у нашего ума есть границы, и, конечно, не принципъ случайности развиваетъ въ человѣкѣ сознание его умственной ограниченности (статья г. Ленскаго, стр. 4). какъ думаетъ мой критикъ. Притомъ и полезно видѣть, гдѣ границы нашей мыслительной способности: немало нагрѣшила метафизика именно потому, что не полагала предѣловъ уму человѣка. Вотъ если въ практической дѣятельности признаіе нашего принципа мѣшаетъ нашей умственной работѣ и стѣсняетъ нашу дѣятельность даже, какъ думаетъ г. Ленскій, то это другое дѣло, но и этого нѣтъ. «Съ вѣрой въ случайности можно вѣка проспаться», говоритъ мой критикъ (стр. 4). Вѣка проспаться можно съ фатализмомъ, т. е. съ теоріей, по которой *что ты не должи*, быть тому, чему суждено быть, но у меня въ книгѣ противъ фатализма и прямо кое-что есть (I, 137 и прим. на стр. 143), а косвенно она вся направлена противъ фатализма; принципъ-же случайности, по моему мнѣнію, нисколько не развиваетъ фаталистической вѣры: возможность случайностей, т. е. непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, заставляетъ человѣка именно работать и работать въ двухъ направленіяхъ — стремиться къ предвидѣнію и стремиться къ предупрежденію, насколько это въ нашихъ силахъ и средствахъ, которыя, однако, мы можемъ увеличивать и умножать. Занесеніе кораблемъ чумы изъ Египта въ Аѳины было случайностью, но если-бы аѳинское общество ее предвидѣло, то и предотвратить могло-бы. Предвидѣть можно лишь на основаніи хорошаго знакомства съ тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и на основаніи вычисленія всѣхъ возможныхъ случайностей, а потомъ и принимай мѣры, какія опять-таки найдеть мысль на основаніи опыта и соображенія. Принципъ случайности заставляетъ насъ быть на сторожѣ, ибо береженаго и Богъ бережетъ, и напрасно думаетъ г. Ленскій, что случайность такая ужъ вещь, передъ которою «долженъ умолкнуть разумъ», которая «зажимаетъ ротъ всѣмъ мыслящимъ людямъ»: по его словамъ, «е можно только къ трепетѣ созерцать и преклоняться передъ нею» (стр. 11). Нѣтъ, кое-что и другое можно сдѣлать: можно принять мѣры, чтобы кирпичи не валились съ карнизовъ, можно огораживать извѣстное пространство отъ пѣшеходовъ, если нельзя ничего сдѣлать, чтобы кирпичи не отрывались отъ зданій. Бываютъ несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ: ихъ было-бы больше, если бы противъ нихъ не принимали мѣръ, ихъ будетъ безконечно меньше, если мы будемъ предусмотрительнѣе и предупредительнѣе. Пусть идея случайности и неспособна, какъ говоритъ г. Ленскій,

возбудить въ насъ какія-либо отрадныя чувства (стр. 11): куда какъ неотрадно въ самомъ дѣлѣ ждать, что случайное градобитіе уничтожить наши посѣвы! Но едва-ли мой критикъ правъ, утверждая что идея эта не можетъ влить въ насъ новыя силы и бодрость (стр. 11): конечно, отрадиѣ было-бы жить, зная, что ничего дурнаго случится съ нами не можетъ, но разъ мы это знаемъ и знаемъ еще, что можемъ многое предусматривать и предупреждать, насъ это вызываетъ именно на усиленную дѣятельность. Въ обществѣ все постоянно измѣняется, справедливо говорить мой критикъ (стр. 16—17), но измѣняемъ-то все въ концѣ концовъ мы, люди: побольше сознанія и цѣлесообразности въ нашей дѣятельности, побольше предусмотрительности и предупредительности, и количество неожиданнаго, непредвидѣннаго въ исторіи сократится. Г. Ленскій основательно замѣчаетъ, что «по прошлому рѣшительно (принципально) нельзя судить о настоящемъ и тѣмъ болѣе о будущемъ» (стр. 17), а будущее-то тѣмъ болѣе можетъ быть въ нашихъ рукахъ, чѣмъ болѣе мы, опасаясь случайностей, будемъ развивать умственную и практическую дѣятельность для ихъ устраненія. Нашествіе гунновъ на Римскую имперію было неожиданностью, случайностью, но съ нами этого не повторится, если мы будемъ строго слѣдить за тѣмъ, что творится во всѣхъ углахъ міра, и во-время принимать мѣры. Если-бы человѣкъ, убитый кирпичемъ на улицѣ, зналъ, гдѣ грозитъ опасность, онъ не даль-бы соединиться двумъ причиннымъ рядамъ, встрѣча которыхъ произвела его смерть, или это сдѣлалъ-бы кто-нибудь другой огороживши на тротуарѣ опасное мѣсто. Кромѣ того, въ теоріи случайностей нѣтъ ничего обоюдостраго, и обвиненіе ея съ этой стороны г. Ленскимъ теряетъ силу при томъ, какъ я понимаю вопросъ. Самое это обвиненіе есть результатъ недоразумѣнія, происшедшаго отъ различнаго пониманія термина «необходимость». Пріятно, разсуждаетъ мой критикъ, пріятно думать, что всѣ наши бѣдствія—случайность, а не природа, не сущность вещей, но и вѣдь на удачу можно смотрѣть, какъ на случайность: «мнѣ важно знать, что мои настоящія усилія вырваться къ свѣту не пустяки» (стр. 12). Такого противоположенія я, повторяю, не дѣлаю: случайными были и многія бѣдствія. и многія удачи въ исторіи, а что усилія вырваться къ свѣту не пустяки, я доказываю всей своей книгой: прогрессъ возможенъ, нужно только не предоставлять его Контосвой самопроизвольной эволюціи (*évolution spontanée*), со всѣми ея случайностями, а изучать его законы и развивать основанную на этомъ изученіи дѣятельность. Прогрессъ нужно оберегать, какъ ребенка, отъ всѣхъ опасностей, которыя грозятъ ему со стороны разныхъ случайностей, являющихся въ исторіи по людской-же

винѣ, и изъ моего принципа, правильно понятаго, нельзя дѣлать такого вывода, который мы находимъ у г. Ленскаго: «не трудись напрасно, авось придетъ случай» (стр. 12). Наоборотъ, вотъ мой выводъ: «нужно трудиться самому, а не предоставлять своей судьбы случаю, который можетъ быть и благопріятнымъ, а чаще бываетъ неблагопріятенъ для насъ». Я вооружаюсь противъ всякаго фатализма: въ моей теоріи нѣтъ ни оптимистической иллюзіи, что счастье придетъ само собою, ни пессимистическихъ страховъ, будто бы никакими усиліями не завоевать его.—Я очень хорошо понимаю, почему г. Ленскому* показалось нужнымъ защищать меня отъ самого-же меня: ему дороги тѣ-же идеи, которыя дороги и мнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ, что мой взглядъ на случайность подрываетъ въ корнѣ всю силу этихъ идей. Надѣюсь, я разъяснилъ, что тутъ вышло недоразумѣніе, и указалъ, гдѣ его корень: корень его въ различіи пониманія нами отвлеченнаго термина «необходимость», что естественно повлекло за собою иные выводы изъ принципа случайности, нежели тѣ, которые дѣлаю я. Къ сожалѣнію, такова причина многихъ философскихъ споровъ, но въ такомъ случаѣ на спорящихъ лежитъ обязанность разъяснить недоразумѣніе, какъ скоро оно замѣчено, и я ничего не желаю, какъ того, чтобы данныя мною разъясненія, дѣйствительно, могли устранить указанное недоразумѣніе, если только я вѣрно понялъ его причину. Только такіе споры, когда стараешься понять своего противника, ставъ на его точку зрѣнія, плодотворны. Мой почтенный критикъ, усвоивъ, повидимому, мою общую точку зрѣнія, т. е. понявъ ее, нашелъ, что ей противорѣчить одинъ частный взглядъ мой, и я счелъ своею обязанностью найти причину того, что критикой усмотрѣно противорѣчіе тамъ, гдѣ для меня его не существуетъ. Предоставляю другимъ судить, насколько я исполнилъ свою задачу разъяснить недоразумѣніе, и отъ всей души желаю, чтобы мой почтенный критикъ убѣдился въ томъ, что съ той точки зрѣнія, съ которой я смотрю на дѣло, я не подрываю своимъ взглядомъ на случайности основъ своей теоріи: тѣмъ это для меня было-бы пріятнѣе, что въ области общихъ историко-философскихъ принциповъ г. Ленскій и я стоимъ на общей почвѣ, какъ кажется.

Н. Карѣевъ.

Варшава, 30 ноября 1883 г.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо первое.

Позвольте мнѣ прежде всего поблагодарить васъ за то, что вы радушно открыли страницы вашего журнала для скромныхъ замѣтокъ о томъ, что волнуетъ и интересуеетъ насъ, жителей отдаленной провинціи. Постараюсь не злоупотребить вашею любезностью, но заранѣе прошу снисхожденія, если мнѣ поневолѣ придется останавливать вниманіе вашихъ читателей на «мелочахъ» нашей жизни. Масштабы этой жизни вообще очень скромны, она вся построена на мелочахъ. Смѣю думать, однако, что эти мелочи заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. Вѣдь именно наши то «мелочи» въ послѣднемъ счетѣ и служатъ провѣркою многого очень крупнаго. Изъ мелочей это крупное слагается и на мелочи же опять въ концѣ концовъ распадается. Весь смыслъ посредствующаго процесса и заключается въ томъ, чтобы придать нѣсколько иной оттѣнокъ, вкусъ и запахъ тѣмъ «мелочамъ», сумма которыхъ составляетъ обиходъ повседневной жизни. Послѣдніе итоги подводятся тамъ-же, гдѣ мы видимъ и первоначальныя слагаемыя. Сельскій разсылный, разносящій «строжайшіе приказы» волостного правленія сельскимъ старостамъ—это послѣдній меркурій всего сложнаго административнаго механизма въ его суммѣ заключается окончательный плодъ многовѣтвистаго древа всѣхъ вообще канцелярій, департаментовъ, отдѣловъ, отдѣленій, столовъ и пр. пр. и пр. Когда захудалый мужиченко на тощей лошаденкѣ выѣзжаетъ вспахивать свою ниву, вы видите первый моментъ, первый актъ «экономическаго оборота» въ странѣ. Но тотъ-же самый мужиченко фигурируетъ и въ послѣднемъ актѣ этого «оборота». На его бюджетъ можно прослѣдить всего лучше, въ какую сторону склоняется общій балансъ всѣхъ хозяйственныхъ операцій страны. Если труды нашего мужиченки идутъ въ прокъ, если въ хозяйствѣ его является плюсъ, и онъ съ каждымъ годомъ по немногу «заправляется»—это значитъ, что та громадная эмкоу

фактовъ, которая именуется «государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ» идетъ здорово; это значить, что рядомъ съ мужиченкой и его сивкой работали въ благопріятномъ для него смыслѣ еще много другихъ союзниковъ, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ, и послѣднимъ результатомъ работы которыхъ явилось, что «мужиченко заправляется». Если, наоборотъ, «заправляется» не нашъ пахарь, а кто-нибудь другой, какой нибудь Филиппъ Ивановичъ Деруновъ, въ питейное заведеніе котораго идутъ послѣднія крохи нашего мужиченки, или къ землицѣ котораго мало-помалу присоединяются и «души» сосѣдей,—опять-таки, не смотря на всю ловкость Филиппа Ивановича, далеко не одной этой ловкости и хозяйственности слѣдуетъ приписать, что добро его умножается, а домъ превращается въ полную чашу. И на Филиппа Ивановича, какъ въ первомъ нашемъ примѣрѣ на заправляющаго мужиченку, работало много и много невѣдомыхъ ему рукъ. Адамъ Смитъ въ одномъ мѣстѣ своей книги перечисляетъ сколько людей принимаютъ прямое или косвенное участіе въ изготовленіи грубой шерстяной куртки простого работника, — начиная съ деревенскаго пастуха, до моряковъ, занятыхъ перевозкою различныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для красильщика и кораблестроителей изготовляющихъ суда и принадлежности къ нимъ для этихъ моряковъ. Для того, кто привыкъ останавливаться только на непосредственныхъ, ближайшихъ причинахъ окружающаго, должно казаться по истинѣ поразительнымъ, сколько сложныхъ факторовъ необходимо для появленія на свѣтъ такого простого предмета, какъ обыкновенная рабочая куртка? Но едва-ли представилась-бы менѣе поразительная картина, если-бы попытаться перечислить, сколько невидимыхъ рукъ ведутъ послѣднюю скотину со двора мужика недоимщика во дворъ къ деревенскому кулаку. Повидимому, это только мизерная драма между мизерными, но если всмотрѣться попристальнѣе, то окажется, что за спиной этихъ мизерныхъ актеровъ дѣйствуютъ и двигаютъ ими гораздо болѣе крупныя силы, которыя мы привыкли разсматривать въ иной, болѣе блестящей роли. Быть можетъ, мы встрѣтили-бы здѣсь и «прогрессъ крупной промышленности», и «волосальный ростъ банковаго дѣла и средствъ обращенія», и «постоянное возрастаніе платежныхъ силъ націи, выражающееся въ бюджетныхъ цифрахъ», и «усиленія національнаго могущества», и очень много другихъ, прекрасныхъ вещей.

Если, такимъ образомъ, въ мелкихъ фактахъ, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ», отражаются крупныя факторы, то не безце-

лезно и не безинтересно приглядываться иногда и къ мелочамъ провинціальной жизни.

Это соображеніе и дало мнѣ смѣлость просить васъ удѣлить маленькій уголокъ вашего журнала для мелочей нашего захолустья.

Не всегда, впрочемъ, провинціальному лѣтописцу приходится имѣть дѣло только съ «мелочами»: иногда онъ долженъ говорить и о фактахъ безспорно крупныхъ. Не скажу, чтобы «къ счастью». По крайней мѣрѣ, тотъ крупный фактъ, съ котораго я долженъ начать свою лѣтопись, такого свойства, что чѣмъ мельче онъ былъ-бы, тѣмъ лучше.

Пишу вамъ эти письма изъ Казани, центра одной изъ приволжскихъ губерній, считающейся въ числѣ хлѣбородныхъ, но уже не впервые, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, посѣщаемой бѣдствіемъ голода.

Казани вообще не везетъ за послѣднее время. Еще очень недавно ее считали царiceй Поволжья. Теперь намъ въ утѣшеніе остаются главнымъ образомъ славныя традиціи. Великій водный путь мелѣетъ съ каждымъ годомъ. Желѣзныя дороги, подошедшія къ нему въ разныхъ пунктахъ выше и ниже Казани, отняли отъ нея значительную долю торговаго ея значенія. Тщство казанцы возлагаютъ надежды на грядущую сибирскую желѣзную дорогу— и эти надежды постепенно разсѣиваются, подобно многимъ другимъ. Какъ въ области торговой и промышленной, такъ и въ другихъ сферахъ жизни тоже замѣчается печать упадка. Нашъ университетъ всего болѣе можетъ гордиться своимъ славнымъ *прошлымъ* и крупными научными именами дѣйствительно его украсившими (достаточно вспомнить хоть одного гениальнаго математика Лобачевского). Старожилы помнятъ времена, когда общественная жизнь если и не была ключомъ, то все-таки носила на себѣ характеръ движенія.

Но нигдѣ общій упадокъ не проявился въ такихъ острыхъ и рѣзкихъ формахъ, какъ въ положеніи крестьянскаго хозяйства; особенно за послѣдніе, по преимуществу неблагопріятные для этого хозяйства годы. Объ оскуднѣніи крестьянскаго населенія въ большей части губерніи свидѣлствуютъ всѣ, кто имѣетъ дѣло съ этимъ населеніемъ. Свидѣлствуетъ о немъ и языкъ цифръ, пока, впрочемъ, еще лаконичный, отрывочный. Такъ, изъ данныхъ общей конской переписи, произведенной въ 1882 г., видно, что 20% всѣхъ крестьянскихъ домохозяйствъ въ губерніи не имѣютъ лошадей. По уѣздамъ—средній процентъ безлошадныхъ дворовъ

доходить до 28 въ Мамадышскомъ и до 30 въ Казанскомъ *). Земскія статистическія работы (въ сожалѣнію, касающіяся еще весьма небольшого района) дополняютъ эту невеселую картину. Мы видимъ **), напримѣръ, что существуютъ уголки губерніи, гдѣ число безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ *въ среднемъ* доходить до 50%, а въ отдѣльныхъ случаяхъ далеко превосходятъ эту цифру. Мы видимъ также, что за послѣдніе годы процентъ этотъ растетъ и растетъ быстро. Возьмемъ такой небольшой при- мѣръ. Въ 11 деревняхъ, лежащихъ въ черноземной части губер- ніи и населенныхъ чувашами (по отзывамъ хозяевъ, племенемъ трудолюбивымъ и «хозяйственнымъ»), въ концѣ 50-хъ годовъ, когда работали кадастровыя комиссіи, было 22 безлошадныхъ хозяйства. Къ 1877 г. (году большого неурожая въ Казанской губ.) такихъ хозяйствъ насчитывалось 32. За пятилѣтіе, 1877— 81, число безлошадныхъ хозяйствъ *утроилось*, и ежегодный сред- ній приростъ былъ такой-же, какъ за всѣ 20 предшествовавшихъ лѣтъ вмѣстѣ. Наконецъ, за послѣдующіе 1½ года прогрессія шла еще быстрѣе, такъ что въ теченіи этихъ 1½ лѣтъ безлошадныхъ наросло столько-же, сколько за 6 предшествовавшихъ.

Причины такого оскудѣнія крестьянскаго хозяйства въ нашей губерніи слишкомъ сложны и разнообразны, чтобы говорить о нихъ въ бѣглой замѣткѣ, особенно когда точный цифровой матеріалъ, которымъ мы можемъ располагать, еще очень скуденъ. Губернское земское собраніе, на-дняхъ окончившее свою очередную сессію, образовало изъ своей среды особую комиссію для изслѣдованія размѣровъ и причинъ хозяйственнаго упадка губерніи. Надо раз- считывать, что комиссія соберетъ цѣнные матеріалы для отвѣта на вопросъ, ей поставленный, и тогда о причинахъ, вызвавшихъ печальные факты, которые у всѣхъ на глазахъ, будетъ возможно говорить, опираясь на точныя данныя. Но какова-бы ни была общая сумма такихъ причинъ, невозможно отрицать, что собствен- но на *обостреніе* экономическаго упадка крестьянскаго населе- нія имѣли очень значительное вліяніе тяжелые неурожайные го- ды, которые пришлось пережить нашей губерніи. Особенно бѣд- ствененъ былъ для Казани 1877 годъ. И ранѣе губернію пости- гали частные неурожай, то въ томъ, то въ другомъ ея углу. Са- марскій голодъ 1873 года захватилъ и юго-восточный хлѣбород- ный уголокъ Казанской губерніи, въ сѣверо-восточномъ углу почти ни одинъ годъ не хватало собственнаго хлѣба, но въ 1877 г.

*) См. «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1883, № 18.

***) См. Докладъ Казанской губ. земской управы, XIX очер. собр., 1883 г., № 41.

неурожаем былъ всеобщій. Несмотря на принятыя экстренныя мѣры, несмотря на значительную ссуду изъ общаго продовольственнаго капитала, крестьянскому населенію довелось перенести очень тяжелую годину въ 1877 и слѣдующемъ 1878 гг.

Но вліяніе голоднаго года отразилось и далѣе, на цѣломъ рядѣ послѣдующихъ годовъ. Распатанное уже ранѣе и вообще неустойчивое крестьянское хозяйство пошло быстро къ паденію. Какова была прогрессія этого паденія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—можно судить по примѣру, приведенному выше.

И вотъ, теперь населеніе, далеко не оправившееся еще отъ голода 1877—8 гг., постигается новымъ бѣдствіемъ: полнымъ во всей губерніи неурожаемъ озимовыхъ хлѣбовъ

Около половины полей, засѣянныхъ крестьянами рожью, пропало совсѣмъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ погибло болѣе $\frac{2}{3}$ озимей. На остальной уцѣлѣвшей части полей уродилось тоже не особенно много. Только въ одномъ изъ 12 уѣздовъ губерніи урожай дошелъ до самъ $2\frac{3}{4}$, въ большинствѣ же уѣздовъ урожай былъ самъ $1\frac{1}{2}$, самъ 1 и даже самъ $\frac{1}{2}$. По исчисленіямъ земскихъ управъ, собрано всего озимовыхъ хлѣбовъ въ губерніи 991 тыс. четвертей, *меньше* противъ необходимаго на обмененіе, продовольствіе, взносъ въ магазинъ и пр. на 2,431 четв.

Еще лѣтомъ возникали сильныя заботы о томъ, какъ достать сѣмянъ для посѣва. Кое-какъ, однако, нужда эта была улажена, хотя и съ прибавкою за крестьянскимъ населеніемъ долга въ продовольственные капиталы почти на полмилліона и вѣроятно еще на большую сумму долга въ частныя руки. Теперь является еще болѣе настоятельная забота о томъ, *чѣмъ питаться зиму, весну и лето* до новаго урожая? По счастью, урожай яровыхъ былъ въ прошломъ году почти вездѣ порядочный, а мѣстами и обильный, такъ что часть года крестьяне могутъ прожить насчетъ ярового. Но на весь годъ, конечно, дохода съ яровыхъ не хватитъ. Если бы на пропитаніе населенія было достаточно дохода съ одного поля, населеніе не находилось-бы въ такой нуждѣ, какъ теперь; нашъ крестьянинъ еле-еле кормится и уплачиваетъ подати и изъ полнаго-то урожая, гдѣ-же тутъ обойтись половиной! По разчетамъ уѣздныхъ земствъ, для прокормленія населенія понадобится добавочнаго пособія изъ продовольственныхъ капиталовъ на 708.000 р. Цифра эта, само собою разумѣется, не выражаетъ еще всего количества недостающихъ населенію средствъ. Не говоря уже о томъ, что продовольственныя пособія вычисляются въ размѣрахъ крайне необходимыхъ только для пропитанія въ строгомъ смыслѣ, приведенная цифра относится исключительно къ ссудамъ изъ губер-

скаго и общаго по имперіи продовольственныхъ капиталовъ, выдаваемыхъ только по истощеніи мѣстныхъ, общественныхъ запасовъ и капиталовъ крестьянскихъ обществъ.

Таковы размѣры нашей нужды. Какими-же средствами мы вооружены, чтобы бороться съ нею?

Для насъ, жителей голодающей мѣстности, этотъ вопросъ является самою жгучею злобою дня; но онъ имѣетъ и немалый общій интересъ, ибо, къ несчастію, мѣстная голодовка явленіе далеко не рѣдкое въ нашей землѣ, издревле слышущей «богатою и обильною». Поэтому вы, вѣроятно, не посѣтуете на меня, если я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности о положеніи продовольственнаго дѣла въ нашей губерніи. Эти подробности могутъ служить иллюстраціею для выясненія общей постановки у насъ капитальнаго вопроса объ обезпеченіи народнаго продовольствія въ неурожайные годы *).

Но прежде, чтобы ориентироваться въ вопросѣ, позвольте сдѣлать маленькую экскурсію въ область закона.

Большинству читателей вѣроятно извѣстно, что въ нашемъ законодательствѣ проведено очень важное общее начало о томъ, что обезпеченіе народнаго продовольствія и обмѣненія крестьянскихъ полей должно входить въ кругъ задачъ государственныхъ. Существуетъ цѣлый «уставъ о народномъ продовольствіи» и сложная іерархія учреждений, отъ сельскаго схода до комитета министровъ, на которыхъ возлагается приведеніе въ исполненіе постановленій этого устава.

Если судить только по тексту закона, то слѣдовало-бы придти къ заключенію, что голодовокъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ мѣстныхъ (противъ общаго бѣдствія никакими мѣрами предусмотрительности, конечно, ничего не подѣлаешь), не можетъ и быть. По видимому, все предусмотрено, рассчитано, обезпечено.

Къ сожалѣнію, какъ случается и со многими другими прекрасными началами закона, идея государственной заботливости, въ той формѣ, которую она получила въ примѣненіи къ практикѣ, далеко не оказывается такою плодотворною, какъ можно-бы ожидать.

Зависитъ это въ очень значительной степени отъ того, что воплощеніемъ идеи, самой по себѣ прекрасной, служитъ механизмъ

*) Приводимыя ниже данныя я заимствую изъ печатнаго отчета Казанской губ. земскоі управы и изъ весьма обстоятельнаго и прекраснаго составленнаго доклада ревизіонной комиссіи о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніи (загрогивающаго вопросъ и съ принципиальной стороны), прочитаннаго на губернск. земск. собраніи гласнымъ, процесс. А. В. Васильевымъ.

обетшальнй, устарѣвшій, негармоничный въ отдѣльных частяхъ и не отвѣчающій настоящимъ потребностямъ въ своемъ цѣломъ.

Организація дѣла обезпеченія народнаго продовольствія сложилась постепенно еще въ дореформенное время. «Уставъ народнаго продовольствія» изданъ въ 1834 г. Со введеніемъ земскихъ учрежденій, главнѣйшая часть обязанностей по народному продовольствію перешла къ нимъ, но все-таки дѣлу этому далеко не придано *земскаго* характера; по-прежнему вся система провинута духомъ сословности, опеки и регламентаціи, которая, однако, нисколько не устраняетъ возможности совершенно произвольнаго и нецѣлесообразнаго употребленія продовольственныхъ средствъ. Туго достается необходимая помощь, часть средствъ почти неизбѣжно растрачивается зря, а расплачиваться приходится такъ тяжело, что уже теперь нерѣдки случаи, когда населеніе, дѣйствиительно нуждающееся, предпочитаетъ лучше перебиться кое-какъ «своими средствами», чѣмъ завязываться съ продовольственнымъ долгомъ. Орудіе помощи обращается зачастую въ источникъ разоренія.

Сословный характеръ лежитъ уже на самыхъ источникахъ продовольственной помощи.

Въ прежнее время, съ «податныхъ» сословій: крестьянъ разныхъ наименованій и мѣщанъ производились особые сборы, хлѣбомъ и деньгами, на обезпеченіе продовольствія въ неурожайные годы. Изъ этихъ сборовъ составились и теперешнія продовольственные источники, находящіеся въ завѣдываніи «всесословнаго» земства.

Распредѣлены они такъ: въ каждомъ сельскомъ обществѣ должны имѣться хлѣбные запасы (по расчету 1 четверти озимаго и $\frac{1}{2}$ четверти ярового хлѣба на 1 «ревизскую душу») или общественные капиталы въ соответственномъ размѣрѣ. Эти капиталы и запасы могутъ употребляться только на нужды того общества, которому принадлежать. При недостаточности ихъ, помощь оказывается изъ *губернскаго продовольственнаго* капитала, образованнаго въ каждой губерніи въ размѣрѣ 48 коп., тоже на «ревизскую душу». Наконецъ, третій видъ продовольственныхъ средствъ составляетъ *общій продовольственный капиталъ*, находящійся въ завѣдываніи хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этотъ капиталъ вошли всѣ состоявшія въ наличности или въ долгахъ продовольственные суммы, оставшіяся за образованіемъ общественныхъ запасовъ и губернскихъ капиталовъ.

Нельзя не замѣтить, что такой способъ составленія продовольственныхъ средствъ очень мало соответствуетъ началамъ *земскаго*

хозяйства и земскаго обложенія. Если дѣло народнаго продовольствія есть дѣло *общеземское* (какъ это не разъ разъясняли сенатъ и какъ это само собою вытекаетъ изъ того, что завѣдываніе этимъ дѣломъ поручено земскимъ органамъ), то и продовольственные средства должны образоваться по общеземскимъ принципамъ. «Податныя сословія», «ревизская душа»—все это звучитъ какимъ-то анахронизмомъ въ земскомъ положеніи.

Затѣмъ девятнадцатилѣтняя практика земскихъ учрежденій показала, что существующія продовольственные средства вообще недостаточны. Особенно это сказывается въ губерніяхъ, чаще другихъ постигаемыхъ неурожаями и потому наиболѣе нуждающихся въ помощи. Мѣстные средства въ этихъ губерніяхъ совсѣмъ истощены. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ продовольственные фонды составляютъ совсѣмъ мертвый капиталъ. Что касается общаго по имперіи продовольственнаго капитала, который для истощенныхъ мѣстностей представляется единственнымъ якоремъ спасенія, то и онъ уже сильно пошатнутъ; притомъ-же доступъ къ этому источнику съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и всего болѣе для населенія тѣхъ именно губерній, которыя только на него и могутъ разсчитывать.

Въ земскомъ положеніи указанъ извѣстный путь для усиленія продовольственныхъ средствъ и для приданія имъ всесословнаго, земскаго характера. Именно, губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено устанавливать особые сборы со всѣхъ предметовъ земскаго обложенія для увеличенія мѣстныхъ продовольственныхъ источниковъ. Къ сожалѣнію, ни одно земство, насколько намъ извѣстно, не воспользовалось этимъ правомъ по собственному почину. Въ 1881 г. бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ напомнилъ о немъ земскимъ собраніямъ и предложилъ имъ обсудить вопросъ о возможности и надобности ввести упомянутые сборы. Но и на этотъ разъ дѣло не подвинулось впередъ. На призывъ отозвалось, кажется, только нѣсколько уѣздовъ, по большей части бѣдныхъ *). Конечно, ихъ рѣшенія никакой, сколько-нибудь ощутительной, перемѣны въ положеніи продовольственнаго дѣла произвести не могли.

Различными земствами были приведены очень разнообразныя доводы противъ предложенной министромъ внутреннихъ дѣлъ мѣры, но едва-ли мы ошибемся если скажемъ, что основнымъ, руководя-

*) Въ нашей губерніи уѣздные продовольственные сборы установлены въ двухъ небогатыхъ уѣздахъ: Чебоксарскомъ и Ядринскомъ. Въ первомъ главнѣйшимъ источникомъ земскаго обложенія служатъ казенныя, а во второмъ—крестьянскія дачи.

щимъ побужденіемъ въ данномъ случаѣ было нежеланіе имущихъ классовъ (наиболѣе представленныхъ въ земствѣ) «платить подать за неимущихъ», какъ это откровенно выразило егорьевское земство Рязанской губерніи.

Но если-бы даже земскія собранія отнеслись и иначе къ настоящему вопросу, трудно думать, чтобы введеніемъ всесловныхъ мѣстныхъ сборовъ могло быть достигнуто значительное улучшеніе дѣла и устранена опасность истощенія общаго продовольственного капитала (въ виду которой министерствомъ и былъ возбужденъ настоящій вопросъ). Крупныя выдачи изъ общаго капитала требуются именно такими губерніями, въ которыхъ мѣстными сборами не можешь нуждѣ; для этихъ губерній соразмѣрный нуждѣ сборъ долженъ-бы принять очень и очень крупныя размѣры. Но неговоря уже о томъ, что обложить сколько-нибудь значительнымъ новымъ налогомъ крестьянство, и безъ того нуждающееся, было-бы едва-ли возможно, и прочіе источники могутъ быть привлечены къ общей тягости только въ такомъ размѣрѣ, который не былъ-бы обременителенъ; а при такихъ условіяхъ тамъ именно, гдѣ дѣло стоитъ особенно плохо, оно такъ-бы и осталось.

Гораздо большихъ результатовъ можно-бы было ожидать отъ усиленія какимъ-нибудь, хотя-бы и незначительнымъ всесловнымъ сборомъ, прямо общеперскаго продовольственного капитала. Вообще, чѣмъ шире была-бы та база, на которую опирается дѣло обезпеченія народнаго продовольствія, чѣмъ болѣе проведено-бы было при этомъ начало взаимной поддержки и солидарности всего населенія, тѣмъ легче было-бы для плательщиковъ вынести тягость, разложенную на массу единицъ, и тѣмъ прочіе были-бы самыя источники продовольственной помощи. вмѣстѣ съ тѣмъ не лежала-бы совершенно мертвою такая значительная часть продовольственныхъ средствъ, какъ это имѣетъ мѣсто при теперешней системѣ *децентрализаціи* продовольственныхъ фондовъ.

Но никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи не дѣлалось. Наоборотъ, за послѣднее время практика продовольственного дѣла стала на совсѣмъ противоположный путь. Введеніемъ обще земской круговой поруки по ссудамъ изъ общаго имперскаго капитала (о которой мы будемъ подробно говорить ниже) еще рѣшительнѣе прежняго суживаются районы взаимной помощи въ продовольственномъ дѣлѣ. Каждая губернія должна отвѣчать сама за себя. Поддержка нуждающихся — въ какомъ-бы размѣрѣ она ни потребовалась — должна падать на прочее населеніе той же губерніи.

Если отъ *источниковъ* продовольственныхъ пособій мы обра

тимся къ самому характеру этихъ пособій и къ порядку распоряженія продовольственными средствами, мы натолкнемся на недостатки и несообразности еще болѣе рѣзкіе.

Нормальная форма продовольственнаго пособія есть *ссуда* и притомъ ссуда въ общемъ правилѣ *краткосрочная*. Пособія, выдаваемые изъ сельскихъ запасовъ и капиталовъ, должны возвращаться изъ перваго-же урожая; ссуды изъ земскаго, губернскаго капитала могутъ разсрочиваться губернскимъ земствомъ по его усмотрѣнію; наконецъ, ссуды изъ общаго капитала по имперіи выдаются на 3 года.

Заимобразная форма пособій неизбежно обусловливается самимъ характеромъ продовольственныхъ источниковъ. Какъ мы видѣли, источники эти неподвижны. Разъ составившись, въ былыя времена, продовольственные фонды приращаются только процентами отъ храненія части ихъ въ банкѣ. При такихъ условіяхъ безвозвратныя пособія, конечно, немислимы. Но какъ бы ни была необходима форма заимобразныхъ пособій, при условіи сохраненія *существующихъ* источниковъ продовольственной операціи, невозможно отрицать, что для *пользующихся* пособіями такая форма ихъ имѣетъ очень большія неудобства. Достаточно крестьянину два, три раза встрѣтиться съ нуждою въ продовольственной помощи въ тяжелые годы, чтобы запутаться въ долгу, почти неплатномъ. Взысканіе этого долга подчиняется той-же процедурѣ, какъ и взысканіе податныхъ недоимокъ, со всѣми ея послѣдствіями: выданныя ссуды вносятся въ окладные листы сельскихъ обществъ. Условіе непременно *краткосрочнаго* погашенія ссуды сопряжено въ особенности съ отягощеніемъ для плательщиковъ. На самомъ дѣлѣ вратосрочный долгъ почти всегда обращается въ долгосрочный, или числится изъ года въ годъ въ недоимкѣ, или по необходимости будучи разсроченъ земствомъ. Но конечно громадная разница воспользоваться ссудою на точно опредѣленныхъ условіяхъ, уплачивая ежегодно напередъ извѣстную небольшую сумму, или быть все время въ полной зависимости отъ «усмотрѣнія» земскаго собранія и находиться подъ дамокловымъ мечомъ внезапнаго востребованія всей ссуды или значительной ея части.

Но и не только для нуждающихся въ помощи тяжела настоящая форма этой помощи, она отзывается невыгодно и на прочности самой операціи, и на характерѣ дѣятельности, возлагаемой на обязанности учрежденій этой операціею завѣдующихъ. Если взысканіе пособій съ получавшихъ ихъ зависитъ отъ усмотрѣнія земства и въ еще большей степени отъ состоянія продовольствен-

ныхъ капиталовъ, то, съ другой стороны, солидность и даже самое существованіе этихъ капиталовъ обуславливается исправнымъ взносомъ ссудъ. Если прежніе заемщики окажутся несостоятельными къ уплатѣ, самая вопіющая новая нужда не можетъ быть удовлетворена (по крайней мѣрѣ изъ *мѣстныхъ* средствъ, а какъ мы уже говорили именно возможная *локализация* помощи и составляетъ преобладающее теперь направленіе продовольственной операціи). Понятно, поэтому, какимъ жгучимъ вопросомъ является для мѣстныхъ органовъ продовольственнаго дѣла—земствъ—вопросъ о «неукоснительномъ взисканіи ссудъ». И дѣйствительно, мы безпрестанно слышимъ жалобы земскихъ органовъ на «недостатокъ энергіи» при сборѣ продовольственныхъ долговъ, на допущеніе накопленія недоимокъ и проч., жалобы, ведущія нерѣдко и къ ходатайствамъ о «понужденіи» кого слѣдуетъ. Отлично сознавая всю раззорительность для крестьянства вообще существующихъ порядковъ взисканія податей и повинностей, земство тѣмъ не менѣе вынуждено или настаивать на «неослабномъ» его примѣненіи къ продовольственнымъ недоимкамъ, или отказаться отъ дальнѣйшей выдачи ссудъ за неимѣніемъ источниковъ для этого. Конечно, есть еще и третій путь—усиленіе продовольственныхъ средствъ на счетъ *всѣхъ* земскихъ плательщиковъ; но путь этотъ слишкомъ тернистъ, чтобы по немъ захотѣли идти «правящіе» элементы земства. И, какъ мы видѣли, они и не пошли.

Въ виду всего приведеннаго, нельзя не отдать полного преимущества предъ существующими способами продовольственной помощи тому *типу* помощи, который примѣненъ въ дѣлѣ взаимнаго земскаго страхованія отъ огня, именно выдачи *безвозвратныхъ* пособій. Конечно, въ настоящее время и земское страхованіе сопряжено нерѣдко съ отягощеніемъ для населенія. Но происходитъ это не отъ принципиальныхъ недостатковъ самой идеи положенной въ его основу, а отъ той формы, въ которую идея эта воплощена. Земское страхованіе отъ огня поставлено узко, территоріально (страховые районы ограничиваются предѣлами одной губерніи) и сословно: вся тяжесть операціи лежитъ на одномъ крестьянствѣ. Продовольственное дѣло можетъ и *должно* быть поставлено шире. Какъ мы уже говорили выше, *всесловный* характеръ и возможно болѣе широкій территоріально районъ дѣятельности составляютъ необходимыя условія и прочности и рациональной постановки продовольственной операціи, по какому-бы типу она ни была построена.

Система помощи *страховой* имѣетъ и еще одно важное преимущество передъ настоящею формою продовольственной операціи, именно—она даетъ гораздо менѣ простора *произволу* въ распредѣленіи пособій, произволу, который проникаетъ насѣвозъ дѣятельность теперешней организаціи дѣла народнаго продовольствія. Страховое пособіе выдается *пострадавшему*, продовольственная ссуда—дѣйствительно *нуждающемуся*. Быть можетъ, съ точки зрѣнія идеальной справедливости послѣдній способъ помощи и долженъ-бы быть предпочтенъ, но для того, чтобы онъ былъ осуществимъ на практикѣ, нужно очень много условій. Определить размѣры убытковъ, причиненныхъ тѣмъ или инымъ несчастіемъ и даже причины этого несчастія, хотя и бываетъ часто затруднительно, но все-таки здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактами гораздо болѣе осязательными и поддающимися учету, нежели при рѣшеніи вопроса о томъ, насколько то или другое лицо или группа лицъ *нуждаются въ пособіи*. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ размѣровъ и свойствъ самого несчастія, которымъ постигнуты данные лица, подлежатъ изслѣдованію еще и *степень состоятельности* этихъ лицъ; необходимо наконецъ выяснитъ, не могутъ-ли они обойтись и безъ пособія, нѣтъ-ли такихъ источниковъ дохода, которыми при желаніи они могли-бы воспользоваться помимо пособія. Но, очевидно, что выполнение такихъ сложныхъ задачъ требуетъ и правильной, и приспособленной организаціи дѣла. Иначе, при преслѣдованіи идеальныхъ цѣлей съ помощью грубыхъ и несовершенныхъ пріемовъ, на сцену неизбѣжно выступитъ произволъ, т. е. будетъ нарушена самая элементарная справедливость.

Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что такая участь постигаетъ часто и идеальныя требованія закона по продовольственному дѣлу, при примѣненіи ихъ къ практикѣ.

Не смотря на то, что въ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія участвуетъ очень много учреждений, взаимно опекающихъ и контролирующихъ другъ друга, нельзя не сказать, что правильной *организаціи* этого дѣла почти не существуетъ, и главнымъ образомъ, не имѣется вовсе такихъ мѣстныхъ учреждений, которыя стояли-бы *близко* къ населенію и для которыхъ было-бы возможно составить правильное понятіе о размѣрахъ его нужды, на основаніи постоянныхъ, повседневныхъ, такъ сказать, наблюденій, а не *ad hoc* въ ту минуту, когда возникаетъ вопросъ о пособіи. При складѣ продовольственной операціи у насъ по принципу, близкому къ началу *благотворительному*, при *индивидуализаціи* пособій, требуемой закономъ (пособія, изъ какого-бы источника они ни выдавались, назначаются *отдѣльнымъ лицамъ*, а не цѣлымъ обще-

ствамъ), существованіе такихъ мелкихъ единицъ въ продовольственной организаціи, *мѣстныхъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова учрежденій, представляется совершенно необходимымъ. Если ихъ *нельзя* создать, нельзя гоняться и за тѣми задачами, которыя законъ возлагаетъ на органы продовольственной операціи.

У насъ назначеніе и раздача пособій возлагается *непосредственно* на земскія учрежденія, уѣздныя и губернскія. Но, не говоря уже о губернскомъ земствѣ, даже и уѣздъ—единица слишкомъ крупная, чтобы исполнительные органы уѣзднаго земства могли выполнить добросовѣстно задачу опредѣленія степени дѣйствительной нужды въ пособіи, отдѣльныхъ домохозяевъ, въ пострадавшихъ отъ неурожаевъ частяхъ уѣзда.

Недостатокъ въ соотвѣтственной организаціи дѣла законъ желаетъ восполнить, повидимому, обиліемъ регламентаціи и опеки. Крестьянскія общества поставлены подъ полную опеку земства. Сельскій сходъ (de jure по крайней мѣрѣ) играетъ чисто пассивную роль въ дѣлѣ назначенія пособій, онъ не имѣетъ никакой власти ни по отношенію къ расходованію запасовъ принадлежащихъ обществу, ни по отношенію къ раздачѣ пособія. Сходъ долженъ только указать нуждающихся хозяевъ и поручиться за нихъ. Но, съ другой стороны, приговоръ схода составляетъ необходимое начало всего дѣла. Уѣздныя земства имѣютъ тоже немного распорядительной власти. Они составляютъ, по большей части, только предварительныя соображенія о размѣрахъ потребныхъ въ теченіи года расходовъ на продовольствіе. Разрѣшенія производства такихъ расходовъ зависятъ отъ губернскаго собранія (за исключеніемъ только расходованія первой половины общественныхъ сельскихъ запасовъ, предоставленнаго власти уѣздныхъ земскихъ собраній). Исполнительныя дѣйствія по выдачѣ ссудъ лежатъ на обязанности уѣздныхъ и губернской управъ. Дѣятельность ихъ оставлена самыми скрупулезными правилами—на бумагѣ по крайней мѣрѣ; законъ и разныя дополнительныя къ нему «инструкціи» требуютъ отъ земскихъ управъ производства цѣлыхъ дознаній о каждомъ случаѣ потребности въ ссудѣ, съ мѣстными изслѣдованіями, осмотрами и чуть ни обысками и выемками. Все это съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить, какія именно домохозяева дѣйствительно нуждаются въ ссудѣ. На дѣлѣ вся эта скрупулезная провѣрка дѣлается почти совсѣмъ мнимою, въ особенности, когда, при общихъ бѣдствіяхъ, районы помощи оказываются очень обширными. На мѣсто ея практика установила постепенно болѣе упрощенный процессъ: «запросъ» съ одной стороны и «урѣзыванія» съ другой. Окончательные результаты этого процесса обу-

словиваются разными случайностями, но, конечно, они едва-ли могут обеспечивать интересы не только идеальной, но и самой элементарной справедливости.

Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь во всѣ детали организации продовольственнаго дѣла. Ограничимся только немногими примѣрами для выясненія внутреннихъ противорѣчій въ этой организации, благодаря которымъ практика дѣла очень мало отвѣчаетъ общей идеѣ, положенной въ его основу.

Такъ, мы видѣли, что основнымъ правиломъ при выдачѣ пособій является назначеніе ихъ *отдѣльнымъ лицамъ*, отдѣльнымъ домохозяйствамъ. Изъ какого-бы источника пособія не производились, органы уѣзднаго или губернскаго земства должны имѣть дѣло непосредственно съ нуждающимися крестьянскими семьями. Выдача ссуды *цѣлымъ обществамъ* и поголовное ихъ распределеніе строго воспрещается.

• Но рядомъ съ этими постановленіями, мы находимъ и другія, которыя низводятъ ихъ *практическое значеніе* почти къ нулю. Именно мы говоримъ о *круговой поруцѣ* сельскаго схода, составляющей *conditio sine qua non* разрѣшенія пособій.

Какъ-бы ни смотрѣть на круговую поруку вообще, она всегда является обязательствомъ, соотвѣствующимъ извѣстному праву. Солидарная отвѣтственность общины предполагаетъ и самостоятельность ея въ распоряженіи тѣмъ дѣломъ, за которое она отвѣчаетъ. Налагая на сельское общество общую отвѣтственность въ исправномъ взносѣ податей, на примѣръ, законъ не вмѣшивается уже во внутреннее распределеніе податной тягости между членами общества. Въ данномъ случаѣ дѣло стоитъ не такъ. Общество должно принять на себя *только отвѣтственность* за своихъ неисправныхъ плательщиковъ; никакого соотвѣстнаго права оно не получаетъ, развѣ только право указать земству домохозяевъ, нуждающихся въ пособіи. Незнаю, какую Аркадію нужно предполагать, вмѣсто реального крестьянскаго міра, нерѣдко руководимаго нѣсколькими кулаками и міроѣдами, чтобы вѣрить въ возможность самоотверженнаго ручательства сельскихъ богачей за захудалыхъ недоимщиковъ и безъ того обремененныхъ долгами. На самомъ дѣлѣ, послѣ самой тщательной провѣрки подлежащими властями нужды въ пособіи тѣхъ или другихъ хозяевъ и послѣ опредѣленія суммы, необходимой именно для этихъ хозяевъ, сумма эта, въ большинствѣ случаевъ, передѣляется міромъ по своему.

И, можетъ быть, къ лучшему, что передѣляется. Конечно, бѣдняку при этомъ достанется гораздо менѣе, чѣмъ ему нужно, но

безъ этого, можетъ быть, и совсѣмъ-бы ничего не досталось: вѣдь законъ нигдѣ не ограждаетъ его права на полученіе пособія, если этого не захочетъ міръ. Мірской приговоръ—необходимое условіе полученія пособія, не захочетъ міръ дать такого приговора—и бѣднѣе трижды успѣетъ умереть съ голода прежде чѣмъ кто-нибудь придетъ къ нему на помощь. Въ самомъ дѣлѣ, представьте на минуту, что существуетъ сельское общество, строго слѣдующее указанію закона и не пользующееся ни копейкой продовольственной ссуды для иныхъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, на какія она выдана; представьте далѣе, что общество это (какъ теперь зачастую мы видимъ) вовсе не проникнуто духомъ общинной солидарности и не желаетъ платиться за тѣхъ, съ кого взять нечего,—и подумайте какая участь ожидаетъ захудалыя и голодающія семьи въ этомъ обществѣ. Вынудить отъ общества приговоръ онѣ не могутъ, а безъ приговора никакого пособія не видать ибо, повторяемъ, законъ, тщательно регулируя начала пособій *лицамъ*, а не *обществамъ*, только самый первый шагъ въ дѣлѣ, самое возбужденіе вопроса о пособіи поставилъ въ безконтрольную и безапелляционную зависимость отъ сельскаго схода.

Такимъ образомъ, разсматривая роль перваго, начальнаго звена въ цѣпи учрежденія народнаго продовольствія—сельскаго схода—мы наталкиваемся уже на крупное противорѣчіе. Такія противорѣчія встрѣчаются и на слѣдующихъ ступеняхъ, а въ послѣднее время практика продовольственнаго дѣла приняла такое направленіе, которое значительно сближаетъ съ ролью сельскаго схода и роль высшаго мѣстнаго органа продовольственнаго дѣла—губернскаго земства.

Мы уже упоминали о *земской круговой поруки* по ссудамъ изъ общаго продовольственнаго капитала. Въ прошломъ году только на условіи такой круговой поруки разрѣшены были ссуды харьковскому и казанскому губернскимъ земствамъ. Отвѣтственность за выданное пособіе должна было падать на всѣхъ земскихъ плательщиковъ безъ различія; заносъ въ свою раскладку сумму подлежащей возврату ссуды, въ срокъ назначенный въ условіяхъ выдачи (одинъ годъ), земство получило затѣмъ право вѣдаться съ крестьянами-недоимщиками по своему усмотрѣнію. При установленіи такого правила, вѣроятно, имѣлись въ виду двѣ цѣли, сами по себѣ весьма почтенныя: во-1-хъ, предохраненіе общаго продовольственнаго капитала отъ истощенія, грозящаго ему при выдачахъ ссудъ населенію, которое не въ силахъ исправно возвращать ихъ; во-2-хъ, стремленіе переложить часть тягости съ крестьянъ на другіе, болѣе состоятельные классы населенія.

Но если первая изъ этихъ цѣлей и могла быть достигнута такимъ путемъ, то только крайне дорогою цѣною; что-же касается второй, то здѣсь новая мѣра достигала скорѣе противоположнаго результата.

По существующимъ законамъ о земскомъ представительствѣ, въ земскихъ собраніяхъ всего менѣе представлены тѣ классы населенія, которые могутъ нуждаться въ продовольственныхъ ссудахъ. Крестьяне находятся въ меньшинствѣ въ большей части уѣздныхъ земствъ, въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ (за немногими исключеніями) они совсѣмъ отсутствуютъ. Между тѣмъ, именно губернскія-то собранія и являются рѣшающею инстанціею въ дѣлѣ испрошенія продовольственныхъ ссудъ. Въ настоящее время, при сословной организаціи дѣла, большинство губернскихъ гласныхъ не заинтересованы въ немъ ни съ какой стороны. Со введеніемъ новой мѣры такая заинтересованность явится, но въ какомъ смыслѣ? Имущимъ и въ то-же время власть имѣющимъ классамъ придется за чужую нужду расплачиваться собственными средствами. Чѣмъ настоятельнѣе будетъ нужда, чѣмъ раззореннѣе будетъ тѣ крестьяне, для которыхъ испрашивается ссуда, тѣмъ болѣе риска будетъ для поручителя поплатиться за свое поручительство и тѣмъ ту же, конечно, это поручительство будетъ даваться. Если земскія собранія рѣшительно отклонили предложеніе установить небольшой общій сборъ на обезпеченіе продовольствія, то можно-ли полагать, что они согласятся на экстренныя, часто очень крупныя контрибуціи, соразмѣряемыя не съ платежными средствами земскихъ плательщиковъ, а со степенью нужды крестьянскаго населенія.

Мы думаемъ, что установленіе круговой земской поруки, какъ *conditio sine qua non* пособія изъ общаго капитала, поведетъ къ тому, что большинство земскихъ собраній останется глухо къ самой вопіющей нуждѣ крестьянства. Дѣйствительно, расходы изъ общаго продовольственнаго капитала сократятся, но зато выростутъ расходныя статьи по другому бюджету—именно по бюджету смертности нуждающагося населенія.

Но допустимъ, что мы ошибаемся; допустимъ, что гражданское чувство пересилитъ въ массѣ земскихъ представителей голосъ матеріальныхъ интересовъ; и цифра испрашиваемыхъ пособій будетъ опредѣляться въ размѣрахъ дѣйствительной потребности, безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, кому именно придется за эти пособія расплачиваться. Насколько облегчится положеніе нуждающихся, вслѣдствіе вынужденнаго за нихъ поручительства?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить

прежде всего, что нормальная форма продовольственнаго пособия есть *краткосрочная ссуда*. И сама по себѣ эта форма, какъ мы видѣли выше, весьма тяжела для прибѣгающихъ къ пособиямъ. Почти всегда заемщики нуждаются въ отсрочкахъ, дать или не дать которыя зависятъ отъ «усмотрѣнія» земства. Представьте-же теперь, что земство, разсрочивающее ссуды недоимщикамъ, напередъ уже внесло ихъ въ казну и разсрочиваетъ свои собственныя деньги. Прибавляетъ-ли это шансы гуманнаго и снисходительнаго отношенія къ заемщикамъ?

Но и помимо этого, заемщики вѣдь и сами земскіе плательщики и въ качествѣ таковыхъ участвуютъ въ ручательствѣ за самихъ себя. Имъ приходится уплачивать часть ссуды *дважды*: одинъ разъ, въ видѣ прибавки къ общей земской раскладкѣ для уплаты правительству, а другой разъ уже для погашенія своего долга земству. Конечно, излишняя переплата имъ будетъ возвращена или правильнѣе зачтена въ счетъ будущихъ платежей. Но едва-ли можно считать «облегченіемъ» уплату въ тяжелый годъ, когда дорогъ каждый грошъ, въ счетъ будущихъ, когда, раздѣлавшись съ долгомъ, несчастный заемщикъ можетъ вздохнуть свободнѣе.

Таковы ненормальныя стороны въ общей постановкѣ нашего продовольственнаго дѣла, обнаруживающіяся уже при обзорѣ однихъ постановленій закона и установившейся практики по этому предмету. Но эта ненормальность выступить еще рѣзче, если обратиться къ фактамъ, имѣющимъ мѣсто въ такихъ губерніяхъ, которыя, какъ Казанская, имѣли несчастіе нѣсколько разъ подвергаться неурожаемъ, а слѣдовательно и испытывать надобность въ крупныхъ пособияхъ изъ продовольственныхъ фондовъ.

Если, какъ мы видѣли, продовольственные источники вообще недостаточны, то у насъ они почти совсѣмъ отсутствуютъ. Кое-какая наличность имѣется еще въ *общественныхъ* запасахъ и капиталахъ. Къ концу послѣдняго земскаго отчетнаго года (1 сентября 1883 г.) состояло на лицо около $\frac{1}{8}$ всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ (40/т. четв. озимыхъ и 30/т. четв. яровыхъ) и до $\frac{1}{4}$ денежныхъ сельскихъ капиталовъ (560 т. руб.). Остальная масса общественныхъ фондовъ, денежныхъ и натуральныхъ, числились въ долгу за населеніемъ. Но сельскія общественныя средства составляютъ собственность *отдѣльныхъ обществъ* и могутъ быть употреблены только на потребности тѣхъ сельскихъ обществъ, которымъ принадлежать. По этому приведенныя цифры объ имѣющейся (хотя и незначительной) наличности этихъ средствъ значать

только, что *нѣкоторыя общества* имѣютъ собственныя средства, а ни какъ не то, что сельское населеніе *губерніи вообще* располагаетъ извѣстною суммою свободныхъ продовольственныхъ фондовъ: для нуждающихся деревень присутствіе запасовъ или капиталовъ у ихъ сосѣдей никакого значенія не имѣетъ.

Фондомъ для удовлетворенія общей нужды служитъ *губернскій продовольственный капиталъ*. Этого капитала имѣлось къ 1 сен. на лицо (изъ значащихся по счетамъ 462 тыс. руб.), на удовлетвореніе потребностей всего голодающаго населенія, 1.500 рублей. Сопоставьте это съ цифрою заявленной нужды въ 708.000 р. и вы получите представленіе, какими *мѣстными* средствами располагаемъ мы для борьбы съ угрожающимъ голодомъ.

Такимъ образомъ, почти всѣ *мѣстныя* продовольственныя средства состоятъ въ долгу за населеніемъ. Но, кромѣ того, крестьянство Казанской губерніи обременено громадными долгами и въ общій продовольственный капиталъ. Всего продовольственныхъ долговъ на всѣхъ крестьянскихъ обществахъ губерніи числилось къ 1 сентября 1883 г. деньгами до 3.000,000 р. и хлѣбомъ около 500,000 четвертей.

Распредѣлена между населеніемъ губерніи эта громадная сумма долга крайне неравномѣрно; такъ что задолженность *нѣкоторыхъ мѣстностей* поражающая. У меня нѣтъ подъ руками данныхъ за послѣдній годъ, привожу поэтому примѣры, относящіеся къ двумъ предшествовавшимъ. Такъ, изъ отчета губернской управы за 1881 г. видно, что $\frac{1}{8}$ часть всей суммы продовольственнаго долга къ концу этого года лежала на населеніи только 2 волостей (Чистопольскаго уѣзда), численность которыхъ не превышала $\frac{1}{100}$ части всего населенія губерніи; да и въ этихъ двухъ волостяхъ почти вся тяжесть долга падала лишь на 6 татарскихъ деревень. Въ половинѣ 1882 г. въ губерніи было 92 селенія, въ которыхъ цифра продовольственнаго долга составляла отъ 15—30 р. на «ревизскую душу». Теперь такихъ селеній, конечно, болѣе и максимальныя цифры долга, вѣроятно, много повысились.

Вглядываясь въ данныя о распредѣленіи продовольственныхъ долговъ между крестьянами нашей губерніи, всего болѣе поражаетъ *этнографическою* неравномѣрностью въ этомъ распредѣленіи. Это уже особенность такихъ губерній, какъ наша и другія, населенныя разноплеменнымъ населеніемъ.

Въ Казанской губерніи, кромѣ русскаго населенія, живетъ и масса населенія инородческаго. Наиболѣе многочисленны среди этого населенія чуваша, татары, черемисы; затѣмъ попадаются еще вотяки, мордва и пр. Вообще для этнографа наша губернія

представляетъ обильное поле наблюдений. Всѣ эти племена разнятся между собою по своему хозяйственному складу, нравамъ, привычкамъ. Особенно рѣзко выдѣляются татары. Племя это вообще очень любопытное, любопытное по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ и по своимъ судьбамъ. Когда-нибудь я попрошу у васъ позволенія поговорить специально о злоключеніяхъ этихъ былыхъ властителей казанской территоріи и о большихъ мѣстахъ нашего инородческаго и иновѣрческаго вопроса; теперь же, чтобы не отвлекаться въ сторону, замѣчу только, что и въ хозяйственномъ складѣ татаръ есть немало хорошихъ чертъ, но собственно какъ *земледѣльцы* они оказываются наименѣ устойчивыми среди всѣхъ племенъ, обитающихъ въ губерніи. Въ послѣдніе тяжелые годы хозяйство татаръ (и прежде не блестящее) падало съ ужасающею быстротой. Въ то время, какъ болѣе «крѣпкіе землѣ» русскіе и чувашіе поступались скорѣе своимъ *жизненнымъ*, чѣмъ *хозяйственнымъ* standart of life и до послѣдней крайности старались удержаться въ положеніи самостоятельныхъ хозяевъ, татары болѣею частію шли инымъ путемъ. Слѣдя за процессомъ обнищанія русскихъ и чувашскихъ деревень, мы видимъ, что населеніе только постепенно, шагъ за шагомъ сдавалось гнетущей нуждѣ; сначала отказываясь отъ такихъ принадлежностей хозяйства, которыя необходимы для достаточнаго *потребленія*, а потомъ уже отъ такихъ, которыя нужны для *производства*. Встрѣтить хозяйства *безлошадныя* съ коровой, у крестьянъ чувашъ или русскихъ можно только за рѣдкость. У татаръ ихъ много. Точно также и съ землей татары разставались гораздо легче, чѣмъ другіе крестьяне. «Власть земли» у бывшихъ кочевниковъ гораздо менѣ сильна, чѣмъ у исконнаго, традиціонно земледѣльческаго населенія. Гораздо болѣе подвижны, чѣмъ ихъ сосѣди, татары, при неудачахъ дома, сдавали свои надѣлы въ наемъ, распродавали инвентарь и шли искать счастья на сторонѣ. Въ результатъ всего этого явился полный хозяйственный упадокъ огромной части татарскихъ селеній и накопленіе за ними неоплатныхъ долговъ въ продовольственные капиталы. Продовольственныхъ ссудъ татары добивались настойчивѣе, чѣмъ крестьяне другихъ племенъ, и настойчивость ихъ по большей части достигала результатовъ.

Теперь положеніе задолженныхъ татарскихъ (да и не татарскихъ только) селеній таково, что они еще очень долго не въ состояніи будутъ расквитаться долгомъ. Поднять земледѣльческое хозяйство тамъ, гдѣ чуть не половина домохозяевъ совершенно лишились необходимаго хозяйственнаго инвентаря, гдѣ многіе совсѣмъ побросали надѣлы или сдаютъ изъ года въ годъ значи-

чельную долю ихъ, гдѣ населеніе сверхъ продовольственныхъ долговъ опутано еще массою долговъ частныхъ, — представляется задачей очень нелегкою и во всякомъ случаѣ требующею значительнаго промежутка времени. Въ теченіи этого времени нельзя же вѣдь предоставить опустившемуся хозяйственно населенію вымирать постепенно съ голода, если-бы даже и дѣйствительно только по легкомыслію, какъ увѣряютъ нѣкоторые, оно дошло до такого обѣднѣнія.

Продовольственная помощь задолженнымъ селеніямъ, и помощь очень крупная, будетъ необходима въ неурожайные годы, а при запущенности земли неурожаи для нихъ представляются болѣе вѣроятными, чѣмъ для населенія болѣе «хозяйственнаго».

Но съ другой стороны, при столь рѣзкой разницѣ въ хозяйственномъ складѣ разноплеменнаго крестьянства, справедливо ли и возможно возлагать тягость поддержки одной части крестьянъ на другую, положеніе которой тоже очень не блестяще, и которая, быть можетъ, весьма дорогою цѣною заплатила за свою теперешнюю меньшую задолженность; справедливо-ли привлекать эти двѣ части населенія къ круговой и взаимной отвѣтственности другъ за друга потому только, что онѣ находятся въ предѣлахъ одной губерніи? Поддержка обнищавшаго населенія, разложенная на большое число единицъ, будетъ для нихъ мало чувствительна, но сосредоточенная на крестьянствѣ мѣстномъ только — она падетъ на него непосильнымъ бременемъ, если даже это бремя раздѣлять съ нимъ и другіе земскіе плательщики. При нынѣшней системѣ земскаго обложенія и земскаго представительства *главными* земскими плательщиками, во всякомъ случаѣ, явятся крестьяне.

Такимъ образомъ, мы наталкиваемся здѣсь во очію на безвыходное противорѣчіе, создаваемое тѣмъ стремленіемъ *локализовать* обязанности продовольственной помощи, которое замѣчается въ направленіи продовольственнаго дѣла, особенно за послѣднее время.

Кромѣ упомянутыхъ причинъ *этнографическаго* свойства, на распредѣленіе продовольственныхъ средствъ между населеніемъ губерніи повліяло и различіе во взглядахъ на дѣло у заправляющихъ классовъ въ различныхъ уѣздныхъ земствахъ. Земства съ преобладаніемъ помѣщичьяго элемента оказывались вообще гораздо скупѣе (даже и на чужія деньги) въ отношеніи опредѣленія пособій, чѣмъ уѣзды, гдѣ помѣщичій элементъ представленъ слабо. Наконецъ, не малую роль игралъ и просто случай. Дѣло въ томъ, что крупныя бѣды почти всегда заставляли насъ не подготовленными.

Чтобы не ходить за примѣрами далеко, припомнимъ, какъ происходило дѣло въ прошломъ году.

Хотя еще ранней весной можно было судить съ достовѣрностью, что урожай ржи будетъ самый плохой, и что въ значительной части губерніи его не хватитъ даже на сѣмяна, губернская управа только позднимъ лѣтомъ могла получить изъ уѣздовъ сколько-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія о размѣрѣ пособій, необходимыхъ для *обстмененія* полей. По нашему земледѣльческому календарю посѣвъ ржи кончается къ половинѣ августа, между тѣмъ только 5 іюля собралось экстренное земское собраніе, чтобы разсуждать о томъ, сколько нужно просить для этого пособій изъ общаго продовольственнаго капитала. Собралось — и разѣхалось чрезъ день, не покончивъ обсужденія вопросовъ, для которыхъ было созвано. По счастью, еще въ первый-же день успѣли рѣшить главный вопросъ объ общей цифрѣ испрашиваемаго пособія. Рѣшили, почти гадая, ибо никакихъ, сколько-нибудь прочныхъ, опорныхъ данныхъ не имѣлось.

7 августа (т. е. за недѣлю до окончанія времени сѣва) управа получила увѣдомленіе о цифрѣ разрѣшенной ссуды и объ условіяхъ, на которыхъ она была разрѣшена.

При подобныхъ условіяхъ могла-ли быть и рѣчь о соблюденіи для раздачи пособій тѣхъ скрупулезныхъ правилъ, которыя находятся въ Положеніи и разныхъ дополнительныхъ къ нему инструкціяхъ и постановленіяхъ.

Однимъ изъ главныхъ условій, на которыхъ была разрѣшена казанскому земству ссуда изъ общаго продовольственнаго капитала, являлась *общеземская круговая порука*. Просимыя земствомъ 590 т. даны были съ тѣмъ, чтобы ссуда эта «возмѣщена была подъ отвѣтственностью губернскаго земства путемъ внесенія оной въ земскую роспись обязательныхъ расходовъ, съ правомъ производить взисканіе ссуды съ крестьянъ по усмотрѣнію земства и при томъ условіи, чтобы возвратъ дѣлаемого воспособленія былъ совершенъ изъ перваго, по возможности, урожая и не позже 1-го января 1885 г.»

Относительно смысла приведеннаго распоряженія, дѣйствительно не вполнѣ яснаго, между мѣстной администраціею и губернскимъ земствомъ возникло разногласіе. Начальникъ губерніи, основываясь на буквальномъ смыслѣ приведеннаго мѣста, требовалъ внесенія въ земскую раскладку полученной ссуды *теперь же*, съ начала наступающаго года; губернское земское собраніе, ссылаясь тоже на буквальный смыслъ распоряженія о ссудѣ и на общія постановленія о поручительствѣ находило, что обязанность его

уплачивать ссуду возникнетъ только *по окончаніи* смѣтнаго 1884 г., когда выяснится, что непосредственные заемщики не въ состояніи внести полученнаго пособия до будущаго урожая. Мы не беремъ рѣшать: кто правѣе въ этомъ разногласіи; но не можемъ не обратить вниманія только на *послѣдствія* такого толкованія условій ссуды, на которомъ настаиваетъ мѣстная администрація. Бюджетъ губернскаго земства на *молодный годъ* долженъ возрасти *почти вдвое* (земство воспользовалось только частью разрѣшенной ссуды, если-бы оно воспользовалось всею, бюджетъ его увеличился-бы *втрое*); независимо отъ этого, крестьяне-заемщики должны были-бы уплатить то, что они получили. Двойные поступления зачислѣ-бы за счетъ будущаго, быть можетъ, гораздо менѣе тяжелаго года. Если принять во вниманіе, что и *нормальная* земская смѣта представляется для населенія вовсе не легкою и что главными плательщиками по ней являются крестьяне (которымъ принадлежить 60% всѣхъ земель въ Казанской губ.), то можно представить, какихъ «экстренныхъ мѣръ понужденія» потребовало-бы взисканіе двойной или тройной раскладки въ годы, когда крестьянинъ не знаетъ, чѣмъ ему и прокормиться.

Тяжелыя условія ссуды отразились уже при выдачѣ пособій на обмѣненіе. Раздача была начата, когда большинство уѣздныхъ земствъ узнало, какимъ образомъ должны возвращаться розданныя деньги. Во многихъ мѣстностяхъ раздача пошла съ этого момента рѣзко иначе. Вместо предположенныхъ 590 т., роздано было только 212 т. Крушная экономія была достигнута, какой цѣной—объ этомъ мы узнаемъ въ будущемъ году.

Но вліяніе *новой постановки* продовольственнаго дѣла должно сказаться особенно на будущемъ и притомъ на ближайшемъ-же будущемъ; именно на разрѣшеніи вопроса о томъ, какъ прокормить населеніе, которому грозитъ голодъ въ текущемъ году.

Очередное декабрьское земское собраніе отложило этотъ вопросъ до экстреннаго, которое назначено на 1 марта. До весны, какъ надѣются, острой голодовки не будетъ; хотя уже теперь доносятся съ разныхъ концовъ губерніи не добрые слухи. Собраніе рѣшило только ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи употребить остатокъ отъ данной въ прошломъ году ссуды (377 т. руб.) на прокормленіе, на условіяхъ возврата обыкновенныхъ, а не чрезвычайныхъ, какъ въ прошломъ году.

Какъ поступитъ собраніе, если это ходатайство его не увѣчается успѣхомъ, не беремъ предсказывать; но мы видимъ, что уже теперь, когда еще только *грозитъ* опасность подвергнуться обязательству общаго поручительства, земства двухъ уѣздовъ, сильно

пострадавшихъ отъ неурожая (Лаишевскаго и Спасскаго, въ которыхъ преобладаетъ элементъ помѣщичій), рѣшительно отказались пользоваться ссудами изъ общаго продовольственнаго капитала и условіемъ крайне незначительнаго пособия, испрашиваемаго ими, поставили выдачу его изъ губернскаго капитала (т. е. *безъ общей поруки*).

Вообще обстоятельства сложились такъ, что вопросъ о прокормленіи населенія въ нынѣшнемъ году пріобрѣтаетъ очень и очень тревожный характеръ.

Но какъ-бы ни былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, еслибы мы и вполне благополучно прожили тяжелый годъ, нельзя не подумать о будущемъ. Настоятельно необходимо принять какія-нибудь мѣры, чтобы устранить самую возможность повторенія такихъ кризисовъ, какъ переживаемый нами теперь. Необходимо пересмотрѣть и тотъ порядкомъ заржавѣвшій аппаратъ, который предназначенъ для помощи въ критическихъ случаяхъ. Вся постановка продовольственнаго дѣла нуждается въ коренномъ обновленіи. Въ нашей бѣглой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса, на какихъ именно началахъ должно быть произведено такое обновленіе. Но во всякомъ случаѣ разработка такихъ новыхъ началъ должна быть дѣломъ *земскимъ* и притомъ *общеземскимъ*. Какіе результаты приносятъ, въ послѣднемъ счетѣ, канцелярскимъ путемъ составленные проекты преобразованій, при всѣхъ ихъ благихъ намѣреніяхъ, мы видѣли уже достаточно ясныя примѣры.

Затѣмъ.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

Руфина Каздоева. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть первая. (Гл. I—VII) .	<i>Е. Ардова.</i>
Кавказскіе горы. (Изъ лѣтнихъ экскурсій)	<i>Я. В. Абрамова.</i>
Безсонныя ночи. Стихотвореніе	<i>Омулевскаго.</i>
Чѣмъ жизнь красна. Романъ Эмиля Золя. Переводъ	<i>А. Москвина.</i>
Три мѣсяца въ Бретани	<i>Н. С. Русанова.</i>
Бабій бунтъ. Драматическія картины въ пяти дѣйствіяхъ	<i>А. И. Эртеля.</i>
Поэту. Стихотвореніе	<i>Л. Пальмина.</i>
Вождь. Разсказъ	<i>Генриха Сенкевича.</i>
Прорачество Стихотвореніе	<i>П. Ф. Якубовича.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И. С. Тургеневъ. (Литературная характеристика)	<i>К. М. Григорьева.</i>
Новости иностранной литературы	<i>Л. М.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. Ш.</i>
Туманныя стороны англійской политики. (Политическая и социальная хроника).	<i>Жикà.</i>
По поводу статьи «Обыкновеннаго Читателя»	<i>Николая Грота.</i>
Отвѣтъ г. Гроту	<i>Обыкновеннаго Читателя.</i>
О случайности въ жизни и исторіи	<i>Н. Карьева.</i>
Письма изъ провинціи: Письмо первое.	<i>Занъжаго.</i>

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

В О ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУР- НАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Вейнмана, съ рисунками Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова, Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ *Фр. Шпилмагена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюго*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вѣтъ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Липпева*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потѣгина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Залиски военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра И. П. Айрленда, съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Россея Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюль Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Готт. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки); пересылка на счетъ выписывающихъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

Сочиненія ПАВЛА ЯКУШКИНА.

(I. Разказы и очерки; II. Путевыя письма; III. Народныя стихи и пѣсни). Съ портретомъ автора, его біографіею, С. В. Максимова, и товарищескими о немъ воспоминаніями: П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лѣскова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина.

Изданіе Вл. МИХНЕВИЧА. 830 стр. in 8 убористой печати. 4 р. 30 к., пересылка за 3 ф.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Вл. Михневича:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Томъ I-й. Очеркъ Исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи (I. До-христіанская старина; II. Византійско-московская тишина; III. Шпильманская хитрость изъ-за моря; IV. Опереточный вѣкъ; V. Кавось и его время). 1879 г. 310 стр. in 8° Ц. 2 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Томъ II-й. Народная копилка Христа ради.—Исторія русской бороды.—Исторія одного проклятаго вопроса.—Объединители.—Пляска на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ.—Извращеніе народнаго пѣснотворчества. 1882 г. 430 стр. in 8° Ц. 2 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Готовится къ печатанію III-й т. «Истор. Этюдовъ»: «Русская женщина XVIII столѣтія».

Варшава и варшавяне.

Наблюденія и замѣтки: I. Вступительн. замѣтки.—II. Значеніе Варшавы, польско-національное и обще-славянское. — III. Варшава, какъ городъ.—IV. Варшавяне.—V. Варшавская общественная жизнь.—VI. Прошлое польскаго театра.—VII. Современ. польская комедія. — VIII. Варшав. театры и музеи.—IX. Крашевскій и его юбилей.—X. Чего хотятъ и куда идутъ привислян. поляки? — XI. Последнее слово польской исторической науки. — XII. Варшавская журналистика. 1881 г. 215 стр. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

Въ петербургскомъ омутѣ.

Романъ-фельетонъ изъ временъ войны 1877 года. Изд. второе. 1879 г. 420 стр. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

Мы, вы, они, онѣ.

Юмористическіе очерки и шаржи, въ трехъ серіяхъ: I. Отголоски изъ временъ войны. II. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Дачныя картинки. 1879 г. 415 стр. Цѣна 1 р. 60 к., пер. за 1 ф.

Готовится къ печати того-же автора слѣд. книги: 1) «Словарь современниковъ» съ 50-ю портретами — каррикатурами, и 2) «Язвы Петербурга», опытъ нравственной статистики столичнаго населенія.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ у автора: Спб., Измайловскій п., Троицкій пр., № 6. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Выписывающіе не менѣе пяти экземпляровъ cadaго изданія пользуются уступкой 20 проц.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продается
новая книга:

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА.

Очерки и рассказы А. Эртеля, въ двухъ томахъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Мое знакомство съ Батуринымъ. I. Степная Сторона. II. Подъ шумъ вьюги. III. Отъ одного корня. IV. Два помѣщика. V. Мужичекъ Сигнѣй и мой сосѣдь Чухвостиковъ. VI. Визгуновская экономія. VII. Баринъ Листарки. VIII. Мои домочадцы. IX. Се- рафимъ Ежиковъ. X. Земецъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

XI. Криворожье. XII. Жолтиковъ. XIII. Поплешка. XIV. Липяги. XV. Идиллія. XVI. Иностранецъ Липатка и помѣщикъ Гудѣль- кинъ. XVII. Офицерша. XVIII. Послѣднія времена. XIX. Кроко- диль. XX. Addio!

Цѣна за оба тома 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 30 к.

Въ 1884 году
МОРСКАЯ ГАЗЕТА
„КРОНШТАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ:

по воскресеньямъ, средашъ и пятницамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки.		Съ доставкою и пересылкою.	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
— полг.	4 „ —	— полг.	5 „ — „
— 3 м.	2 „ — „	— 3 м.	2 „ 50 „
— 1 м.	— „ 70 „	— 1 м.	1 „ — „

Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи, при типографіи «Крон. Вѣст.», на Соборной площади, въ домѣ Никитина.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. Фену и К^о и Н. Мартынова.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

“МЕДИЦИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ”

посвященная всѣмъ бытовымъ вопросамъ врачебнаго сословія и всѣмъ отраслямъ научной и практической медицины и гигиены

(23 годъ изданія)

будеть издаваться въ 1884 году по той-же программѣ и подъ тою-же редакціей, какъ и 1883 году.

Въ составъ газеты входятъ:

- 1) Статьи по вопросамъ объ отношеніи врачебнаго сословія къ обществу, общества къ врачамъ и врачей взаимно другъ къ другу (разработка важнѣйшихъ вопросовъ русско-врачебнаго быта и изслѣдованія основныхъ его золь).
- 2) Статьи по всѣмъ отраслямъ научной медицины (включая сюда также спеціальные отдѣлы медицинскихъ знаній, не имѣющие прямого клиническаго приложенія и интереса).
- 3) Статьи по всѣмъ вопросамъ практической медицины.
- 4) Статьи научнаго и публицистическаго содержанія по вопросамъ общественнаго здравоохраненія и частной гигиены.
- 5) Критическія и библиографическія статьи: рефераты главнѣйшихъ работъ иностранной и русской медицинской прессы.
- 6) Смѣсь, библиографія, хроника, научныя новости, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, отзывы западной прессы о русскихъ медицинскихъ работахъ и пр.
- 7) Объявленія.

Авторы статей благоволятъ адресовать ихъ (въ заказныхъ письмахъ) на имя *Редактора Владиміра Владиміровича Святловскаго (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 123, кв. 4).*

Подписная цѣна на годъ съ перес. или дост. 8 р., безъ перес. и дост. 7 р. На полгода съ перес. и дост. 4 р., безъ перес. и дост. 3 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ Главной Конторѣ «Медицинскаго Вѣстника», *Николаевская ул., № 43* (при типографіи Б. Г. Ямпольскаго).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно на имя Редактора-Издателя Бориса Григорьевича Ямпольскаго (Николаевская ул., д. № 43).

Редакторъ-Издатель Б. Г. Ямпольскій.

Редакторъ В. В. Святловскій.

„Дѣло“ № 1, 1884 г. II.

1/14

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Въ 1884 г. (годъ шестнадцатый) будетъ издаваться подъ редакц. В. П. Острогорскаго, ежемѣсячными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ полнотипажамъ въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ четыре тома, болѣе 20 листовъ каждый.

ЖУРНАЛЪ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ»:

1) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ОДОБРЕНЪ для библиотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ прогимназій и гимназій, а также РЕКОМЕНДОВАНЪ для чтенія въ семействахъ“.

2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній „РЕКОМЕНДОВАНЪ Военнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ, для чтенія воспитанниковъ младшаго возраста“.

3) IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи „РЕКОМЕНДОВАНЪ для классныхъ библиотекъ женскихъ учебныхъ заведеній“.

4) Ученымъ комитетомъ при Св. Синодѣ „ОДОБРЕНЪ къ допущенію въ духовныхъ училищахъ и къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій“.

Въ журналъ помѣщаются: Небольшіе повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ, біографіи, статьи по естественной исторіи, явленія природы, путешествія, техническія производства и промыслы, занятія, игры, задачи и проч.

Приложеніе: Педагогическій Листокъ (для родителей и воспитателей). Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто Педагогическій Листокъ выходитъ не менѣе 4 разъ въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1884 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За Педагогическій Листокъ прилагается особо 1 р.

Вслѣдствіе распоряженія С.-Петербургскаго Почтамта, городскимъ подписчикамъ Педагогическій Листокъ можетъ быть доставляемъ на домъ только въ томъ случаѣ, если подписчикомъ будетъ уплачено особо 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи—въ Поварскомъ пер., д. № 13.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за прежніе года (1872, 1873, 1874 и 1875) продается въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ, составляющей два тома, пересылка за 6 фунтовъ. За 1876 г.—5 р., въ переплетѣ 6 р., пересылка за 8 ф., по разстоянію, за 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 гг. — по 6 р.; въ тисненномъ золотомъ переплетѣ 7 р. 50 к., и пересылка за 9 фун. по разстоянію.

Выписывающіе журналъ за всѣ прежніе года разомъ пользуются уступкою 10 %.

Дѣтское Чтеніе за 1869, 1870 и 1871 года все распродано.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Издатель В. П. Бородинъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

И. И. ВИЛИБИНА.

- Поль Беръ.** Лекціи по анатоміи и фізіологіи. Введеніе въ зоологію. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. 458 стр. съ 402 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ *руководство* для реальныхъ училищъ.
- Фостеръ.** Учебникъ фізіологіи; переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. 2 тома. Цѣна 7 р. 50 к.
- Эд. Б. Тайлоръ.** Антропология. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Съ рисунками съ англійскихъ клише. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Спенсеръ.** Основанія психологіи. 4 тома. Ц. 7 р., вѣсовыхъ за 4 ф.
- Спенсеръ.** Основанія соціологіи. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.
- Спенсеръ.** Основанія нравственности. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Клодь Бернаръ.** Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. (Курсъ общей фізіологіи) Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
- Тэнъ.** Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Кребсъ.** Превращенія энергіи. (Обзоръ теорій современной физики). Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Карпентеръ.** Спиритизмъ съ исторической и научной точки зрѣнія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.
- Жозефъ Бертранъ.** Курсъ теоретической ариметики. Ц. 75 к. вѣс. 1 ф.
- Робертъ Оуенъ.** Образованіе человѣческаго характера. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.
- Дж. Тиндаль.** Гніеніе и зараза. Ц. 2 р. 50 к.
- Зандеръ.** Руководство къ общественной гігіенѣ. Переводъ подъ редакціей проф. Доброславина. Ц. 1 р. 50 к.
- Сильванусъ Томпсонъ.** Электричество и магнетизмъ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра физики И. И. Боргмана. Ц. 2 р. 50 к.

Романсъ и Грантъ-Алленъ. «Виньетки съ натуры». Научныя доказательства теоріи развитія. (Рядъ очерковъ изъ жизни животныхъ и растеній). Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к., въ красивомъ переплетѣ 2 р.

Флоузъръ. Мода на уродованіе. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 60 к.

Сэже. Современная физика. Переводъ съ французскаго. Ц. 80 к.

По соглашенію съ издателемъ, подписчики „Дѣла“, выписывающіе изданія И. И. Билибина черезъ контору „Дѣло“, пользуются 20% уступки съ объявленныхъ цѣнъ. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующіе романы **Е. М. Станюковича**:

Безъ исхода. Спб. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наши нравы. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к.; съ пер. 3 руб.

Два брата. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Омутъ. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающіе черезъ Главную Контору «Дѣла» пользуются 20% уступки. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ являть объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДѢЛО

въ 1884 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДѢЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	16 > — >	9 >
Съ пересылкою иногороднымъ .	17 > — >	10 >
» за границу . .	19 > — >	11 >

4340-13
Издатель К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

Редакторъ В. П. ОСТРОГОРСКИЙ.

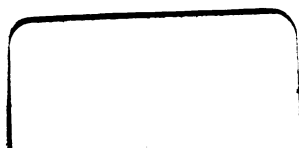

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 808